

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

О

НАПОЛЕОНЪ,

ДИРЕКТОРЪ, КОНСУЛЬСТВЪ, ИМПЕРИИ И

ВОЗСТАНОВЛЕНИИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго
С. ДЕ ШАПЛЕТЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней
Стражи.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.
С. Петербургъ, 26 Іюня 1834 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

Г Л А В А I.

Генераль Бернадотъ.—Доносы и вражда.—Трудныя порученія.
—Усмиреніе Ванден.—Прекращенное возмущеніе въ Турѣ.
—Твердость Бернадота.—Несправедливость Перваго Консула.—Принужденная похвала.—Письмо Бонапарте.—Полковникъ Либертъ.—Советъ, данный мною Бернадоту.—Благодарность Генерала.—Неудача Наполеона.—Эпоха водворенія въ Сен-Клу.—Привязанность Наполеона къ этой обители.—Сен-Клу и Тюіери.—Царская темница.—Дорога въ Мальмезонъ.—Репетиціи къ Имперіи.—Презрѣніе къ людямъ.—Республиканцы и шитые золотомъ кафтаны.—Г. Фоксъ и Бонапарте.—Взаимное уваженіе.—Извѣщенія во время войны.—Восенный объѣдъ.—Неприглашеніе Моро.—Я встрѣчаюсь съ нимъ въ рестораціи.

Достигнувъ почти половины подлежащаго мнѣ поприща, — прежде продолженія пути моего, я долженъ на нѣсколько минутъ обратиться вспять, какъ я уже неоднократно дѣлалъ

Часть V.

1

для того чтобы представить въ сей Главѣ нѣкоторыя воспоминанія, которыя меня ускользнули или нарочно были оставлены мною въ запасъ для того, чтобы помѣстить ихъ съ вещами, къ коимъ они относятся. Такимъ образомъ напримѣръ, я только мимоходомъ упомянулъ о человѣкѣ, который—сдѣлавшись Королемъ, не переставалъ удостоивать меня своей дружбы какъ то увидятъ въ послѣдствіи моихъ Записокъ, начиналъ съ роли, игранный имъ въ происшествіяхъ оснадцатаго Брюмера. Этотъ человѣкъ, котораго непостижимое стеченіе обстоятельство возвелъ на престолъ для счастія народа, имъ управляемаго,—есть Бернадотъ.

Читатели видѣли какой немилости долженъ былъ подвергнуться Генералъ Бернадотъ за то что онъ не хотѣлъ содѣйствовать замысламъ Бонапарте при ниспроверженіи Директоріи;—эта немилость осталась надолго, даже почти можно сказать навсегда послѣ происшествія, оную возродившаго. Не пропустили въ эту эпоху сдѣлать новому Консулу о Генералѣ Бернадотѣ доносы, неблагопріятные и способные усилить досаду, возбужденную въ Бонапарте его сопротивленіемъ. Первый Консулъ не посмѣлъ однакоже открыто мстить ему, но изыскивалъ всѣ случаи удалять Бернадота, приводить его въ затруднительное положеніе и дѣлать ему порученія не давая никакихъ опредѣлительныхъ

наставлений въ надеждѣ что Бернадотъ впадетъ въ ошибки, за которыя Первый Консуль могъ бы подвергнуть его отвѣтственности.

Въ первое время Консульства, роковая Вандейская война была въ самомъ пылу своемъ. Шуаны безпрестанно усиливались и эта междоусобная война гораздо болѣе тревожила Наполеона чѣмъ та, которую онъ долженъ былъ поддерживать на Рейнѣ и въ Италіи; ибо отъ успѣховъ Шуановъ могъ возникнуть, касательно внутренняго Правительства, вопросъ, коего рѣшеніе было бы неблагопріятно для видовъ Бонапарте. Онъ чувствовалъ сколь для его новаго Правительства было важно положить конецъ всякаго рода разбоямъ и разграбленію дилижансовъ, которые производили Роялистскія арміи въ Вандеѣ. Ихъ малѣйшіе успѣхи возбуждали сильное безпокойство въ пріобрѣтшихъ національныя имѣнія; а притомъ невозможно было надѣяться сближенія между Франціею и Англіею, ея вѣчною и непримиримою непріятельницею, пока этотъ вооруженный бунтъ не будетъ усмирень.

Дѣло, какъ читатели видятъ, было трудное. Посему-го Бонапарте рѣшился поручить оное Бернадоту; но примирительный духъ этого Генерала, его рыцарское обхожденіе, его склонность къ снисхожденію и счастливая смѣсь благо-разумія и твердости—доставили ему успѣхъ тамъ гдѣ другіе имѣли бы неудачу; и онъ наконецъ

возстановилъ порядокъ и повиновеніе законамъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ умирненія Вандей, возмутительное движеніе обнаружилось въ Турѣ, въ пятьдесятъ второй Полу-Бригадѣ, которая не хотѣла выступить прежде полученія заслуженнаго ею жалованья. Бернадотъ Главнокомандующій Западною арміею, нисколько не смутясь при этомъ безпорядкѣ, приказываетъ выстроить пятьдесятъ вторую Полу-Бригаду на Турской площади; послѣ чего предъ фронтомъ оной отдаетъ подъ стражу главныхъ зачинщиковъ бунта, между тѣмъ какъ никто не посмѣлъ тому воспротивиться. Карно, бывшій тогда Военнымъ Министромъ, донесъ Первому Консулу объ этомъ происшествіи, которое могло бы сдѣлаться опаснымъ безъ твердости Бернадота. Докладъ Карно содержалъ въ себѣ только простое изложеніе происшествія и дѣйствій Генерала. Наполеону угодно было найти въ нихъ предлогъ къ порицанію и онъ написалъ на полѣ доклада слѣдующія слова: «Генералъ Бернадотъ не хорошо сдѣлалъ что принялъ столь строгія мѣры противъ пятьдесятъ второй Полу-Бригады не имѣя средствъ возстановить порядокъ въ городѣ, косяго гарнизонъ не довольно силенъ для того чтобы унять взбунтовавшихся.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Первый Консулъ, узнавъ что развязка этого дѣла совсѣмъ

не та, которой онъ какъ будто боялся, и убѣдясъ что строгость Бернадота одна только могла возстановить порядокъ,—нѣкоторымъ образомъ принужденнымъ нашелся написать къ Генералу и продиктовалъ мнѣ слѣдующее къ нему письмо:

Парижъ, 11 Вандеміера XI года.

«Я съ участіемъ прочиталъ Гражданинъ Генералъ, отчетъ о томъ что вы сдѣлали для «возстановленія порядка въ пятьдесятъ второй «Полу-Бригадѣ, равно какъ донесеніе Полковника Либерта отъ 5 Вандеміера. Скажите «этому Офицеру, что Правительство довольно «его поведеніемъ и что онъ произведенъ за то «въ Бригадные Генералы. Я желаю чтобы этотъ «храбрый Офицеръ пріѣхалъ въ Парижъ: онъ «подастъ примѣръ твердости и присутствія духа, «дѣлающій честь воину.

БОНАПАРТЕ.»

Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, —Бонапартѣ чрезъ нѣсколько дней перешелъ отъ порицанія, внушеннаго ему ненавистью, къ необходимости изъявить одобреніе, что онъ впрочемъ сдѣлалъ, какъ изъ приведеннаго письма видно, съ расчитанною холодною, стараясь даже отнести похвалу прямо къ Полковнику Либерту а не къ Главнокомандующему.

Время только болѣе и болѣе усилило неприязнь Бонапартѣ къ Бернадоту; можно бы

сказать, что по мѣрѣ какъ онъ подвигался впередъ въ быстромъ своемъ ходу къ самовластію,—возрастало и его негодованіе противъ чловѣка, который отказался поддержать первые его шаги на этомъ отважномъ поприщѣ. Въ тоже время тѣ изъ приближенныхъ къ Первому Консулу, которые занимались изученіемъ науки лести, не пропускали случая дѣлать извѣты и доносы на Бернадота. Я помню что однажды, въ день публичнаго представленія въ Тюліери, я увидѣлъ Бонапарте въ такой нетерпѣливой досадѣ, что спросилъ у него о причинѣ. «Не могу больше выдержать,» отвѣчалъ онъ мнѣ съ запальчивостью, «я рѣшился отдѣлать сегодня Бернадота. Онъ вѣрно здѣсь будетъ. Я выскажу ему все, что бы ни произошло; пусть онъ дѣлаетъ что хочетъ; но мы увидимъ. Пора ужъ это кончить.»

Я никогда еще не видалъ Перваго Консула столь разгоряченнымъ, какъ въ этотъ день; онъ такъ былъ сердитъ, что я боялся минуты представленія. Когда онъ отправился въ большую залу, то я сошелъ туда прежде его, что мнѣ было легко сдѣлать, ибо она находилась подлѣ самаго кабинета. Къ счастью, первый чловѣкъ, котораго я увидѣлъ, былъ Бернадотъ; онъ стоялъ одинъ у окна, выходящаго на Карусельную площадь. Поспѣшно прошедъ чрезъ залу я подошелъ къ нему: «Генераль,» сказалъ я ему, «послушайте меня,

уйдите отсюда; я имѣю основательныя причины вамъ это совѣтовать.» Бернадотъ, видя мою чрезвычайную торопливость и зная искреннія чувства уваженія и дружбы, мною къ нему питаемая,—согласился удалиться, и я счелъ это торжествомъ; ибо мнѣ довольно была извѣстна искренность характера Бернадота и щекотливость его на счетъ чести для того чтобъ быть увѣреннымъ, что онъ не перенесетъ сильной выходки, которую Бонапарте намѣревался противъ него сдѣлать. Хитрость моя имѣла весь успѣхъ, котораго я отъ нея ожидалъ. Первый Консуль не возмимѣлъ никакого подозрѣнія и замѣтилъ только что жертва у него ускользнула. По окончаніи представленія, онъ сказалъ мнѣ: «Какъ тебѣ покажется, Буріеннъ? Бернадотъ не пріѣхалъ.—Тѣмъ лучше для него, Генераль.»—Это не имѣло никакихъ послѣдствій. Первый Консуль, воротясь отъ Іозефины, нашелъ меня у себя въ кабинетъ и слѣдовательно не могъ ни въ чемъ меня подозрѣвать; притомъ же я употребилъ не больше пяти минутъ на извѣщеніе Бернадота. Могу сказать, что въ полѣдствіи Бернадотъ всегда былъ чрезвычайно какъ мнѣ благодаренъ за доказательство дружбы, изъявленное мною ему при этомъ затруднительномъ случаѣ. Истинно скажу, что по расположенію ума, котораго я самъ себѣ не могу объяснить, чѣмъ больше я видѣлъ воз-

растающую къ нему ненависть Бонапарте, тѣмъ сильнѣе я увлекался дружбою къ благородству его характера.

Случай, мною описанный относится къ веснѣ 1802 года. Въ эту эпоху Первый Консулъ поселился въ Сен-Клу. Онъ очень любилъ это пребываніе ибо былъ тамъ свободнѣе чѣмъ въ Тюліери, коего дворецъ, дѣйствительно есть не иное что какъ Царская темница, гдѣ Государю невозможно даже подышать чистымъ воздухомъ безъ того чтобы тотчасъ не сдѣлаться предметомъ любопытства публики, которая собирается многочисленными толпами. Въ Сен-Клу напротивъ того, Бонапарте могъ прогуливаться вышедъ изъ своего кабинета и продолжить свою прогулку не будучи обезпокоиваемъ просителями. Однимъ изъ первыхъ его попеченій было поправить проселочную дорогу, ведущую изъ Сен-Клу въ Мальмезонъ; Бонапарте проѣзжалъ это пространство верхомъ въ четверть часа. Эта близость загороднаго дома, который онъ очень любилъ, дѣлала ему пребываніе въ Сен-Клу еще болѣе пріятнымъ.

Въ Сен-Клу Бонапарте сдѣлалъ, если можно такъ выразиться, первыя репетиціи къ великой драмѣ Имперіи; тамъ онъ началъ вводить въ наружныя свои формы, привычки и этикетъ, напоминавшія Королевскіе обряды. Онъ скоро увидѣлъ какое вліяніе можетъ произвести на

общую громаду людей, пышность церемоній, блескъ представленій и богатство одеждъ. «Какъ люди,» говариваль онъ мнѣ тогда, «достойны того презрѣнія, которое они мнѣ внушаютъ! Всѣхъ этихъ добродѣтельныхъ Республиканцевъ стоитъ только одѣть въ шитые золотомъ кафтаны и они мои.»

Я помню что однажды, послѣ одной изъ этихъ частыхъ выходовъ, обнаруживавшихъ презрѣніе его къ роду человѣческому, я замѣтилъ ему, что если эти игрушки и возбуждаютъ такое сильное удивленіе въ обыкновенныхъ людяхъ — то есть однакоже отличные мужи, на которыхъ не дѣйствуютъ такіа приманки и представилъ ему въ примѣръ знаменитаго Фокса, который предъ заключеніемъ Аміенскаго мира пріѣхаль въ Парижъ, гдѣ отличался одною только чрезвычайною простотою. «На счетъ этого ты правъ,» сказалъ мнѣ Первый Консулъ, «Г. Фоксъ точно человѣкъ отличный и очень мнѣ нравится.»

Дѣйствительно Бонапарте всегда съ живѣйшимъ удовольствіемъ принималъ посѣщенія Г. Фокса; и послѣ каждого разговора, который они между собою имѣли, онъ объяснялъ мнѣ какую пріятность доставляютъ ему бесѣды съ человѣкомъ, точно заслуживающимъ свою великую знаменитость. Онъ считалъ его мужемъ, превосходнымъ предъ всѣми прочими и пла-

менно желалъ имѣть съ нимъ дѣло касательно своихъ будущихъ сношеній съ Англією. Должно полагать, что и Г. Фоксъ съ своей стороны никогда не забылъ пріязненныхъ, и можно сказать дружескихъ сношеній, которыя онъ имѣлъ съ Первымъ Консуломъ; дѣйствительно послѣ того, онъ нѣсколько разъ въ продолженіе войны уведомлялъ его о заговорахъ, составляемыхъ противъ его жизни. Менѣе сего и не должно было ожидать отъ столь благороднаго характера. Могу притомъ увѣрить, ибо я неоднократно имѣлъ касательно сего доказательства, что Англійское Правительство всегда съ негодованіемъ отвергало, не замысли о ниспроверженіи Консульскаго и Императорскаго Правленій, но всѣ заговоры умерщвленія и всякія сѣти, разставляемыя противъ особы Перваго Консула и Императора. Эти положительные доказательства будутъ въ своемъ мѣстѣ изложены въ моихъ Запискахъ. Политика безъ того уже довольно отягчена дѣлами и средствами, недообряемыми нравственностью, и нѣтъ нужды даромъ увеличивать число ихъ.

Здѣсь я долженъ испросить у снисходительнаго читателя дозволенія помѣстить случай, происшедшій годъ тому назадъ въ эпоху поѣздки Г. Фокса въ Парижъ; но какъ дѣло идетъ о Моро, то надѣюсь что мнѣ скорѣе простятъ такую перестановку, чѣмъ пропускъ.

Лѣтомъ 1801 года, Первому Консулу вздумалось дать большой военный обѣдъ у ресторатёра; онъ избралъ для сего Вери, котораго заведеніе находилось на Фѣліанской терасѣ, имѣвшей выходъ въ Тюліерійскій садъ. Бонапарте разослалъ свои приглашенія не сдѣлавъ такового Генералу Моро, котораго я случайно встрѣтилъ въ этотъ день и вотъ какимъ образомъ: увидивъ нѣсколько свободнаго времени чрезъ торжественный обѣдъ у Вери, я самъ отправился обѣдать къ ресторатёру Розу, который пользовался тогда большою славою у охотниковъ хорошо поѣсть. Я былъ съ Г-мъ Карбонне, другомъ семейства Моро и еще съ двумя или съ тремя моими знакомыми. Обѣдая въ ротоцѣ мы узнали отъ мальчика, намъ прислуживавшаго, что Генераль Моро находится въ сосѣдней комнатѣ со своею супругою; съ нимъ также были Лакюе и еще двое военныхъ; Сюшетъ, обѣдавшій у Вери, гдѣ по словамъ его онъ очень скучалъ, пріѣхалъ къ нимъ же тотчасъ послѣ стола, что мы узнали отъ Г. Карбонне, который оставлялъ насъ на нѣсколько минутъ для того чтобы повидаться съ Г-мъ и съ Г-жею Моро.

Умышленное неприглашеніе Наполеономъ Генерала Моро въ то время какъ онъ только что прибылъ побѣдителемъ изъ Рейнской арміи и въ тоже время поступокъ Моро, который от-

правился въ тотъ же день публично обѣдать къ другому ресторатёру, заставили думать что существовавшая между ними холодность скоро превратится во вражду; и въ цѣломъ Парижѣ полагали что при такихъ обстоятельствахъ, побѣдитель при Маренго очень бы могъ, не унижая себя, пригласить къ своему столу побѣдителя Гогенлинденскаго.

Г Л А В А П.

Дѣйствіе Сенатскаго указа о пожизненномъ Консульствѣ.—Отложенный замыселъ касательно титуловъ. — Противорѣчіе словъ со скрытыми дѣйствіями. — Поездка Мальмезонскихъ жителей въ Пломбьеръ. — Дорожный Журналъ.— Дурнота Раппа.—*Консульша*. — Шпинать съ ламповымъ масломъ.—Приключеніе.—Дурная дорога и благополучный пріѣздъ.—*Приписка*. — Предложеніе Луціана Іозефинъ.—Ея негодованіе и слезы.—Представленіе въ Нёльи Альзіры.—Неблагопрістойные костюмы. — Гнѣвъ Наполеона.—Талантъ Луціана. — Обыкновенные Мальмезонскіе актеры.—Списокъ піесъ и костюмы. — Уроки Тальмы и Мишо.—Разительная противоположность.—Удовольствіе, находимое Наполеономъ въ представленіяхъ на домашнемъ театрѣ.—Многочисленныя собранія въ Мальмезонѣ.—Я теряю часы.—Награжденная честность.—Увольненіе отъ Конскрипціи.—Нетерпѣливость и доброта.—Капова въ Сен-Клу.—Статуя Наполеона и Герцога Веллингтонъ.

Съ первыхъ мѣсяцевъ 1802 года, Республика была уже только мечтою или историческимъ воспоминаніемъ. Отъ нея оставалась только об-

манчивая надпись на дверяхъ дворца; уже прежде того, въ эпоху водворенія своего въ Тюіери, Бонапарте приказалъ убрать стоявшія на дворѣ два древа свободы, дѣйствуя такимъ образомъ противъ пустыхъ призраковъ прежде чѣмъ онъ принялся за существенность. Но по изданіи Сенатскихъ указовъ 2 и 4 Августа, для самыхъ непрозорливыхъ людей стало очевидно, что могуществу Перваго Консула недостаетъ одного только наименованія и что все, съ давняго времени имъ дѣлаемое, обнаруживало скрытныя замыслы и честолюбіе, весьма превышавшесъ пожизненное Консульство.

Послѣ этихъ указовъ, Бонапарте легко привыкъ считать Правительственныя мѣста ни чѣмъ инымъ, какъ орудіями, необходимыми для дѣйствій его власти. Тогда начали осыпать его корыстолюбивыми совѣтами: ему не шутя предлагали возстановить прежніе титулы, какъ болѣе согласующіеся чѣмъ Республиканскія формы съ новою властью, врученною ему народомъ. Онъ находилъ *что груши еще не созрѣла* и что рано къ этому приступать. «Всѣ это придется», сказалъ онъ мнѣ однажды, «но ты видишь, Буріеннъ что прежде всего надобно мнѣ самому принять титулъ, откуда естественнымъ образомъ произойдутъ титулы, которые я дамъ всему этому народу. Самое трудное сдѣлано; не кого ужъ больше обманывать; для всѣхъ ясно

какъ день, что одинъ только шагъ раздѣляетъ престоль съ пожизненнымъ Консульствомъ; надобно соблюсти нѣкоторую осторожность; въ Трибунатъ есть спорщики, но они мнѣ за это заплатятъ.»

Другою причиною, побуждавшею Перваго Консула удерживать еще ходъ свой, была неудача, испытанная имъ въ Сенатъ по предмету наслѣдія; правда что этотъ вопросъ утвердился въ Государственномъ Совѣтѣ большинствомъ десяти голосовъ противъ трехъ; но Бонапарте понялъ что еще не время было за него приниматься. Тогда по обыкновенію своему, дабы заставить думать что онъ вовсе чуждъ этому предложенію, онъ сталъ громко оуждать тѣхъ, которые съ наибольшимъ жаромъ говорили сообразно съ его тайными желаніями и сильно жаловался на Рёдерера, который при томъ наиболѣе себя выставилъ. Въ такомъ случаѣ онъ никогда не колебался противорѣчить на словахъ своимъ скрытнымъ дѣйствіямъ.

Между тѣмъ какъ эти важные вопросы волновали умы, большая часть Мальмезонскихъ жителей отправилась въ дорогу съ тѣмъ чтобы съѣздить къ Пломбьерскимъ водамъ. Мальмезонскіе путешественники были: Іозефина, Г-жа Бонапарте мать Наполеона, Г-жа Богарнель-Лавалеттъ, Гортензія и Раппъ. Веселому обще-

ству вздумалось прислать мнѣ журналъ своихъ удовольствій и помѣхъ, встрѣтившихся въ дорогѣ. Привожу здѣсь это письмо единственно какъ доказательство короткости, существовавшей между тѣми, которые его подписали и мною. Вотъ оно, въ томъ самомъ видѣ, какъ я его сохранилъ за исключеніемъ чернильных пятенъ, за которыя въ немъ просятъ извиненія.

ОПИСАНІЕ ПОѢЗДКИ ВЪ ПЛОМБИЕРЬ.

Обитателямъ Мальмезона.

«Отправясь изъ Мальмезона, общество не «могло удержаться отъ слезъ; что произвело «такую сильную головную боль, что день по «истинѣ былъ очень тягостенъ для любезныхъ «путешественниковъ. Г-жа Бонапарте мать, перенесла этотъ достопамятный день съ наибольшимъ мужествомъ. Г-жа Бонапарте Консульша, вовсе онаго не показала; двѣ молодыя особы: дѣвица Гортензія и Г-жа Лавалеттъ безпрестанно прибѣгали къ склянкѣ съ одеколономъ, а милый Рапгъ всякую минуту оставлявалъ карету для того чтобы дать пройти дурнотѣ своей. Почему, прибывъ въ Эперне, онъ принужденъ былъ тотчасъ отправиться спать; между тѣмъ какъ общество старалось

«забыть свои бѣдствія въ Шампанскомъ. Второй день былъ благополучнѣе касательно здоровья; но въ съѣстныхъ припасахъ оказался недостатокъ и желудки страдали. Надежда найти «хорошій ужинъ въ Туль ихъ поддерживала; но отчаяніе достигло высшей степени, когда «прибывъ въ Туль, нашли тамъ дурной трактиръ, и самое плохое угощеніе. Хотя мы и «покривлялись, а пришлось удовольствоваться «щиномъ съ ламповымъ масломъ и красною «спаржею съ тварогомъ. Надобно было видѣть «Мальмезонскихъ объѣдалъ за этою жалкою «трапезою.»

«Въ исторіи не видано дня, проведеннаго «въ такихъ ужасныхъ помѣхахъ, которымъ мы «подверглись до прибытія нашего въ Пломбьеръ. Выѣхавъ изъ Тула съ тѣмъ чтобы по-«завтракать въ Нанси, ибо всѣ желудки два дня «уже были пусты, мы не могли сего исполнить; «ибо гражданскіе и военные чиновники, вышедъ «къ намъ на встрѣчу,—въ томъ намъ воспре-«пятствовали. И такъ мы продолжали нашъ «путь видимо худѣя; къ довершенію несчастія «каре́та наша едва было не опрокинулась въ «Мозель для того чтобы отправиться водою въ «Мецъ. Однакожь, въ Пломбьеръ, мы были «вполнѣ вознаграждены за наше несчастное пу-«тешествіе ибо по прибытіи нашемъ туда, насъ «приняли съ разнаго рода увеселеніями. П.комм.»

Часть V.

3

«нованный городъ, пальба изъ пушекъ и прекрасныя женщины, смотрѣвшія изъ всѣхъ оконъ, подають намъ надежды что мы съ меньшимъ огорченіемъ перенесемъ отсутствіе наше изъ «Мальмезона.

«Вотъ обстоятельное описаніе нашей поѣздки «кромя нѣсколькихъ анекдотовъ, которые мы «предоставляемъ себѣ рассказать лично и въ «вѣрности которыхъ нижеподписавшіеся ручаются.

**ЮЗЕФИНА БОНАПАРТЕ,
БОГАРНЕ-ЛАВАЛЕТТЪ,
ГОРТЕНЗІЯ БОГАРНЕ,
РАППЪ,
БОНАПАРТЕ мать.**

«Общество извиняется въ чернильныхъ пятнахъ.

«Получившаго сей журналъ покорнѣйше просятъ сообщить оный всѣмъ, которые принимаютъ участіе въ путешествenniцахъ.»

Предъ поѣздкою Г-жи Бонапарте въ Пломбьеръ, произошла сцена, которую я повоздержался бы рассказывать, еслибъ я не наложилъ на себя обязательства сообщать всю истину о семействѣ Перваго Консула. За два или за три дня до своего отъѣзда, Г-жа Бонапарте велѣла позвать меня къ себѣ и я нашелъ ее заливающуюся слезами: «Какой человѣкъ! какой человѣкъ этотъ Луціанъ!» воскликнула

она съ отчаяніемъ. «Еслибъ вы знали, другъ мой, какое постыдное предложеніе онъ осмѣлился мнѣ сдѣлать! . . . *Вы ѣдете на воды,* сказалъ онъ, *и вамъ должно имѣть ребенка хоть отъ кого нибудь другаго, если не отъ него.*—Вы можете себѣ представить, съ какимъ негодованіемъ я приняла этотъ совѣтъ. — *Ну если вы не хотите,* продолжалъ онъ, *то Бонапарте долженъ имѣть ребенка хоть отъ другой женщины, а вамъ слѣдуетъ признать его своимъ, ибо надобно утвердить наслѣдіе; это ваша польза; вы должны знать почему.*—Какъ сударь, сказала я ему, вы полагаете что Государство дозволить управлять собою незаконнорожденному? Луціанъ, Луціанъ! вы губите вашего брата; это ужасно! ! Я была бы очень несчастна, еслибъ вы сочли меня хоть только способною выслушать безъ ужаса ваше безчестное предложеніе! мысли ваши ядовиты, слова ужасны. — *Ну чтожъ мнѣ на это сказать,* возразилъ онъ, *кромя того что я очень о васъ жалью.»*

Рыдая пересказала мнѣ добрая Іозефина объ этой сценѣ и я вполне увидѣлъ все, ощущаемое ею негодованіе. Дѣло состояло въ томъ, что Луціанъ, показывая тогда видъ что онъ пренебрегаетъ властью собственно для себя, неутомимо трудился надъ тѣмъ, чтобы сосредоточить ее въ рукахъ своего брата прибѣгая къ тремъ

средствамъ для успѣха своего предпріятія: къ къ наслѣдію, къ разводу или къ Имперіи (*).

Луціанъ имѣлъ прекрасную дачу близъ Нѣльи. За нѣсколько дней предъ непріятною сценою, мною описанною, онъ пригласилъ Бонапартѣ и всѣхъ обитателей Мальмезона къ себѣ на снѣтакль. Играли *Альзиру*; Елиза представляла *Альзиру*, а Луціанъ *Замора*. Пылкость изъяснений, живая выразительность тѣлодвиженій и слишкомъ близкая къ истинѣ нагота костюмовъ не понравились многимъ изъ зрителей, а болѣе всѣхъ Наполеону. Выходя оттуда, онъ былъ раздраженъ: «Это страмъ,» сказалъ онъ съ сердцемъ, «я не долженъ терпѣть такихъ неблагопристойностей; я объявлю Луціану чтобы этого впередъ не было.» Потомъ, вошедъ опять въ залу когда братъ его переодѣлся, онъ сильно пожурилъ его, подтвердивъ чтобы онъ впередъ удержался отъ такихъ представленій. Вечеромъ, возвратясь въ Мальмезонъ, онъ опять заговорилъ о томъ же съ сильнымъ неудовольствіемъ. «Тогда какъ должъ мой,» сказалъ онъ, «есть воз-

(*) Довольно любопытную противоположность представлялъ собою Луціанъ, который, принявъ во время Революціи прозвание Брута, трудился теперь съ такимъ усердіемъ объ устройствѣ судьбины новаго Цесаря.

Мнѣ говорили что Луціанъ, въ своемъ загородномъ домѣ Рюфинелль, близъ Рима, приказалъ написать себя въ рядъ Римскаго Императора и въ положеніи Діоклитіана, отказывающагося принять вновь Имперію.

становлять добрые нравы—братъ мой и сестра являются почти нагіе на сцену! это позоръ!»

Луціанъ имѣлъ сильную склонность къ театральнымъ успѣхамъ, которые онъ считалъ весьма важными. Дѣйствительно онъ очень хорошо декламировалъ и могъ бы выдержать состязаніе съ лучшими актерами. О немъ говорили, что чалма Орозмана, Американскій нарядъ, Римская тога и одѣяніе Іерусалимскаго жреца равно ему нравились и я думаю, что это сущая истина.

Не въ одномъ только Нѣмѣи давали театральныя представленія; въ Мальмезонѣ у насъ былъ свой театръ и своя труппа; но по крайней мѣрѣ все тамъ происходило съ наивеличайшею благопристойностью; и начавъ уже говорить объ этомъ предметѣ я перескажу читателямъ всѣ наши театральныя тайны.

Первый Консулъ приказалъ устроить для насъ въ Мальмезонѣ небольшую, прекрасную театральную залу; наши обыкновенные актеры были: Евгеній Богарне, Гортензія, Г-жа Мюратъ, Лористонъ, Г. Дидло дворцовый Префектъ (*), нѣкоторые другіе особы двора Перваго Консула и я. Забывъ о Государственныхъ заботахъ, которыя по возможности оставлялись въ Тюліери, мы были иногда очень счастливы въ нашей Мальмезонской колоніи; притомъ же

(*) Дворцовыхъ Префектовъ было четыре: Гг. Крайисель, Люке, Дидло и Ремюза.

мы были молоды, а есть ли вещь, которую бы молодость не украшала?

Піесы, которыя Первый Консулъ наиболѣе любилъ видѣть, нами представляемыя, были: *Севильскій цирюльникъ* и *Недовѣрчивость и хитрость*. Въ *Севильскомъ цирюльникѣ* Лористонъ игралъ ролю Графа Альмавивы; Гортензія представляла Розину; Евгенийъ Базилъ; Дидло — Фигаро; я — Доктора Бартоло; а Изабѣ — д'Евелѣе. Въ числѣ нашихъ піесъ были еще: *Намѣреніе жениться*, *Закладъ*, *Любовная ссора*, въ которой я игралъ ролю лакея и *Деревенскій сюрпризъ*, въ которомъ я представлялъ Барона, а Бароншу молодая, прекрасная Каролина Мюрать.

Гортензія играла безподобно, Каролина посредственно, Евгенийъ очень хорошо, Дидло порядочно а Лористонъ былъ нѣсколько неловокъ; про себя могу безъ хвастовства сказать что я былъ не худшій актеръ въ нашей труппѣ. Впрочемъ, если мы не достигли совершенства, то ужъ конечно не по недостатку хорошихъ наставниковъ и хорошихъ совѣтовъ: Тальма и Мишо дѣлали намъ репетиціи, по одиначкѣ и общія. Сколько я получилъ уроковъ отъ Мишо прогуливаясь съ нимъ въ прекрасномъ Мальмезонскомъ паркѣ! И, если мнѣ дозволено это сказать, съ какимъ удовольствіемъ воспоминаю я теперь объ этихъ бездѣлкахъ, которыя въ

молодости считаются столь важными и которые представляли столь странную противоположность съ великимъ театромъ, на которомъ мы представляли не вымышленныя лица.

Прочія принадлежности къ театру были у насъ въ большемъ порядкѣ; Бонапарте подарилъ каждому изъ насъ собраніе театральныхъ піесъ въ прекрасномъ переплетѣ и приказалъ сдѣлать намъ богатые, щегольскіе костюмы.

Наши представленія доставляли большое удовольствіе Наполеону, который очень любилъ видѣть комедіи, играемыя своими приближенными; онъ иногда дѣлалъ намъ похвалы. Хотя это забавляло меня столько же какъ и другихъ, но я неоднократно принужденъ былъ замѣчать ему, что мои занятія вовсе не оставляютъ мнѣ времени учить роли; тогда онъ принималъ на себя ласковый видъ и говорилъ мнѣ: «Полно, полно, оставь меня въ покоѣ; у тебя такая славная память! Ты знаешь, что это меня забавляетъ; ты видишь какъ эти собранія оживляютъ и веселятъ всѣхъ въ Мальмезонѣ; Іозефина ихъ очень любитъ; вставай пораньше.—Точно я много сплю, не правда ли.—Полно Буріеннъ, сдѣлай это для меня; вы заставляете меня хохотать отъ души! Не лишайте меня этого удовольствія; вамъ извѣстно что у меня его немного. — Когда такъ, то ужъ конечно не я стану васъ лишать его. Я

радъ что могу васъ веселить.» И сказавъ это я опять принимался учить свои роли.

Въ дни представлений, въ Мальмезонъ всегда собиралось многочисленное общество. Послѣ театра, толпа гостей наполняла комнаты нижняго этажа. Тамъ происходили самые занимательные, самые разнообразныя разговоры и могу по правдѣ сказать что веселость и искренность составляли душу и прелесть этихъ разговоровъ. Иозефина угощала всѣхъ съ такою любезностью, что каждый могъ думать что она занималась имъ больше чѣмъ другими. Послѣ этихъ прекрасныхъ вечеровъ, оканчивавшихся обыкновенно въ полночь, мы возвращались въ Парижъ, гдѣ насъ ожидали заботы, неразлучныя съ дѣлами; однакожъ я долженъ сказать что мнѣ часто случалось въ эти ночи, посвященныя удовольствію, жалѣть о часахъ, проводимыхъ въ занятіяхъ кабинета, которыя я бы предпочелъ свѣтскимъ забавамъ.

Въ эту эпоху, лѣтомъ я имѣлъ половину Воскресенья свободнымъ; но принужденъ былъ посвящать часть этихъ рѣдкихъ досуговъ на выученіе какой нибудь новой роли для того чтобы доставить Наполеону нечаянное удовольствіе; иногда также, я отправлялся въ Рюель. Помню что однажды, поспѣшно возвращаясь изъ Мальмезона, я обронилъ прекрасныя Бретовскіе часы. Это было въ четыре часа по-

полудни и на дорогѣ находилось множество народа. Я поспѣшилъ объявить въ Рюелѣ съ барабаннымъ боемъ о моей потерѣ. Черезъ часъ послѣ того, когда я только что сѣлъ за столъ, молодой поселенинъ принесъ мнѣ часы мои. Онъ нашелъ ихъ на большой дорогѣ въ пыли колеи. Довольный честностью этого молодого человѣка, я далъ награду какъ ему, такъ и отцу его. Въ тотъ же вечеръ пересказалъ я объ этомъ Первому Консулу, который такъ былъ тронутъ этимъ честнымъ поступкомъ, что приказалъ мнѣ справиться о молодомъ человѣкѣ и о его семействѣ; я узналъ что они честные деревенскіе жители; Бонапарте помѣстилъ трехъ братьевъ этого семейства; и что всего труднѣе было у него исходатайствовать, уволилъ отъ конскрипціи молодого человѣка, принесшаго мнѣ часы.

Вообще, когда такого рода поступки доходили до свѣдѣнія Бонапарте, то онъ рѣдко не изъявлялъ сдѣлавшимъ оныя знаковъ своего удовольствія. Въ немъ господствовали два качества: доброта и нетерпѣливость. Когда послѣдняя имъ овладѣвала, то онъ не въ состояніи былъ ее преодолѣть. Около этой эпохи я имѣлъ случай видѣть замѣчательное тому доказательство.

Канова, по прибытіи своемъ въ Парижъ, пріѣхалъ въ Сен-Клу для того чтобы снять

лице Перваго Консула, котораго ему слѣдовало дѣлать колоссальную статую. Этотъ великій художникъ часто приходилъ въ надеждѣ что Бонапарте дозволить ему лѣпить съ себя; но это причиняло Первому Консулу столько скуки, отвращенія и нетерпѣливости, что онъ очень рѣдко и на весьма короткое время соглашался посидѣть. Сходство отъ этого пострадало. Однакожь онъ имѣлъ къ Кановѣ величайшее уваженіе; всякой разъ, когда объ немъ докладывали, Первый Консулъ посылалъ меня побывать съ нимъ пока онъ его приметъ; но всегда пожимая плечами говорилъ мнѣ: «Опять сидѣть! Боже мой, какъ это скучно!» Канова изъявлялъ мнѣ свое сильное неудовольствіе о томъ что онъ не могъ какъ слѣдовало разсмотрѣть образецъ свой и неохота Наполеона охлаждала его воображеніе. Всѣ согласились въ томъ, что онъ не успѣлъ въ трудѣ своемъ и причина тому объяснена. Лордъ Велингтонъ владѣсть нынѣ этою колоссальною статуею. Высота ея такова, что—какъ говорилъ Лордъ Байронъ,—смотря сзади, середина тѣла Наполеона приходится точно наровнѣ съ Герцогомъ Велингтономъ.

Г Л А В А ІІІ.

Правила Наполеона касательно перемѣны Министровъ. — Гг. Годенъ и Декре — Фуше. — Портретъ его. — Вліяніе его на Перваго Консула. — Мысли Наполеона о допесніяхъ Полиціи. — Отставка Фуше и перышность Перваго Консула. — Корыстолюбіе Министра. — Отзывы о Фуше за глаза и обхожденіе съ нимъ. — Поездка въ Морфонтенъ. — Отрѣшеніе исполненное, по не объявленное. — Письмо Сенату. — Несовмѣстное соединеніе Полиціи съ Юстиціею. — Г. Ренье. — Полиція Фуше. — Огорченіе, причиненное Г-жѣ Бонапарте отставкою Фуше. — Семейныя сцены. — Бременность супруги Лудовика Бонапарте. — Ложныя и безстыдныя слухи, дошедшіе до Іозефины. — Огорченіе матери и супруги. — Предоставленіе наслѣдія незаконнорожденному. — Объясненіе одного обстоятельства. — Извинительная мнительность. — Внутренность кабинета. — Отзывъ Перваго Консула Іозефины. — Вспыльчивый упрекъ Іозефины Рёдереру. — Г-жа Бонапарте посѣщаетъ Рюель. — Продолжительный разговоръ на большой дорогѣ. — Возстановленіе престола и вѣроятность восшествія на оный Бурбоновъ. — Перемѣна, происшедшая въ Наполеонѣ. — Королева и Императрица. — Дѣти и разводъ. — Разныя причины. — Снисходительные

законы и Церковь.—Сличеніе съ показаніемъ острова Св. Элены. — *Политическое плутовство*.—Разногласіе между мужемъ и женою. — Предоставленіе правоты Г-жѣ Бонапарте.

По вообще принятому Государственному правилу, Государь долженъ какъ можно рѣже перемѣнять своихъ Министровъ и то не иначе какъ по важнымъ причинамъ. Это въ особенности относится къ самовластнымъ правленіямъ гдѣ вся отвѣтственность великаго политическаго единства лежитъ только на главѣ Государства, между тѣмъ какъ колеса различныхъ управленій ввѣрены Министрамъ, которые отвѣтствуютъ въ томъ предъ однимъ только Государемъ. Притомъ же въ управленіи, опытность чрезвычайно много значить. Бонапарте держался этого правила, какъ будучи Первымъ Консуломъ, такъ и Императоромъ; онъ часто уступалъ причинамъ несправедливымъ, но никогда безъ причины не удалялъ Министровъ; даже неоднократно онъ оставлялъ ихъ долѣе чѣмъ бы слѣдовало въ высокомъ званіи, въ которое онъ ихъ возвелъ. Эта стойкость Наполеона имѣла различныя послѣдствія, ибо съ одной стороны она дала Г. Годену время учредить въ управленіи финансами порядокъ, никогда до него не существовавшій а съ другой допустила Г-на Декре привести въ безпримѣрное разстройство управленіе флотомъ.

Бонапарте видѣлъ въ людяхъ только средства и препятствія; 18 Брюмера, Фуше былъ средствомъ; Первый Консулъ началъ опасаться чтобы онъ не сдѣлался препятствіемъ и потому надобно было подумать о томъ чтобы удалить его. Искреннѣйшіе друзья Наполеона съ самаго начала противились вступленію Фуше въ Министерство; но чрезъ безкорыстные свои совѣты, они только сами попали въ немилость; такимъ важнымъ человѣкомъ сдѣлался Фуше.

И могло ли это быть иначе? Фуше находился въ связи съ Республикою чрезъ смерть Короля, на которую онъ подалъ свой голосъ; съ царствомъ Ужаса чрезъ кровавыя свои порученія въ Ліонѣ и въ Неверѣ; съ Консульствомъ чрезъ существенныя, хотя можетъ быть и преувеличенныя услуги; съ Наполеономъ такъ сказать чрезъ колдовство, которымъ онъ привязалъ его къ себѣ; съ Іозефиною чрезъ вражду къ ней братьевъ Перваго Консула. Кто бы тому повѣрилъ? Фуше имѣлъ въ числѣ самыхъ усердныхъ своихъ приверженцевъ враговъ Революціи: они осыпали его похвалами даже на счетъ главы Государства потому что хитрый Министръ, по расчету оказывалъ снисходительность и выставялъ себя покровителемъ людей взятыхъ изъ сословій, пораженныхъ въ массѣ Проконсуломъ. Руководствуя мнѣніемъ, имѣя у себя въ рукахъ средства по произволу вну-

шать страхъ или привязывать къ себѣ деньгами,—онъ расположилъ это мнѣніе совершенно въ свою пользу и колеса, имъ движимыя, были столь многосложны, что Полицію скорѣе можно было назвать Полиціею Фуше, чѣмъ Полиціею Министра этой части. И такъ во всемъ Парижѣ, во всей Франціи вѣрили необычайному искусству Фуше, и были правы въ томъ отношеніи что никогда еще никто не умѣлъ столь искусно внушать о себѣ такое высокое понятіе; тайна Фуше есть тайна бѣльшей части тѣхъ, которыхъ называютъ Государственными людьми.

Какъ бы то ни было, а Первый Консулъ неблагопріятно смотрѣлъ на это искусственное вліяніе, которое Фуше составилъ себѣ въ его Правительствѣ. Съ нѣкотораго времени, къ отвращенію которое Фуше всегда внушалъ ему, присоединились другія причины неудовольствія; будучи неоднократно обманываемъ донесеніями и тайными переписками, Бонапарте начиналъ презрительно пожимать плечами получая оныя и говорилъ мнѣ: «Повѣришь ли, Буріеннъ, что я бывалъ обманываемъ этими вещами? Всѣ эти свѣдѣнія безполезны и позорны. Всѣ донесенія Префектовъ и Полиціи, всѣ перехваченныя письма, заключаютъ въ себѣ только ложь и глупость; нехочу больше получать ихъ.» Онъ говорилъ такъ, а самъ все еще хотѣлъ получать ихъ.

Однажды отставка Фуше была рѣшена; но, желая удалить его, Бонапарте, все еще находившійся подъ очарованіемъ и не смѣвшій дѣйствовать противъ него иначе какъ съ чрезвычайною осторожностью, началъ заговаривать объ уничтоженіи Министерства Полиціи для того чтобы этимъ прикрыть отрѣшеніе Министра. Первый Консулъ сказалъ Фуше, что это уничтоженіе, представляемое имъ еще въ отдаленіи, должно ствовало болѣе чѣмъ что либо другое придать силы Правительству; ибо оно доказало бы внутреннюю безопасность и спокойствіе Франціи. Убѣжденный приведенными Наполеономъ доводами, Фуше не могъ представить противъ оныхъ достаточныхъ причинъ и удовольствовался однимъ только возраженіемъ, что по его мнѣнію, исполненіе этого намѣренія, въ существѣ хорошаго, должно отложить года на два. Бонапарте показалъ видъ что принимаетъ возраженіе Фуше. Этотъ послѣдній, столь же жадный къ деньгамъ, какъ Бонапарте былъ къ славѣ, утѣшалъ себя мыслью что въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ, доходы съ игорныхъ домовъ доставятъ ему горы золота. Ибо Фуше, хотя уже обладавшій огромнымъ состояніемъ, безпрестанно думалъ о томъ чтобы его увеличить, хотя и не умѣлъ самъ лично онымъ наслаждаться. Честолюбіе распространить прелѣты своего номѣстья Пон-Карре, не менѣе

было въ немъ сильно какъ у Перваго Консула честолюбіе отодвинуть границы Франціи.

Не только Первый Консулъ не любилъ Фуше, но утвердительно можно сказать что въ это время Полиція ему надѣдала и препятствовала; онъ считалъ ее опасною особенно въ такомъ Государствѣ гдѣ не было свободы тисненія; даже услуги, оказанныя Полиціею Первому Консулу, были такого свойства, что онъ его устрашали, ибо тотъ, кто устраивалъ заговоръ противъ Директоріи въ пользу Консульства, могъ устроить заговоръ и противъ Консульства въ пользу всякаго другаго Правительства. Не нужно объяснять что я говорю здѣсь только о Полиціи политической а не о той охранительной Полиціи, которая необходима въ большихъ городахъ и которой почетная обязанность состоитъ въ томъ чтобы наблюдать за средствами къ сохраненію здравія и безопасности гражданъ.

Фуше, какъ видѣли, былъ Министромъ Полиціи съ 18 Брюмера; всѣ знавшіе вполнѣ характеръ Перваго Консула, не могли объяснить себѣ вліянія которое онъ дозволилъ ему взять надъ собою и которому самъ Бонапарте съ нестерпимѣмъ удивлялся. Онъ видѣлъ въ немъ точку, въ которой сосредоточивались всѣ выгоды приверженцевъ Революціи и негодовалъ за то; но повинуюсь дѣйствию какого-то магни-

тизма, не могъ разрушить очарованія, подъ которымъ онъ находился. За глаза онъ говорилъ о Фуше съ запальчивостью, съ колкостью и недоброжелательствомъ; но въ присутствіи его, выраженія Бонапарте смягчались, если только онъ не имѣлъ причинъ всенародно изъяснять ему гнѣвъ свой какъ на примѣръ послѣ злодѣянія 5 Нивоза.

И такъ, принявъ рѣшительное намѣреніе уничтожить Министерство Полиціи, Бонапарте не хотѣлъ долѣе допускать отсрочки, которую онъ показатъ видъ будто бы считаетъ нужною — и 12 Сентября вечеромъ, мы отправились въ Морфонтенъ; тамъ провели мы слѣдующій день, что было въ Понедѣльникъ и тогда Первый Консулъ, вдали отъ Фуше и убеждаемый совокупными просьбами Юсіфа и Луціана,—подписалъ указъ объ уничтоженіи его званія. Когда на другой день, по возвращеніи въ Парижъ, Фуше пріѣхалъ въ Мальмезонъ, гдѣ мы находились, для обыкновенной своей работы, то Первый Консулъ занялся съ нимъ какъ всегда, не смѣя ничего сказать ему о его немилости и потомъ поручилъ Камбасересу объявить ему объ оной. Бонапарте, послѣ этого распоряженія, которое онъ такъ долго откладывалъ, еще старался смягчить суровость онаго особеннымъ вниманіемъ. Назначивъ Фуше Сенаторомъ, онъ сказалъ въ письмѣ своемъ Се-

нату, извѣщая его объ этомъ назначеніи: «Будучи Министромъ Полиціи при затруднительныхъ обстоятельствахъ, Гражданинъ Фуше удовлетворилъ своими талантами, дѣятельностью и преданностью Правительству всему, чего обстоятельства отъ него требовали. Помѣщая его въ Сенатъ, я долгомъ считаю сказать, что еслибы иныя обстоятельства вновь потребовали Министра Полиціи, то Правительство не нашло бы никого другаго, болѣе достойнаго его довѣренности.» То что Первый Консулъ написалъ Сенату съ тѣмъ чтобы смягчить ударъ, поразившій Фуше, этотъ послѣдній счелъ извѣщеніемъ, даже обѣщаніемъ и съ тѣхъ поръ всѣ подземныя его батареи обратились къ тому чтобы принудить Бонапарте къ исполненію онаго. Ниже увидятъ, какъ Фуше достигъ своей цѣли.

Съ этой минуты Полиція, по соединеніи оной съ Юстиціею, была ввѣрена Ренье (*) Отвращеніе, которое Бонапарте питалъ къ Фуше, удивительнымъ образомъ ослѣпило его на счетъ способностей его преемника. Притомъ же какимъ образомъ вести рядомъ управленіе Юстиціею, основанное на правилахъ опредѣленныхъ, твердыхъ и неизмѣнныхъ, съ Полицейскимъ управленіемъ? Юсти-

(*) Г. Абриаль, Министръ Юстиціи, былъ помѣщенъ въ Сенатъ въ одно время съ Фуше. Первый Консулъ, понималъ что это совокупленіе было болѣею немилостью чѣмъ самое лишеніе Министерства.

ція никогда бы не долженствовала имѣть ничего общаго съ Полиціею, кромѣ развѣ осужденія оной. Чего можно было ожидать отъ Ренье, обремененнаго двумя, несомѣстными между собою должностями? чего бы можно ожидать даже отъ человѣка, одареннаго величайшими достоинствами? Ничего, совершенно ничего хорошаго.

И точно,—что въ послѣдствіи случилось? то что я предвидѣлъ и что дозволилъ себѣ сказать Первому Консулу, который не хотѣлъ меня слушать. Фуше удержалъ у себя Полицію тогда какъ Правительство оной уже не имѣло; отрѣшенный Министръ игралъ своимъ двустихійнымъ преемникомъ держа самъ нити сокровеннаго управленія, завлекалъ въ свои сѣти неопытность явнаго начальника этой части и сдѣлался необходимъ, если желали чтобы онъ не сдѣлался опаснымъ. Левъ, предавшійся паническому страху, слѣпо кинулся въ сѣти лисицы.

Такова истинная исторія отрѣшенія Фуше; никто не былъ столько огорченъ онымъ, какъ Г-жа Бонапарте, узнавшая объ ней вмѣстѣ съ публикою. Іозефина при всѣхъ обстоятельствахъ защищала Фуше отъ нападковъ своего мужа; она думала что онъ одинъ изъ Министровъ говорилъ ему правду. Она имѣла столь высокое понятіе объ искусствѣ Фуше въ управ-

вленіи Полиціею, что въ первый разъ когда я увидѣлъ ее наединѣ послѣ возвращенія нашего изъ Морфонтена въ Мальмезонъ, она сказала мнѣ: «Любезный Буріеннъ, скажите мнѣ искренно; неужели чрезъ Полицію Монселя, Дюрока, Жюно и Даву Бонапарте будетъ въ состояніи узнавать о заговорахъ? Вы знаете лучше меня, что все это одни только подвѣсы шпіонства. Развѣ Савари не завелъ наконецъ также своей собственной Полиціи? Какъ все это меня утрачиваетъ. Ахъ! милый мой, у меня отнимаютъ всѣ мои подпоры и окружаютъ меня только непріятелями! — Для оправданія вашихъ сожалѣній надобно еще удостовѣриться въ томъ, что Фуше никогда не находился въ согласіи съ Луціаномъ на счетъ развода.—О! этому я не вѣрю: Бонапарте его не любитъ и вѣрно сказать бы мнѣ объ этомъ тогда какъ я благопріятно о немъ отзывалась.—Вы увидите что братья наконецъ доведутъ его до своей цѣли.»

Я уже говорилъ объ огорченіяхъ Іозефины и о непріязни къ ней Іосифа, а особенно Луціана; а потому, описывая отрѣшеніе Фуше, я кстати расскажу здѣсь нѣкоторыя сцены, происшедшія въ Мальмезонѣ около этого времени. Бывъ повѣреннымъ обѣихъ сторонъ и невольнымъ участникомъ въ этихъ сценахъ, но простѣивъ двадцати семи лѣтъ, я не имѣю ни-

какихъ выгодъ, никакихъ причинъ искажать истину оныхъ.

Супруга Лудовика Бонапарте была тяжела и беременность ея приближалась къ концу. Иозефина, хотя и нѣжно любившая дѣтей своихъ, не видѣла приближеніе эпохи разрѣшенія отъ бремени своей дочери съ участіемъ, столь свойственнымъ материнскому сердцу. Давно уже ей были извѣстны распространяемые клеветою слухи о мнимой связи Гортензій съ Первымъ Консуломъ и это подлое обвиненіе заставляло ее проливать много слезъ. Бѣдная Иозефина дорого платила за блескъ, ее окружавшій! Зная сколь эти ненавистные слухи неосновательны, и старался ее утѣшить рассказывая какъ я повсюду, гдѣ могъ, опровергалъ ихъ безстыдство и лживость. Однакожъ Бонапарте, ослѣпленный любовью, обнаруживаемою ему тогда отъ всѣхъ, усиливалъ огорченіе жены своей чрезъ слѣдствія своего безразсуднаго упоенія: онъ старался увѣрить ее что эти слухи были распространяемы единственно отъ желанія Франціи видѣть у него наслѣдника; такъ что эти утѣшенія, даваемые честолюбіемъ материнской скорби, увеличивали супружескія опасенія, и страхъ о разводѣ вполнѣ возвращался. Такимъ образомъ, въ своихъ сумазбродныхъ мечтахъ, Бонапарте представлялъ себѣ, что Франція добивается чести быть подъ владычествомъ незаконоро-

жденнаго, что представило бы странный способъ учрежденія наслѣдія.

Да будетъ мнѣ дозволено сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній на счетъ обстоятельства, которое до меня касается и которое заслуживаетъ краткаго объясненія: я читалъ въ одномъ сочиненіи будто бы одна особа, вышедшая отъ Перваго Консула послѣ разговора съ нимъ о пожизненномъ Консульствѣ и о наслѣдіи, увидѣлась съ Г-жею Бонапарте только что разставшеюся съ *Буріенномъ* и что Г-жа Бонапарте повела въ паркъ эту особу. Тамъ Іозефина, говоря о приверженцахъ наслѣдія, будто бы сказала: «Они хвалятся что преклонили на свою сторону Буріенна; мнѣ трудно этому повѣрить и надобно это хорошенько развѣдать.» Я никогда неопровергаю какогонибудь положительно разсказаннаго событія безъ положительныхъ же доказательствъ противнаго тому; почему я не оспариваю что Іозефина могла это сказать; но принимая это за истину, я вижу въ томъ только новое доказательство безпокойствъ и страховъ, тревожившихъ Іозефину. Если она только что со мною разсталась, то она вѣроятно разговаривала со мною о своихъ огорченіяхъ и ужъ конечно ей очень было извѣстно что я, не болѣе чѣмъ она, одобряю честолюбивыя замыслы Перваго Консула; я не могъ съ моей стороны не знать, сколько спокойствіе жены его было тѣмъ возмущаемо,

потому что она всегда заводила разговоръ о своихъ роковыхъ предчувствіяхъ; дѣйствительно надобно было чтобы они слишкомъ ее занимали для того, чтобы она сдѣлалась, такъ сказать, равнодушною къ родамъ своей дочери. Притомъ же она очень меня знала, сказавъ: *мнѣ трудно этому поспорить.*

Іозефина, которой мнительность, даже еще и нынче кажется мнѣ извинительною, не была моего поведенія тогда какъ за два года предъ тѣмъ о тѣхъ же вопросахъ было разсуждаемо по случаю писемъ Лудовика XVIII къ Первому Консулу. Мнѣ, правда, очень извѣстно что эти вопросы, прежде робкіе, начали явнѣе показываться тогда какъ пожизненное Консульство поставило Бонапарте на ступени трона; я также не забылъ что въ эпоху неумѣстнаго изданія Сравненія между *Цесаремъ, Кромвеллемъ и Бонапарте*,—Іозефина, вошедъ однажды къ намъ въ кабинетъ безъ доклада, что иногда съ нею случалось, когда по веселому расположенію за завтракомъ она полагала это расположеніе продолжающимся,—тихонько подошла къ Бонапарте; сѣла къ нему на колѣна; слегка погладила его рукою по головѣ и по лицу; и считая эту минуту благопріятною, сказала ему съ нѣжностью: «Прошу тебя Бонапарте, не дѣлайся Королемъ. Этотъ негодной Луціанъ тебя къ тому побуждаетъ:

не слушай его.» Бонапартъ отвѣчалъ ей безъ досады и даже разсмѣявшись при послѣднихъ словахъ. «Ты помѣшалась, моя бѣдная Іозефина. Это все твои старыя вдовушки Сен-Жерменскаго предмѣстія, это твоя Ла Рошфуко наговорила тебѣ этихъ сказокъ.... полно мнѣ надоѣдать; оставь меня въ покоѣ.» Въ этотъ день величайшее согласіе царствовало въ Консульской четѣ, что я теперь привожу себѣ на память какъ минувшій сонъ, но помню что тогда необходимость быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ супружескихъ нѣжностей не составляла одной изъ самыхъ пріятныхъ обязанностей собственнаго Секретаря Перваго Консула.

То что Бонапартъ сказалъ однажды женѣ своею дружескимъ голосомъ, я неоднократно слыхалъ его говорящаго безъ всякихъ нѣтокъ; пять или шесть разъ былъ я свидѣтелемъ такихъ споровъ. Нельзя также оспаривать вражды, царствовавшей между семействами Богарне и Бонапартъ. Фуше, какъ я сказалъ, находился на сторонѣ Іозефины, а Луціанъ былъ злѣйшимъ изъ враговъ ея. Однажды Рёдереръ такъ вельмѣчиво началъ на Фуше въ присутствіи Г-жи Бонапартъ, что она сказала ему съ чрезвычайною живостью: «Настоящіе враги Наполеона тѣ, которые внушаютъ ему мысли о наслѣдіи, о династіи, о разводѣ и о женитьбѣ!»
Добрая Іозефина не могла удержаться отъ это-

го восклицанія зная что Рёдереръ питаетъ эти мысли, распространяя оныя чрезъ вліяніе Луціана.

Бывъ свидѣтелемъ этой сцены и всегда принимавъ живѣйшее участіе въ горестяхъ и предчувствіяхъ Іозефины, я открывалъ ей все что зналъ ибо она была неспособна измѣнять довѣренности, ею внушаемой. Я помню что однажды она посѣтила насъ въ нашемъ маленькомъ Рюельскомъ домику; провожая ее пѣшкомъ по большой дорогѣ до кареты, которую она послала впередъ, я совершенно открылся ей объ опасеніяхъ, внушаемыхъ мнѣ честолюбіемъ Бонапарте, котораго я очень искренно любилъ, и о вѣроломныхъ совѣтахъ его братьевъ. «Если намъ не удастся,» сказалъ я ей, «отклонить Генерала отъ намѣренія сдѣлаться Королемъ, то будущее для него меня утешаетъ. Если онъ возстановитъ Королевскій санъ, то это будетъ сдѣлано для Бурбоновъ, которые вновь взойдутъ на престолъ, имъ возстановленный. Конечно никто, не прославъ безумцемъ, не въ состояніи опредѣлить всѣхъ послѣдствій, которыя можетъ произвести подобное событіе, но одного уже здраваго смысла достаточно для того чтобы посудить сколь долго эти послѣдствія будутъ опасны. Но возстановленіи прежняго образа Правленія, занятіе престола будетъ уже только вопросомъ фамиліальнымъ, а не

Государственнымъ — о свободѣ или о Монархической власти. По какой тогда причинѣ Франція, преставъ быть свободною, не предпочтетъ древній родъ Королей своихъ? Вамъ вѣрно извѣстно, что черезъ два года послѣ вашего брака, по возвращеніи моемъ изъ Италіи, мужъ вашъ сказалъ мнѣ что онъ имѣетъ виды на Королевскій санъ. Въ то время школьная наша дружба была еще въ полной своей силѣ; но вы знаете что льстецы очень съ тѣхъ поръ его перемѣнили, и что честолюбіе его съ каждымъ днемъ дѣлаетъ ее слабѣе; онъ выслушалъ тогда меня съ участіемъ, съ дружбою; согласился что это предпріятіе слишкомъ отважно; онъ даже сказалъ мнѣ что онъ слишкомъ молодъ славою; но мысль эта тѣмъ не менѣе осталась вѣзанною въ умъ его и около нея все его предпріятія, все его дѣйствія, съ тѣхъ поръ вертелись. Происшедшее во Франціи въ его пользу движеніе, вручило ему власть. Съ тѣхъ поръ, надобно сознаться что Францію нельзя узнать; онъ далъ дѣятельность и силу всему что находилось въ совершенномъ разстройствѣ; онъ довелъ общественное мнѣніе къ мыслямъ о Монархическомъ правленіи, но постепенно; онъ началъ тѣмъ что былъ Консуломъ съ двумя ничтожными людьми; потомъ явилось знаменитое Сравненіе; за онымъ продолженіе Консульства на десять лѣтъ; теперь пожизненное

Консульство; ахъ! еслибъ онъ могъ на этомъ остановиться! Ему недостасть только одного пустого титула; ни одинъ Государь въ Европѣ не имѣеть столько власти какъ онъ. Я очень жалью, но право думаю что вы поневолю будете Королевою или Императрицею.»

Г-жа Бонапарте предоставила мнѣ волю говорить не прерывая меня; но когда я произнесъ слова: Королева, Императрица: «Боже мой, Буріеннъ,» сказала она, «какъ я далека отъ того чтобы имѣть это честолюбіе; пусть я навсегда останусь женою Перваго Консула, вотъ все чего я желаю. А потому скажите ему все что вы мнѣ теперь говорили; постарайтесь чтобы онъ не сдѣлался Королемъ. — Времена слишкомъ перемѣнились,» возразилъ я. «Самые умные, самые твердые люди боролись съ постоянствомъ, съ мужествомъ противъ склонности его къ наслѣдію; теперь все тщетно: онъ меня не послушаетъ; онъ непреклоненъ въ разсужденіяхъ своихъ о наслѣдственномъ правленіи; если сопротивление важно, то досада его выходитъ изъ границъ, слова его дѣлаются суровы и отрывисты и властолюбіе имъ одолевается. — Однакожъ, Буріеннъ онъ имѣеть къ вамъ такую довѣренность, что еслибъ вы еще разъ попытались.... — Я ужъ сказалъ вамъ, что онъ меня не слушаетъ. Притомъ же что я могу прибавить къ тому что я говорилъ уже ему при получе-

ній имъ писемъ Лудовика XVIII, представляя что онъ не имѣетъ дѣтей и что ему будетъ некому оставить престолъ, который по мнѣнію, питаемому имъ о братьяхъ, онъ конечно не для нихъ возстановилъ.» Тутъ Іозефина опять прервала меня. «Другъ мой,» сказала она, «когда вы упомянули о дѣтяхъ, не сказали ли онъ вамъ чего нибудь? Не говорилъ ли онъ вамъ о разводѣ?—Ни одного слова, могу васъ увѣрить.—Если его не будутъ къ тому побуждать, то я думаю что самъ онъ не рѣшится; вы знаете какъ онъ любитъ Евгенія и какъ добръ съ нимъ Евгений! Какая разница съ Луціаномъ! Этого негоднаго Луціана Бонапарте слишкомъ много слушаетъ, а между тѣмъ всегда дурно объ немъ отзывается.—О томъ что Луціанъ говоритъ своему брату, я узнаю только отъ Наполеона, когда ему угодно что либо мнѣ сообщить; Луціанъ всегда избѣгаетъ свидѣтелей при разговорахъ своихъ съ вашимъ мужемъ; но могу васъ увѣрить что въ продолженіе двухъ лѣтъ я никогда не слыхалъ слова развода, выходящаго изъ устъ Генерала. — Надѣюсь на васъ, любезный Буріеннъ, что вы будете отклонять его отъ этого, также какъ вы тогда сдѣлали. — Не думаю чтобы онъ шиталъ эту мысль; но еслибъ она возвратилась, то вы должны принять въ соображеніе что это будетъ уже совѣтъ по инымъ причинамъ:

совершенно преданный выгодамъ своей политики и своего честолюбія, пересиливающимъ нынѣ въ немъ всѣ прочія чувства, онъ теперь ужъ не станетъ прибѣгать къ соблазну, къ тяжбѣ предъ судомъ; это будетъ дѣйствіемъ власти, которое снисходительные законы оправдаютъ и которое можетъ стать благословить самая Церковь.—Это правда; вы правы. Боже мой! какъ я несчастна!

Таковъ былъ одинъ изъ разговоровъ, моихъ съ Г-жею Бонапарте о предметѣ, къ которому она часто возвращалась. Довольно любопытно сличить это съ тѣмъ, что сказалъ Наполеонъ на островѣ Св. Элены, говоря о первой женѣ своей. Наполеонъ какъ въ *Дневникѣ* написано, сказалъ что когда Іозефина наконецъ должна была отказаться отъ надежды имѣть дѣтей, то она часто намѣкала ему о *политическомъ плутовствѣ* и наконецъ явно ему оное предложила. Вѣрю что Наполеонъ это сказалъ, но не вѣрю, чтобы это была правда: Іозефина говорила мнѣ о столькихъ другихъ вещахъ, что конечно не умолчала бы и объ этомъ необычайномъ обстоятельстве. Нѣтъ, смѣю утверждать, что Іозефина никогда не дѣлала подобнаго предложенія. Читатели конечно не забыли сказаннаго мною о предложеніи, которое Луціанъ осмѣялся сѣ

самой сдѣлать и того, съ какимъ негодованіемъ это предложеніе было отвергнуто. Правда что я былъ свидѣтелемъ усилій, которыя дѣлала медицина для возвращенія Іозефинѣ признаковъ плодородія, которые перестали у нея оказываться; и помню что Бонапарте однажды съ восхищеніемъ объявилъ мнѣ что они опять показались. Я искренно его съ этимъ поздравилъ, но болѣе изъ вѣжливости чѣмъ въ надеждѣ увидѣть его отцемъ ребенка отъ Іозефины, ибо я очень помнилъ что Корвизаръ ручался мнѣ въ томъ что онъ достигнетъ этого чрезъ разныя медицинскія средства, но въ тоже время увѣрилъ меня что изъ этого ничего не произойдетъ. Медицина была единственнымъ *политическимъ плутовствомъ*, къ которому прибѣгала Іозефина; и на ея мѣсть, какая бы женщина не сдѣлала тогоже?

И такъ мужъ и жена касательно этого предмета находятся въ противорѣчіи; но на чьей сторонѣ правда? Не колеблясь предоставлю ее Іозефинѣ: дѣйствительно большая разница между женщиною, которая ввѣряетъ свои опасенія и надежды единственному свидѣтелю ея семейныхъ тайнъ и позднимъ объявленіемъ чловека, который, видя неспровергнутымъ огромное зданіе своего честолюбія, ни о чемъ болѣе не помышляетъ въ своемъ принужденномъ уединеніи, кромѣ какъ о сохраненіи зданія своей

славы, дабы на ономъ не осталось ни малѣйшаго пятнышка:—Наполеону слѣдовало бы вспомнить что Цесарь не хотѣлъ, чтобы жену его могли даже только подозрѣвать.

Г Л А В А IV.

Г. Фешъ сдѣланъ Кардиналомъ.—Возстановленіе Богослуженія.
—Искусства и промышленность. — Выставка въ Лувръ.—
Видъ Парижа въ 1802 году.—Съездъ въ Тюііери.—По-
сланники.—Многочисленныя представленія.—Венера Меди-
ційская и Паллада Велетрійская. — Признаки всеобщаго
благоденствія.—Курсъ фондовъ. — Синсходительность Рим-
скаго Двора.—Молебствіе въ Туринѣ.—Новая Конституція
Батавской Республики.—Министры, не подлежащіе отвѣт-
ственности. — Бурбоны. — Разговоръ съ Г. Лафайетомъ.—
Мнѣніе Перваго Консула объ Америкѣ и о Польшѣ. —
Разномысліе Бонапарте съ Г. Лафайетомъ. — Порицаніе
Конкордата.—Размышленія Перваго Консула.

Г. Фешъ, который при возвращеніи нашемъ
изъ Египта, когда мы принужденно приставали
въ Аяччіо, размѣнялъ, нѣсколько съ большимъ
учетомъ, Египетскіе цехины Генерала, — опять

сдѣлался Аббатомъ Фешемъ, какъ только Бонапарте Консулъ возстановилъ во Франціи алтари, ниспроверженные во время Революціи. 15 Августа 1802 года, онъ былъ посвященъ въ Епископы а на слѣдующій годъ получилъ Кардинальскую шляпу; такимъ образомъ Бонапарте, воспользовавшись тѣмъ что одинъ изъ членовъ его семейства находился въ духовномъ званіи, возвелъ его въ высшій санъ Церкви; въ послѣдствіи онъ далъ Фешу Лионское Архіепископство, которое Кардиналъ сей и нынѣ еще занимаетъ.

Первый Консулъ очень радовался тому что онъ, покрайней мѣрѣ хотъ по наружности, въ торжествовалъ надъ сопротивленіемъ, которое обнаружили его приближенные къ возстановленію вѣры; онъ съ удовольствіемъ читалъ донесенія о томъ, что церкви посѣщаются; наконецъ, въ продолженіе 1802 года, заботливость его распространилась на все, что могло содѣйствовать къ преобразованію нравовъ, болѣе развратныхъ при Директоріи, нежели какими они были въ продолженіе Ужаса.

Въ могучемъ своемъ шествіи, Первый Консулъ не пренебрегалъ никакими средствами, способными въ одно время и обратить на него взоры толпы и заслужить ему одобреніе разсудительныхъ людей. Онъ довольно любилъ искусства и полагалъ что промышленность должна

быть покровительствуема главою Правительства; но должно сознаться что самъ онъ отнималъ у этого покровительства дѣйствительность безпрестанными посягательствами своей власти на разсудительную свободу, которая есть душа всего.

Въ первые дополнительные дни конца X года т. е. въ началѣ осени 1802, согласно съ приказаніями, данными Первымъ Консуломъ Г. Шантало, Министру Внутреннихъ Дѣлъ,—въ Лувръ была выставка произведеній промышленности; Бонапартъ ходилъ смотрѣть выставленные произведенія и какъ въ эту эпоху, онъ уже относилъ все къ себѣ — то онъ показалъ что гордится высокою степенью совершенства, до которой промышленность достигла во Франціи. Онъ въ особенности наслаждался удивленіемъ, возбуждаемымъ выставкою въ Лувръ, во множествѣ иностранцевъ, которые по заключеніи мира стекались въ Парижъ.

Дѣйствительно въ продолженіе 1802 года, столица представляла совсѣмъ новый видъ для новаго поколѣнія. Склонность къ пышности и къ забавамъ начала обнаруживаться въ нравахъ, переставшихъ быть Республиканскими и множество Русскихъ и Англичанъ, разъѣзжавшихъ повсюду въ блистательныхъ экипажахъ, не мало содѣйствовало къ этому превращенію. Все народонаселеніе Парижа стекалось на Карусель.

ную площадь въ дни смотровъ, глядѣть на необычайное для нея зрѣлище богатыхъ иностранныхъ ливрей и покрытыхъ гербами каретъ. Во внутренности Тюііери аудіенціи были блистательны и многочисленны; имъ недоставало только названія *царскихъ представлений* (levers). Г. Морковъ, заступившій мѣсто Г. Колычева въ званіи Посланника Россіи; Маркизь Лукезини, Прусскій Посланникъ и Лордъ Витвортъ, Англійскій Посланникъ, дѣлали Первому Консулу многочисленныя представленія и онъ очень былъ радъ что дворъ его, который онъ намѣревался образовать, имѣлъ у себя передъ глазами образцы иностранныхъ царедворцевъ. Никогда еще, со времени съѣзда Государственныхъ Чиновъ, театры не были столь посѣщаемы и разныя собранія столь многолюдны; никогда еще, съ той эпохи, Парижъ не являлся въ столь удовлетворительномъ видѣ. Первый Консулъ, съ своей стороны, не упускалъ никакихъ средствъ оказывать гостепрѣимство въ своей столицѣ и дѣлать оную болѣе и болѣе достойною удивленія путешественниковъ. Венера Медиційская, похищенная изъ галереи Герцоговъ Тосканскихъ, украсила Луврскую галерею, а неподалеку отъ нея была поставлена въ тоже время Паллада Велетрійская, приобрѣтеніе болѣе законное ибо ее отыскали Французскіе Инженеры въ Велетри. Все процвѣтало благосостояніемъ, которымъ

Бонапарте по справедливости гордился; при томъ же онъ съ удовольствіемъ взиралъ на такъ называемый имъ великій термометръ мнѣнія, на курсъ фондовъ; если онъ видѣлъ цѣну оныхъ удвоившеюся чрезъ Революцію 18 Брюмера и дошедшею въ эту эпоху отъ 7 франковъ до 16-ти; то эта двойная уже цѣна болѣе чѣмъ утроилась послѣ учрежденія пожизненнаго Консульства и Сенатскаго указа 4 Августа (*) ибо она возвысилась тогда до 52 франковъ.

Между тѣмъ какъ Парижъ представлялся въ столь удовлетворительномъ видѣ, все было покойно во внутренности Франціи и внѣшнія дѣла казались обеспеченными. Римскій Дворъ,

(*) Сенатскій указъ 4 Августа былъ почти новою Конституціею, заключавшею въ себѣ 86 статей, раздѣленныхъ на 10 главъ а именно:

1. О избирательныхъ Коллегіяхъ и собраніяхъ.
2. О собраніяхъ областныхъ.
3. Объ окружныхъ и Департаментскихъ избирательныхъ собраніяхъ.
4. О Консулахъ.
5. О Сенатѣ, коего число членовъ не должно превышать 120-ти.
6. О Государственныхъ Совѣтникахъ, коихъ число не должно превышать 50-ти.
7. О Законодательномъ Корпусѣ.
8. О Трибунатѣ, уменьшенномъ до 50-ти членовъ.
9. О правосудіи и судилищахъ.
10. О правѣ помилованія.

Сверхъ перемѣнъ, сдѣланныхъ въ Конституціи, тѣмъ же указомъ было предоставлено Первому Консулу право назначенія себѣ наслѣдника.

который со времени Конкордата, можно сказать былъ преданъ Первому Консулу, не переставалъ при всѣхъ случаяхъ подавать примѣръ угожденія своего къ желаніямъ Франціи; онъ первый призналъ возведеніе Герцогства Тосканы въ Королевство Етрурію и учрежденіе Республикъ Гельветической, Цизальпинской и Батавской. Сему примѣру вскорѣ послѣдовала Пруссія а за нею и прочія Державы Европы.

Всѣ эти новыя Государства, Королевства или Республики, находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Франціи. Г. Шиммельпеннингъ, долго бывшій главою Батавскаго Правительства, пріѣхалъ въ Парижъ представителемъ онаго и планъ новой Конституціи, принятый для Батавской Республики, былъ болѣе дѣломъ Франціи, чѣмъ Голландіи. Піемонтъ, раздѣленный на шесть Департаментовъ, былъ присоединенъ къ Франціи и извѣстіе о благодарственномъ молебствіи, происходившемъ въ Туринѣ по случаю этого присоединенія, совершенно убѣдило Перваго Консула въ томъ, съ какою легкостью вся Италія некогда преклонится подъ его иго. Островъ Эльба, сдѣлавшійся столь знаменитымъ чрезъ первое отреченіе Наполеона, былъ также приобщенъ къ призраку Французской Республики. И такъ мы находились въ мирѣ со всѣми и все казалось содѣйствовало къ доставленію Первому

Консулу самовластія, о которомъ одномъ онъ только и помышлялъ. Мнѣ кажется что даже и не знавъ его сокровеннѣйшихъ думъ, я бы не ошибся на счетъ его замысловъ, ибо одинъ изъ отличительныхъ признаковъ его правленія не оставлялъ нисколько сомнѣнія на счетъ его воли. Еслибъ онъ хотѣлъ основать свободное Правительство то ужъ конечно онъ бы возложилъ на Министровъ Государственную отвѣтственность, между тѣмъ какъ они отвѣтствовали только предъ нимъ; онъ видѣлъ въ нихъ лишь орудія, которыя онъ могъ по произволу своему ломать. Одинъ этотъ признакъ достаточно уже обнаруживалъ его будущія намѣренія; а дабы еще болѣе выставить что Министры его не подлежатъ никакой отвѣтственности, то всѣ акты Правительства были подписываемы однимъ только Г-мъ Маре, Статсъ-Секретаремъ.

И такъ пожизненное Консульство было не что иное какъ скрытая Имперія и обладаніе онымъ не долго могло удовлетворять честолюбію Перваго Консула; братья его одержали верхъ и новая династія была рѣшена.

Не внутри Франціи могли сначала возникнуть затрудненія но должно было очень опасаться того, что иностранныя Державы, признавъ уже Консульское Правленіе и ничѣмъ съ онымъ дѣлю, покажутъ иное расположеніе, вѣроятную минительность относительно Правительства, сдѣла-

вшагося вновь Монархическимъ. Вопросъ о Бурбонахъ оставался въ сторонѣ пока Франція была Республикою; напротивъ того, по возстановленіи престола, взоры могли обратиться на фамилію, занимавшую оный въ продолженіе столькихъ вѣковъ. Бонапарте вполне почувствовалъ затруднительность своего положенія въ этомъ отношеніи, но онъ умѣлъ видѣть пріятствія и оныхъ не утрушаться. Выше объяснено сколько препонъ принудили его отсрочить эпоху пожизненнаго Консульства и я описалъ въ концѣ предыдущей части глѣвъ, который причинило ему письмо Лафайета при подаваніи по сему предмету голоса. Первый Консулъ пересказывалъ мнѣ въ послѣдствіи разговоръ, который онъ имѣлъ съ этимъ человекомъ, знаменитымъ въ лѣтописяхъ свободы: можно судить о Г. Лафайетѣ разнымъ образомъ, но никто не откажется признать въ немъ большой стойкости правилъ. Между прочими предметами, у Перваго Консула съ Лафайетомъ зашла рѣчь о правленіи Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Г. Лафайетъ сказалъ Наполеону, что при учрежденіи сего союза былъ предложенъ вопросъ о томъ назначать ли Президента на всю жизнь; и хотя вопросъ сей, какъ извѣстно былъ рѣшенъ отрицательно, однакожъ Бонапарте изъ того только что оный былъ предложенъ, дѣлалъ выводы въ пользу своего пожизненнаго

назначенія, говоря что Американцы сами не знали что дѣлали лишая себя того, что онъ считалъ единственнымъ средствомъ упрочить благосостояніе Государства. Онъ совершенно былъ убѣжденъ въ томъ что нельзя сдѣлать ничего хорошаго тамъ гдѣ нѣтъ единства власти и считалъ, можетъ быть основательно, способъ избранія употреблявшійся въ Польшѣ одною изъ причинъ содѣйствовавшихъ къ уничтоженію сего Королевства. Дѣйствительно тамъ гдѣ есть избраніе въ высшій санъ, есть и пронырство, основанное на козняхъ партій и на пронскахъ, всегда старающихся подстрекать къ участию Иностранной Державы тогда какъ избирательный престолъ упразднится.

Какъ бы то ни было, а Первый Консулъ, врагъ всякой мысли о свободѣ, долго не могъ сойтись съ Лафайетомъ, напитаннымъ этими понятіями; даже самый способъ возвращенія его во Францію, чрезвычайно какъ не нравился Наполеону. Дѣйствительно Г. Лафайетъ, считая или показывая видъ что считаетъ Францію свободною, возвратился въ Парижъ безъ паспорта и сказалъ: «Я выѣхалъ изъ моего отечества вмѣстѣ со свободою; въѣзжаю вмѣстѣ съ нею, ибо она опять возвратилась, послику Наполеонъ первый ея охранитель. А между тѣмъ Наполеону очень не понравилось то,

что поборникъ Американской свободы возвратился безъ паспорта.

Не только на счетъ одного Консульскаго Правленія въ соединенныхъ-Штатахъ, на счетъ двухгодового срока Президентства, и на счетъ новой свободы Франціи подъ Консульскимъ Правленіемъ, Г. Лафайетъ изъявилъ противорѣчіе мыслямъ Перваго Консула; онъ порицалъ и Конкордаты; онъ желалъ чтобы Бонапартъ, предостави всемъ вѣроисповѣданіямъ равную свободу, поставилъ бы ихъ совершенно вѣ зависимости отъ Правительства и чтобы исповѣдающіе разныя вѣры, между собою согласились касательно учрежденія богослуженія и содержанія для оного духовенства. Я помню что при этомъ случаѣ Бонапартъ сказалъ мнѣ: «Лафайетъ можетъ быть правъ въ теоріи; но что значить теорія? глупость, когда ее хотять примѣнить къ массамъ людей; а притомъ онъ все воображаетъ себя въ Америкѣ! Какъ будто бы Французы Американцы! онъ можетъ быть и самъ не знаетъ что нужно для Франціи. Католическая вѣра въ ней господствуетъ и притомъ мнѣ нуженъ Папа: онъ будетъ дѣлать что я захочу. Лафайету вздумалось сказать будто бы я этимъ самъ себя поврежу. Увидимъ, увидимъ! «Мы точно увидѣли.

Г Л А В А V.

Восное правленіе.—Генералы дипломаты. — Ланпъ, говорящій Наполеону ты.—Несносная короткость. — Прекрасный характеръ Ланпа.—Умыселъ удаленія. — Втрломный совѣтъ. — Ноевскій отель.—Казна Гвардіи. — Умышленная забывчивость.—Ланпъ у Генерала Лефебра.—Данные въ заемъ четыреста тысячъ франковъ. — Гивъ Ланпа. — Горькіе упреки.—Средство уплачивать долги и Португальское посольство.—Просьба о увольненіи.—Совѣты Корвизара.—Нечувствительность ко мнѣ Наполеона.—Долгая первшинность. —Замедленное доставленіе депеши.—Г. Талейранъ въ кабинетъ Перваго Консула.—Гивъ Бонапарте. — Ушибенная рука.—Нестерпимая брань. — Неблагодарный отвѣтъ. —Я прошусь въ отставку.—Записка Дюрока.—Согласіе на мое увольненіе.—Хладнокровіе съ моей стороны и новый порывъ гива.—Мое прощанье. — Угрозы Трибунату.—Я завтракаю съ Наполеономъ. — Общаніе расположенія.—Дюрокъ просить меня остаться. — Бонапарте преклоплетъ меня къ тому своєю ласкою.—Отказъ мой на приглашеніе съ нимъ отобѣдать.—Временное примиреніе.

Бонапарте старался учредить во Франціи не одно только самовластное но и военное Правительство. Онъ думалъ что приказъ, подписанный его рукою имѣеть волшебную власть превращать его Генераловъ въ дипломатъ, почему онъ и назначалъ ихъ Посланиками, какъ будто бы желая показать чрезъ то Государямъ, при коихъ они находились, что онъ иѣкогда возьметъ ихъ престолы приступомъ. Мы видѣли что Дюроку и Полковнику Себастьяни были даны важныя порученія, отлично ими выполненныя; видѣли также назначеніе въ Лондонъ Посланникомъ Генерала Андреосси, въ противность мнѣнію Министра Внѣшнихъ Сношеній; такимъ же образомъ Брюнь былъ посланъ въ Константинополь а Ланнъ въ Лиссабонъ. Это послѣднее назначеніе имѣло причины любопытныя тѣмъ, что онъ вполнѣ выставляютъ характеръ Бонапарте, показывая въ то же время къ какимъ средствамъ онъ прибѣгалъ желая удалить даже самыхъ вѣрныхъ друзей своихъ, когда присутствіе ихъ ему надобдало.

Бонапарте не говорилъ болѣе Ланну *ты*, но Ланнъ продолжалъ это дѣлать разговаривая съ нимъ и нельзя себѣ вообразить до какой степени эта настойчивость короткость въ общеніи одного изъ храбрѣйшихъ его сподвижниковъ, сдѣлалась ему несносною. Зная его грубую откровенность и великую смѣлость, не

покидавшую его ни въ городѣ, ни въ шумѣ битвы, онъ уже 18 Брюмера опасался его упрековъ и для того сдѣлалъ его начальникомъ въ Парижѣ, удостовѣрясь тѣмъ что онъ не будетъ при немъ въ Сен-Клу. Съ этого времени и не смотря на безпрестанно возрастающее и становившееся взыскательнѣе величіе Перваго Консула, Ланнъ такъ хорошо удержалъ свой характеръ, что онъ остался одинъ, который смѣлъ еще обращаться съ Бонапарте какъ съ товарищемъ и безъ околичностей говорить ему правду. Этого было достаточно для того чтобы рѣшить удаленіе Ланна. Но подъ какимъ предлогомъ удалить побѣдителя Монтебельскаго? Предлогъ сей слѣдовало создать и при этомъ ковѣ, истинно дьявольскомъ, Бонапарте употребилъ въ дѣйствіе все хитрое искусство, коимъ онъ въ такой высшей степени обладалъ.

Ланнъ, беззаботный о завтрашнемъ днѣ, столько же расточительный на золото какъ и на кровь свою, тратилъ деньги безъ счету, давалъ много бѣднымъ Офицерамъ и своимъ солдатамъ которыхъ онъ любилъ какъ дѣтей; и отъ того Ланнъ, вмѣсто богатства, имѣлъ только долги. Когда ему были нужны деньги, что часто съ нимъ случалось, то онъ безъ околичностей являлся въ Тюліери и просилъ ихъ у Перваго Консула, который—надобно сознаться—никогда ему въ нихъ не отказывалъ. Зная

его положеніе, Бонапарте сказалъ ему однажды: «Вамъ надобно, милый мой, занять хорошую квартиру; поставить себя на такую ногу, которая была бы прилична вашему званію; наймите Ноельскій отель и уберите его попышиѣ.» Ланнѣ, которому искренность не дозволяла думать что подъ этимъ скрывается какой либо умыселъ, послѣдовалъ совѣту Перваго Консула. Ноельскій отель былъ напять и съ большимъ великолѣніемъ меблированъ. Одю поставилъ серебряный сервизъ, стоявшій около двухъ сотъ тысячъ франковъ.

Генераль Ланнѣ, исполнивъ такимъ образомъ изъявленную ему волю Бонапарте, явился къ нему и потребовалъ четырехъ сотъ тысячъ франковъ для уплаты за издержки, сдѣланныя нѣкоторымъ образомъ поего приказанію. «У меня нѣтъ денегъ,» сказалъ ему Первый Консуль. «Какъ нѣтъ денегъ? ну чтожъ мнѣ теперь дѣлать?»—Справьтесь есть ли наличная сумма въ Гвардейскомъ казначействѣ. Возьмите сколько вамъ нужно; мы это устроимъ.»

Безъ всякой недовѣрчивости, Ланнѣ отправился къ Гвардейскому Казначей, который сначала было затруднился, но скоро уступилъ, узнавъ что это дѣлается по волѣ Перваго Консула.

Не прошло двадцати четырехъ часовъ послѣ выдачи Ланну этихъ денегъ, какъ Казначей

получилъ отъ Генераль-Интенданта Гвардіи приказъ представить ему для повѣрки сумму; росписка въ четыреста тысячъ франковъ, положенная вмѣсто денегъ, не была принята. Тщетно Казначей ссылался на приказаніе Перваго Консула: этотъ послѣдній вдругъ потерялъ память и совершенно забылъ происшедшее; однимъ словомъ Ланну слѣдовало внести въ Гвардейскую казну четыреста тысячъ франковъ, а у Ланна, какъ я сказалъ, были одни только долги. Онъ отправился къ Генералу Лефебрю, который любилъ его какъ своего воспитанника и рассказалъ ему все происшедшее. «Простакъ ты,» сказалъ ему Лефебръ, «отъ чегожъ ты не пришелъ ко мнѣ?» зачѣмъ ты рѣшился быть должнымъ этому мерзавцу? На, возьми четыреста тысячъ франковъ; отнеси ихъ къ нему и пусть онъ убирается къ чорту.»

Ланнъ, въ бѣшенствѣ побѣжалъ къ Первому Консулу: «Какъ,» сказалъ онъ ему, «ты способенъ къ такой низости! поступать со мною такимъ образомъ? разставлять мнѣ такіа подлыя сѣти послѣ того, что я для тебя сдѣлалъ? послѣ всей крови, пролитой мною въ угодность твоему честолюбію! Такъ вотъ награда, которую ты мнѣ готовилъ! Видно ты забываешь что 13 Вандеміера я сдѣлалъ больше чѣмъ ты? Помнишь ли ты Миллезимо? Я былъ Полковникомъ прежде тебя. Для тебя я опять сдѣ-

лался солдатомъ. Надобно было оставить меня Гренадеромъ. За кого я дрался при Бассано? Ты видѣлъ меня при Лоди, при Говерноло, гдѣ я былъ раненъ; а ты сыгралъ со мною такую штуку! безъ меня Парижъ взбунтовался бы 18 Брюмера; безъ меня ты не выигралъ бы Маренгскаго сраженія. Я одинъ; да я одинъ перешелъ чрезъ По при Монтебелло со всею моею Дивизіею; ты хотѣлъ приписать эту честь Бертъе, который тамъ не былъ; я жертвовалъ собою для того чтобы видѣть себя уничтоженнымъ! этому не бывать. Мнѣ бы слѣдовало. . . . » Бонапарте слушалъ его неподвижный, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, и Ланнъ готовъ былъ вызвать его на поединокъ какъ въ самое это время, на крикъ его вбѣжалъ Жюно. Внезапное его присутствіе дало опомниться Первому Консулу и въ тоже время утишило ярость Генерала. «Когда такъ,» сказалъ ему Бонапарте, «то поѣзжайте въ Лиссабонъ: тамъ вы наживете денегъ и когда возвратитесь, то не будете имѣть ни въ комъ нужды для уплаты вашихъ долговъ.» Такимъ образомъ Бонапарте достигъ предположенной имъ себѣ цѣли. Ланнъ отправился въ Лиссабонъ, пересталъ тяготить его своею короткостью въ обхожденіи, а возвратясь не говорилъ уже Наполеону ты.

Признаюсь, что я не безъ намѣренія помѣстилъ здѣсь эту сцену Ланна съ Первымъ Кон-

суломъ; она естественнымъ образомъ приводитъ меня къ объясненію причинъ, по которымъ мы разстались съ Наполеономъ. Я попрошу у читателя позволенія войти касательно этого въ большія подробности, ибо столько было распространено ложныхъ слуховъ объ обстоятельствахъ, случившихся при нашемъ разставаньи или послѣ онаго, что мнѣ очень желательно описать дѣло во всей его точности. Вѣрный правилу, мною себѣ предписанному, я ничего не скрою.

Девять мѣсяцевъ уже тому просился я въ отставку. Безпрестанная работа сдѣлалась слишкомъ для меня утомительною. Здоровье мое отъ непомѣрныхъ занятій такъ разстроилось, что Корвизаръ, не перестававшій совѣтовать мнѣ дать себѣ отдыхъ, рѣшительно объявилъ мнѣ что я не долго устою противъ такихъ трудовъ. Корвизаръ вѣроятно говорилъ тоже и Первому Консулу, который однажды вовсе безъ участія сказалъ мнѣ: «Ну Буріениъ, Корвизаръ говоритъ что тебѣ остается жить всего только годъ.» Это привѣтствіе было не слишкомъ лестно отъ школьнаго друга и я въ тоже время долженъ замѣтить, что предсказаніе Корвизара было вовсе не пустое.

Я твердо рѣшился послѣдовать совѣту Корвизара; родные мои безпрестанно меня уговаривали, но я все откладывалъ. Я не могъ

забыть дружество, которое только однажды нѣсколько разстроилось тогда какъ Юсифъ употребилъ противъ меня у Фуше средство, принадлежащее къ обязанностямъ этого Министра; меня также удерживало воспоминаніе о пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ тогда какъ я прибылъ къ побѣдителю Италіи; мнѣ больно было оставить челоуѣка, который оказалъ мнѣ столько довѣренности и съ которымъ я находился въ связи съ семи лѣтъ; всё это всегда пересиливало отвращеніе, внушаемое мнѣ многими вещами и безпрестанную досаду, производимую противорѣчіемъ моихъ личныхъ чувствъ съ работою, мнѣ поручаемою. Эти различныя отношенія держали меня въ безпрестанной нерѣшимости, изъ которой одинъ только какой либо непредвидѣнный случай могъ меня вывести. Случай сей представился и вотъ какъ произошелъ первый между нами разрывъ.

27 Февраля, въ десять часовъ вечера, Бонапарте продиктовалъ мнѣ очень важную и очень нужную дипломатическую депешу къ Г. Талейрану. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашалъ Министра Внѣшнихъ Сношеній пріѣхать на другой день въ Тюііери въ назначенный часъ. По заведенному порядку, я отдалъ пакетъ Дежурному Офицеру для отправленія къ Министру.

Это было въ Суботу. На другой день, въ Воскресенье, Г. Талейранъ пріѣхалъ въ Тюііери

около полудня. Первый Консулъ, тотчасъ начавъ съ нимъ говорить о вчерашней депешѣ, чрезвычайно какъ удивился узнавъ что Министръ получилъ ее только въ тотъ день утромъ. Позвонивъ въ колокольчикъ, онъ приказалъ меня позвать. Чрезвычайно раздосадованный, онъ дернулъ за шнурокъ колокольчика съ такою торопливостью, что сильно ушибъ себя о каминъ пальцы. Я тотчасъ явился: «Отъ чего,» закричалъ онъ на меня съ запальчивостью, «отъ чего письмо мое не было вчера доставлено? — Не знаю; я тотчасъ отдалъ его тому, который долженъ былъ его отправить. — Поди справься и скорѣе воротись съ отвѣтомъ.» Тотчасъ все узнавъ, я опять вошелъ въ кабинетъ. «Ну Генералъ, тутъ никто не виноватъ: Г-на Талейрана не нашли ни въ Министерствѣ, ни въ Анжуйской улицѣ, ни въ тѣхъ домахъ, гдѣ могли предполагать что онъ находится.» Не зная на кого ему болѣе вскинуться, воздерживаемый хладнокровіемъ Г. Талейрана, но задыхаясь отъ гнѣва, Бонапарте встаетъ, выходитъ изъ кабинета, идетъ самъ въ караульную залу, зоветъ Дежурнаго Офицера и грубо на него кричитъ. Этотъ послѣдній, смущенный гнѣвомъ Перваго Консула, запинаясь, отвѣчаетъ дурно, и Бонапарте, еще болѣе раздраженный несвязностью отвѣтовъ Офицера, возвращается въ кабинетъ. Увидѣвъ его внѣ себя, я пошелъ

въ слѣдъ за нимъ и на возвратномъ пути старался его успокоить; я уговаривалъ его не дѣлать столько шуму изъ за вещи, которая притомъ и не была такъ очень важна. Не знаю должно ли было приписать запальчивость его крови, которая текла у него изъ руки и на которую онъ безпрестанно смотрѣлъ; но онъ затопалъ ногами съ такимъ неистовствомъ, въ какомъ я никогда его не видалъ; и вошедъ въ кабинетъ такъ сильно захлопнулъ за собою дверь, что еслибъ я находился отъ него немножко поближе, то мнѣ вѣрно бы разбило лице; вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ, которое можно назвать судорожнымъ, онъ въ присутствіи Г. Талейрана нестерпимо меня обругалъ: «Оставь меня въ покоѣ!» вскричалъ онъ; «ты безмозглая скотина!» — При этихъ неслыханныхъ словахъ признаюсь что гнѣвъ, обуявшій Перваго Консула, вдругъ овладѣлъ мною: предавшись вспльчивости, я также сильно отворилъ дверь какъ онъ ее захлопнулъ и совершенно забывшись, закричалъ ему: «Самъ ты во сто разъ болѣе меня скотина!» Сказавъ это ему, я опять затворилъ дверь и ушелъ на верхъ въ свою комнату, находившуюся надъ кабинетомъ.

Я столь же мало предвидѣлъ какъ и не желалъ бы, чтобы подобный случай разлучилъ меня съ Первымъ Консуломъ; но дѣло было

уже сдѣлано; я воспользовался онымъ даже не давъ себѣ времени подумать и, волнуемый еще гнѣвомъ, написалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ просьбу мою объ отставкѣ:

«Генераль,

«Состояніе моего здоровья не позволяетъ мнѣ «продолжать при васъ службу; почему покорнѣйше прошу объ увольненіи меня.

«БУРІЕННЪ.»

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого я увидѣлъ изъ окна приведенныхъ на терасу верховыхъ лошадей. Это было въ Воскресенье и Бонапарте, противъ своего обыкновенія, вздумалъ выѣхать въ этотъ день верхомъ; Дюрокъ ему сопутствовалъ. Какъ только они уѣхали, я тотчасъ сошелъ въ кабинетъ и положилъ на столъ письмо мое. Воротясь въ четыре часа съ Дюрокомъ, Бонапарте тотчасъ его увидѣлъ: *А, а,* сказалъ онъ Дюроку не распечатывая еще конверта, *письмо отъ Буріенна!* и пробѣжавъ его, тотчасъ прибавилъ. *Онъ гнѣвается . . . увольняю его!* Я оставилъ Тюліери въ ту самую минуту какъ онъ воротился; Дюрокъ прислалъ мнѣ туда, гдѣ я обѣдалъ слѣдующую записку:

«Первый Консулъ поручилъ мнѣ, любезный «Буріеннъ, сказать тебѣ что онъ соглашается «на твоё увольненіе и проситъ тебя, чтобы ты «сдалъ мнѣ его бумаги. Обнимаю тебя:

«ДЮРОКЪ.»

«P. S. Я въ слѣдъ за симъ самъ къ тебѣ буду.»

Дюрокъ пришелъ за мною въ восемь часовъ вечера. Первый Консулъ былъ въ своемъ кабинетѣ тогда какъ мы вошли туда: я тотчасъ началъ объяснять Дюроку все, могущее познакомить его съ дѣлами. Разсерженный тѣмъ что я неговорю съ нимъ и хладнокровіемъ, съ которымъ я сдавалъ дѣла Дюроку, Бонапарте сказалъ мнѣ самымъ грубымъ голосомъ: *Чортъ побери, будетъ и этого . . . оставь меня!* Соскочивъ съ лѣстницы, на которую я влѣзъ для того чтобы показать Дюроку мѣста бумагъ, я поскорѣе убрался вонъ, ибо и мнѣ ужъ это надоѣло.

Я остался еще два дня въ Тюліери пока отыскалъ себѣ квартиру. Въ Понедѣльникъ я сошелъ къ Первому Консулу проститься; мы долго и очень дружески съ нимъ разговаривали: онъ сказалъ мнѣ что ему жаль со мною разставаться и что онъ сдѣлаетъ для меня все что можетъ: я выбиралъ себѣ многія мѣста и наконецъ упомянуть о Трибунатѣ. *Это липсно не по тебѣ*, сказалъ онъ, *это говорунны, разскацки, которыхъ я прогону; всѣ волненія въ Государствѣ происходятъ отъ болтовни Трибуната; не хочу больше имѣть его.* Онъ продолжалъ въ томъ же смыслѣ убѣдивъ меня въ безпокойствѣ, которое внушалъ ему Трибунатъ, заключающій въ числѣ своихъ чле-

новъ, людей съ большими талантами и отличныхъ свойствъ (*).

На другой день, во Вторникъ, Первый Консулъ пригласилъ меня къ себѣ завтракать. Послѣ завтрака, между тѣмъ какъ Наполеонъ съ кѣмъ-то разговаривалъ, Г-жа Бонапарте и Гортензія убѣждали меня показать нѣсколько стоворчивости, замѣтивъ мнѣ со всегдашнею ихъ ко мнѣ ласкою и благосклонностью, что я долженъ былъ это сдѣлать; онѣ говорили мнѣ что я также виноватъ тѣмъ что я забылся; я отвѣчалъ имъ что по моему мнѣнію этого ужъ нельзя поправить и притомъ что я дѣйствительно имѣлъ нужду въ покоѣ. Въ эту минуту Первый Консулъ кликнувъ меня, долго со мною разговаривалъ и возобновилъ обѣщаніе о своемъ ко мнѣ расположеніи.

Соседъ въ пять часовъ, я собрался совсѣмъ оставить Тюліери, какъ въ самую эту минуту меня кликнули къ Первому Консулу. Дюрокъ, находившійся въ комнатѣ предъ кабинетомъ, сказалъ мнѣ: «Любезный другъ, онъ хочетъ чтобы ты остался; прошу тебя не противься: сдѣлай мнѣ это удовольствіе. Я объявилъ ему что я не въ состояніи заниматься этимъ дѣломъ: я къ нему не привыкъ; и между нами будь сказано, оно слишкомъ для меня скучно.» Я во-

(*) Первый Консулъ началъ въ 1802 году уменьшеніемъ 50 членовъ; а позднѣе весь Трибунатъ былъ уничтоженъ.

шелъ въ кабинетъ не давъ отвѣта Дюроку; Первый Консулъ подошелъ ко мнѣ улыбаясь и сказалъ мнѣ взявъ меня за ухо, какъ-то бывало во времена его благосклонности: «*Ты все еще сердишься?*» и повелъ меня такимъ образомъ на мое обыкновенное мѣсто. «*Сидись-ка тутъ.*» Надобно было знать его для того, чтобы посудить о моемъ положеніи. Онъ имѣлъ, когда хотѣлъ, увлекательную прелесть. Я не имѣлъ силы воспротивиться; не могъ ничего отвѣчать и принялся за мою всегдашнюю работу. Черезъ пять часовъ доложили ему что кушанье подано. — «Ты отобѣдаешь со мною?» сказалъ онъ мнѣ.—Никакъ не могу; меня ждутъ тамъ куда я собрался тогда какъ вы меня вели позвать; мнѣ нельзя туда не явиться.—Ну, я этому не противлюсь, только дай мнѣ слово, что ты будешь здѣсь въ восемь часовъ.—Даю вамъ его.» Такимъ образомъ я опять очутился собственнымъ Секретаремъ Перваго Консула и повѣрилъ искренности нашего примиренія.

Г Л А В А VI.

Акты Консульскаго правленія.—Бонапарте и Лудовикъ XIV.
—Великія эпохи.—Ничтожная власть двухъ другихъ Кон-
суловъ.—Сен-Жерменское предвѣстіе. — Римскій дворъ и
Почетный Легіонъ.—Государственный Совѣтъ.—Порученія,
дѣлаемыя членамъ оного.—Допускаемая свобода мнѣній.—
Боязнь всенароднаго объявленія оной.—Названіе *поддани-
ныхъ*.—Слова Наполеона.—Мысль уничтожить Трибунатъ.
—Речь Г. Симеона.—Отвѣтъ Перваго Консула.—Назначе-
ніе въ пробѣль.

Я теперь брошу взглядъ на важнѣйшіе акты
Консульскаго правленія до назначенія Напо-
леона въ пожизненныя Консулы. Не должно
терять изъ вида что Бонапарте трудился толь-
ко для себя и что, управляя Консульствомъ,
онъ воздвигалъ Имперію. Доказательство тому
находится во всѣхъ его дѣйствіяхъ, во всѣхъ
его рѣчахъ, въ словахъ, произнесенныхъ имъ
при разсужденіи о законахъ въ Государствен-
номъ Совѣтѣ и наконецъ, въ вечернихъ его от-

кровенностяхъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что исторія не представляетъ другаго примѣра Имперіи, основанной подобно тому какъ была основана Имперія Французская, ибо всѣ части оной образовались подъ завѣсою Республики. Наконецъ, безъ всякаго потрясенія и въ краткій четырехъ-лѣтній срокъ, изъ обломковъ наскоро составленной Республики основалось Правительство болѣе самовластное, нежели каковое было при Лудовикѣ XIV. Это произошло отъ многихъ причинъ и я имѣлъ случай увидѣть на дѣлѣ, сколь великое вліяніе постоянная воля одного человѣка можетъ производить на людей и на его вѣкъ. Время само по себѣ ничего не составляетъ; но наполняющія оное событія означаютъ великія эпохи; намъ ничего неизвѣстно о вѣкахъ, въ которые царствовали беспечные Государи, между тѣмъ какъ Леонъ X, пробывъ только одиннадцать лѣтъ на Папскомъ престолѣ, далъ свое имя тому вѣку.

Бонапарте царствовалъ четырнадцать лѣтъ; ибо по всей справедливости можно полагать годы Консульства въ числѣ годовъ его царствованія. Въ мысляхъ своихъ онъ дѣйствительно былъ Царемъ съ того самого дня, въ который онъ ночевалъ въ Люксембургѣ. Въ умѣ его господствовала мысль составить себѣ великое имя въ потомствѣ и создать правленіе по своему изволенію, то есть такое, въ которомъ онъ, бу-

лучи главою Государства, составлялъ бы все. При Консульствѣ, власть двухъ другихъ Консуловъ такъ была ничтожна не смотря на Гвардію, которую они еще при себѣ имѣли, что Г. Талейранъ по волѣ Перваго Консула, былъ въ существѣ вторымъ лицомъ Консульскаго правленія.

Имя Г. Талейрана и древность дома Перигоръ, были достоинствомъ въ глазахъ Перваго Консула, и по непостижимой несовмѣстности, онъ столько же былъ защитникомъ равенства между людьми, сколько врагомъ свободы. Такова по крайней мѣрѣ была мысль его пока онъ былъ Консуломъ, ибо извѣстно, сколько со времени восшествія на Императорскій престолъ, его обольщало вліяніе, соединенное со знатыми именами. Ниже уридятъ, какимъ образомъ сочиненія женщины, прославившейся умомъ своимъ, содѣйствовали къ поселенію въ умъ Наполеона высокаго мнѣнія о могуществѣ Сен-Жерменскаго предмѣстія.

Не этого однакоже могущества онъ наиболѣе страшился; онъ поступать съ нимъ разборчиво и лучше желать преклонить его, чѣмъ побѣдить. Главнымъ же предметомъ его опасеній были люди Революціи; а онъ полагалъ въ числѣ ихъ всѣхъ тѣхъ, которые были сильно привержены къ правамъ и учрежденіямъ, созданнымъ Революціею. Причина этого была очень проста; дѣло шло именно о тѣхъ, которые—не желая

чтобы улучшения, столь дорогою цѣною пріобрѣтенныя, были потеряны, прогивились пожизненному Консульству и въ особенности праву назначенія наследника.

Однакожь Первый Консулъ, повинувась внушеніямъ своего честолюбія, безпрестанно занимался тѣмъ, чтобы сдѣлать оное законнымъ чрезъ органическія учрежденія. Конкордаты примирить его съ Римскимъ дворомъ и съ людьми, сохранившими еще, къ счастью, набожныя чувства; исключеніе великаго числа эмигрантовъ изъ роковыхъ опальныхъ списковъ, преклонило на его сторону множество прежнихъ дворянъ и хотя прощеніе, дарованное лицамъ, не распространялось на возвращеніе имъ имѣній, но не смотря на то, послужило въ большую похвалу Первому Консулу.

Почетный Легіонъ, сначала дурно принятый, вскорѣ сдѣлался общимъ предметомъ желаній и честолюбія; порядокъ, введенный въ набожахъ людей для сухопутной и морской службъ, упрочилъ силу армій, а учрежденіе новой воспитной школы подавало этимъ арміямъ надежды имѣть Офицеровъ свѣдущихъ и достойныхъ оными начальствовать. Миръ, сколь оный ни долженствовалъ быть кратокъ, дозволилъ Первому Консулу заняться всѣми этими мѣрами внутренняго благосостоянія и онъ тогда усердно

присутствовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта.

Этотъ Совѣтъ, котораго какъ видѣли Бонапарте назначилъ меня членомъ и въ которомъ занятія мои не позволяли мнѣ присутствовать, былъ душою Консульскаго правленія. Не находясь въ засѣданіяхъ, я однакоже съ живѣйшимъ участіемъ слѣдовалъ за его дѣйствіями ибо Бонапарте, когда было разсуждаемо о важныхъ предметахъ, рѣдко не сообщалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ или на другой день утромъ мнѣнія, имъ предложенныя и тѣ, которыя онъ оспорилъ. Эти разсужденія очень его занимали, ибо Государственный Совѣтъ вообще былъ составленъ изъ людей самыхъ искусныхъ въ различныхъ отрасляхъ управленія и снисходительность,—хотя и господствовавшая въ ономъ,—часто не бывала единогласна, чему я уже представилъ доказательство, описавъ препятствія, встрѣченныя предложеніемъ объ учрежденіи Почетнаго Легіона.

Въ послѣдствіи моихъ Записокъ, я изложу мое мнѣніе о Государственномъ Совѣтѣ вообще; нынѣже ограничусь представленіемъ точнаго понятія о томъ, чѣмъ былъ этотъ Совѣтъ при Консульскомъ правленіи. Сначала въ немъ разсуждали откровенно, со свободою и какъ будто въ семьѣ о проектахъ Правительства. Но одобреніи сихъ проектовъ, оныя были передаваемы

Трибунату а потомъ Законодательному Корпусу. Но какъ Законодательный Корпусъ былъ безгласенъ, то дабы лучше понять что онъ значилъ въ Государствѣ, слѣдуетъ считать его высшимъ судилищемъ Законодательства предъ которымъ трибуны были адвокатами народа, а Государственные Совѣтники, обязанные поддерживать проекты законовъ,—адвокатами Правительства. Одно это отношеніе достаточно объясняетъ непріязнь, которую Первый Консулъ питалъ противъ Трибуната равно какъ и то, что произошло съ Конституціею тогда какъ палата сія была исключена изъ оной самовластнымъ дѣйствіемъ Наполеона.

При Консульствѣ, Государственный Совѣтъ, былъ не однимъ только политическимъ Корпусомъ, но члены, оный составляющіе облакались и отдѣльною властью. Такимъ образомъ Первый Консулъ отряжалъ Государственныхъ Совѣтниковъ въ каждую военную Дивизію, въ коей находился апелляціонный судъ. Инструкціи, которыя Первый Консулъ давалъ имъ, были обширны и такъ сказать неограниченны: они должныствовали осматривать всѣ отрасли управленія, повѣрять казну высшихъ финансовыхъ чиновниковъ; совѣщаться съ Генералами и съ Начальниками войскъ о разныхъ предметахъ службы, съ главными сборщиками податей о Государственныхъ доходахъ и наконецъ

съ Префектами и съ Инженерами Путей Сообщенія о необходимыхъ исправленіяхъ, коихъ требовали дороги и каналы, равно какъ о различныхъ, мѣстныхъ улучшеніяхъ. Эти отряжаемые чиновники освѣдомлялись также о господствующемъ въ мѣстахъ, ими осматриваемыхъ, мнѣніи касательно политики Правительства; такъ что сближенныя и сравненныя ихъ донесенія представляли Первому Консулу полную картину Франціи какъ въ политическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ такъ и касательно вещественныхъ частей ея управленія. Но и при этомъ случаѣ мѣра, столь превосходная въ существѣ своемъ, сдѣлалась пагубною для Государства. Первому Консулу мало говорили истины, или лучше сказать, такъ ее изукрашивали дабы представить оную въ видѣ, наиболее ему пріятномъ, что ее совершенно нельзя было узнать; ибо думали угодить ему и не ошибались, изображая ему расположеніе умовъ мнѣе такимъ, каковыхъ оно дѣйствительно было, чѣмъ такимъ, каковымъ онъ желалъ его видѣть; такимъ образомъ слѣдствіемъ этихъ донесеній были новые выводы въ пользу его честолюбія.

Надобно однакоже замѣтить, что въ разсужденіяхъ Государственного Совѣта, Первый Консулъ не страшился свободы мнѣній; даже часто онъ поощрялъ ее; ибо хотя и твердо рѣшась

дѣлать только то, что ему было угодно, онъ любилъ чрезъ это научиться; и трудно себѣ вообразить сколько въ два года, гений его сдѣлалъ навыка къ гражданскимъ и законодательнымъ дѣламъ. Но эта свобода мнѣній, терпимая имъ въ Совѣтѣ, была ему несносна въ Трибунатѣ. Это происходило отъ того что засѣданія Трибуната были всенародны; между тѣмъ какъ сужденія Совѣта сохранялись въ тайнѣ, а Бонапарте болѣе всего страшился всенародности. Когда ему случалось сообщить Законодательному Корпусу или Трибунату какіе либо неважные законы, то онъ очень былъ тѣмъ доволенъ, называя это костыми, которыя онъ бросалъ имъ поглотать.

Между предметами, представленными на разсужденіе Совѣту и Государственнымъ Палатамъ былъ одинъ, подавшій поводъ къ пренію по весьма странной причинѣ: дѣло шло о словѣ, очень прилично употребленномъ относительно Россіи въ 3-й статьѣ договора сей Державы съ Францією, но которое при Консульскомъ правленіи походило на пророчество или лучше сказать на преждевременное объявленіе; упоминалось о *подданныхъ* обоихъ Правительствъ. Это названіе *подданными*, примѣненное къ тѣмъ, которые считали себя гражданами Французской Республ.ки, показалось щекотливымъ, въ особенн.ости Трибунату. Шенье былъ въ числѣ

тѣхъ, которые съ наибольшимъ жаромъ возстали противъ введенія этого названія въ словарь новаго Правительства; онъ сказалъ что Французскія арміи пролили кровь свою съ тѣмъ чтобы Французы были гражданами а не подданными. Но рѣчь Шенье только безъ пользы раздражила Перваго Консула ибо договоръ, который по тогдашнему порядку слѣдовало представить Государственнымъ Палатамъ, былъ одобренъ Трибунатомъ единогласно за исключеніемъ четырнадцати голосовъ, и число черныхъ шаровъ по соразмѣрности, было еще гораздо меньше того въ Законодательномъ Корпусѣ; чтоже было дѣлать съ уполномоченными и ораторами народа, которые соглашались признать себя подданными еще прежде чѣмъ они таковыми сдѣлались? То что сдѣлалъ Первый Консулъ: въ самомъ дѣлѣ превратить ихъ въ подданныхъ, а онъ того только и желалъ.

Это преніе прошло почти незамѣтнымъ образомъ; но оно очень не понравилось Первому Консулу, который въ тотъ же вечеръ изъясилъ мнѣ все свое неудовольствіе: «Изъ чего бьются эти говоруны,» сказалъ онъ, «они хотятъ быть гражданами! . . . Зачѣмъ они не умѣли быть ими. Мое Правительство должно было договариваться на равной ногѣ съ Россією. Иностранные Дворы сочли бы меня куклою еслибъ я уступилъ глупымъ притязаніямъ Трибуната.

Эти люди до такой степени мнѣ надоѣдаютъ, что меня право беретъ охота разомъ съ ними кончить.» Я старался успокоить Перваго Консула давая ему почувствовать сколько такое опрометчивое дѣйствіе можетъ повредить ему: «Да, ты правъ,» прибавилъ онъ, «но будь покоенъ, они ничего не потеряютъ тѣмъ что пождутъ!» Этого рода обѣщаніе было не изъ числа тѣхъ, въ которыхъ Первый Консулъ не держалъ своего слова и онъ очень доказалъ это Трибунату.

При важномъ вопросѣ о пожизненномъ Консульствѣ, Бонапарте былъ однакоже болѣе доволенъ Трибунатомъ чѣмъ въ приведенномъ мною случаѣ, благодаря взятой уже имъ предосторожности, исключить изъ онаго тѣхъ членовъ, которые показали наиболѣе сопротивленія посягательствамъ его власти. Трибунатъ опредѣлилъ предложить Первому Консулу блистательный залогъ народной признательности и сообщить это опредѣленіе особеннымъ посольствомъ Сенату. Ни одного голоса не было подано противъ этого предложенія, сдѣланнаго бывшимъ тогда Президентомъ Трибуната Шабо де л'Аліе, который для сего сошелъ на минуту со своихъ креселъ.

Въ бумагахъ моихъ нахожу я слѣдующее привѣтствіе, сдѣланное отъ имени Трибуната Первому Консулу Г-мъ Симеономъ.

Часть V.

«Никогда еще поздравленія Трибуната не были дѣлаемы при обстоятельствахъ, столь достопамятныхъ. Это уже не блистательная но кровавая и горькая жатва лавровъ—а сладкіе плоды знаменитой войны, приведенные въ зрѣлость миромъ. Рядомъ съ представленною намъ вчера ораторами Правительства великолѣпною картиною положенія, въ которое миръ сей приводитъ Европу, — мы можемъ поставить изображеніе внутренности Республики, столь украшенное сравненіемъ съ прошедшимъ, столь счастливое залогомъ и надеждами на будущее.

«Новое поприще отверзается предъ Французскимъ народомъ. Тотъ же геній и тоже искусство поведутъ вождей его, тѣже усилія будутъ имъ содѣйствовать, тѣже преданность туда за нимъ полѣдусть.

«Много заслугъ оказали Отечеству арміи, которыя спасли его, защитили, увеличили. Тотъ кто столько разъ водилъ ихъ къ побѣдѣ имѣетъ тѣже права на народную признательность. Эти права повсюду начертаны. Я читаю ихъ на знаменахъ этихъ храбрыхъ солдатъ, столь гордящихся славою своего Генерала; они зачатѣлы на вершинахъ Альпъ, равно какъ въ долинахъ Италіи.

«Не одна побѣда начертала ихъ. Другіе памятники объ оныхъ свидѣтельствуютъ.

«Кто усмирилъ Вандею, прекратилъ послѣднія

опалы; успокоилъ совѣсти, возвратилъ вѣроисповѣданію свободу а семействамъ, милыхъ имъ и несчастныхъ членовъ?

«Спѣшу кончить опасаясь чтобы не сочли похвалою воздаваемую мною одну только справедливость,—и изображу въ короткихъ словахъ глубокое чувство, которое могла бы заглушить одна только неблагодарность.

«Мы ожидаемъ чтобы первое сословіе Государства сдѣлалось объявителемъ сего общаго чувства, которое Трибунату дозволено только желать и по объявленіи онаго утвердить его своими голосами. Каково бы оно ни было, Гражданинъ Первый Консуль, а оно присоединить къ вашимъ почестямъ столь драгоценныя для великой души, свидѣтельства всенародной признательности. Вы будете принадлежать Французскому народу еще чрезъ эти узы, гораздо болѣе могущественныя чѣмъ власть и почести; оно крѣпче чѣмъ когда либо привяжетъ ваше счастье къ счастью народа и вашу славу къ его свободѣ»

Я можетъ быть не выписалъ бы отъ слова до слова приведенную мною рѣчь, еслибы не счелъ ее чрезвычайно любопытною въ томъ отношеніи, что по выраженію чувствъ Палаты, которой Первый Консуль наиболѣе страшился, можно было посудить до какой степени долженствовало простирались угожденія для того чтобы

удовлетворить его. По обыкновенію своему въ подобныхъ случаяхъ, Бонапарте сыгралъ свою ролю со всёмъ искусствомъ, къ которому онъ былъ способенъ и сказавъ депутаціи сколь онъ тронутъ и даже признателенъ за чувства Трибуната, онъ прибавилъ: «Я не желаю иной славы кромѣ той что я вполнѣ исполнилъ обязанность, на меня наложенную. Не домогаюсь другой награды кромѣ любви моихъ согражданъ и счастливымъ себя сочту если они вполнѣ убѣдятся въ томъ что бѣдствія, ими претерпѣваемыя, всегда будутъ для меня наиболѣе чувствительными; что жизнь дорога мнѣ только по услугамъ, которыя я могу оказать Отечеству; что самая смерть не будетъ для меня горька, если мои послѣдніе взоры увидятъ благоденствіе Республики столь же утвержденнымъ какъ ея слава.»

Эти слова конечно были прекрасны; но дѣйствіа, за оными послѣдовавшія, достаточно объяснили смыслъ ихъ. Впрочемъ Первый Консулъ, вошедъ обратно въ кабинетъ, былъ очень веселъ и сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, Трибунатъ предлагаетъ мнѣ назначеніе въ пробѣлъ, я ужъ буду знать какъ вписать его; это мое дѣло!»

Г Л А В А VII.

Бонапарте и власть. — Блистательное доказательство. — Голова Наполеона. — Сенаторы въ Тюліери. — Лапласъ и Ласепедъ. — Преданность Камбасереса. — Странность одного Сенатскаго Указа. — Неудовольствіе Перваго Консула. — Двусмысленныя слова. — Испрашиваніе народнаго мнѣнія. — Причины моего неприсутствія въ Государственномъ Совѣтѣ. — Рёдереръ и Ренію де Сен-Жапъ д'Анжели. — Замѣчанія Дюбуа. — Консульскій указъ. — Г. де Вобланъ. — Письменный отвѣтъ. — Адресъ Трибуната. — Дурно принятыя совѣты. — Желанія Франціи.

Читатели видѣли приступъ, сдѣланный къ полученію пожизненнаго Консульства; посмотримъ теперь какъ было поведено дѣло, какъ разыграли піесу и какъ герой драмы, въ пользу котораго давалось представленіе, оста-

вался сколько можно долѣе за кулисами. Судя по всенароднымъ рѣчамъ Перваго Консула, можно было подумать, что онъ хочетъ сдѣлать съ властью какъ онъ сдѣлалъ касательно Сен-Клудскаго Дворца, т. е. отказаться отъ предлагаемаго а потомъ взять предложенную вещь.

Вотъ какъ дѣло происходило:

Трубунатъ изъявилъ свое неопредѣлительное желаніе предложить Первому Консулу *блистательное доказательство* народной признательности. И такъ оставалось узнать въ чемъ будетъ состоять это *блистательное доказательство*. Бонапарте очень зналъ чего ему хотѣлось, но не хотѣлъ сказать того утвердительно и хотя, въ порывахъ нетерпѣнія, причиняемаго ему медленностью Государственныхъ Палатъ и нерѣшительностью нѣкоторыхъ изъ членовъ оныхъ, онъ часто говорилъ что сидеть на коня и обнажить мечъ, но онъ преодолѣлъ себя до такой степени что только при довѣрчивыхъ разговорахъ изъявлялъ свое негодованіе а по наружности напротивъ того показывалъ видъ что самъ онъ дѣйствуетъ по принужденію, и вовсе не хочетъ похищать себѣ пожизненную власть, противную Конституціи; а уступать только потребностямъ Франціи и не рѣшился бы поработить Отечество иначе какъ отъ избытка любви своей къ оному. Такое соображеніе не могло бы родиться и созрѣть въ обыкновенномъ умѣ, но у

Бонапарте была не такая голова какъ у другихъ; слѣдовало имѣть очень сильную волю для того чтобы столь долго обуздывать врожденную его смѣлость, проистекавшую болѣе отъ его темперамента, чѣмъ отъ характера. Признаюсь, что зная его хорошо, я всегда болѣе удивлялся въ немъ тому что онъ имѣлъ твердость не дѣлать, чѣмъ тому что онъ когда либо свершалъ самаго отважнаго.

Сообразно съ принятымъ порядкомъ, предложеніе Трибуната было сообщено Сенату. Съ той поры Сенаторы, на которыхъ Бонапарте наиболѣе надѣялся, стали часто являться въ Тюльери. Лапласъ, котораго Наполеонъ счелъ такимъ дурнымъ Министромъ и Ласпедъ, оспаривали другъ у друга пальму преданности, которой еще преимущественнѣе сихъ двухъ знаменитыхъ ученыхъ удостоились двое товарищей Перваго Консула. Камбасерсъ, довольный степенью вліянія своего на главу Правительства, послѣ того какъ ему удалось исхочатайствовать позволеніе чтобы курьеры возили лакомые припасы для стола его,—болѣе всѣхъ прочихъ показывалъ усердія къ выполнению тайныхъ желаній Перваго Консула. Такъ какъ по извѣданіи умовъ въ предуготовительныхъ собраніяхъ, предшествовавшихъ общему сужденію въ Сенатѣ, удостоивѣрились, что большинство голосовъ не согласится на то дабы *блистательнымъ дока-*

зательствомъ было пожизненное Консульство, —то положили чтобы докладчикъ ограничился требованіемъ временнаго продолженія сана Перваго Консула въ пользу Бонапарте. Ласепедъ, бывший тогда докладчикомъ, сообразно съ симъ ограничилъ отсрочку десятию годами, долженствовавшими считаться съ окончанія десяти лѣтъ, опредѣленныхъ Конституціею. Не помню кто изъ Сенаторовъ, первый сдѣлалъ предложеніе пожизненнаго Консульства; но очень знаю, что Камбасересъ употребилъ всю власть свою у членовъ Сената, на коихъ онъ имѣлъ вліяніе для того чтобы доставить успѣхъ этому предложенію. Изъ лести ли, или по убѣжденію, Второй Консулъ старался поддерживать въ своемъ товарищѣ или лучше сказать въ своемъ повелителѣ, мысль о полномъ успѣхѣ. Бонапарте, слушая его, качалъ головою съ видомъ сомнѣнія и говорилъ мнѣ потомъ: «Они конечно позаупрямятся, но наконецъ должны же будутъ согласиться.»

Въ Сенатѣ ходатайствовали о томъ чтобы предложеніе о пожизненномъ Консульствѣ было доложено прежде предложенія о десяти-лѣтней отсрочкѣ; но это было тщетно и по принятіи послѣдняго изъ этихъ предложеній нечего уже было разсуждать о первомъ.

Въ изданномъ отъ Сената указѣ, было нѣчто, весьма любопытное. Сенатъ говорилъ въ немъ

отъ имени Французскаго народа и, какъ было сказано: «дабы изъявить признательность *Консуламъ* Республики,» продолжали десятию годами срокъ Консульства для одного только Перваго Консула. Дѣйствительно продолженіе власти, предоставленное въ пользу Камбасереса и Лебрёна, было бы для нихъ только горькою насмѣшкою, ибо они оба знали что думать о срокѣ этого новаго договора Бонапарте съ Республикою.

Первый Консулъ, очень недовольный рѣшеніемъ Сената, скрылъ однакоже свое неудовольствіе подъ двусмысленными словами: когда Тронше, бывшій тогда Президентомъ Сената, представъ предъ него съ депутацією, прочель ему Сенатскій указъ о продолженіи срока Консульству, то онъ отвѣтствовалъ:

«Сенаторы, почтное доказательство уваженія, заключающееся въ опредѣленіи вашемъ 18 числа, будетъ всегда запечатлѣно въ моемъ сердцѣ.

«Воля народа облекла меня въ верховный санъ. Я бы не счелъ себя обеспеченнымъ въ его довѣріи, еслибъ актъ, меня въ ономъ оставляющій не былъ утвержденъ его же волею.

«Въ три послѣдніе года, фортуна улыбалась Республикѣ; но фортуна непостоянна и сколько людей, осыпанныхъ ею дарами, въ послѣдствіи лишились оныхъ.

«Полюза моей славы и моего счастья казалось

полагала срокъ моей общественной службѣ въ ту минуту какъ миръ свѣта объявленъ.

«Но слава и счастье гражданина должны умолкнуть тогда какъ выгоды Государства и всеобщее благоволеніе его призываютъ.

«Вы полагаете что я обязанъ народу новымъ пожертвованіемъ; я сдѣлаю оное если желаніе народа повелитъ то что вы мнѣ предлагаете.»

Такимъ образомъ Бонапарте скрылъ свое обманувшееся честолюбіе подъ хитрыми словами, подъ ложнымъ видомъ уваженія къ волѣ народа, коего онъ будто бы хотѣлъ спросить мнѣнія. Настоящій смыслъ этихъ словъ не былъ понятъ всѣми, и дѣйствительно его могли угадать только посвященные въ тайну его замысловъ. Онъ не принялъ предложеніе Сената потому что желалъ большаго; потому что отказъ его, послѣ того какъ была рѣчь о пожизненномъ Консульствѣ, придавалъ *блестятельному доказательству*, опредѣленному Трибунатомъ, совсѣмъ иной видъ, возстановля оное въ первоначальномъ его смыслѣ. Такимъ образомъ, вопросъ, сдѣлавшись оплть новымъ, долженствовалъ быть рѣшеннымъ только народомъ и такъ какъ народъ имѣлъ право отказывать въ томъ, что Сенатъ предлагалъ, — то онъ по этому же имѣлъ право давать то, чего Сенатъ не предлагалъ. Таковы были расчеты Бонапарте и въ этомъ-то смыслѣ онъ говорилъ

мнѣ о Сенатскомъ указѣ и объ отвѣтѣ своемъ депутаціи Сената.

По учрежденіи сего такимъ образомъ, слѣдовало обратиться къ Государственному Совѣту дабы узнать, какой будетъ избранъ способъ для истребованія голосовъ народа, какіе вопросы ему будутъ предложены, и наконецъ когда именно слѣдуетъ собрать голоса его. Для сего Государственный Совѣтъ собрался въ чрезвычайное засѣданіе 10 Маія.

Я не присутствовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, хотя Бонапарте уже довольно давно назначилъ меня членомъ онаго. Безпрестанныя занятія въ кабинетѣ, не дозволили бы мнѣ въ немъ засѣдать, хотя бы даже приличія, коихъ требовало положеніе мое при Первомъ Консулѣ и не полагали тому непреодолимой препоны; и признаюсь что я вовсе объ этомъ не жалѣлъ, ибо мнѣ часто бы пришлось находиться тамъ въ затрудненіи; я бы не могъ всегда удерживаться отъ изложенія въ Совѣтъ мнѣній, разнообразныхъ съ тѣми, которыя я предлагалъ въ уединеніи кабинета, гдѣ онѣя не всегда хорошо были принимаемы. Что произошло бы, еслибъ они стали доходить до ушей Перваго Консула! Но если я не присутствовалъ въ Совѣтѣ, то по положенію моему обязанъ былъ знать обо всемъ, что тамъ происходило важнаго.

Въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, Бонапарте хотѣлъ устранить себя отъ всякаго явнаго на оное вліянія; но его два товарища дѣйствовали за него съ большимъ усердіемъ, чѣмъ какое онъ бы могъ показать самъ; имъ сильно помогали многіе члены Совѣта, между коими въ особенности отличались Рёдереръ и Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. Замѣчаніе, сдѣланное Префектомъ Полиціи Дюбуа, также имѣло много вліянія на рѣшеніе этого дѣла. Дюбуа объявилъ что изъ ежедневно получаемыхъ имъ донесеній оказывается, «что мнѣніе публики вообще противно Сенатскому указу и что повсюду громко требуютъ, чтобы Генераль Бонапарте былъ сдѣланъ Консуломъ на всю жизнь съ предоставленіемъ ему права избрать себѣ наслѣдника.» Это объявленіе не могло не имѣть большого вѣса въ устахъ человѣка, который лучше всѣхъ долженъ былъ знать общее мнѣніе; однакожъ въ Совѣтѣ обнаружилось нѣкоторое сопротивленіе но безъ досады, и все разсужденіе было тихо, даже холодно, какъ мнѣ сказывалъ одинъ членъ Совѣта. Сильное большинство голосовъ перевѣсило въ пользу Перваго Консула; а онъ, пребывая вѣрнымъ своему плану, всегда готовый польстить владычеству народа, которое внутренно ненавидѣлъ, издалъ слѣдующее опредѣленіе, послужившее объясненіемъ отвѣта его Сенату.

«Консулы Республики,

«Принимая въ соображеніе что рѣшимость
Перваго Консула, есть блистательная дань ува-
женія, принесенная имъ владычеству народа;
что народъ, при объявленіи своего мнѣнія на
счетъ драгоцѣннѣйшихъ его выгодъ, не долженъ
быть ограниченъ ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ
симиже выгодами, опредѣляютъ слѣдующее:

СТАТЬЯ I-я. «Французскому народу предло-
жится слѣдующій вопросъ:

«Будетъ ли Наполеонъ Бонапарте Консуломъ
«на всю жизнь?»

Ст. II-я. «Въ каждомъ приходѣ будутъ откры-
«ты подписки, въ которыя граждане пригла-
«шаются вносить свое мнѣніе касательно этого
«вопроса.

Ст. III-я. «Подписные листы будутъ находить-
«ся въ канцеляріяхъ всѣхъ присутственныхъ
«мѣстъ и судовъ, у всѣхъ Меровъ и у всѣхъ
«Потаріусовъ.

Ст. IV-я. «Срокъ для подавія голосовъ въ
«каждомъ Департаментѣ назначается три недѣли
«считая со дня полученія въ Пресектурѣ сего
«опредѣленія и семь дней съ того числа какъ
«списокъ съ онаго придетъ въ каждый при-
«ходъ.»

Въ этомъ опредѣленіи, политика Перваго
Консула является въ новомъ видѣ и сіяетъ
всѣмъ своимъ блескомъ. Сей часъ только онъ

отказался отъ меньшаго для того, чтобы получить большее; а теперь онъ заставлялъ предлагать себѣ большее для того чтобы блеснуть своею умѣренностью, принявъ меньшее. Государственный Совѣтъ утвердилъ объявленное Префектомъ Полиціи мнимое желаніе народа, предоставляющее Первому Консулу право назначить себѣ наслѣдника, но Первый Консулъ самъ не хотѣлъ получить онаго; въ слѣдствіе чего Второй Консулъ, представляя на другой день Государственному Совѣту выше приведенное опредѣленіе, не пропустилъ выставить эту высокую умѣренность, не позволявшую предполагать даже тѣни какой либо скрытной мысли честолюбія. Такимъ образомъ Сенатъ остался въ сторонѣ, а опредѣленіе Консуловъ было въ тоже время сообщено Законодательному Корпусу и Трибунату.

Въ Законодательномъ Корпусѣ, Г. де Вобланъ отличился между тѣми депутатами, которые превознесли поведеніе Провительства и онъ произнесъ хвалебную рѣчь депутаціи Законодательнаго Корпуса къ Первому Консулу. Высказавъ что слѣдовало умственному существу, называемому Правительствомъ, онъ обратился къ лицу одного Перваго Консула,—способъ лести, не бывшій до тѣхъ поръ въ употребленіи и вовсе не неугодный тому, для котораго къ оному прибѣгли (*).

(*) Смори въ приложеніяхъ рѣчь Г. Воблана.

тельно сообщена Первому Консулу, который приготовилъ слѣдующій отвѣтъ, составленный имъ кажется съ Г-мъ Маре, ибо я не помню, чтобы Бонапарте мнѣ его диктовалъ. Онъ отвѣтствовалъ:

«Чувства, вами выраженные и это торжественное посольство служить Правительству драгоценнымъ залогомъ уваженія Законодательнаго Корпуса.

«Я былъ призванъ къ верховному правительственному сану при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ народъ не могъ возвести въ тишинѣ размышленія достоинства своего выбора.

«Тогда Республика была раздираема междоусобиемъ; непріятель угрожалъ границамъ; не существовало болѣе, ни безопасности, ни Правительства. Въ такомъ опасномъ положеніи, выборъ сей могъ быть только необдуманнѣйшимъ слѣдствіемъ опасеній.

«Нынѣ миръ возстановленъ со всѣми Державами Европы; граждане представляютъ собою картину соединеннаго семейства и опытъ показалъ имъ настоящую цѣну сдѣланнаго ими перваго выбора Правительства. Пусть они объявятъ свою волю со всею искренностью, со всею независимостью: она будетъ исполнена: каковъ бы ни былъ мой жребій—Консулъ или Гражданинъ а я буду существовать лишь для величія и благоденствія Франціи.»

Изъ отвѣта Перваго Консула на рѣчь Законодательнаго Корпуса видно что она ему понравилась; кромѣ местнаго отдѣленія его особы отъ Правительства, никакакой совѣтъ, никакое замѣчаніе не умѣряло въ оной полноты похвалъ. Не таковъ былъ адресъ Трибуната (*). Послѣ похвалъ, требуемыхъ обстоятельствомъ, Трибунатъ излагалъ въ ономъ рядъ надеждъ, которыя, при сравненіи ихъ съ послѣдовавшими событіями, кажутся явнымъ противорѣчіемъ того что произошло: Трибунатъ не имѣетъ нужды въ ручательствахъ ибо понятія Бонапарте слишкомъ возвышенны, слишкомъ великодушны для того, чтобы онъ когда либо уклонился отъ свободномысленныхъ правилъ, произведшихъ Революцію и основавшихъ Республику: онъ слишкомъ любитъ истинную славу для того, чтобы когда либо злоупотребленіемъ власти помрачить необъятную славу, имъ пріобрѣтенную: народъ, призавшій его къ Правительству, свободенъ и великодушенъ; онъ уважитъ, онъ утвердитъ его свободу. Онъ отличитъ своихъ истинныхъ друзей, которые станутъ говорить ему правду отъ льстецовъ, которые будутъ стараться обмануть его. Бонапарте наконецъ, окружитъ себя людьми благонамѣренными, которые, участвовавъ въ Революціи, найдутъ выгоды въ томъ, чтобы ее поддерживать.

(*) Смотри въ концѣ книги.

На эту улыбающуюся картину будущего, на эти столь скоро сбывшіяся пророчества и на многія другія прекрасныя вещи, Первый Консуль отвѣтствовалъ: «Это изъясненіе пріѣзди Трибуната драгоцѣнно Правительству. Соединеніе всѣхъ сословій Государства есть единственная порука прочности и благополучія. Дѣйствія Правительства будутъ постоянно направлены къ выгодамъ народа, отъ коего проистекаютъ всѣ власти и для коего трудятся всѣ благомыслящіе люди.»

Вотъ однакоже какъ управляютъ народами и какъ составляются Правительства. Впрочемъ я долженъ сказать одну вещь, которая кажется мнѣ неоспоримою: что съ той минуты какъ Бонапарте, искусно достигъ того что положили спросить мнѣнія народа на счетъ пожизненнаго Консульства, — онъ не могъ уже сомнѣваться въ благопріятной развязкѣ этого дѣла; не только по причинѣ способовъ вліянія, которые были въ рукахъ Правительства, и которые агенты его умѣли распространять отъ средоточія на всѣ отрасли но и по тому что это было почти всеобщее желаніе. Республиканцы уже не иначе какъ съ робостью обнаруживали свои правила, которыхъ очарованіе прекратилось; приверженцы Монархій, неразбравшіе кто будетъ царствовать, видѣли почти свершившіяся свои надежды въ пожизненномъ Консульствѣ;

воспоминаніе о Бурбонахъ существовало еще въ нѣсколькихъ сердцахъ, вѣрныхъ несчастію; но общая громада людей держала сторону Перваго Консула и виѣшнія его дѣйствія при этомъ новомъ шагѣ его къ престолу, покрывались такимъ благоразуміемъ, что можно было вѣрить его искренности. И впрочемъ, если я и нѣкоторые другіе, болѣе или менѣе были свидѣтелями его хитростей и высокаго шарлатанства, то Франція видѣла его славу и съ признательностью наслаждалась благодѣяніями мира, ей имъ дарованными. Одобреніе народа скоро осуществило надежды Перваго Консула, и такимъ образомъ основалось пожизненное Консульство.

Г Л А В А VIII.

Пребываніе въ Мальмезонѣ.—Поклоненіе отвагъ.—Прогулка въ паркѣ.—Разговоръ.—Неожиданный вопросъ о Бурбопахъ.—Отрицательный отвѣтъ.—Изъясненіе.—Важность агентовъ.—Лудовикъ XVIII.—Замыслы. — Разница въ Наполеонѣ относительно двухъ оппозицій. — Новыя козьи Луціана.—Циркуляръ безъ подписи.—Книжка Камила Жордана.—Жестокая выходка противъ свободы тисненія. — Запрещеніе книжки.—Негодованіе нѣкоторыхъ членовъ Сената за сдѣланную имъ потачку. — Принужденное уничтоженіе товарищей Наполеона.—Одобреніе передѣлки Конституціи. — Неоспоримый доводъ. — Новый Сенатскій указъ. — Пышныя слова Наполеона о свободѣ и равенствѣ.—Г. Бартеlemi.—Дипломатическій корпусъ.—Большіе покон. — Печаль Иозефинны.—Мнѣніе Камбасереса на счетъ чувствъ, обнаруженныхъ Первымъ Консуломъ.

Когда, для пожизненнаго Консульства, осталось ожидать только народныхъ голосовъ, на счетъ коней не существовало никакого сомнѣ-

ніа, то Первый Консулъ отправился на нѣсколько дней въ Мальмезонъ. Онъ почти всегда имѣлъ привычку дѣлать это послѣ событія, выходившаго изъ обыкновенной черты управленія. Тамъ онъ размышлялъ о томъ что онъ сдѣлалъ и какъ, не знаю по какому-то предопредѣленію, самыя отважныя дѣла его всегда увѣнчивались успѣхомъ, то онъ утверждался въ увѣренности о своемъ счастьи и въ нѣкоторомъ родѣ поклоненія, оказываемаго имъ отвагѣ. Пока страсть его побуждала, то онъ видѣлъ одну только цѣль; но по достиженіи цѣли, онъ разсматривалъ препятствія, которыя могли ему встрѣтиться.

Въ день пріѣзда нашего въ Мальмезонъ, около половины Маія, когда дни начали становиться длинными, тотчасъ по выходѣ изъ за стола Бонапарте сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, пойдемъ проходиться.» Я вышелъ съ нимъ вмѣстѣ и мы пошли гулять по парку. Онъ былъ очень невеселъ и въ продолженіе двухъ или трехъ минутъ не произнесъ ни одного слова. Незная предмета, о которомъ онъ задумался, и желая прервать молчаніе, пріятнымъ для него образомъ, я заговорилъ съ нимъ о томъ какъ легко ему удалось уничтожить послѣдній Сенатскій указъ. Онъ едва показалъ видъ что меня слушаетъ, такъ сильно занимали его собственные его мысли; потомъ, вдругъ остановясь: «Буріеннъ,»

сказалъ онъ мнѣ, «думаешь ли ты что искатель короны Франціи откажется отъ правъ своихъ если я предложу ему значительное вознагражденіе или даже область въ Италіи?» Удивленный этимъ внезапнымъ вопросомъ о предметѣ, котораго я вовсе не ожидалъ — я отвѣчалъ ему что я этого не полагаю; что дѣйствительно мало есть вѣроятности къ возвращенію Бурбоновъ во Францію пока онъ будетъ главою Правительства, но что они должны были считать свое возвращеніе вѣроятнымъ. — «Какимъ это образомъ? — Генераль, по самой простой причинѣ! Развѣ вы не видите всякой день что ваши агенты, ваши Префекты скрываютъ отъ васъ истину и льстятъ вашимъ желаніямъ чтобы выставить себя передъ вами; не гнѣваетесь ли вы, когда истина наконецъ до васъ доходитъ?—Ну такъ чтоже!—Какъ что, Генераль; точно тоже должно быть съ агентами Лудовика XVIII во Франціи; въ порядкѣ вещей, въ природѣ чловѣческой, чтобы они поддерживали въ Бурбонахъ мысль о возможности возвращенія, хотя бы только для того, чтобы заставить повѣрить ихъ искусству и приносимой ими пользѣ.—Это справедливо; ты правъ; мысль твоя хороша. Но будь покоенъ, я ихъ не боюсь. Притомъ же можетъ быть это еще можно какъ нибудь уладить; я подумаю; мы посмотримъ.» Разговоръ на этомъ пресѣлся и читатели увидятъ

ниже что мысль, родившаяся въ головѣ Наполеона, не осталась безъ плода.

Я помню что въ этомъ же разговорѣ, обратясь къ тому же предмету, о которомъ я сначала старался завести рѣчь, Первый Консулъ съ необычайною кротостью, приведшею меня въ изумленіе отозвался о тѣхъ, которые объявили себя въ Совѣтахъ противъ пожизненнаго Консульства. Я даже не могъ скрыть передъ нимъ моего удивленія и напомнилъ ему сколь различно онъ судилъ о тѣхъ, которые противились возведенію его въ Консулы. «Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго,» сказалъ онъ мнѣ, «можно быть очень честнымъ человѣкомъ и любить Республику такою, какъ я ее сдѣлалъ; это лишь вопросъ относительно формы; я на нихъ не сержусь и притомъ что они могутъ сдѣлать? Но тогда это была большая разниа: я имѣлъ дѣло только съ Якобинцами, съ террористами, съ бродягами, съ бездѣльниками, хотѣвшими воспрепятствовать мнѣ исторгнуть Францію изъ позора, въ который ввергла ее Директорія. Теперь я на нихъ не сержусь, повторяю тебѣ; а притомъ они у меня въ рукахъ; по неволѣ пойдутъ!» Мы видѣли, какъ они пошли.

Въ промежутокъ времени, отъ актовъ Государственныхъ Палатъ относительно пожизненнаго Консульства до полученія собранныхъ

голосовъ, Луціанъ возобновилъ свои козни или лучше сказать, придавъ имъ новую дѣятельность, стараясь чтобы вопросъ о назначеніи наслѣдника былъ включенъ при подаваніи голосовъ и очень многіе Префекты представили Г. Шапталю, бывшему тогда Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, полученные имъ безъ подписи циркуляры: всѣ они доносили о дурномъ успѣхѣ этихъ циркуляровъ, сообщенныхъ именитымъ лицамъ ихъ Департаментовъ. Все это произошло отъ Луціана и я на этотъ разъ не узналъ опредѣлительно, было ли это сдѣлано имъ съ согласія его брата какъ при изданіи знаменитой книжки, мною описанной; ибо Первый Консулъ ничего мнѣ объ этомъ не сказалъ; думаю однакожъ что Наполеонъ не совершенно былъ этого чуждъ; ибо циркуляръ былъ написанъ перомъ Рёдерера по наущенію Луціана, а Рёдереръ находился тогда въ большой милости въ Тюліери. Помню что однажды Бонапарте съ сильною досадою говорилъ мнѣ о книжкѣ, изданной Камилломъ-Жорданомъ. Она была написана по случаю собиранія голосовъ народа о пожизненномъ Консульствѣ. Камиллъ-Жорданъ писалъ почти въ томъ же смыслѣ, какой имѣло письмо Г. Лафайета, помѣщенное въ концѣ четвертой части сихъ Записокъ. Онъ однакоже неизъявлялъ нерѣшимости, а подавалъ голосъ свой въ пользу Перваго Консула и

вмѣсто того чтобы требовать предварительныхъ условій, довольствовался по примѣру Трибуната изъясненіемъ ручательствъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ чести Перваго Консула. Между прочимъ требовалъ онъ прекращенія самовластныхъ заключеній; отвѣтственности агентовъ Правительства и независимости въ порядкѣ судопроизводства. Эти требованія были еще бездѣлками въ сравненіи съ великимъ преступленіемъ Камилла-Жордана, который требовалъ также и свободы тисненія.

Первый Консулъ, пробѣжавъ роковую книжку, осыпалъ бранью сочинителя оной: «Какъ,» сказалъ онъ, «скоро ли я раздѣляюсь съ этими подстрекателями? Съ говорунами, которые видятъ политику на бумагѣ какъ свѣтъ на картѣ! Право, стоитъ только дать имъ волю и все пойдетъ славно! Камилль-Жорданъ, съ которымъ я такъ хорошо обошелся въ Ліонѣ! Онъ также требуетъ свободы тисненія! Нѣтъ, ужъ конечно они ее не получаютъ! Все равно было бы тотчасъ сѣсть въ карету и ѣхать жить на мызу за сто миль отъ Парижа.» Послѣ этой выходки, первымъ дѣломъ Наполеона въ пользу свободы тисненія было запрещеніе на книжку, въ которой Камилль-Жорданъ старался превознести выгоды онаго. Всякая гласность, посредствомъ ли слова или чрезъ сочиненія, была страшилищемъ Бонапарте; и отсюда произошла сильная

ненависть его къ адвокатамъ, къ ораторамъ и къ писателямъ.

Однакожь не одинъ Камилль - Жорданъ прибѣгалъ тогда къ тщетнымъ усиліямъ остановить Бонапарте на пути его честолюбія. Во Франціи было еще много людей, которые съ восторгомъ привѣтствовали зарю Французской Революціи, гнушались потомъ ея сатурналіями и злодѣйствами и, обратясь съ этими же понятіями къ надеждамъ, при началѣ ими себя составленнымъ, мечтали о возможности учрежденія во Франціи истинно Конституціоннаго Правительства. Даже въ самомъ Сенатѣ было нѣсколько человѣкъ, которые негодовали на всегдашнюю потачку Сената и громко говорили о необходимости передѣлать Конституцію, приспособивъ ее къ пожизненному Консульству; многіе даже думали предоставить тоже право какъ и Первому Консулу, его двумъ товарищамъ, дабы тѣмъ обеспечить продолженіе Консульскаго правленія; но что можно было для нихъ сдѣлать противъ ихъ собственной воли? Одною только мыслью объ этомъ, ихъ принудили показать предъ Первымъ Консуломъ еще болѣе униженія, еще болѣе усердія къ утвержденію ему одному торжества, изъ боязни чтобы онъ не имѣлъ повода предположить въ нихъ нехотѣніе, котораго они вовсе не имѣли.

Намѣреніе передѣлать Конституцію не было

изъ числа тѣхъ, которыя могли устрашить Наполеона. Онъ одобрялъ эту мысль и снисходительно ей улыбался; это доставляло ему случай дать новыя приманки свободы тѣмъ, которые не имѣли довольно дальновидности для того чтобы читать въ будущемъ; притомъ же онъ очень зналъ, что никакая перемѣна не сдѣлается иначе, какъ въ пользу его власти. И въ самомъ дѣлѣ, что можно было противопоставить его вліянію? Къ своей собственной силѣ, онъ прибавилъ новую силу, доставленную ему собранными голосами народа. Еслибъ кто нибудь заговорилъ о желаніи народа, то онъ могъ отвѣчать: «Вотъ оно! посмотрите: три миліона пятьсотъ семьдесятъ семь тысячъ двѣсти пятьдесятъ девять гражданъ подали голоса свои; сколько же изъ этого числа подано ихъ въ мою пользу? Вы видите: три миліона триста шестьдесятъ восемь тысячъ сто восемьдесятъ пять. Сравните; не выходитъ и одного голоса противъ сорока пяти. Я долженъ повиноваться волѣ народа.» И Бонапарте вѣрно бы прибавилъ: «А притомъ, кто же такіе подали противъ меня голоса? Идеологи, адвокаты, говоруны, якобинцы и расточители казны при Директоріи.» Что возражать на такіе доводы? И не должно полагать, что я выдумалъ слова, вложенныя мною здѣсь въ уста Бонапарте; онъ неоднократно произносилъ ихъ.

По полученіи собранныхъ голосовъ, Сенатъ принужденнымъ нашелся поправить единственную ошибку, сдѣланную имъ предъ Первымъ Консуломъ, торжественно поднеся ему новый указъ слѣдующаго содержанія:

СТАТЪЯ I-я. Французскій народъ назначаетъ а Сенатъ провозглашаетъ Наполеона Бонапарте пожизненнымъ Консуломъ.

Ст. II-я. Статуя мира, держащая въ одной рукѣ лавръ побѣды, а въ другой опредѣленіе Сената возвѣститъ потомству признательность націи.

Ст. III-я. Сенатъ представитъ Первому Консулу изъявленіе довѣренности, любви и удивленія Французскаго народа.»

Бонапарте отвѣчалъ депутации Сената въ присутствіи дипломатическаго Корпуса, коего пріемный день былъ избранъ для того чтобы доставить Посланикамъ возможность сообщить своимъ дворамъ, что въ Европѣ стало однимъ Государемъ больше. Вотъ отвѣтъ его, въ которомъ замѣтны еще громкія слова свободы и равенства.

«Жизнь гражданина принадлежитъ его отечеству. Народъ Французскій желаетъ чтобы жизнь моя была вполнѣ ему посвящена. . . . Повинуюсь его волѣ. . . .

«Давъ мнѣ новый, долговременный залогъ своей довѣренности, онъ налагаетъ на меня

обязанность утвердить систему его законовъ предусмотрительными учрежденіями.

«Моими усиліями, вашимъ содѣйствіемъ граждане Сенаторы, содѣйствіемъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, довѣренностью и волею сего безчисленнаго народа, — свобода, равенство и благоденствіе Франціи обеспечатся отъ прихотей судьбы и отъ неизвѣстности будущаго. Лучшій изъ народовъ, будетъ счастливѣйшимъ, какъ онъ наиболѣе того достоинъ и благоденствіе его будетъ споспѣшествовать благоденствію цѣлой Европы.

«Довольный тогда тѣмъ что я, по приказанію того, отъ котораго все происходитъ, былъ призванъ для водворенія вновь на землѣ правосудія, порядка и равенства, — я встрѣчу послѣдній часъ мой безъ сожалѣнія и безъ страха на счетъ мнѣнія грядущихъ поколѣній.

«Сенаторы, примите благодарность мою за столь торжественный вашъ поступокъ. Сенатъ пожелалъ того что народъ Французскій захотѣлъ и чрезъ то онъ тѣснѣе присоединился ко всему, что остается сдѣлать для счастія отечества.

«Мнѣ пріятно видѣть тому удостовѣреніе въ рѣчи столь отличнаго Президента (*).»

Въ день этого представленія, кромѣ Дипломатическаго Корпуса, былъ большой съѣздъ

(*) Г. Бартеlemi. Смотри рѣчь въ концѣ книги.

Генераловъ, Офицеровъ и высшихъ сановниковъ Правительства; все въ большихъ покоехъ Тюліери имѣло видъ праздника и торжества; но не то происходило въ комнатахъ Іозефины, которая не переставала видѣть въ каждомъ шагѣ, приближавшемъ Перваго Консула къ престолу, — шагъ, отдаляющій его отъ нея. Печальная, снѣдаемая скорбью, она принуждена была принимать у себя вечеромъ гостей, что исполнила съ обыкновенною своею пріятностью. Однакожъ разговоръ былъ въ этотъ вечеръ совершенно важнаго содержанія: толковали только объ утренней церемоніи; о счастіи, обеспеченномъ Франціи въ продолженіе всей жизни Перваго Консула; вспоминали слова его, превозносили ихъ; каждый изъявлялъ свое удивленіе къ великому мужу, который хотѣлъ всѣмъ быть обязаннымъ одобренію народа; Первый Консулъ наслаждался торжествомъ своимъ съ искуснымъ видомъ скромности, между тѣмъ какъ прозорливый Камбасересъ въ многочисленномъ кругу, ограничивалъ нѣсколько свое удивленіе, говорил что Первому Консулу казалось не слѣдовало бы обнаруживать такихъ, слишкомъ народныхъ чувствъ.

Г Л А В А IX.

Недовольные.—Состязаніе предательства. — Непозволительныя сходбища.—Пренебреженіе Министра Полицій. — Допосы малыхъ Полицій.—Духовный фанатизмъ и національныя имѣнія. — Странная противоположность въ Наполеонѣ.— Важные труды.—Докладъ Гражданскаго Уложенія.—Усердное посѣщеніе Первымъ Консуломъ Государственнаго Совѣта.—Продолжительныя засѣданія.—Знаніе людей и науки управленія.—Посѣщеніе Сената. — Умышленная оппозиція. — Возвращеніе въ Тюіери.—Старшинство, предоставленное Сенату предъ Государственнымъ Совѣтомъ. — Прибавленіе преимуществъ. — Ложные слухи о Министерствахъ.—Жалобы на Луціана.—Нѣмота, признающая странною и подержанною.—Учрежденіе Сенаторствъ.

При какомъ бы то ни было Правительствѣ, а невозможно чтобы не существовало недовольныхъ. Правда что въ эпоху пожизненнаго Консульства число ихъ было весьма незначительно

въ общемъ итогѣ; но они собирались, волновались, вели переписку и мечтали о возможности ниспровергнуть Консульское правленіе. Этотъ разрядъ людей, которыхъ во всѣ времена означаютъ именемъ недовольныхъ, составляется вообще изъ людей мало достойныхъ которые, преувеличивая предъ собою услуги, можетъ быть ими оказанныя, принуждаютъ къ неблагодарности непомѣрностью своихъ требованій и потомъ слагаютъ на Правительство вину несчастія, до котораго ихъ довело собственное ихъ безпутство. Эти люди не опасны; ненависть ихъ испаряется въ пустомъ крикѣ и никогда не должно страшиться тѣхъ, которые безпрестанно болтаютъ. Если на своихъ сходбищахъ они и доходятъ до того чтобы составить планъ, и рѣшиться на какой-либо замыселъ, то будучи большею частью побуждаемы ницетою къ замѣчанію ошибокъ Правительства—они не могутъ устоять противъ приманки золота, представляющаго имъ дѣло совсѣмъ въ иномъ видѣ и надежда примириться съ фортуною учреждаетъ между заговорщиками этого рода состязаніе предательства.

Въ первую половину 1802 года, были сборища недовольныхъ, которыя Фуше тогдашній Министромъ Полиціи зналъ и пренебрегалъ; онъ не считалъ что это стоитъ быть доводимымъ до ушей Перваго Консула; напро-

тивъ того всѣ прочія малыя Полиціи оспори-
вали другъ у друга удобозахватываемую добычу
и дабы выказать себя предъ Первымъ Консу-
ломъ, представляли ему эти ничтожныя сход-
бища слѣдствіемъ обширнаго заговора противъ
его Правительства. На этихъ сходбищахъ было
говорено, что его надобно похитить и свергнуть
потому что онъ хотѣлъ возстановить прежній
образъ правленія; его упрекали въ томъ что
онъ призвалъ обратно священниковъ, что счи-
тали вѣрнымъ признакомъ скорого возвра-
щенія духовнаго изуверства; онъ открылъ
эмигрантамъ врата Франціи, слѣдовательно онъ
имѣлъ намѣреніе уничтожить дѣйствительность
продажи національныхъ имѣній. Штабъ-Офи-
церы, даже нѣкоторые Генералы, произносили
такія рѣчи; а этого было достаточно для того
чтобы *подлыя шпіонства*, какъ говорила Го-
спожа Бонапарте, признать вдругъ глубокомы-
сленными соображеніями, коимъ Франція дол-
женствовала быть обязанною своимъ спокой-
ствіемъ, а Первый Консулъ своею безопасностью.
Въ донощикахъ не было недостатка; ихъ пре-
увеличенныя донесенія представляли Первому
Консулу; чрезъ посредство Жандармовъ задер-
жали нѣсколько человѣкъ безъ вѣдома Мини-
стерства Полиціи и Даву, допросивъ самъ нѣ-
сколькихъ плѣнниковъ, вообразилъ себя спаси-
телемъ Перваго Консула. Всѣ это казалось жал-

кимъ. При этихъ обстоятельствахъ, Наполеону— по чудной странности его характера, надобѣла важность, которую усиливались придать этимъ, вовсе неопаснымъ заговорамъ; но не смотря на то, онъ принималъ донесенія и сочинителей оныхъ такъ, какъ будто бы самъ онъ полагалъ въ томъ нѣкоторую важность. Это происходило отъ того, что онъ считалъ Фуше неполучающимъ надлежащихъ свѣдѣній и очень былъ доволенъ въ чемъ нибудь поймать его; но когда онъ приказывалъ кликнуть къ себѣ Министра Полиціи, то сей послѣдній говорилъ ему что это пустяки, недостойные минуту занимать его; потомъ онъ сверхъ того говорилъ Первому Консулу всё то, что ему было уже донесено, прибавлялъ подробности, ему неизвѣстныя и рассказывалъ, какимъ образомъ и чрезъ кого Бонапарте былъ извѣщенъ.

Эти бесполезныя сплетни малыхъ Полицій, не мѣшали Первому Консулу заниматься важными трудами. Съ Марта мѣсяца 1802 года, онъ очень усердно присутствовалъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Выше сказано, что уже съ того времени какъ мы жили въ Люксембургѣ, онъ занялся составленіемъ новаго свода законовъ дабы замѣнить онымъ безобразныя сборники Революціонныхъ учреждений и возстановить порядокъ вмѣсто какого-то безначалія, овладѣвшаго законодательствомъ. Люди

самые свѣдущіе въ наукѣ законовѣднія содѣйствовали этой огромной работѣ, произведшей *Уложение*, названное тогда *Гражданскимъ* а въ послѣдствіи *Наполеоновымъ*. По окончаніи работы по сему важному предмету, Бонапартъ назначилъ Коммисію для доклада онаго. Эта Коммисія, подъ предѣлательствомъ Камбассереса, состояла изъ Гг. Порталиса, Мерлена де Дуге и Тронше. Въ продолженіе всего времени пока шло сужденіе объ этомъ предметѣ, Государственный Совѣтъ вмѣсто того чтобы по обыкновенію, собираться три раза въ недѣлю, имѣлъ каждый день засѣданія, которыя вмѣсто всегдашнихъ двухъ или трехъ часовъ, стали продолжаться по пяти и даже по шести часовъ. Первый Консулъ принималъ такое участіе въ этихъ важныхъ разсужденіяхъ, что желая поговорить еще объ оныхъ вечеромъ, онъ часто оставлялъ у себя обѣдать многихъ членовъ Совѣта. Въ этихъ-то Государственныхъ разговорахъ я наиболѣе удивлялся разнообразности Наполеонова генія, или лучше сказать того высокаго инстинкта, который сообщалъ ему способность, въ ту же минуту обозрѣвать съ настоящей точки предметъ, повидимому вовсе для него чуждый. Это происходило отъ того, что онъ обладалъ въ высшей степени знаніемъ человѣка и науки управленія, и все что было необходимо для подчиненія людей уставамъ

Правительства сообщало уму его мгновенное вдохновеніе.

Первый Консулъ занимался не одними важными разсужденіями, происходившими въ Государственномъ Совѣтѣ. Черезъ нѣсколько времени послѣ назначенія его пожизненнымъ Консуломъ, онъ захотѣлъ свершить царское дѣло и тогда только въ первый разъ, явился председательствовать въ Сенатѣ. Первый Консулъ сдѣлать это не внезапно; онъ заранѣе къ тому приготовился и захотѣлъ сдѣлать торжественнымъ это посѣщеніе Главы Государства первой Палаты онаго. Не хотѣли уже прибѣгать къ пустымъ церемоніямъ, употребленнымъ при перемѣщеніи Правительства изъ Люксембурга въ Тюіери: все отзывалось Царскимъ величіемъ какъ въ наружныхъ признакахъ власти такъ и въ самовластныхъ дѣйствіяхъ оной. Въ этотъ день я воспользовался, очень рѣдкою для меня минутою свободы для того чтобы посмотрѣть Консульскій поѣздъ. Поѣздъ сей совершенно походилъ на Королевскій. Первый Консулъ заранѣе приказалъ Полиціи, чтобы дорога, по которой онъ поѣдетъ, была съ утра занята стражею. При въѣздѣ своемъ въ Тюіери, Бонапарте приказалъ поставить Гвардію въ одинъ рядъ по обѣ стороны, только во внутренности двора; отправляясь въ Сенатъ, онъ захотѣлъ чтобы войска стояли въ двѣ шеренги

по обѣимъ сторонамъ отъ воротъ Тюліерійскихъ до Люксембурга. Въ первый разъ также Наполеонъ, присвоивъ себѣ преимущество, предоставляемое прежнимъ уставомъ только Королю Французскому, сѣлъ въ карету, запряженную осмью лошадьми. Множество каретъ ѣхало за его каретою, окруженною Генералами и Адъютантами верхомъ. Лудовикъ XIV, не съ такою торжественностью отправлялся въ Королевское засѣданіе въ Парламентъ съ какою Бонапарте ѣхалъ въ Сенатъ. Онъ явился тамъ Царемъ и десять Сенаторовъ сошли ему на встрѣчу до нижнихъ ступеней Люксембургской лѣстницы.

Цѣлью посѣщенія Первымъ Консуломъ Сената, было представленіе оному пяти проектовъ Сенатскихъ указовъ (*). Около половины Августа происходила эта торжественная церемонія. Три Консула прибыли туда вмѣстѣ.

Бонапарте возвратился оттуда съ Г. Лебрёномъ въ сопровожденіи тогоже поѣзда, а Камба-

(*) Эти Сенатскіе указы имѣли предметомъ: 1. Засѣданія Сената и предписываемый для оного церемоніаль. 2. Порядокъ распредѣленія пяти участковъ, долженствовавшихъ возобновляться въ Законодательномъ Корпусѣ и при назначеніи членовъ, которые выбудутъ изъ Трибуната въ продолженіе четырехъ лѣтъ. 3. Какъ поступать въ случаѣ распушенія Законодательнаго Корпуса и Трибуната. 4. Назначеніе двадцати четырехъ городовъ Франціи, конехъ Меры должныствовали присутствовать при церемоніи произнесенія присяги наследникомъ, котораго назначить Первый Консулъ. 5. Присоединеніе Острова Эльбы къ Французской Республикѣ.

сересъ остался въ Сенатѣ, въ коемъ онъ председательствовалъ. Проекты пяти Сенатскихъ указовъ были приняты за исключеніемъ небольшого ограниченія сдѣланнаго въ томъ, который опредѣлялъ Сенатскій церемоніаль; но это ограниченіе было только развязкою комедіи, заранее приготовленной. Въ указѣ предлагалось, дабы въ случаѣ пріѣзда Консуловъ въ Сенатъ, депутація изъ десяти членовъ встрѣчала ихъ внизу лѣстницы, какъ это было сдѣлано въ тотъ день для Перваго Консула; но братья Наполеона Юсифъ и Луціанъ, принявъ на себя видъ оппозиціи, воспротивились этому предложенію, говоря что какъ Второй и Третій Консулы сами принадлежатъ къ Сенату, то они и не могутъ быть приняты съ такою почестью товарищами. Эта небольшая комедія политической въжливости была прекрасно сыграна.

Посвященіе Наполеономъ Сената заключало въ существѣ своемъ нѣчто важное, произведя перемѣщеніе въ старшинствѣ различныхъ властей, составлявшихъ Правительство: до тѣхъ поръ Государственный Совѣтъ считался въ общемъ мнѣніи гораздо выше Сената; знали что обо всѣхъ важныхъ Государственныхъ дѣлахъ разсуждалось, въ Совѣтѣ; но какъ Первый Консулъ являлся туда безъ церемоніи, то торжественность, обнаруженная имъ при посвященіи Сената придавала этому сословію, — которое

дѣйствительно долженствовало быть первымъ въ Государствѣ—значительное первенство, тѣмъ болѣе очевидное что за нѣсколько дней предъ тѣмъ, Сенатъ являсь въ Тюліери депутаціею, въ первый разъ удостоился почести старшинства. Это очень не понравилось нѣкоторымъ Государственнымъ Совѣтникамъ, но Бонапарте вовсе не обратилъ вниманія на досаду, ими ощущенную. Угадавъ по инстинкту что Сенатъ легче будетъ исполнять его волю чѣмъ прочія Правительственныя мѣста, Бонапарте занялся увеличеніемъ его правъ даже на счетъ правъ Законодательнаго Корпуса. Эти посягательства одной власти на права другой, сдѣланныя съ одобренія Перваго Консула, подали поводъ къ слухамъ о большой перемѣнѣ, долженствовавшей произойти въ распорядкѣ высшаго управленія. Въ Парижѣ говорили, что число Министерствъ ограничится тремя; что Луціанъ, Іосифъ и Г. Талейранъ раздѣлять между собою различные Департаменты. Эти распространившіеся слухи не имѣли никакого основанія. Первый Консулъ зналъ объ оныхъ изъ донесеній Полиціи и при этомъ случаѣ сказалъ мнѣ, что онъ не только не имѣетъ такой мысли, но что онъ скорѣе былъ бы расположенъ увеличить число Министерствъ, чѣмъ уменьшить оное; что онъ дѣйствительно сдѣлалъ, ибо наименовалъ Министра Казначей-

ства а въ послѣдствіи раздѣлилъ на двѣ части Военное Министерство. Луціанъ содѣйствовалъ къ распространенію этихъ ложныхъ слуховъ и тѣмъ увеличилъ неудовольствіе, причиняемое Первому Консулу его поведеніемъ; письма, получаемыя нами изъ Мадрита, дѣйствительно были наполнены на него жалобами и нѣкоторыя соблазнительныя сцены, извѣстныя всему Парижу, какъ на примѣръ—похищеніе жены одного лимонадчика, очень сердили Наполеона, которому казалось гораздо труднѣе управлять своимъ семействомъ чѣмъ Францією.

Дѣйствительно Франція съ чрезвычайною готовностью покорялась игу, налагаемому на нея Первымъ Консуломъ. Съ какимъ искусствомъ онъ передѣлывалъ все, введенное Револуцією! Не пропуская никогда никакого средства къ достиженію своей цѣли, онъ любилъ противопоставлять тѣмъ, которыхъ онъ называлъ Якобинцами, мнѣнія людей 1789 года; даже и тутъ находилъ онъ слишкомъ много свободномыслія; его однакоже поражала странность нѣмоты Законодательнаго Корпуса, который онъ называлъ своимъ собраніемъ глухо-нѣмыхъ. Но какъ странность сія была для него благопріятна, то онъ оставилъ въ томъ же видѣ этотъ Корпусъ, надъ которымъ онъ смѣялся всякой разъ какъ говорилъ объ немъ. Вообще не должно смѣшивать сужденій Наполеона съ его поступками: про-

зорливый умъ его удивительно какъ умѣлъ оцѣнивать то что было хорошо; но потребности его положенія въ тоже время показывали ему то что было для него полезно.

Сказанное мною о Сенатѣ, естественнымъ образомъ доставляетъ мнѣ случай поправить ошибку, часто дѣлаемую въ Парижскихъ разговорахъ. Напрасно вмѣняли нѣкоторымъ особамъ въ заслугу отказъ ихъ вступить въ Сенатъ; это говорили о Г. Дюсисѣ, о Г. Лафайетѣ и о бывшемъ Маршалѣ Рошамбо: отказовъ такого рода вовсе не было ими сдѣлано; но вотъ что могло содѣйствовать къ распространенію этихъ слуховъ и къ тому чтобы имъ вѣрили. Бонапарте могъ сказать и дѣйствительно говорилъ многимъ людямъ у себя въ гостиной и въ кабинетѣ. «Вамъ бы слѣдовало быть Сенаторомъ. . . . Такой человекъ какъ вы долженъ бы быть Сенаторомъ.» Но отъ этихъ вѣжливыхъ словъ, еще очень было далеко до назначенія. Для вступленія въ Сенатъ предписывались законныя формы, отъ коихъ никто не могъ быть уволенъ; слѣдовало быть представленнымъ отъ Сената и никому не случилось отказаться отъ вступленія въ Сенатъ изъ тѣхъ кто былъ представленъ этимъ сословіемъ, которому Бонапарте придалъ новую важность учрежденіемъ Сенаторствъ. Это учрежденіе было сдѣлано не прежде какъ въ началѣ 1803 года, но

послѣ сказаннаго мною о старшинствѣ, данномъ Сенату предъ Государственнымъ Совѣтомъ, мнѣ кажется приличнымъ замѣтить что учрежденіе Сенаторствъ въ округѣ каждого апелляціоннаго суда, было новымъ отнятіемъ должностей, принадлежавшихъ до сего Государственному Совѣту, поелику Сенаторы, объѣзжая свои Сенаторства, очевидно замѣняли отряжаемыхъ прежде по областямъ Государственныхъ Совѣтниковъ.

Г Л А В А X.

Упоение великихъ мужей.—Вредная преданность и *несчастное* усердіе. — Гг. Маре, Шампаньи и Ровиго. — Истинныя услуги Г. Талейрана.—Замедленіе въ исполненіи приказаній. —Фуше и Революція.—Роялистскій Комитетъ.—Гг. Клермонъ-Галлерандъ и Ройе-Колларъ. — Хартія, составленная при Консульствѣ.—Повѣдка въ Кобленцѣ. — Исключенная изъ Записокъ статья.—Домогательства Роялистскаго Комитета у Іозеппы.—Герцогиня де Гишъ. — Статуя и подножіе.—Госпожа де ла Валієръ, соч. Г-жи Жапписъ. — Почетный Легионъ и гвоздики. — Вліяніе Сен-Жерменскаго предмѣстія.—Необдуманнѣйшій поступокъ. — Негодованіе Людовика XVIII. — Благоразумный совѣтъ Аббата Андре — Совѣщаніе въ Нёйи. — Удовольствіе Роялистскаго Комитета.—Письмо его къ Людовику XVIII.

Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ изреченій, когда либо произнесенныхъ, конечно могутъ называться слова Аѳинянина, сказавшаго: «Жалуюсь на Филиппа пьянаго, Филиппу трезвому.»

Здѣсь идетъ дѣло не о томъ грубомъ пьянствѣ, которое унижаетъ человѣка до состоянія скота, — но объ упоеніи, которое производитъ фортуна и которое обдаетъ какимъ-то чадомъ умъ честолюбцевъ. Посредственные люди не подвергаются этому упоенію; они даже едва могутъ постигать его; между тѣмъ какъ точно правда, что чадъ славы и честолюбіе приводятъ временно въ какое-то опьяненіе самыя отлично устроенныя головы и что Бонапарте, при всемъ могуществѣ его генія, иногда уклонялся съ пути здраваго разсудка; ибо хотя воображеніе его никогда ему не измѣняло, но разсудокъ часто погрѣшалъ.

Считаю долгомъ въ особенности обратить вниманіе читателей на сдѣланное мною замѣчаніе: оно объясняетъ и можетъ быть въ то же время извинять Перваго Консула въ тѣхъ дѣлахъ, за которыя его наиболѣе упрекали. Дѣятельность ума его не допускала никакого промежутка между рожденіемъ и исполненіемъ его мысли; но когда потомъ онъ размышлялъ о первомъ дѣйствіи своей непреклонной воли, то разсудокъ его, болѣе спокойный, уничтожалъ то что было сдѣлано первымъ движеніемъ; и потому то, чѣмъ болѣе слуги Наполеона были ему преданы, тѣмъ хуже они ему служили; и по несчастію слѣпая преданность сдѣлалась какъ будто заразительною бо-

лѣзнию, которая постигла всѣхъ, его окружавшихъ. Достоверно однакоже, что лучший способъ услуживать Первому Консулу, былъ тотъ, чтобы никогда не слушаться этого перваго движенія, исключая поля битвы, гдѣ его соображенія были столькоже счастливы какъ быстры; я представилъ тому уже много доказательствъ говоря о статьяхъ, которыя онъ диктовалъ мнѣ для Монитёра и которыя онъ рвалъ поутру поразмысливъ о нихъ ночью. Немедленное обвиненіе такъ много вредило Наполеону при тысячъ случаевъ, что я долгомъ считаю объ этомъ распространиться. Такимъ образомъ можно сказать что съ намѣреніями, конечно похвальными,—Гг. Марс, Шампани и Ровиго показывали усердіе столь преувеличенное, что оно часто дѣлалось пагубнымъ. Этому роковому усердію можно приписать большую часть зла, сдѣланнаго Наполеономъ и великій вредъ, причиненный имъ самому себѣ. Доказательствомъ тому служить, что по сдѣланіи зла, Бонапарте сильно тѣмъ огорчался; какъ часто говаривалъ онъ мнѣ что Марс одаренъ *несчастными усердіемъ*; это было употребляемое имъ выраженіе. Бонапарте не зналъ что иногда усердіе, оказываемое могущественнымъ людямъ, есть не что иное какъ форма въ которую облачается подлость.

Г. Талейранъ, почти одинъ изъ Министровъ

не льстилъ Наполеону и безспорно лучше всѣхъ служилъ и болѣе всѣхъ былъ полезенъ, какъ Первому Консулу, такъ и Императору. Когда Бонапарте говорилъ Г. Талейрану: «Напишите то-то и отправьте сейчасъ съ нарочнымъ курьеромъ,» то Министръ сей имѣлъ привычку не торопиться, потому что онъ довольно хорошо проникалъ характеръ Перваго Консула и умѣлъ различать то что ему внушали страсти отъ того, что одобрилъ бы его разсудокъ; словомъ сказать онъ обращался отъ Филиппа пьянаго къ Филиппу трезвому. Упомянутые мною выше три Министра отъ того вредили ему во многихъ случаяхъ, что не дѣлали этого различія; и онъ по несчастію видѣлъ волю свою исполненною тогда какъ уже было поздно перемѣнять приказанное. Когда Г. Талейрану случалось замедлять исполненіе приказа, то Бонапарте нисколько за то не досадовалъ и къ похвалѣ его я долженъ сказать, что онъ никогда не дѣлалъ ни малѣйшаго упрека за такое замедленіе. Когда на другой день послѣ приказанія, отданнаго этому Министру въ минуту гнѣва,—Г. Талейранъ являлся работѣть съ Первымъ Консуломъ, то послѣдній спрашивалъ у него: «Ну что, отправили вы курьера?—Нѣтъ еще,» отвѣчалъ Министръ, «я не хотѣлъ сдѣлать этого не показавъ вамъ прежде письма моего.» Тогда, бѣльшею частью случалось, что

Первый Консулъ прибавлялъ: «Обдумавъ это хорошенько, я полагаю что лучше вовсе не посылать.» Вотъ какъ слѣдовало поступать съ Бонапарте.

Сто разъ говаривалъ онъ мнѣ, послѣ замедленія въ отправкѣ денешей, сдѣланнаго Г-мъ Талейраномъ или послѣ того какъ я самъ позволялъ себѣ отсрочивать исполненіе приказа, отданнаго его гнѣвомъ, а не сердцемъ или разсудкомъ; сто разъ говаривалъ онъ мнѣ: «Хорошо, очень хорошо; ты меня понимаешь. Талейранъ также меня понимаетъ; вотъ такъ должно мнѣ служить; прочіе не даютъ мнѣ времени для размышленія; они слишкомъ торопливы!» Дѣйствительно вотъ какимъ образомъ могли быть полезнымъ славѣ Бонапарте нелѣстныя его страстямъ. Прочіе его Министры, кромѣ Фуше, напротивъ того, если онъ приказывалъ имъ отправить курьера на другой день утромъ, то готовы были послать его въ тотъ же вечеръ. Это конечно показывало усердіе; но не имѣли ли Первый Консулъ причины говорить, что это усердіе было несчастно?

Гг. Талейранъ и Фуше были нѣкоторымъ образомъ при Первомъ Консулѣ представителями: первый—Конституціоннаго Собранія съ частичкою прежняго правленія а второй—Конвента во всей его грубости. Бонапарте видѣлъ въ Фуше цѣлую Революцію въ образѣ чело-

вѣка; и дѣйствительно вліяніе Фуше было не что иное, какъ вліяніе самой Революціи. Революція была одною изъ великихъ вещей, наиболѣе поразившихъ пылкое воображеніе Бонапарте и онъ думалъ что содержитъ ее подъ надзоромъ, пока Фуше управлялъ его Полиціею; почему Первому Консулу, какъ уже выше сказано, очень дорого стоило, удалить его отъ оной. Я такъ былъ обремененъ работою, что не имѣлъ тогда времени размыслить объ ужасномъ множествѣ вещей, происходившихъ предъ моими глазами; но въ послѣдствіи, обратясь надосугѣ къ прошедшему, столь исполненному событій, я заключилъ что Бонапарте ошибался относительно Фуше на счетъ пользы, которую могъ доставить ему этотъ Министръ. Конечно присутствіе Фуше въ управленіи удерживало тѣхъ Революціонныхъ людей, которые наиболѣе были преданы Министерству Полиціи; но Фуше имѣлъ къ нимъ слабость. Онъ чувствовалъ что чрезъ нихъ онъ держится на своемъ мѣстѣ подобно тѣмъ древнимъ *Кондоміери*, которыхъ желали имѣть за себя для того чтобы не имѣть ихъ противъ себя и которые въ существѣ были могущественны только служащими подъ ихъ знаменами воинами, коими они могли располагать. Таковъ былъ Фуше, и Бонапарте, съ своей стороны, совершенно понималъ его положеніе. Онъ обуздывалъ войско,

удерживая предводителя онаго въ своей службѣ до тѣхъ поръ пока это было нужно. Но одна вещь успокаивала его и ручалась ему за Фуше: тотъ кто подалъ голосъ на смерть Короля Франціи; тотъ кто управлялъ людьми, также въ оной участвовавшими, представлялъ Наполеону лучшее ручательство противъ замысловъ Роялистовъ къ возстановленію въ пользу Бурбоновъ престола, на который онъ хотѣлъ взойти. Такимъ образомъ, по разнымъ причинамъ, Бонапарте и Фуше имѣли общія выгоды быть протѣвъ Дома Бурбоновъ и честолюбіе властелина опиралось на боязнь, предполагаемую имъ въ Министрѣ.

Первый Консулъ зналъ о существованіи въ Парижѣ Роялистскаго Комитета, которому было поручено сноситься съ Людовикомъ XVIII; этотъ Комитетъ былъ составленъ изъ людей, которыхъ не должно смѣшивать съ другими низшими агентами, неприносившими никакой пользы и думавшими только о томъ чтобы выставить самихъ себя. Между этими послѣдними находилось множество двуличныхъ проныръ, которые будучи самозванцами служили въ существѣ только Наполеону, подобно Меласову шпиону при Маренго. Они называли себя агентами Людовика XVIII потому что находились въ перепискѣ съ нѣкоторыми пройдохами эмигрантства и уснѣвали иногда съ обѣихъ

сторонѣ получать деньги. — Роялистскій Комитетъ, собственно такъ называемый, былъ со-всѣмъ дѣло иное: онъ составлялся изъ людей, напитанныхъ правилами благоразумной свободы и которыхъ преданность къ Бурбонскому Дому была слѣдствіемъ просвѣщеннаго патріотизма. Это были: Маркизь Клермонъ-Галлерандъ, Аббатъ Монтескіу, Гг. Бекке и Ройе-Коларъ. Существованіе сего Комитета началось уже съ давней эпохи. Почтенные люди, мною наименованные, имѣли опредѣленный планъ, непріязненный самовластію Бонапарте и основанный на томъ, что они считали пользою Франціи; зная высокую мудрость Лудовика XVIII, равно какъ мнѣнія, объявленные и поддержанныя имъ при Собраніи Нотаблей, они хотѣли отдѣлить сего Государя отъ эмигрантовъ вообще и показать его народу какъ человѣка, могущаго быть главою разсудительнаго Конституціоннаго правленія. Бонапарте, которому часто при мнѣ объ этомъ было говорено, ничего такъ не боялся какъ этихъ мыслей о свободѣ, соглашенныхъ съ Монархією; онъ называлъ ихъ бреднями а членовъ Комитета мечтателями, но тѣмъ не менѣе страшился торжества ихъ понятій. Даже, какъ онъ мнѣ самъ признавался, желая предупредить вліяніе, которое могъ пріобрѣсть Роялистскій Комитетъ, онъ оказывалъ снисходительность тѣмъ эмигрантамъ, коихъ мо-

нархическія понятія были несовмѣстны съ подобными мыслями. Онъ счелъ что чрезъ присутствіе эмигрантовъ, не знавшихъ другой власти кромѣ неограниченной, съ какими понятіями имъ естественнымъ образомъ слѣдовало возвратиться въ отечество,—онъ подавитъ вліяніе, которое могли пріобрѣсть внутренніе Роялисты и посему дозволилъ имъ всемъ возвратиться во Францію.

Я помню что читалъ въ это время запрещенную статью, въ которой излагались правила сего Принца; она была подписана Г-мъ Андре, который свидѣтельствовалъ о вѣрности ея съ подлинникомъ; и правила, предложенныя въ этой статьѣ, были почти во всемъ сходны съ тѣми, которые послужили основаніемъ Хартии. При такой цѣли Роялистскаго Комитета, въ 1792 году, слѣдовательно прежде злодѣянія 21 Генваря, Лудовикъ XVI, знавшій мнѣнія Г. Клермонъ-Галлеранда, послалъ его въ Кобленцъ къ Принцамъ, сказать имъ отъ имени его и отъ Королевы, что эмиграція ихъ губить. Я это основательно знаю и съ увѣрительностью говорю; могу даже прибавить что это обстоятельство было помѣщено Г-мъ Клермонъ-Галлерандомъ въ его Запискахъ и что статья относительно посылки его въ Кобленцъ, исключена изъ рукописи прежде поступленія оной въ печать. Для чего это исключеніе? въ слѣд-

ствіе какого вліянія оно сдѣлано? это знаютъ и не знаютъ.

При Консульскомъ Правленіи, Роялистскій Комитетъ не устраивалъ заговоровъ; онъ находился, если можно такъ выразиться, въ уповаіи. Всѣ усилія его ограничивались тѣмъ чтобы преклонить на свою сторону людей, имѣвшихъ по предположеніямъ, наиболѣе вліянія у Перваго Консула, надѣясь постепенно довести его до того чтобы самъ онъ пожелалъ возвращенія Бурбоновъ. Особенно вокругъ Госпожи Бонапарте были устроеняемы батареи и, читатели видѣли, что не тщетно. Приближенныя къ Іозефинѣ дамы поддерживали ее въ понятіяхъ о славѣ, о блистательной знаменитости, о высокихъ общественныхъ отличіяхъ,—если могущественная рука, оковавшая Революцію, возстановитъ престоль, его ниспровергнутый. Даже я самъ, и ужъ конечно невиннымъ образомъ попалъ, самъ того не зная, въ сообщники друзей престола; ибо того, чего они хотѣли для выгоды Бурбоновъ, я тогда пламенно желалъ для пользы Бонапарте; это видно во многихъ мѣстахъ въ моихъ Запискахъ. Между дамами общества Г-жи Бонапарте, многія дѣйствовали съ большимъ усердіемъ при своихъ посѣщеніяхъ; я украдкою узналъ отъ Іозефины объ этихъ толкахъ въ ея гостиной. Бонапарте ничего не замѣчалъ ибо, находясь всегда въ своемъ

кабинетъ или въ Совѣтъ, онъ слишкомъ былъ озабоченъ стараніемъ учредить свое Правитель-ство на прочныхъ основаніяхъ, для того что-бы заниматься женскою болтовнею; притомъ же, какъ жена его никогда нескрывала отъ него мыслей своихъ о Монархіи, то приказавъ наблюдать за ея обществомъ, онъ бы не узналъ объ немъ болѣе того, что ему и такъ связы-вали. Впрочемъ тѣ дамы, которыя поддержи-вали въ Іозефинѣ благопріятныя для Бурбо-новъ мысли, рѣдко бывали въ ея гостиной; онъ болѣею частью посѣщали ее по утрамъ и если нѣкоторыя изъ нихъ оставались на вечеръ, когда туда приходилъ Первый Консуль, то можно себѣ представить, что онъ остерегался говорить при немъ что либо, могущее пока-заться ему противнымъ. Въ эту эпоху устроили ковъ, котораго Герцогиня де Гишъ была ору-діемъ; но какъ подробности этого дѣла мнѣ мало извѣстны то я и ограничиваюсь только тѣмъ что упоминаю объ ономъ.

Старались, преклонивъ Г-жу Бонапарте въ поль-зу Бурбоновъ, ослѣпить въ тоже время Перваго Консула блистательными предло-женіями; хотѣли поднести ему мечъ Констабля Дюгеклена, и воз-двигнутая въ честь его статуя, свидѣтельствовала бы предъ глазами потомства и о его славѣ, ника-кимъ пятномъ не помраченной и о признатель-ности Бурбоновъ; но онъ слушалъ эти дошедшія

до него предложенія какъ пустыя рѣчи и не вѣрилъ ихъ искренности; онъ однажды торжественно объяснился на этотъ счетъ въ разговорѣ съ Лафайетомъ. «Они предлагаютъ мнѣ статую,» сказалъ онъ, «но на какомъ ее поставятъ пьедесталъ; изъ него легко можно сдѣлать мнѣ темницу.» Я не самъ слыхалъ этихъ словъ отъ Бонапарте, но могу ручаться за достоверность оныхъ, судя по источнику, изъ котораго они до меня дошли.

Въ это время, когда много говорили въ Роялистскихъ обществахъ и въ Сен-Жерменскомъ предмѣстїи, котораго Люинскій отель былъ главною квартирою о возможности возвращенія Бурбоновъ;—появленіе одной книги обратило мысли публики къ блистательной эпохѣ царствованія Лудовика XIV: эта книга была *Госпожа де ла Валиеръ*, историческій романъ, изданный въ эпоху Консульства Г-жею Жап-лисъ, недавно возвратившеюся во Францію. Бонапарте прочиталъ ее и мнѣ послѣ говорили что очень остался ею доволенъ; но мнѣ ни слова объ ней не сказалъ. Уже черезъ нѣсколько времени послѣ того, онъ началъ жаловаться на дѣйствіе, которое эта книга производила въ Парижѣ особенно своими картинками, изображавшими сцены изъ жизни Лудовика XIV и которыя толпами сбѣгались смотрѣть на выставкахъ. Полиція получила приказъ запретить ихъ и

безпрекословно повиновалась, ибо это уже не была Полиція Фуше, который видѣлъ ее съ высока и не любилъ употреблять ее на бездѣлки; при этомъ случаѣ я вспомнилъ, что вскорѣ по учрежденіи почетнаго Легіона, какъ это была пора цвѣтовъ, то молодые люди въ Парижѣ стали для забавы носить въ петличкѣ красную гвоздику, которая издали нѣсколько обманывала. Бонапарте, узнавъ объ этомъ, принялъ шутку сію очень неблагосклонно, послалъ за Фуше и хотѣлъ чтобы брали подъ стражу всѣхъ, позволявшихъ себѣ обращаться такимъ образомъ въ посмѣяніе его новый орденъ: Фуше удовольствовался отвѣтомъ, что онъ посмотритъ что они будутъ дѣлать осенью и Первый Консулъ понялъ, что часто сообщаютъ важность пустякамъ, если ихъ удостоиваютъ слишкомъ большаго вниманія.

Однакожъ, не смотря на досаду, причиненную Наполеону усердіемъ, съ которымъ бѣгали смѣтрять картинки романа Г-жи Жанлисъ, онъ не разсердился на эту знаменитую женщину, о которой весьма выгодно отзывались ему Гг. де Фонтанъ и Фьеве, и которая писала къ нему многія письма. Этотъ родъ переписки не входилъ въ кругъ моихъ занятій, а потому я самъ не видалъ писемъ Г-жи Жанлисъ; я узналъ только отъ Г-жи Бонапарте, что въ нихъ заключалось множество собственныхъ именъ, и

имѣю причины думать, что они не мало содѣйствовали къ преувеличенію мнѣнія Перваго Консула о Сен-Жерменскомъ предмѣстіи, котораго, не смотря на все свое могущество, онъ имѣлъ слабость бояться.

Сен-Жерменское предмѣстіе казалось Первому Консулу главнымъ вертепомъ Роялистскаго мнѣнія; и онъ видѣлъ что многочисленныя исключенія изъ списка эмигрантовъ увеличили его недовольными и хулителями потому что имѣнія эмигрантовъ не возвращались ихъ прежнимъ владѣльцамъ даже и тогда, еслибъ оныя не были проданы и что въ извѣстномъ кругу общества очень любили обращать въ посмѣяніе неловкость Республиканскихъ вельможъ, сравнивая ихъ съ вельможами прежняго двора. Жены иныхъ Генераловъ нѣсколько разъ были пристыжаемы за незнаніе ими утонченнаго свѣтскаго обхожденія; во многихъ собраніяхъ съ пренебреженіемъ говорили о такъ называемыхъ временщикахъ, о людяхъ, которые по выраженію Талейрана, не умѣютъ ходить по паркету. Все это подавало поводъ къ жалобамъ на Сен-Жерменское предмѣстіе, между тѣмъ какъ братья Наполеона старались еще болѣе раздражить его противъ всего, возбуждавшаго въ немъ воспоминаніе о Бурбонахъ, безпрестанно твердя ему, а въ особенности Іосифъ, что Сен - Жерменское предмѣстіе его

презираетъ; они имѣли существенную нужду въ его честолюбии: Наполеонъ могъ обойтись безъ престола для того чтобы увѣковѣчить свою славу и блистать яркимъ блескомъ; но что сталося бы съ его семействомъ, коему предназначалось блистать только чрезъ отраженіе? Посему они всѣми возможными средствами поддерживали родъ неопредѣлительнаго безпокойства, внушаемаго Первому Консулу однимъ именемъ Бурбоновъ.

Таково было расположеніе Наполеона и таково было состояніе общества въ продолженіе 1802 года. Ужъ конечно имя Бурбоновъ имѣло большую надъ нимъ силу, когда оно могло вовлечь его въ самый неблагоприятный поступокъ цѣлой его жизни. Оставя семь мѣсяцевъ безъ отвѣта первое письмо Лудовика XVIII, выше помѣщенное, отвѣчавъ наконецъ на второе его письмо какъ Царь подданному,—Бонапарте до такой степени замечтался, что въ свою очередь написалъ къ Лудовику XVIII предлагая ему отказать въ его пользу отъ престола своихъ предковъ съ полученіемъ за то въ вознагражденіе Княжества въ Италіи или значительнаго содержанія ему и его семейству. Надѣюсь что читатели помнятъ первый приступъ, сдѣланный мнѣ касательно сего Первымъ Консуломъ при прогулкѣ нашей въ Мальмезонскомъ паркѣ и отвѣтъ, данный ему мною въ чрезвычайномъ

моемъ удивленіи. Этому-то отвѣту долженъ я приписать утаеніе имъ отъ меня необдуманнаго его поступка и мнѣ повсему кажется, что письмо его должно счесть слѣдствіемъ одного изъ частныхъ совѣщаній его съ Луціаномъ; незная однакожь объ этомъ письмѣ ничего положительнаго кромѣ того, что оно дѣйствительно было написано, я представляю мое мнѣніе только какъ вѣроятную догадку. Но я имѣлъ случай достоверно узнать любопытныя подробности о томъ, что произошло въ Митавѣ при врученіи Наполеонова письма Лудовику XVIII-му.

Принцъ сей очень уже сердился на Бонапарте за медленный отвѣтъ на первое письмо его и за содержаніе сего поздняго отзыва. Но прочитавъ второе письмо, въ которомъ Бонапарте требовалъ, чтобы онъ отказался отъ правъ своихъ на Французскую корону, — лишенный престола Король ощутилъ такое сильное негодованіе, что онъ тотчасъ начерталъ нѣсколько строчекъ, живо изображавшихъ весь гнѣвъ, который можетъ объять душу Государя при подобномъ предложеніи. Отзывъ, наскоро начертанный Лудовикомъ XVIII въ первомъ движеніи гнѣва, не походилъ на благородное, горделивое письмо, которое получилъ Бонапарте и которое будетъ ниже помѣщено. Это послѣднее оканчивается счастливо приведеннымъ

девизомъ Франциска 1-го: *Всё потеряю кромѣ гести*. Но первый отзывъ былъ запечатлѣнъ еще болѣе рыцарскимъ негодованіемъ; въ немъ былъ не одинъ девизъ Франциска 1-го а и способъ, которымъ онъ хотѣлъ рѣшить свою брань съ Карломъ V-мъ. Добрый Король, въ пылу гнѣва, писалъ опершись на ефесъ меча своего; но Аббатъ Андре, къ которому Лудовикъ XVIII имѣлъ большую довѣренность, увидѣвъ эготъ отзывъ, успѣлъ, не безъ труда, успокоить Короля, который тогда написалъ слѣдующее письмо:

«Я не равняю Г-на Бонапарте съ тѣми, которые ему предшествовали; уважаю его храбрость и воинскіе таланты; я благодаренъ ему «за многія распоряженія его правительства, ибо «добро, которое сдѣлають моему народу, всегда «будетъ для меня драгоцѣнно.

«Но онъ ошибается думая склонить меня къ «отреченію отъ правъ моихъ; напротивъ того, онъ «бы самъ подтвердилъ ихъ, еслибъ они могли «быть сомнительны, поступкомъ, нынѣ имъ «сдѣланнымъ.

«Не знаю воли Божіей касательно меня и «моего народа; но помню обязанности, на меня «наложенныя. Какъ Христіанинъ я исполню «долгъ мой до послѣдняго издыханія; какъ потомокъ Лудовика Святаго я буду умѣть даже «въ оковахъ сохранить къ самому себѣ уваже-

«ніе; какъ преемникъ Франциска 4-го я хочу
«всегда быть въ правѣ сказать вмѣстѣ съ нимъ:
«Всё потеряно кромѣ чести.»

ЛУДОВИКЪ.»

МИТАВА, 1802.

По полученіи въ Парижъ письма Лудовика XVIII-го, Роялистскій Комитетъ собрался, очень затрудняясь тѣмъ что съ нимъ дѣлать. Послѣ долгаго совѣщанія въ Нёльи, предложили обратиться къ Третьему Консулу, съ которымъ Аббатъ Монтескіу сохранилъ сношенія послѣ Конституціоннаго Собранія; это мнѣніе было принято. По воспоминанію о томъ какъ онъ началъ свое поприще при Канцлерѣ Мону, Роялисты всегда ставили его отдѣльно отъ прочихъ. Что касается до меня, я всегда видѣлъ въ немъ очень хорошаго человѣка, добраго гражданина, любящаго равенство и желающаго поддерживать оное посредствомъ самовластиа что было очень по мыслямъ Наполеону. И такъ къ Г-ну Дебрёну отправился Аббатъ Монтескіу и Третій Консулъ взялся представить письмо Наполеону. Бонапарте принялъ письмо съ какимъ-то равнодушіемъ, о которомъ я еще и теперь не могу

сказать, истинное ли оно было или притворное. Онъ очень мало говорилъ со мною о неудачѣ переговоровъ съ Лудовикомъ XVIII потому что онъ въ этомъ отношеніи болѣе всего страшился болтовни своихъ братьевъ, которые устраивали вокругъ его какое-то движеніе, бывшее, какъ онъ зналъ, не безъ вліянія, и онъ во многихъ случаяхъ доказалъ то изъясненіемъ имъ своего гнѣва.

Безспорно что письмо Лудовика XVIII-го ознаменовано благородствомъ, которому нельзя довольно надивиться и теперь можно сказать что Бонапарте, поступкомъ своимъ, оказалъ истинную услугу Лудовику XVIII-му доставя ему случай представить свѣту одну изъ красивѣйшихъ страницъ исторіи лишеннаго престола Государя. Это письмо, коего содержаніе сдѣлалось извѣстнымъ во всѣхъ Парижскихъ обществахъ, заслужило всеобщее одобреніе тѣхъ, которые сохранили еще воспоминаніе о Бурбонахъ и въ особенности Роялистскаго Комитета. Почтенные члены сего Комитета, гордясь такимъ величіемъ въ характерѣ злополучнаго Монарха, возвращенію коего они посвящали свои великодушныя усилія, отвѣтствовали ему посланіемъ въ родѣ манифеста, которому время придало еще болѣе занимательности, ибо событія оправдали благопріятныя предсказанія, въ ономъ заключающіяся. Думаю

что не безъ живѣйшаго участія прочтутъ этотъ документъ, одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ въ новѣйшей исторіи; вотъ онъ:

«ГОСУДАРЬ,

«Совѣтъ Вашъ получилъ, сообщенное ему по
«Вашему повелѣнію, свѣдѣніе о предложеніяхъ
«Перваго Консула и не можетъ не изъявить
«В. В. удивленія, внушеннаго ему отвѣтомъ,
«столь достойнымъ потомка Людовика Святаго
«и Генриха IV-го. Если съ одной стороны, слуги
«В. В. скорбѣютъ о злой судьбинѣ, преслѣдую-
«щей Васъ даже въ самой оградѣ чести и по-
«видимому угрожающей вамъ даже въ уедине-
«ніи частной жизни, — то съ другой стороны
«мужество ихъ и надежды одушевляются видя
«сколько В. В. вѣрны памяти столькохъ Госуда-
«рей, своихъ предковъ и Франціи, которая нѣ-
«когда станетъ вновь просить у Августѣйшаго
«Вашего Дома спокойствія и счастья. Восторже-
«ствуйте надъ обольщеніемъ и надъ силою —
«могуществомъ того великодушія, коимъ Прови-
«дѣніе одарило сердца Государей, имъ создан-
«ныхъ. Сіе-то Провидѣніе, въ противоположно-
«сти положеній, какой исторія не представляетъ
«примѣра, благоволило унижить всемогуще-
«ство предъ истиннымъ величіемъ, лишеннымъ
«подпоры; и оно тѣмъ возвыщаетъ что судьбы
«В. В. и Вашего Дома еще не свершились; что
«вѣтръ, погнувшій сей древній дубъ, не по-

«трясъ его корней; что желѣзо, отсѣкшее его
«вѣтви, только увеличило крѣпость самаго
«древа. Не мы будемъ представлять В. В. тщет-
«ныя надежды, основанныя на внутреннихъ или
«на вѣншихъ волненіяхъ и на средствахъ воз-
«буждать оныя. В. В. довольно извѣстно, и это
«есть наше главное право на Вашу довѣренность,
«что мы не возсылаемъ обѣтовъ о посредни-
«чествѣ иностранной политики и что наши
«свойства, правила и обязанности, равно отда-
«ляютъ насъ отъ духа заговоровъ и мятежей.
«Но мы скажемъ В. В. что совѣты разсудка
«согласуются со внушеніями чести; что преду-
«смотрительность предписывала рѣшимость, ими
«Вамъ внушенную и что спасеніе Франціи бу-
«детъ цѣною твердости, съ кою В. В. при-
«соной удержитесь. И дѣйствительно, какими
«причинами можно было прикрасить сдѣланное
«В. В. предложеніе? Хотѣли ли тронуть Ваше
«великодушіе и любовь Вашу къ Вашему на-
«роду показавъ вамъ спокойствіе Франціи за-
«висящимъ отъ пожертвованія Вашими закон-
«ными правами? Но, Государь, гдѣ арміи, опу-
«стошающія наши земли? Гдѣ партіи, призы-
«вающія имя В. В.? Гдѣ козни, устроиваемыя
«подъ сѣнію сего священнаго имени? Льется
«ли еще кровь и предстоитъ ли еще остана-
«вливать оную? Нѣтъ. Франція отдыхаетъ въ
«глубокомъ мирѣ съ тѣхъ поръ какъ мужъ,

«столь же необычайный какъ и его судьбина
«пріялъ бразды правленія. Одни наслаждаются
«спокойствіемъ безъ воспоминаній и безъ пред-
«видѣній; другіе, сохраняя В. В. преданность
«свою въ судахъ, въ лагеряхъ и въ совѣтахъ,
«полагають что они Вамъ повинуются поко-
«ряться сей временной власти, коей они при-
«знають необходимость и которую кажется
«воздвигла сама десница Божія для уничтоже-
«нія правилъ и примѣровъ Революціи. И такъ
«къ будущему устремлены всѣ наши попеченія.
«Какое слово произнести, на какую власть со-
«слагаться при видѣ столь неизмовѣрной смѣны
«однихъ другими, людей и событій? и когда
«обломки Республики, названной истлѣнною,
«лежать разбросанныя вмѣстѣ съ обломками
«Монархіи! Какая же эта будущность, коей бла-
«годенствіе можетъ утвердиться только рѣши-
«тельнымъ отреченіемъ В. В. и Принцевъ Ва-
«шего Дома? Мы можемъ искать ее только въ
«томъ, что есть; ибо отъ В. В. не требуютъ
«составленія оной изъ неизвѣстныхъ началъ.
«Начиная съ эпохи 18 Брюмера на той самой
«почвѣ, которая до тѣхъ поръ пожирала и зиж-
«дителей и ихъ произведенія, менѣе чѣмъ въ
«три года воздвиглись двѣ Конституціи; безъ
«сомнѣній послѣдней изъ нихъ предоставлено
«преимущество удержать будущее; и поелику
«Первый Консулъ безспорно посвятилъ оной

«всѣ свои мысли, то мы должны думать, что
«В. В. предлагаютъ, какъ залогъ спокойствія и
«счастія, правила, на коихъ она основываетъ
«передачу власти: то есть что В. В. предлагаютъ,
«обеспечить Франціи, сколько сіе отъ Васъ зави-
«ситъ, вмѣсто Монархическаго наследственнаго
«правленія, ограниченнаго основными законами
«—военное, избирательное правленіе, безъ гра-
«ницъ и безъ предѣловъ. Довести вопросъ до
«того вывода, значить рѣшить его. Дѣйстви-
«тельно слѣдуетъ дѣлать выборъ между самымъ
«лучшимъ и самымъ худшимъ изъ Правительствъ;
«между тѣмъ, которое составляло славу Фран-
«ціи и тѣмъ, которое было стыдомъ и бичемъ
«Рима; между тѣмъ, которое дало первой семде-
«сять Монарховъ въ тринадцать столѣтій и
«тѣмъ, которое дало послѣднему такое же число
«деспотовъ въ полтора вѣка; между тѣмъ, кото-
«рое совокупляетъ выгоды Государства съ вы-
«годами Главы онаго и тѣмъ, которое ихъ раз-
«дѣляетъ; между тѣмъ, которое погашаетъ пре-
«ступное честолюбіе и тѣмъ, которое возжи-
«гаетъ оное въ сердцахъ самыхъ недостойныхъ
«людей; между тѣмъ, для котораго война есть
«почти всегда бѣдствіе и тѣмъ, для коего она
«почти всегда необходима. И что вышло бы,
«еслибъ мы примѣнили эту паралель къ положе-
«нію Европы и показали бы всѣ троны утвер-
«жденными возстановленіемъ Монархін во Франціи

«и безпрестанно унижаемыми и угрожаемыми
«зрѣлищемъ избирательнаго правленія, основан-
«наго на ея развалинахъ?»—Нѣтъ Государь, не
«совмѣстно было бы съ благостію В. В. и съ
«привязанностію, Вами къ намъ сохраняемою,
«одобрить порядокъ вещей, столь пагубный для
«Вашею народа, и еслибъ ему не предстояло
«другихъ препятствій кромѣ правъ В. В. и
«Августѣйшаго Вашею рода, то отказаться отъ
«оныхъ было бы дѣломъ гнѣва и мести про-
«тивъ Французскаго народа. Но, Государь, бу-
«дущность, на которую мы обратили Ваши воз-
«зры, къ счастью существуетъ только въ Кон-
«ституціи, столь же непрочною столь же тщет-
«ною какъ и тѣ, которыя оной предшествовали;
«и если мы остановились на этомъ мечтатель-
«номъ предположеніи, то единственно потому что
«одно только оно предъявлено, потому что отъ
«имени одного только онаго возможно обратиться
«къ патріотизму и къ разсудку В. В. Тщательное
«разсмотрѣніе послѣдствій Революціи приводитъ
«къ другимъ вѣроятностямъ; мы представимъ
«ихъ В. В. — Поелику Революція имѣла цѣлью
«только разрушеніе общественнаго зданія и по-
«елику она его дѣйствительно во всѣхъ частяхъ
«разрушила, то можно сказать что Революція
«свершилась. Но такъ какъ Франція не погибла,
«то нѣтъ эпохи, въ которую можно было бы
«сказать что Революція упрочилась. Напротивъ

Часть V.

19

«того, каждый день послѣ ея свершенія озна-
«меновывался уничтоженіемъ какого либо изъ ея
«правиль. Побѣжденная и безоруженная 18 Брю-
«мера, она болѣе уже не существуетъ, потому
«что перестали въ нея вѣровать. Мнѣнія, при-
«знаныя ею почетными, причтены къ возмущи-
«тельному ученію; учрежденія, наиболѣе ею
«оскорбленныя, съ блескомъ вновь появляются:
«свойство вещей, не погибающее въ полити-
«ческихъ переворотахъ, постепенно опять при-
«водитъ онныя и безмятежно ставитъ ихъ на
«прежнія мѣста. И такъ оно приводитъ вновь
«наслѣдственную Монархію, которая есть до-
«полненіе, ручательство и связь всѣхъ прочихъ.
«Скажутъ ли что Франція изгнала ее? Но она
«также изгнала богослуженіе и самую вѣру;
«она изгнала единство власти и подвергла кин-
«жаламъ Республиканцевъ всѣхъ тѣхъ, которые
«дерзнули бы на то, что Бонапарте исполнилъ.
«Однакожь она безропотно повинется правле-
«нію, гораздо болѣе самовластному, чѣмъ ка-
«ково было правленіе Королей ея. Необходи-
«мость наслѣдія становится ощутительною;
«это слово почти у всѣхъ на языкѣ. Не-
«ужели шагъ, который остается сдѣлать для
«того чтобы найти его въ единственномъ семей-
«ствѣ, обладающемъ правами на оное, столь же
«труденъ, столь же необычаенъ какъ тѣ, конхъ
«мы были свидѣтелями; и устоятъ ли препят-

«твія противъ времени, никогда не пребываю-
«щаго въ бездѣйствіи. Уже оно преодолѣло мнѣ-
«нія; каждый день оно преодолеваетъ виды,
«предразсудки, опасенія, которыя отдаляютъ
«еще Бурбоновъ. Самое диктаторство, исшедшее
«изъ Революціи, подъ какимъ бы названіемъ
«оное ни существовало, не только не есть пре-
«града между ими и престоломъ ихъ предковъ,
«но напротивъ того, оно прокладываетъ имъ къ
«нему путь. Чрезъ него народъ опять привы-
«каетъ къ повиновенію; армія покоряется чи-
«нопочитанію; приведенныя въ безсиліе партіи
«забываютъ даже имена свои и съ трудомъ
«узнаютъ другъ друга. Если, побѣдивъ всѣ со-
«противленія, оно само предастся въ руки за-
«коннаго Короля, то оно свершитъ все для сча-
«стія Франціи и для своей собственной славы.
«Еслиже Провидѣніе назначило ему конецъ прежде
«чѣмъ оно достигнетъ той цѣли, для коей оно
«существуетъ, то честолюбіе тщетно будетъ
«стараться поднять его; презрѣнныя его усилія
«докажутъ только что нѣтъ другаго Бонапарте
«и что подобная этой власть не можетъ пережитьъ
«потребностей и обстоятельствъ, коихъ она была
«дѣломъ. Въ эту рѣшительную эпоху, Франція бу-
«детъ имѣть Короля или раздробится а за нею
«и всѣ Европейскія Монархіи. Въ эту-то эпоху
«должно поставить себя для того чтобы по на-
«длежащему сообразить всѣ нынѣшнія отношенія.

«Кто захочетъ стать Королемъ Франціи? какая «фамилія дерзнетъ оспаривать у древнаго рода «Гуго-Капетовъ наслѣдственныя права на уваженіе и повиновеніе народа? Какова бы она ни была, а она не будетъ имѣть правъ происхожденія «и ей придется противостать правамъ потомковъ «тридцати Монарховъ. Предоставимъ Франціи, «когда придетъ время рѣшить между ими; дозвольно замѣтить, что отнынѣ поступокъ Перваго Консула и отвѣтъ Вашего Величества «прибавятся на вѣсахъ.

«Благоволите В. В. милостиво принять наши «поздравленія и благоговѣйныя чувства. Намъ «пріятно думать что поступокъ, о которомъ «идетъ рѣчь, предвѣщаетъ другіе, еще болѣе «важные. Каковъ бы ни былъ промежутокъ, долженствующій раздѣлить ихъ, — продолжайте «Государь царствовать посредствомъ законовъ до «тѣхъ поръ пока законы и сила соединятъ свое «владычество; и послѣ данныхъ повелителямъ «народовъ столь благородныхъ уроковъ, да будетъ предназначено Вашему Величеству «представить имъ и знаменитые примѣры.»

Г Л А В А XI.

День послѣ впаденія моего въ немилость.—Предчувствіе будущаго.—Причины возвращенія мнѣ пріятели.—Моя искренняя печаль.—Притворное участіе.—Предложеніе помощника.—Г. Меншеваль. — Несчастное со мною приключеніе.—Мнѣніе Герцога Ровиго о мнѣ, о положеніи моемъ при Наполеонѣ и о причинахъ впаденія моего въ немилость.—Ссылка на Г. Барбе-Марбуа въ подтвержденіе несправедливаго обвиненія.—Письмо Г. Марбуа.—Доказательства лживости изложеннаго обо мнѣ мнѣнія. — Изреченіе Бонапарте, слишкомъ для меня лестное.—Неправильность его Министровъ и слѣдствія оной. — Злоба и зависть.—Участіе въ подрядѣ.—Дѣйствія клеветы. — Предлогъ разлуки моей съ Наполеономъ.

Обращаюсь теперь къ частнымъ обстоятельствамъ, послѣдовавшимъ за первымъ впаденіемъ моимъ въ немилость, о которомъ я говорилъ

выше. На другой день по вступленіи моемъ въ должность, я вошелъ по обыкновенію въ комнату Перваго Консула и разбудилъ его въ семь часовъ утра. Онъ не показалъ никакой досады и обошелся со мною точно такъ, какъ будто бы между нами ничего не произошло; я съ моей стороны также сталъ съ нимъ совершенно попрежнему кромѣ того, что жалѣлъ о принятіи вновь должности, сдѣлавшейся слишкомъ для меня тягостною. Пришедъ въ кабинетъ, онъ началъ говорить со мною о своихъ намѣреніяхъ съ обыкновенною довѣрчивостію и я увидѣлъ множество писемъ, оставленныхъ Наполеономъ нераспечатанными въ продолженіе нѣсколькихъ дней, въ которые я не занимался своею должностію.

Въ эпоху этой первой размолвки, за которою послѣдовало примиреніе,—вопросъ о пожизненномъ Консульствѣ не былъ еще рѣшенъ, что произошло 2 Августа, а тогда былъ еще конецъ Февраля. По методу, которой я намѣревался слѣдовать при сочиненіи этихъ Записокъ, мнѣ бы не должно говорить объ этомъ прежде ибо читатель конечно замѣтилъ, что я гораздо менѣе заботился о соблюденіи порядка времени, чѣмъ о сближеніи происшествій, связанныхъ между собою отношеніями сходства или подобія. Записнымъ авторамъ, пишущимъ книги съ книгъ принадлежить приводить въ

порядокъ историческія событія, которыя они соединяють такимъ образомъ, чтобы составить правильное цѣлое, подчиненное сколько возможно, требованіямъ хронологіи; но мнѣ кажется совсѣмъ другое дѣло, когда человѣкъ, много видѣвшій, уступаетъ желанію разсказывать то что онъ видѣлъ; книга его, по моему мнѣнію, была бы очень скучна, еслибъ воспоминанія выходили изъ его памяти одно за другимъ съ утомительною правильностью. Не знаю не ошибаюсь ли я, но мнѣ всегда казалось что читатель походить на путешественника, для котораго длинная дорога сокращается если она представляетъ ему разнообразныя мѣстоположенія и неожиданныя перемѣны въ почвѣ.

Да простятъ мнѣ эти краткія размышленія, но я счелъ ихъ необходимыми для изъясненія переходовъ отъ одной эпохи къ другой, коихъ я вовсе не стараюсь избѣгать; посему я не раздѣлю происшедшихъ въ разное время обстоятельствъ разрыва моего съ Первымъ Консуломъ, хотя бы потомъ воспоминанія мои и привели меня къ какимъ нибудь событіямъ, происшедшимъ въ промежуткахъ этой драмы, продолжившейся болѣе полугода.

И такъ я вошелъ съ Первымъ Консуломъ въ такую же короткость, какъ прежде; такъ покрайней мѣрѣ было нѣсколько времени; но

я вскорѣ замѣтилъ что послѣ сцены, которой Г. Талейранъ былъ свидѣтелемъ, пребываніе мое въ Тюліери есть только временное. Я увидѣлъ что въ первую минуту Бонапарте пожертвовалъ своимъ оскорбленнымъ самолюбіемъ необходимости, которую — безъ хвастовства могу сказать—онъ имѣлъ во мнѣ; и что наконецъ принужденное предпочтеніе, имъ мнѣ отдаваемое, происходило единственно отъ того, что онъ не имѣлъ человѣка, который бы могъ меня замѣнить; ибо Дюрокъ, какъ выше видѣли, показалъ сильную неохоту къ принятію этой тягостной должности. Бонапарте не могъ одинъ управиться со всѣми бумагами и показалъ видъ будто бы онъ забылъ происшедшее, дабы въ первое время, дѣла его не остановились отъ моего внезапнаго удаленія. И такъ я не долго былъ въ заблужденіи касательно моего новаго положенія; я находился какъ въ карантинѣ, долженствовавшемъ кончиться выходомъ моимъ изъ гавани чрезъ неопредѣленное время.

Тогда-то Бонапарте употребилъ всѣ хитрости и ласки, которыя всегда такъ ему удавались, и въ этотъ разъ удались для того чтобы выйти изъ затрудненія, въ которое привела его моя отставка и удержать меня при себѣ. Беру въ свидѣтели всѣхъ моихъ знакомыхъ что я чрезвычайно какъ печалился и даже отчаявался будучи принужденъ опять приняться за мою

тягостную работу. Здоровье мое очень отъ нея пострадало. Я имѣлъ въ Корвизарѣ весьма искуснаго совѣтника, но могъ исполнять его наставленія только по ночамъ. Вступить опять въ мою должность, значило отказаться отъ всякой надежды на спокойствіе и даже на здоровье.

Черезъ нѣсколько времени, Первый Консулъ сказалъ мнѣ съ видомъ участія и добродушія, которыми я однакоже не былъ обманутъ: *Бѣдный мой Буріеннъ, ты дѣйствительно не можешь всего дѣлать. Работа увеличивается, она еще болѣе увеличится, ты знаешь что говоритъ Корвизаръ; у тебя есть селіество, я хочу поберечь твое здоровье а не убить тебя работою: у тебя будетъ помощникъ. Іосифъ, которому я объ этомъ говорилъ, согласенъ уступить мнѣ своего Секретаря, которымъ онъ очень доволенъ. Находясь у тебя подъ начальствомъ, онъ будетъ переписывать тебѣ бумаги; ты поручишь ему все, онъ того ты можешь себя избавить безъ вреда моей службѣ. По крайней мѣрѣ это доставитъ тебѣ большое облегченіе.*—«Я очень радъ имѣть помощника,» отвѣчалъ я ему, «онъ привыкнетъ къ вашимъ дѣламъ и можетъ со временемъ замѣнить меня.»

Іосифъ дѣйствительно далъ своему брату Г. Менневалю, молодого человѣка весьма хорошо воспитаннаго, трудолюбиваго, тихаго и скромнаго; онъ мнѣ очень понравился. Я никогда не

имѣлъ причинъ на него жаловаться и сожалѣть о времени, съ нимъ проведенномъ.

Я вскорѣ замѣтилъ что Первый Консулъ старается образовать Г. Менневая, приучить его къ своей работѣ и къ своимъ обыкновеніямъ. Не въ состояніи будучи никогда простить мнѣ того, что я осмѣлился оставить его, тогда какъ онъ достигъ столь высокой степени могущества, онъ ждалъ только случая меня за то наказать. Я воспользовался случаемъ дабы съ нимъ разстаться а онъ не пропустилъ несчастнаго обстоятельства для того чтобы меня удалить.

Я объясню несчастіе, со мною приключившееся и которое скорѣе долженствовало бы доставить мнѣ утѣшеніе и помощь Перваго Консула чѣмъ подвергнуть меня его немилости.

Разрывъ мой съ нимъ былъ перетолкованъ очень неправильно; я не стану опровергать всѣхъ заблужденій, объ этомъ предметѣ напечатанныхъ. Приведу только читанное мною въ Запискахъ Герцога Ровиго; онъ говоритъ такимъ образомъ.

«Жизнь Наполеона была непрерывнымъ трудомъ. Онъ имѣлъ при себѣ Секретаремъ Г-на «Буріенна, бывшаго другомъ его дѣтства и который раздѣлялъ съ нимъ всѣ труды его. Онъ часто звалъ его по нѣскольку разъ ночью, и «сверхъ того требовалъ чтобы онъ являлся къ

«нему въ семь часовъ утра. Буріеннъ прихо-
«дилъ всегда съ журналами, уже имъ просмо-
«трѣнными.

«Буріеннъ имѣлъ чрезвычайную память; онъ
«говорилъ и писалъ на многихъ языкахъ, владѣя
«перомъ столь быстро что поспѣвалъ за рѣчью.
«Кромѣ этихъ преимуществъ, онъ зналъ дѣла
«управленія, общественное право и по своей
«дѣятельности, по своей преданности, былъ для
«Перваго Консула необходимымъ человѣкомъ.
«Мнѣ извѣстны разные способы, доставившіе
«ему неограниченную довѣренность его повели-
«теля; но не могу съ тою же увѣренностью го-
«ворить о винѣ, чрезъ которую онъ лишился
«ея.

«Буріеннъ имѣлъ много непріятелей: онъ на-
«жилъ ихъ себѣ своимъ характеромъ, а еще бо-
«лѣе своимъ мѣстомъ. Одни завидовали довѣрію,
«которымъ онъ пользовался у Правительства;
«другіе были недовольны тѣмъ что онъ не по-
«свящалъ себя ихъ услугамъ; многіе даже при-
«писывали ему неуспѣхъ поданныхъ ими просьбъ.
«На него нельзя было напасть со стороны его
«искуства и скромности: начали наблюдать за
«его привычками. Узнали что онъ занимается
«финансовыми оборотами: нападеніе сдѣлалось
«легко; его обвинили въ похищеніи казны. Это
«означило тронуть самую чувствительную струну.
«Первый Консулъ ничего такъ не гнушался

«какъ противозаконныхъ средствъ къ пріобрѣ-
«тенію золота. Одного голоса однакожь было
«недостаточно для того чтобы погубить чело-
«вѣка, котораго онъ привыкъ любить и ува-
«жать: нашлись и другіе. Основательны или лож-
«ны были эти обвиненія, а достовѣрно, что всѣ-
«ми средствами старались довести ихъ до ушей
«Перваго Консула.

«Средство, употребленное съ наибольшею
«дѣйствительностію, состояло въ перепискѣ, ко-
«торую завели, какъ съ самимъ обвиненнымъ,
«такъ и съ тѣми лицами, съ которыми находили
«выгоду ввести его въ сношенія; эта переписка
«была тайственная и относилась къ дѣйствіямъ,
«въ которыхъ его хотѣли обвинить. Такимъ то
«образомъ неоднократно, для доведенія лжи до
«главы Правительства, пользовались средствомъ,
«назначеннымъ для узнанія истины. Въ цар-
«ствованіе Людовика XV и даже при Регентствѣ
«были учреждены на почтѣ надзоръ не за всѣ-
«ми письмами, но за тѣми, которыя имѣли ка-
«кія либо причины подозрѣвать. Ихъ распеча-
«тывали, и если не находили нужнымъ уничто-
«жить оныя, то списавъ съ нихъ копія отправ-
«ляли безъ задержанія по принадлежности. При
«такомъ учрежденіи чловѣкъ, доносящій на
«другаго, можетъ придать вѣсь своему доносу.
«Ему стоитъ только отдать на почту нѣсколь-
«ко писемъ, сочиненныхъ такъ чтобы оный под-

«тверждали мнѣніе, которому онъ хочетъ до-
«ставить вѣру. Самый честный человѣкъ, мо-
«жетъ такимъ образомъ попасть въ бѣду чрезъ
письмо, котораго онъ не читалъ или даже, ко-
«торое онъ не понималъ.

«Я самъ это испыталъ. Я завелъ переписку
«о небываломъ дѣлѣ. Письма были распечата-
«ны и копія мнѣ сообщены, ибо тогдашняя
«моя должность того требовала. Но когда онѣ
«ко мнѣ доходили, то я имѣлъ уже въ рукахъ
«подлинники, полученные обыкновеннымъ пу-
«темъ. При докладѣ о послѣдствіяхъ этихъ опы-
«товъ, я воспользовался случаемъ, дабы дать
«почувствовать, сколь опасно вѣрить слѣпо свѣ-
«дѣніямъ, почерпнутымъ изъ такого источника.
«И дѣйствительно подъ конецъ стали уже мало
«обращать вниманія на этотъ способъ получе-
«нія извѣстій. Но къ нему имѣли полную до-
«вѣренность въ ту эпоху, когда Буріеннъ по-
«палъ въ немилость. Враги его не пропустили
«онимъ воспользоваться. Они очернили его
«предъ Г-мъ Барбе - Марбуа, который придалъ
«обвиненію вѣсъ своей честности. Мнѣніе сего
«строгаго сановника и еще другія обстоятель-
«ства заставили Перваго Консула рѣшиться у-
«далить отъ себя своего Секретаря.»

Похищать казну могутъ только тѣ, у кото-
рыхъ она въ рукахъ. Но какъ я никогда не
имѣлъ порученія принимать казенныя деньги

или распоряжаться ими, никогда не получалъ и не распределялъ государственныхъ доходовъ и всегда былъ чуждъ всякой отчетности, то обвиненіе въ похищеніи казны и не могло быть никогда противъ меня сдѣлано. Герцогъ Ровиго пишетъ однакоже *что я подвергся этому обвиненію, которому Г. Барбе-Марбуа придалъ въсь своей честности и что лишьне сего строгаго сановника заставило Перваго Консула рѣшиться удалить отъ себя своего Секретаря.*

«Непостижимое показаніе Г. Ровиго, столь мало согласующееся съ предшествующими оному похвалами, не могло быть слѣдствіемъ какого либо противъ меня предубѣжденія; ибо я имѣю доказательства что онъ уважалъ меня болѣе чѣмъ кто либо другой. Это клевета, которая не можетъ быть изобрѣтена Г-мъ Ровиго, но онъ написалъ ее по слухамъ. Какъ бы то ни было, а это странное обвиненіе доставило почтенному сановнику, — коего Герцогъ Ровиго слишкомъ необдуманно произнесъ имя, — случай представить публикѣ новое доказательство любви своей къ истинѣ.

Я еще только изъ журнальныхъ объявленій зналъ о *Запискахъ Герцога Ровиго*, когда семейство мое сообщило мнѣ иныю, ирреальное на мое имя отъ Г. Барбе-Марбуа. Оно заключало въ себѣ слѣдующее:

«Милостивый Государь,

«Я недавно прочиталъ во вновь выпшедшихъ «Запискахъ, слѣдующую статью (тутъ перепи-сана выше помѣщенная мною выписка). Это «показаніе ложно и я считаю себя обязаннымъ «справедливости предъ вами, Милостивый Го-сударь и предъ самимъ собою, объявить что «я тогда не зналъ и теперь еще не знаю при-чинъ вашего удаленія.

«Прошу васъ принять увѣреніе и проч.

МАРБУА.»

Не думаю что нужно говорить еще болѣе для моего оправданія; мнѣ достаточно этого благороднаго и добровольнаго поступка Г-на Марбуа для того чтобы опровергнуть нескромное обвиненіе въ похищеніи казны, выставлен-ное Герцогомъ Ровиго при исчисленіи настоя-щихъ причинъ разлуки моей съ Первымъ Кон-суломъ.

Г. Ровиго говоритъ также что непріатели мои были многочисленны. Я дѣйствительно имѣлъ скрытными соперниками при дворѣ всѣхъ тѣхъ, которые находили выгоды въ томъ что-бы Государь не имѣлъ при себѣ человека пре-даннаго его славѣ а не тщеславію, однимъ сло-вомъ искренняго повѣреннаго. Бонапарте, по случаю какого-то неудовольствія противъ од-ного изъ Министровъ, имѣлъ неосторожность сказать въ присутствіи многихъ особъ, въ числѣ

которыхъ находился Г. Марс. *Еслибъ я нашелъ другаго Буріенна, то лишь бы всѣхъ васъ было не надо.* Этого было слишкомъ достаточно для того чтобы ополчить противъ Секретаря всѣхъ завистниковъ довѣренности, которою онъ пользовался. Узнавъ объ этихъ словахъ, я позволилъ себѣ сдѣлать Первому Консулу замѣчаніе; но ударъ былъ нанесенъ; вражда скрытно дѣйствовала и козни увеличивались. Зависть, столь же внимательная, какъ и вѣроломная, утаиваетъ хорошее и увеличиваетъ дурное, если оно существуетъ; еслижъ его нѣтъ, то она его выдумываетъ. На языкѣ клеветниковъ наука растеній есть изысканіе ядовъ. Злоба и зависть съ жестокимъ искусствомъ воспользовались несостоятельностью одного Парижскаго торговаго дома,—въ которомъ у меня были довольно значительныя суммы,—для того чтобы раздражить противъ меня Перваго Консула; и, уже внутренно оскорбленный тѣмъ что я хотѣлъ его оставить,—онъ наконецъ рѣшился пожертвовать необходимостью, которую онъ во мнѣ имѣлъ, новому неудовольствію.

Торговый домъ, бывшій тогда однимъ изъ еамыхъ именитыхъ, между прочими оборотами, принялъ на себя разныя поставки для арміи. Съ вѣдома Министра Бертье, заключившаго подрядъ, я со своими деньгами вошелъ въ долю по этимъ поставкамъ. Къ несчастію торговый

домъ сей, кромѣ подрядовъ занимался безъ моего вѣдома биржевыми оборотами. Неумѣнье прикащиковъ этого дома присоединилось къ постояннымъ причинамъ убытка, въ который всегда вводитъ эта игра, и торговый домъ, гдѣ я былъ участникомъ, оказался несостоятельнымъ на нѣсколько миліоновъ. Это произвело такую молву, что Первый Консуль, имѣвшій всегда ложное понятіе объ общественныхъ фондахъ, повѣрилъ что происшедшее въ эту эпоху небольшое пониженіе курса было слѣдствіемъ этой несостоятельности. Ему внушили будтобы меня винять въ томъ, что я употребляю во зло мое положеніе для того чтобы подстрекать къ оборотамъ, основаннымъ на возвышеніи и пониженіи курса. И хотя я дѣйствительно терялъ, не только деньги, положенныя мною въ торговый домъ, оказавшійся несостоятельнымъ, но сверхъ того и чрезъ поручительство мое за этотъ домъ, данное съ тѣмъ чтобы помочь оному въ дѣлахъ его, — а я подвергся гнѣву Перваго Консула, который объявилъ мнѣ *что онъ не имѣетъ болѣе нужды въ моей службѣ*. Я бы могъ, еслибъ хотѣлъ, укротить это негодование, напомнить Первому Консулу что онъ не въ правѣ порицать меня за принятіе участія въ этомъ подрядѣ, тогда какъ самъ онъ счелъ позволительнымъ выговорить въ пользу брата своего Іосифа 1,500,000 франковъ съ по-

ставки продовольствія для флота. Но читатели видѣли, что съ нѣкотораго времени Г. Менневаль началъ уже замѣнять меня. И такъ этого случая только и было нужно для того чтобы Первый Консулъ рѣшился совершенно обойтись безъ услугъ моихъ.

Я объявилъ настоящую причину нашей разлуки. Вызываю кого угодно привести какое либо обстоятельство, относительно къ похищенію казны, которое выставилъ Герцогъ Ровиго, или къ какому нибудь другому лихоимству. Я многихъ опредѣлилъ къ мѣстамъ; я содѣйствовалъ къ исключенію изъ списка эмигрантовъ множества людей до изданія знаменитаго Сенатскаго указа 6 Флореали X года; не боюсь ничего показанія противъ моего поведенія. Даже не полагаюсь въ этомъ и на признательность ибо опытъ доказалъ мнѣ что это пустое, ничего не означающее слово.

Г Л А В А XII.

Воспоминанія.— *Приписка* Г. Барбе-Марбуа.— Тайна писемъ.— *Черный кабинетъ*. — Извлеченія изъ писемъ на почтѣ при Консульствѣ.— Сообщеніе оныхъ Министрамъ.— Отращеніе къ скрытымъ доносамъ.— Письмо, врученное Наполеону въ засѣданіи Совѣта.— Удаленіе мое въ Сен-Клу.— Приказаніе, данное мною Ландуару. — Письмо Г. Менневала.— Сожалѣніе Наполеона. — Второе письмо Г. Менневала.— Дружественное мое къ нему расположеніе. — Осмидневная борьба между дружбою и самолюбіемъ.— Ласковый пріемъ Перваго Консула.— Рѣчи, сообщенныя мнѣ Г-жею Бонапарте. — Офиціальное отрѣшеніе. — Письмо Бонапарте.— Мелкое мщеніе.— Мебели мои въ Рюель.— Переписка Дюрока.— Великія дѣйствія Консульскаго Правленія.— Желаніе ѣхать въ Англію.— Отказъ.— Ложное предположеніе.— Осмотръ моихъ бумагъ. — Совѣтъ Дюрока. — Письмо отъ меня Первому Консулу. — Неудачная попытка новой клеветы.— Обнаруженная истина.

Тому кто видѣлъ много вещей, не смотря ни на какую память, невозможно чего нибудь не забыть; но часто бываетъ что въ умѣ на-

шемъ пробуждаются воспоминанія, которыя мы считали погибшими и которыя были только временно погребены въ памяти; страница книги, какая нибудь рѣчь, часто одно слово достаточны тогда для того чтобы обновить эти воспоминанія со всею свѣжестью того времени, къ которому они относятся. Это самое сію минуту со мною случилось. Сказанное Герцогомъ Ровиго и приведенное мною въ отрывкѣ изъ его Записокъ для поясненія, напомнило мнѣ то что я самъ видѣлъ и зналъ *о тайнѣ писемъ*, о которой онъ говорилъ.

Герцогъ Ровиго, какъ выше показано намекаетъ по случаю впаденія моего въ немилость, что посредствомъ поддѣльныхъ и перехваченныхъ писемъ успѣли повредить мнѣ во мнѣніи Перваго Консула; я тогда этого не зналъ и хотя мнѣ были извѣстны всѣ козни, къ коимъ льстецы Наполсона, почти всѣ враги мои, были способны, но мнѣ не пришло въ голову употребленіе этой подлости; но полученное мною отъ Г. Барбе-Марбуа письмо, слишкомъ поздно открыло мнѣ глаза и не оставило болѣе никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Я привелъ текстъ письма его; внизу онаго, благородный Перъ помѣстилъ слѣдующую приписку:

«Я помню что однажды въ Среду, Первый «Консулъ, предсѣдательствуя въ Сен-Клу въ Совѣтѣ Министровъ, распечаталъ поданную ему

«записку и, не сообщивъ намъ ея содержанія, по-
«снѣжно вышелъ, весьма встревоженный. Чрезъ
«нѣсколько минутъ онъ возвратился и объявилъ
«намъ что вы отставлены.»

Произошла ли ввезанная отставка моя отъ
доноса, очернившего меня относительно под-
ряда, котораго я самъ сдѣлался жертвою или,
воспользовавшись этимъ случаемъ, Первый Кон-
сулъ исполнилъ намѣреніе, прежде сего уже
имъ принятое,—а по поводу сказаннаго Герцо-
гомъ Ровиго относительно нарушенія тайны
писемъ, я самъ поговорю объ этомъ предметѣ.

Прежде чѣмъ я написалъ эти Записки, Па-
латъ Депутатовъ было доложено о существова-
ніи кабинета, прозваннаго *чернымъ* и въ су-
ществованіи онаго не отперлись, а только от-
вѣтствовали что этотъ кабинетъ *болѣе* не су-
ществуетъ; то есть сознались въ томъ что онъ
существовалъ. А потому я могу безъ нескром-
ности сказать на этотъ счетъ истину, кото-
рую я руководствуюсь во всемъ моемъ сочи-
неніи.

Изъ отрывка, приведеннаго мною изъ Запи-
сокъ Герцога Ровиго, видѣли уже что кабинетъ
сей былъ учрежденъ при Лудовикѣ XV единствен-
но съ тою цѣлью, чтобы узнавать соблазни-
тельныя дѣла двора его и города. Еслибъ онъ
всегда остался по возможности обличеннымъ
въ глубочайшую тайну, еслибъ онъ постоянно

быть управляемъ мудростью, разсудительностью и умѣренностью, то онъ могъ бы никогда не быть опаснымъ для гражданъ и по прежнему приносить пользу Правительству въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Но этотъ черный кабинетъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ, сперва посвященнымъ въ тайну, потомъ многимъ, а наконецъ всѣмъ. Великое число Почтдиректоровъ, которыхъ особенно въ послѣднее время съ большимъ неблагоразуміемъ безпрестанно перемѣняли; множество чиновниковъ, занятыхъ этою частью; любопытство низшихъ полицейскихъ служителей и та часть публики, которая всегда старается развѣдывать всякіе соблазнительные доносы,—вскорѣ сдѣлали изъ этой тайны, тайну комедіи. Одни лишь простаки, всегда отстающіе полувѣкомъ отъ современныхъ понятій,—давались еще въ обманъ. Догадливые люди, опасавшіеся попасть въ бѣду чрезъ свою переписку, отпиривали ее другими путями. Тѣ же, которые хотѣли отмстить врагу или услужить пріятелю, пользовались съ выгодой и долгое время этимъ кабинетомъ, который, будучи сначала учрежденъ только для того чтобы доставить Лудовику XV разсѣянье и забаву—скоро сдѣлался вертепомъ козней, опаснымъ по злоупотребленіямъ, которыя ненависть могла изъ оного сдѣлать.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ я каждый день

читалъ получаемыя изъ этого кабинета донесенія и откровенно скажу, что кромѣ упомянутыхъ мною злоупотребленій, я не вижу другаго повода къ преувеличеннымъ опасеніямъ и негодованію публики противъ этого учрежденія, тѣмъ болѣе страшнаго чѣмъ менѣе оно было извѣстно. Дѣйствительно тысячъ изъ тридцати писемъ, ежедневно отправлявшихся изъ Парижа во Францію и въ другія Государства,—только десять или двѣнадцать были списываемы и часто изъ нихъ извлекалось лишь понѣскольку строчекъ. Эти извлеченія были въ счету десяти или двѣнадцати, ежедневно представляемыхъ писемъ.

Первый Консулъ сначала думалъ было отсылать къ Министру, до котораго это относилось, полную копію съ перехваченнаго письма, но по сдѣланному мною замѣчанію, онъ легко согласился отправлять къ нимъ только извлеченія, до нихъ касающіяся. Я дѣлалъ эти извлеченія и сообщалъ ихъ при слѣдующихъ словахъ: *Первый Консулъ поругилъ мнѣ извѣститъ васъ, что онъ получилъ слѣдующее свидѣніе.* Надобно было угадывать откуда свидѣніе получено.

Первый Консулъ, какъ выше упомянуто, ежедневно получалъ копіи съ дюжины поддѣльныхъ, условныхъ писемъ, въ которыхъ описывали своего врага порицателемъ Правительства или превозносили усердіе и преданность къ

оному какого нибудь пріятеля съ тѣмъ, чтобы разсѣять возникшія противъ него предубѣжденія или выставить посредственность чрезъ преувеличенныя похвалы. Но скрытная цѣль этой гнусной перениски скоро была постигнута и если, не смотря на запрещеніе представлять съ оной копін, она изрѣдка еще попадалась, то возбуждала только презрѣніе; однакожь я сдѣлался жертвою оной при впаденіи моемъ въ немилость и въ послѣдствіи едва было опять чрезъ нея не пострадалъ, какъ-то ниже увидать.

Письмо, о которомъ говоритъ Г. Марбуа и которое подамо поводъ къ разсужденію моему о тайнѣ писемъ, въ особенности кажется мнѣ важнымъ потому, что въ тотъ самый день какъ Бонапарте получилъ его, въ Среду 20 Октября, я оставилъ Консульскій дворецъ.

Я удалился въ домъ, который Бонапарте велѣлъ мнѣ купить въ Сен-Клу и за который онъ обѣщаль заплатить, равно какъ за отдѣлку онаго и мебели, имъ самимъ заказанныя. Ниже увидать какъ онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Я тотчасъ послалъ канцелярскому Чиновнику Ландуару приказаніе класть *всѣ* мои письма въ портфель Перваго Консула, ибо я получалъ много слѣдующихъ ему бумагъ, на мое имя надписываемыхъ. Г. Менневаль отвѣчалъ мнѣ:

«Не могу думать чтобы Первый Консулъ захотѣлъ видѣть всѣ ваши письма. Полагаю что

«вы разумѣете только тѣ, которыя слѣдуютъ
«собственно ему и подписывались на ваше имя.

«Первый Консуль предписалъ Гражданамъ
«Лаваллету и Молиену присылать прямо на его
«имя ихъ пакеты.

«Возвращаю приказаніе, данное вами Ландуа-
«ру; я никогда бы не дозволилъ себѣ онымъ
«воспользоваться.

«Первый Консуль былъ вчера вечеромъ очень
«печаленъ и часто повторялъ: *Вотъ какъ я не-*
«*счастливъ; я знаю этого человека съ семилѣт-*
«*няго возраста.*

«Не могу повѣрить чтобы онъ не перемѣ-
«нилъ на счетъ сего своихъ мыслей. Я не скрываю
«отъ него, что это такое бремя, котораго я не
«снесу одинъ, что онъ будетъ со мною очень не-
«счастливъ, особенно послѣ привычки его къ
«вашимъ услугамъ, которыя таковы, что никто
«не можетъ замѣнить васъ при немъ. Онъ по-
«шелъ спать въ большой грусти.

29 Вандеміера X года. (21 Октября 1802)

На другой день я получилъ еще письмо отъ
Г. Менневала: этотъ прекрасный молодой че-
ловѣкъ говорилъ мнѣ:

«Посылаю къ вамъ всѣ письма, на ваше имя
«написанныя, Первый Консуль предпочитаетъ
«чтобы вы присылали ему *распечатанными*
«тѣ, которыя до него касаются. Прилагаю Нѣ-

«мелкія газеты, которыя онъ просить васъ перевести».

«Г-жа Бонапарте принимаетъ большое участіе въ вашей отставкѣ».

«Что касается до меня, то могу васъ увѣрить, что никто не желаетъ столь искренно какъ я, чтобы Первый Консулъ опять призвалъ васъ къ себѣ и помѣстилъ бы васъ туда, гдѣ васъ трудно замѣнить на счетъ довѣренности и способностей. Этой надежды я еще не теряю.»

Судя по чувствамъ, которыя внушилъ мнѣ Г. Меншевалъ въ продолженіе краткаго пребыванія нашего съ нимъ вмѣстѣ въ кабинетъ Перваго Консула, я бы конечно вошелъ съ нимъ въ тѣсную дружбу. Трудно было имѣть сотрудника одареннаго болѣе счастливыми качествами.

Восемь дней прошло въ бореніи между дружбою Перваго Консула и его самолюбіемъ. Малѣйшее желаніе, которое онъ обнаруживалъ къ тому чтобы призвать меня обратно, было опровергаемо его подлыми лъстецами. На пятый день послѣ нашей разлуки, онъ приказалъ позвать меня, былъ со мною чрезвычайно какъ ласковъ и, съ кротостью повторивъ мнѣ что я иногда слишкомъ искренно выражаю мои мысли,—отъ чего я вовсе не имѣлъ желанія исправиться,—онъ прибавилъ: *Я о тебѣ жалую, ты очень былъ мнѣ полезенъ; ты не былъ, ни слишкомъ знатенъ, ни слишкомъ простоподинъ; ни*

слишкомъ аристократъ, ни слишкомъ Якобинецъ; ты скромнѣе, трудолюбивѣе; ты понимаешь меня лучше чѣмъ кто либо другой; а притомъ, между нами будь сказано, надобно было видѣть тутъ родъ Двора: посмотри на Дюрока, Бессьера и Маре. Однакомъ я бы желалъ опять взять тебя къ себѣ, но не могу этого сдѣлать не оправдавъ распространенной молвы, будто бы я не въ состояннѣ безъ тебя обойтись.

Г-жа Бонапарте сказала мнѣ, что она слышала какъ люди, которымъ Первый Консулъ извѣщавалъ желаніе призвать меня обратно, отвѣчали ему: «Что вы хотите сдѣлать? Станутъ говорить что онъ былъ для васъ необходимъ. Вы отъ него избавились, не думайте объ немъ болѣе; Англійскіе Журналы не будутъ ужъ надѣяться вамъ важностью, которую онъ имъ приписывалъ.» Это напомнило мнѣ одну сцену въ Мальмесбонѣ, при которой я показавъ слишкомъ большую искренность по случаю извѣстія, помѣщеннаго въ *Англійской Придворной Газетѣ*.

Я совершенно увѣренъ, что Бонапарте, предоставленный самому себѣ, призвалъ бы меня обратно, безъ этого пламени самолюбія, которое его пожирало и которое безирестанно поджигали окружавшіе его честолюбцы. Многіе разговоры, которые будутъ ниже помѣщены, сильно подтверждаютъ эту увѣренность и

она еще болѣе обнаруживается, при томъ положеніи вещей, временемъ, пропущеннымъ мѣжду рѣшимостью, къ которой его преклонили и минутою, когда онъ гласно объявилъ о нашей разлукѣ. Читатели видѣли что разрывъ нашъ произошелъ 20 Октября; не прежде какъ 8 числа Ноября мѣсяца Первый Консулъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Гражданинъ Буріеннъ, Государственный Министръ!—Я доволенъ вашею службою съ тѣхъ «поръ какъ вы находились при моей особѣ. «Но впредь она для меня уже болѣе не полезна. Мое намѣреніе есть, дабы вы съ этихъ «поръ оставили обязанности моего собственнаго «Секретаря и перестали носить это названіе. «Впрочемъ я готовъ воспользоваться случаемъ, «тотчасъ какъ оный представится, для того что- «бы помѣстить васъ прилично вашей дѣятель- «ности и талантамъ, наиболѣе соответствен- «нымъ для пользы службы образомъ.

«БОНАПАРТЕ.»

Всѣ эти письма доказываютъ что разлука моя съ Первымъ Консуломъ произошла отъ причинъ, совершенно чуждыхъ довѣрію, работѣ, вѣрности и скромности. Надѣюсь что они уничтожатъ въ самыхъ предубѣжденныхъ противъ меня умахъ то, что невѣжество, зложелательство и низкая вражда всегда старались исказить и отравить.

Еслибъ нужно было доказательство о причинѣ вражды ко мнѣ Перваго Консула, то его можно найти въ слѣдующемъ дѣлѣ. Вскорѣ послѣ этого письма Наполеона, возвѣстившаго мнѣ отрѣшеніе, между тѣмъ какъ я самъ просился въ отставку, я получилъ отъ Дюрока ниже помѣщенную записку. Дабы дать полное понятіе о злобѣ того, который велѣлъ написать оную, я долженъ напомнить одно прѣжнее обстоятельство.

Когда, желая сохранить нѣсколько свободы, я отказался отъ квартиры, которую Г-жа Бонапарте приготовила для меня и для моего семейства и купилъ въ Рюслѣ для житья небольшой домикъ, то Первый Консулъ приказалъ снабдить его мебелью также какъ и домъ, который я имѣлъ въ Парижѣ. Судя по тому какъ это сдѣлалось, я не могъ имѣть нмалѣйшаго сомнѣнія въ намѣреніи Наполеона подарить мнѣ эту мебель. Онъ потребовалъ у меня все обратно какъ только я оставилъ кабинетъ его и я сначала вовсе не подумалъ что подъ этимъ разумѣются и мебели въ Рюслѣ. Тогда-то, въ досадѣ своей и въ желаніи отмстить за свою собственную вину даже мелкими средствами, онъ приказалъ Дюроку написать мнѣ слѣдующее:

«Первый Консулъ, любезный Буріени, приказалъ вручить ему сегодня вечеромъ ключи твоего Парижскаго дома и чтобы всѣ мебели

«оставались въ немъ совершенно въ томъ видѣ какъ были.

«Онъ также приказалъ мнѣ отобрать все мебели, которыя ты имѣешь въ Рюелѣ или въ другомъ мѣстѣ и которыя принадлежать Правительству.

«Прощу тебя отвѣчать мнѣ и дать мнѣ средство къ исполненію этого приказа. Ты обѣщаешь мнѣ устроить все до возвращенія Перваго Консула и я долженъ былъ всячески извиниться.

«Съ истиннымъ дружествомъ и проч.

ДЮРОКЪ.»

24 Брюмера XI года (15 Ноября 1802.)

Два великія дѣйствія Консульскаго правленія свершились въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, протекшихъ съ эпохи, въ которую я подалъ въ отставку и до послѣдняго письма Наполеона: — Пожизненное Консульство, котораго я описалъ различныя обстоятельства и Аміенскій трактатъ. Мѣсто блистательныхъ бурь войны заступила счастливая тишина, даруемая миромъ; но эти времена спокойствія, драгоценныя для народовъ, неблагодарны для Историковъ, не имѣющихъ уже у себя въ распоряженіи тѣхъ великихъ событій, коихъ блескъ вознаграждаетъ иногда народы за бѣдствія, съ этими событіями неразлучныя.

Вникнувъ въ свое положеніе, я нашелъ себя

самымъ спокойнымъ въ свѣтѣ человекомъ, ибо къ пріятностямъ міра, конни я наслаждался какъ Французъ, я могъ присоединить пріятности отдохновенія, конни я наслаждался какъ человекъ. Думая что я властенъ располагать своими частными поступками, я вознамѣрился съѣздить въ Англію, куда нѣкоторые дѣла меня призывали. Однакожъ я чувствовалъ всю осторожность, предписываемую мнѣ моимъ положеніемъ и чѣмъ болѣе я былъ увѣренъ въ томъ, что не могу упрекнуть себя ни въ какой винѣ, тѣмъ точнѣе я рѣшился соблюдать всѣ приличія.

И такъ я написалъ 11 Генваря Дюроку: «Дѣла мои требуютъ присутствія моего на нѣкоторое время въ Англію. Прощу тебя, любезный Дюрокъ доложить объ этой поѣздкѣ Первому Консулу, ибо я не желаю дѣлать ничего, «противнаго его видамъ. Я скорѣе соглашусь «отказаться отъ моихъ видовъ, чѣмъ сдѣлать «ему неугодное.

«Ожидаю отъ твоей дружбы отвѣта на это «письмо. Неизвѣстность, въ которой ты меня «оставишь, была бы мнѣ вредна по многимъ «отношеніямъ.»

Меня не долго заставили дожидаться отвѣта; онъ состоялъ въ слѣдующемъ:

«Я представилъ Первому Консулу, любезный «Буріеннъ, письмо, тобою мнѣ написанное. Онъ

«прочитать его и сказать *Ноль*. Вотъ единственный отвѣтъ, который я могу тебѣ сообщить».

«Другъ твой,

ДЮРОКЪ.»

Это словцо было выразительно: оно утвердило меня въ убѣжденіи, что Бонапарте чувствовалъ противъ меня вину свою; а свою вину мы меньше всего готовы прощать. Предполагая во мнѣ желаніе мести, которое не разъ управляло имъ въ жизни, онъ вѣрно боялся того, что уѣхавъ на вольную землю Англіи, я воспользуюсь тою свободою тишенія, которую онъ уничтожилъ во Франціи, которая безпрестанно колола ему глаза и которую, не смотря на его попытки, ему не удалось даже поколебать въ Англіи. Онъ считалъ меня способнымъ напечатать бумаги, которыя обнаружили бы предъ публикою дѣйствія его Правительства и его замыслы гораздо лучше чѣмъ бранные анекдоты, гнусная клевета и нелѣпыя выдумки издателя *Деусмысленнаго*, Пельтье. Ужъ конечно Бонапарте ошибался въ своихъ предположеніяхъ; я вовсе не имѣлъ этой мысли и если въ этомъ показаніи могъ бы кто либо усомниться, то стоить взглянуть на эпоху изданія моихъ Записокъ, когда я согласился ихъ напечатать.

Я не ошибся въ мысляхъ Наполеона, побудившихъ его сдѣлать мнѣ такой грубый ог-

казъ, сообщенный мнѣ Дюрокомъ и зная правъ Бонапарте, я счелъ благоразумнымъ спрятать мои записки на случай возмождаго впоследствии обыска. Я сдѣлалъ противное. Камюэнсу: онъ боролся со стихіею для того, чтобы спасти свою рукопись; я же ввѣрилъ оную храненію стихій: тщательно собравъ мои драгоценнѣйшія рукописи и замѣчанія въ жестяной ящикъ, и зарылъ его въ землю. Покрывшая ихъ желтизна, произведенная началомъ гніенія, до такой степени повредила буквы, что многія буквы очень трудно было прочесть.

Изъ нижеслѣдующаго читателя увидятъ, что я не безъ причины могъ страшиться гоненій, внушенныхъ Первому Консулу злобою противъ меня моихъ непріятелей. 20 Апрѣля получилъ я отъ Дюрока слѣдующую записку.

«Прошу тебя, любезный Буріеннъ, пріѣхать «повидаться со мною въ Сен-Клу сегодня утромъ. «Мнѣ нужно переговорить съ тобою отъ имени «Перваго Консула.»

«Другъ твой

ДЮРОКЪ.»

Эта записка заставила меня очень призадуматься. Я не сомнѣвался что враги мои устроили какую нибудь новую подлость; изощренныя стрѣлы ихъ еще не притупились; но приз-

наюсь что я не ожидалъ такой гнусности.

Какъ только Дюрокъ, въ короткихъ словахъ объяснилъ мнѣ требованіе Перваго Консула, которое ниже увидать, то я тотчасъ на его же столѣ написалъ слѣдующія строки:

«Генераль Дюрокъ призывалъ меня къ себѣ. Онъ сказалъ мнѣ что вамъ донесено о недо-
«стающихъ въ Морскомъ Казначействѣ ста ты-
«сячакъ франкахъ и что вы требуете, чтобы я
«внесъ эту сумму сегодня же въ полдень.

«Гражданинъ Первый Консуль, я не пости-
«гаю что это значитъ; совершенно не знаю въ
«чемъ дѣло. Позвольте мнѣ съ полною от-
«кровенностью сказать вамъ, что это обвине-
«ніе есть самая безчестная клевета. Она должна
«быть причислена ко всѣмъ прочимъ, которы-
«ми старались погубить меня въ вашемъ умѣ
«и сердцѣ.

«Я у Генерала Дюрока, гдѣ ожидаю вашихъ
«приказаній.»

Дюрокъ тотчасъ понесъ эту записку; черезъ минуту онъ воротился.— «Ну что?—Успокойся; онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что это была ошибка; что онъ удостовѣрился что его обманули и что онъ очень огорченъ этимъ случаемъ; перестань объ этомъ думать.»

Кажется что подлые льстецы, его окружавшіе, хотѣли чтобы онъ возобновилъ на мнѣ

свои Египетскія *прижимки*. Имъ слѣдовало бы знать что употребляемое въ Египтъ для полученія денегъ разстрѣливанье, не было ужъ больше въ модѣ во Франціи. *Уже смазывали колеса Революціи.*

Г Л А В А XIII.

Предчувствія Бонапарте о непродолжительности мира.—Англію тревожитъ благоденствіе Франціи. — Предпочтеніе Наполеона къ войнѣ.—Его разсужденія.—Стеченіе иностранцевъ въ Парижъ.—Криводушная политика Англіи.—Бонапарте и Лордъ Витвортъ. — Подробности внутренняго состоянія Франціи.—Относительное положеніе двухъ Державъ.—Неизбѣжная война. — Поѣздка къ Сѣвернымъ-Берегамъ. — Завтракъ въ Компіенѣ. — Отецъ Бертонъ, нашъ бывшій начальникъ. — Нескромность нашего соученика Буке. — Гибель Наполеона.—Пагубныя послѣдствія. — Помѣшательство отца Бертонъ и смерть его.—Бонапарте хочетъ призвать меня обратно.—Данный Раппу приказъ о томъ чтобы я пріѣхалъ.—Усилія моихъ недоброжелателей тому воспрепятствовать. — Отмена приказанія. — Дружба ко мнѣ Раппа и Дюрока.

Первый Консулъ никогда не вѣрилъ продолжительному существованію мира съ Англією. Онъ не желалъ его, но миръ былъ предметомъ

столь пламенныхъ желаній цѣлой Франціи послѣ десяти лѣтъ войны, что онъ счелъ его необходимымъ для того чтобы привязать къ себѣ умы и основать свое Правительство. Миръ былъ ему нуженъ для того чтобы пріобрѣсть престолъ Франціи также какъ война для того, чтобы утвердить и распространить основанія онаго на счетъ другихъ престоловъ Европы. Вотъ тайна Аміенскаго мира и скорого разрыва, за онымъ послѣдовавшаго; хотя сей разрывъ произошелъ и прежде чѣмъ Первый Консулъ того желалъ. Впрочемъ Бонапартъ былъ слишкомъ прозорливъ для того чтобы хоть на минуту усомниться о намѣреніяхъ Англіи; онъ очень хорошо зналъ что эта Держава,—заключившая миръ единственно потому, что отдѣленная отъ своихъ союзниковъ, она не могла сдѣлать иначе, — никогда не дастъ Франціи времени преобразовать флотъ свой, на что было нужно лѣтъ пять. Объ этихъ великихъ вопросахъ мира и войны, Первый Консулъ имѣлъ самыя высокія понятія; но при разсужденіяхъ, онъ всегда склонялся на сторону войны и выводилъ немедленную необходимость оной изъ самой невозможности имѣть продолжительный миръ. Если ему говорили о потребностяхъ народовъ, о выгодахъ мира, о вліяніи онаго на внутреннее благоустройство, на торговлю, на искусства, на промышленность

и на всѣ отрасли, составляющія общественное благосостояніе,—то онъ не опровергалъ всего этого и соглашался; но говорилъ что всѣ эти выгоды должно считать только условными до тѣхъ поръ пока флотъ Англіи будетъ находиться на всѣхъ свѣта и пока вліяніе ея золота будетъ дѣйствовать во всѣхъ кабинетахъ Европы: миръ долженствовалъ быть нарушенъ ибо весьма очевидно, что Англія его нарушитъ; почему же не предупредить ее? почему допустить ее извлечь изъ того свои выгоды? Надобно удивить Европу! Надобно обмануть политику твердой земли! Надобно нанести великой ударъ! Надобно чтобы онъ былъ ужасенъ, неожиданъ! — Такъ разсуждалъ Первый Консулъ и извѣстно сколько дѣйствія его были согласны съ мыслями какъ только онъ могъ это сдѣлать.

Поведеніе Англіи слишкомъ оправдывало высокое предвидѣніе Наполеоной политики или, лучше сказать, Англія угождала его желаніямъ хотя и слишкомъ поспѣшно, ибо чрезъ неисполненіе договоровъ, она благопріятствовала любви его къ войнѣ и оправдывала скорое объявленіе оной въ глазахъ Французскаго народа, доставляя Наполеону возможность уверить оный что если миръ нарушенъ, то противъ его воли. Въ самомъ дѣлѣ Англія приготовляла уже вновь, могущественное орудіе своихъ денежныхъ пособій (subsides), доставившее

ей столь много дипломатическихъ успѣховъ; и покровъ, коимъ облакали переговоры, былъ не довольно плотенъ для того чтобы сквозь него не могъ проникнуть орлиный взглядъ Перваго Консула. Посреди мира устроивались все эти ковы и тѣ, которые не подозрѣвали еще существованія оныхъ, беззаботно наслаждались миромъ. Съ самой Революціи не видывали еще ничего подобнаго зрѣлищу, которое представлялъ Парижъ зимою съ 1802 на 1803 годъ, въ которую было невѣроятное стеченіе иностранцевъ; все дышало тамъ радостью, и эти видѣніи знаки общественнаго благоденствія, очевиднаго возстановленія Французскаго общества, сильно тревожили Британское Министерство. Пріѣхавшіе на твердую землю Англичане узрѣли Францію столь различною отъ ложнаго вида, въ коемъ ее изображали въ Англійскихъ журналахъ, что это причинило большое безпокойство за Ламаншскимъ проливомъ; и Англійское Правительство, прибѣгнувъ къ своей смѣлой, живой политикѣ, всячески старалось несправедливыми, офиціальными своими жалобами прикрыть настоящія причины неудовольствія, къ коимъ подавали поводъ ея скрытныя козни.

Дѣйствительно Король Англійскій обратился къ своему Парламенту манифестомъ, въ которомъ онъ говорилъ о вооруженіяхъ, дѣлаемыхъ по его словамъ въ портахъ Франціи и о предосто-

рожностяхъ, которыя слѣдовало принять для того чтобы воспротивиться нападѣніямъ. Такое криводушіе раздражило Перваго Консула, который привязать къ себѣ почти весь свѣтъ, даровавъ Франціи миръ, столь дорого купленный и столь долго желанный. Торговля, искусства, промышленность, спѣшили воспользоваться обеспеченіями и довѣріемъ, исчезающими при видѣ войны. Первый Консулъ, въ припадкѣ гнѣва сдѣлалъ сильную выходку противъ Ангійскаго Посланника Лорда Витворта въ залѣ, въ которой находились все Посланники.

«Что это значитъ? Развѣ миръ ужъ надобѣлъ? Развѣ надобно опять обогреть кровью Европу? Приготовленія къ войнѣ! . . . Не думаютъ ли насъ этимъ провести? Посмотримъ. — Францію можно побѣдить, можетъ быть уничтожить; но испугать! . . . никогда». Ангійскій Посланникъ былъ такъ ошеломленъ этою вспышкою, кося онъ никакъ не могъ ожидать, — что ничего не отвѣтствовалъ. Онъ описалъ только своему Правительству подробности этого свиданія, при которомъ Первый Консулъ такъ сильно забылся, если онъ не сдѣлалъ того нарочно.

Съ перваго дня когда Англія обнаружила неудовольствіе, должно было думать, что она желаетъ войны. Правда что она еще занимала островъ Мальту, но она обѣщала отдать его, хотя никогда не имѣла этого намѣренія; она должна

была очистить Египетъ и оставалась тамъ; отдать мысль Доброй - Надежды и удерживала его. Англія подписала въ Амисѣ миръ, который она не намѣревалась соблюсти. Посредствомъ своихъ козней, своихъ денежныхъ пособій и зная о несправности кабинетовъ твердой земли противъ Франціи, она приобрѣла увѣренность въ томъ что окончить ихъ какъ только созрѣютъ плоды обольщенія. Она видѣла Францію могущественною, господствующею въ Европѣ; она знала честолюбивые замыслы Перваго Консула, который не скрывалъ ихъ. Рожденный войною, Наполеонъ повиновался своей природѣ; война всегда была его склонностью, его утѣхою; владычество было его цѣлью. Нѣтъ сомнѣнія что чрезъ это безпрестанное смѣшеніе народовъ, образованность подвинулась впередъ. Вознаграждаетъ ли это? думаю что такъ. — Сѣвѣдъ въ Ліонѣ возбудилъ подозрѣніе Англіи, и Британское Министерство слишкомъ было прозорливо для того, чтобы не видѣть Короля Италіи въ скромномъ Президентѣ Цизальпинской Республѣки. Англія, коей политика сама по себѣ всегда столь основательна, столь предусмотрительна и тверда, видѣла Сен-Доминго въ рукахъ Французовъ; надобно было освободить Сен - Доминго и наказать Французскій флотъ за усилія, сдѣланныя имъ для того, чтобы нѣсколько подняться. Англія противопоставляла често-

любію честолюбіе, хитрости хитрость. Она безъ доказательствъ говорила, что Франція не исполняетъ условій договора. Такое расположеніе Англіи произвело свои неизбѣжныя послѣдствія.

Англія конечно тогда уже возымѣла свое намѣреніе, когда она подписала въ Аміенѣ договоръ, названный вѣчнымъ миромъ, но который въ глазахъ всѣхъ разсудительныхъ людей былъ только краткимъ перемиріемъ. Съ той самой поры сношенія сдѣлались осторожными, почти враждебными. Взаимно, съ сильною досадою требовали объясненій и скоро дошли до того что потребовали паспортовъ. Война возгорѣлась.

Англія показала при этомъ случаѣ озлобленіе, тѣмъ болѣе разительное, что изъ всѣхъ Державъ Европы одна только она не подверглась пораженіямъ и была еще въ полной своей силѣ. Притомъ же извѣстно, что чрезъ войну, Англійская торговля производитъ самыя прибыльныя дѣла свои и что разоряя твердую землю безпрестанными войнами, она сама обогащается и процвѣтаетъ.

Первый Консулъ, рассчитывавшій что Аміенскій миръ продлится долѣе, былъ застигнутъ разрывомъ онаго въ самомъ неблагопріятномъ положеніи. Великое число выпущенныхъ въ отставку, разстройство кавалеріи, временнос немнѣніе артиллеріи, происшедшее отъ прозкта,

который требовалъ перелитія всѣхъ полесвыхъ орудій и который довърчиво, несобдуманно подписалъ Первый Консулъ по представленію Бертъе, — требовали всей заботливости Наполеона. Для пополненія арміи созвали Конскрипцію; проэктъ касательно Артиллеріи былъ отмѣленъ; большіе города доставили денегъ а кавалерію посадили на лошадей, взятыхъ въ Гаповръ, который скоро былъ занятъ.

Когда война, сдѣлавшаяся неизбежною была объявлена, то Первый Консулъ отправился къ Сѣвернымъ берегамъ и въ Бельгію для того чтобы лично удостовѣриться въ способахъ, которые будетъ можно противопоставить предполагаемымъ нападѣніямъ Англичанъ на берега. Поездомъ чрезъ Компиенъ, онъ принялъ посѣщеніе отца Бертонъ, бывшаго начальника Военной Королевской Школы въ Бріеннѣ. Онъ находился тогда ректоромъ Школы Художествъ въ Компиенѣ, куда его помѣстилъ Бонапарте. Юзефина сообщила мнѣ подробности этого посѣщенія. Отецъ Бертонъ, добрый и простой также какъ въ то время когда мы еще находились подъ его дозою, явился звать къ себѣ на завтракъ прежняго своего ученика съ женою. Оба они приняли приглашеніе. Нашъ добрый Начальникъ воображалъ себѣ что все еще не прошло то время, когда Бонапарте у него учился; ахъ! какъ сильно онъ ошибался. Отца Бертонъ на-

вищалъ въ это время Буке, прежній соученикъ Бонапарте и мой. Отецъ Бертонъ именно запретилъ ему показываться Наполеону и даже прѣхавшимъ съ нимъ особамъ потому что онъ былъ отрѣшенъ отъ службы въ Италіанской арміи, гдѣ Буке находился Кригсъ-Комиссаромъ при Главной квартирѣ (*). Какъ бы то ни было, а Буке, который общался отцу Бертону не выходитъ изъ своей комнаты до отъѣзда Перваго Консула, не только не сдержалъ своего обѣщанія, но поступилъ съ непростительнымъ легкомысліемъ. Увидѣвъ подъѣзжающую карету, въ которой сидѣлъ Бонапарте съ женою, онъ бросился къ дверцамъ и безъ околичностей подаль Юзефинѣ руку дабы помочь ей выйти. Принявъ ее, она сказала: «Буке, вы себя губите!» Бонапарте его замѣтилъ; раздраженный такою непростительною по его мнѣнію короткостью,

(*) Имя Буке, въ первый разъ встречающееся подъ перомъ моимъ, побуждаетъ меня помѣстить въ концѣ этой части относящуюся къ Италіанскому походу, весьма любопытную статью, которая какъ-то у меня затерялась когда я писалъ первую часть моихъ Записокъ и которую я въ послѣдствіи отыскалъ. Эту статью должно бы помѣстить между прочими бумагами, принадлежащими къ эпохѣ перваго Италіанскаго похода; она какъ увидятъ, относится къ происшедшему въ Веронѣ послѣ умерщвленія въ госпиталяхъ сего города многихъ Французскихъ солдатъ и представляетъ самую точную картину невѣроятныхъ лихонмствъ, которымъ Наполеону столь было трудно воспрепятствовать. Притомъ же въ ней много говорится о Буке и въ тоже время обнаруживаются причины его отрѣшенія.

онъ предался одному изъ тѣхъ порывовъ гнѣва, которыхъ ничемъ нельзя было обуздать; и только что вошедъ въ залу, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, онъ тотчасъ сѣлъ, сказавъ женѣ своей повелительнымъ голосомъ: «Иозефина садись.» Послѣ чего началъ завтракать не пригласивъ даже садиться отца Бертонъ, который какъ можно вообразить велѣлъ поставить для себя третій приборъ. Отецъ Бертонъ простоялъ за стуломъ своего прежняго ученика, сильно смущенный его занальчивостью. Эта сцена сдѣлала такое сильное впечатлѣнiе на отца Бертонъ, что онъ не въ состоянiи уже былъ исправлять своей должности и уѣхать жить въ Реймсъ, гдѣ разсудокъ его совершенно разстроился. Не смѣю утверждать что помѣшательство этого достойнаго человека было слѣдствiемъ сцены, которую я описалъ съ подробностями, сообщенными мнѣ Иозефиною; но достоверно что она была жестоко ею огорчена и что отецъ Бертонъ умеръ въ сумасшествiи. Въ послѣдствiи точность этого происшествiя была подтверждена мнѣ братомъ нашего бывшаго Начальника, прекраснымъ и весьма свѣдущимъ человекомъ. Впрочемъ гнѣвъ Бонапарте не удивилъ меня, ибо чѣмъ болѣе возвышался онъ въ славу и въ могущество, тѣмъ сильнѣе оскорбляла его короткость въ обхожденiи прежнихъ соучениковъ его.

Прибавлю что я и самъ находилъ эту короткость странною.

Потѣзка Перваго Консула къ Сѣвернымъ берегамъ была сдѣлана въ концѣ 1803 года, въ ту эпоху, когда Англичане завладѣли Голландскими заведеніями въ Суринамѣ, въ Демсрари и въ Елекебо и когда нейтральный договоръ былъ заключенъ между Франціею, Испаніею и Португалліею. Раппъ сопутствовалъ Первому Консулу, очень озабоченному тогда осмотромъ пріуготовленій къ высадкѣ въ Англію, которой онъ никогда не имѣлъ намѣренія выполнить, какъ то скоро увидятъ.

По возвращеніи Перваго Консула, я узналъ отъ Раппа, что обо мнѣ была рѣчь въ этомъ путешествіи и вотъ по какому случаю. Бонапарте, находясь въ Булони, потребовалъ отъ сопровождавшихъ его особъ — свѣдѣній, которыхъ никто не могъ ему сообщить. Выведенный изъ терпѣнія тѣмъ, что не узналъ тотчасъ того, что ему было нужно, онъ разсердился на тѣхъ, которые не могли удовлетворительно отвѣчать ему, кликнулъ Раппа и сказалъ ему: «Знаешь ли ты Раппъ, гдѣ Буріеннъ? — Генераль, онъ въ Парижѣ. — Отправь къ нему курьера и напishi ему, чтобы онъ тотчасъ сюда пріѣхалъ.» Слухъ объ этомъ ввезанномъ обращеніи ко мнѣ Перваго Консула, разнесся съ быстротою молніи и времени, пока писали

письмо и приготовляли курьера, было достаточно для успѣха соединенныхъ усилій тѣхъ людей, которые страшились моего возвращенія. Искусные доводы и ловко выставленное самолюбіе скоро преодолѣли внезапную волно и добровольное обращеніе къ старой привязанности и къ привычной нуждѣ. Когда Раппъ принесть Первому Консулу написанное по его волѣ письмо, то данный приказъ былъ отмѣненъ. Однакожъ Раппъ сообщилъ мнѣ чтобы я не выѣзжалъ изъ Парижа или оставлялъ бы свѣдѣніе о мѣстѣ моего пребыванія, ибо онъ думалъ что тоже самое желаніе Наполеона могло возобновиться и что онъ или Дюрокъ, не упуская времени имъ воспользуются. Я былъ очень увѣренъ въ ихъ дружбѣ, также какъ и они могли положиться на мою.

Г Л А В А XIV.

Обширные работы, свершенныя Французскими солдатами. — Невероятная дѣятельность. — Бонапарте повсюду. — Частыя поѣздки къ берегамъ. — Обыкновенный порядокъ пути. — Двѣнадцать часовъ верхомъ. — Обращеніе къ прошедшему. — Разсужденія въ Совѣтъ о договорахъ. — Сопротивленіе Триюге. — Справедливое мнѣніе Наполеона. — Дипломатическіе объѣды. — Свѣтъ, раздѣленный на двое. — Европа область. — Бонапарте ревнитель достоинства Франціи. — Полицейскіе приставы. — Пересодѣтый Англичанинъ. — Публичная аудіенція въ Тюмэри. — Отъѣзвъ Перваго Консула о Франціи и объ Англіи. — Уваженіе къ мнѣнію Англичанъ. — Политическій базъ въ Мальмезонъ. — Одна кадриль. — Заранѣ сочиненные стихи. — Удивленіе Гортензій. — Странная причина бала.

Въ минуту разрыва съ Англіею, Бонапарте, какъ я сказалъ, былъ застигнутъ въ разстройствѣ по многимъ отраслямъ службы, но можно бы сказать что онъ сообщалъ всему свою дѣятельность — такъ быстро, какъ будто оча-

рованіемъ создались многія, необходимыя для войны вещи. Со времени разрыва мира, невозможно себѣ вообразить, сколько работъ было предпринято и исполнено. Все протяженіе Сѣверныхъ береговъ представляло картину обширныхъ строительныхъ мастерскихъ, ибо Наполеонъ, въ этомъ случаѣ, образовалъ свои войска по примѣру Римскихъ, давъ солдатамъ въ руки лопаты ремесленника вмѣсто оружія воина. Войска свершили обширныя работы, принадлежащія къ вѣдомству Путей Сообщенія. Они вырыли Булонскую гавань, возобновили и окончили въ Амблѣзѣ работы, начатыя при Людовикѣ XVI и прерванныя со времени Революціи; замѣчательнѣе же всего то, что солдаты не оставляли и своихъ учений, такъ что все ихъ время было занято, почти столько же, какъ и у вождя ихъ. Можно сказать что съ продолженіе 1803 года и пока существовалъ Булонскій лагерь, Первый консулъ повсюду находился. Журналы возвѣщали прибытіе его въ Сен-Клу, а черезъ два или три дня послѣ того, онъ уже осматривалъ работы, производилъ ученья и смотры войскамъ; почти въ слѣдъ за тѣмъ торжественная аудіенція съ бывшимъ предъ оною разводомъ на Карусельной площади, опять показывали его въ столицѣ. Ничто еще не нарушало общей безопасности не взирая на предстоящую войну; столько то Франція казалось

раздѣляла увѣренность Наполсона въ его фортунѣ.

Что касается до него, ничто столько ему не нравилось какъ это безпрестанное движеніе, какъ этотъ рядъ указовъ Совѣта, обращенныхъ имъ въ Консульскія опредѣленія и военныхъ работъ.

Въ эти частыя поѣздки къ берегамъ, то въ одно мѣсто, то въ другое, Бонапартъ обыкновенно отправлялся ночью, останавливался утромъ на почтовой станціи въ Шантильи, гдѣ онъ на скорую руку завтракалъ. Раппъ, съ которымъ я продолжалъ часто видѣться когда онъ находился въ Парижѣ, безпрестанно разсказывалъ мнѣ объ этихъ поѣздкахъ, ибо онъ почти всегда сонусетствовалъ Первому Консулу, и желательнѣе чтобы онъ всегда былъ окруженъ только такими людьми какъ Раппъ! Вечеромъ Первый консулъ ужиналъ въ Аббевилѣ и на другой день рано утромъ пріѣзжалъ къ Бриксскому мосту. «Представь себѣ,» говорилъ мнѣ Раппъ, «что надобнобы быть желѣзнымъ для того чтобы выдерживать такой образъ жизни: едва выйдя изъ кареты какъ тотчасъ садился на лошадей и ѣздили съ Первымъ Консуломъ верхомъ иногда по десяти и по двѣнадцати часовъ сряду. Онъ все видитъ, все осматриваетъ, часто разговариваетъ съ солдатами и за то какъ они его любятъ! Ахъ еслибы

намъ удалось побывать въ Лондонѣ съ этими храбрыми людьми.»

Между тѣмъ, при всѣхъ этихъ занятіяхъ, Первый Консуль не пренебрегалъ никакою частью своего правленія и часто присутствовалъ въ Совѣтъ. Я находился еще при немъ когда разсуждали о вопросѣ, какимъ образомъ должны быть заключаемы договоры. Изъ которые члены совѣта, между коими Трюге наиболѣе отличался, — хотѣли чтобы на основаніи Конституціи, договоры были предлагаемы Главою Правительства, и по разсмотрѣніи оныхъ въ Законодательномъ Корпусѣ, опредѣлялись бы и объявлялись какъ законы. Бонапартъ былъ совершенно противнаго мнѣнія и я совершенно соглашался съ нимъ, когда онъ мнѣ говорилъ: «Это изъ одного только удовольствія противиться они призываютъ Конституцію, ибо если Конституція говорить это, то она сама не знаетъ что говорить. Есть вещи, которыя не могутъ быть предметомъ разсужденія Палаты. Какъ! когда я договариваюсь, напримѣръ съ Австрією; когда мой Посланникъ согласился на условія, ничто еще не рѣшено, если эти условія будутъ отвергнуты Законодательнымъ Корпусомъ? Это безпримѣрная нелѣпость; какого бы тутъ ждать толку! Иностранцы Посланники стали бы всякой день давать такіа обѣды какъ Камбасересъ, сыпали бы деньги, подкупали бы

кого можно; заставляли бы отвергать наши предложенія и дѣла славно бы пошлѣ!»

Вотъ что мнѣ говорилъ Бонапарте въ то время когда онъ еще показывалъ видъ что намѣренъ соблюдать Конституцію и признаюсь что касательно договоровъ, я всегда думалъ что не можетъ существовать другаго мнѣнія кромѣ его и причина имъ приводимая, кажется мнѣ столь основательною, что она долженствовала бы поразить всякаго. Что значило бы тогда даваемое Посланникамъ названіе Полномочныхъ, еслибы эти Полномочные не могли ничего заключать иначе какъ только условно?

Разговоръ Наполеона, когда онъ по своему обыкновенію, пересказывалъ мнѣ о происшедшемъ въ Сенатѣ, состоялъ изъ странной смѣси цитатъ древности, историческихъ сблизеній и его собственныхъ мыслей; онъ говорилъ о Римлянахъ и я помню что во время нахождения Г. Фокса въ Парижѣ онъ всячески старался блеснуть передъ этимъ Иностраннымъ Министромъ, котораго онъ очень уважалъ. Въ его обширномъ способѣ обозрѣнія свѣта, онъ видѣлъ только два большихъ Государства: Востокъ и Западъ. «Что нужды,» часто говаривалъ онъ, «что два народа раздѣлены рѣками или горами, что они говорятъ на разныхъ языкахъ; за исключеніемъ небольшихъ отбѣнковъ, Франція, Испанія, Англія, Италія и Германія, имѣютъ одина-

кіе нравы, одинакія привычки, одинакую вѣру, одинакую одежду; мужчина можетъ имѣть одну только жену; нѣтъ рабовъ; вотъ двѣ главныя черты, раздѣляющія обитателей земнаго шара, которые не дикіе. Кромѣ Турціи, вся Европа составляетъ одну область міра: когда мы воюемъ, то производимъ междоусобіе. Есть еще другой способъ раздѣленія странъ: — земля и вода.» Тогда онъ начиналъ исчислять всѣ Европейскія выгоды; говорилъ о Россіи, съ кою онъ желалъ союза; объ Англіи, владычицѣ морей и рѣдко не заключалъ этихъ выходковъ высокаго пустословія, обращеніемъ къ любимой своей въ то время игрушкѣ — къ походу въ въ Великую Индію.

Переходя отъ этихъ высокихъ, общихъ предметовъ къ частнымъ выгодамъ Франціи, Бонапарте продолжалъ говорить какъ Государь, болѣе чѣмъ кто либо ревнующій о достоинствахъ Франціи, кою онъ считалъ уже себя единственнымъ представителемъ. Узнавъ что Англійскій Флотскій Капитанъ пріѣзжалъ осматривать Брестскую гавань выдавая себя за купца, съ паспортомъ кою онъ прибылъ, — Бонапарте ужасно разсердился за то что его не задержали; онъ оперся на этотъ случай въ Государственномъ Совѣтѣ для доказательства необходимости большаго числа Полицейскихъ Приставовъ и сказалъ въ полномъ собраніи: «Еслибъ въ

Брестъ былъ Полицейскій Приставъ, то онъ задержалъ бы его и немедленно прислалъ бы въ Парижъ. Такъ какъ онъ неправильно ремесло шпиона, то я велѣлъ бы его разстрѣлять какъ такового. Англичанинъ, Лордъ, даже Англіійскій Посланникъ не должны быть допускаемы въ наши порты. — Я приведу это въ порядокъ» прибавилъ онъ пересказывая мнѣ о сдѣланной имъ въ Совѣтъ выходкѣ, «довольно есть бездѣльниковъ, которые всякой день продаютъ меня Англичанамъ, безъ того чтобы я еще терпѣлъ ихъ шпионство!»

Онъ сказалъ въ другой разъ въ присутствіи многихъ Генераловъ, Сенаторовъ и высокихъ сановниковъ, находившихся при аудіенціи дипломатическаго Корнуса: «Англичане думали, что я боюсь войны, я не боюсь ее.» Тутъ истина противъ воли его выказывалась. «Власть моя ничего чрезъ это не потеряетъ; мнѣ нужно мало времени для того чтобы имѣть два миллиона человекъ; вы видѣли какое было послѣдствіе первой войны: присоединеніе Бельгіи и Нѣмонта къ Франціи. Эта война также будетъ къ нашей выгодѣ; она утвердитъ нашу систему. Я не хочу чтобы Франція была затрудняема чуждыми препятствіями; Англія очевидно нарушила договоры; чѣмъ терпѣть это, — лучше ужъ присягнуть на подданство Королю Англіійскому, короновать его Государемъ Франціи и

Парижа;—это будетъ лучше чѣмъ покориться наглѣмъ прихотямъ Англійскаго Правительства. Желаете ли вы чтобы для сохраненія мира двумя мѣсяцами долѣе, я уступилъ имъ въ чемъ нибудь одномъ: они покажутъ еще болѣе требованій, еще болѣе вѣроломства; наглость ихъ возрастетъ вмѣстѣ съ моею сговорчивостью; но они меня вовсе не знаютъ! Если уступить Англiи, то она скоро бы запретила намъ плаваніе въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта и потребовала бы у насъ нашихъ кораблей! Можно ли впередъ знать? Но будьте покойны, я не таковъ чтобы допустить подобное униженіе; если Англія хочетъ войны, то она будетъ имѣть ее; я не заставлю ее дожидаться и мы увидимъ!»

Въ этотъ день Бонапарте много говорилъ о враждѣ, возбуждаемой въ немъ лживымъ поведеніемъ Англiи, которой мнѣніемъ онъ однакоже дорожилъ. Грубыя ругательства, которыми осыпали его въ Англійскихъ журналахъ сильно содѣйствовали къ увеличенію врожденной его ненависти къ свободѣ тишенія и онъ не могъ постигнуть какъ Британскимъ подданнымъ дозволяется писать такимъ образомъ противъ него, тогда какъ онъ находится въ мирѣ съ Англійскимъ Правительствомъ.

Однажды я имѣлъ случай видѣть странное

доказательство того, сколь важнымъ Бонапарте считалъ мнѣніе Англичанъ о поступкахъ, ему приписываемыхъ; и то что я расскажу вновь покажетъ готовность Наполеона употреблять козенныя и мелкія средства для достиженія желаемой имъ цѣли. Онъ далъ балъ въ Мальмезонѣ тогда какъ Гортензія достигла седьмага мѣсяца своей беременности. Бонапарте какъ извѣстно не любилъ видѣть беременныхъ женщинъ, а въ особенности видѣть ихъ танцующими; но тутъ онъ просилъ Гортензію протанцовать хоть одну кадрили. Она не хотѣла этого сдѣлать, но Бонапарте такъ настаивалъ, такъ улащалъ ее, говоря ей: «Прошу тебя, мнѣ чрезвычайно хочется видѣть тебя танцующею; сдѣлай это для меня,» что наконецъ Гортензія пошла танцовать. Какая была цѣль его—это ниже увидать.

На другой же день послѣ этого бала явились въ одномъ журналѣ льстивые стихи о кадрили, въ которой Гортензія танцевала не смотря на свою беременность. Гортензін это очень показалось досаднымъ и когда журналъ былъ полученъ въ Мальмезонѣ, то она жаловалась на это, въ особенности не постигая какимъ образомъ, не смотря на отличную способность нашихъ остроумцевъ, эти стихи могли быть сочинены и напечатаны на такой случай, который произошелъ въ предыдущую ночь. Бона-

парте отвѣчалъ ей неопредѣлительно и улыбаясь; что касается до меня, то это дѣло было мнѣ столь же хорошо какъ и ему извѣстно. Когда Гортензіа узнала что я одинъ въ кабинетѣ, то пришедъ туда, она начала меня разспрашивать. Насчитая нужнымъ скрывать отъ нея происшедшее,—я сказалъ ей истину: что стихи были сочинены по приказанію Наполеона прежде бала однимъ поэтомъ, котораго имя я теперь не припомню; я сказалъ ей что балъ былъ данъ для стиховъ; что Первый Консулъ потому только управивать ее танцовать чтобы оправдать ихъ содержаніе, и что онъ приказалъ написать ихъ въ опроверженіе помѣщенной въ одномъ изъ Англійскихъ журналовъ статьи, въ которой было объявлено будто бы она уже родила. Дѣйствительно Бонапарте былъ ужасно оскорбленъ этимъ преждевременнымъ объявленіемъ, ибо онъ очень видѣлъ что оно имѣло цѣлью утвердить подлые слухи, распространяемые клеветой на счетъ мнимой его связи съ Гортензіею. Таковы были мелочныя продѣлки, не разъ занимавшія собою голову, въ которой составлялось столько исполнскихъ замысловъ.

Г Л А В А XV.

Вліяніе разнообразныхъ занятій. — Размышленія. — Истина о замыслѣ высадки въ Англію. — Г. Питтъ. — Причины удаленія сего Министра. — Ошибка Англійскаго Правительства. — Политическія продѣлки. — Нарушеніе Аміенскаго договора. — Взаимныя причины неудовольствій. — Наслѣдіе Великаго Герцога Пармскаго. — Сдѣланныя Франціею предложенія. — Островъ Мальта. — Отъѣздъ Лорда Витворта. — Жестокая война. — Римъ и Кароагенъ. — Успѣхи ласкательства. — Внутренняя радость Наполеона. — Посланіе къ Сенату, Законодательному Корпусу и къ Трибунату. — Отмѣна титула Короля Франціи, носимаго Королемъ Англійскимъ.

Перечитывая листки моей рукописи, долженствующіе составить пятую часть сихъ Записокъ, я вижу что увлекался соотношеніемъ мыслей, я говорилъ о событіяхъ, случившихся послѣ разрыва Аміенскаго договора, недовольно останавливаясь на событіяхъ этой великой эпохи. Это произошло отъ принятаго мною обра-

за сочиненія, состоящаго именно въ томъ, чтобы не держаться никакой правильности, а вѣроятно бывшаго слѣдствіемъ множества и разнообразія занятій, наполнявшихъ или лучше сказать, совершенно занимавшихъ собою столько годовъ моей жизни. Когда занимаешься однимъ только предметомъ, то мысли дѣйствительно идутъ чредою; череда сія прерывается когда долговременная привычка принуждаетъ умъ нашъ блуждать по разнымъ предметамъ. Впрочемъ, я въ послѣдній разъ оправдываюсь въ этой винѣ, которая по моему мнѣнію, вовсе не вина. Какъ бы то ни было а читатели мои конечно не пожалуются на то, что они обмануты ибо съ самаго начала этихъ Записокъ, я просилъ ихъ считать мою книгу не иначе какъ собраніемъ замѣчаній, коихъ единственное на мои глаза достоинство состоитъ въ томъ что они представляютъ точную истину о множествѣ событій, переимчиваемыхъ до сихъ поръ невѣжествомъ, какими либо видами или духомъ партій. Если снисходительность найдетъ въ нихъ что нибудь болѣе обѣщаннаго мною, то тѣмъ лучше.

Прошу дозволенія сдѣлать еще краткое замѣчаніе касательно вещей, о которыхъ я говорю и которыя произошли тогда, какъ я не былъ уже болѣе Секретаремъ Перваго Консула. Это замѣчаніе состоитъ въ слѣдующемъ: почти все что дѣлалъ Бонапарте было исполне-

нѣмъ прежнихъ его предположеній, чрезъ него мнѣ извѣстныхъ. Если я лишь какъ частный человекъ присутствовалъ при исполненіи дѣйствій, то я былъ свидѣтелемъ рожденія причинъ оныхъ и кажется я не многое беру на себя, увѣривъ что сдѣланное мною продолжительное изученіе свойствъ Наполеона, сообщало мнѣ болѣе всякаго другаго способности судить о дѣйствіяхъ его власти, которыхъ я почти всегда имѣлъ ключъ. Сколько разъ мнѣ случалось объяснять Дюроку, Ланну и Раппу,—которые остались моими друзьями и съ которыми я часто видался—настоящій смыслъ того, что они думали мнѣ сообщить; когда впрочемъ это не было такое дѣло, которое Первый Консулъ ввѣрилъ одному только мнѣ; ибо въ этомъ отношеніи, скромность моя пережила долгимъ временемъ его довѣренность; имѣю причины думать что онъ это зналъ и когда онъ сказалъ мнѣ истину о высадкѣ въ Англію, которой всѣ вѣрили кромѣ его, то ужъ конечно онъ надѣялся что я сохранию его тайну.

При заключеніи Аміенскаго мира, одною изъ вещей, наиболѣе доказывавшихъ непродолжительность онаго, было удаленіе Г. Нитта отъ Министерства; я замѣтилъ это Наполеону, но не слишкомъ настаивалъ, ибо ясно увидѣлъ по его вопросу: «Что такое ты говоришь?» хотъ онъ и совершенно меня понялъ — что мое за-

мѣчаніе ему не понравилось. Не требовалось однакоже слишкомъ большой прозорливости для того чтобы увидѣть настоящую причину удаленія Г. Питта: знаменитый Министръ сей думалъ, что перемиріе, которое назовутъ миромъ, необходимо для Англіи; но будучи въ тоже время расположенъ возобновить противъ Франціи войну, съ большимъ противъ прежняго ожесточеніемъ, онъ временно сложилъ съ себя власть, предоставивъ другимъ, низшимъ Министрамъ договариваться о мирѣ, дабы возвращеніе его въ Министерство ознаменовало возобновленіе непримиримой вражды, питаемой имъ къ Франціи. Какъ бы то ни было, а я всегда считалъ ошибкою Лондонскаго Кабинета заключеніе мира, сколь бы ни везика была необходимость оного для Англіи. Англійское Правительство одно только, ни при какихъ обстоятельствахъ не признало ни одного изъ Правительствъ, сѣмъ назвавшихся во Франціи со времени Революціи; и какъ ничто не изглаживаетъ прошедшаго, то будущая война, сколь бы сильна она ни была, не могла отнять у Правительства Бонапарте великаго вѣса, доставленнаго оному минутою мира. Достоверно что готовность Англіи вступить въ переговоры съ Первымъ Консуломъ, присоединила къ сему послѣднему великое множество приверженцевъ Бурбоновъ, которые основывали свои надежды только на настойч-

ности Великобританіи въ веденіи войны съ Франціею. Это открывало глаза большому числу; ибо тѣ, которые были довольно проникательны дабы видѣть внутренность дѣлъ, и безъ того знали что изъязвляемое кабинетами Европы и въ особенности Англійскимъ, участіе къ Бурбонамъ, служило только предлогомъ для того, чтобы подъ видомъ почетныхъ причинъ скрыть желаніе терзать Францію и противиться неособытнымъ успѣхамъ ея могущества съ тѣхъ поръ какъ Бонапарте пріять бразды Правленія.

Когда дѣла начали запутываться, то Англія и Франція могли взаимно упрекать другъ друга; но справедливость повидимому принадлежала Франціи; очевидно было, что Англія, отказавшись очистить Мальту, производила ощутительное нарушеніе Аміенскаго договора; между тѣмъ какъ Англія могла обвинить Францію только въ наклонности къ расширенію своихъ владѣній. Но я долженъ сознаться, что эта наклонность была весьма явна, ибо Консульскія опредѣленія сдѣлали завоеванія, болѣе быстрыя, чѣмъ какія можно пріобрѣсть оружіемъ. Присоединеніе Піемонта къ Франціи измѣнило положеніе Европы. Правда что это присоединеніе было сдѣлано прежде заключенія Аміенскаго договора; но нельзя было того же сказать о владѣніяхъ Пармы и Піаченцы, ибо

Бонапарте, по своей собственной волѣ сдѣлалъ себя наслѣдникомъ умершаго Великаго Герцога. Посему можно себѣ представить безпокойство, которое внутреннее благосостояніе Франціи и стремящійся къ завосваніямъ правъ честолюбиваго главы ея долженствовали внушать Англіи; но тѣмъ не менѣе справедливо что касательно отдачи Мальты, она поступила съ отмѣннымъ криводушіемъ и это криводушіе вполне обнаружилось при слѣдующемъ обстоятельстве. Было условлено, что Англія выведетъ свои войска изъ Мальты черезъ три мѣсяца по подписаніи договора, а болѣе года прошло между тѣмъ какъ войска не выходили. Мальтійскій Орденъ долженствовалъ быть возстановленъ и сдѣлаться по прежнему владѣтельнымъ, независимымъ Орденомъ подъ покровительствомъ Папскаго престола. Притомъ же кабинеты Вѣнскій, Берлинскій и Санктпетербургскій поручились за исполненіе Аміенскаго договора; но Англійскій Посланникъ въ подтверженіе своихъ безпрестанныхъ увертокъ говорилъ, будто бы его Правительство дѣйствуетъ въ согласіи съ Россією на счетъ медленности въ исполненіи условій договора, тогда какъ въ ту самую минуту какъ онъ это объявлялъ, изъ Санктпетербургскаго кабинета, въ Министерство внѣшнихъ сношеній прибылъ курьеръ съ депешами,

совершенно противорѣчащими показаніямъ Лорда Витворта.

Посланникъ сей выѣхалъ изъ Парижа ночью съ 12 на 15 Маія, 1803, между тѣмъ какъ Англіійское Правительство, безъ требованія выдало паспорты Французскому Посольству въ Лондонъ. Извѣстіе объ этомъ внезапномъ разрывѣ понизило четырею процентами на сто Англіійскіе фонды, но не произвело тотчасъ столь значительнаго вліянія на Французскіе фонды, которые ходили тогда 55 франковъ; возвышеніе чрезвычайное если вспомнить, что они были по 7 или по 8 франковъ наканунѣ 18 Брюмера.

Въ этомъ положеніи вещей, Франція предложила Англіійскому Правительству допустить съ общаго согласія посредничество Россіи; но какъ Англія объявила войну только для того чтобы поправить ошибку, сдѣланую ею чрезъ заключеніе мира, то всѣ этого рода предложенія были ею отвергнуты; такъ что Первый Консулъ могъ украсить себя предъ глазами публики великою умѣренностью и искреннимъ желаніемъ мира. Съ тѣхъ поръ возгорѣлась вновь между Англіею и Франціею одна изъ тѣхъ жестокихъ войнъ, которыя ознаменовали царствованія Королей Іоанна и Карла VII и которая доставила нашимъ остроумцамъ случай дѣлать великолѣпныя сравненія между древнимъ соперничествомъ Рима и Карфагена; изъ чего

они какъ великіе политики заключали, что по-
сылку Карфагенъ палъ, то и Англія долженст-
вовала подвергнуться тому же жребію. Таковы
были нелѣпости, которыми льстецы непре-
станно тѣшили Перваго Консула и я долженъ
замѣтить, что эпоха разрыва съ Англіею была
одною изъ тѣхъ, когда ласкательство сдѣлало
наиболѣе значительные успѣхи. Никогда еще не
существовало такого изобилія на привѣтствен-
ные адреса: они отовсюду сыпались; не было
ни одного Прфекта, ни одного Подпрфекта,
ни одного Мера, ни одного Присутственнаго
Мѣста, которые не прислали бы своего; и мож-
но сказать что Бонапарте представилъ на со-
стоятельство цѣлу подлості, а льстецы его
другъ передъ другомъ непрерывно старались за-
служить оную. Самъ онъ однакоже обнаружилъ
при этомъ важномъ обстоятельстве всю дѣя-
тельность своего генія и ужъ конечно ему бы
слѣдовало очень переизмѣниться чрезъ шесть мѣ-
сяцевъ послѣ нашей разлуки, еслибъ онъ не
ощущалъ въ душѣ своей радостнаго трепета
при одной мысли объ огромной войнѣ, кося
соображенія обѣщали такую пищу его ненасыт-
ному генію.

Бонапарте находился въ Сен-Клу тогда какъ
Лордъ Витвортъ выѣхалъ изъ Парижа; двѣ не-
дѣли прошло въ безплодныхъ попыткахъ воз-
обновить прерванные переговоры; и такъ не

Часть V.

27

должно было думать ни о чемъ больше какъ о войнѣ; и прежде приготовленія къ оной, Первый Консулъ представилъ Сенату, Законодательному Корпусу и Трибунату слѣдующее посланіе, которое прочтутъ конечно не безъ любопытства.

«Англійскій Посланникъ былъ отозванъ;— «вынужденный этимъ обстоятельствомъ, Посланникъ Республики оставилъ землю, гдѣ онъ уже «не могъ болѣе слышать словесъ мира.

«Въ эту рѣшительную минуту, Правительство представляетъ вамъ и представитъ всей «Франціи и Европѣ на разсмотрѣніе свои нер- «выя сношенія съ Британскимъ Министерствомъ; «переговоры, оконченные Аміенскимъ трактатомъ и новыя пренія, долженствующія по- «видимому окончиться совершеннымъ разрывомъ.

«Настоящій вѣкъ и потомство увидятъ изъ «сего все, что оно сдѣлало для того чтобы положить конецъ бѣдствіямъ войны; съ какою «умѣренностью, съ какимъ терпѣніемъ оно старалось отвратить возобновленіе оной.

«Ничто не могло остановить хода замысловъ, «устроенныхъ съ тѣмъ чтобы вновь возжечь «раздоръ между двумя народами. Аміенскій договоръ составилъ посреди кланковъ партій, «непріязненной миру. Едва былъ онъ заключенъ, «какъ сдѣлался предметомъ горькаго порицанія:

«его представляли пагубнымъ для Англіи по-
«тому что онъ не былъ постыденъ для Фран-
«ціи. Вскорѣ разсѣяли безпокойства и вымы-
«слили опасности, на основаніи коихъ вы-
«ставили необходимость такого положенія мира,
«которое было постояннымъ поводомъ къ но-
«вой враждѣ. Стали собирать и нанимать под-
«лыхъ убійцъ, которые терзали уже свое оте-
«чество и которымъ предназначается вновь тер-
«зать его. — Тщетные расчеты ненависти! Это
«ужь не та Франція, которая была раздѣлена
«партіями и волнуема бурями; это Франція
«возвращенная внутреннему спокойствію, возста-
«новленная въ ея управленіи, въ ея законахъ,
«готовая ударить всею своею силою на чуже-
«земца, держающаго навасть на нея и соеди-
«ниться съ разбойниками которыхъ лукавая по-
«литика опять прищегъ въ ея земли для того
«чтобы заводить въ нихъ грабежъ и убійства.

«Наконецъ неожиданный манифестъ (*), вдругъ
«нанугалъ Англію минимыми вооруженіями во
«Франціи и въ Батавіи и выставилъ важныя рас-
«при, будтобы раздѣляющія два Правительства,
«между тѣмъ какъ никакія подобныя распри не
«были извѣстны Французскому Правительству.

«Тотчасъ грозныя вооруженія начали устраи-
«ваться на берегахъ и въ портахъ Великобри-

(*) Бонапарте намекаетъ здѣсь на манифестъ Короля Англійска-
го при открытіи Парламента въ 1805 году.

«таніи; моря покрылось военными кораблями; и въ этомъ-то положеніи Лондонскій Кабинетъ потребовалъ у Франціи отмѣны одной изъ основныхъ статей Аміенскаго договора (*).

«Они хотѣли, по словамъ ихъ, новыхъ ручательствъ и не признавали святости договоровъ, коихъ исполненіе есть первое ручательство, которое могутъ доставить себѣ народы.

«Тщетно Франція взывала къ данной клятвѣ; тщетно она ссылалась на формы, принятыя у всѣхъ народовъ; тщетно она соглашалась закрывать глаза на настоящее неисполненіе статьи Аміенскаго договора, отъ которой Англія желала уклониться; тщетно она хотѣла отложить окончательное рѣшеніе по сему предмету до тѣхъ поръ пока Испанія и Батавія, участвовавшія въ договорѣ, объявятъ свою волю; тщетно она предлагала потребовать посредничества Державъ, поручившихся за исполненіе статьи, объ отмѣнѣ коей Англія настаивала. Все предложенія были отвергнуты и требованія Англіи сдѣлались болѣе повелительными, болѣе самовластными.

«Правила Французскаго Правительства не дозволяли ему уступить угрозамъ; оно не имѣло власти покорить величіе Французскаго народа законамъ, предписываемымъ ему столь надменнымъ и столь новымъ образомъ. Если бъ оно это

(*) Статья, касательно выведенія войскъ изъ Мальты.

«сдѣлало, то оно тѣмъ предоставило бы Англіи
«право уничтожать одною только своею волею,
«всякія условія, облызвающія ее противъ Фран-
«ціи. Оно дало бы ей поводъ требовать новыхъ
«поручительствъ при малѣйшемъ безпокойствѣ,
«которое ей бы вздумалось возымѣть; и от-
«сюда родились бы для Великобританіи два но-
«вые права въ добавокъ къ тому, по которому
«она отняла у другихъ Державъ общее влады-
«чество надъ морями, подчинивъ своимъ зако-
«намъ и правиламъ независимость ихъ флага.

«Правительство остановилось на чертѣ, кото-
«рую ему предписывали его правила и обязан-
«ности. Переговоры прерваны и мы готовы
«сразиться, если на насъ нападутъ.

«Покрайней мѣрѣ мы сразимся для поддержа-
«нія святости договоровъ и чести Французскаго
«имени.

«Еслибъ мы уступили пустому страху, то
«вскорѣ пришлось бы сражаться для отраженія
«новыхъ притязаній; но тогда мы бы сразились
«посрамленные первою слабостью, потерявши
«въ собственныхъ глазахъ своихъ и униженные
«въ глазахъ непріятеля заставившаго насъ од-
«нажды преклониться предъ его несправедливы-
«ми требованіями.

«Нація успокоится въ чувствѣ своей силы,
«каковы бы ни были раны, которыя можетъ

«нанести намъ непріятель въ такихъ мѣстахъ гдѣ мы не могли его предупредить или достигъ до него; послѣдствіе сей борьбы будетъ тако-го какого мы имѣемъ право ожидать отъ справедливости нашего дѣла и отъ мужества нашихъ воиновъ.»

Это посланіе было благородно и чуждо тѣхъ хвастливыхъ выходокъ, которыя столь часто вырывались у Бонапарте, — потому что оно было обдуманно и разсмотрѣно съ нѣсколькими совѣтниками. Отвѣтъ Сената былъ сопровож-денъ вызовомъ построенія трехъ-дечнаго ко-рабля изъ денегъ, отпускаемыхъ на содержаніе Сенаторовъ. — Бонапарте, съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, дѣйствуя для себя, гово-рилъ отъ имени народа подобно тому какъ при учрежденіи пожизненнаго Консульства. Но да-же и тогда какъ онъ работалъ для своего соб-ственнаго величія, то что онъ дѣлалъ, какъ уже неоднократно мною замѣчено, должноствовало обратиться къ будущей выгодѣ Бурбоновъ; и даже договоръ, тогда прерванный, можетъ дать поводъ къ странному замѣчанію. Бонапарте, не будучи еще Королемъ, непремѣнно требовать чтобы Англіійскій Король отказался отъ пуста-го титула Короля Франціи, до сихъ поръ все-гда имъ посямаго какъ бы для того чтобы показать, что онъ еще не совсѣмъ отказался

отъ старинныхъ притязаній; на это условіе согласились и сему то первому еогласію обязаны за отмѣну названія Короля Франціи изъ титуловъ Короля Англійскаго, опредѣленную въ Парижскомъ договорѣ по возвращеніи Бурбоновъ.

Г Л А В А XVI.

Причины жалобъ Англійскаго Правительства. — Надежда на торговый Договоръ. — Ръшительное сопротивленіе. — Французскіе агенты въ портахъ Великобританіи и Ирландіи — Поездка Генерала Себастьяни въ Египетъ. — Основательная жалоба Англійскаго кабинета. — Желаніе сохранить Мальту. — Слова Бонапарте, сказанныя въ Законодательномъ Корпусѣ. — Ложное оныхъ истолкованіе. — Завоеваніе Гановра. — Телеграфическая депеша. — Герцогъ Кембриджскій и карикатуры. — Вліяніе бездѣлокъ на умы народа. — Георгъ III, Король и Курфюрстъ. — Первое обращеніе къ духовенству. — Слово Милостивый Государь, въ первый разъ употребленное. — Республиканскіе мѣсяцы и недѣли. — Пастырскія посланія Кардиналовъ Беллуа и Камбасереса. — Аббевильскій священникъ.

Манифестъ Короля Англійскаго, о коемъ я упомянулъ въ предъидущей главѣ, поразилъ какъ громомъ Французское Правительство, которое очень хорошо знало, что въ Лондонѣ ус-

троивается множество козней, но никакъ одинаково не ожидало такого взрыва. Первою причиною жалобъ Англійскаго Правительства было запрещеніе Англійскихъ товаровъ, соблюдаемое еще съ большою строгостію со времени мира, чѣмъ въ продолженіе войны, и сознаніе Великобританіи въ этой, столь важной для нея статьѣ, могло бы избавить ее отъ объясненій другихъ причинъ неудовольствія; ибо въ существѣ она была устрешена картиною внутренняго благосостоянія Франціи и движенія, даннаго нашимъ мануфактурамъ. Англійское Правительство надѣялось получить отъ Перваго Консула Торговый Трактатъ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ для нашей раздвѣющейся промышленности; но Бонапартъ рѣшительно тому воспротивился и по одному ужъ этому съ его стороны отказу, ему легко было бы предвидѣть разрывъ, который казалось, его удивилъ. Я помню что въ то время я съ величайшимъ участіемъ читалъ все, относящееся къ этой великой тяжбѣ между двумя соперничающими Державами,—тяжбѣ, рѣшенной черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, подъ стѣнами Парижа.

Вражда Англіи столь очевидно происходила отъ неудачи ея въ полученіи Торговаго Договора, что упрекъ въ томъ ясно былъ выраженъ въ манифестѣ Короля Англійскаго; онъ жаловался

на то, что Франція прислала въ Англію множество чиновниковъ для жительства въ портахъ Великобританіи и Ирландіи въ качествѣ торговыхъ агентовъ, каковое званіе,—говорилъ манифестъ — не могло бытъ пріобрѣтено ими съ преимуществами онаго иначе, какъ посредствомъ Торговаго Договора. Такова была, по моему мнѣнію, настоящая причина неудовольствій Англіи; однакоже какъ слишкомъ странно было бы основывать объявленіе войны на неоказаніи снисходительности, то Англія выставляла еще другія причины жалобъ какъ - то: присоединеніе Піемонта и владѣній Пармы и Піаченцы къ Франціи и пребываніе Французскихъ войскъ въ Голландіи. Упоминалось также о видахъ и замыслахъ, приписываемыхъ Англіею Французскому Правительству касательно Турціи и эта жалоба основывалась на посылкѣ одного Офицера въ Египеть. Здѣсь Англія намекала на поѣздку Генерала Себастіани, о которой я уже упоминалъ; ибо при отъѣздѣ его я находился еще при Первомъ Консулѣ и долженъ по истинѣ сказать, что въ этомъ отношеніи Англійскій кабинетъ *основательно* жаловался; Бонапарте слишкомъ часто толковалъ со мною о мысляхъ своихъ объ Египтѣ, о средствахъ къ нападенію на Англійское Владычество въ Великой - Индіи для того чтобы онъ могъ отъ этого отречься. Изъ всѣхъ уп-

рековъ, которые оба Правительства взаимно другъ другу дѣлали, очевидно обнаруживалось что ни то, ни другое не поступало правдолюбиво; что Англія, уступивъ прежде необходимости, захотѣла воспріять свои выгоды, когда къ тому представился случай и удержать у себя Мальту, обеспечивающую ей въ Средиземномъ морѣ такое же владычество, какимъ она пользовалась уже въ Океанѣ. Англія повиновалась только требованіямъ своей политики. Не разъ случалось что Правительства превозносили похвалами свое правдолюбіе дабы утѣшнить себя въ томъ что имъ не удалось обмануть другихъ; что самое было съ Наполеономъ относительно Англіи, которая конечно только его предупредила безъ очевидныхъ къ тому причинъ.

Наполеонъ, въ одной изъ рѣчей своихъ Законодательному Корпусу о состояніи Франціи и о сношеніяхъ ея съ прочими Державами, сказалъ: «Англія *одна* не можетъ бороться съ Франціею.» Этого выраженія было достаточно для того чтобы подстрекнуть раздражительность Британской гордости и Англійскій кабинетъ показалъ видъ будто бы усматриваетъ въ этомъ угрозу; — тутъ вовсе не было угрозы, ибо когда Бонапарте угрожалъ, то слова его были гораздо выразительнѣе, гораздо сильнѣе; это было сказано только для успокоенія Франціи; и если внимательнѣе разсмотрѣть посредствомъ какихъ

пожертвованій и усилій Англія старалась возбудить противъ Франціи враговъ на твердой землѣ, то можетъ быть заключишь, что сильный гнѣвъ ея происходилъ отъ того что она внутренно соглашалась съ мнѣніемъ Наполеона. Одна противъ Франціи, Англія конечно могла сдѣлать ей много зла, особенно обративъ свои первые удары на остатки ея флота, разсѣянные по всѣмъ морямъ; но она не могла ни на что покуситься противъ Франціи на твердой землѣ и эти двѣ Державы, безъ союзниковъ съ той и съ другой стороны, долго могли бы находиться другъ противъ друга въ войнѣ, не доходя до враждебныхъ дѣйствій.

Первымъ слѣдствіемъ объявленія Англіею войны, было вторженіе въ Гановръ Французскихъ войскъ подъ предводительствомъ Генерала Мортъе. Телеграфическая депеша, сообщившая объ этомъ извѣстіе въ Парижъ была столь же истинна какъ кратка и заключала въ себѣ всю исторію этой кампаніи: «Французы овладѣли Курфирнствомъ Гановрскимъ и непріятельская армія взята въ плѣнъ». Черезъ нѣсколько дней всѣ картинныя лавки наполнились карикатурами и въ особенности на Герцога Кембриджскаго; я помню что на одной изъ этихъ рисовальныхъ эпиграмъ, онъ былъ представленъ осматривающимъ свои войска верхомъ на ракъ. Я говорю объ этихъ бездылкахъ потому,

что живя уединенно въ домѣ моемъ на Готвильской улицѣ и совершенной ничемъ незапятный, послѣ того какъ у меня прежде не доставало довольно времени для работы, я прогуливался иногда по бульварамъ и видя рисунки, выставляемые для зрѣнща прохожими, неразъ имѣлъ случай замѣтить, что эти бездѣлки часто имѣютъ болѣе чѣмъ полагаютъ вліянія на умы народа большого города.

Узнавъ о числѣ взятыхъ въ Гановрѣ пѣхотныхъ, Первый Консулъ возымѣлъ надежду промѣнять ихъ на тѣхъ, которыхъ Англіійскій флотъ взялъ уже у насъ на морѣ; объ этомъ было сдѣлано Королю Англіійскому предложеніе; но Британскій кабинетъ разсудилъ что хотя Король Англіійскій и былъ въ то же время Курфирстомъ Гановрекимъ; но не существовало взаимныхъ обязательствъ между двумя Правительствами, концъ Георгъ III былъ главою и въ слѣдствіе этого уточеннаго различія, предложеніе Французскаго Правительства осталось безъ успѣха. Тогда вражда между двумя Правительствами сильно возгорѣлась; и Бонапарте, въ минуту объявленія войны, ознаменовалъ гнѣвъ свой такимъ дѣйствіемъ, котораго я ни въ какомъ отношеніи не могу одобрить. Я говорю объ отданномъ имъ приказѣ задержатъ всѣхъ находившихся во Франціи Англичанъ, приказъ, по моему мнѣнію безчеловѣчный ибо

ужасно удовлетворять на частных людяхъ, до-
вѣрчиво прїѣхавшихъ, мести своей противъ Пра-
вительства, отъ котораго они зависятъ; но Бо-
напарте въ гнѣвъ своемъ не обращалъ на это
вниманія.

Здѣсь я замѣчу первое примѣненіе слова, ко-
торое Бонапарте часто твердилъ мнѣ при за-
ключеніи Конкордата. «Ты увидишь Буріеннъ
какую пользу я извлеку изъ духовенства.»

При объявленіи войны, Первый Консулъ, же-
лая поступить съ Церковью, подобно тому какъ
нѣкогда поступали Христіаннѣйшіе Короли, воз-
намѣрился поручить успѣхъ своего оружія моль-
бамъ Французовъ чрезъ посредство Духовенства;
для сего онъ написалъ слѣдующее письмо, ко-
его форма была совершенно Королевская, къ
Кардиналамъ, Архіепископамъ и Епископамъ
Франціи:

«Милостивый Государь,

«Причины настоящей войны извѣстны всей
«Европѣ. Вѣроломство Англійскаго Короля, ко-
«торый нарушилъ святость договоровъ отка-
«завшись возвратить Мальту Ордену Св. Іоанна
«Іерусалимскаго; который приказалъ напасть на
«наши купеческія суда безъ предварительнаго
«объявленія войны, и необходимость справедливой
«обороны, — все побуждаетъ насъ прибѣ-
«гнуть къ оружію. Посему обращаюсь къ вамъ
«этимъ письмомъ для изъявленія вамъ моего

«желанія дабы вы молитвами синескали Небесное «благословеніе напнимъ предпріятіямъ. Извѣстное мнѣ усердіе ваше къ службѣ Государства «удостоверяетъ меня въ томъ что вы съ удовольствіемъ выполните мои намѣренія.

«Въ Сен-Клу, 18 Преріала XI года.

«БОНАПАРТЕ.»

Это письмо, во многихъ отношеніяхъ замѣчательно: оно удивило большую часть прежнихъ сподвижниковъ Перваго Консула, которые стали надъ онымъ насмѣхаться, говоря что Бонапарте не имѣлъ надобности прибѣгать къ проповѣдямъ для двукратнаго завоеванія Италіи; но онъ давалъ имъ волю говорить, неизмѣнно слѣдуя по стезѣ, начертанной его волею, а можетъ быть и его предусмотрительностью; ибо ничто не могло болѣе этого письма поправиться Римскому Двору, который слѣдовало довести до того чтобы онъ видѣлъ въ Наполеонѣ новаго старшаго сына Церкви. Еще можно замѣтить въ немъ слово *Милостивый Государь*, которое Бонапарте употребилъ еще въ первый разъ во всенародномъ актѣ и которое казалось означало, что по его мыслямъ Республиканскія наименованія были несовмѣстны съ формами, употребляемыми при обращеніи къ духовенству; въ то же время, онъ этимъ показывалъ что если онъ давалъ исключительно духовенству Монархическія наименованія, то и духо-

венство въ особенности долженствовало направлять умы къ возстановленію Монархіи. Можетъ быть скажутъ что я саникомъ распространяюсь о бездѣлахъ; но для меня, жившаго столь долго въ короткой довѣренности съ Наполеономъ, эти бездѣлки значительны; такимъ образомъ напримѣръ никто кажется не замѣтить что Первый Консулъ возстановилъ употребленіе прежнихъ названій дней недѣли; а именно онъ приказалъ выставить въ Монитерѣ: *Суббота*, такое-то число *Мессидора*. «Надъ этимъ хоть и посмѣются,» говорили онъ «а я потомъ прикажу не ставить Мессидоръ и уничтожу всѣ эти гадости, выдуманныя Якобинцами!»

Духовенство не обмануло ожиданій Перваго Консула; оно многимъ ему было обязано и еще большаго надѣялось. Письмо, которое Бонапарте написалъ къ Кардиналамъ, Архіепископамъ и Епископамъ, было поводомъ къ изданію множества пастырскихъ посланій, не заключающихъ въ себѣ ни одного непріязннаго Наполеону слова. Посланіе Парижскаго Архіепископа явилось первое; въ немъ было сказано:

«Франція побѣдѣннѣе братья, поклонялась на «своихъ торжествахъ; Глава Правительства своею храбростію увѣнчалъ ее лаврами; своею «мудростію онъ обогатилъ ея земли, украсилъ «города, доставилъ процвѣтаніе ея торговль;

«источники благоденствія со всѣхъ сторонъ
«отверзлись, она питала одно лишь желаніе
«мирно наслаждаться плодами столькихъ подви-
«говъ. Но сколь обманчивы надежды сей смерт-
«пой жизни! Въ минуту совершеннѣйшей без-
«заботности, горизонтъ помрачился, безпокой-
«ство овладѣло умами, тревога сдѣлалась об-
«щцею, война объявлена. Успокойтесь однакоже,
«любезнѣйшіе братья, другъ побѣды ведетъ
«наши воинства: едва выступили они изъ сво-
«его лагеря, какъ уже заняли владѣнія твердой
«земли нашей соперницы.

«Но завоевателю Европы не безызвѣстно,
«что жребій оружія переменчивъ и что един-
«ственный способъ для утвержденія онаго со-
«стоитъ въ томъ чтобы снискать участіе къ
«своему дѣлу Бога битвъ. *Онъ желаетъ дабы
«слы молитвами снискали небесное благослове-
«ніе его предпріятіямъ.*

«Любовь, питаемая вами, любезнѣйшіе братья
«къ отечеству и признательность, кою вы обя-
«заны столь кроткому, столь благотворитель-
«ному, столь отеческому Правительству,—слу-
«скаютъ намъ вѣрными поруками усердія, съ ко-
«ими вы будете содѣйствовать столь благого-
«увѣйнымъ чувствамъ.»

Я вовсе не намѣренъ рыться въ архивахъ
похвалъ эпохи, мною описываемой; однакоже
для лучшаго изображенія оной можетъ стать

Часть I.

29

не бесполезно будетъ представить читателямъ нѣсколько отрывковъ того что говорили тогда пастыри Французской Церкви говоря о Главѣ Государства; но дабы не наскучить этими воспоминаніями, я ограничусь отрывкомъ выше приведеннымъ и тѣмъ, который помѣщенъ ниже; онъ извлеченъ изъ посланія Кардинала Камбасереса, бывшаго тогда Русскимъ Архі-епископомъ.

«Изъ прилагаемаго письма Перваго Консула, «вы узнаете любезнѣйшіе братья, почему онъ «вновь принужденъ прибѣгнуть къ войнѣ. Од- «нихъ словъ его уже достаточно для того, что- «бы удостовѣрить насъ въ истинѣ имъ излага- «емаго; ибо подобныя ему пренебрегаютъ упо- «стреблять ложь даже и тогда если она полезна; «а подтвержденіемъ словъ его служатъ очевид- «ность дѣлъ и негодованіе цѣлой Европы. На «этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, никто не осно- «вритъ у Франціи честь того, что она пріяла «оружіе съ сожалѣніемъ; ибо сіе должно было «сдѣлать для того чтобы отразить несправедливыя «нападки, поддержать что утверждено торжест- «веннымъ договоромъ, что необходимо для «спокойствія вселенной и было, нѣкоторымъ «образомъ, цѣною одержанныхъ нами побѣдъ...

«Будемъ въ особенности просить Бога, о «мужъ, *Его десницъ*, который подъ руковод- «ствомъ его воли, столько сдѣлалъ для возста-

«новленія Его вѣры, который намѣренъ сдѣлать
«еще болѣе,—да хранить Провидѣніе жизнь его,
«да осѣнитъ оно его своими крылами; да устра-
«нитъ оно отъ его Августѣйшей особы опа-
«сности, которыя встрѣчаются въ битвахъ при
«его храбрости и тѣ, коихъ должно страшить-
«ся отъ зависти и ся козней, при его достоин-
«ствахъ.»

Эти преувеличенныя выраженія вовсе не были
противны Первому Консулу, ибо онъ никогда
не жаловался на излишество расточаемыхъ ему
похвалъ, хотя и не любилъ тѣхъ, которые
слишкомъ грубо оныя выражали. Дюрокъ ска-
зывалъ мнѣ однажды, что имъ очень было
трудно удержаться отъ смѣха когда одинъ при-
ходскій Священникъ въ Аббевилѣ сказалъ На-
полеону на пути его къ Сѣвернымъ Берегамъ:
«Вѣра какъ и Франція обязана вамъ всею
что она есть; мы обязаны вамъ всею что мы
есть; я обязанъ вамъ всею, что я есть.»

Г Л А В А XVII.

Представленіе Принца Боргезе.—Аудиторы въ Государственномъ Советѣ.—Отъездъ въ Бельгію.—Торжественныя ворота и рѣчи.—Осмотръ произведеній промышленности Сомскаго Департамента. — Востановленный Королевскій обычай.—Аміенскіе лебеди. — Перемена формы въ актахъ Правительства. — Путешествіе Французскихъ актеровъ.—Праздникъ Дѣвственницы. — Раздѣленіе Института на четыре разряда. — Ученые и Литераторы. — Непріязнь Наполеона къ Литераторамъ.—Взаимная ненависть Перваго Консула и Дюссеса. — Неправедные стихи. — Мистіе Бонапарте о Бернардѣ де Сен-Пьеррѣ. — Шенье и Лемерсіе. — Притворное расхожденіе. — Сношенія Наполеона съ Лемерсіе. — Синодворцы и награды.—Появленіе испріязни Наполеона къ словесности. — Паладь и словарь его. — Общественное воспитаніе. — Отзывъ Наполеона о дѣтяхъ дворянъ. — Г. де Рокелоръ, Малтійскій Архіепископъ. — Его льстивое привѣтствіе Г-жѣ Бонапарте. — Возвращеніе въ Сен-Клу.

Въ Апрѣль мѣсяцъ 1805 года, Принцъ Бор-

резе, сдѣлавшійся въ послѣдствіи зятемъ Бонапарте чрезъ женитьбу свою на вдовѣ Леклерка, былъ въ первый разъ представленъ Наполеону Кардиналомъ Капрарою. Въ этотъ же мѣсяцъ того же года учреждены Аудиторы Государственного Совѣта, коихъ сначала было шестнадцать. Въ концѣ Іюня Бонапарте предпринялъ съ Іозефиною путешествіе свое въ Бельгію и къ Сѣвернымъ берегамъ. Къ этому путешествію относятся многія обстоятельства, о которыхъ я не долженъ умолчать, и о которыхъ меня увѣдомилъ Дюрокъ по возвращеніи Перваго Консула. Бонапарте выѣхалъ изъ Парижа 24 Іюня и хотя долженствовалъ протечь еще годъ до тѣхъ поръ, пока онъ возложилъ на чело свое Императорскую корону, а это путешествіе было совершенно Царское. Учреждаемая на этотъ случай почетная стража встрѣчала его со всѣмъ гражданскимъ и военнымъ начальствомъ на границахъ земель, къ которымъ онъ подъѣзжалъ; повсюду находилъ онъ лѣстивыя рѣчи, торжественныя ворота, девизы а вечеромъ илюминаціи; такъ что Дюрокъ по возвращеніи сказалъ мнѣ: «Пока ты находился при немъ, ты ничего не видалъ подобнаго сдѣланному нами путешествію; ужъ конечно восторгъ, возбуждаемый присутствіемъ Перваго Консула, слыише въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя мы проѣзжали, чѣмъ въ Парижѣ. Вообрази себѣ что

по прибытіи нашемъ въ одиннадцать часовъ утра къ границамъ Сомскаго Департамента, мы нашли тамъ большія торжественныя ворота изъ вѣтвей; тамъ собралось великое множество жителей; мужчины, женщины, дѣти окрестныхъ деревень толпились по всей дорогѣ, усердствуя видѣть Перваго Консула. Но чрезвычайно намъ наскучила необходимость выслушивать въ каждомъ городѣ, въ каждомъ приходѣ, привѣтственные рѣчи Начальствъ. Ты знаешь какъ это надоедаетъ Генералу; а онъ никогда еще не показывалъ столь веселаго вида какъ при этихъ утомительныхъ церемоніяхъ. Мы пріѣхали въ Амьенъ въ шесть часовъ вечера; повсюду прозрачныя картины и надписи; а вечеромъ общія иллюминаціи. На другой день мы осматривали произведенія промышленности этого Департамента. Генераль при входѣ сказалъ извѣстнымъ тебѣ торжественнымъ голосомъ: «Я съ удовольствіемъ вижу плоды вашихъ полезныхъ трудовъ; жители Сомскаго Департамента, я доволенъ; труды обеспечиваютъ вмѣстѣ и спокойствіе общества и частное благополучіе.» Такъ рассказывалъ мнѣ Дюрокъ, который не смотря на свое обыкновенное хладнокровіе, разгорячался иногда говоря о Первомъ Консулѣ, бывшемъ тогда предметомъ его удивленія, но къ которому онъ болѣе питалъ преданности, чѣмъ дружбы.

Прежде было въ обычѣ, когда Французскіе

Короли протѣзжали чрезъ древнюю столицу Пикардін, чтобы городъ Аміенъ поднесла имъ прекрасныхъ лебедей; этотъ обычай не пропустили возобновить, что очень понравилось Наполеону, ибо это значило поступать съ нимъ какъ съ Королемъ; и принятые лебеди были отосланы въ Парижъ для помѣщенія ихъ въ одномъ изъ Тюіерійскихъ прудовъ, дабы Парижане видѣли Царскія почести, оказываемыя Первому Консулу въ столицу, къ коей онъ тогда не прилагалъ еще притязательнаго мѣстоименія. Въ это же путешествіе Бонапарте началъ издавать указы изъ всѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя онъ протѣзжалъ. Желая занимать собою, и однимъ собою, онъ оставилъ въ Парижѣ множество оныхъ подписанныхъ для того чтобы даже и въ его отлучкѣ онъ присутствовалъ тамъ своими правительственными актами. До тѣхъ поръ указы издавались отъ имени *Консуловъ* Республики; тогда вмѣсто этой формы начали ставить *Правительство* Республики; съ помощью этой перемены, казавшейся неважною, *Правительство* было вездѣ, гдѣ находился Первый Консулъ; другимъ же двумъ Консуламъ, какъ будто сказано было что они даже и по наружности ничего не значатъ что и указы Правительства, коихъ подписание, въ продолженіе Марингскаго похода было представлено Камбассересу,— могли быть издаваемы во всѣхъ городахъ Франціи и

Бельгии, чрезъ которые проѣзжалъ Первый Консулъ въ продолженіе его несчастной поездки. По присоединеніи имъ такимъ образомъ себѣ всего управленія Республики, актеры театра Республики по естественному послѣдствію дѣлались уже актерами Наполеона и очень просто было, что онъ въ первый разъ заставилъ ихъ ѣздить съ собою для того чтобы ослѣпить жителей тѣхъ городовъ гдѣ онъ останавливался, блескомъ представленій. Все это шло рядомъ съ возстановленіемъ единодержавія и не одно только это. Въ тоже время онъ открылъ врата множеству старинныхъ обычаевъ; дозволилъ Орлеану возобновленіе праздника Дѣвственницы и раздѣлилъ Институтъ на четыре разряда, долженствовавшіе напоминать прежнюю Академію, которой однакоже онъ отринулъ названіе не смотря на желаніе и на проски Сюара и Аббата Морелле, которые въ этомъ отношеніи преклонили Луціана.

Однакожъ, учреждая это раздѣленіе, Первый Консулъ не предоставилъ разрядамъ Института тѣхъ степеней, которыя они занимали прежде, какъ Академіи. На первую степень поставилъ онъ Науки и только на вторую, прежнюю Французскую Академію. Я долженъ признаться, что судя по тому состоянію, въ которомъ находилась Литература въ сравненіи съ состояніемъ Наукъ, Первый Консулъ не былъ не правъ.

Шатобрiанъ, о которомъ я буду говорить въ послѣдствіи и о которомъ Бонапартъ часто со мною разговаривалъ, только что появился тогда на поприщѣ литературы, на которомъ онъ долженствовалъ сдѣлать столько усильевъ; и хотя во Французской словесности были люди съ большими талантами, какъ-то Ла Гарпъ, умершій при Консульствѣ, Дюсенъ, Бернарденъ де Сен-Пьерръ, Невье и Демерсе, но ихъ нельзя было равнять съ Лагранжами, Ланласами, Монжами, Фуркруа, Бертолетами и Кювье, коихъ труды столь значительно отодвинули границы человѣческихъ познаній. Носему никто не ропталъ на то, что разрядъ Наукъ Института взялъ первенство предъ старшимъ своимъ братомъ. Притомъ же Первый Консуль не былъ недоволенъ тѣмъ, что поступаая такимъ образомъ, онъ обнаруживаетъ свое малое уваженіе къ Литераторамъ. Разговаривая о нихъ со мною, онъ называлъ ихъ пустословами; онъ не могъ простить имъ превосходства ихъ въ такомъ родѣ, въ которомъ самъ онъ вовсе не отличался и кромѣ нѣсколькихъ особенныхъ случаевъ, я никогда не зналъ чловѣка, болѣе нечувствительнаго какъ Бонапартъ къ прекраснымъ стихамъ или къ прозѣ. Но неопредѣленности, царствовавшей въ умѣ его, по всегдашней энергіи его характера и пожеланію относить все къ себѣ,—онъ любилъ мрачность Оссіановой поэзіи и высо-

кія мысли Корнеля. Отсюда прозвонило его, почти исключительное предубѣжденіе къ этимъ двумъ авторамъ. Впрочемъ, лучшія произведенія нашей литературы казались ему только наборомъ звучныхъ словъ, не имѣющихъ смысла и которыя по его мнѣнію, дѣйствовали на одинъ только слухъ.

Пренебреженіе, или лучше сказать отвращеніе Бонапарте къ Литературѣ, въ особенности относилось къ нѣкоторымъ людямъ, успѣшно ею занимавшимся; онъ ненавидѣлъ Шенье, а еще того болѣе Дюссиса. Онъ не могъ простить Шенье Республканскія правила, наполнившія его трагедіи; а Дюссисъ невольнымъ образомъ возбуждалъ въ немъ ненависть. Впрочемъ и Дюссисъ исправно платилъ ему тѣмъ же и я помню что онъ написалъ стихи, непростительно наглые, потому что они выходили изъ всякихъ границъ истины. Бонапарте представлялъ собою такую странную смѣсь добра и зла, что ограничась изображеніемъ его въ одномъ только изъ этихъ видовъ, ему можно было написать похвалу или сатиру, не имѣя надобности выходить изъ предѣловъ правды. Изъ сочиненій Бернардена де Сен-Пьера, Бонапарте очень любилъ романъ *Павель и Виргинія* потому что онъ читалъ его въ дѣтствѣ. Я помню что однажды, взявъ почитать *Изученія Природы* (*Les Etudes de la Nature*), онъ черезъ четверть часа

съ досадою бросилъ книгу и сказалъ мнѣ: «Какъ можно читать такой вздоръ! это плоско, безъ смысла; тутъ ничего нѣтъ; это бредни мечтателя! Что такое есть Природа? ... Природа! ... Это неопредѣлительно, ничего не означаетъ. Люди и страсти, вотъ это другое дѣло; вотъ что должно описывать; это что нибудь говорить; такіе люди ни къ чему не годятся ни при какомъ Правительствѣ! Я однакожь дамъ имъ пансіоны потому что я обязанъ къ тому какъ Глава Правительства; они занимаютъ, они забавляютъ праздныхъ; но я сдѣлаю Лагранжа Сенаторомъ; вотъ это голова!»

Изъ того что Бонапарте съ такимъ пренебреженіемъ отзывался о литераторахъ, не должно заключать что онъ дурно поступалъ съ ними; напротивъ того, онъ очень ласково обходился со всѣми, которые были принимаемы въ Мальмезонѣ. Г. Лемерсье чаще прочихъ ѣздилъ и Г-жа Бонапарте видѣла его съ наибольшимъ удовольствіемъ. Что касается до Наполеона, то онъ оказывалъ Лемерсье много ласкъ, но не любилъ его. Качество литератора, поэта, соединенное съ республиканскимъ духомъ, было болѣе чѣмъ достаточно для объясненія неприязни Наполеона. Онъ боялся Лемерсье и пера его и Глава Правительства, что съ нимъ неоднократно случалось, играть ролью царедворца лбсга писателю; а ужъ конечно онъ не

стать бы дѣлать съ нимъ столько околичностей, еслибъ онъ могъ надѣяться включить Г-на Лемерсье въ число тѣхъ поэтовъ, которые отъ времени до времени являлись къ Фуше, а послѣ того къ Герцогу Ровинго получать награды по пятидесяти и по стгу луйдоровъ, изъ которыхъ не выходило и по ефимку за каждую подлость. Были изъ нихъ даже такіе, которые воспѣли Московскій пожаръ, какъ прекраснѣйшее дѣло Русскаго похода.

Г. Лемерсье одинъ только изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ отказался отъ креста Почетнаго Легіона. Я видѣлъ его въ эту эпоху и помню что онъ прочиталъ мнѣ письмо, при которомъ былъ возвращенъ крестъ. Это письмо было благородно, просто и выразительно. Еслибъ у меня осталась съ него копія, то она конечно была бы помѣщена въ этихъ Запискахъ; но находясь теперь въ удаленіи отъ Парижа, я не имѣю никакихъ средствъ достать ее; будучи принужденъ такъ часто говорить о наушникахъ Бонапарте, - я за большое считаю удовольствіе произносить иногда такіа имена, къ коимъ относятся одни только почетныя воспоминанія.

Я объявлялъ общую неприязнь, оцущаемую Наполеономъ ко всѣмъ литераторамъ. Это было у него менѣе сѣдствіемъ предубѣжденія, чѣмъ потребностью его характера. Нужно время для того чтобы оцѣнивать, для того чтобы

только читать литературныя произведенія; а время было столь для него дорого, что онъ бы желалъ такъ сказать сократить даже прямую линію; а потому онъ и любилъ только тѣхъ людей, которые занимались вещами положительными, точными, заключающимися въ кругу, въ который никакъ нельзя было ввести никакой хулы на счетъ управленія, никакихъ мыслей о Правительствѣ. Онъ очень неблагопріятно смотрѣлъ на экономистовъ, на публицистовъ и на всѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ занимались законодательствомъ, учрежденіями и нравственными усовершенствованіями. Ненависть, которую внушали ему этого рода занятія, очень ознаменовалась при раздѣленіи Института, мною упомянутомъ. Дозволивъ одному литературному сословію обратиться по прежнему въ числѣ сорока, онъ уничтожилъ разрядъ нравственныхъ и политическихъ наукъ. Бонапарте продолжалъ считаться въ первомъ разрядѣ, а Луціанъ вступилъ во второй. Какъ бы то ни было, а судя по сказанному мною и вспоминая какого рода были труды людей того времени, можно было составить списокъ тѣхъ, которые пользовались пріязнью Бонапарте или къ которымъ онъ питалъ ненависть; въ особенности же не должно вѣрять истинѣ расположенія, которое выгоды часто заставляли его показывать людямъ, имъ исклю-

бимымъ. Склонность его къ положительнымъ вещамъ такъ была сильна, что даже и въ наукахъ, онъ любилъ только то что относилось къ землѣ; а посему онъ никогда не оказывалъ Лаланду такого же отличія какъ Монжу и Лагранжу. Астрономическія открытія не могли непосредственно прибавить его собственнаго величія; а притомъ онъ никогда не могъ простить Лаланду того что онъ хотѣлъ помѣстить его въ свой Слюварь безбожниковъ въ ту самую минуту, какъ онъ завелъ переговоры съ Римскимъ Дворомъ.

Бонапарте хотѣлъ быть единственнымъ средоточіемъ міра, къ управленію конемъ, онъ считалъ себя предназначеннымъ; вотъ почему онъ никогда не переставалъ заботиться о томъ чтобы отдать все учрежденія въ руки главы Государства. Доказательство сему можно было видѣть при возстановленіи общественнаго просвѣщенія. Онъ хотѣлъ чтобы на счетъ Правительства было содержимо шесть тысячъ воспитанниковъ и чтобы ему предоставлялось назначеніе на все эти мѣста, дабы такимъ образомъ, имѣя у себя въ исключительномъ распоряженіи способы воспитанія, онъ бы доставлялъ ихъ дѣтямъ только тѣхъ людей, которые показали бы ему слѣдную преданность. Вотъ что Первый Консулъ называлъ возстановленіемъ общественнаго воспитанія. Въ то время какъ я находился въ самыхъ короткихъ съ нимъ сношеніяхъ, онъ ча-

его говорилъ мнѣ объ этомъ предметѣ и безъ истеричнѣй слушала моя замѣчанія; я помню что однимъ изъ главныхъ его доводовъ было: «Что отличаетъ людей? воспитаніе, неправда ли. Итакъ! если дѣти Дворянъ будутъ принимаемы въ Лицеи, то они получаютъ такое же воспитаніе какъ дѣти новыхъ людей, составляющихъ силу моего Правительства; наконецъ они вступятъ Офицерами въ полки мои и естественнымъ образомъ войдутъ въ соперничество съ тѣми, которыхъ они считаютъ ограбившими ихъ семейства. Я не хочу этого!»

Воспоминанія мои отдалили меня нѣсколько отъ того, что я говорилъ о путешествіи Перваго Консула съ Г-жею Бонапарте къ Сѣвернымъ берегамъ и въ Бельгію; и какъ я при ономъ не находился, то лучше желаю чтонибудь пропустить, чѣмъ написать такія вещи, въ точности коихъ я не увѣренъ. Помню только, что сопутствовавшіе Наполеону военные, въ особенности Лористонъ и Раншъ, рассказывая мнѣ объ этомъ путешествіи, не могли не обнаружить неудовольствія своего за отличія, которыя Бонапарте оказывали духовенству; напримеръ Г-ну Рокелору, бывшему тогда Архієпископомъ Малинскимъ. Этотъ Прелатъ, чловѣкъ съ большимъ умомъ и слывшій въ своей молодости очень свѣтскимъ Аббатомъ, сдѣлался духовнымъ царедворцемъ. Пріѣхавъ въ Ант-

вернень для засвидѣтельствованія своего почтенія Первому Консулу, онъ не поскупился осыпать его самыми преувеличенными похвалами; послѣ чего, обратясь къ Г-жѣ Бонапарте, онъ сказалъ ей:

«Милостивѣйшая Государыня,

«Соединясь съ Первымъ Консуломъ *святицы* *узлы святаго союза*, вы находитесь нынѣ окруженною его славою. Вы приобрѣли право на это положеніе пріятностями вашего ума, любезностью вашего характера и прелестью вашего общества. Продолжайте, милостивѣйшая Государыня обладать этими привлекательными качествами, дарованными вамъ тѣмъ, отъ кого исходитъ всякая благодать; они будутъ для вашего Августѣйшаго супруга пріятнымъ отдохновеніемъ отъ обширныхъ и тяжелыхъ трудовъ, подъемлемыхъ имъ ежедневно изъ любви къ отечеству. Если наши мольбы ни обѣты утвердятъ вашу взаимную судьбину, то вы осчастливите другъ друга и мы также будемъ счастливы вашимъ взаимнымъ благополучіемъ.»

Я подчеркнулъ нѣкоторыя слова этой краткой рѣчи, гдѣ духовное поученіе чрезвычайно какъ хорошо соединено со свѣтскими привѣтствіями; не слишкомъ ли нарушены духовныя приличія тѣмъ что тутъ упомянуто о *святичныхъ узлахъ святаго союза* тогда какъ всѣмъ

было извѣстно, что эти узы и союзъ существовали только по гражданскому договору? или Г. Рокелоръ сказалъ это съ умысломъ, дабы заставить супруговъ сдѣлать то, съ чѣмъ онъ поздравлялъ ихъ, какъ будто бы они сіе уже исполнили? Пусть выберутъ, которое угодно изъ этихъ предположеній, я не вступаю ни за то, ни за другое; но какъ бы то ни было а эта подделанная рѣчь пріобрѣла Г. Рокелору благоволеніе Перваго Консула, который вскорѣ послѣ того помѣстилъ его во второй разрядъ Института.

Первый Консулъ возвратился въ Сен-Клу 12 Августа. Возвращеніе его было поводомъ къ новымъ поздравленіямъ и къ новымъ адресамъ, въ коихъ выраженія лести не только не истощились, но казалось сдѣланы новые успѣхи. Расточаемыя ему ласкательства сдѣланы уже его столь взыскательнымъ въ этомъ родѣ поклоненія, что онъ изъявилъ свое неудовольствіе за то что адресъ Префекта Герольтскаго Департамента былъ написанъ совокупно къ тремъ Консуламъ, а не къ одному Первому Консулу.— Что касается до меня то я продолжалъ жить очень уединенно не выдавъ Бонапарту послѣ нашей разлуки; но приближалась минута, когда мы должны были свиданіе, какъ то увидать въ слѣдующей главѣ.

Г Л А В А XVIII.

Тамплъ и подозрительныя. — Кознодѣи Европы. — Война товарамъ. — Строгія мѣры. — Приступъ къ Конституціонной системѣ. — Бомбардированіе Гранвилля. — Отрѣшеніе двухъ помощниковъ Мера. — Я поѣзжаю къ Первому Консулу. — Страхъ свиданія. — Неоправдавшаяся боязнь. — Первые слова Наполеона. — Любезность его со мною. — Вопросы. — Отзывъ Бонапарте о моемъ замыслѣ высадки въ Англію. — Обманутая Европа. — Корабли, построенные отъ городовъ. — Флотилія. — Англійскія карикатуры. — Тайна отъ Раппа и Дюрока. — Французскіе матросы.

Прошло уже то время, когда Бонапарте, недавно сдѣлавшійся Консуломъ, ѣздилъ въ Тамплъ съ тѣмъ чтобы непосредственною своею властью немедленно освободить жертвы закона о подозрительныхъ. Вскорѣ эта Государственная

темница долженствовала наполниться по приказаніямъ его Полиціи. Всѣ Европейскіе козводы были въ движеніи; они всякой день пріѣзжали изъ Англіи и не въ состояніи будучи проникнуть во внутренность Франціи, жили въ городахъ, близкихъ къ границамъ, заводя отсюда переписку и распространяя бранныя сочиненія, которыя они пересылали въ Парижъ чрезъ почту въ видѣ писемъ.

Съ другой стороны Первый Консуль, видя повсюду дѣйствія Англіи, неограниченно предавался естественной раздражительности, которую внушала ему эта Держава со времени объявленія войны; ему извѣстно было что дѣйствительнѣе всего онъ могъ воевать противъ Англичанъ, объявивъ войну ихъ товарамъ.

Для приступа къ Конституцѣиальной системѣ, Первый Консуль повелѣлъ принять всѣ возможные стѣснительныя мѣры противъ ввоза Англійскихъ товаровъ и издалъ на этотъ предметъ длинный указъ, коимъ предписывалось всѣмъ военнымъ постами, жандармамъ, служащей пародной Гвардіи и всѣмъ вообще чиновникамъ брать подъ стражу всѣхъ людей, которые будутъ ввозить предметы Англійскаго издѣлія или торговли, будутъ продавать или складывать ихъ во внутренности Франціи или покусятся провозить запрещенные товары. Обличенные должныствовали немедленно быть заклю-

чаемы въ ближайшія тюрьмы. Тѣ, которые употреблять силу для провозенія товаровъ, подвергнуты сужденію особыхъ судовъ а извѣстно какъ рѣшали тогда дѣла эти особые суды; словомъ сказать Бонапарте собралъ въ этомъ указѣ все, что законы могли допустить наиболѣе строгаго.

Я въ послѣдствіи буду говорить о Континентальной Системѣ, и опишу причины оной и послѣдствія, которыя я видѣлъ и могъ надлежащимъ образомъ оцѣнить; теперь это значило бы напередъ говорить о эпохѣ пребыванія моего въ Гамбургѣ гдѣ я видѣлъ вещи не менѣе любопытныя и не болѣе извѣстныя какъ и тѣ, которыя произошли при моихъ глазахъ въ кабинетъ Наполеона. Еслибъ это не сочли притязаніемъ, то я могъ бы сказать что видѣвъ прежде точку откуда бомбы были пускаемы,—черезъ данное мнѣ порученіе я получилъ возможность видѣть также мѣста гдѣ бомбы разрывались и судить о дѣйствіи, производимомъ ихъ разрывомъ.

Первый Консулъ не безъ причины предавался раздражительности противъ Англичанъ; извѣстія, получаемыя въ Парижѣ съ Сѣверныхъ береговъ, не очень его успокоивали; Англіійскіе флоты, не только содержали въ блокадѣ порты Франціи, но открыли наступательныя дѣйствія бомбардированіемъ Гранвилля. Меръ этого города исполнилъ долгъ свой; но помощники

его, *болѣе осторожные*, поступили инымъ образомъ и Бонапарте, въ пылу своего гнѣва, издалъ слѣдующій указъ:

Статья 1-я. Почетный шарфъ будетъ данъ Гражданину Летуриёру, Гранвильскому Меру за отличное поведеніе его во время бомбардированія-

Статья 2-я. Граждане Буанель-Дюбюиссонъ и Малиаръ, оба помощники Мера, изъ коихъ одинъ удался въ деревню а другой подалъ въ отставку въ то время какъ предъ городомъ находился непріятель, отрываются отъ должностей своихъ; ибо трусы не могутъ оставаться начальниками такой Думы, какъ Гранвильская.»

Выраженія этого указа были нѣсколько суровы, но они оправдывались поведеніемъ тѣхъ, которые оставили мѣста свои въ опасную минуту.

Я дошелъ теперь до вопроса о высадкѣ въ Англію и сообщу что говорилъ мнѣ объ этомъ предметѣ Первый Консулъ.

Я сказалъ что Бонапарте никогда не имѣлъ мысли привести въ исполненіе высадку въ Англію: истина этого показанія обнаружится изъ разговора, который я имѣлъ съ нимъ по возвращеніи его изъ поѣздки къ Сѣвернымъ берегамъ, и я долженъ сказать что въ этомъ разговорѣ онъ объяснился согласно съ тѣмъ, какъ онъ прежде говорилъ мнѣ о своихъ замыслахъ

и о возможныхъ вѣщахъ, къ коимъ судьба могла его принудить.

Прошло около семи мѣсяцевъ со времени разрыва Амѣнскаго мира, когда, 15 Декабря 1803 года, Первый Консулъ приказалъ позвать меня въ Тюліери. Я еще очень помнилъ его невѣроятный со мною поступокъ, и какъ притомъ прошло уже болѣе года съ тѣхъ поръ какъ мы съ нимъ не видались, то признаюсь, что я не очень былъ покоенъ. Мнѣ позволительно было, послѣ всѣхъ подлостей враговъ моихъ, страшиться дѣйствія какой нибудь новой клеветы, въ особенности когда ненависть ихъ была на минуту встревожена изъязвленнымъ Наполеономъ въ Булони желаніемъ возвратить меня къ себѣ. Притомъ же онъ зналъ, что у меня находились бумаги и матеріалы, съ помощью коихъ я могъ написать его исторію, основанную на истинныхъ событіяхъ и могшую разсѣять ослѣпленіе, въ коемъ поклонники его старались содержать публику даже послѣ его смерти. Я сказалъ уже что тогда я не имѣлъ этого намѣренія, но тѣ которые безпрестанно старались раздражать его противъ меня, очень были способны внушить ему это опасеніе. Какъ бы то ни было, а я очень боялся чтобы онъ не вздумалъ послать меня ночевать въ Венсенъ. Я долженъ однакоже признаться, что страхъ мой былъ совершенно минимъ; въ тотъ день, когда меня

позвали, Ранпъ былъ дежурнымъ и я не скрывать отъ него питасмыхъ мною мыслей о возможныхъ послѣдствіяхъ моего посѣщенія. «Ты можешь быть спокоенъ,» сказалъ мнѣ Ранпъ, «Первый Консулъ хочетъ поговорить съ тобою;» и потомъ доложилъ обо мнѣ.

Бонапартъ вышелъ въ большую залу, гдѣ я его дожидаясь и самымъ ласковымъ образомъ подошелъ ко мнѣ. Послѣ своихъ обыкновенныхъ шутокъ онъ сказалъ мнѣ: «Ну что говорить эфяки о моихъ приготовленіяхъ къ высадкѣ? — Генераль, на этотъ счетъ мнѣнія очень различны: всякой толкуетъ по своему. Сюшетъ напримѣръ, съ которымъ я довольно часто выдаюсь, не сомнѣвается въ томъ что она будетъ произведена и надѣется при этомъ случаѣ представить вамъ новое доказательство своей признательности и преданности. — (*) По Сюшетъ сказывалъ мнѣ что ты не вѣришь этой высадкѣ? — Правда что я вовсе ей не вѣрю. — Отъ чего же? — Отъ того что вы мнѣ говорили въ Антверпенѣ пять лѣтъ тому назадъ, что вы не хотите играть Францію въ кости; что эта попытка слишкомъ опасна; а съ тѣхъ поръ, въ этомъ отношеніи ничто не перемѣнилось. — Такъ точно, ты правъ; очень глупы тѣ, ко-

(*) Генераль Сюшетъ отправился въ 1804 году начальствовать Дивизію въ Булонскомъ лагерѣ.

торые вѣрятъ высадкѣ. Они не съ настоящей стороны смотрятъ на эту вещь. Я конечно могу сдѣлать высадку со ста тысячами человѣкъ. Непріятель дастъ мнѣ большое сраженіе: я выиграю его: но надобно положить тысячъ тридцать убитыхъ, раненыхъ и пленныхъ. Если я пойду къ Лондону, то меня ожидаетъ второе сраженіе: предположивъ что и оно будетъ удачно, что дѣлать въ Лондонѣ съ армією, уменьшенною тремя четвертями и безъ надежды на подкрѣпленіе? это была бы глупость. Пока мы не достигнемъ превосходства нашимъ флотомъ, никогда не должно и помышлять о такомъ замыслѣ. Великій сборъ войскъ на Сѣверѣ имѣетъ другую цѣль. Надобно, чтобы мое Правительство было первымъ или чтобы оно пало.» (*)

(*) Наполеонъ разсуждалъ на островѣ Св. Элены съ Г. Ласъ-Казомъ объ этомъ вторженіи; онъ сказалъ совѣтъ не то что мною приведено. Онъ говорилъ только объ общемъ сраженіи, которое рѣшило бы жребій Англіи. *Я бы вступилъ туда не завоевателемъ,*» говоритъ онъ еще на островѣ Св. Элены *«но освободителемъ.* — Освободителемъ, — чего? Бонапарте лучше великаго другаго зналъ какъ трудно покорить Государство сильное, могущественное и согласное; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ притворныхъ приготовленій противъ Англіи, онъ увидѣвъ доказательство этой истины, начертанное кровавыми буквами въ Испаніи. Соккупленіе естественныхъ причинъ всегда производитъ гибель вторгнувшейся арміи: сила вещей того требуетъ. Конечно

И такъ Бонапарте весьма очевидно хотѣлъ обмануть весь свѣтъ на счетъ своихъ настоящихъ замысловъ и успѣлъ въ томъ. Онъ желалъ чтобы повѣрили намѣренію высадки въ Англію дабы обратить вниманіе Европы въ эту сторону; и это можно причислить къ искусѣйшимъ дѣйствіямъ его политики; для сего были сдѣланы всѣ приготовленія лѣтомъ 1803 года. Въ продолженіе поѣздки своей на Сѣверъ, въ Дюнкирхенъ разсмотрѣлъ онъ всѣ проекты улучшенія различныхъ портовъ, имъ посѣщенныхъ. Тамъ онъ старался притвориться будто бы хочетъ сдѣлать высадку, громко говоря о дальнѣйшихъ своихъ видахъ на Англію и самыя прозорливые люди дались въ обманъ.

Изъ Дюнкирхена Первый Консулъ отправился въ Антверпенъ, куда онъ также созвалъ самыхъ опытныхъ людей, дабы узнать ихъ мнѣніе о вѣрнѣйшемъ способѣ произведенія высадки, которая никогда не долженствовала свершиться. Послѣ долгихъ преній, отмѣнили употребленіе для сего большихъ кораблей и рѣ-

для забавы Бонапарте сказалъ на островѣ Св. Элены что четырехъ дней было бы достаточно для того чтобы дойти до Лондона и что природа сдѣлала Англію однимъ изъ нашихъ острововъ, подобно Олерону и Корсикѣ. Я пробылъ съ Первымъ Консуломъ полтора часа и въ это время, онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова, согласнаго съ показаніями его на островѣ Св. Элены.

шились приготовить флотилію; въ слѣдствіе чего и приказанія были отданы. Города предложили построить на свой счетъ корабли, что однакожь не исполнилось; даже въ самомъ Парижѣ настроили судовъ, предназначенныхъ для перевезенія войскъ въ Англію, но которымъ не суждено было когда либо увидѣть берега Великобританскаго острова. Это множество лодокъ и плоскодонныхъ судовъ, только что начатыхъ или совершенно оконченныхъ ни къ чему не послужило (*).

Я внимательно наблюдалъ за этою безплодною попыткою ибо послѣ моей большой работы, я совершенно оставался на досугѣ. Я помню что она служила общимъ предметомъ насмѣшекъ и я вмѣстѣ съ прочими убѣдился въ томъ, что трудно было придумать вещь столь дорогую, столь бесполезную и столь странную. Въ эту эпоху очень напрасно осуждали Моро за то, что онъ не вступилъ въ службу въ Булонскомъ лагерѣ. Я отъ него зналъ что онъ не вѣрилъ успѣху этого пред-

(*) Въ Лондонѣ явилась тогда карикатура, которая была послана въ Парижъ и тщательно отбираема Полиціею. Первый Консулъ видѣлъ ее и очень разсердился. Французскій флотъ былъ на ней изображенъ множествомъ ореховыхъ скорлупъ; Англійскій матросъ, сидя на скалѣ, спокойно курилъ трубку, которой дымъ логонялъ всю эскадру.

пріятія, которому онъ приписывать другіе виды. Это была война вторженія.

Осмотрѣвъ Бельгію и отдавъ всѣ приказанія, Первый Консулъ возвратился изъ Брюсселя въ Парижъ чрезъ Мاستрихтъ, Литтихъ и Суассонъ.

Всѣмъ извѣстно расположеніе Булонскаго лагеря, который простирался отъ Этанля до Бланкенберга, плохой рыбацкѣй гавани, находящейся въ четырехъ миляхъ къ Сѣверу отъ Остенде.

Невѣроятная дѣятельность, обнаруженная Первымъ Консуломъ въ продолженіе всего этого года, заслуживала особенное замѣчаніе. Дюрокъ и Раншъ, которые съ нимъ не расставались и съ которыми я продолжалъ дружески видаться, говорили мнѣ объ оной съ восторгомъ; но изъ словъ ихъ я увидѣлъ, что и имъ самимъ Бонапарте не открылъ тайну высадки; ибо они твердо въ ней были увѣрены. Однакожь достаточно было разсудить только о настоящемъ состояніи флота для того чтобы почувствовать всю невозможность оной; ибо если солдатъ и можно наскоро приготовить, но съ матросами совсѣмъ дѣло иное, а небольшое число опытныхъ мореходцевъ отправилось для вступленія во владѣніе частичками колоній, которыя были намъ возвращены Аміенскимъ ми-

ромъ. Удаленіе ихъ было вдвойнѣ несчастливо: во первыхъ потому что они были бы нужны для обороны береговъ, а во вторыхъ потому что кораблямъ нашимъ, разсѣяннымъ по морямъ, казалось предназначено было сдѣлаться добычею Англичанъ.

Г Л А В А XIX.

Скрытые ковы. — Фонтъ-Борель. — Намѣреніе помирить Моро съ Пишегрю — Пренебреженіе Наполеона. — Разница въ положеніи между Моро и Пишегрю. — Необходимое вступленіе. — Великое дѣло при концѣ Консульства. — Планъ и дѣйствія Фуше. — Мои сношенія съ Фуше. — Пророческія рѣчи. — Аббатъ Давидъ и Лажоле. — Порученіе въ Лондонъ. — Записка Фуше Первому Консулу. — Воздухъ, наполненный книжалами. — Отъѣздъ въ Пон-Карре и скорый призывъ Фуше въ Тюііери. — Ренье, обманутый своими агентами. — Я позванъ къ Первому Консулу. — Негодованіе Наполеона на слухи, распространенные о Гортензін. — Истина на счетъ этой клеветы. — Общаніе мое Первому Консулу. — Страшное открытіе. — Братья Фуше. — Смерть ихъ. — Письмо предъ смертью. — Большой выходъ. — Разговоръ съ Дюрокомъ. — Заблужденіе Дюрока на счетъ Моро.

Еще прежде призыва меня въ Тюііери, мною описаннаго и даже до разрыва Аміенскаго мира,

пронырливые люди, коихъ избытокъ усердія не менѣе былъ пагубенъ дѣлу Бурбоновъ, какъ и Первому Консулу слѣпая преданность его раболѣпныхъ — слугъ, начали устраивать скрытные ковы, не могшія имѣть никакихъ благопріятныхъ послѣдствій. Между этими затѣйщиками мелкихъ козней, съ давняго времени въ особенности отличался бывшій Нёшательскій книгопродавецъ по имени Фошъ-Борель, о которомъ я имѣлъ уже случай говорить въ первой части моихъ Записокъ при описаніи порученія, даннаго ему отъ имени Принца Конде къ Генералу Пишегрю. Фошъ-Борель, косоцѣлю было всегдашнее движеніе и который только того и желалъ чтобъ быть на виду и получать деньги, не пропустилъ пріѣхать во Францію какъ только Аміенскій договоръ открылъ ему въ оную вѣздь. Я находился еще при Бонапартѣ, который зналъ всѣ эти мелочныя козни и самъ вовсе объ нихъ не заботился, предоставляя своей Полиціи наблюдать за зачинщиками оныхъ.

Порученность Фошъ-Бореля имѣла цѣлью примиреніе Моро съ Пишегрю; Генералъ сей, сосланный осмнадцатаго Фруктидора, не могъ выпросить себѣ у Перваго Консула дозволенія возвратиться во Францію; онъ жилъ въ Англіи ожидая благопріятнаго случая къ исполненію своихъ давнишнихъ замысловъ. Моро

былъ въ Парижѣ, но никогда не являлся на аудіенціи и въ собранія Перваго Консула; и неприязнь къ Наполеону, Генераломъ Пишегрю объявленная, а Генераломъ Моро еще скрываемая, ни для кого не была уже тайною; но какъ все улыбалось Первому Консулу, то онъ болѣе показывалъ пренебреженія, чѣмъ боязни къ нерасположенію этихъ двухъ Генераловъ, будучи впрочемъ обеспечиваемъ удаленіемъ одного изъ нихъ и характеромъ другаго. Имя Моро имѣло гораздо болѣе вѣсу въ арміи чѣмъ имя Пишегрю и замышлявшіе ниспровергнуть Консульское Правленіе очень понимали что нельзя ни въ чемъ надѣяться успѣха безъ содѣйствія Моро. Минута не была благоприятна; но, посвященные въ нѣкоторыя тайны Британскаго кабинета, они знали что миръ былъ не что иное какъ перемиріе и для нихъ важно было воспользоваться этимъ перемиріемъ дабы заблаговременно устроить примиреніе, которое могло въ послѣдствіи произвести общность выгодъ. Моро и Пишегрю дѣйствительно были между собою въ размолвкѣ, съ тѣхъ поръ какъ Моро отослалъ Директоріи бумаги, захваченныя въ обозѣ Г. Клинглина и столь очевидно доказавшія измѣну Пишегрю. Съ этой эпохи, имя Пишегрю не имѣло болѣе вліянія на духъ арміи, въ коей у него оставалось уже очень мало приверженцевъ, между тѣмъ какъ

нмя Моро было любезно всѣмъ тѣмъ, которые пообѣждали подъ его предводительствомъ.

Попытка Фонтъ-Борея только причинили вредъ Моро не склонивъ его ни къ чему; врожденная его беспечность а можетъ быть и здравый смыслъ внушили ему правило что должно давать людямъ и вещамъ время пообноситься ибо часто выжиданіе въ политикѣ не менѣе полезно какъ и на войнѣ. Притомъ же Моро былъ искренній Республиканецъ и еслибъ нерѣшительность его позволила ему пристать къ какой либо партіи, то нѣтъ никакого сомнѣнія что онъ не сталъ бы трудиться для возстановленія Бурбоновъ, коего хотѣлъ Пинегрю.

Сказанное мною можетъ быть сочтено какъ бы необходимымъ вступленіемъ къ кознямъ, болѣе важнымъ, предшествовавшимъ великому дѣлу въ концѣ Консульства, т. е. къ заговору Жоржа Кадудая, Моро и Пинегрю и къ неслыханному пятну Наполеоновоу жизни,— къ смерти Герцога Ангенскаго. О заговорѣ Жоржа изложено много мнѣній; не хочу ни которому изъ нихъ противорѣчить; скажу только что я узналъ и что я видѣлъ, дабы озарить нѣкоторымъ свѣтомъ это ужасное и таинственное дѣло. Я далекъ отъ того чтобы вѣрить, какъ написано во многихъ сочиненіяхъ, будто бы онъ былъ устроенъ съ тѣмъ чтобы приготовить Первому Консулу дорогу къ престолу. Я пола-

гаю что заговоръ сей, составленный тѣми которые находили въ немъ свои выгоды, былъ вспомоцествуемъ отставнымъ Министромъ Полиціи Фуше, который надѣялся этимъ проложить себѣ путь къ полученію вновь этой должности. Не оспариваю ничьего мнѣнія; но да позволено мнѣ будетъ представить мое собственное и привести въ подтвержденіе онаго нѣкоторыя сближенія обстоятельствъ.

Фуше хорошо зналъ Перваго Консула. Онъ не забылъ сказаннаго имъ Сенату въ письмѣ 15 Сентября 1802 года. *Полицейный въ лоно Сената, если иныя обстоятельства потребуютъ опять Министра Полиціи, то Правительство не найдетъ другаго, болѣе достойнаго его довѣренности.* Фуше, по моему мнѣнію благопріятствовалъ возрожденію *этихъ обстоятельствъ*. Сказанное мною въ моихъ Запискахъ о Полиціи, много объяснитъ темныя сцены этой трагедіи.

Ежедневныя и принужденныя сношенія, которыя я имѣлъ съ Фуше въ продолженіе почти трехъ лѣтъ до уничтоженія его Министерства, были поводомъ къ частымъ моимъ съ нимъ свиданіямъ тогда какъ онъ находился въ Сенатѣ, а я въ толпѣ. Я бывалъ у него въ помѣстьяхъ его Понкарре и въ городѣ, въ Бакской улицѣ, гдѣ онъ занималъ тотъ самый домъ, который служилъ мѣстомъ сборища именитѣй-

шихъ лицъ Революціи. Въ разговорахъ своихъ Фуше часто твердилъ мнѣ съ увѣренностью, которой я не могъ себѣ объяснить что Первый Консулъ опять къ нему обратится. Онъ нисколько въ этомъ не сомнѣвался. «Ренье,» говорилъ онъ, «слишкомъ охотникъ распространять вѣсти и слишкомъ глупъ для управленія Полицію; онъ введетъ Перваго Консула въ какія нибудь сѣти.»

Признаюсь что я не считалъ слишкомъ важными этихъ рѣчей. Я приписывалъ ихъ чувству тщеславія, сильному желанію опять получить прежнее мѣсто и высокому мнѣнію о своихъ способностяхъ, которое публика часто ободряла своими преувеличенными похвалами. Съ другой стороны я очень хорошо зналъ отвращеніе къ нему Перваго Консула и часто былъ онаго свидѣтелемъ; у меня еще въ свѣжей памяти была радость Перваго Консула тогда какъ наконецъ онъ рѣшился избавиться отъ Фуше и не перемѣнивъ Министра другимъ, какъ выше сказано, а уничтоживъ Министерство.

Фуше не терялъ изъ вида родъ обязательства Перваго Консула, хотя это обязательство было только условное—ибо, если онъ любилъ власть, то еще болѣе любилъ богатство; а управленіе Министерствомъ щедро доставляло ему чрезъ игры и другіе скрытныя сборы, средства удовлетворять своимъ расходамъ и значительнымъ

пріобрѣтеніямъ земель въ Бри; читатели видѣли что эти пріобрѣтенія не достигли еще предѣла, предположеннаго его честолюбіемъ. Онъ все еще имѣлъ сосѣдовъ, которые его беспокоили.

Дабы подтвердить мнѣніе мое о поведеніи Фуше и о его усиліяхъ попасть опять въ Министры, мнѣ бы слѣдовало прежде всего напомнить что въ концѣ 1803 года, нѣкоторые люди вознамѣрились помирить Моро съ Пишегрю; Фуше, отставленный изъ Министровъ, подсылалъ къ Моро людей своей партіи и его земляковъ, подстрекаемыхъ можетъ быть вовсе безъ ихъ вѣдома искуснымъ Фуше къ употребленію ихъ вліянія на умъ его и къ его раздраженію. Сначала къ этому употребили Аббата Давида, общаго пріятеля Моро и Пишегрю, которому было поручено ихъ помирить; но по задержаніи его и по заключеніи въ Тамплъ, мѣсто его заступилъ Лажоле, по всѣмъ вѣроятностямъ посланный отъ Фуше; онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ началъ устроить разные козни. Этотъ человекъ приготовилъ отъѣздъ изъ Лондона Пишегрю и друзей его и возвратился въ Парижъ для того чтобы возвѣстить о ихъ пріѣздѣ и устроить все для ихъ принятія и погубленія. Основаніемъ этого кова было неудовольствіе Моро. Я помню что однажды, въ концѣ Генваря 1804 года, я отправился къ Фуше въ Бакскую улицу около двухъ часовъ; карета

его была заложена и самъ онъ находился одинъ у себя въ кабинетѣ, собирався запечатать, написанное имъ въ эту самую минуту письмо къ Первому Консулу въ Сен-Клу. Онъ прочиталъ мнѣ это письмо, которое было не длинно и оканчивалось слѣдующими словами, очень меня поразившими: *воздухъ наполненъ кинжалами*. Предшествовавшее онымъ было нѣсколько темно; но вело къ этому заключенію, столь же неопредѣлительному, какъ и страшному. Въ припискѣ было сказано: *Я ѣду въ Пон-Карре*. «Какъ?» спросилъ я у него, «воздухъ наполненъ кинжалами, а вы оставляете Парижъ не съѣздивъ въ Сен-Клу для объясненія съ Первымъ Консуломъ?»—Я думаю что вы лучше его знаете: я посылаю письмо мое съ нарочнымъ; я не пробуду и часа въ Пон-Карре какъ получу приказаніе прѣхать въ Сен-Клу. Приходите ко мнѣ завтра: мы потолкуемъ.» Фуге отправилъ письмо свое и сѣлъ въ карету. Я увидѣлся съ нимъ на другой день: онъ сказалъ мнѣ что онъ справедливо предвидѣлъ долженствовавшее случиться; что едва вынелъ онъ изъ кареты какъ курьеръ привезъ ему приказаніе тотчасъ явиться въ Сен-Клу, гдѣ онъ имѣлъ съ Первымъ Консуломъ продолжительный разговоръ о весьма важномъ положеніи вещей. Первый Консулъ замѣтилъ ему что онъ доволенъ своею Полиціею и намекнулъ, что конечно желая придать

себѣ цѣны, онъ преувеличиваетъ опасность и важничаетъ собою. Фуше спросилъ у него, что онъ будетъ отвѣчать, если онъ скажетъ ему, что Жоржъ и Пишегрю нѣсколько времени уже находятся въ Парижѣ для заговора, о которомъ онъ ему докладывалъ. Первый Консуль, какъ бы восхищенный ошибкою Фуше, сказалъ ему съ насмѣшливымъ видомъ: «Ахъ! какъ вы хорошо знаете! Ренье только что получилъ изъ Лондона письмо, въ которомъ его извѣщаютъ, что Пишегрю три дня тому назадъ обѣдалъ кажется въ Кинстонѣ, близъ Лондона у одного изъ Министровъ Англійскаго Короля.» Видя что Фуше продолжаетъ настаивать въ своемъ показаніи, Первый Консуль послалъ въ Парижъ за Министромъ Юстиціи Ренье, который показалъ Фуше письмо свое. Первый Консуль восторжествовалъ было при этомъ, сдѣланномъ Фуше опроверженіи; но Фуше представилъ столько доводовъ и такъ ясно доказалъ присутствіе въ Парижѣ Жоржа и Пишегрю, что Ренье началъ опасаться того, что онъ обманутъ своими агентами, которымъ соперникъ его платилъ лучше чѣмъ онъ. Первый Консуль ясно увидѣвъ что прежній его Министръ знаетъ больше новаго; онъ отпустилъ Ренье и долго остался съ Фуше, который на этотъ разъ ни слова не упомянулъ о возстановленіи Министерства для того чтобы не произвести тревоги а только потребовалъ,

чтобы производство этого дѣла было поручено Реалю съ приказаніемъ повиноваться всѣмъ распоряженіямъ и наставленіямъ, которыя онъ отъ него получить. Я ниже опишу взятіе подъ стражу Моро и другихъ обвиненныхъ; но здѣсь считаю нужнымъ помѣстить длинный разговоръ, который я имѣлъ съ Бонапарте при этихъ важныхъ обстоятельствахъ.

8 Марта 1804 года, чрезъ нѣсколько времени послѣ взятія подъ стражу, но прежде отдачи подъ судъ Генерала Моро, коего потомство обвинить не въ этомъ заговорѣ а совсѣмъ въ иномъ дѣлѣ—я имѣлъ съ Первымъ Консуломъ въ восемь часовъ утра свиданіе, котораго я у него не просилъ. Сначала онъ заговорилъ о незначительныхъ вещахъ разспрашивая меня что я дѣлаю, чего отъ него ожидаю; сказалъ что обо мнѣ подумаетъ и слегка коснулся заговора, только что обнаруженнаго. Потомъ, вдругъ перемѣнивъ разговоръ: «Кстати,» замѣтилъ онъ, «все еще продолжаютъ распространять слухъ о связи моей съ Гортензією; на счетъ перваго ея ребенка выдумали жестокую клевету. Я сначала полагалъ что эти слухи принимаются публикою только изъ желанія, чтобы я имѣлъ ребенка. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались слыхалъ ли ты повтореніе ихъ?—Слыхалъ, Генераль, и очень часто; но признаюсь вамъ я не думалъ чтобы эта клевета могла такъ долго

существовать.—Это право ужасно; ты знаешь все дѣло; ты все видѣлъ, все слышалъ; отъ тебя не могъ скрыться никакой поступокъ; ты пользовался всею ея довѣренностью во время любви ея къ Дюроку. Если ты что нибудь обо мнѣ будешь писать, то надѣюсь что ты сможешь меня этотъ гнусный упрекъ; я не хочу чтобы онъ дошелъ вмѣстѣ со мною до потомства. Полагаюсь въ этомъ на тебя; ты никогда не вѣрилъ этому ненавистному обвиненію. — Никогда, Генераль.» Потомъ онъ вошелъ въ болѣнія подробности о прошедшей, о настоящей жизни Гортензій и о положеніи ея въ супружествѣ. «Этотъ бракъ,» продолжалъ онъ, «не оказался такимъ какъ я желалъ; союзъ ихъ нельзя назвать счастливымъ. Это меня огорчаетъ потому что я люблю ихъ обоихъ и потому что это подтвердить распространяемые празднолюбцами гнусные слухи о моихъ съ нею сношеніяхъ.» Онъ заключилъ разговоръ словами: «Бурієннѣ, мнѣ иногда приходитъ мысль опять взять тебя къ себѣ; но какъ къ этому нѣтъ повода, то опять скажутъ что я имѣю въ тебѣ нужду; а я хочу показать что я ни въ комъ не имѣю нужды.» Онъ еще нѣсколько поговорилъ о Гортензій; я отвѣчалъ ему что согласно съ моимъ убѣжденіемъ я сдѣлаю то что онъ желаетъ и что не отъ меня будетъ зависѣть обнаруженіе истины.

Дѣвица Богарне всегда ощущала къ Первому Консулу почтительную боязнь; она говорила съ нимъ не иначе какъ со страхомъ; она даже никогда не смѣла ничего у него просить. Она обращалась ко мнѣ и въ случаѣ несогласія Наполеона, я объявлялъ ему что она просительница. «Дурочка,» говорилъ Бонапарте, «отъ чегожь она сама мнѣ не скажетъ? Эта малютка меня боится.» Наполеонъ никогда не питалъ къ ней другаго чувства кромѣ истинной отеческой нѣжности. Послѣ женитьбы своей на ея матери, онъ любилъ ее какъ родную дочь. Будучи три года свидѣтелемъ всѣхъ ихъ самыхъ скрытныхъ поступковъ я объявляю, что никогда не замѣтилъ и не слышалъ ничего, могущаго возбудить малѣйшее подозрѣніе о существованіи между ими преступной связи. Эту клевету надобно причислить къ тѣмъ, которыя злоба всегда старается распространять о знаменитыхъ людяхъ и которыя принимаются легкомысліемъ и неразсудительностью. Откровенно объявляю, что еслибъ я имѣлъ малѣйшее подозрѣніе на счетъ этого гнуснаго обвиненія, о которомъ я зналъ гораздо прежде чѣмъ онъ мнѣ объ немъ сказалъ, то я объявилъ бы его здѣсь. Но Бонапарте болѣе уже не существуетъ. Да сопутствуетъ его памяти только то добро и зло, которыя онъ дѣйствительно сдѣлалъ! Да не будетъ этотъ упрекъ сдѣланъ ему безпристрастною исторіею!

Въ заключеніе объ этомъ щекотливомъ предметѣ, я долженъ сказать что Бонапартѣ былъ въ этомъ отношеніи очень строгихъ правилъ и что такая связь не была бы согласна ни съ его образомъ мыслей, ни съ его нравственностью, ни съ его склонностями. Не должно отца и друга превращать въ похотливаго любовника.

Не знаю, имѣлъ ли онъ прежде намѣреніе говорить со мною о томъ что ниже помѣщено или это было слѣдствіемъ удовольствія, ощущеннаго имъ при обнаруженномъ мною убѣжденіи въ чистотѣ связи его съ Гортензією и увѣренности что я буду въ этомъ смыслѣ говорить объ оной; какъ бы то ни было, а при уходѣ моемъ онъ кликнулъ меня, закричавъ мнѣ въ слѣдъ: *Ахъ! я позабылъ!* — Я оглянулся и воротился къ нему. — «Буріеннъ, выдаешься ли ты попрежнему съ братьями Фоше? — Видаюсь, Генераль, и часто. — Ты душно дѣлаешь. — Отъ чего же мнѣ не принимать ихъ? они умны, свѣдущи, и занимательно разговариваютъ, особенно Цезарь; я очень пріятно провожу съ ними время. А притомъ, почти одни только они остались мнѣ преданы съ тѣхъ поръ какъ я не нахожусь больше при васъ. Вы знаете что не поддерживаютъ знакомства съ тѣми, отъ которыхъ нечего больше ожидать. — Марѣ съ ними не видится. — Можетъ быть, Генераль; но какое мнѣ до того дѣло; вы помните что че-

резъ него я познакомился съ ними въ Тюліери. Кажется что онъ бы долженъ былъ объявить мнѣ причины, по которымъ онъ съ ними болѣе не видится. — Повторяю что онъ ихъ къ себѣ не принимаетъ; сдѣлай тоже, совѣтую тебѣ.» Замѣтивъ что я не расположенъ это сдѣлать ибо точно не имѣлъ къ тому основательной причины, Первый Консулъ сказалъ мнѣ: «Да будетъ же тебѣ извѣстно, что я узнаю черезъ Цезаря обо всемъ, у тебя происходящемъ. Ты не говоришь много дурнаго обо мнѣ; ты не позволяешь при себѣ слишкомъ бранить меня, а поигравъ въ карты, уходишь спать. Но едва ты удалишься, какъ жена твоя, которая никогда меня не любила, и большая часть твоихъ посѣтителей начинаютъ жестокимъ образомъ меня ругать. Донесенія Цезаря приходятъ ко мнѣ всякой разъ какъ онъ у тебя бываетъ. Вотъ какъ онъ платитъ тебѣ за твой ласковый пріемъ и за убѣжище, которое ты нѣкогда далъ его брату. (*) Кажется этого достаточно; ты видишь, что я все знаю; прощай.» Тутъ мы съ нимъ разстались.

Смерть, прекратившая дни этихъ двухъ братьевъ, запрещаетъ мнѣ говорить болѣе о ихъ памяти. Они написали ко мнѣ оба вмѣстѣ наканунѣ своей смерти письмо, исполненное твердости,

(*) Константинъ Фоше былъ осужденъ по являхъ къ суду за поддѣльную подпись.

благородства и мужества, въ которомъ они просили у меня прощенія въ поступкѣ своемъ противъ меня. «Мы слышимъ изъ темницы нашей провозглашеніе нашего смертнаго приговора,» говорили они мнѣ. «Завтра мы пойдемъ на смерть; но встрѣтимъ ее съ хладнокровіемъ и мужествомъ, которыя пристыдятъ нашихъ палачей. Намъ шестьдесятъ лѣтъ и они сократятъ жизнь нашу лишь нѣсколькими часами. Въ продолженіе нашего краткаго существованія, болѣзни, печали, удовольствія, опасности, имущество, все было между нами общее. Въ одинъ день мы родились и одинъ день увидѣть смерть нашу

«Что касается до васъ, Милостивый Государь

(Я исключая относящееся собственно до меня).

Въ ту минуту какъ кончилось свиданіе, мною описанное, — наступилъ часъ большого выхода. Я остался на нѣсколько минутъ; Дюрокъ былъ тамъ. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ, отвелъ меня къ окну и сказалъ что вина Моро обнаружена и что онъ будетъ отданъ подъ судъ. Я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія и въ особенности освѣдомился существуютъ ли для его обвиненія достаточныя доказательства. «Остерегитесь,» сказалъ я Дюроку, «не шутка призвать предъ судъ побѣдителя Гогенлинденскаго.» Отвѣтъ его и увѣрительный видъ

доказали мнѣ что нѣтъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Тщетно я старался убѣдить Дюрока въ томъ, что Моро нельзя лишить общаго уваженія назвавъ его безъ доказательствъ *разбойникомъ* (это слово было тогда въ модѣ). Дюрокъ наставлялъ на своемъ. Послѣдствія доказали что я справедливо угадалъ.

Г Л А В А XX.

Заговоръ Жоржа, Моро и Пишегрю.—Несогласіе въ мнѣніяхъ между заговорщиками. — Моро противится возстановленію Бурбоновъ.—Буве де Лозье.—Покушеніе его къ самоубійству.—Признаніе.—Взятіе подъ стражу Моро.—Показаніе Гг. Полиньяка и де Ривіера.—Присутствіе и покровительство тайной Полиціи. — Взятіе подъ стражу Г. Барбонне. — Я его посѣщаю.—Племянникъ его взятъ и опять освобождень.—Донесеніе Ренье.

Люди, одаренные хоть сколько нибудь разсудкомъ, никогда не повѣрятъ, чтобы заговоръ Моро, Жоржа, Пишегрю и другихъ обвиненныхъ устроился безъ скрытнаго покровительства, оказаннаго оному Полиціею Фуше. Доказательства того я вывожу изъ множества сближеній, которыя постараюсь изложить въ этой Главѣ и въ особенности изъ несогласія въ мнѣніяхъ между заговорщиками; ниже увидятъ, что

самъ Бонапарте говорилъ мнѣ объ этомъ черезъ нѣсколько дней послѣ восшествія своего на Императорскій престолъ. Моро никогда не соглашался на восстановление Бурбоновъ и я слишкомъ коротко былъ знакомъ съ Г-мъ Карбонне, его искреннѣйшимъ другомъ для того чтобы не знать самыхъ тайныхъ чувствъ его; посему было невозможно, чтобы онъ могъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, какъ Жоржъ, Гг. Полиньякъ, де Ривіеръ и нѣкоторые другіе, сами не имѣвшіе намѣренія дѣйствовать. Эти господа, пріѣхали на твердую землю не съ тѣмъ чтобы устроить заговоръ противъ жизни Перваго Консула, но дабы разсмотрѣть положеніе вещей и привести себя въ возможность обстоятельно довести Принцамъ Бурбонскаго дома о томъ, что они должны думать о надеждахъ, которыя имъ подавали низшаго разряда агенты, всегда готовые выставять себя не заботясь объ истинѣ. Этого рода агенты дѣйствительно устроивали заговоръ, но только противъ Лондонскаго казначейства, отъ котораго они надѣялись получить плату.

Не входя въ всѣ подробности этого обширнаго заговора, коего смерть Герцога Ангенскаго была ужаснымъ эпизодомъ, я напому нѣкоторыя событія, могущія содѣйствовать мнѣ къ извлеченію истины изъ этого хаоса козней и подлостей.

Большая часть заговорщиков находилась уже въ Тамплъ или въ Тюрьмъ la Force, когда одинъ изъ нихъ, Буве де Лозье, покусился повѣситься въ темницѣ Тампля. Несчастный слишкомъ хорошо успѣлъ въ томъ, употребивъ для этого свой галстухъ и готовъ былъ испустить дыханіе, какъ въ самое это время случай привелъ тюремщика въ его темницу. По возвращеніи Буве де Лозье къ жизни узнали, что одаренный мужествомъ, презирающимъ смерть, онъ не обладалъ твердостью, необходимою для выдержанія допросовъ правосудія и что онъ рѣшился лишить себя жизни отъ страха что нибудь открыть. Отъ него дѣйствительно многое узнали и на другой день послѣ этого происшествія, то есть 15 Февраля, Моро былъ взятъ подъ стражу на дорогѣ при возвращеніи его изъ помѣстья его Гробуа въ Парижъ.

Тайныя пособія, сдѣланныя заговорщикамъ Полиціею Фуше, никогда не подлежали сомнѣнію и какъ вѣроятно, что этотъ заговоръ былъ, менѣе цѣлью, чѣмъ средствомъ опять попасть въ Министры,—то хитрый Фуше счелъ для себя выгоднымъ замѣшкать въ него Моро, очень зная что Бонапарте проститъ ему его козни въ случаѣ открытія оныхъ если онъ избавитъ его отъ человѣка, котораго ему старались представить опаснымъ соперникомъ.

Нельзя также сомнѣваться и въ томъ что

изъ тайныхъ агентовъ Фуше, увлекавшихъ Полицію въ сѣти, которыя онъ ей разставлялъ, подкупленные друзья людей, расположенныхъ къ заговору, казавшемуся имъ лестнымъ — поощряли ихъ къ исполненію онаго. Я вѣрю что большая часть обвиненныхъ имѣли намѣреніе ниспровергнуть Правительство и возстановить Бурбоновъ; но утверждаю что они не осмѣлились бы на то покуситься, еслибъ имъ не облегчили къ тому средства вѣроломными внушеніями и обманчивыми надеждами.

Фуше чрезъ своихъ агентовъ далъ знать Пишегрю, Жоржу и нѣкоторымъ другимъ приверженцамъ Монархіи, что можно надѣяться на Моро, который, какъ говорили, былъ совершенно готовъ. Моро, какъ извѣстно, отвѣчалъ Пишегрю, что его обманули, и что онъ ни о чемъ еще до тѣхъ поръ не слыхалъ. Рюссильонъ объявилъ при допросѣ, что 14 Марта, Гг. Полиніяки сказали одному человѣку: «Все идегъ плохо, они не соглашаются. Моро не держитъ своего слова; мы были обмануты.» Г. де Ривьеръ также объявилъ, что вскорѣ убѣдился въ томъ что ихъ обманули, онъ собирався ѣхать обратно, когда былъ взятъ подъ стражу.

Достоверно что главнымъ заговорщикамъ были сообщены положительныя подробности, убѣдившія ихъ въ первыхъ ихъ подозрѣніяхъ. Они узнали чрезъ Пишегрю о томъ что объя-

виль Моро. Многіе изъ обвиненныхъ показали что они скоро увидѣли обманъ; и большая часть собиралась выѣхать изъ Парижа, когда ихъ всѣхъ, почти вмѣстѣ задержали. Жоржъ отправлялся въ Вандею тогда какъ онъ былъ преданъ тѣмъ челоѣкомъ, который съ вѣдома Полиціи провожалъ его съ самаго отъѣзда изъ Лондона въ Парижъ и устранялъ отъ него всякія препятствія до тѣхъ поръ, пока имѣли нужду только знать гдѣ онъ и что дѣлаетъ. Жоржъ находился въ Парижѣ семь мѣсяцевъ, когда разсудили что наступила минута для его задержанія. Не очевидно ли что надобно было знать и точную минуту его отправленія и улицы, по которымъ онъ поѣдетъ и номеръ его кабриолета для того чтобы захватить его въ определенномъ мѣстѣ, какъ то было сдѣлано? Отъ ко-го же можно было получить эти обстоя-тельныя подробности кромѣ какъ отъ челоѣка, ко-торого Жоржъ считалъ своимъ сообщникомъ и который находился въ службѣ Полиціи?

Задержаніе, почти одновременное, всѣхъ заговорщиковъ, ясно доказываетъ что знали гдѣ ихъ найти; и они были обитаны за временное свое спокойствіе единственно тому, что Полиція держала ихъ, какъ будто бы въ стеклянной горницѣ.

Когда пришлось подписывать допросъ, то Пишегрю отказался; онъ объявилъ что, зная

всѣ хитрости, всѣ ковы Полиціи, онъ опасается чтобы она не истребила всего химическими средствами и чтобы оставя одну только его подпись, не принудила его потомъ показать то что ей будетъ угодно; но что впрочемъ отказъ его подписаться не воспрепятствуетъ ему повторить предъ судомъ тѣ самыя истины, которыя онъ отвѣчалъ на сдѣланные ему вопросы. Опасались показаній его на счетъ сношеній съ Моро, котораго хотѣли погубить и на счетъ средствъ, употребленныхъ для поощренія его къ произведенію перемѣны, которой онъ желалъ по образу своихъ мыслей.

Узнавъ 15 Февраля вечеромъ о задержаніи Моро, на другой день довольно рано я вышелъ со двора и отправился прямо въ маленькую Сен-Пьерскую улицу, гдѣ жилъ со своимъ племянникомъ Г-нъ Карбонне. Мнѣ очень хотѣлось переговорить съ нимъ о задержаніи Генерала. Какъ же я удивился! Едва сказалъ я придвернику къ кому я иду, какъ онъ объявилъ мнѣ что Г. Карбонне также подѣ стражею. «Совѣтую вамъ сударь,» прибавилъ придверникъ, «безъ дальнихъ хлопотъ удалиться; ибо имѣя честь васъ знать я могу доложить вамъ что присматриваютъ за приходящими къ Г-ну Карбонне.—А, такъ онъ еще здѣсь?—Здѣсь, Сударь, Полиція разсматриваетъ его бумаги. — Такъ какъ онъ здѣсь, то я зайду къ нему.» Я дѣй-

ствительно зашелъ къ Г. Карбонне, съ которымъ я за честь считалъ быть дружнымъ и о которомъ воспоминаніе всегда будетъ для меня драгоцѣнно. Я пробылъ съ нимъ одну только минуту и онъ показался мнѣ болѣе огорченнымъ задержаніемъ его племянника и Г-на Моро, чѣмъ своимъ собственнымъ. Племянникъ его былъ освобожденъ черезъ нѣсколько часовъ. Я былъ свидѣтелемъ строгаго обыска, сдѣланнаго во всемъ домѣ. Не знаю какіе донощики и предатели выдумали будто бы онъ былъ приготовленъ къ принятію Герцога Ангуйемскаго.

По опечатаніи всѣхъ бумагъ Г-на Карбонне, наполнившихъ нѣсколько чемодановъ, его отвезли въ Сентъ-Пелажійскую тюрьму и посадили въ тайное отдѣленіе. Ниже увидитъ какимъ образомъ мнѣ удалось сохранить съ нимъ сношенія даже изъ подъ замковъ и на какихъ денежныхъ условіяхъ онъ получилъ свободу послѣ того уже какъ Моро выѣхалъ изъ Франціи.

Вотъ донесеніе Министра Юстиціи, показывающее точность собранныхъ мною свѣдѣній, на которыхъ основанъ рассказъ мой, не смотря на запутанность нѣкоторыхъ выраженій. Ренъе говоритъ въ началѣ:

«Новые ковы были устроены Англіею, посреди мира, въ коемъ она поклялась: и нарушая Аміенскій договоръ, она менѣе надѣялась

она свои силы, чѣмъ на усахъ своихъ козней.

«Но Правительство бодрствовало; глазъ Полиціи слѣдилъ всѣ шаги агентовъ непріятельской земли: она надзирала за поступками людей, подкупленныхъ ея золотомъ или кознями.»

Не могу не замѣтить удивительную двусмысленность послѣднихъ строкъ: не кажется ли вѣроятнымъ, что Министръ Юстиціи, говоря о *Полиціи*, намекаетъ на Полицію Фуше, *надзирающую за поступками людей, подкупленныхъ ея золотомъ или кознями*? Будемъ продолжать.

«Наконецъ сѣть, казалось была окончена: въ Лондонѣ ужъ конечно воображаютъ что вскорѣ воспослѣдуетъ взрывъ этого подкопа, устроеннаго подъ нашими ногами. Тамъ покрайней мѣрѣ распространяли самыя зловѣщія слухи и усилывались самыя преступныя надежды.»

«Вдругъ учредители заговора захвачены, доказательства собраны и они столь сильны, столь очевидны что убѣдятъ всякаго.

«Жоржъ и его разбойничья шайка состояли изъ жалованьи Англіи; агенты ея разъѣзжали еще по Вандеѣ, по Морбрану и по Сѣвернымъ берегамъ тщетно ища себѣ соумышленниковъ, которыхъ умѣренность Правительства и законовъ у нихъ похитили.

«Пишгрю, обнаруженный событіями, которыхъ предшествовали 18-му Фруктидору V-го года, обнаруженный въ особенности чрезъ пе-

«репису, представленную Генераломъ Моро Директоріи, — Пинегрю увезъ въ Англію ненависть свою противъ своего отечества.

«Въ VIII-мъ году онъ вмѣстѣ съ Вилло слѣдовалъ за непріятельскою арміею для того чтобы соединиться съ разбойниками Юга.

«Въ IX-мъ году, онъ составлялъ заговоры съ Барейтскимъ Комитетомъ; послѣ Аміенскаго мира онъ все еще былъ совѣтникомъ и надеждою враговъ Франціи.

«Британское вѣроломство соединило Жоржа съ Пинегрю; подлаго Жоржа съ тѣмъ Пинегрю, котораго Франція уважала, котораго она долгое время считала неспособнымъ къ измѣнѣ!

«Въ XI-мъ году, преступное примиреніе сблизило Пинегрю съ Генераломъ Моро, — двухъ человекъ, между коими честь долженствовала бы положить вѣчную преграду. Полиція захватила въ Кале одного изъ ихъ агентовъ въ ту минуту когда онъ вторично возвращался въ Англію. Этотъ человекъ у нея въ рукахъ со всѣми бумагами, подтверждающими дѣйствительность примиренія, которое казалось бы непостижимымъ, еслибъ оно не было устроено злодѣйствомъ.

«Между тѣмъ, событія идутъ своимъ чередомъ: Лажоле, другъ, повѣренный Пинегрю, скрытнымъ образомъ ѣдетъ изъ Парижа въ

«Лондонъ, возвращается изъ Лондона въ Парижъ, привозить Пишегрю мысли Генерала Моро, сообщать Генералу Моро мысли и намеренія Пишегрю и его сообщниковъ. Разбойники Жоржа готовятъ, даже въ самомъ Парижѣ все необходимое къ исполненію ихъ общихъ умысловъ.»

Я опять прерываю здѣсь донесеніе Ренве. Есть ли въ мірѣ что либо разительнѣе этого объявленія главнаго Начальника Офиціальной Полиціи? Самъ Министръ Юстиціи полагаетъ еще что Лажоле другъ и повѣренный Моро, тогда какъ изъ дѣлопроизводства очевидно обнаруживается что роля Лажоле въ этомъ ужасномъ ковѣ, состояла въ томъ чтобы связать между собою двухъ людей, которыхъ хотѣли сдѣлать главами заговора. Слѣдующее за тѣмъ еще сильнѣе:

«Между Діеппомъ и Трепортомъ избрано мѣсто, гдѣ не страшась никакой помѣхи и надзора, разбойники Англіи, привозимые на Англійскихъ военныхъ корабляхъ, пристають къ берегу, не будучи замѣчаемы и гдѣ они находятъ людей, подкупленныхъ для ихъ пріятія; людей, получившихъ деньги за то чтобы провожать ихъ по ночамъ съ одной станиціи на другую до самаго Парижа.

«Въ Парижѣ для нихъ приготовлены убѣжища въ домахъ, заблаговременно нанятыхъ и

«стрегомыхъ надежными людьми; такіа убѣжища имѣютъ они во многихъ частяхъ города во «многихъ улицахъ, въ Шаліо, въ Бакской улицѣ, «въ предмѣстіи Сен-Марсо и въ Марѣ»

И такъ вотъ Полиція, которая ничего не знала и которая вдругъ обо всемъ освѣдомилась; ея многочисленные агенты разъѣзжали по всей Франціи и не иначе какъ изъ показаній Буве де Лозье могли узнать, что три высадки были въ разное время безпрепятственно сдѣланы; что ожидали четвертой и что она не имѣла успѣха потому что Генераль Савари, переодѣтый, какъ ниже увидать,—получилъ отъ Перваго Консула порученіе захватить тѣхъ, которыхъ еще ожидали. Еще разъ скажу что не можетъ быть очевиднѣе доказательства преданности Полицейскихъ агентовъ къ ихъ прежнему Начальнику и соучастія ихъ въ томъ чтобы обмануть ихъ новаго главу. Разсмотримъ теперь открытыя подробности относительно этихъ высадокъ.

«Первая высадка произведена: это былъ «Жоржъ съ осмью изъ своихъ разбойниковъ. «Жоржъ воротился къ берегамъ для того чтобы присутствовать при высадкѣ Костеръ-Сен-Виктора (осужденнаго приговоромъ по дѣлу 5 «Пивоза) и десяти другихъ разбойниковъ.

«Въ первыхъ числахъ сего мѣсяца произведена третья высадка: это Пинегрю, Лажоле

«Арманъ Галиаръ братъ Рауля, Жанъ-Маріа
«единъ изъ первыхъ повѣренныхъ Жоржа и тѣхъ
«которые другіе разбойники того же рода.
«Жоржъ съ Жойо, Сен-Венсаномъ и Нико, от-
«правились встрѣтить эту третью высадку; сход-
«ище было на мызѣ Потери.

«Четвертой высадкѣ ожидаютъ; корабли въ
«виду, но противные вѣтры препятствуютъ имъ
«приблизиться; еще нѣсколько дней тому назадъ
«они дѣлали опознательные сигналы.

«Жоржъ и Пиннегрю привѣзжаютъ въ Парижъ.
«Они помѣщаются въ одномъ домѣ окружен-
«ные десятками тремя разбойниковъ, состоя-
«щихъ подъ начальствомъ Жоржа. Они видятъ-
«ся съ Генераломъ Моро. Мѣсто, день и часъ
«перваго свиданія извѣстно; второе свиданіе
«было назначено, однакожъ не состоялось;
«третье, четвертое произошли въ самомъ домѣ
«Генерала Моро.

«Это присутствіе Жоржа и Пиннегрю въ Па-
«рижѣ и эти свиданія съ Генераломъ Моро
«подтверждены неоспоримыми и многочислен-
«ными доказательствами. За Жоржемъ и за Пи-
«негрю слѣдятъ изъ дома въ домъ. Тѣ, кото-
«рые помогали ихъ высадкѣ, тѣ которые въ
«темнотѣ ночью провожали ихъ отъ одной
«станціи до другой, тѣ которые давали имъ
«убѣжище въ Парижѣ, ихъ повѣренные, ихъ
«соучастники,—Лажоле, ихъ главный посредникъ

«Генераль Моро—взяты подь стражу: вещи и «бумаги Пишегрю захвачены и Полиція преслѣдуеть его съ величайшею дѣятельностью.

.
«Долгомъ считаю прибавить что гражданамъ «нечего беспокоиться. Большая часть разбойниковъ задержана, остальные обратились въ бѣгство и тщательно преслѣдуются Полицією. «Никакое сословіе гражданъ, никакая отрасль «управленія не подверглась нимальшему по«дозрѣнію.»

Таково это знаменитое донесеніе, коего сочинитель, кажется всячески старался выставить неспособность своего управленія.

Г Л А В А X X I.

Великія событія 1804 года.— Перемиа положенія эмигрантовъ.
— Смерть Герцога Ангенскаго. — Ложное предположеніе.—
Противорѣчіе Наполеона на островъ Св. Элены. — Невоз-
можность соучастія.— Сближеніе чиселъ.— Что я бы могъ сдѣ-
лать у Перваго Консула.— Извѣщеніе Герцога Ангенскаго.
— Сиръ Стюартъ. — Медленность въ отвѣтъ Австрійскаго
Двора.— Рѣшимость Наполеона. — Герцогъ Ангенскій въ
Эттенгеймъ.— Исправленныя ошибки.— Цинлегрю и таин-
ственное лице.— Г. Массіасъ.— Историки острова Св. Элены.
— Предполагаемое письмо, никогда не существовавшее.— По-
явленіе Наполеону.— Завѣщаніе его.— Исключеніе и при-
бавленіе къ духовной.— Отъѣздъ Наполеона объ эмигрантахъ
и о Г-нѣ Кобенцелѣ.— Слишкомъ скорая казнь. — Стран-
ный случай съ Секретаремъ Маршала Даву.— Вандейскій ра-
бойникъ.— Квартермистръ.— Фуше въ Советъ.— Заключение.

Событія, происшедшія съ такою быстротою
въ началѣ 1804 года, были такъ стѣснены,
такъ запутаны между собою, что ихъ надобно

бы брать по одиначкѣ, отлагать ихъ и опять за нихъ браться для того чтобы дать понятіе о ихъ взаимной связи при обзорѣ ихъ въ совокупности и о ихъ частныхъ свойствахъ, при разсмотрѣніи ихъ по одиначкѣ. Не должно терять изъ вида, что при устроеніи этого кова, все клонилось къ единственной цѣли, къ учрежденію Французской Имперіи въ пользу Наполеона; а другая важная вещь, которую также слѣдуетъ имѣть въ памяти, есть перемѣна положенія эмигрантовъ относительно къ Первому Консулу со времени разрыва мира. Дѣйствительно пока Правительство Наполеона находилось въ мирѣ съ другими Державами, до тѣхъ поръ дѣло Бурбоновъ не имѣло себѣ никакой подпоры въ Иностранныхъ кабинетахъ и эмигранты не составляли болѣе сословія, могли только покориться или предать себя волю Провидѣнія. Но по объявленіи вновь войны, все перемѣняло видъ; дѣло Бурбоновъ казалось дѣломъ Державъ, воюющихъ съ Франціею; и какъ тысячи связей соединяли вѣнскихъ эмигрантовъ съ тѣми, которые возвратились поудовольными,—то можно было опасаться возстаній совокупныхъ съ Державами, ополчившимися противъ Бонапарте.

Таково было положеніе вещей относительно эмиграціи, когда начальники и соучастники Жоржева заговора были взяты подъ стражу

въ самомъ началѣ 1804 года. Послѣ того 21 Марта произошло умерщвленіе Герцога Ангенскаго; потомъ 30 Апрѣля, сдѣланное Трибуналомъ предложеніе основать во Франціи единодержавіе; затѣмъ 18 Маія Сенатскій Указъ, наименовавшій Наполеона Бонапарте Императоромъ; и наконецъ 10 Іюня, приговоръ, осудившій Жоржа и многихъ изъ его сообщниковъ. Такимъ образомъ, пролитая кровь Бурбона и короля Франціи, возложенная на чело солдата, любимица фортуны,—были вмѣстѣ вставлены въ кровавую драму Жоржева заговора. Притомъ надобно имѣть въ соображеніи что мы въ это время находились въ войнѣ съ Англіею и должны были ожидать что Австрія вступитъ въ союзъ съ Сѣвернымъ колоссомъ противъ новаго Императора.

Теперь я долженъ говорить о смерти Герцога Ангенскаго и сказать все что мнѣ извѣстно объ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Несчастный Принцъ сей, жившій въ Эттенгеймѣ потому что онъ былъ влюбленъ, не имѣлъ никакихъ связей съ людьми, которые хотѣли устроить внутреннихъ заговоръ. Махіавель говоритъ что когда не знаютъ виновника злодѣянія, то надобно отыскивать того, кому оно приноситъ пользу;—здесь совѣту Махіавеля можно легко сдѣлать примѣненіе, ибо это злодѣйство могло принести пользу только Наполеону, считавшему оное

необходимымъ для обладанія короною Франціи. Можетъ быть есть возможность объяснить его; но оправдать—никогда! Какъ, во первыхъ могли сказать, будто бы Герцога Ангенскій погибъ какъ предполагаемый соумышленникъ Жоржева заговора? это одно изъ тѣхъ предположеній, которыя не заслуживаютъ разсмотрѣнія; и утвердительно на него опираться значило бы сдѣлаться виновникомъ самой грубой лжи, какую только можно прибавить къ тѣмъ, которыя существуютъ уже въ Исторіи. Разсмотримъ событія и сблизимъ ихъ: между ними останется довольно мѣста для истины, ибо истина немного занимаетъ мѣста.

Моро взятъ подъ стражу 15 Февраля 1804 года; заговоръ былъ уже извѣстенъ. Принцгрю и Жоржъ задержаны въ Февраль, а Герцогъ Ангенскій разстрѣлянъ только 15 Марта; но если Принцъ дѣйствительно участвовалъ въ заговорѣ, еслибъ онъ даже только зналъ объ немъ, то спрашивается—стала ли бы онъ оставаться въ Эттенгеймѣ около мѣсяца по взятіи подъ стражу его мнимыхъ соумышленниковъ, о чемъ онъ могъ узнать черезъ три дня? Онъ такъ былъ чуждъ этому заговору, что когда начали разсуждать объ ономъ въ Эттенгеймѣ, онъ объявилъ что отецъ его и дѣдъ, конечно извѣстили бы его объ ономъ для его личной безопасности. Неужели стали бы такъ долго ме-

длить его задержаніемъ? Увы! жестокій опытъ доказаль что для этого было нужно лишь нѣсколько часовъ.

Смертный приговоръ Жоржа и его соучастниковъ былъ произнесенъ только 10 Іюня 1804, а Герцогъ Ангенскій разстрѣлянъ 21 Марта; слѣдовательно даже самое производство дѣла не было еще тогда начато. Какъ объяснить эту торопливостъ. Если, какъ сказали Бонапарте, юный Бурбонъ былъ ихъ соумышленникомъ, то почему его не задержали въ одно время съ прочими обвиненными? почему его не передали вмѣстѣ съ ними суду, какъ настоящаго соучастника, или какъ замѣшаннаго въ дѣлъ чрезъ показанія или сношенія, или наконецъ, какъ могущаго своими отвѣтами принести пользу и нѣсколько озарить свѣтомъ этотъ мрачный заговоръ? Отъ чего имя Герцога Ангенскаго не было произнесено ни одного разу во все время производства этого ужаснаго дѣла? Принцъ уже не существовалъ тогда какъ обвиненные предстали предъ судъ; не было никакой опасности на него сослаться и однакожь ни у одного изъ подсудимыхъ не вырвалось ни единого слова, относительно участія въ заговорѣ, знанія или утайки онаго.

Непостижимо, какъ Наполеонъ могъ сказать на островѣ Св. Эленъ: «Или они замѣшали несчастнаго Принца въ свой убійственный умы-

сель и тѣмъ произнесли приговоръ его; или не извѣстивъ его, они неблагоуразумно допустили его спать на краю пропасти въ двухъ шагахъ отъ гравницы, тогда какъ сами собирались нанести столь великій ударъ отъ имени и въ пользу его семейства.»

Этотъ доводъ не только нестынь, но и жестокъ. Если Герцога Ангенскій быть замѣшанъ въ дѣло показаніями заговорщиковъ, то его слѣдовало бы задержать и судить вмѣстѣ съ ними. Такъ по всему бы слѣдовало; еслиже они все отъ него скрывали, то въ чемъ состоитъ вина его? Какъ—потому только что хотѣли свершить злодѣяніе отъ имени его семейства безъ его вѣдома — должно было его разстрѣлять! Потому что онъ спокойно спалъ во сто тридцати мильхъ отъ заговора, не входя въ оный, ему должно было умереть! Такое заключеніе можетъ возбудить одинъ только ужасъ. Невозможно чтобы разсудительный человѣкъ былъ въ состояніи считать Герцога Ангенскаго сообщникомъ Кадуала: это противно здравому смыслу, и Наполеонъ безстыдно обманывалъ современниковъ и потомство выдумывая такіа вѣроломныя показанія и придавая имъ вѣсь своего имени. Нѣкоторые люди сочли возможнымъ объявить для чего Наполеонъ на островѣ Св. Елены и въ своемъ духовномъ завѣщаніи, столь очевидно противорѣчить самому себѣ. Еслибъ

ихъ догадка была основательна, то она сдѣлала бы честь Наполеону именно потому что она противна его славы. Думали что Бонапарте, при концѣ своей жизни ощутилъ великодушное желаніе принять на себя всю великую отвѣтственность этого злодѣянія, дабы спасти тѣхъ, которыхъ избытокъ усердія побудилъ ускорить казнь, отъ упрека, ими на себя навлеченнаго. Но несчастію даже невозможно допустить нимагійнаго сомнѣнія касательно этого предположенія и слишкомъ справедливо, какъ ниже увидятъ, что смерть Герцога Ангенскаго не имѣла другой причины, кромѣ воли Наполеона. Ахъ! еслибъ я тогда находился еще при немъ! . . . Говорю съ увѣренностью, можетъ быть съ гордостью, что кровь Герцога Ангенскаго не помрачила бы неизгладимымъ пятномъ славу Наполеона!

Я бы могъ, при этомъ ужасномъ обстоятельствѣ сдѣлать то, на что никто другой кромѣ меня не въ состояніи былъ бы даже покуситься; это принадлежало къ моему положенію, въ которомъ никто другой съ тѣхъ поръ не находился уже при Наполеонѣ. Очень сожалѣю, что онъ предпочиталъ мнѣ другихъ людей, что онъ имѣлъ къ нимъ болѣе дружбы чѣмъ ко мнѣ, —предположивъ что дружба была совместна съ характеромъ Бонапарте;—но я зналъ его лучше чѣмъ всякой другой; а притомъ, изъ окружав-

шихъ его, одинъ только я могъ дозволить себѣ некоторую прежнюю короткость по причинѣ нашей съ нимъ связи отъ самаго дѣтства. И ужъ конечно при такомъ случаѣ, гдѣ шло дѣло о славѣ Наполеона на вѣки, меня бы не удержалъ страхъ проходиней вспышки его гнѣва и читатель видѣлъ что я не боялся отставки. Да и притомъ какъ бы я могъ быть отставленъ! Я не имѣлъ ни потрѣбъ, ни мѣста, ни опредѣленнаго содержанія ибо, какъ читатели видѣли, я состоялъ при Бонапарте только въ качествѣ друга и у насъ была такъ сказать общая казна.

Я увѣренъ, что мнѣ тѣмъ легче было бы отговорить Наполеона отъ его пагубнаго намѣренія, что я утвердительно зналъ что цѣль Бонапарте, по разрывѣ мира, состояла въ томъ чтобы только испугать эмигрантовъ и выгнать ихъ изъ Эттенгейма, гдѣ они находились въ большомъ числѣ какъ и Герцогъ Ангенскій; а особенно Баронессу Рейтъ и Баронессу Эттенгеймъ, которыя очень противъ него возставали разсѣвая пасквили по лѣвому берегу Рейна. Бонапарте тогда столь же мало желалъ смерти Герцога Ангенскаго, какъ и смерти всякаго другого эмигранта; онъ болѣе былъ расположенъ къ тому чтобы устрашить ихъ, чѣмъ къ тому чтобы сдѣлать имъ вредъ и ужъ конечно сначала онъ вовсе не имѣлъ намѣренія взять Принца подъ стражу; а только какъ

сказано, напугать эмигрантовъ дабы заставить ихъ удалиться. Однакожъ я долженъ признаться, что Бонапарте, разговаривая съ Раппомъ или съ Дюрокомъ о за-Рейнскихъ эмигрантахъ всегда отзывался о нихъ съ большою досадою; что Г. Талейранъ зналъ гнѣвъ Перваго Консула противъ эмигрантовъ и что, страшась слѣдствій онаго для Герцога Ангенскаго, онъ предупредилъ сего Принца чрезъ находившуюся съ нимъ женщину, въ которую онъ былъ влюбленъ — чтобы онъ остерегался и даже чтобы удалиться. Въ слѣдствіе этого предостереженія Принцъ рѣшился отправиться къ своему дѣду, чего онъ не могъ сдѣлать иначе, какъ проѣхавъ чрезъ Австрійскія владѣнія. Вотъ настоящія обстоятельства а не предположенія, придуманныя съ тѣмъ чтобы дать иной видъ дѣлу. Если еще сомнѣваются, то вотъ другія обстоятельства: Кавалеръ Стюартъ писалъ къ Г. Кобенцелю, прося у него паспорта для проѣзда Герцога Ангенскаго; и медленность въ отвѣтъ Австрійскаго кабинета дала время нетерпѣнію Перваго Консула задержать злополучнаго Принца тогда какъ онъ принималъ ужасное намѣреніе пролить кровь Бурбона. Это намѣреніе не можетъ быть приписано никому другому, кромѣ его одного, ибо кто осмѣлился бы внушить ему оное? Бонапарте самъ *не зналъ что дѣлалъ*. Его пожирала сильная горячка често-

любил, доходившая даже до съумазбродства и онъ не собралъ до какой степени онъ губить себя въ общемъ мнѣніи, потому что онъ не зналъ этого мнѣнія, для котораго онъ бы всѣмъ пожертвовалъ, еслибъ оно было ему извѣстно. Жестокимъ, но позднимъ извѣщеніемъ было для него необычайное молчаніе его совѣтниковъ. Три дня послѣ роковой казни, онъ говорилъ одинъ въ Государственномъ Совѣтѣ, предаваясь своимъ высокимъ или страшнымъ умствованіямъ, между тѣмъ какъ ни одинъ голосъ не раздавался для того чтобы прервать его или отвѣчать ему. Но что нужно; онъ готовился сдѣлаться Императоромъ! Фуше преклонялъ его тогда къ восшествію на Императорскій престолъ также какъ онъ преклонялъ его къ 18-му Брюмеру; ибо едва только обнаружился заговоръ, имъ покровительствованный, какъ Фуше сказалъ ему что нельзя терять ни минуты, что надобно рѣшиться—и Бонапарте рѣшился.

Когда Камбасересъ, второй сановникъ въ Государствѣ, который съ небольшимъ ограниченіемъ подавъ свой голосъ на смерть Людовика XVI,—сильно воспротивился въ Совѣтѣ задержанію и смерти Герцога Ангенскаго, то Первый Консулъ отвѣчалъ ему: «Вы сдѣлались очень скупы на кровь Бурбоновъ!»

Между тѣмъ какъ все это происходило во Франціи, Герцогъ Ангенскій находился въ Эт-

тенгеймъ, гдѣ онъ жилъ надеждами, а не заговорами. Извѣстно и Первый Консулъ зналъ что одинъ человекъ предлагалъ Принцу Конде на нѣкоторыхъ условіяхъ—умертвить Наполеона и что вознегодовавшій Принцъ благородно отказался отъ пріобрѣтенія правъ Бурбоновъ, цѣною такого злодѣянія. Въ послѣдствіи обнаружилось, что этотъ человекъ былъ агентъ Парижской Полицій, имѣвшій порученіе вовлечь Принцевъ въ заговоръ, который погубилъ бы ихъ, ибо общественное мнѣніе не допускаетъ убійства ни съ какой стороны. Герцога Ангенскій думалъ столь же благородно, какъ и дѣдъ его.

Говорили будто бы отказъ Лудовика XVIII-го договариваться съ Наполеономъ, жестоко раздражилъ его и подалъ поводъ къ злодѣянію, почти безпримѣрному—къ убійству Герцога Ангенскаго. Это должно причислить къ тѣмъ смѣлымъ предположеніямъ, которыми Вальтеръ-Скоттъ обогатилъ романъ свой. Первая переписка, выше мною приведенная, между Лудовикомъ XVIII-мъ и Первымъ Консуломъ очевидно доказываетъ противное. Разумѣютъ ли подъ этимъ только отказъ Лудовика XVIII отречься отъ правъ своихъ? Можетъ быть что этотъ отказъ раздражилъ Бонапарте; но какую пренону положили оный его быстрому стремленію къ всемогуществу? какая разница между этимъ отказомъ, который можно назвать безо-

биднымъ и тѣмъ, который Первый Консуль прежде онаго сдѣлалъ Королю Французскому, требовавшему у него обратно свою корону! Притомъ же слишкомъ поздно было бы мстить за то надъ Принцемъ, совершенно чуждымъ этого дѣла. Ничто изъ всего этого не можетъ быть допущено.

Говорить ли о таинственномъ лицѣ, которое отъ времени до времени являлось въ одномъ собраніи Сен-Жерменскаго предместья и въ которомъ послѣ узнали Пишегрю; о частыхъ поѣздкахъ, о предполагаемыхъ десяти-дневныхъ отлучкахъ этого знаменитаго за-Рейнскаго заговорщика? Напоминать ли о приписываемой Герцогу Ангенскому винѣ, по донесенію Офицера, коему было поручено разсмотрѣть поведеніе его въ Эттенгеймѣ съ приказомъ найти его виновнымъ? Какъ! этого несчастнаго Принца разстрѣляли только за то что въ Парижѣ находилось таинственное лице, котораго Полиція не могла открыть или котораго она покаявала видѣ что не знаетъ. Потому только, что неизвѣстный человѣкъ нѣсколько разъ являлся въ собраніяхъ Сен-Жерменскаго предместья, этотъ неизвѣстный дѣлалъ частыя поѣздки? знали что онъ прѣзжасть изъ Эттенгейма! Поѣздки его продолжались по десяти дней! Тогда какъ дороги были строгомы на всѣхъ точкахъ и заставы Парижскія заперты; когда

никто не могъ ни войти ни выйти не подвергаясь осмотру Полицейскихъ, одинъ только путешественникъ въѣзжалъ и выѣзжалъ когда ему было угодно! въ челоуѣкъ, неизвѣстномъ въ Парижѣ, узнавали Герцога Англенскаго въ Эгтенгеймѣ! есликъ и не узнавали то полагали что *это можетъ быть онъ* и на основаніи этой возможности, похитили Принца! Заставлять читателей своихъ вѣрить такимъ нелѣпностямъ значило бы оскорблять ихъ! Что же теперь сказать о присутствіи въ Парижѣ Фуше, — Фуше все еще *Царя* Полиціи, хоть онъ и не былъ уже Министромъ оной? Кто намъ скажетъ для чего Фуше, *не бывший Министромъ*, былъ приглашенъ 10 Марта въ Совѣтъ, имѣвшій засѣданіе въ Тюліери? Въ этомъ-то засѣданіи Бонапарте сдѣлалъ, выше приведенный жестокий отвѣтъ Камбасересу, коего мнѣнію поданный имъ прежде голосъ, придавалъ столь много вѣсу.

Большимъ свѣтомъ озаряется это дѣло чрезъ разговоръ, который Наполеонъ имѣлъ нѣсколько времени послѣ сего происшествія и вскорѣ по восшествіи его на Императорскій престолъ съ Г-мъ Массіасомъ, Министромъ при Великомъ Герцогѣ Баденскомъ. Этотъ разговоръ происходилъ въ Ахенѣ. Послѣ нѣсколькихъ разсужденій о козняхъ эмигрантовъ, Бонапарте прибавилъ: «Вамъ бы следовало, по крайней мѣрѣ, хоть во-

спрепятствовать ковамъ, которые Герцогъ Ангенскій устроивалъ въ Эггенгеймъ.—Государь, я слишкомъ старъ для того, чтобы учиться обманывать. Объ этомъ предметъ вамъ ложно допесено. — Такъ вы думаете, что еслибъ заговоръ Жоржа и Пиннегрю удался, онъ бы не переправился чрезъ Рейнъ и не пріѣхалъ бы на почтовыхъ въ Парижъ?»

Г. Массіасъ, сообщившій мнѣ эти подробности, сказалъ мнѣ: «При этихъ словахъ Императора, я наклонилъ голову и замолчалъ, очень видя что онъ не желаетъ слышать правду.»

Да прочтуть теперь со всѣмъ вниманіемъ, котораго требуютъ историческая статья, столь трудно объяснимая и важность предмета,—то что повѣствуютъ историки острова Св. Элены и да разсудятъ.

Въ домашнемъ кругу, Бонапартъ говоритъ товарищамъ своего изгнанія: «что вина смерти Герцога Ангенскаго можетъ быть приписана *излишнему усердію* окружавшихъ его или частнымъ видамъ или тайнымъ кознямъ. Онъ былъ преклоненъ къ тому внезапно; уловили, такъ сказать его мысли, ускорили принятіе мѣръ и произвели неизбежное сцѣвленіе послѣдствій.»

Онъ могъ это сказать но если онъ и сказать, то какъ согласить это съ повѣствованіемъ О'Меры? Есть ли возможность вѣрять столь несходнымъ разсказамъ?

Послушаемъ что Наполеонъ говоритъ Г-ну Ласъ-Кау:

«Однажды я былъ одинъ; какъ теперь помню что я прилежъ на столъ, гдѣ я обѣдалъ, оканчивая мой кофе. Прибѣжали ко мнѣ съ донесеніемъ о новомъ заговорѣ. Начали съ жаромъ доказывать мнѣ, что пора положить конецъ столь ужаснымъ злодѣйствамъ; что время уже дать урокъ тѣмъ, которые сдѣлали привычку ежедневно устраивать заговоры противъ моей жизни; что нельзя иначе этого прекратить какъ обогрѣвъ кровью одного изъ нихъ; что Герцогъ Ангенскій долженствовалъ быть этою жертвою потому что его можно было поймать на дѣлѣ, какъ *соучастника настоящаго заговора*.

Все было заранее предвидѣно. Бумаги были приготовлены; оставалось только подписать и судьба Принца рѣшилась. Смерть его должна быть вмѣнена во всегдашній урокъ тѣмъ, которые, будучи увлечены преступнымъ усердіемъ, не дождались воли своего Государя (*) для исполненія приговора военного суда. Герцогъ Ангенскій палъ жертвою *тогдашнихъ козней*. Я дозволю находить судъ его нѣсколько строгимъ, но формы были надлежащія и съ точностью соблюдены (**).

(*) Достойно замѣчанія что Бонапарте признаетъ на островъ Св. Елены званіе Государя при Консульствѣ.

(**) Смотри въ концѣ книги два приговора, произнесенные—одинъ до казни, а другой послѣ оной.

Всё вышеприведенное исполнено утаскъ, запутанностей, неясностей и противорѣчій. Это истинно не можетъ выдержать настоящаго разбора.

Герцогъ Ангенскій *могъ быть пойманъ на дѣлѣ, какъ соучастникъ настоящаго заговора*; а Бонапарте сказалъ: *что можетъ быть онъ и не зналъ объ немъ*.

Формы были надлежащія и съ точностью соблюдены.

Но онъ также сказалъ, что въ смерти его слѣдовало всегда укорять тѣхъ, которые изъ преступнаго усердія не дождались воли своего Государя для исполненія приговора военнаго суда.

Онъ можетъ быть даровать бы жизнь Принцу; но онъ сказалъ: *Правда что я хотѣлъ показать примѣръ, который бы устрашить.*

Говорили также о письмѣ Герцога Ангенскаго къ Бонапарте, будто бы врученномъ ему не прежде какъ по свершеніи казни. Это жестокая нечестность! Какъ вѣрить чтобы Принцъ сей писалъ къ Бонапарте, предлагая ему свою службу и прося у него предводительства арміею? Въ допросѣ его ни слова не упомянуто объ этомъ письмѣ и онъ совершенно противоположенъ чувствамъ, которыя по смыслу сего письма слѣдовало бы въ немъ предполагать.

Въ самомъ же дѣлѣ это письмо никогда не существовало. Человѣкъ, сопутствовавшій Принцу,

объявилъ что онъ ничего не писалъ. Барону Сен-Жаку было бы извѣстно это письмо, еслибъ оно существовало. Никто не видалъ Принца пишущаго. Достовѣрно извѣстно что онъ не писалъ въ Венсаннѣ: мѣсто тому неблагопріятвовало и ему мало оставили времени. Всѣ, имѣвшіе дѣло съ Бонапарте, всѣ знавшіе его, вѣдаютъ какъ служили Наполеону. Смѣю утверждать, что никто не повѣритъ чтобы нашелся кто нибудь, способный удержать письмо отъ котораго зависѣла судьба столь Августѣйшей, столь великой жертвы и смѣвшій вручить ему оное уже послѣ казни. Ужъ конечно, еслибъ кто нибудь могъ возымѣть такую преступную мысль, то онъ бы уничтожилъ доставшееся къ нему въ руки письмо. Но слагать вину такого злодѣйства на человѣка, который всегда наиболѣе противился насильственнымъ мѣрамъ, какъ по убѣжденію своему, такъ и по характеру— есть верхъ слѣпой ненависти и съумазбродства. А притомъ, не вручить письма Первому Консулу! конечно никто не посмѣлъ бы этого сдѣлать. Отвѣтственность была слишкомъ велика въ этомъ отношеніи. Даже сами братья Наполеона этого себѣ бы не дозволили. Я бы могъ привести много тому примѣровъ; вотъ одинъ, прішедшій мнѣ на память и который я привожу здѣсь, хотя онъ относится къ позднѣйшей эпохѣ. 29 Марта 1814 года, письмо которое Іосифъ

Бонапарте имѣлъ у себя въ портфѣлѣ, воспрпятствовало ему поступить по своему мнѣнію и точно обстоятельство было очень затруднительное: Іосифъ Бонапарте желалъ чтобы Марія Луиза и Король Римскій остались въ Парижѣ; что очевидно очень бы затруднило тѣхъ, которые старались о возстановленіи Бурбоновъ. Іосифъ очень это чувствовалъ, но письмо Наполеона, заключавшее въ себѣ противныя приказанія не дозволило ему осмѣлиться послѣдовать своему мнѣнію.

Я упомянулъ что предъ товарищами своего изгнанія, Бонапарте старался сложить съ себя эту вину или оправдаться въ оной. Опасеніе его или мнительность такъ велики, что разсуждая съ чужими, онъ только говоритъ имъ, *что еслибъ онъ зналъ о письмѣ Принца, которое ему вручили, Богъ знаетъ отъ чего, тогда какъ онъ уже болѣе не существовалъ, то онъ бы его помиловалъ.*

Но позднѣе того, онъ собственноручно начерталъ свои послѣднія мысли для современниковъ и для потомства — для этой химеры, которая пораждаеть столько же великихъ преступленій, какъ и великихъ дѣлъ: Наполеонъ говоритъ по этому предмету, который какъ ему извѣстно, долженъ быть для его памяти однимъ изъ самыхъ щекотливыхъ, *что еслибъ это можно было передѣлать, то онъ опять*

сдѣлалъ бы тоже! А онъ сказалъ что еслибъ онъ получилъ письмо Принца, то онъ даровалъ бы ему жизнь. Всѣ это невозможно согласить и нягдѣ нѣтъ истины.

Прочтемъ сперва подлинныя слова завѣщанія Наполеона: § 8 «Отрицаюсь отъ *Рукописи острова Св. Елены* и отъ другихъ сочиненій «подъ заглавіемъ *Правилъ, изреченій, и проч., изданныхъ въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ*; не этими правилами руководствовался я «въ жизни. Я приказалъ взять подъ стражу и судить Герцога Ангенскаго потому, что это было необходимо для безопасности, для пользы «и для чести Французскаго народа, тогда какъ «Графъ д'Артуа, по собственному его признанію, «содержалъ шестьдесятъ убійцъ въ Парижѣ, Въ подобномъ обстоятельствѣ, я бы опять поступилъ такимъ же образомъ.»

Теперь, вотъ истина касательно обстоятельствъ, относящихся къ этому рѣшительному отрывку послѣднихъ мыслей Наполеона и я не боюсь опроверженія. Бонапарте продиктовалъ выше приведенныя строки на островѣ Св. Елены тому изъ друзей своихъ, который со словъ его писалъ духовное его завѣщаніе; этотъ послѣдній просилъ его, умолялъ, заклиналъ исключить объявленіе, которое повредитъ его славу и которое находится въ столь явномъ противорѣчій съ тѣмъ, что онъ прежде говорилъ имъ.

Преклоненный убъжденіями этого вѣрнаго друга, Бонапарте согласился на исключеніе. Такимъ образомъ завѣщаніе было написано и заперто въ ящикъ, отъ котораго одинъ только Бонапарте имѣлъ ключъ. Но по смерти его, нашли приведенный мною отрывокъ въ прибавленіи къ духовной.

Пусть теперь безпристрастно сличать все что Наполеонъ объявилъ на счетъ этого обстоятельства на островъ Св. Элены и что передали намъ друзья его; пусть раземотрять, когда онъ говорить объ этомъ убійствѣ, разительную противоположность словъ его, смотря потому, обращается ли онъ къ чужимъ людямъ, къ своимъ приближеннымъ, къ публикѣ или къ потомству—и вопросъ перестанетъ быть сомнительнымъ. Бонапарте, которому Фуше дѣйствительно представилъ воздухъ *наполненнымъ кинжалами*, хотѣлъ нанести ударъ, который бы поразилъ ужасомъ его непріятелей; онъ думалъ что Герцога Беррійскій собирается пріѣхать моремъ во Францію; онъ послалъ Адъютанта своего Савари переодѣтаго и въ сопровожденіи переодѣтыхъ Жандармовъ, наблюдать за высадкою въ Бивьяль на Діенскомъ берегу; это порученіе осталось безуспѣшнымъ; Принцъ, вовремя извѣщенный, не пустился на это бесполезное и опасное предпріятіе, а Бонапарте, раздраженный тѣмъ что добыча отъ него ускользнула въ од-

номъ мѣстѣ, приказалъ схватить ее въ другомъ. Развѣ неизвѣстно, что Бонапарте много разъ говаривалъ, даже въ присутствіи людей, которыхъ онъ предполагалъ сохранившими сношенія съ приверженцами Бурбоновъ въ Парижѣ: «Я хочу положить конецъ всѣмъ этимъ заговорамъ; если откроется что эмигранты ихъ устроиваютъ, то я прикажу ихъ разстрѣлять. Говорятъ что нѣкоторые изъ нихъ скрываются у Кобенцеля. Не вѣрю этому; но еслибъ это было такъ, то я приказалъ бы взять Кобенцеля и разстрѣлять вмѣстѣ съ ними. Надобно дать знать Бурбонамъ что со мною нельзя шутить безнаказанно! Это не дѣтскія игрушки.»

Вотъ истина: послѣ сего могли дѣлать предположенія на счетъ вліянія Якобинцевъ въ этомъ дѣлѣ; и могли сказать, повидимому не безъ основанія, что Бонапарте, желая пріобрѣсть содѣйствіе Якобинцевъ для достиженія престола, соглашался предать имъ жертву Королевской крови, какъ единственный залогъ, могущій обезпечить ихъ противъ возвращенія изгнаннаго ими семейства; одна уже кровь Герцога Ангенскаго дѣлала его достойнымъ сообщества людей 21 Генваря; а усердіе, предупредившее приказъ относительно казни и не допустившее никакой отсрочки, думало совершенно, вполне явить себѣ, отклонивъ повидимому преступленіе отъ того, для кого оно свершалось. Бонапарте взду-

малъ и повелѣлъ, а слѣпая покорность исполнила. Посему нѣтъ человѣческихъ средствъ, которыми можно бы избавить Наполеона онъ лежащаго на немъ значительнаго участка относительно смерти Герцога Ангенскаго; ибо усердіе можетъ быть извинено, но воля—никогда.

Наполеонъ не хотѣлъ на островъ Св. Элены говорить о настоящей причинѣ смерти этого Принца Бурбонскаго Дома. Но неумолимая исторія, сближая обстоятельства, подобно, какъ я то сдѣлалъ, замѣтить, что онъ былъ провозглашенъ Императоромъ черезъ три мѣсяца послѣ умерщвленія невиннаго Принца. И — конечно менѣе снисходительная, чѣмъ современные почитатели,—она не припишетъ въ этомъ жертвоприношеніи участія, ни случаю, ни преступному усердію, ни тогдашнимъ кознямъ. Она будетъ неумолима къ этому дѣлу, оскорбительному для правъ человѣческихъ и противному всѣмъ уставамъ правосудія и человѣколюбія. Она увидитъ въ немъ только дѣйствіе бышеннаго честолюбія и дикой, варварской политики, все себѣ дозволяющей. Исторія, по несчастію представляетъ слишкомъ много подобныхъ примѣровъ.

Прежде всего я долженъ былъ заняться сближеніемъ обстоятельствъ и разсмотрѣніемъ противорѣчащихъ словъ, приписываемыхъ Наполеону и приводимыхъ разными авторами; те-

перь опишу все что я знаю положительнаго о роковомъ событіи смерти Герцога Ангенскаго.

Я знаю, что Бонапарте негодоваль на составлявшіеся во владѣніяхъ Великаго Герцогства Баденскаго сборища эмигрантовъ, которыя казалось пренебрегали имъ, приближался почти къ самой границѣ. Я знаю что въ получаемыхъ имъ объ оныхъ донесеніяхъ, безпрестанно упоминались имена одного Англійскаго агента, Баронессы Рейтъ и многихъ другихъ людей; что къ Англійскому агенту отправили человека съ порученіемъ его одурaczyć и что этотъ человекъ былъ Меге де ла Тушъ, замѣшанный во всѣхъ козняхъ.

Я знаю что цѣль Перваго Консула сначала состояла болѣе въ томъ чтобы устрашить, чѣмъ причинить зло; что онъ хотѣлъ напугать эмигрантовъ, дабы заставить ихъ удалиться.

Я знаю что въ это время Герцогъ Ангенскій былъ извѣщенъ, чрезъ письмо на имя той особы, для которой онъ жилъ въ Эттенгеймѣ, объ опасности, которой онъ могъ подвергнуться оставаясь тамъ.

Я знаю что въ слѣдствіе этого извѣщенія онъ рѣшился отправиться къ своему дѣду и что для сего ему слѣдовало проѣхать чрезъ часть Австрійскихъ владѣній.

Я знаю что Кавалеръ Стюартъ писалъ въ

Въну къ Г. Кобенцелю, прося его о немедленной присылкѣ паспорта.

Я знаю что Австрійскій кабинетъ очень замедлилъ отвѣтомъ и что еслибъ онъ сей часъ же отвѣтствовалъ, то Герцогъ Ангенскій непремѣнно бы спасся. Я знаю что излишнее, слѣсное усердіе, мною упомянутое, было виною слишкомъ поспѣшной казни Герцога Ангенскаго. Къ этимъ показаніямъ, я могу прибавить еще, очень любопытное обстоятельство. По принятому мною правилу при разсказѣ о вѣщахъ, которыхъ я самъ не видалъ или не слыхалъ, я начну объявленіемъ, что мнѣ пересказывалъ этотъ случай одинъ человѣкъ, слышавшій его самъ отъ бывшаго Секретаря Генерала Даву.

Секретарь, о которомъ я говорю, только что былъ назначенъ въ это званіе къ Генералу Даву, начальствовавшему дивизіею въ Булонскомъ лагерѣ. Отправясь въ дилижансѣ къ своему Генералу, Секретарь замѣтилъ идущаго съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ человѣка, котораго лице показывало глубокую скорбь, поглощающую въ себѣ всю его душу. Этотъ человѣкъ, въ продолженіе цѣлаго дня, прерывалъ молчаніе своею одними только вздохами, которыхъ онъ не въ состояніи былъ удержать. Секретарь Генерала Даву смотрѣлъ на него съ любопытнымъ участіемъ, но уважалъ его безмолвіе. Однакожь

какъ въ эту эпоху стеченіе проезжающихъ было очень велико на дорогахъ изъ Парижа въ лагерь, то вечеромъ трактиръ, въ которомъ остановился дилижансъ, такъ наполнился что не достало комнатъ для отведенія каждому проезжающему особой; пришлось помѣстить по двое въ одной и Секретарь распорядился такимъ образомъ что ему отвели покой вмѣстѣ съ его тайнственнымъ спутникомъ. Когда они остались одни, то онъ заговорилъ съ нимъ тѣмъ голосомъ участія и расположенія, при которомъ вопросъ никогда не кажется нескромнымъ. Онъ сказалъ ему что не можетъ видѣть безъ соучастія обнаруживаемую имъ сильную горестъ, спросилъ у него какая скорбь его удручаетъ и предложилъ ему свои услуги если его огорченія такого свойства, что онъ можетъ принимать утѣшенія. На всѣ эти разспросы незнакомецъ отвѣчалъ только тяжкими вздохами; наконецъ онъ сказалъ тому, который его спрашивалъ: «Я очень вамъ благодаренъ Милостивый Государь, за участіе, вами мнѣ оказанное; я ни въ чемъ не имѣю нужды и для меня не существуетъ въ свѣтѣ утѣшенія; скорбь, меня удручающая прекратится только съ моего жизнью. Вы сами это разсудите, ибо по участію, вами во мнѣ принятому, я не намѣренъ ничего отъ васъ скрывать. Представьте себѣ

мое отчаяніе: я былъ квартирмейстеромъ въ Лейбъ-Жандармахъ; меня отправляютъ съ отрядомъ въ Венсенъ; мы проводимъ ночь подъ ружьемъ; на разсвѣтъ мнѣ приказываютъ съ шестью человѣками сойти въ ровъ, гдѣ опредѣлено быть смертной казни. Приводятъ человека; я команду *пали*. Человекъ падаетъ и послѣ казни, я узнаю что мы разстрѣляли Герцога Ангенскаго. Могъ ли я думать что это былъ онъ? Его называли мнѣ *Вандейскими разбойниками!* . . . Я оставилъ службу; мнѣ дали отставку и я отправляюсь домой къ своему семейству. Зачѣмъ я раньше этого не сдѣлалъ!

Вотъ что рассказывать часто и многимъ особамъ Секретарь Маршала Даву, котораго я не хочу назвать по имени.

Я знаю сверхъ того что одинъ человекъ, какъ выше упомянуто, предлагалъ Принцу Конде умертвить Бонапарте и что это предложеніе было отвергнуто какъ безчестное.

Я знаю что Фуше находился въ Парижѣ, и что не бывъ Министромъ Полиціи, онъ все начальствовалъ оною; что Фуше, хоть и состоявшій только въ званіи простаго Сенатора, былъ приглашенъ въ засѣданіе Совѣта, происходившее 10 Марта въ Тюіери; и что въ этомъ-то засѣданіи Камбасересъ, который одинъ по своему сану, могъ говорить, сдѣлалъ по-

пытку, коей я выше изложилъ послѣдствіе.

Я знаю, что Герцогъ Ангенскій никогда не писалъ письма къ Первому Консулу и знаю это отъ старшаго Прицева Адъютанта, не покидавшаго его до послѣдней минуты. Я знаю также что ненависть и месть, истощивъ всѣ возможныя формы въ Парижѣ, принесли другой видъ на утѣсъ Св. Элены. Эта потребность ненависти и мести надѣялась быть удовлетворенною съ нѣкоторымъ наружнымъ видомъ истины до тѣхъ поръ, пока нитавшіе оную не знали о дополненіи къ духовной Наполеона; но это дополненіе обнаружило истину и я съ увѣренностью на него ссылаюсь, ибо оно дѣйствительно существуетъ. Не страшусь объявить здѣсь мое желаніе: да будетъ исторія всегда писана на основаніи документовъ, столь же вѣрныхъ, какъ тѣ, которые приведены мною!

И такъ изъ всего этого выходитъ что Наполеонъ, можетъ быть желая угодить Революціи, повелѣлъ поспѣшно, немедленно, безъ соблюденія судебныхъ обрядовъ, лишить жизни Герцога Ангенскаго дабы вѣрнѣе достигнуть престола; ему повиновались со всею поспѣшностью, которую онъ, безъ всякаго сомнѣнія самъ предписалъ, такъ что онъ не имѣлъ ни времени, ни возможности перемѣнить свое первоначальное рѣшеніе. Я навѣрно знаю, что

этототъ приказъ былъ отданъ, и увѣренъ что
еслибъ исполненіе казни замедлили нѣсколь-
кими часами, то Герцогъ Ангенскій бы не по-
гибъ.

Г Л А В А XXII.

Взглядъ обратно.—Предполагаемыя причины Наполеона.—Не-
нависть и боязнь.—Первое пятно Бонапарте. — Порученіе
Генералу Орденеру.—Взятіе Герцога Ангемскаго.—Прябы-
тіе въ Парижъ.—Пять часовъ у заставы.—Ужасная ночная
сцена.—Гаррель приходитъ ко мнѣ.—Подробности о смер-
ти Принца.—Заранѣ вырытый ровъ. — Вопросы, сдѣлан-
ные Прищемъ Гаррелю. — Молочная сестра Герцога Ан-
гемскаго.—Допросъ и чтеніе приговора. — Фонарь. — Гене-
раль Савари.—Мое мнѣніе и доказательства.—Именное при-
казаніе Наполеона.—Вѣрная собака и Полиція. — Восста-
новленіе уничтоженнаго порядка вещей.—Поездка моя въ
Мальмезонъ.—Юзефина, Гортензія и Г-жа Ремюза.—Отчая-
ніе Юзефины и перемѣна, происшедшая въ Наполеонѣ.—
Запальчивость его при просьбахъ Юзефины.—Мнѣніе Пари-
жа.—Портретъ и волосы.—Волненіе Савари. — Г. Шато-
брианъ.—Благородное поведеніе и просьба объ отставкѣ.—
Мои воспоминанія о Г. Шатобрианъ.—Сношенія его съ
Наполеономъ.—Г-жа Баччіоки и Г. Фонтанъ. — Назначеніе
Секретаремъ Посольства въ Римъ.—Кардиналь Фешъ. —
Посвященіе втораго изданія *Духа Христіанства*. — Воз-

вращеніе во Францію.—Новое мѣсто и обещаніе.—Г. Шатобріанъ у Бонапарте утромъ въ день смерти Герцога Англенскаго.—Сдѣланныя имъ замѣчанія.—Неподражаемый поступокъ твердости. — Опасеніе друзей Г. Шатобріана. — Начало долговременной вражды. — Сужденіе Наполеона о Г. Шатобріанѣ.

Въ предыдущей главѣ читатели видѣли причины невозвратнаго преступленія; теперь я постараюсь съ величайшею точностью изложить пагубныя событія, бывшія послѣдствіемъ этихъ причинъ. Начну обзоромъ нѣкоторыхъ прежнихъ обстоятельствъ.

Все, происходившее съ 1802 года, благопріятствовало видамъ Наполеона къ завладѣнію короною; все поощряло его къ учрежденію въ свою пользу новой династіи. Но онъ считалъ долгомъ явить доказательство, что возстановляя престолъ, онъ возстановлялъ его только для себя. Онъ очень хорошо зналъ чѣмъ это кончится, но думалъ что другіе могли опасаться чтобы онъ со временемъ не перемѣнилъ своихъ мыслей и возстановивъ престолъ, не возвратилъ бы его Бурбонамъ. Республиканцы испровергли оный съ пролитіемъ Королевской крови. А потому, по его мнѣнію они согласятся видѣть возстановленіе трона счастливымъ воинномъ, ихъ побѣдившимъ и своими собственными руками воздвигнуть вновь зда-

ніе, ими разрушенное; но имъ были нужны обеспечения. Бонапартъ чувствовалъ себя непричастнымъ злодѣйствамъ Революціи; молодая ея лѣта предохранили его отъ убійства ея и онъ всегда поставлялъ себѣ это за славу. Правда что онъ сражался съ Роялизмомъ 15 Вандеміера; но говорили что это было болѣе по расчету и изъ честолюбія, чѣмъ по чувствамъ. Онъ считалъ что этой поруки для Республиканцевъ недостаточно. Отвращеніе его къ такъ называемымъ имъ кровожаднымъ людямъ Революціи, обнаружилось 5 Пивоза. Надобно было сдѣлать что-бы тѣ, въ конхъ онъ имѣлъ или полагалъ имѣть нужду — забыли ненависть, которую онъ не переставалъ къ нимъ обнаруживать и онъ думалъ достигъ своей цѣли сдѣлавшись также какъ они виновнымъ. Всѣ знали мнѣніе его о цареубійцахъ и всѣгдашніе его о нихъ отзывы. Онъ слишкомъ хорошо умѣлъ цѣнить ихъ для того чтобы не знать, что все это заставляло ихъ быть бдительными и внушало имъ опасенія. Можетъ быть по мнѣнію Наполеона, они бы желали имѣть право сказать ему: «Мы лишили жизни Короля, но мы его судили. Ты, ты умертвилъ Принца въ противность всѣмъ судебнымъ обрядамъ.»

Поведеніе Наполеона было до тѣхъ поръ благородно и велико; но остатки ужаса, еще могущественные и конхъ сила увеличивалась его

воображеніемъ, могли бы не потерять владыку, который, не бывъ подобно имъ преступенъ, могъ бы всегда имѣть упрекъ на устахъ. И такъ смерть Герцога Ангенскаго была избрана для того, чтобы успокоить предполагаемые страхи, которые оцущали люди Революціи при одномъ только имени Бурбоновъ — ибо Наполеонъ полагалъ что они судятъ о себѣ точно также, какъ онъ объ нихъ судилъ. Притомъ же смерть Герцога Ангенскаго, долженствуя возбудить скорбь въ душахъ Роялистовъ, которые съ 18 Брюмера постепенно пристали къ Правительству Перваго Консула, — смерть сія вновь удаляла ихъ отъ онаго, такъ что мѣста, чинныя награды дѣлались вновь исключительнымъ удѣломъ людей Революціи: вотъ выгоды, которыя онъ имъ представлялъ въ замѣнъ ожидаемыхъ отъ нихъ услугъ.

Попытаюсь теперь начертать изображеніе кровавой сцены Венсенскаго замка.

Генералу Орденеру, Командиру Гвардейскихъ Конно-Гренадеровъ, Военный Министръ далъ приказаніе отправиться на Рейнъ для сообщенія наставленій начальникамъ Пев-Бриссакскихъ Жандармовъ, которыхъ отдавали въ его распоряженіе. Генераль Орденеръ послалъ взводъ Жандармовъ въ Этгенгеймъ, гдѣ Принцъ былъ задержанъ 15 Марта. Его тотчасъ отвезли въ Стразбургскую цитадель, гдѣ онъ пробылъ до

18 числа дабы имѣть время получить изъ Парижа приказанія. Эти приказанія были быстры и немедленно исполнены ибо карета, въ которой везли злополучнаго Принца, прибыла къ заставѣ 20-го, въ одиннадцать часовъ утра. Простоявъ тамъ пять часовъ, она отправилась по внѣшнимъ бульварамъ къ Венсенскому замку, коего достигла уже вечеромъ. Вся эта ужасная сцена долженствовала произойти ночью и солнце даже не освѣтило трагическій конецъ ея. Отряду приказано быть ночью въ Венсенѣ, коего роковыя врата закрылись по въѣздѣ Принца; ночью судъ собирается и судить его или лучше сказать, безъ суда его осуждаетъ; когда же утренній колоколъ пробилъ шесть часовъ, то раздался выстрѣлъ и въ шесть часовъ утра Принцъ пересталъ существовать.—Здѣсь да позволено мнѣ будетъ сдѣлать замѣчаніе: Даже и допустивъ, что совѣтъ 10 Марта имѣлъ вліяніе на взятіе подъ стражу Герцога Ангенскаго, — совѣта не было между прибытіемъ его къ заставѣ и минутою казни; слѣдовательно одинъ только Бонапарте могъ отдать приказанія, слишкомъ точно выполненныя.

Когда страшная вѣсть о смерти Герцога Ангенскаго разнеслась въ Парижъ, то она возбудила всеобщій ужасъ, напомнившій самые грозные дни Революціи. Ахъ! еслибъ Бонапарте могъ видѣть лица жителей столицы и сравнить мрачный, угрюмый видъ ихъ съ радостью, блистав-

шею повсюду въ тотъ день, когда онъ возвратился побѣдителемъ съ полей Маренгскихъ, то онъ бы заключилъ, что помрачилъ славу свою пятномъ, навѣки неизгладимымъ. Ужъ конечно онъ бы тогда не посмѣлъ, — какъ мы то дѣлали въ началѣ житія нашего въ Тюліері — выспрашивать общественное мнѣніе въ скрытныхъ прогулкахъ, или онъ повсюду слышалъ бы подтвержденіе дурныхъ отзывовъ, которые онъ нарочно самъ о себѣ заводилъ.

Двадцать втораго Марта, около половины перваго часа полудня мнѣ сказали, что нѣкто меня спрашиваетъ: это былъ Гаррель. Помыщаю слово въ слово сказанное имъ мнѣ. Гаррель можетъ быть счесть долгомъ сообщить мнѣ эти подробности изъ благодарности; но онъ не былъ мнѣ оною обязанъ; ибо ужъ очень не по моей волѣ онъ поддерживалъ заговоръ Церакки и получилъ награду за свое притворное въ немъ соучастіе.

«Третьягодня вечеромъ,» сказалъ онъ мнѣ, «до пріѣзда Принца, меня спросили, могу ли я помѣстить арестанта. Я отвѣчалъ что нѣтъ и что не заняты только моя квартира и присутствіе Суда. Тогда мнѣ велѣли тотчасъ приготовить комнату для ночлега арестанта, котораго привезутъ вечеромъ. Мнѣ также приказали чтобъ была *вырыта на дворѣ яма* (*); я от-

(*) Замѣтите хорошенько это обстоятельство: Гаррель приказали вырыть яму прежде суда; следовательно знали, что Гар-

въчалъ что это не легко сдѣлать потому что дворъ вымощенъ. Потребовали другаго мѣста и рѣшились сдѣлать это во рву, гдѣ дѣйствительно яма была приготовлена.

«Принцъ пріѣхалъ въ семь часовъ вечера. Онъ былъ очень голоденъ, но не имѣлъ печальнаго вида. Онъ попросилъ у меня поѣсть, желая послѣ того лечь. Такъ какъ комната его не была еще вытоплена, то я принялъ его у себя и велѣлъ принести кушанье изъ деревни. Принцъ сѣлъ за столъ и пригласилъ меня поѣсть съ нимъ. Тогда онъ сдѣлалъ мнѣ множество вопросовъ о Венсенскомъ замкѣ, о происшедшемъ въ немъ и о разныхъ другихъ вещахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ воспитанъ въ окрестностяхъ этого замка; и вообще разговаривалъ со мною очень свободно и ласково. Онъ спросилъ у меня: *Чего отъ меня хотятъ? Что хотятъ со мною сдѣлать?* Но эти вопросы не потревожили его спокойствія и не показывали никакихъ опасеній. Жена моя, которая больна, лежала въ тойже комнатѣ въ альковѣ за рѣшетчатою перегородкою; она услышала, не будучи имъ замѣченной, весь этотъ разговоръ, произведшій въ ней сильное

цогъ Ангенскій долженъ быть умерщвленъ. Что на это отвечать? Возможно ли предполагать чтобы кто нибудь осмѣлился дать заранѣе такое приказаніе, еслибъ это не было именно повелѣніе Наполеономъ? Это было бы нестерпимо.

волненіе ибо она узнала Принца, котораго она была молочная сестра и котораго семейство давало ей до Революціи пансіонъ (*).

«Принцъ успѣшилъ лечь; онъ имѣлъ въ томъ нужду; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ заснуть, судьи потребовали его въ присутственную залу. Я не былъ при допросѣ (**). По

(*) Эта женщина была очень опасно больна послѣ этого ужаснаго происшествія.

(**) Помѣщаю здѣсь въ выноскѣ извлеченіе изъ допроса Герцога Ангенскаго, дабы не помѣшать быстротѣ разсказа, еслибъ оное было включено въ самое текстъ.

«XII года Французской Республики, сего 29 Вантоза, въ двѣнадцать часовъ вечера, я Капитанъ Лейбъ-Жандармовъ, по приказанію начальствующаго оными Генерала, явился къ Главнокомандующему Мюрату, Парижскому Губернатору, который велѣлъ мнѣ тотчасъ отправиться въ Венсенскій замокъ къ Генералу Гюллену, начальнику Гренадеровъ Консульской Гвардіи, для полученія отъ него дальнѣйшихъ приказаній.

«Комисія военнаго суда немедленно учредится въ Венсенскомъ замкѣ для сужденія, не расходясь, обвиненнаго по статьямъ, изложеннымъ въ опредѣленіи Правительства.

«Для исполненія сихъ распоряженій и по приказанію Презуса Комисіи, Капитанъ Докладчикъ отгнѣлся въ комнату, въ коей спалъ Герцогъ Ангенскій, въ сопровожденіи Эскадроннаго Командира Лейбъ-Регимента, Поручика и двухъ иныхъ Жандармовъ того же Регимента.

«Капитанъ Докладчикъ получилъ нижеслѣдующіе отвѣты на сдѣланные имъ вопросы, записанные Капитаномъ 8-го Полка, избраннымъ въ Секретари.

—«На вопросъ: какъ его имя и прозваніе, который ему годъ и гдѣ онъ родился?

«Отвѣчалъ: что его зовутъ Лудовикъ-Антонъ-Генрихъ де Бурбонъ, Герцогъ Ангенскій и что онъ родился 2 Августа 1772 года въ Шантильи.

окончанія онаго, Принцъ возвратился въ свою горницу и когда пришли для прочтенія ему приговора, то онъ крѣпко спалъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, его повели на казнь. Онъ такъ мало ожидалъ оной, что сходя

—«На вопросъ: когда онъ выѣхалъ изъ Франціи?

«Отвѣчалъ: Я не могу сказать сего опредѣлительно. Но онъ думаетъ, что 16 Іюля 1789 года, онъ выѣхалъ съ Припцемъ Конде, своимъ дѣдомъ, съ отцемъ своимъ, съ Графомъ д'Артуа и съ дѣтьми сего послѣдняго.

—«На вопросъ: гдѣ онъ жилъ по выѣздѣ изъ Франціи?

«Отвѣчалъ: Выѣхавъ изъ Франціи я побывалъ съ моими родителями, за которыми я повсюду слѣдовалъ, въ Монъ и Брюссель; отсюда мы отправились въ Туринъ, къ Королю Сардинскому, гдѣ пробыли около шестнадцати мѣсяцовъ. Оттуда, вмѣстѣ со своими родителями, онъ поѣхалъ въ Вормсъ и въ окрестности на берегахъ Рейна. По учрежденіи корпуса Конде, я служилъ въ немъ. Прежде сего я сдѣлалъ походъ 1792 года съ Бурбонскимъ Корпусомъ въ арміи Герцога Алберта.

—«На вопросъ: куда онъ удалился послѣ мира, заключеннаго между Республикою и Императоромъ?

«Отвѣчалъ: Мы окончили послѣднюю кампанію въ окрестностяхъ Грецца; тамъ-то Корпусъ Конде, получившій содержаніе отъ Англіи, былъ распуценъ, т. е. въ Вендрихъ-Факстрикѣ въ Спирингъ—что онъ послѣ сего оставался для своего удовольствія въ Греццѣ или въ окрестностяхъ онаго, ожидая извѣстій отъ своего дѣда, Принца Конде, который отиравался въ Англію и долженъ былъ уведомить его о томъ какое сія Держава назначить ему содержаніе, до сихъ поръ еще не опредѣленное. Въ этотъ промежутокъ я испросилъ у Кардинала де Рогана позволеніе ѣхать въ его владѣніе, въ Эттенгеймъ въ Брисгавъ, бывшемъ Епископствѣ Стразбургскомъ; что два года съ половиною онъ оставался въ этой землѣ. По смерти Кардинала, онъ офиціально испросилъ у Курфюрста Баденскаго дозволеніе остаться въ этомъ краю, не желая жить тамъ безъ его на то соизволенія.

по лѣстницѣ, ведущей въ ровъ, спросилъ куда его ведутъ; ему не отвѣчали. Я предшествовалъ Принцу съ фонаремъ; почувствовавъ холодъ, идущій съ низу, онъ стиснулъ мнѣ руку и сказалъ мнѣ: *«Не въ тюрьму ли меня хотятъ заточить?»* Остальное извѣстно. Я

—«На вопросъ: не ѣздилъ ли онъ въ Англію и продолжаетъ ли онъ получать отъ сей Державы содержаніе?

«Отвѣчалъ: что никогда туда не ѣздилъ; что Англія продолжаетъ давать ему содержаніе, кромѣ коего онъ не имѣетъ никакихъ доходовъ.

«Спросилъ къ сему прибавить: что такъ какъ причины, по коимъ онъ оставался въ Этенгеймѣ, болѣе уже не существуютъ то онъ располагалъ переехать въ Фрибургъ въ Брисгавъ, городъ гораздо пріятнѣе Этенгейма гдѣ онъ оставался только въ ожиданіи отъ Курфюрста позволенія для охоты, которую онъ чрезвычайно любилъ.

—«На вопросъ: имѣетъ ли онъ переписку съ Французскими Принцами, удалившимися въ Лондонъ; и давно ли онъ съ ними видѣлся?

«Отвѣчалъ, что конечно онъ имѣетъ переписку со своимъ дѣдомъ, послѣ того какъ онъ разстался съ нимъ въ Вьеннѣ, куда онъ проводилъ его по распущеніи Корпуса; что онъ равномѣрно переписывается съ отцемъ своимъ, котораго онъ не видалъ, сколько можетъ припомнить съ 1794 или съ 1795 года.

—«На вопросъ: какое званіе занималъ онъ въ арміи Конде?

«Отвѣчалъ: Начальника авангарда въ продолженіе 1796 года. До сего похода былъ волонтеромъ въ главной квартирѣ своего дѣда; а съ 1796 года продолжалъ быть начальникомъ авангарда, замѣтивъ что по переходѣ арміи Конде въ Россію, эта армія состояла изъ двухъ Полковъ: Пѣхотнаго и Драгунскаго, что Императоръ пожаловалъ его Полковникомъ послѣдняго изъ оныхъ и что въ этомъ званіи онъ возвратился въ Рейнскія арміи.

—«На вопросъ: знаетъ ли онъ Генерала Пинсегрю и имѣетъ ли съ нимъ сношенія?

еще теперь вижу, какъ Гаррель содрогался, приводя себѣ на память это движеніе злонолучнаго Принца.

Таковъ былъ разсказъ Гарреля черезъ день послѣ казни. Много было говорено о фонарѣ, будто бы привязанномъ къ петлицѣ Герцога Ангенскаго: это чистая выдумка. Капитанъ Дотанкуръ, который не очень хорошо видѣлъ, приблизилъ фонарь, несомый Гаррелемъ для прочтенія приговора, и какого приговора! несчастному Принцу, котораго осудили безъ соблюденія судебныхъ обрядовъ и правосудія. Вѣроятно, что это употребленіе фонаря подало по-

«Отвѣчалъ: Кажется что я никогда не видалъ его и не имѣлъ съ нимъ сношеній. Знаю, что онъ желалъ со мною повидаться. Я радуюсь что незнакомъ съ нимъ, судя по низкимъ средствамъ, которыя онъ хотѣлъ употребить, если это справедливо.

—«На вопросъ: знаетъ ли онъ бывшаго Генерала Дюмурье и имѣлъ ли онъ съ нимъ сношенія?

«Отвѣчалъ: Также нѣтъ, я никогда его не видалъ.

—«На вопросъ: не имѣлъ ли онъ со времени заключенія мира сношеній внутри Республики?

«Отвѣчалъ: я писалъ къ нѣсколькимъ друзьямъ, которые мнѣ еще преданы, которые воскали со мною за свои и за мои дѣла. Но эта переписка не была такова, о каковой по его мнѣнію, у него спрашиваютъ.

«Во увѣреніе чего сіе изложено за подписаніемъ Герцога Ангенскаго и прочихъ лицъ, присутствовавшихъ при допросѣ.

«Прежде подписанія сего допроса, я убидительно прошу о частномъ свиданіи съ Первымъ Консуломъ. Мое имя, званіе, образъ мыслей и ужасъ моего положенія, подають мнѣ надежду что онъ не откажетъ въ моей просьбѣ.

А. А. Г. де БУРБОНЪ.

(сидуютъ подписи).

водъ къ распространенію слуху. Притомъ же было шесть часовъ утра въ роковую минуту, а 21 Марта всегда бываетъ свѣтло въ шесть часовъ утра.

Генераль Савари не посмѣлъ взять на себя отложить исполненіе приговора не смотря на то, что Принцъ убѣдительно просилъ о свиданіи съ Первымъ Консуломъ; еслибъ Бонапарте увидѣлъ Принца, то полагаю что безъ всякаго сомнѣнія онъ даровалъ бы ему жизнь, ибо онъ не могъ бы сдѣлать иначе; но Савари счелъ нужнымъ пожертвовать его головою могущественной партіи, владѣвшей тогда Первымъ Консуломъ и думая услужить своему повелителю, онъ дѣйствительно услужилъ только партіи, къ которой, должно сказать, самъ не принадлежалъ. И такъ по сущей справедливости, Генерала Савари особенно можно упрекать въ томъ что онъ не взялъ на себя отсрочить казнь, которая вѣроятно бы не послѣдовала, еслибъ она была замедлена; онъ былъ только орудіемъ и по моему мнѣнію сожалѣніе съ его стороны гораздо болѣе послужило бы всего пользу чѣмъ его тщетныя усилія оправдать Наполеона и соображенія, соединявшія его съ Якобинцами. Я сказать что еслибъ казнь была отложена, то вѣроятно она бы не послѣдовала: я нахожу этому почти доказательство въ нерѣшимости, долженствовавшей царствовать въ

дунѣ Перваго Консула. Еслибъ онъ не колебался, то всѣ мѣры были бы заблаговременно приняты, а еслибъ оныя были приняты то конечно карета Герцога Ангенскаго не простояла бы пять часовъ у заставы; а притомъ достоверно, что сначала намѣревалось было отвезти Принца въ Тампльскую тюрьму.

Изъ всего, сказаннаго мною и въ особенности изъ неотерочки казни Герцога Ангенскаго, для меня ясно какъ день обнаруживается, что Генераль Савари получилъ отъ Бонапарте именной приказъ погубить Герцога Ангенскаго и сдѣлать такимъ образомъ, чтобы невозможно было передоложить о томъ Наполеону до тѣхъ поръ пока все кончится. Какого требовать болѣе очевиднаго тому доказательства, какъ ровъ, который заранѣе было приказано вырыть? И, какъ мною выше упомянуто, Гаррель сказалъ мнѣ это; онъ сказалъ мнѣ это безъ всякаго съ моей стороны вопроса и не могъ выдумать обстоятельство такого рода. Преданный памяти своего повелителя столькоже какъ былъ преданъ его особѣ, Герцогъ Ровиго показалъ геройскую приверженность къ Наполеону, чрезъ свое стараніе смягчить истину, даже противорѣча объявленному въ духовномъ завѣщаніи Бонапарте. Мнѣ пріятно отдать ему эту справедливость, которой онъ не хотѣлъ самъ себѣ отдать; Генераль Савари только повинно-

вался. Прибавлю къ тому что въ правленіи Наполеона, совершенно военномъ, чинопочитаніе было столь строго, что никто бы не посмѣлъ не исполнить приказанія, даннаго Начальникомъ. Читатели видѣли что самъ Моро, сидѣвшій въ Тамплѣ въ ту эпоху, которую я теперь описываю, повиновался приказу, назначившему его тюремщикомъ Директоріи.

Генераль Савари, въ минуту казни находилъ-ся не во рву, а на вершинѣ вала откуда ему легко было все видѣть.

Говорили также о другомъ обстоятельстве, относящемся къ смерти Принца: оно справедливо.

Принцъ имѣлъ собачку; это вѣрное животное безирестанно приходило въ ровъ къ роковому мѣсту. Кго этого не видалъ? ибо усердіе, съ коимъ начали посѣщать это мѣсто скорби, совершенно походило на поклоненіе. Смотрѣли на мѣсто гдѣ пала юная жертва до тѣхъ поръ пока выкатившаяся слеза не препятствовала видѣть онаго и удивлялись вѣрности бѣдной собаки. Но Полиція, всего опасавшаяся, приняла свои мѣры. Запретили ходить чрезъ это мѣсто и собака перестала тосковать на могилѣ своего господина.

Бонапарте былъ близокъ къ достиженію своей цѣли, т. е. къ объявленію себя Императоромъ; онъ представилъ людямъ Рволюціи такіа

ручательства, какихъ они не посмѣли бы потребо-
вать; и вскорѣ эти гордые Республиканцы начали
улыбаться возстановленію порядка вещей, ими
уничтоженнаго, на перерывѣ расточая поклон-
ничество, раболѣіе и подлость въ обмѣнъ за
золото, изгибаться для поднятія того что они
нѣкогда втоптывали въ грязь и пріобрѣтати
богатство, могущество чрезъ тѣ самыя правила,
которыя они попирали ногами.

Я обѣщаль сообщить правду о смерти Гер-
цога Ангенскаго и сказалъ ей, сколь дорого это
мнѣ ни стоило. Объявленіе Гарреля и ужасное
обстоятельство заранѣе вырытой ямы не дозво-
лили мнѣ остановиться на сомнѣніяхъ, которыя
желалъ бы я питать; и все послѣдовавшее за
тѣмъ, не менѣе того воспренятствовало мнѣ
имѣть оныя. 22 числа, по выходѣ отъ меня
Гарреля, я рѣшился ѣхать въ Мальмезонъ, по-
видаться съ Г-жею Бонапартъ; зная по извѣст-
нымъ мнѣ чувствамъ ся къ Бурбонамъ, что она
должна находится въ сильномъ огорченіи. Я
предварительно послалъ къ ней спросить мо-
жетъ ли она меня принять, какой предосто-
рожности я прежде никогда не употреблялъ, по
которую счелъ при этомъ обстоятельстве пу-
жкою. По пріѣздѣ моемъ, я былъ тотчасъ вве-
денъ къ ней въ будуаръ гдѣ она находилась
только съ Гортензіею и съ Г-жею Ремюза; все
онѣ были жестоко огорчены. «Ахъ Бурісннгъ»

вскричала Иозефина, увидѣвъ меня, «какое ужасное несчастіе! еслибъ вы знали, каковъ онъ сталъ съ нѣкотораго времени: онъ избѣгаетъ, онъ боится присутствія всѣхъ. Кто могъ ему внушить такое дѣло?» Я пересказалъ тогда Иозефинѣ подробности, сообщенныя мнѣ Гаррелемъ. «Какая жестокость!» продолжала Иозефина, «покрайней мѣрѣ не стануť меня въ этомъ винить, ибо я все испытала для того чтобы отклонить его отъ этого пагубнаго намѣренія; онъ не открывалъ мнѣ его, но вы знаете какъ я умѣю его угадывать и онъ во всемъ признался; но съ какою суровостью онъ отвергнулъ мои просьбы! Я не отставала отъ него, я бросилась къ ногамъ его: *Не смѣшивайся съ тою что до тебя не касается!* вскричалъ онъ съ яростью, *это не женское дѣло! оставь меня.* И оттолкнулъ меня съ запальчивостью, какой я отъ него еще не видала послѣ перваго нашего свиданія по возвращеніи нашемъ изъ Египта. Боже мой! что съ нами будетъ?»

Я не имѣлъ ничего сказать Г-жѣ Бонапарте для успокоенія скорби и опасеній, мною самими раздѣляемыхъ, ибо къ огорченію, причиненному мнѣ неслыханнымъ злодѣйствомъ, ко-
его Герцогъ Ангенскій палъ жертвою,—присоединялось почти равная печаль огорченіе о томъ, что Бонапарте былъ способенъ свершить такое злодѣйство. «Каково должно быть мнѣніе

Парика», продолжала Иозефина, «я увѣрена что его вездѣ проклинають; ибо здѣсь даже самыя льстецы его повидимому огорчаются, не находясь въ его присутствіи. Мы очень печальны со вчерашняго дня, а онъ! . . . Вамъ извѣстно каковъ онъ, когда онъ недоволенъ самимъ собою и когда старается всеѣмъ это показать; никто не смѣетъ заговорить съ нимъ и все во кругъ насъ угрюмо. Какое порученіе онъ далъ Савари! Вы знаете что я не люблю его, потому что онъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ ласкательства наиболѣе будутъ содѣйствовать къ погубленію Наполеона. Не смотря на то, мнѣ стало жаль Савари, когда онъ вчера явился ко мнѣ для исполненія печальной порученности, данной ему передъ смертью Герцогомъ Ангенскимъ. Вотъ», прибавила Иозефина «портретъ его и пучокъ его волосъ, которые онъ проситъ меня отослать къ милой ему особѣ. Савари почти со слезами пересказывалъ мнѣ о послѣднихъ минутахъ Герцога; потомъ, стараясь притупить себя онъ прибавилъ: Какъ ни старайся, а невозможно видѣть умирающимъ такого человека, не ощутивъ живѣйшаго волненія.»

Иозефина рассказала мнѣ тогда о единственномъ мужественномъ поступкѣ, въ то время сдѣланномъ: о просьбѣ увольненія, поданной Наполеону Шатобріаномъ; она очень хвалила его поведеніе и прибавила: «Какое несчастіе,

что онъ не окруженъ людьми такихъ свойствъ; это останавливало бы его при всѣхъ ошибкахъ, которыя постоянное одобреніе окружающихъ, заставляетъ его дѣлать.» Иозефина поблагодарила меня за то, что я имѣлъ вниманіе навѣстить ее при такомъ жестокомъ обстоятельствѣ; и признаюсь, что нужна была вся моя къ ней привязанность для того, чтобы на то рѣшиться; ибо въ эту минуту я вовсе не желалъ бы увидѣться съ Первымъ Консуломъ, потому что зло было невозвратно. Сокративъ мое посѣщеніе, я довольно поздно воротился домой къ обѣду. Вечеромъ, только и было разговоровъ что о злодѣянн 21 Марта и о прекрасномъ поведеніи Г-на Шатобріана. Такъ какъ имя этого знаменитаго чловѣка на вѣки вписано буквами чести въ исторію сей эпохи, то я думаю что прилично будетъ напомнить здѣсь то что мнѣ извѣстно о прежнихъ сношеніяхъ его съ Наполеономъ.

Не помню точнаго времени возвращенія Г-на Шатобріана во Францію; знаю только что это было въ началѣ 1800 года, ибо кажется что мы жили тогда еще въ Люксембургѣ; но у меня осталось въ свѣжей памяти, что Бонапарте сначала былъ противъ него предубѣжденъ и когда я однажды изъявилъ Первому Консулу удивленіе мое о томъ что Г. Шатобріанъ не внесенъ ни въ одинъ изъ списковъ, которые

онъ приказалъ себѣ подать для назначенія на разныя мѣста, то онъ сказалъ: «Мнѣ объ немъ начинали говорить, но я отвѣчалъ такимъ образомъ что ужъ впредь не заведу объ немъ рѣчи; у него въ головѣ мысли о свободѣ, о независимости; онъ никогда бы не вошелъ въ мою систему; я лучше хочу имѣть его открытымъ врагомъ, чѣмъ принужденнымъ другомъ. Впрочемъ современемъ мы увидимъ; я сначала дамъ ему для опыта второстепенное мѣсто и если онъ выгодно себя покажетъ, то я его повышу.»

Вотъ слово въ слово, что сказалъ мнѣ Бонапарте о Г. Шатобрианѣ въ первый разъ какъ онъ объ немъ со мною говорилъ. Выходъ въ свѣтъ *Аталы*, а потомъ *Духа Христіанства* вдругъ придали его имени большой блескъ и обратили на него вниманіе Перваго Консула. Замышляя возстановленіе во Франціи Вѣры, Бонапарте нанеся себѣ удивительную подіору въ изданіи книги, произведшей большое впечатлѣніе и которой отличное достоинство побуждало умы обратиться къ набожнымъ понятіямъ. Я помню что однажды Г-жа Баччіоки пришла къ своему брату, держа въ рукѣ небольшую книжку: это была *Атала*, которую она подала Первому Консулу, прося его прочесть ее. Онъ сначала сказалъ: «Опять романъ съ литеры А! Право у меня мало времени

для того, чтобы читать всѣ ваши вздоры!» Онъ однакожъ взялъ книжку изъ рукъ сестры своей и положилъ ее на свой письменный столъ. Тогда Г-жа Баччіоки начала просить его объ исключеніи Г-на Шатобріана изъ списка эмигрантовъ: «А! а!» прервалъ онъ ее, «это произведеніе Г-на Шатобріана! прочту. Буріениъ, напиши къ Фуше, чтобы онъ вычеркнулъ имя его изъ списка.» Изъ этого видно сколь мало Бонапарте занимался литературными вещами, когда онъ даже не зналъ еще что Г-нъ Шатобріанъ написалъ *Аталу*. По ходатайству Г-на Фонтана, Г-жа Баччіоки взялась просить объ этомъ дѣлѣ и просьба ея увѣчалась полнымъ успѣхомъ. Первый Консулъ прочиталъ *Аталу* и остался очень ею доволенъ; когда же черезъ нѣсколько послѣ того времени были изданы *Духъ Христіанства*, то прежнія его предубѣжденія совершенно разсѣялись. Изъ людей, его окружавшихъ, многіе боялись увидѣть человека съ такимъ великимъ талантомъ какъ Г. Шатобріанъ, приближеннымъ къ Первому Консулу, который, будучи чувствителенъ къ высокимъ достоинствамъ всякаго рода, старался привязать къ себѣ одаренныхъ оными людей, если онъ имъ не завидовалъ.

По возобновленіи сношеній съ Римскимъ Дворомъ и по назначеніи Кардинала Фена Посланникомъ при Римскомъ престолѣ, — Бонапарте

первый возымѣлъ мысль назначить Г-на Шатобріана Старшимъ Секретаремъ этого Посольства, полагая что авторъ *Духа Христіанства* лучше всякаго другаго замѣнить недостающіе у его дяди таланты въ столицѣ Христіанскаго міра, предназначенной сдѣлаться вторымъ городомъ Имперіи.

Очень достопримѣчательно было для той эпохи видѣть что человѣкъ, до тѣхъ поръ чуждый дипломатіи, миновавъ всѣ низшія степени, вдругъ достигъ званія Старшаго Секретаря при важномъ посольствѣ. Я не разъ видѣлъ, что Первый Консулъ радовался сдѣланному имъ выбору. Я тогда же узналъ, но Первому Консулу въ то время было неизвѣстно, что Г. Шатобріанъ сначала отказался и уступилъ только убожденіямъ пастырей церкви, а въ особенности Аббата Эмери, человѣка отличнаго по своему таланту и пользовавшагося большимъ вліяніемъ. Они представили автору *Духа Христіанства*, что для выгодъ Церкви было весьма важно чтобы онъ соуправлялъ въ Римѣ дядѣ Перваго Консула и Г. Шатобріанъ рѣшился ѣхать.

Неизвѣстно мнѣ по какимъ причинамъ, между Посланникомъ и Секретаремъ Посольства возникли несогласія; знаю только что когда это дошло до Бонапарте, то онъ сначала взялъ сторону Кардинала и друзья Г-на Шатобріана ни-

сколько не сомнѣвался въ томъ, что онъ будетъ отрѣшенъ; какъ вдругъ, къ большому всѣхъ удивленію, вмѣсто отставки, Наполеонъ назначилъ Секретаря Римскаго Посольства Полномочнымъ Министромъ въ Валезію; съ дозволеніемъ путешествовать по Швейцаріи и по Италіи, а сверхъ того съ обѣщаніемъ перваго большаго Посольства, которое упразднится.

Эта чрезвычайная милость надѣлала много шуму въ Тюліери, но извѣстная воля Наполеона обуздывала объ этомъ толки и довольствовались потихоньку ронять что Бонапарте дѣлаетъ для имени Г-на Шатобріана то, что онъ въ существѣ дѣлалъ только для его таланта. Въ продолженіе этого благоволенія Перваго Консула, Г. Шатобріанъ посвятилъ ему второе изданіе *Духа Христіанства*.

Г. Шатобріанъ возвернулся во Францію дабы приготовиться ко вступленію въ новую должность. Когда, по проведеніи имъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, наступило время его отъѣзда, то онъ явился однажды утромъ въ кабинетъ Перваго Консула дабы проститься съ нимъ предъ отпращиваніемъ къ новому мѣсту. Но странному случаю это пришлось въ самое роковое утро 21 Марта, не болѣе какъ черезъ четыре часа послѣ того какъ Герцогъ Ангенскій былъ разстрѣлянъ. Не имѣю нужды го-

ворить, что Г. Шатобрианъ не зналъ объ этомъ ужасномъ событіи; однакожь, возвратясь отъ Перваго Консула, онъ сказалъ друзьямъ своимъ и кажется я слышалъ сіе отъ Г. Фонтана,—что онъ замѣтилъ на лицѣ Перваго Консула большую перемѣну и нѣчто зловѣщее въ его взглядѣ. Бонапарте, увидѣвъ своего новаго Министра въ толпѣ, нѣсколько разъ приближался къ нему какъ будто для того, чтобы съ нимъ поговорить; но вдругъ отворотился и болѣе уже не подходилъ на его сторону. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того какъ Г. Шатобрианъ сообщилъ свои замѣчанія двумъ или тремъ изъ друзей своихъ, публичныя крикуны обнаружили ему причину волненія, котораго, не смотря на всю силу своего характера и неимовѣрную власть надъ самимъ собою, Бонапарте не могъ скрыть. Г. Шатобрианъ послалъ просьбу о увольненіи его отъ мѣста Полномочнаго Министра въ Валезіи. Друзья его нѣсколько дней находились въ сильномъ безпокойствѣ; они всякой день утромъ приходили освѣдомляться не взялъ ли онъ ночью подѣ стражу; опасенія ихъ могли быть очень основательны. Что касается до меня, то зная Наполеона, я въ то время очень удивился тому что гнѣвъ, обнаруженный имъ при полученіи просьбы объ отставкѣ отъ чело-
вѣка, посвятившаго ему свое сочиненіе, — не

имѣлъ дурныхъ послѣдствій; правду сказать, тутъ всего можно было страшиться и не безъ большаго труда Елиза успѣла умирить бурю, которая, въ первую минуту, была бы ужасна. Съ этихъ поръ началась между Бонапарте и Шатобріаномъ непріязнь, прекратившаяся не прежде какъ по возстановленіи Бурбоновъ.

Зная Наполеоновъ характеръ, я увѣренъ что по прошествіи перваго пыла его негодованія и хотя онъ сохранилъ непримиримую вражду противъ возвращеннаго имъ во Францію эмигранта, который осмѣлился такимъ положительнымъ, такимъ торжественнымъ образомъ карать его поведеніе, — однакожь причина ненависти, въ тоже время возбудила въ немъ и уваженіе. Соглашаюсь, что гнѣвъ Бонапарте былъ весьма естественъ, ибо онъ не могъ обмануть себя въ настоящемъ значеніи этой просьбы объ отставкѣ, поданной при такомъ обстоятельствѣ; она ясно говорила: «Ты сдѣлалъ преступленіе и я не хочу больше служить твоему Правительству, обогренному кровью Бурбона!» Посему я очень понимаю что Бонапарте никогда не могъ простить единственному человѣку, который осмѣлился дать ему такой урокъ посреди его всемогущества; но — какъ я уже не разъ имѣлъ случай замѣчать — чувства Наполеона и разсудокъ его, никогда не были между собою за одно; я нахожу новое тому доказатель-

ство въ слѣдующемъ отрывкѣ, который онъ продиктовалъ Г-ну Монтолону на островѣ Св. Элены.

«Еслибы—говорить онъ—въ 1814 и въ 1815 годахъ, Королевская довѣренность не была оказываемая людямъ съ душами, закаленными слишкомъ сильными обстоятельствами или которые, отрицаясь отъ своего отечества, видятъ спасеніе и славу престола своего повелителя только въ покорности игу Священнаго Союза; еслибы Герцогъ Ришельё, котораго честолюбіе состояло въ томъ чтобы избавить свою отчизну отъ иноземныхъ штыковъ; еслибы Шатобрианъ, оказавшій въ Гентѣ важныя услуги, — управляли дѣлами, то Франція вышла бы могущественною и грозною изъ этихъ двухъ великихъ Государственныхъ переворотовъ.

Шатобрианъ получалъ отъ природы священный огонь. Сочиненія его въ томъ свидѣтельствуютъ; слогъ его есть слогъ не Расина, а пророка. Одинъ только онъ на свѣтъ, могъ безнаказанно сказать въ Палатѣ Перовъ, что *плащъ и шляпа Наполеона, вздѣтые на палку, воткнутую на Брестскомъ берегу, заставили бы всю Европу броситься къ оружію*. Если онъ когда либо достигнетъ Государственного кормила, то вещь возможная что Шатобрианъ упадетъ въ заблужденіе;—это столь многихъ погубило! Но достовѣрно, что всё великое и націо-

нальное согласуется съ его гениемъ и что опъ съ негодованіемъ бы отринулъ всѣ позорныя дѣйствія тогдашняго управленія.» (*)

Я буду еще имѣть случай говорить въ моихъ Запискахъ о великомъ писателѣ и Государственномъ мужѣ, подавшемъ столь высокій примѣръ твердости духа, которому по несчастію, не нашлось подражателей. До сихъ поръ вотъ все что мнѣ было извѣстно о сношеніяхъ Г. Шатобріана съ Бонапарте до эпохи, мною описываемой.

(*) Записки для исторіи Франціи при Наполеонѣ, соч. Монтюлана.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ЛИХОИМСТВА

ВЪ

ИТАЛІИ (*).

Я уже предупредилъ читателей, что нижеприведенную статью, можетъ статья приличнѣе было бы помѣстить въ первую часть моихъ Записокъ; однакожъ въ ней такъ много говорится о безчестномъ поведеніи нашего бывшего товарища Буке, когото присутствіе и короткость такъ сильно раздражили Перваго Консула у отца Бертонна, что я счелъ возможнымъ помѣстить ее здѣсь при этомъ случаѣ; и когда увидать что онъ сдѣлалъ, то легко поймутъ сколь справедливо Первыи Консулъ возмездіеовать увидѣвъ его въ Компіенѣ.

Послѣ занятія Веронны, въ началѣ Италіанскаго похода, Французскій гарнизонъ принужденъ былъ оттуда выйти и чернь, раздраженная противъ Французовъ, умертвила нѣсколько несчастныхъ солдатъ, оставленныхъ въ госпиталяхъ сего города. Вскорѣ послѣ этого, Веронна была вновь осаждена двумя Дивизіями, подъ начальствомъ Генераловъ Ожеро и Кильмена. Жители, зная чего имъ должно было страшиться отъ послѣдствій осады, въ особенности послѣ умерщвленія нашихъ солдатъ, не замедлили сдаться.

Генералъ Ожеро, имѣвшій главное начальство надъ осадными войсками, наложилъ на городскую Думу семь сотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ контрибуціи. Эта сумма была оточтена Французскому Камисару, который раздалъ оную войскамъ двухъ Дивизій, сообразно съ приказаніемъ Главнокомандующаго. Мы находились тогда въ Миланѣ, откуда Бонапарте наблюдалъ за частными дѣйствіями Генераловъ, подъ нимъ начальствовавшихъ. Онъ требовалъ во всемъ отчета и безпрестанно старался уничижать духъ хищности многихъ людей, привлеченныхъ приманкою золота въ Италію.

Самъ Бонапарте, отыскавъ Буке, далъ ему мѣсто военнаго Камисара, почему можно судить каково было его неудовольст-

[*] Это относится къ выноскѣ на стр. 188 сей части.

ніе, когда чрезъ разныя донесенія, до свѣдѣнія его дошли слѣдующія подробности.

Городъ Миланъ имѣлъ Сеудную Казну, закровавшую въ себя болѣе двѣнадцати миліоновъ. Буке, состоявшій тогда въ своемъ званіи военнаго Комисара при Дивизіи Ожеро и Полковникъ Андріе, находившійся при Штабѣ Дивизіи Кильмена, явившись въ это заведеніе, объявилъ Приставу онаго, что имъ поручено отъ Начальства сдѣлать опись Сеудной-Казны, приказали отпереть всѣ двери и заперли Приставъ съ семействомъ въ его жилищѣ.

Окончивъ свое честное дѣйствіе, Буке и Андріе ушли, возвративъ свободу Приставу, который, какъ можно себя представить, поспѣшилъ осмотрѣть мѣста, ими посѣщенныя. Прежде всего поразило его истребленіе рестровъ; сундуки были разбиты и вся наличная монета исчезла; двери многихъ шкафовъ были выломаны. Приставъ тотчасъ побѣжалъ къ Начальникамъ Сеудной-Казны для донесенія имъ о произведеніи грабежъ; Начальники довели о томъ до свѣдѣнія Предсѣдателя Градской Думы, который принесъ жалобу Генералу Ожеру. Генералъ приказалъ тотчасъ посадить обвиняемыхъ подъ стражу. Но Андріе обратился уже въ бѣгство, увезъ съ собою свою долю вещей, похищенныхъ изъ Сеудной-Казны. Буке, менѣе счастливый, былъ захваченъ на квартирѣ и по сдѣланному у него обыску, найдены въ тѣхъ драгоцѣнныя вещи и оправленные брилліанты, которые признали принадлежащими Сеудной-Казнѣ. Эти вещи были представлены Генералу Ожеро, который, какъ ниже увидятъ, не очень былъ расположенъ къ возвращенію оныхъ.

Но взятіи Буке подъ стражу, немедленно была назначена слѣдственная Коммисія. Правдивость, господствовавшая тогда въ некоторой части Италіанской арміи, была такова что Кавиталь, допрашивавшій Буке, нанесть въ его показанія такіа вещи, чрезъ которыя въ это дѣло оказывались замѣшанными многія особы, а потому остановивъ изслѣдованіе, онъ представилъ эти показанія Презысу Коммисіи, который въ свою очередь, не посмѣлъ продолжать дѣла безъ предварительнаго о томъ доклада Генералу Ожеро. Не знаю, какія именно особы были замѣшаны, но достоверно что черезъ нѣсколько дней послѣ того, Буке бѣжалъ, такъ что невозможно было продолжать слѣд-

ствія. Я помню, что Бонапарте, узнавъ о побѣдѣ Буке, сказалъ мнѣ: «Вообрази себѣ Буріеннѣ, какія бездѣльничества! пангъ бывшій товарищъ! Дѣло ясно: онъ пойманъ въ воровствѣ; и еслибъ его осудили, то я конечно приказалъ бы исполнить приговоръ; однакожъ я доволенъ тѣмъ, что онъ спасся и не вѣсно его преслѣдовать; но не хочу впередъ слышать объ этомъ чловѣкѣ.»

Истребленіе разстроивъ Веронской Сеудной-Казны не дозволило опредѣлить въ точности количество вещей, которыя похитили Буке и Андріе, но полагають всего на два миліона франковъ.

Бонапарте поручилъ Галлеру изслѣдованіе этого дѣла. Галлеръ послалъ въ Веронну Ронжана, прежде бывшаго Викарія Блуасскаго Епископства и служившаго въ Италіи по части финансовъ. Порученіе его состояло въ томъ, чтобы сдѣлавъ опись всѣмъ золотымъ, серебрянымъ и прочимъ вѣщамъ, хранящимся въ Сеудной-Казнѣ, отправить все оныя въ Миланъ къ Галлеру на военныхъ фурахъ подъ прикрытіемъ. Ронжанъ также получилъ повелѣніе продать съ аукціона въ присутствіи военнаго Комисара Гюйона все прочія, имѣющіяся въ Сеудной Казнѣ вещи и внести вырученныя за оныя деньги въ Главное Казначейство арміи; описать въ казну и продать все товары, находящіеся въ Веронской таможнѣ и принадлежащіе Державамъ, съ которыми мы находились въ войнѣ. Бонапарте, извѣстивъ объ этихъ приказаніяхъ, смягчить суровость оныхъ, издавнымъ отъ него повелѣніемъ. «Пусть берутъ съ богачей», сказалъ онъ; «хоть и это ужъ несчастіе; однакожъ это неизбежно въ войнѣ, но грабить бѣдныхъ безчестно.» Въ слѣдствіе сего Бонапарте приказалъ возвратити изъ Сеудной-Казны за утѣренную сумму десяти франковъ, заложенныхъ вещи ихъ хозяевамъ, какова бы ни была цѣна этихъ вещей, за исключеніемъ золотыхъ и серебряныхъ, равно и драгоценностей, дожиженствованныхъ по свойству своему принадлежать людямъ которые не имѣли въ нихъ нужды. Давъ воспользоваться дарованною Главкомандующимъ милостію, достаточно было предъявить билетъ на заложенные вещи. Остальное, какъ я сказалъ было отправлено въ Миланъ.

Работа по составленію описи не оканчивалась; надобно было безпрестанно начинать съ изнова, то что уже было составлено

по причинѣ новыхъ и безпрестанныхъ похищеній. Капитанъ, состоявшій при Штабѣ Генерала Ожеро всякой день забиралъ серебряную посуду, говоря что это для Генерала; противъ сего не смѣли возражать, но приходилось составлять новые списки дабы придать нѣтъ какой нибудь видъ правильности.

Слухъ объ этомъ повоѣ грабительства достигъ до ушей Наполеона, который ужасно разсердился, и отдалъ приказъ для сообщенія чрезъ Галлера чиновнику его Рошжану. Главнокомандующій предписывалъ ему отправиться къ Генералу Ожеро и потребовать немедленнаго возвращенія вещей, захваченныхъ на квартирѣ у Буке. Рошжанъ, зная Ожеро и его очень положительныя ухватки, не заблагоразсудилъ самъ исполнить это порученіе а передать его своему Секретарю; этотъ послѣдній, являсь къ Генералу Ожеро, получивъ въ отвѣтъ рѣшительный отказъ съ угрозою выкинуть его за окно если онъ тотчасъ не отправится вонъ. Слѣдствіе этого перетовора было сообщено Галлеру, который тотчасъ донесъ о томъ Наполеону.

Узнавъ объ отказѣ Ожеро повиноваться его повелѣнію, Бонапарте разъярился. «Разбойники,» вскричалъ онъ, «они готовы грабить среди бѣлаго дня. Мнѣ нужны эти деньги на содержаніе моей арміи» Потомъ, обратясь къ Галлеру. «Попиши еще къ Рошжану,» продолжалъ онъ, «что я приказываю ему вновь сходить къ Ожеро и потребовать возврата вещей, найденныхъ у этого бездѣльника Буке; прибавь, что въ случаѣ малѣйшаго затрудненія или медленности, я приказываю Генералу Ожеро немедленно явиться ко мнѣ въ Главную Квартіру для представленія мнѣ причинъ его отказа. Посмотримъ, заставлю ли я его себя повиноваться»

Робкій Рошжанъ опять отправилъ Секретаря своего со вторымъ порученіемъ къ Генералу Ожеро, который въ этотъ разъ не посмѣлъ не уважить приказа своего Главнокомандующаго. Онъ возвратилъ вещи, но исполнилъ это очень грубымъ образомъ, ибо когда связка съ ошymi была вручена Рошжанову Секретарю, то сей послѣдній подвергся жесточайшимъ ругательствамъ отъ Генерала, который не ограничился словами, едва не переломилъ себѣ ногу, опрокинувъ вдругъ столъ, на который онъ облокотился, для того чтобы дать росписку въ принятыхъ имъ вещахъ. Добыча, съ которою Ожеро такъ трудно было

разставаться, дѣйствительно стоила того чтобы возбудить его сожалѣнія; ибо въ связкѣ заключались вещи цѣною отъ пяти до шести сотъ тысячъ франковъ.

Я сказалъ какимъ образомъ Буке и Андриѣ начали свою проделку, истребивъ реестры Ссудной-Казны, а притомъ увидѣли что Рошжанъ и Военный Комисарь Гюйонъ были вмѣстѣ наряжены для освидѣтельствованія сделанныхъ похищеній. Вероятно ихъ соблазнилъ бывший у нихъ нереде глазами примѣръ; какъ бы то ни было а они дали своему порученію со всемоу цѣль отъ той, которая ей сначала предназначалась. Принявъ въ свое сообщество Капитана Генеральнаго-Штаба, показавшаго уже столь счастливыя расположенія, эти трое господа, конечно думая что никогда не должно пропускать благоприятнаго случая, — присвоили себѣ значительное количество золотыхъ цѣпей, брилліантовыхъ перстней, серегъ и женскихъ головныхъ уборовъ, которые, чтобы не быть пойманными въ утайкѣ, они благоразумно продали Веронскимъ Жидамъ. Эта продажа, по частямъ сдѣланная, доставила нашимъ тремъ честнымъ *торговцамъ* пять сотъ тысячъ франковъ, которые они по братски раздѣлили.

Кромѣ Рошжана, Галлеръ отправилъ въ Веронну еще другаго чиновника по имени Буланже, коего порученіе не касалось однакожъ до Ссудной-Казны. Буланже получалъ приказъ отобрать у всѣхъ Веронскихъ Священниковъ и Монастырскихъ Настоятелей все золотые и серебряные церковные сосуды кромѣ тѣхъ, которые были совершенно необходимы или принадлежали частнымъ людямъ. Для предупрежденія подлога, Главный Агентъ Финансовъ приказалъ чтобы были составлены выданнымъ вещамъ двойныя описи, изъ коихъ одна долженствовала остаться у тѣхъ, съ кого брали этотъ родъ контрибуцій.

Буланже имѣлъ у себя Секретаремъ бывшаго Францисканскаго монаха родомъ изъ Блуа, по имени Берже. Почтенный Рошжанъ опредѣлилъ Берже къ своему товарищу. Ученикъ Св. Франциска, вѣроятно забывъ уставъ основателя своего ордена, показавъ себя настоящимъ разбойникомъ. Какъ Буланже, достигшій занимаемаго имъ званія изъ сержантовъ былъ человекъ чрезвычайно ограниченный, то Секретарь его взялъ большую силу надъ умомъ своего начальника и какъ притомъ Берже, бывъ Монахомъ

въ Италіи, совершенно зналъ Италіанской языкъ, то онъ полагалъ, что можетъ плутовать по произволу. Вотъ какъ онъ поступалъ: описи, конхъ составленіе было поручено Берже, сдѣловало писать по Французски. Прежде всего онъ заводилъ разговоръ съ добрыми отцами, которыхъ ему было поручено обирать и удостовѣрять, что они не знаютъ по Французски, онъ не включалъ въ описи часть выданныхъ ему веней; притомъ же дабы не слишкомъ сурово исполнять возложенную на него обязанность, Берже охотно соглашался показывать что ничего не нашеть у тѣхъ, которые предлагали ему около той суммы, чего стоили вещи, которыя имъ было желательно у себя удержать.

Берже, кончивъ порученное ему дѣло, безъ сомнѣнія для полнаго подражанія своему покровителю Ронжану, продалъ также Веронскимъ Жндямъ великое число серебряныхъ сосудовъ, удержанныхъ имъ для себя; сохранилъ часть оныхъ и отправился во Францію проживать плоды своей честной промышленности; но онъ сдѣлался жертвою бережливости своей на расходы для перевозки. Въмѣсто легкаго свертка, прибывшаго съ нимъ изъ Италіи, онъ возъ съ собою три огромныхъ чемодана, набитыхъ награбленными имъ вещами. Дабы не платить за провозъ онъ нагрузилъ ихъ на фуры, въ которыхъ отправлялись въ Миланъ драгоценныя вещи Веронской Судиой-Казны. Тяжесть чемодановъ Берже возбудила подозрѣніе и когда онъ явился требовать оныя, то Галлеръ приказалъ открыть ихъ и отобрать содержавшіеся въ нихъ золотыя и серебряныя венцы; такъ что у Берже, изъ имущества тысячъ на четыреста, осталось только восемьдесятъ тысячъ золотыми монетами, которыя онъ искусно зашилъ въ подкладку своихъ чемодановъ.

Не проходило дня, чтобы Бонапарте не получалъ донесеній о такихъ мошенничествахъ; я говорилъ только о происшедшемъ въ Веронѣ, а можно себя представить, что не иначе поступали и въ прочихъ областяхъ Италіи и такимъ то образомъ были сдѣланы первые опыты се *офранцузить*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О Т Ъ

ИЗДАТЕЛЯ.

Слѣдующія за нимъ Приложенія, коихъ очень немного, весьма разнствуютъ между собою свойствами и относятся къ двумъ, совершенно противоположнымъ эпохамъ. Первые три представляютъ разительный примѣръ успѣховъ, которые Республиканское краснорѣчіе сдѣлало уже въ употребленіи похвалъ тогда какъ Бонапарте былъ назначенъ пожизненнымъ Консуломъ. Такъ какъ отзывы Наполеона помѣщены въ тексты сихъ Записокъ, то необходимо было представить читателямъ адреса и рѣчи, подавшія поводъ къ этимъ отвѣтамъ.

Надобно замѣтить, что Трибунатъ довольствовался тѣмъ что отправилъ свой адресъ чрезъ посланнаго, между тѣмъ какъ Сенатъ и Законодательный Корпусъ представили оные сами Первому Консулу чрезъ посредство своихъ Предсѣдателей съ депутаціями.

Что касается до прочихъ документовъ, относящихся къ смерти Герцога Ангенскаго, то ихъ также всего три. Первый есть Консульскій указъ, предписывающій Парижскому Губернатору предать Принца военному суду. Два другіе чрезвычайно важны: они представляютъ тексты двухъ приговоровъ, произнесенныхъ: одинъ до казни Герцога Ангенскаго, а другой по свершеніи оной, или лучше сказать, двѣ разныя темы того же приговора. Сравненіе этихъ двухъ документовъ рождаетъ тму размышленій. Второй есть только исправленное изданіе перваго, ибо если что либо доказываетъ незаконность осужденія и смерти Герцога Ангенскаго, рассматривая это Государственное преступленіе только въ отношеніи судебнаго порядка, то ужь конечно это признанная необходимость, въ которую было приведено Правительствомъ, исправлять послѣ приговоръ уже исполненный.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ЗАМѢЧАНІЯ И ПОЯСНЕНІЯ.

АДРЕСЪ ТРИБУНАТА ПЕРВОМУ КОНСУЛУ ПО СЛУЧАЮ ПОЖИЗНЕННАГО КОНСУЛЬСТВА (*).

«Граждане Консулы, мы представили Правительству частные голоса членовъ Трибуната на предложенный рѣшѣнію народа вопросъ: Будетъ ли Наполеонъ Бонапарте пожизненнымъ Консуломъ? Подавать голоса касательно этого великаго вопроса, значило для Трибуната соглашаться на исполненіе желанія, которое самъ онъ изъяснилъ въ засѣданіи 16 Флореала и конечно слѣдовало, тому кто сдѣлать первый приступъ къ предложенію сей мѣры, быть первому и въ исполненіи оной.

«Но вскорѣ весь народъ сей объявить свою верховную волю; и какъ ему не желать укрыишь къ своей судьбинѣ самымъ прочнымъ узамъ человека, когото храбрость и гений сдѣлали уже столько чудесъ; который, всегда побѣждая при предводительствѣ арміями, былъ всегда великъ и великодушенъ находясь главою Правительствъ; который спасъ общественную свободу; окончилъ самую кровопролитную войну почетнѣйшимъ миромъ; возстановилъ нравственность и истину; возвратилъ порядокъ и безопасность и который, къ столькимъ благодѣліямъ, хочетъ присоединить новое, посвятивъ всю жизнь свою счастію своихъ согражданъ.

«И такъ о своихъ драгоценнѣйшихъ пользахъ Французскому народу предложить объявить свое желаніе и онъ долженъ считать дѣломъ наиважнѣйшей политической важности сообщенное ему предложеніе о пожизненномъ назначеніи Главы его Верховнаго Правительства.

(*) Во всемъ Трибунатѣ, одинъ только Карно подавъ голосъ противъ этого адреса.

«Онъ увидитъ что главный предметъ сей войны есть тогъ чтобы —обеспечить спокойствіе, въ которомъ онъ имѣлъ такую нужду — дать Правительству прочность, составляющую его силу, —успокоить безпокойства и опасенія на счетъ грядущихъ событий,— устранить на всегда притязанія и надежды всѣхъ партій, утвердить однимъ словомъ будущее и на вѣки окончить Революцію.

«Таковы великія и будительныя причины, на коихъ Трибуналъ основывался въ своемъ рѣшеніи; и безъ сомнѣнія всѣ нація скоро утвердятъ оное своимъ одобреніемъ.

«Другое важное отношеніе представляется еще друзьямъ свободы. Слишкомъ часто, въ продолженіе Революціи, призывали самодержавіе народа только для того, чтобы производить во имя его дѣйствія, совершенно противныя правамъ его: нынѣ первый сановникъ Государства самъ исправлять мнѣнія оного на счетъ срока исправленія имъ его обязанности и народъ пригласень къ объявленію своей воли. Да будетъ эта блистательная честь, оказанная самодержавію народа, торжественно провозглашена.

«Но для чего было нужно это новое обеспечение? Бошанпарте имѣть слишкомъ возвышенныя, слишкомъ великодушныя понятія для того чтобы когда либо уклониться отъ свободномысленныхъ правилъ, произведшихъ Революцію и основавшихъ Республику. Онъ слишкомъ любитъ истинную славу для того чтобы когда либо помыслить злоупотребленіемъ власти избыточную славу, имъ иіобрѣтенную.

«Принимая честь быть верховнымъ сановникомъ Французовъ, онъ налагаетъ на себя великія обязанности и всѣ оныя выполняетъ. Народъ, призывающій его къ управленію, свободенъ и великодушенъ; онъ уважить, онъ утвердитъ его свободу и не сдѣластъ ничего, оной недостойнаго.

«Облеченный полною его довѣренностью, онъ употребитъ предоставленную ему власть только на содѣланіе его счастливымъ и процвѣтающимъ.

«Онъ отличитъ своихъ истинныхъ друзей, которые будутъ говорить ему правду отъ льстецовъ, которые будутъ стараться его обманывать. Онъ окружитъ себя благонамѣренными людьми которые, устроневъ Революцію, находятъ выгоды въ поддержаніи оной.

«Онъ почувствуетъ что слава его и выходы требуютъ представленія властямъ, на конхъ возложено совокупно съ нимъ составленіе законовъ Государства,—достоинства, силы и независимости, которыя должны имѣть законодатели великаго народа.

«Однимъ словомъ, Бонапарте, пребудеть всегда одинаковъ; онъ захочетъ чтобы слава его донла знаменитою и безъ укора до позднѣйшаго потомства, и о Бонапарте никогда нельзя будетъ сказать, что онъ жилъ нѣсколько годовъ дѣлше, чѣмъ бы слѣдовало.»

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОТЪ ИМЕНИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОРПУСА, ПРЕДСѢДЕТЕЛЕМЪ ОНАГО Г-мъ ВОБЛАНОМЪ.

«Ураждане Консулы, Законодательный Корпусъ, поздравивъ Правительство со всеобщимъ миромъ, долженствовало по свойству своихъ обязанностей ожидать пока Блистительный Сенатъ и Трибунатъ сдѣлають приступить къ изъясненію народной признательности.

«Получивъ изъясненное Трибунатомъ желаніе, мы пожалѣли о томъ, что конституціонныя предѣлы нашихъ обязанностей не дозволили намъ присоединиться къ привѣтнію мѣры, выражающей желаніе всѣхъ Французовъ.

«Указъ, сообщенный намъ Правительствомъ, освящаетъ уваженіе, оказанное Первымъ Консуломъ національному самодержавію. Законодательный Корпусъ видѣлъ въ этомъ призывѣ къ свободному народу единственное средство, достойное для провозглашенія благородной награды благороднѣйшихъ подвиговъ. Онъ счелъ долгомъ изъяснить свое мнѣніе торжественнымъ образомъ: онъ раздѣляетъ признательность, выраженную актами Сената и Трибуната и воздастъ, подобно Правительству, уваженіе національному самодержавію.

«Онъ признаетъ, что ему слѣдуетъ рѣшить; ему принадлежитъ

ознаменовать первые годы столь достопамятного управленія рѣшимостью полезною для выгоды Республики, обеспечивающую спокойствіе Европы, столько же какъ почетною для знаменитаго сановника составляющаго предметъ оной.

«Гражданинъ Первый Консулъ, — когда геній Франціи вѣрить вамъ судьбу свою, вы обещали намъ миръ. Это торжественное обещаніе отзывалось во всѣхъ сердцахъ; и трудностямъ сего великаго дѣла, непоколебимая довѣренность противопоставляла обещаніе верховнаго сановника: оно нынѣ исполнено; Франція не имѣетъ болѣе непріятелей.

«Мы теперь ожидаемъ отъ васъ высочайшей степени славы и благосостоянія, до которой народъ можетъ достигнуть чрезъ политическую, гражданскую и духовную свободу, чрезъ хлѣбопашество, чрезъ торговлю, чрезъ произведенія промышленности и генія: ваши правила и ваши таланты служатъ вѣрнымъ тому залогомъ; и препинамъ, которыя возникнутъ отъ свойства вещей, народная довѣренность противопоставитъ великодушіе вашихъ намѣреній и постоянство вашихъ трудовъ.

«Такимъ образомъ, между народомъ и вами всегда будетъ существовать неизменный союзъ августѣйшаго и взаимнаго довѣрія, который обеспечитъ его въ вашей заботливости о его счастьи и удостовѣритъ васъ въ усиліяхъ его содѣйствовать вашимъ успѣхамъ.

«Вскорѣ, чрезъ народную рѣшимость, удовлетворится общественная признательность и утвердится Правительство; вскорѣ будутъ вознаграждены труды сана, коему вы сообщили блескъ, достойный народа, его учредившаго.»

**РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОТЪ ИМЕНИ СЕНАТА,
ПРЕДСѢДТЕЛЕМЪ ОНАГО Г-мъ БАРТЕЛЕМИ
ПРИ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПЕРВОМУ КОНСУЛУ СО-
БРАННЫХЪ ГОЛОСОВЪ НАРОДА О ПОЖИ-
ЗНЕННОМЪ КОНСУЛЬСТВѢ.**

«Французскій народъ, признавая великія услуги, вами оному оказанныя, желаетъ дабы верховный санъ Государства пребылъ

навсегда въ рукахъ вашихъ. Завладѣвъ такимъ образомъ всею вашою жизнью, онъ только исполнить мысль Сената, изложенную въ указъ его 18 Флореала. Этимъ торжественнымъ актомъ признательности, нація возлагаетъ на васъ обязанность упрочить наши учрежденія.

«Новое конприче начинается для Перваго Консула. Послѣ чудесъ храбрости и военныхъ талантовъ, онъ окончить войну и повсюду пріобрѣсть наипочтѣннѣйшія мирныя условія. Французы, подъ его руководствомъ, пришли видъ и свойства истиннаго величія. Онъ примиритель народовъ и возстановитель Франціи. Одно его имя сѣтъ уже великое могущество.

«Трехлѣтнее управленіе уже заставило забыть ту эпоху безначалія и бѣдствій, которая казалось пресѣкла все источники общественнаго благоденствія. Но остается еще исцѣлить бѣдствія, еще разсѣять безпокойства. Французы, удививъ вселенную воинскими подвигами, ожидаютъ отъ васъ, Гражданинъ Первыи Консулъ, встѣхъ благодѣяній мира, вами имъ доставленнаго. Еслибъ существовали еще какія либо семена раздора, то провозглашеніе безсмыннаго Консульства Наполеона истребить оныя. Все теперь вокругъ него соединится. Могущественный его гений будетъ уметь все удержать и сохранить. Онъ дышетъ только благоденствіемъ и счастіемъ Французовъ. Онъ всегда будетъ побуждать ихъ къ славѣ и къ чувству національнаго величія. Дѣйствительно, какой народъ болѣе заслуживаетъ счастье? И отъ какого народа, болѣе просвѣщеннаго, болѣе чувствительнаго, можно пожелать болѣе уваженія и привязанности?

«Блюстительный Сенатъ присоединится ко всемъ великодушнымъ мыслямъ Правительства. Онъ всеми своими средствами будетъ содѣйствовать всемъ улучшеніямъ, производимымъ съ цѣлью предупредить возвращеніе бѣдствій, столь долго насъ удручавшихъ, распространить и упрочить блага, вами намъ возвращенныя. Долгъ его есть содѣйствовать такимъ образомъ исполненію желаній народа, который столь блистательнымъ образомъ обнаружилъ свое усердіе и разборчивость.

Сенатскій указъ, врученный вамъ, Первыи Консулъ, составленъ Сенатомъ содержитъ въ себѣ выраженіе его особенной признательности. Какъ орудіе верховной воли, онъ счастъ долгомъ, для

лучшаго исполненія намѣреній Французскаго народа, призвать искусства къ убѣдительно *воспомянанію* объ этомъ достопамятномъ событіи.»

ДОКУМЕНТЫ КАСАТЕЛЬНО СМЕРТИ ГЕРЦОГА АНГЕНСКАГО.

КОНСУЛЬСКИЙ УКАЗЪ.

«Правительство Республики повелеваетъ слѣдующее:

«Статья I-я. Бывшій Герцогъ Ангенскій, обвиненный въ томъ что онъ воевалъ противъ Республики; состоялъ и нынѣ еще состоитъ на жалованьи Англіи, и принимаетъ участіе въ заговорахъ, устрояемыхъ сею послѣднею Державою противъ внутренней и внешней безопасности Республики, будетъ преданъ военному суду, составленному изъ семи членовъ, назначенныхъ Парижскимъ Генераль-Губернаторомъ и который соберется въ Венсеннъ.

«Статья II-я. Министру Юстиціи, Министру Военному и Парижскому Генераль-Губернатору поручается исполненіе сего указа.»

Подписалъ: ПЕРВЫЙ КОНСУЛЬ *БОНАПАРТЕ*.

Скрѣпилъ: Гуго *МАРЕ*.

Главнокомандующій, Парижскій Губернаторъ *МИОРАТЬ*..»

Миорать нарядилъ военный судъ сообразно съ распоряженіями, изложенными въ вышеприведенномъ указѣ. Теперь увидать приговоръ, или лучше сказать *приговоры*, произнесенные этимъ судомъ.

Первый приговоръ, предъ князю.

«Сего 50 Вантоза, XII года Республики.

«Военный судъ, наряженный въ слѣдствіе указа Правитель-ства 29 числа сего мѣсяца, собрался въ Венсенскомъ замкѣ для сужденія бывшаго Герцога Ангискаго за вѣны, изложенныя въ вышеупомянутомъ указѣ.

«Презусъ, повелевъ привести подсудимаго свободнымъ и безъ оковъ, приказалъ Канитану-Докладчику прочитать принадлежа-щія къ дѣлу бумаги.

«Но прочтеніи вышеупомянутаго указа, Презусъ сдѣлалъ ему слѣдующіе вопросы:

—«Какъ ваше имя, прозваніе, который вамъ годъ и гдѣ вы родились?

Подсудимый отвѣчалъ, что его зовутъ Лудовикъ-Антонъ-Генрихъ де Бурбонъ, Герцога Ангискаго и что онъ родился въ Шантильи 2 Августа 1772 года.

—«На вопросъ: воевалъ ли онъ противъ Франціи?

Отвѣчалъ, что онъ участвовалъ во всей войнѣ и что подтверждаетъ сдѣланное и подписанное имъ при допросѣ показаніе. Сверхъ того прибавилъ что онъ хотѣлъ опять воевать и что желаетъ вступить въ службу при новой войнѣ Англіи противъ Франціи.

—«На вопросъ: состоитъ ли онъ еще на жалованьи Англіи?

Отвѣчалъ, что состоитъ и что получаетъ отъ сей Державы по 150 гиней въ мѣсяцъ.

«Военный Судъ, сообщивъ чрезъ своего Презуса подсудимому для прочтенія сдѣланныя имъ показанія, спросилъ у него: Не имѣетъ ли онъ чего прибавить въ свое оправданіе; на что подсудимый настоятельно отвѣтствовалъ, что ничего не имѣетъ болѣе сказать.

«Но отдавѣи Презусомъ приказа увести подсудимаго, Судъ, при затворенныхъ дверяхъ присутствія, приступилъ къ совѣданію; Презусъ собралъ голоса начиная съ младшаго въ чинѣ; и по объявленіи Презусомъ послѣ всехъ своего мнѣнія — единогласно объявилъ его виновнымъ, применивъ къ нему статью . . . закона . . . предписывающую . . . и въ слѣдствіе сего, приговорилъ его къ смерти.

«Приказали: приговоръ сей немедленно привести въ исполненіе, прочитавъ оный въ присутствіи разныхъ стрдцовъ гарнизона, — осужденному.

«Составлено и определено, не расходясь въ Венсеннъ, выше означеннаго числа мѣсяца и года, что и подписали:

ПРИМѢЧАНІЕ. Слѣдуютъ подписи, за исключеніемъ подписи Аудитора (greffier), непрiloженной къ приговору, по которому Приицъ былъ казненъ, чего уже было достаточно для того чтобы сдѣлать оный недействительнымъ; но это еще ничто въ сравненіи съ пробѣлами, показывающими, что Военный Судъ, даже не могъ привести, ни статьи закона, ни самаго закона, въ силу коего его осуждали. Теперь представляется приговоръ *переправленный* на другой день, тогда какъ уже было поздно.

Второй Приговоръ послѣ казни.

«Военный Судъ, наряженный въ первой военной Дивизіи къ силу указа Правительства 29 Вантоза XII года Республика единой и нераздѣльной.

«Именемъ Французскаго народа,

«Сего 30 Вантоза XII года Республики, Военный Судъ, наряженный въ первой военной Дивизіи, къ силу указа Правительства 29 Вантоза XII года, составленный по закону 19 Фруктидора V года изъ семи членовъ, назначенныхъ Главнокомандующимъ Мюратомъ, Парижскимъ Губернаторомъ и Начальникомъ первой военной Дивизіи.

«Которые Презусъ, члены, Докладчикъ и Аудиторъ не состоятъ въ родствѣ между собою ни съ подлежащимъ въ степеняхъ закономъ воспрещаемой.

«Судъ, наряженный по повелѣнію Главнокомандующаго, Парижскаго Губернатора и собравшійся въ замкѣ Венсеннъ, въ квартиру Коменданта онаго для сужденія именуемаго: Лудовикомъ-Антономъ-Генрихомъ де Бурбономъ Герцогомъ Ангелскимъ, родившагося въ Шантильи 2 Августа 1772 года, ростомъ 1 метра 780 миллиметровъ, волосы и брови свѣтлорусые, лице продолговатое красное, глаза темнопестрые, носъ средний, носъ орлиный, подбородокъ островатый, стана стройнаго; обвиненнаго

«4. Въ пошеишіи оружія противъ Французской Республики;

Часть V.

45

«3. Въ предложеніи услугъ своихъ Англійскому Правительству, врагу Французскаго народа;

«3. Въ принятіи и содержаніи при себѣ агентовъ вышесказаннаго Англійскаго Правительства, въ доставленіи имъ средствъ учреждать сношенія съ Франціею и въ составленіи съ ними заговора противъ внутренней и внешней безопасности Государства;

«4. Въ принятіи начальства надъ сборищемъ эмигрантовъ Французскихъ и другихъ состоящихъ на жалованьи Англій и пребывающихъ на границахъ Франціи, въ земляхъ Фрибурга и Бадена;

«5. Въ учрежденіи съ городомъ Стразбургомъ сношеній, клонящихся къ ополченію смежныхъ областей для произведенія благопріятной для Англій диверсіи;

«6. Въ бытіи однимъ изъ покровителей и сообщниковъ заговора, устроеннаго Англичанами противъ жизни Перваго Консула и въ намѣреніи, въ случаѣ успѣха сего умысла, вѣхать во Францію.

«По открытіи засѣданія, Презусъ приказалъ Докладчику прочитать всѣ принадлежащія къ делу бумаги, какъ обвинительныя, такъ и оправдательныя.

«По представленіи сихъ бумагъ, Презусъ приказалъ стражъ привести подсудимаго, который былъ введенъ свободный и безъ оковъ предъ судъ.

«Будучи спрошенъ о его имени, прозваніи, лѣтахъ, мѣстѣ рожденія и жительствѣ.

«Отвѣтствовалъ, что его зовутъ .Лудовикъ-Антонъ-Генрихъ де Бурбонъ, Герцогъ Ангенскій, родился въ Шантильи 2 Августа 1772 года, отъ роду имѣетъ 32 года и выѣхалъ изъ Франціи съ 16 Іюля 1789.

«По сдѣланіи Презусомъ подсудимому вопроса касательно всего существующаго противъ него обвиненія; по выслушаніи Докладчика и его заключеній и доводовъ приведенныхъ подсудимымъ къ своей защитѣ; когда сей послѣдній объявилъ что не имѣетъ ничего прибавить въ свое оправданіе, Презусъ спросилъ у членовъ, не имѣютъ ли они сдѣлать какихъ либо замѣчаній; по полученіи отъ нихъ отрицательнаго отвѣта, прежде отображенія мнѣній, онъ приказалъ обвиняемому удалиться.

«Подсудимый былъ отведенъ обратно въ темницу своего стражею и Докладчикъ, Аудиторъ равно какъ присутствовавшіе при Судѣ Граждане (*) удалились а Судъ приступилъ къ разсужденіямъ при затворенныхъ дверяхъ.

Презусъ предложилъ на разсмотрѣніе слѣдующіе вопросы:

«Лудовикъ-Антонъ-Генрихъ де Бурбонъ, Герцогъ Ангенскій, обвиняемый:

«1. Въ ношеніи оружія противъ Французской Республики; виновенъ ли?»

«2. Въ предложеніи услугъ своихъ Англійскому Правительству, врагу Французскаго народа; виновенъ ли?»

«3. Въ принятіи и содержаніи при себѣ агентовъ вышеказаннаго Англійскаго Правительства; въ доставленіи имъ средствъ учреждать сношенія съ Англіею и въ составленіи съ ними заговора противъ внутренней и внешней безопасности Государства; виновенъ ли?»

«4. Въ принятіи начальства надъ сборищемъ эмигрантовъ Французскихъ и другихъ, состоящихъ на жалованьи Англіи и пребывающихъ на границахъ Франціи, въ земляхъ Фрибурга и Бадена; виновенъ ли?»

«5. Въ учрежденіи съ городомъ Стразбургомъ сношеній, клонящихся къ ополченію смежныхъ областей для произведенія благоприятной для Англіи диверсіи; виновенъ ли?»

«6. Въ бытіи однимъ изъ покровителей и сообщниковъ заговора, устроеннаго Англичанами противъ жизни Перваго Консула и въ намѣреніи, въ случаѣ успѣха его умысла, въѣхать во Францію; виновенъ ли?»

«По собраніи голосовъ о каждомъ изъ сихъ вопросовъ отдѣльно, начиная съ младшаго въ чинѣ, и по объявленіи Презусомъ послѣ всѣхъ своего мнѣнія,

«Судъ объявляетъ Лудовика-Антонъ-Генриха де Бурбона, Герцога Ангенскаго:

«1. Единогласно виновнымъ въ ношеніи оружія противъ Французской Республики.

«2. Единогласно виновнымъ въ предложеніи услугъ своихъ Англійскому Правительству, врагу Французскаго народа.

(*) «Граждане, присутствующіе при судѣ!..» Какая жестокая насмѣшка! никого не было кроме . . .

«3. Единогласно виновнымъ въ принятіи и содержаніи при себѣ агентовъ вышеказаннаго Англійскаго Правительства; въ доставленіи имъ средствъ учреждать сношенія съ Англіею и въ составленіи съ ними заговора противъ внутренней и внешней безопасности Государства.

«4. Единогласно виновнымъ въ принятіи начальства надъ сборищемъ эмигрантовъ Французскихъ и другихъ, состоящихъ на жалованьи Англіи и пребывающихъ на границахъ Франціи въ земляхъ Фрибурга и Бадена.

«5. Единогласно виновнымъ въ учрежденіи съ городомъ Стразбургомъ сношеній, клонящихся къ ополченію смежныхъ областей для произведенія благопріятной для Англіи диверсіи.

«6. Единогласно виновнымъ въ бытіи однимъ изъ покровителей и сообщниковъ заговора, устроеннаго Англичанами противъ жизни Перваго Консула и въ наипрѣднѣ, въ слугать успѣху сего умысла, *вызвать во Францію (*)*.

«За снѣмъ Презусъ предложилъ вопросъ касательно опредѣленія наказаній. По собраніи вновь голосовъ вышеизложенныхъ порядкомъ, Военный Судъ единогласно приговорилъ къ смертной казни именуемаго Лудовикомъ-Антономъ-Геррикомъ де Бурбономъ, Герцогомъ Ангемскимъ за преступленія шпіонства, сношенія съ врагами Республики и посягательства на внутреннюю и внешнюю безопасность Государства.

«Вышеказанная смертная казнь опредѣлена сообразно со статьями II-ю, Главы IV Военскаго Устава о преступленіяхъ и наказаніяхъ 21 Брюмера V года; съ I-ю и II-ю, I-й Главы Общаго Уголовнаго Устава 6 Октября 1794, въ конхъ сказано:

«Статья II. [21 Брюмера V года.] Всякой человекъ, какого бы онъ ни былъ состоянія, званія или ремесла, уличенный въ шпіонство для непріятели, будетъ казненъ смертію (**).

(*) Кто не найдетъ тутъ значенія и даже самыхъ словъ отвѣта, сдѣланнаго Наполеономъ I-му Массіасу въ Ахенѣ? Причѣмъ должно помнить что это второе изданіе приговора было составлено по свершеніи уже дѣла.

(**) Такимъ образомъ Бонапарте, будучи принятъ всесоборнымъ голосомъ Франціи въ качествѣ истребителя Революціонныхъ законовъ, призывалъ сіи самые законы для примѣненія ихъ

«Статья I. [6 Октября 1791] Всякой заговоръ или злодѣяніе противъ Республики, будетъ наказано смертию.

«Статья II. [тамже] Всякой заговоръ и умыселъ, клонящійся къ возмущенію Государства междоусобіемъ чрезъ вооруженіе гражданъ другъ противъ друга или противъ законныхъ властей, будетъ наказанъ смертию.

«Предписывается Капитану-Докладчику немедленно прочитать приговоръ сей въ присутствіи стражи подъ ружьемъ осужденному.

«Съ приговора сего, въ срокъ, закономъ определенный сообщить копии Военному Министру, Министру Юстиціи и Главнокомандующему, Парижскому Губернатору.

«Составлено и определено не расходясь вышеозначеннаго числа, мѣсяца и года, въ *публичнолы засѣданіи* (*) и члены Высшаго Суда подписали съ Докладчикомъ и съ Приставомъ Уголовныхъ дѣлъ журналъ засѣданія.»

(слѣдуютъ подписи.)

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

къ Герцогу Англенскому и для этого изъ него надобно было сдѣлать *интіона*!

(*) Какая наглость!

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Г Л А В А I.

Генераль Бернадотъ.—Доносы и вражда.—Трудныя порученія.—Усмиреніе Вацдеи.—Прекращенное возмущеніе въ Турѣ.—Твердость Бернадота.—Несправедливость Перваго Консула.—Принужденная похвала.—Письмо Бонапарте.—Полковникъ Либертъ.—Советъ, данный мною Бернадоту.—Благодарность Генерала.—Исудача Наполеона.—Эпоха водворенія въ Сен-Клу.—Привязанность Наполеона къ этой обители.—Сен-Клу и Тюліери.—Царская темница.—Дорога въ Мальмезонъ.—Репетиціи къ Имперіи.—Презрѣніе къ людямъ.—Республиканцы и шитые золотомъ кафтаны.—Г. Фоксъ и Бонапарте.—Взаимное уваженіе.—Извѣщенія во время войны.—Военный обѣдъ.—Неприглашеніе Моро.—Я встречаюсь съ нимъ въ рестораціи. 1

Г Л А В А II.

Дѣйствіе Сенатскаго указа о пожизненномъ Консульствѣ.—Отложенный замыселъ касательно титуловъ.—Противорѣчіе словъ со скрытыми дѣйствіями.—Поездка Мальмезонскихъ жителей въ Шомбьеръ.—Дорожный Журналь.—Дурнота Раша.—*Консулша*.—Ишигать съ ламповымъ масломъ.—Приключеніе.—Дурная дорога и благополучный пріездъ.—*Приписка*.—Предложеніе Луціана Лозефинъ.—Ея исго-

дованіе и слезы.—Представленіе въ Нёльн Альзирь.
—Неблагодарныя костюмы.—Гитвъ Наполеона.
—Талантъ Луціана. — Обыкновенные Мальмезонскіе
актеры.—Синсокъ піесъ и костюмы. — Уроки Таль-
мы и Мишо.—Разительная противоположность.—Удо-
вольствіе, находимое Наполеономъ въ представленіяхъ
на домашнемъ театрѣ. — Многочисленные собранія
въ Мальмезонѣ.—Я теряю часы. — Награжденная
честность.—Увольненіе отъ Конскрипціи.—Пестрѣ-
линость и доброта.—Каиова въ Сен-Клу. — Статуя
Наполеона и Герцогъ Веллингтонъ. 15

Г Л А В А III.

Правила Наполеона касательно перемѣны Министровъ.

—Гг. Годень и Декре.—Фуше. — Портретъ его.—
Вліяніе его на Перваго Консула. — Мысли Напо-
леона о донесеніяхъ Полиціи. — Отставка Фуше и
першинность Перваго Консула. — Корыстолюбіе
Министра.—Отзывы о Фуше за глаза и обхожде-
ніе съ нимъ.—Поездка въ Морфонтенъ.—Отрѣше-
ніе исполненное, но не объявленное. — Письмо Се-
нату.—Несовмѣстное соединеніе Полиціи съ Юсти-
ціею.—Г. Ренье.—Полиція Фуше.—Огорченіе, при-
чиненное Г-жѣ Бонапарте отставкою Фуше.—Семей-
ный сценъ.—Беременность супруги Лудовика Бона-
парте.—Ложные и безстыдные слухи, дошедшіе до
Иозефины.—Огорченіе матери и супруги.—Предоста-
вленіе наслѣдія незаконнорожденному. — Объясненіе
одного обстоятельства.—Извинительная мнительность.
—Внутренность кабинета.—Отвѣтъ Перваго Консу-
ла Иозефинѣ.—Вспыльчивый упрекъ Иозефины Рёде-
реру. — Г-жа Бонапарте посѣщаетъ Руель.—Про-
должительный разговоръ на большой дорогѣ.—Воз-
становленіе престола и вѣрность вѣществу на
онъ Бурбоновъ.—Перемѣна, происшедшая въ На-
полеонѣ.—Королева и Императрица.—Дѣти и раз-

Стр.

водъ.—Разныя причины.—Синеходительные законы и Церковь. — Сличеніе съ показаніемъ острова Св. Элены. — <i>Политическое пзуповство</i> .—Разногласіе между мужемъ и женою.—Предоставленіе правоты Г-жѣ Бонапарте.	27
--	----

Г Л А В А IV.

Г. Фешъ сдѣлать Кардиналомъ. — Возстановленіе Бого- служенія.—Искусства и промышленность.—Выставка въ Лувръ.—Видъ Парижа въ 1802 году.—Связь въ Тюліери.—Посланники. — Многочисленныя предста- вляющія.—Венера Медіційская и Паллада Велетрій- ская. — Признаки всеобщаго благоденствія.—Курсъ фондовъ. — Синеходительность Римскаго Двора.— Молесбствіе въ Туринъ.—Новая Конституція Батав- ской Ресублики.—Министры, не подлежащіе ответ- ственности.—Бурбоны. — Разговоръ съ Г. Лафайе- томъ.—Мѣщеніе Перваго Консула объ Америкѣ и о Польнѣ. — Разномысліе Бонапарте съ Г. Лафайе- томъ.—Порицаніе Конкордата.—Размышленія Пер- ваго Консула.	48
--	----

Г Л А В А V.

Военное правленіе.—Генералы дипломаты.—Лантъ, гово- рящій Наполеону ты.—Песносная короткость.—Пре- красный характеръ Лаина. — Умысль удаленія.— Въроломный совѣтъ.—Ноельскій отель.—Казна Гвар- діи.—Умышленная забывчивость.—Лантъ у Генера- ла Лечебра. — Данные въ заемъ чотыреста тысячъ франковъ.—Гнѣвъ Лаина.—Горькіе упреки.—Средст- во улачивать долги и Португальское посольство.— Просьба о увольненіи.—Совѣты Корвизара.—Нечув- ствительность ко мнѣ Наполеона.—Долгая нервын- ность.—Замедленное доставленіе денегъ.—Г. Талей- ранъ въ кабинетъ Перваго Консула.—Гнѣвъ Бона-

46*

напарте.—Ушибенная рука.— Нестерпимая брань.—
Неблагодарный ответ.—Я прошусь въ отставку.
—Записка Дюрока.—Согласіе на мое увольненіе.—
Хладнокровіе съ моей стороны и новый порывъ
гнѣва.—Мое прощанье.— Угрозы Трибунату. — Я
завтракаю съ Наполеономъ.— Общаніе расположе-
ній.—Дюрокъ проситъ меня остаться. — Бонапарте
преклоняетъ меня къ тому своею ласкою. — Отказъ
мой на приглашеніе съ нимъ отобѣдать.—Временное
примиреніе. 58

Г Л А В А VI.

Акты Консульскаго правленія.—Бонапарте и Лудовикъ
XIV.—Великія эпохи. — Ничтожная власть двухъ
другихъ Консуловъ.—Сен-Жерменское предмѣстіе.—
Римскій дворъ и Почетный Легионъ.—Государствен-
ный Советъ.—Порученія, дѣлаемые членамъ оного.
—Допускаемая свобода мнѣній.—Боязнъ всенародна-
го объявленія оной.—Названіе *подданныхъ*.—Слова
Наполеона.—Мысль уничтожить Трибунатъ.—Речь
Г. Симеона.—Отвѣтъ Перваго Консула.—Назначеніе
въ пробыль. 72

Г Л А В А VII.

Бонапарте и власть.—Блистательное доказательство.—Го-
лова Наполеона.—Сенаторы въ Тюильри.—Лаклясъ
и Ласепедъ. — Преданность Камбасереса. — Стран-
ность одного Сенатскаго Указа. — Неудовольствіе
Перваго Консула.—Двусмысленныя слова.—Испра-
шиваніе народнаго мнѣнія.—Причины моего непри-
сутствія въ Государственномъ Советѣ.—Рёдереръ и
Рейо де Сен-Жанъ д'Анжелъ.—Замѣчанія Дюбуа —
Консульскій указъ. — Г. де Воблакъ. — Письменный
отвѣтъ. — Адресъ Трибуната.—Дурно принятые совѣ-
ты. — Желанія Франціи. 85

Г Л А В А VIII.

Прѣбываніе въ Мальмезонѣ.—Поклоненіе отвагѣ.—Прогулка въ паркѣ.—Разговоръ.—Неожиданный вопросъ о Бурбонахъ.—Отрицательный отвѣтъ.—Изыясненіе.—Важность агентовъ.—Лудовикъ XVIII.—Замыслы.—Разница въ Наполеонѣ относительно двухъ оппозицій.—Новыя козны Луціана.—Циркуляръ безъ подписи.—Книжка Камилла Жордона.—Жестокая выходка противъ свободы тисненія.—Запрещеніе книжки.—Негодованіе нѣкоторыхъ членовъ Сената за сдѣланную имъ потачку.—Пришужденное уничтоженіе товарищей Наполеона.—Одобреніе передѣлки Конституціи.—Неоспоримый доводъ.—Новый Сенатскій указъ.—Пышныя слова Наполеона о свободѣ и равенствѣ.—Г. Бартеlemi.—Дипломатическій Корпусъ.—Большіе покои.—Печаль Иозефины.—Мнѣніе Камбасереса на счетъ чувствъ, обнаруженныхъ Первымъ Консуломъ 99

Г Л А В А IX.

Недовольные.—Состязаніе предательства.—Непозволительныя сходбища.—Пренебреженіе Министра Полиціи.—Доносы малыхъ Полицій.—Духовный чванлиизмъ и національныя инстинкты.—Страшная противоположность въ Наполеонѣ.—Важныя труды.—Докладъ Гражданскаго Уложенія.—Усердное посѣщеніе Первымъ Консуломъ Государственнаго Совѣта.—Продолжительныя засѣданія.—Знаніе людей и науки управленія.—Посѣщеніе Сената.—Умышленная оппозиція.—Возвращеніе въ Тюльери.—Старшинство, предоставленное Сенату предъ Государственнымъ Советомъ.—Прибавленіе преимуществъ.—Ложные слухи о Министерствахъ.—Жалобы на Луціана.—Нѣмота, признанная страшною и поддержанная.—Учрежденіе Сенаторствъ 110

Г Л А В А X.

Упоение великихъ мужей.—Вредная преданность и несчастное усердіе.—Гг. Маре, Шампаньи и Ровиго.—Истинныя услуги Г. Талейрана.—Замедленіе въ исполненіи приказаній.—Фуше и Революція.—Роялистскій Комитетъ.—Гг. Клермонъ-Галлерандъ и Ройс-Колларъ.—Хартія, составленная при Консульствѣ.—Потѣдка въ Кобленцѣ. — Исключенная изъ Записокъ статья.—Домогательства Роялистскаго Комитета у Иосифины.—Герцогиня де Гишъ.—Статуя и подножіе.—Госпожа де ла Валіеръ, соч. Г-жи Жанлисъ.

Почетный Лейонъ и гвоздики. — Вліяніе Сенъ-Жерменскаго предмѣстія.—Необдуманый поступокъ.

Погодованіе Лудовика XVIII —Благоразумный совѣтъ Аббата Андре.—Совѣщаніе въ Нёльи. — Удовольствіе Роялистскаго Комитета. — Письмо его къ Лудовику XVIII. 122

Г Л А В А XI.

День посылъ впаденія моего въ немилость.—Предчувствіе будущаго. — Причины возвращенія мнѣ пріязни. --- Моя искренняя печаль.—Притворное участіе. Предложеніе помощника.—Г. Менисваль.— Несчастное со мною приключеніе.—Мнѣніе Герцога Ровиго о мнѣ, о положеніи моемъ при Наполеонѣ и о причинахъ впаденія моего въ немилость.—Ссылка на Г. Барбе-Марбуа въ подтвержденіе несправедливаго обвиненія.

Письмо Г. Марбуа.—Доказательства лживости изложеннаго обо мнѣ мнѣнія.—Перечисленіе Бонапарте, сличкомъ для меня лестное. Ненависть его Министровъ и слѣдствія оной. — Злоба и зависть. — Участіе въ подрядѣ. Дѣйствія клеветы.—Предлогъ разлуки моей съ Наполеономъ. 149

Стр.

Г Л А В А XII.

Воспоминанія.—*Притиска* Г. Барбе-Марбуа.—Тайна писемъ.—*Черный* кабинетъ.—Извлеченія изъ писемъ на почтъ при Консульствѣ.—Сообщеніе оныхъ Министрамъ.—Отвращеніе къ скрытымъ доносамъ.—Письмо, врученное Наполеону въ засѣданіи Совѣта.—Удаженіе мое въ Сеп-Клу.—Приказаніе, данное мною Ландуару.—Письмо Г. Менневала.—Сожалѣніе Наполеона.—Второе письмо Г. Менневала.—Дружественное мое къ нему расположеніе.—Осмидневная борьба между дружбою и самолюбіемъ.—Ласковый пріемъ Перваго Консула.—Ръчи, сообщенныя мнѣ Г-жею Бонапарте.—Официальное отршеніе.—Письмо Бонапарте.—Мелкое мщеніе.—Мебели мои въ Рюель.—Переписка Дюрока.—Великія дѣйствія Консульскаго Правленія.—Желаніе вхаты въ Англію.—Отказъ.—Ложное предположеніе.—Осмютръ моихъ бумагъ.—Советъ Дюрока.—Письмо отъ меня Первому Консулу.—Исудачная попытка новой клеветы.—Обнаруженная истина. 165

Г Л А В А XIII.

Предчувствіе Бонапарте о непродолжительности мира.—Англію тревожитъ благоденствіе Франціи.—Предпочтеніе Наполеона къ войнѣ.—Его разсужденія.—Стеченіе иностранцевъ въ Парижъ.—Криводушная политика Англіи.—Бонапарте и Лордъ Витвортъ.—Подробности внутренняго состоянія Франціи.—Относительное положеніе двухъ Державъ.—Неизбѣжная война.—Поездка къ Сѣвернымъ Берегамъ.—Завтракъ въ Компіенѣ.—Отецъ Бертонъ, нашъ бывшій начальникъ.—Нескромность нашего соученика Буке.—Гилья Наполеона.—Патубныя послѣдствія.—Помышлательство отца Бертонъ и смерть его.—Бонапарте хочеть

Стр.

призвать меня обратно.—Данный Раппу приказъ о томъ чтобы я прїѣхалъ.—Усилія моихъ медоброжелателей тому воспрепятствовать.—Отмѣна приказанія.—Дружба ко мнѣ Раппа и Дюрюка. 180

Г Л А В А XIV.

Обширныя работы, свершенныя Французскими солдатами.—Невѣроятная дѣятельность. — Бонапарте повсюду.—Частыя поѣздки къ берегамъ.—Обыкновенный порядокъ пути.—Двѣнадцать часовъ верхомъ.—Обращеніе къ прошедшему.—Разсужденія въ Совѣтъ о договорахъ.—Сопротивленіе Трюге.—Справедливое мнѣніе Наполеона.—Дипломатическіе обѣды.—Свѣтъ, раздѣленный на двое.—Европа область.—Бонапарте ревнитель достоинства Франціи.—Полицейскіе приказы.—Переодѣтый Англичанинъ.—Публичная аудіенція въ Тюіери.—Отзвѣтъ Перваго Консула о Франціи и объ Англіи.—Уваженіе къ мнѣнію Англичанъ.—Политическій балъ въ Мальмезонѣ.—Одна кадрили.—Заранѣ сочиненные стихи. — Удивленіе Гортензін. — Странная причина бала 192

Г Л А В А XV.

Вліяніе разнообразныхъ занятій. — Размысленія.—Истинна о замыслѣ высадки въ Англію.—Г. Питтъ. — Причины удаленія сего Министра. — Ошибка Англійскаго Правительства.— Политическія продѣлки.—Нарушеніе Амьенскаго договора.—Взаимныя причины неудовольствій. — Наслѣдіе Великаго Герцога Пармскаго. — Сдѣланныя Франціею предложенія.—Островъ Мальта.—Отъѣздъ Лорда Витворта.—Жестокая война.—Римъ и Кароагенъ.—Усиѣхи ласкательства.—Внутренняя радость Наполеона.—Посланіе къ Сенату, Законодательному Корпусу и къ Трибунату.—Отмѣна Титула Короля Франціи, носимаго Королемъ Англійскимъ 202

Г Л А В А XVI.

Пріяты жалобъ Англійскаго Правительства.—Надежда на торговый Договоръ.—Рѣшительное сопротивленіе.—Французскіе агенты въ портахъ Великобританіи и Ирландіи. — Поѣздка Генерала Себастьяни въ Египеть.—Основательная жалоба Англійскаго кабинета.—Желаніе сохранивъ Мальту. — Слова Бошарпте, сказанныя въ Законодательномъ Корпусѣ.—Ложное оныхъ истолкованіе. — Завоеваніе Гапсбурга. — Телеграфическая депеша. — Герцогъ Кембриджскій и карикатуры. — Вліяніе бездѣлокъ на умы народа. — Георгъ III, Король и Курфирстъ. — Первое обращеніе къ духовенству. — Слово Милостивый Государь, въ первый разъ употребленное.—Республиканскіе мѣсяцы и недѣли. — Пастырскія посланія Кардиналовъ Беллуа и Камбасереса. — Аббевильскій священникъ. 216

Г Л А В А XVII.

Представленіе Принца Боргезе.—Аудиторы въ Государственномъ Совѣтѣ.—Отъѣздъ въ Бельгію. — Торжественныя порота и рѣчи.—Осмотръ произведеній промышленности Сомскаго Департамента.—Возстановленный Королевскій обычай.—Аміенскіе лебеди.—Перемена формы въ актахъ Правительства.—Путешествіе Французскихъ актеровъ.—Праздникъ двѣдвещеницы.—Раздѣленіе Института на четыре разряда. — Ученые и Литераторы. — Непріязнь Наполеона къ Литераторамъ.—Взаимная ненависть Перваго Консула и Дюисса.—Несправедливые стихи.—Мнѣніе Бошарпте о Бернардень де Сен-Пьеррѣ. — Шенье и Лемерсіе.—Притворное расположеніе.—Сношеніе Наполеона съ Лемерсіе.—Стихотворцы и награды. — Изыясненіе неприязни Наполеона къ словесности. — Лалаандъ и словарь его.—Общественное воспитаніе.—

Стр.

Отзывъ Наполеона о дѣтяхъ дворянъ.—Г. де Локелоръ, Малинскій Архидіаконъ.—Его ѣздивое при-
вѣтствіе Г.жѣ Бонапарте.—Возвращеніе въ Сен-Клу. 228

Г Л А В А XVIII.

Тамплъ и подозрительные.—Кознодѣя Европы.—Война
товарамъ.—Строгія мѣры.—Привступъ къ Константи-
нтальной системѣ.—Бомбардированіе Гранвилля.—От-
рѣшеніе двухъ помощниковъ Мера.—Я позванъ къ
Первому Консулу. — Страхъ свиданія.— Неоправ-
давшаяся боязнь. — Первые слова Наполеона. —
Любезность его со мною. — Вопросы. — Отзывъ
Бонапарте о минимомъ замыслѣ высадки въ Англію.
—Обманутая Европа.—Корабли, построенные отъ
городовъ.—Флотилія. — Англійскія карикатуры. —
Тайна отъ Раппа и Дюрока.—Французскіе матросы. 242

Г Л А В А XIX.

Скрытые ковы.— Фонъ-Борель.—Намѣреніе помирить
Моро съ Пиннегрию.—Пренебреженіе Наполеона. —
Разница въ положеніи между Моро и Пиннегрию.—
Необходимое вступленіе.—Великое дѣло при концѣ
Консульства. — Планъ и дѣйствія Фуше.—Мои спо-
менія съ Фуше. — Пророческія рѣчи.—Аббатъ Да-
видъ и Лажоле.—Порученіе въ Лондонъ.—Записка
Фуше Первому Консулу.—Воздухъ, наполенный
книжалами.—Отѣздъ въ Пон-Карре и скорый при-
зывъ Фуше въ Тюліери. — Ренѣ, обманутый своими
агентами.—Я позванъ къ Первому Консулу.—Него-
дованіе Наполеона на слухи, распространенные о
Гортензіи.—Истина на счетъ этой клеветы.—Обѣща-
ніе мое Первому Консулу. — Страшное открытіе. —
Братья Фуше. — Смерть ихъ. — Письмо предъ
смертью. — Большой выходъ.—Разговоръ съ Дюро-
комъ. — Заблужденіе Дюрока на счетъ Моро . . 255

Стр.

Г Л А В А XX.

Заговоръ Жоржа, Моро и Пишегрю.— Несогласіе въ мнѣніяхъ между заговорщиками.—Моро противился восстановленію Бурбоновъ.—Буве де Лозье.—Покушеніе его къ самоубійству.—Признаніе.—Взятіе подъ стражу Моро.—Показаніе Гг. Полиньяка и де Ривьера.—Присутствіе и покровительство тайной Полиціи.—Взятіе подъ стражу Г. Карбонне.—Я его посѣщаю.—Племянникъ его взятъ и опять освобожденъ.—Донесеніе Ренье. 269

Г Л А В А XXI.

Великія событія 1804 года.—Перемѣна положенія эмигрантовъ.—Смерть Герцога Англенскаго.—Ложное предположеніе.—Противорѣчіе Наполеона на островѣ Св. Элены.—Невозможность соучастія.—Сближеніе чиселъ.—Что я бы могъ сдѣлать у Перваго Консула.—Извѣщеніе Герцога Англенскаго.—Сиръ Стюартъ.—Медленность въ отвѣтъ Австрійскаго Двора.—Рѣшимость Наполеона.—Герцогъ Англенскій въ Эттенгеймъ.—Исправленныя ошибки.—Пишегрю и таящееся лицо.—Г. Массіасъ.—Историки острова Св. Элены.—Предполагаемое письмо, никогда не существовавшее.—Повиновеніе Наполеону.—Завычаніе его.—Исключеніе и прибавленіе къ духовной.—Отзывъ Наполеона объ эмигрантахъ и о Г-нѣ Кобентцелъ.—Слишкомъ скорая казнь.—Странный случай съ Секретаремъ Маршала Даву.—Вандейскій разбойникъ.—Квартермистръ.—Фуніе въ Советъ.—Заключеніе . . 282

Г Л А В А XXII.

Взглядъ обратно.—Предполагаемыя причины Наполеона.—Ненависть и боязнь.—Первое пятно Бонапарте.—Порученіе Генералу Орденеру.—Взятіе Герцога Англенскаго.—Прибытіе въ Парижъ.—Пять часовъ у
Часть V. 47

Стр.

заставы. — Ужасная ночная сцена. — Гаррель приходит ко мнѣ. — Подробности о смерти Принца. — Заранѣе вырытый ровъ. — Вопросы, сдѣланные Принцемъ Гаррелю. — Молочная сестра Герцога Ангенскаго. — Допросъ и чтеніе приговора. — Фонарь. — Генералъ Савари. — Мое мнѣніе и доказательства. — Именное приказаніе Наполеона. — Вѣрная собака и Полиція. — Возстановленіе уничтоженнаго порядка вещей. — Поездка моя въ Маттемезонъ. — Иозетина, Гортензія и Г-жа Ремюза. — Отчаяніе Иозетины и перемѣна, происшедшая въ Наполеонѣ. — Запальчивость его при просьбахъ Иозетины. — Мнѣніе Парижа. — Портретъ и волосы. — Волненіе Савари. — Г. Шатобріанъ. — Благородное поведеніе и просьба объ отставкѣ. — Мои воспоминанія о Г. Шатобріанѣ. — Сношенія его съ Наполеономъ. — Г-жа Баччіоки и Г. Фонтанъ. — Назначеніе Секретаремъ Посольства въ Римъ. — Кардиналь Фешъ. — Посвященіе втораго изданія *Духа Христіанства*. — Возвращеніе во Францію. — Новое мѣсто и обшчаніе. — Г. Шатобріанъ у Бонапарте утромъ въ день смерти Герцога Ангенскаго. — Сдѣланныя имъ замѣчанія. — Цеподражаемый поступокъ твердости. — Опасеніе друзей Г. Шатобріана. — Начало долговременной вражды. — Сужденіе Наполеона о Г. Шатобріанѣ. 346

П Р И Л О Ж Е Н І Я

къ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Лихоніиства въ Италіи. 339

Объявленіе отъ издателя 345

Стр.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ И ПОЯСНЕНІЯ.

Адресъ Трибуната Первому Консулу по случаю пожизненнаго Консульства.	346
Речь, произнесенная отъ имени Законодательнаго Корпуса Предсѣдателемъ оного Г-мъ Вобланомъ. . . .	348
Речь, произнесенная отъ имени Сената, Предсѣдателемъ оного Г-мъ Бартеlemi при представленіи Первому Консулу собранныхъ голосовъ о пожизненномъ Консульствѣ.	349

ДОКУМЕНТЫ КАСАТЕЛЬНО СМЕРТИ ГЕРЦОГА
АНГЕНСКАГО.

Консульскій Указъ.	351
Первый приговоръ предъ казною.	352
Второй приговоръ послѣ казни.	353

ЗАПИСКИ
Г. БУРИЕННА,
ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА
О
НАПОЛЕОНѢ,
ДИРЕКТОРН, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРИИ И
ВОЗСТАНОВЛЕННІИ БУРБУНОВѢ.

ПЕРЕВЕДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
С. ДЕ ШАНПЛЕТЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ
ЧАСТЬ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ
СТРАЖИ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Пе-
тербургъ 16 Іюля 1834 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Слѣдствія смерти Герцога Ангенскаго. — Перемена расположенія умовъ въ провинціяхъ. — Обитатели замковъ. — Мысль Наполеона о жизни въ замкахъ. — Семейство Була-дю-Коломбѣ.—Упадокъ въ мнѣніи. — Дѣйствіе, произведенное въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ Санктпетербургѣ смертью Герцога Ангенскаго. — Замѣчательныя слова Г. Питта. — Принужденное молчаніе Вѣны и Берлина. — Печальное положеніе Королей Испанскаго и Неаполитанскаго. — Отосланные обратно знаки ордена Златаго Руна. — Письмо Лудовика XVIII. — Бонапарте и Карломанъ.—Моро сообщникъ не будучи таковымъ.—Тайна Пишгерю, проданная однимъ изъ друзей его. — Поддѣльные ключи и ночное взятіе подъ стражу. — Комисаръ Коменжъ. — Насиліе и сопротивленіе. — Прекрасная черта Пишгерю.—Его бывший Адъютантъ и портретъ.

Непосредственныя слѣдствія смерти Герцога Ангенскаго не ограничились всеобщимъ ужасомъ, которымъ этотъ Государственный ударъ

Часть VI.

1

поразилъ столицу. Вѣсть объ этомъ злоудѣйствѣ распространилась по всемъ провинціямъ и чужимъ землямъ, возбуждевъ повсюду скорбь и страхъ. Цѣлое сословіе общества, имѣющее наиболѣе вліянія въ Департаментахъ, такъ называемые обитателями замковъ, составлявшие, если можно такъ выразиться, *Сен-Жерменское Предмѣстіе* провинцій, были поражены ею. Мнѣніе владѣльцевъ замковъ не было до сихъ поръ неблагоприятно Первому Консулу; они въ особенности ощутили на себѣ тяжесть закона заложниковъ и за исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ, привыкшихъ считать себя въ свѣтѣ тѣмъ же чѣмъ они были въ окружности двухъ миль, то есть знаменитыми особами,—все разсудительные люди въ провинціи, даже и сохранявшіе искреннюю привязанность къ прежнему порядку вещей, съ удовольствіемъ видѣли, что Консульское Правленіе заступило мѣсто правленія Директоріи и не питало неприязни къ особѣ Перваго Консула. Въ замкахъ болѣе чѣмъ гдѣ либо, всегда создали прекрасныя мечты касательно направленія, которое слѣдовало дать Государственнымъ дѣламъ и принятии дѣйствія Правительства. Въ самомъ дѣлѣ всякому извѣстно, что въ эту эпоху не существовало во Франціи ни одного помѣщичьяго дома съ флюгарками, который не имѣлъ бы своего великаго политика и въ которомъ не было бы

разсуждаемо о томъ, какую ролю избереть Первый Консуль — Кромвеля или Монка. При этихъ невинныхъ преніяхъ истолковывали также немногія извѣстія, которыя дозволялось помѣщать въ журналахъ и полученное изъ Парижа письмо часто болѣе педѣли служило пищею для разговоровъ. Пока я былъ при Бонапарте, онъ часто разговаривалъ со мною о жизни въ замкахъ, которую онъ считалъ самою счастливою для людей, имѣющихъ посредственное состояніе и чуждыхъ честолюбія. Онъ могъ знать и цѣнить этотъ образъ жизни, ибо онъ очень часто повторилъ мнѣ что время его жизни, вспоминаемое имъ съ наибольшимъ удовольствіемъ было то, которое онъ провелъ въ окрестностяхъ Валанса въ замкѣ, принадлежащемъ семейству Буладо-Коломбѣ. Онъ очень уважалъ мнѣше зѣмковъ, ибо былъ свидѣтелемъ нравственнаго вліянія, производимаго обитателями ихъ на соседство; онъ успѣлъ болѣею частью преклонить его въ свою пользу; но извѣстіе о смерти Герцога Англенскаго отчуждило отъ него колебавшіеся еще умы и даже тѣ, которые склонились уже на его сторону. Этотъ тиранскій поступокъ разочаровывалъ на счетъ того, что можно было ожидать отъ его Правительства, и смерть сія болѣзненно пробудила преданность, только лишь дремавшую; даже тѣ, которые были къ этому происшествію равнодуш-

ны, не менѣе огорчились; ибо нѣкоторые аристократическія правила всегда были въ силѣ въ извѣстномъ кругу общества. Такимъ образомъ по разнымъ причинамъ можно утвердительно сказать, что чрезъ это преступное дѣло, Бонапарте чрезвычайно много потерялъ во мнѣніи цѣлой Франціи.

Послѣдствія онаго были не менѣе важны и даже могли сдѣлаться пагубными при иностранныхъ дворахъ. Наполеонъ сказалъ на островѣ Св. Елены, говоря о смерти Мюрата, что роковое дѣло разстрѣливать Короля. Въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ Санктпетербургѣ сочли тогда роковымъ дѣломъ нарушеніе поземельныхъ правъ Бадена, похищеніе Герцога Ангенскаго и трагическую смерть его. Достоверно извѣстно, что съ того самаго дня, какъ Императоръ Александръ былъ увѣдомленъ объ ономъ, Англія могла уже питать основательныя надежды на возобновленіе союза противъ Франціи; Александръ громко изъявилъ свое негодованіе. И также имѣлъ случай положительно узнать, что Г. Питтъ, извѣстясь о смерти Французскаго Принца, кому-то сказалъ: «Бонапарте сдѣлалъ самъ себѣ болѣе вреда, чѣмъ сколько мы могли ему сдѣлать съ объявленія послѣдней войны.» Г. Питтъ былъ не такой человекъ, который бы пожалѣлъ о чьей либо смерти; но онъ умѣлъ понимать и соображать все выгоды, ко-

торья могла ему доставить столь важная политическая ошибка, сдѣланная величайшимъ врагомъ Англіи. Въ Англійскихъ Журналахъ долгое время иначе не называли Бонапарте, какъ убійцею Герцога Ангенскаго. Это въ тоже время послужило вѣвшимъ эмигрантамъ могущественнымъ средствомъ для возстановленія повсюду противъ Перваго Консула враговъ, особенно когда они видѣли друзей своихъ, Жоржа и его соумышленниковъ задержанными и еще не осужденными.

Неподвижная политика Вѣнскаго кабинета не позволила ему обнаружить свое негодованіе какими либо представленіями или вѣдными дѣйствіями; въ Берлинѣ, соседство Французскихъ войскъ, находившихся въ Гановрѣ, равновѣрно принудило заключить выраженіе скорби, причиненной смертью Герцога Ангенскаго, въ кабинетъ Короля а особенно въ кабинетъ Королевы Прусской; но достовѣрно что смерть сія почти повсюду перемѣнила расположеніе Государей къ Первому Консулу и что она, если не причинила, то по крайней мѣрѣ ускорила успѣхъ переговоровъ, которые Англія вела подъ рукою съ Австрією и съ Пруссією. Не было ни одного Принца въ Германіи, который бы не восчувствовалъ обиды, нанесенной Великому Герцогу Баденскому чрезъ нарушение правъ земли его и повсюду смерть Принца Королевской крови долженствовала раз-

дражить соучастіе къ роду, которое до сихъ поръ взаимно питали между собою коронованныя главы и Княжескія фамиліи Европы; ибо это была обида, нанесенная всѣмъ Государямъ. Правда что эта обида болѣе касалась Королей Исполитавскаго и Испанскаго, чѣмъ прочихъ царствующихъ Домовъ, ибо ихъ кровь была пролита; но что могли сдѣлать эти Государи такъ сказать связанные и окованные на своихъ престолахъ силою главы Французскаго Правительства? терпѣть и молчать. И такъ они сохранили принужденное молчаніе; но Лудовикъ XVIII, болѣе Король, хотъ и безъ подданныхъ, чѣмъ были тогда Монархи его фамиліи, написалъ къ Королю Испанскому письмо, которое заслуживаетъ быть сохраненнымъ въ исторіи какъ памятникъ благородства и величія.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Герцога Ангенскаго, поразившей скорбью всѣхъ его окружавшихъ, онъ отослалъ Королю Испанскому обратно знаки Ордена Златаго-Руна при слѣдующемъ письмѣ:

«Государь и любезный братецъ,

«Съ огорченіемъ отсылаю вамъ обратно знаки Ордена Златаго-Руна, ввѣренные мнѣ, блаженныя памяти вашимъ родителемъ. Не можетъ быть ничего общаго между мною и великимъ преступникомъ, возведеннымъ смѣлостью на счастье на престолъ мой, который онъ

«имѣлъ варварство обогрѣть кровью Бурбона, Герцога Ангенскаго.

«Вѣра можетъ преклонить меня простить убійцѣ; но тиранъ моего народа долженъ на-
«всегда пребыть врагомъ моимъ.

«Въ настоящемъ вѣкѣ, славнѣе быть достой-
«нымъ скипетра, чѣмъ носить его.

«Провидѣніе, по непостижимымъ причинамъ
«можетъ осудить меня окончить дни мои въ
«изгнаніи; но никогда, ни мои современники, ни
«потомство не скажутъ что въ годину бѣдствія
«я показалъ себя недостойнымъ, до послѣдняго
«моего издыханія, занимать престолъ моихъ
«предковъ.

ЛУДОВИКЪ»

Нѣсколько списковъ съ этого письма рас-
пространилось въ Парижѣ съ экземпляра,
присланнаго къ Аббату Монтескю. Я самъ
списалъ съ него конію, никакъ тогда не
полагая что черезъ десять лѣтъ будетъ позво-
лено его напечатать; ибо хотя я никогда не
сомнѣвался въ томъ, что возстановляя Фран-
цузскій престолъ, Бонапарте трудится для Бур-
боновъ, но я очень былъ далекъ отъ той мы-
сли что стеченіе столь близкихъ обстоятельствъ
принудить его еще при жизни своей сойти съ
онаго.

Смерть Герцога Ангенскаго была, какъ я ска-
залъ, ужаснымъ эпизодомъ въ производившемъ

ся тогда важномъ слѣдственномъ дѣлѣ, по коему приговоръ былъ произнесенъ вскорѣ по достиженіи Наполеономъ Императорскаго сана; и одною изъ наиболѣе разительныхъ несообразностей той эпохи былъ приговоръ,—осуждавшій преступные замыслы противъ Республики—произнесенный отъ имени Императора, который столь очевидно уничтожилъ оную, не взирая на утонченность, съ помощью коей онъ сперва объявилъ себя Императоромъ Республики а въ послѣдствіи уже Императоромъ Французовъ. Дѣйствительно, если оставить въ сторонѣ средства, то нельзя довольно надивиться гению Бонапарте, стойкости его въ достиженіи своей цѣли и тому искусному соединенію гибкости и отваги, чрезъ которое онъ, порою миговенно пользовался расположеніемъ фортуны, а порою обходилъ непреодолимая прпятствія для достиженія престола, не Лудовика XVI-го, а Карломанова. Такъ какъ я произнесъ имя Карломана, то дозволю себѣ краткое размышленіе о сходствѣ, находимомъ многими между имъ и Наполеономъ, у котораго я впрочемъ не оспариваю величія. По моему мнѣнію, между ими существуетъ пребоольшая разница: Карломанъ былъ дѣйствительно превыше своего вѣка, который онъ старался пріобичить къ своей славѣ, двигая его впередъ къ просвѣщенію; между тѣмъ какъ Бонапарте былъ превыше, не своего вѣка, коего

онъ хотѣлъ захватить себѣ славу, но только людей своего вѣка, что совѣсьмъ дѣло иное. Падобно однакоже согласиться въ одномъ, что Карломанъ имѣлъ предъ Наполеономъ выгоду полученія готовой короны, похищенной уже отцемъ его.

Но я не намѣренъ пускаться въ историческія разсужденія; разскажу только что мнѣ было извѣстно тогда, и что я узналъ въ послѣдствіи справедливаго о различныхъ обстоятельствахъ заговора Жоржа, Пишегрю, Моро и другихъ обвиненныхъ,—заговора, за ходомъ коего, какъ ниже увидятъ, я тщательно слѣдовалъ. Какъ ниже мною сказано, я убѣжденъ и имѣю доказательства что Моро не былъ въ заговорѣ; но могу себѣ представить, что Первый Консулъ имѣлъ поводъ полагать что онъ въ немъ участвовалъ; и равномѣрно постигаю что настоящіе заговорники считали Моро своимъ соучастникомъ и главою, ибо цельъ кововъ Полиціи состояла въ томъ чтобы внушить имъ эту вѣру, содѣйствующую ея видамъ.

Выше сказано, какъ Моро былъ задержанъ на другой день послѣ объявленія Буве де Лозье; Пишегрю былъ взятъ подъ стражу въ слѣдствіе самаго безчестнаго вѣроломства, которое человекъ можетъ сдѣлать. Офиціальная Полиція извѣстилась наконецъ о пребываніи его въ Парижъ; но она не знала о мѣстѣ его убѣ-

жница и асенгы ся тщетно старались открыть оное, когда старинный другъ его, тотъ самый, который далъ ему последнее убѣжище, явился съ предложеніемъ предать его за сто тысячъ ефимковъ. Этотъ подлый человѣкъ сообщилъ точное описаніе комнаты, которую Иннегрю занималъ въ улицѣ Шабане и съ помощью этихъ свѣдѣній, Полицейскій Приставъ Коменжъ отправился ночью съ отважными и сильными людьми въ означенную квартиру. Всѣ эти предосторожности сочли нужными, ибо знали что Иннегрю одаренъ чрезвычайною силою и сверхъ того извѣстно было, что окруженный оборонительными средствами, онъ не сдастся безъ сильнаго сопротивленія. Въ его комнату пробрались съ помощью поддѣльныхъ ключей, которые человѣкъ, его продавшій, имѣлъ подлостью самъ заказать; его застали спящимъ. Свѣча стояла на ночномъ егоянкѣ. Огрядъ, предводительствуемый Коменжемъ, опрокинулъ столъ дабы загасить свѣчу и бросился на Генерала, который началъ биться, крича изо всѣхъ силъ, такъ что принуждены были его связать. Въ этомъ то положеніи завоеватель Голландіи былъ отведенъ въ Тамиль, откуда онъ не долженствовалъ уже выйти живой.

Иннегрю, должно сознаться, вовсе не возбуждалъ того участія какъ Моро. Ему не прощали, особенно въ арміи, презншихъ его перегово-

ровъ съ Принцемъ Конде до 18 Фруктидора. Однакожь я знаю о немъ, во время пребыванія его въ Парижъ—черту, которая по моему мнѣнію, дѣлаетъ ему много чести. Министрю имѣлъ у себя Адъютантомъ сына Г-на Лагрене, бывшаго Директора Французской Академіи въ Римѣ: этотъ молодой человекъ, дослужась до Капитанскаго чина, вышелъ въ отставку по осужденіи къ ссылке его Генерала и опять принялся за кнѣзь, которую онъ оставилъ для военной службы. Министрю, во время укрывательства своего въ Парижъ, посѣтилъ своего бывшаго Адъютанта, который непременно хотѣлъ дать ему у себя убѣжище. Министрю упорно отвергнулъ предложеніе Г-на Лагрене, никакъ не желая подвергать опасности человека, который представилъ уже ему столь сильное доказательство привязанности, оставя службу послѣ бѣды, его постигшей. Я обязанъ свѣдѣніемъ объ этомъ дѣлѣ очень странному случаю: именно около этого времени жена моя, желая имѣть портретъ съ одного изъ нашихъ дѣтей, обратилась къ Г-ну Лагрене, котораго талантъ ей хвалили и который сообщалъ ей вышепомянутыя подробности.

Г Л А В А II.

Пишегрю воспитаникъ Бріенскій и ренетиторъ Наполсона. —
Сестра милосердія и Монахи. — Два Артиллерійскіе Офицера. — Видъ тюрьмы. — Я испрашиваю у Г. Реала дозволеніе видѣть Г-на Карбонне въ Сен-Пелажійской тюрьмѣ. — Цѣна свободы Г-на Карбонне. — Правдолюбіе Г-на Барбе-Марбуа. — Достопримѣчательное сближеніе чиселъ. — Внутренность Тампль. — Нелѣпость прозванія *разбойниками*. — Г. Г. Полницякъ и де Ривіеръ. — Отмѣна Присяжныхъ. — Снисходительный Сенатскій указъ. — Обвинительныя предосторожности. — Ругательная статья Г-на Монгазіара. — Всеобщее мнѣніе благопріятствуетъ Моро. — Вліяніе имени Моро. — Твердость Пишегрю.

Ночью съ 22 на 23 Февраля были взяты подъ стражу Пишегрю, какъ сказано въ предыдущей главѣ; вѣроломный другъ, его преда-

шій, былъ нѣкто Лебланъ, который отправился жить въ Гамбургъ съ деньгами, добытыми измѣною. Я совершенно потерялъ изъ вида Пишегрю по выходѣ нашемъ изъ Бріенна, ибо Пишегрю также воспитывался въ этой школѣ; но будучи старше насъ лѣтами, онъ былъ уже репетиторомъ, тогда какъ мы были учениками и я очень помню, что онъ повторялъ Наполеону первыя четыре правила Ариометтики.

Пишегрю происходилъ отъ семейства земледѣльцевъ въ Франшъ-Конте. Монахи, коимъ было поручено воспитаніе учениковъ военной Бріенской Школы, имѣя по бѣдности своей очень мало средствъ къ улучшенію своего заведенія, обратились къ Монахамъ Франшъ - Конте. Тогда-то родственникъ Пишегрю пріѣхалъ съ нѣсколькими другими въ Бріеннъ, привезя съ собою тетку Пишегрю, бывшую Сестрою Милосердія, коей поручили смотрѣніе за больницею. Имѣя у себя на рукахъ племянника, добрая сестра привезла его съ собою въ Бріеннъ, гдѣ онъ получилъ воспитаніе даромъ. Какъ только лѣта дозволили, то Пишегрю былъ назначенъ Старшимъ и Репетиторомъ; все честолюбіе его ограничивалось тѣмъ, чтобы сдѣлаться Монахомъ; но онъ былъ отклоненъ отъ того отцемъ, ему покровительствовавшимъ и вступилъ на военное поприще. Въ молодости Пишегрю достопримѣчательно еще то, что хотя онъ нѣсколькими

годами быть старше Наполеона, но ихъ почти въ одно время произвели въ Поручики Артиллеріи. Какая разница въ ихъ судьбинѣ! между тѣмъ какъ одинъ готовился взойти на престолъ, другой сидѣлъ въ тайной темницѣ Тампля.

Видъ тюрьмы всегда возбуждалъ во мнѣ тяжелое чувство. Дабы хладнокровно вступать во внутренность этихъ обитателей скорби, надобно быть очень жестокосердымъ или глубокимъ Философомъ; ужасъ, внушаемый мнѣ болѣею частью заключеній, еще сильнѣе возбуждается во мнѣ при воспоминаніи о людяхъ, сидѣвшихъ въ Тамплѣ, въ Ла Форсѣ и въ Сен-Пелажійской тюрьмѣ въ продолженіе времени, протекшаго между взятіемъ подъ стражу всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ соучастіи съ Жоржемъ и произнесеніемъ по ихъ дѣлу приговора. Я не имѣлъ причинъ посѣщать Тамплѣ и Ла Форсѣ, хотъ я и получалъ тогда подробныя свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ особенно въ послѣдней изъ этихъ темницъ, но я часто бывалъ въ Сен-Пелажской тюрьмѣ куда какъ выше сказано, посадили Г-на Карбонне. Освѣдомясь гдѣ онъ содержится, я тотчасъ отправился къ Реалю просить у него туда пропуска. Реаль сдѣлалъ мнѣ нѣсколько обязательныхъ представленій на счетъ неблагоразумія моего поступка особенно по причинѣ положенія моего относительно Перваго Консула; но

какъ я не хотѣлъ слышать объ отношеніяхъ, которыя могли бы воспрепятствовать мнѣ утѣшать несчастнаго друга, то Реаль пересталъ возражать. Г-нъ Карбонне находился въ тайной темницѣ, гдѣ онъ просидѣлъ около двухъ мѣсяцевъ; ему сдѣлали нѣсколько допросовъ, но эти допросы ничего не обнаружили; и не смотря на желаніе его запутать по причинѣ дружбы его съ Генераломъ Моро, надобно было сознаться въ невозможности предать его вмѣстѣ съ прочими суду. Я постоянно навѣщалъ его каждые два дня въ продолженіе его заключенія, такъ что онъ никогда не оставался безъ писемъ и безъ извѣстій о своемъ семействѣ и зналъ обо всемъ, происходившемъ внѣ темницы.

Хотя этимъ я упреждаю нѣсколько ходъ событій, а скажу здѣсь, на какихъ условіяхъ Г. Карбонне получилъ свою свободу, когда Моро выѣхалъ изъ Франціи: это характеристическая черта политическихъ нравовъ начала Имперіи. И такъ Г. Карбонне былъ освобожденъ; но прежде выпуска изъ тюрьмы, отъ него потребовали чтобы онъ раздѣлался съ Казначействомъ по поручительству, данному имъ прежде по одному дѣлу. Хотя это дѣло было произведено съ законнымъ утвержденіемъ, но условіемъ освобожденія его поставили чтобы онъ пополнилъ убытокъ, понесенный по оному казноу. Убытокъ сей исчислили въ 120.000 франковъ и я дол-

женъ прибавить что при этомъ случаѣ Г. Карбонне многимъ обязанъ Г-ну Барбе-Марбуа, бывшему въ то время Министромъ Казначейства. Еслибъ не правдолюбіе и твердость сего Министра, то Г-на Карбонне непременно припустили бы заплатить гораздо болѣе этой суммы и какъ онъ очень богатъ, то онъ за счастье почелъ что, не смотря на свою совершенную невинность, отдѣлался двумя мѣсяцами заключенія и деньгами. Ниже увидать, что я узналъ въ Полиціи, куда я проводилъ его въ день выпуска его изъ тюрьмы для вытребованія обратно чемодановъ его съ бумагами.

Тамплъ, болѣе чѣмъ Пелажійская тюрьма возбуждалъ отчаянія, не въ тѣхъ которые были тамъ заключены, ибо ни одна изъ этихъ великихъ жертвъ козней тайной Полиціи не обнаружила ни минутной слабости за исключеніемъ Буве де Лозье, который ощутилъ эту слабость и хотѣлъ предупредить ее смертью. Но публика не сводила глазъ съ темницы, въ коей находился Моро. Я сказалъ, какимъ образомъ былъ приведенъ туда Пишгрю ночью съ 22 на 23 Февраля; не прежде какъ черезъ двѣ недѣли послѣ того, захватили и посадили туда Жоржа. День взятія подъ стражу Жоржа очень достопримѣчателенъ ибо это было 9 Марта, т. е. наканунѣ того дня, когда собрался Совѣтъ, въ которомъ Бонапарте рѣшилъ жребій

Герцога Ангенскаго; т. е. тогда уже какъ всё тѣ, коихъ считали начинщиками заговора находились въ рукахъ Правительства и ужь конечно въ эту эпоху, не было никакой возможности выставить предлогомъ присутствіе въ Парижѣ таинственнаго лица.

Каждый день Реаль или Демаре, а иногда и оба они, отправлялись въ Тампль для допрашиванія заключенныхъ. Тщетно Полиція, для возбужденія противъ сихъ послѣднихъ всеобщаго негодованія облъпливала списками заговорщиковъ стѣны цѣлаго Парижа даже еще прежде, чѣмъ они были взяты подѣ стражу. Въ этихъ спискахъ ихъ означали подѣ названіемъ *разбойниковъ* и между этими *разбойниками* имя Генерала Моро стояло первымъ; безпримѣрная нелѣпость, приводившая къ цѣли, совсѣмъ противной той, которой хотѣли достигнуть; ибо какъ никто не могъ видѣть разбойника въ Генералѣ, всѣми уважаемомъ, то заключили что и тѣ, коихъ имена находились вмѣстѣ съ нимъ, также не были разбойники. Всѣ также принимали участіе въ Г. Г. Полницкѣ и де Ривіерѣ, въ которыхъ трудно было видѣть разбойниковъ. Какъ глупо было назвать этимъ именемъ даже и Жоржа! Его, котораго Первый Консулъ принялъ къ себѣ на частную аудіенцію и котораго вѣрность къ принятой имъ сторонѣ, онъ старался поколебать блиста-

Часть VI.

3

тельными предложеніями. Съ которой стороны я ни гляжу на это великое дѣло 1804 года, разсматривая ли оное вообще въ совокупности или отдѣльными сценами, а я вижу въ немъ нынѣ, какъ и тогда видѣлъ одно сплетеніе ужасовъ и нещастій.

Что теперь сказать о внезапной отмѣнѣ порядка судопроизводства, бывшаго еще въ дѣйствіи въ ту минуту какъ тайная Полиція дозволила Офиціальной Полиціи открыть заговоръ? Что касается до меня, то я сильно былъ огорченъ видя что Бонапарте съ такою быстротою устремляется на путь самовластія; и какъ назвать иначе отмѣну на два года суда Присяжныхъ при содѣйствіи къ тому снисходительнаго Сенатскаго указа, изданнаго черезъ двѣнадцать дней по взятіи подъ стражу Моро? А притомъ отмѣна сія была сдѣлана на одинъ только исключительный случай; Присяжные продолжали дѣйствовать кромѣ суда за посягательства на жизнь Перваго Консула. И такъ, еслибъ кто покусился на жизнь Второго и Третьяго Консуловъ, то Присяжные судили бы его, но для Перваго Консула нужно было особое Судилище, т. е. такое, коего рѣшеніями были бы смертные приговоры. Не толиже было бы возстановить законъ взысканія за оскорбленіе Величества? Къ Сенатскому указу, о которомъ я говорю, на другой же день былъ прибав-

лень законъ, причиславшій къ Жоржу и къ его соумышленникамъ всѣхъ тѣхъ, которые дадутъ имъ убѣжище и подвергавшій ихъ одинакому наказанію—законъ, достойный *гернаго* уложенія. Всѣ эти предосторожности, принятые для осужденія обвиненныхъ, не служили ли обвинительными доводами противъ тѣхъ, которые къ онымъ прибѣгали и не обнаруживали онѣ тому, кто умѣлъ раскрывать правду въ этомъ лабиринтѣ увертокъ—что не довольно были увѣрены въ винѣ подсудимыхъ для того чтобы осмѣлиться предоставить дѣло обыкновенному ходу правосудія.

Всеобщее мнѣніе склонилось въ пользу Моро и всѣ вознегодовали за прозваніе его разбойникомъ; въ немъ не только не видѣли виновнаго, но сочли его обреченною жертвою потому что слава Моро мѣшала еще Наполеону и что его всегда выставляли способнымъ воспротивиться честолюбивымъ замысламъ Бонапартя. Вся вина Моро состояла въ томъ что онѣ имѣлъ много приверженцевъ между людьми, которые вѣрили еще призраку Республики и эта вина была непростительна въ глазахъ Перваго Консула, который два года уже, какъ верховный властитель управлялъ судьбами Франціи. Къ какимъ средствамъ не прибѣгали для того чтобы внушить ложное мнѣніе о Моро? Полиція разсѣвала всякаго рода пасквили и Графъ

Монгалиарь былъ вызванъ изъ Ліона для того чтобы написать ругательную статью противъ Моро, Пинегрю и находившихся въ изгнаніи Французскихъ Принцевъ. Но все это не произвело, относительно Моро ожидаемаго дѣйствія и ниже увидать сколько судопроизводство еще возвысило его въ мнѣніи, не смотря на осужденіе, бывшее слѣдствіемъ онаго.

Правда что Моро, извѣстный своею слабостью, дался въ обманъ нѣкоторымъ пройдохамъ, старавшимся извлечь выгоду изъ вліянія его имени; но онъ такъ былъ противъ возстановленія прежней Монархіи, что сказалъ въ отвѣтъ одному изъ этихъ агентовъ: «Я не могу принять начальства ни надъ какимъ движеніемъ въ пользу Бурбоновъ: подобная попытка не имѣла бы успѣха. Если Пинегрю станетъ дѣйствовать съ иною цѣлью и въ такомъ случаѣ я скажамъ ему что надобно чтобы Консулы и Парижскій Губернаторъ исчезли—то я надѣюсь имѣть въ Сенатѣ довольно сильную партію для того чтобы получить власть, которою прежде всего воспользуюсь для того чтобы взять подъ мою защиту его людей, а потомъ общее мнѣніе рѣшить что надобно будетъ дѣлать; но я ни къ чему не обязуюсь письменно.» Предположивъ что Моро точно сказалъ эти слова, — они доказываютъ только что онъ былъ недоволенъ Консульскимъ Правленіемъ, и что онъ желалъ переменъ; но

отъ этого очень еще далеко до условленнаго участія въ заговорѣ.

Въ минуту взятія подъ стражу Жоржа, Тампль такъ наполнился, что въ немъ считалось болѣе ста заключенныхъ и что принуждены были перевести многихъ изъ нихъ, — избравъ менѣе замѣчательныхъ — въ другія темницы. Тогда Бонапарте ввѣрилъ главное начальство надъ стражею Тампля Генералу Саварри, коего Лейбъ-Жандармы усилили эту стражу. Плѣнники не смѣли входить между собою въ сношенія, страшась повредить другъ другу, но всѣ обнаруживали мужество, заставлявшее страшиться на счетъ послѣдствій суда; дѣйствительно ни предложенія, ни страхъ казни не могли принудить ихъ къ признаніямъ при допросахъ. Пинегрю въ особенности показалъ такую твердость, что Ресаль, выходя однажды изъ комнаты, въ которой онъ его допрашивалъ, громко, въ присутствіи многихъ сказалъ: «Какой человекъ этотъ Пинегрю!» Въ слѣдующей Главѣ увидятъ что должно думать о его трагической смерти.

Г Л А В А III.

Пиннегрю, удушенный въ темницѣ.—Объщаніе его говорить и страхъ услышать то что онъ скажетъ.—Намѣреніе выѣхать изъ Парижа.—Врожденное чувство въ народѣ.—Добровольныя ошибки Герцога Роенго.—Претиворѣчіе.—*Странный случай*.—Слова Бонапарте на островѣ Св. Элены.—Ложная мысль объ общемъ мигніи.—Необходимая смерть.—Утайка послѣдняго вопроса Пиннегрю.—Дѣйствія Полиціи.—Удобная высадка и приготовленныя квартиры.—Разсмотрѣніе показаній о смерти Пиннегрю.—Слова, несправедливо приписанныя Реалю.—Ослабленіе заговорщиковъ.—Вопросы.—Статья Г. Монгальара.—Невѣдѣніе Моро о замыслахъ Пиннегрю.—Г. Карбонне въ библіотекѣ Моро.—Ролланъ и Лажоле.

Черезъ сорокъ дней по взятіи подъ стражу Генерала Пиннегрю, — 6 Апрѣля утромъ, онъ былъ найденъ мертвымъ въ комнатѣ, занимае-

мой имъ въ Тамилъ. Пишегрю выдержалъ десять допросовъ, но ни въ чемъ не признался и никого не замѣшалъ въ дѣло своими отвѣтами; во всѣхъ своихъ показаніяхъ онъ объявлялъ что будетъ говорить, но будетъ говорить громко и всенародно при открытіи надъ нимъ судопроизводства. «Когда я предстану предъ судьей», говорилъ онъ, «то рѣчи мои будутъ согласоваться съ истиною и съ выгодами моего отечества.» Въ чемъ должныствовали состоять эти рѣчи? конечно не хотѣли услышать оныхъ; а Пишегрю сдержалъ бы свое слово ибо онъ еще менѣе былъ искусный Полководецъ, чѣмъ мужъ, славившійся твердостью духа, отличающійся отъ Моро, покорнаго вліянію жены своей и тенци, которыя обнаружили смѣшное чванство у Г-жи Бонапарте.

День, въ который Реаль, въ присутствіи свидѣтелей сдѣлалъ о Пишегрю, вышеприведенный отзывъ—былъ день его послѣдняго допроса; въ послѣдствіи я достовѣрно узналъ что при этомъ допросѣ Пишегрю, тщательно остерегаясь сказать что нибудь ко вреду своихъ товарищей, не пощадилъ своего гонителя, опредѣлившаго смерть его и объявилъ твердую свою рѣшимость обнаружить предъ глазами публики ненавистные ковы заговора, въ который вовлекла его Полиція. Онъ объявилъ также что онъ и товарищи его заключенія заботились уже

только о средствах какъ бы ухъять изъ Парижа дабы избавиться отъ разставленныхъ имъ повсюду сѣтей; когда ихъ задержали. Сверхъ того онъ показалъ, что всѣ они отреклись отъ замысла ниспровергнуть Наполеона,—отъ замысла, въ который они были вовлечены невинными ковами и я увѣренъ что опасеніе, внутреннее обнаруженіемъ столь суровой искренности, ускорило смерть Пишегрю. Г. Реаль, который еще живъ, лучше всякаго другаго знаетъ въ чемъ состояли показанія Пишегрю потому что онъ самъ его допрашивалъ; не знаю угодно ли ему будетъ нынче или въ послѣдствіи разорвать таинственную завѣсу, облекающую это происшествіе; но я увѣренъ что онъ не опровергнетъ ничего, изложеннаго мною. Мнѣ очевиднѣйшимъ образомъ доказано что Пишегрю былъ удушенъ въ своей темницѣ и слѣдовательно всякая мысль о самоубійствѣ кажется мнѣ непріемлемою. Меня спросятъ, имѣю ли я положительныя, существенныя доказательства? нѣтъ; но сближеніе обстоятельствъ и всѣ вѣроятности не оставляютъ мнѣ на счетъ этого трагическаго происшествія—сомнѣній, которыя желалъ бы я имѣть. Притомъ же въ народѣ есть какое-то врожденное чувство, которое рѣдко ошибается; а люди, тогда жившіе должны помнить, что не только почти общимъ мнѣніемъ было что Пишегрю умерщвленъ въ

темницѣ, но это мнѣніе еще подкрѣпилось заботливостью, съ которою хотѣли отклонить оное чрезъ выставку тѣла Пишегрю. Добровольно говорить: «Я не сдѣлалъ такого то преступленія,» значить сознаваться что въ немъ можешь быть подозрѣваемъ.

Я читалъ, какъ можно себя представить, съ величайшимъ вниманіемъ все, что было написано о смерти Пишегрю; и тщетно я искалъ сущей истины въ Запискахъ Герцога Ровиго; даже не нашелъ я въ нихъ и правдоподобія. Какъ напримѣръ Г. Ровиго говоритъ, что Офицеръ его полка, бывшій въ Тамплѣ въ караулѣ, явился въ Тюліери 6 Апрѣля *въ восемь часовъ утра* для донесенія ему о смерти Пишегрю, между тѣмъ какъ извѣстно, что тюремщикъ вошелъ въ комнату Генерала не раньше какъ *въ девять часовъ*? если это только недосмотръ, то надобно сознаться что онъ непостижимъ. Какъ еще, говоря о насильственной смерти Пишегрю, какова бы ни была причина оной, можетъ онъ видѣть въ ней одинъ только *странный случай*? Ужъ конечно тутъ было нечто больше, чѣмъ одинъ только странный случай. Впрочемъ я не стану ни опровергать показаній Г. Ровиго, ни выставлать его ошибокъ, потому что онъ добровольны. Слишкомъ очевидно что питая къ Наполеону даже за предѣлами гроба преданность, можетъ быть безпримѣр-

ную, онъ сдѣлалъ изъ Записокъ своихъ длинное похвальное слово всѣмъ его дѣяніямъ. Изъ нихъ конечно есть великія, необъятныя, даже великодушныя, которыя будутъ превознесены Исторіею; но есть и такія, въ которыхъ невозможно его оправдать и къ которымъ я не колеблясь, но не безъ размышленія, причисляю смерть Пиннегрю. На счетъ сего я не болѣе какъ и въ другихъ случаяхъ, вѣрю показаніямъ самого Бонапарте на островѣ Св. Элены.

Наполеонъ, разсуждая съ Ласъ-Казомъ о расположеніи умовъ при взятіи подъ стражу обвиненныхъ, говоритъ: «Обстоятельство было очень важно; общественный духъ находился въ броженіи; клеветали противъ искренности Правительства на счетъ заговора, имъ объявленнаго и на счетъ заговорщиковъ, имъ выставляемыхъ. Число ихъ въ Парижѣ, по мнѣнію Правительства, простиралось до сорока. Имена ихъ были объявлены и Первый Консулъ за честь себя поставилъ переловить ихъ. Потребовавъ къ себѣ Бессіера, онъ приказалъ ему окружить Гвардіею Парижъ и стеречь стѣны оного. Въ продолженіе шести недѣль никто не выѣхалъ изъ Парижа безъ опредѣлительныхъ причинъ и безъ дозволенія. Всѣ умы были мрачны (*); но каждое утро, Мониторъ извѣщалъ объ излов-

(*) Они сдѣлались еще мрачнѣе по смерти Герцога Ангискаго и Пиннегрю.

леніи одного или двухъ изъ означенныхъ людей. Въ мнѣніи произошла перемѣна; оно *обратилось въ мою пользу* и негодованіе возрастало по мѣрѣ того какъ захватывали заговорщиковъ. Ни одинъ не ушелъ и всѣ были переловлены.»

Не смѣю сомнѣваться на счетъ написаннаго такимъ человѣкомъ, какъ Г. Ласъ-Казъ; но если Бонапарте это сказалъ, то надобно сознаться что онъ до послѣдней минуты страннымъ образомъ себя обманывалъ. *Мнѣніе обратилось въ его пользу*, говоритъ онъ, и относитъ это обращеніе къ той самой минутѣ, когда это мнѣніе, на столькихъ правахъ имъ пріобрѣтенное, въ первый разъ отъ него отклонилось. Ни одинъ изъ заговорщиковъ не ушелъ,—прибавляетъ онъ. — Очень вѣрю, потому что тайная Полиція знала, гдѣ они находились.

Но всей справедливости, общее мнѣніе никогда столько не вооружалось противъ Перваго Консула какъ въ продолженіе суда надъ Моро; и оно не ошиблось на счетъ смерти Пишегрю, очевидно удушеннаго въ Тамплѣ тайными агентами, касательно чего трудно сомнѣваться. Виновники, исполнители и свидѣтели этой ужасной сцены одни только въ состояніи разсѣять сомнѣнія, могущія еще существовать на счетъ насильственной смерти Пишегрю; но надобно сказать, что предшествовав-

шія оной обстоятельства, всеобщее тогда мнѣніе и вѣроятности, опровергають всякую мысль о самоубійствѣ Пиннегрю. Смерть его была нужна; и эта необходимость была настоящею причиною оной.

Я узналъ отъ Рсая, что Пиннегрю былъ сдѣланъ допросъ, о которомъ не объявили по нижеизложеннымъ причинамъ. Не сообщая никакихъ подробностей, онъ объявлялъ какъ выше упомянуто, что будетъ говорить предъ судомъ, что никого не обвинить, ни на кого не донесеть, а скажетъ сущую правду. Не скрывая чувствъ своихъ къ правленію Бурбоновъ, Пиннегрю обнаружилъ вѣроломныя ковы, посредствомъ коихъ онъ и его сотоварищи были вовлечены въ сѣти. Къ этому онъ прибавилъ, что происходившее въ Парижѣ наконецъ открыло имъ глаза. Удобство, съ коимъ были сдѣланы одна за другою три высадки, непронзведшія никакой тревоги; квартиры, заблаговременно приготовленныя по всей дорогѣ, которую они свободно проѣхали; лживость всѣхъ свѣдѣній и ничтожность распоряженій, будто бы сдѣланныхъ въ Парижѣ, какъ ихъ вѣроломно въ томъ обнадѣживали; переездъ ихъ, очевидно покровительствуемый ковами скрытной, таинственной Полиціи, и который безъ сего не могъ бы избѣгнуть вниманія Офиціальной Полиціи; мѣстопробыванія ихъ въ Парижѣ, ско-

рѣе заблаговременно уже извѣстныя, чѣмъ послѣ отысканныя,—все это озарило свѣтомъ умъ его. Пишегрю не сообщилъ никакихъ свѣдѣній, не открылъ ничего, отъ него ожидаемаго, никого не обвинилъ и ни на кого не донесъ. Онъ съ этою рѣшимостью вступилъ въ заговоръ.

Вотъ нѣкоторыя извлеченія изъ донесеній о томъ что оказалось при освидѣтельствованіи тѣла Пишегрю, 16 Апрѣля 1804:

«Трупъ имѣлъ на шеѣ черный галстукъ, въ который была продѣта палка длиною около сорока сантиметровъ и отъ четырехъ до пяти сантиметровъ въ окружности; палка сія, служа галстуку заверткою была остановлена лѣвою щекою, задержавшею одинъ изъ концевъ ея; отъ чего воспослѣдовало давленіе, достаточное для произведенія смерти.»

Многіе врачи въ томъ же свидѣтельствѣ показали: «что тутъ существовало давленіе, причиненное туго завязаннымъ чернымъ галстукомъ, въ который была продѣта палка и проч.

«Что они притомъ замѣтили, что вышеупомянутая палка лежала однимъ изъ концевъ своихъ на лѣвой щекѣ, и что оборотъ оной неправильнымъ движеніемъ произвелъ на той щекѣ поперечную царапину длиною около шести сантиметровъ, простирающуюся отъ верха до окончности лѣваго уха.»

Далѣе, Асѣвъ-Жандармъ Сиро объявилъ: «что

стоя на часахъ въ Тамплѣ близъ комнаты Генерала Пишегрю, онъ нѣсколько разъ слышалъ въ той комнатѣ кашель и плеваніе; и что судя по тому какъ кашляли и плевали, ему казалось что у того человѣка какъ будто стѣснялось дыханіе; но что, не услыхавъ болѣе ничего, онъ не считъ нужнымъ кого либо будить.»

Нѣкто Лануантъ, сторожъ въ Тамплѣской тюрьмѣ, показалъ: «что спавъ съ полуночи до четырехъ часовъ, онъ ничего не слышалъ.»

Фоконье объявляетъ: «что въ семь съ половиною часовъ утра, гражданинъ Попонъ, дежурный стражъ при Генералѣ Пишегрю, пришелъ къ нему сказать что онъ развелъ огонь въ комнатѣ вышесказаннаго Пишегрю и удивился что не слышалъ и не видѣлъ чтобы онъ шевелился.

Онъ прибавилъ: «что ключъ отъ комнаты Пишегрю былъ унесенъ имъ въ десять часовъ вечера послѣ подачи ему ужина и что онъ оставался у него въ карманѣ до той минуты какъ онъ пришелъ разводить огонь.»

Очень нескстати приписали Реалью слѣдующія слова: «Хоть и ничего не можетъ быть яснѣе доказано какъ это самоубійство; но что ни дѣлай а все стануть говорить, что не въ состояніи будучи его уличить, — его удавили.» Реаль этого не говоритъ.

Я вовсе не думаю оправдывать тѣхъ, кото-

рые приняли участіе въ этомъ заговорѣ. Всякое дѣйствіе, ведущее къ предосудительному поступку, должно возбуждать негодованіе. Откуда бы ни было дано къ оному побужденіе, а преступленіе чрезъ то не уменьшается. Но если это побужденіе было дано тайною Полиціею, если Полиція сама поощряла преступныя замыслы, ея внушенныя до взрыва, который отъ нея зависѣло остановить; если она искусно, но подло льстила склонностямъ и надеждамъ людей, бывшихъ врагами тогдашняго Правительства, то негодованіе уменьшается въ соразмѣрности со средствами, употребленными для возбужденія оного.

Заговорщики увлеклись мечтами и искушеніями, внушенными людьми, хотѣвшими извлечь себѣ пользу изъ замысла, къ которому несчастныхъ подстрекали и который могли когда заблагоразсудится разрушить. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію для тѣхъ, которые наблюдали за судомъ производствомъ; это можетъ стать очевидно для тѣхъ, которые прочтутъ обстоятельства оного со вниманіемъ, безъ страсти, и которые хорошенько разсмотрятъ ходъ дѣла отъ начала его, до кроваваго конца. Исторія должна и будетъ имѣть въ виду безпрепятственную высадку съ Англійскаго судна почти всѣхъ обвиненныхъ; принятіе ихъ на твердой землѣ подосланными людьми; спо-

койные ихъ ночлеги по мызамъ отъ одной до другой и скрытіе пребыванія ихъ въ Парижѣ до той минуты, когда сочли нужнымъ захватить ихъ.

Зачѣмъ было по смерти Жоржа совершенно умалчивать о его допросѣ? Зачѣмъ онъ лишилъ себя жизни? Развѣ ему не предстояло еще надежды оправдаться? А еслибъ ему это не удалось, то развѣ не было бы еще послѣ осужденія довольно времени для лишенія себя жизни? Зачѣмъ онъ прождалъ до десятаго вопроса, если онъ уже заблаговременно на это рѣшился? Средство, которое какъ говорятъ, онъ употребилъ, не ушло бы отъ него и послѣ осужденія. Еще одно, совершенно другаго рода обстоятельство, должно устранить всякую мысль о самоубійствѣ: Пишегрю сохранилъ набожныя чувства, внушенныя ему въ дѣтствѣ (*).

*) Вотъ какимъ образомъ выражается Аббатъ Монгапаръ въ своей Исторіи Франціи на счетъ роковаго случая съ Пишегрю: «Чрезвычайно какъ вѣроятно, что Бонапарте хотѣлъ предупредить объявленіе предъ всенароднымъ судомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, лично до него касавшихся; обстоятельствъ, извѣстныхъ Пишегрю, вождю партіи, низверженной 18 Фруктидора. Обнародованіе оныхъ могло бы повредить народному расположенію, которымъ Первый Консулъ долженъ былъ болѣе чѣмъ когда либо стараться себя окружить при рѣшительномъ обстоятельствѣ преобразованія его сана. Представъ предъ судъ, Пишегрю безъ сомнѣнія громкогласно бы опровергнулъ множество обстоятельствъ, недавно обнародованныхъ *по приказу* въ сатирахъ, въ юнкъ политическое его поведеніе въ 1795, 96 и 97 годахъ было не-

Ложные друзья объявили людямъ, ослѣпленнымъ страстью, будто бы Сенать и Моро надѣлились другъ на друга для произведенія перемѣны. Но Моро объявилъ Пишегрю, что его обманули; что онъ ничего не зналъ о тѣхъ причинахъ, на которыхъ основывался прїѣздъ его; что это было безуміе; что онъ находилъ неисполнимымъ и страннымъ замысль, клонящійся къ ниспроверженію Правительства. Въ этомъ смыслѣ, какъ ниже увидать, Моро всегда отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы и предложенія.

Г. Карбонне, другъ семейства Гюло и Генерала Моро, находился въ библіотекѣ Генерала въ тотъ день, когда Пишегрю приходилъ къ нему повидаться. Съ нимъ были Ролланъ и Ла-жолле. Г. Карбонне вышелъ дабы дать имъ переговоры; когда же они удалились, то самъ Генераль Моро сказалъ Г-ну Карбонне имена этихъ господъ. Это обстоятельно сообщено мнѣ Г-мъ Карбонне.

кусно выставлено въ неблагопріятномъ видѣ. Потайное убійство предупредило это страшное обнаруженіе, и сличеніе онаго съ умерщвленіемъ Герцога Ангенскаго можетъ служить къ объясненію этой эпохи исторіи.

Г Л А В А IV.

Взятіе подъ стражу Жоржа.—Необходимость огласки. — Послѣднее жилище Жоржа.—Дочь овоцницы въ Сен-Женевьевской улицѣ.—Узелъ Жоржа.—Содержаніе подъ стражею отдѣльно.—Лудовикъ Бонапарте смотритъ Жоржа въ Тампль.—Человѣколюбивыя чувства Мористона.—Замѣчаніе.—Взятіе подъ стражу остальныхъ обвиненныхъ.—Вильиѣвъ и Барко.—Коменжъ и Жандармы.—Выстрѣлы изъ пистолета въ шкафъ.—Вильиѣвъ раненъ.—Полицейскій приказъ.—Свобода и права гражданъ.—Строгость законовъ.—Расчеты относительно Моро.—Окончаніе предварительныхъ допросовъ.—Приготовленіе къ переезду изъ Тампля. — Замѣчательная перемена въ Жоржѣ.—Речь Жоржа товарищамъ.

Пока производился судъ, съ тѣхъ поръ какъ Фуше присовѣтовалъ Наполеону сдѣлать рѣшительный приступъ къ достиженію Императорскаго престола, начали подъ рукою готовить

пути къ оному. Прежде описанія этой важной перемѣны въ жребіи Наполеона и въ судьбинахъ Франціи, необходимо обратиться къ эпохѣ взятія подѣ стражу Жоржа, который во всѣхъ обстоятельствахъ суда своего, показалъ характеръ истинно геройскій. Его взяли подѣ стражу 9-го Марта съ другимъ заговорщикомъ, кажется по имени Лериданомъ. Въ этотъ день, въ седьмомъ часу вечера онъ проѣзжалъ въ кабріолетѣ чрезъ Одеонскую площадь, куда конечно направилъ путь его, Полицейскій агентъ, его не покидавшій. Не взявъ его на квартиру, вѣроятно хотѣли придать болѣе огласки его задержанію дабы подѣйствовать тѣмъ на умы толпы. Этотъ расчетъ стоилъ жизни одному человеку и едва не погубилъ еще другаго, ибо Жоржъ, никогда не выходившій изъ дому безъ оружія, прежде всего убилъ изъ пистолета Полицейскаго Офицера, остановившаго его лошадь и ранилъ того, который первый бросился схватить его въ кабріолетѣ. При немъ нашли, кромѣ пистолетовъ, кинжалъ Англійскаго издѣлія. Весьма естественно было, что въ его положеніи, это оружіе при немъ находилось; но изъ этого обстоятельства вывели и на другой день чрезъ журналы объявили публикѣ, будто бы Жоржъ признался что онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ находится въ Парижѣ, куда онъ прибылъ съ намѣреніемъ умертвить Перваго Консула. Прочитавъ

то чего я былъ свидѣтелемъ при судопроизводствѣ, всякой разсудить, что должно думать объ этомъ мнимомъ признаніи.

Послѣднее убѣжище Жоржа было у овоцницы, жившей въ Сен-Женевьевской улицѣ. Отъ этой то женщины, по имени Лемуанъ, Жоржъ вышелъ съ тѣмъ чтобы сѣсть въ кабріолетъ и ѣхать, какъ говорили, къ Карону, продавцу благовонныхъ товаровъ. Трудно повѣрить, чтобы одинъ простой случай привелъ туда въ ту самую минуту Полицейскій отрядъ. Дочь овоцницы несла узелъ Жоржа и въ то мгновеніе какъ она собиралась положить его въ кабріолетъ, Жоржа схватили. Видя что идутъ его брать, онъ закричалъ этой дѣвушкѣ чтобы она какъ можно скорѣе убѣжала, конечно боясь попасть въ нея, выстрѣливъ въ Полицейскихъ; она бросилась бѣжать съ узломъ, который отнесла къ сосѣдкѣ. Полиціи, какъ можно себя представить, скоро отыскавъ молодую дѣвушку, узнала что мужъ сосѣдки, къ которой она укрывалась, любопытствуя увидѣть что заключается въ узелкѣ, нашелъ тамъ между прочими вещами мѣшокъ съ тысячею Голландскими суверендорами т. е. на сумму около 32.000 франковъ; и любопытный сосѣдъ не могъ отпереться, что онъ уже припряталъ себѣ тысячу ефимковъ. Всѣхъ этихъ людей забрали, а самого Жоржа отвезли въ Тампль, гдѣ онъ пребылъ до перемѣщенія

его въ тюрьму Консіержери при началі суда.

Во все время произведенія допросовъ Жоржъ и другіе важныя плѣнники, были содержаны отдѣльно безъ всякаго между собою сообщенія. Когда произошелъ роковой случай съ Пишегрю, то подсудимые объ ономъ провѣдали и какъ, зная Генерала, никто изъ нихъ не повѣрилъ самоубійству, о которомъ распространили слухъ, то можно себя представить какой страхъ, какой ужасъ это трагическое происшествіе возбудило въ заключенныхъ. Я узналъ тогда и признаюсь пожалуй, что Лудовикъ Бонапарте, который былъ прекрасный человѣкъ и безъ всякаго сравненія лучшій во всемъ семействѣ, — имѣлъ жестокое любопытство посмотреть на Жоржа въ его темницѣ и притомъ вскорѣ по смерти Пишегрю, когда ужасное впечатлѣніе, произведенное оною во внутренности Тампля, было еще въ полной своей силѣ. Лудовикъ отправился въ тюрьму въ сопровожденіи блистательнаго Штаба и Генералъ Савари имѣлъ честь представить ему своего плѣнника. Какое недостойное зрѣлище! Жоржъ, въ ту минуту какъ Лудовикъ пришелъ смотрѣть его, лежалъ на постелѣ имѣя руки крѣпко стянутыя на брюхѣ цѣпью. Лористонъ сопутствовавшій Лудовику, разсказалъ мнѣ черезъ нѣсколько времени эти ужасныя подробности и я долженъ по сущей истинѣ объявить что Лористонъ, не смотря

на свою искреннюю привязанность къ Первому Консулу, не скрылъ отъ меня что это зрѣлище сильно его тронуло. Я тому не удивился ибо Лористонъ не имѣлъ души холодной, чуждой человѣколюбивыхъ чувствъ; чего по несчастію я не могу сказать обо всѣхъ прочихъ Адъютантахъ Перваго Консула. Бонапартъ очень уважалъ Лористона и конечно не далъ бы ему никакихъ порученій, которыя оскорбили бы его разборчивость.

Я помню одно, сдѣланное мною тогда замѣчаніе, котораго я никому не сообщалъ, но которое содѣйствовало къ убѣжденію меня въ содѣйствіи Полиціи Фуше въ ковахъ, пріуготовившихъ заговоръ. Жоржъ и нѣкоторые другіе обвиненные были извѣстны; ихъ видали въ Парижѣ прежде чѣмъ они замѣшались въ это дѣло, а потому легко было описать въ точности ихъ примѣты. Но какимъ образомъ, спросить я самъ себя, могли достать примѣты тѣхъ, которыхъ никогда не видали, еслибы Полиція ихъ не знала? Не думаю чтобъ было средство отвѣчать на этотъ вопросъ или вывести изъ него другія заключенія кромѣ тѣхъ, которыя довершили мое убѣжденіе.

Послѣ взятія подъ стражу Жоржа, оставалось еще нѣсколько человѣкъ, означенныхъ въ числѣ участниковъ заговора, которые нашли средство укрыться отъ розысковъ Полиціи; по-

слѣ всѣхъ были захвачены, кажется мнѣ, Вильнѣвъ, одинъ изъ главныхъ повѣренныхъ Жоржа и Бюрбанъ Малабръ, называвшій себя Барко; ихъ взяли черезъ пять дней по смерти Герцога Ангенскаго. Знаменитый Полицейскій Приставъ Коменжъ, съ Надзирателемъ и со взводомъ Жандармовъ Лейбъ-Легіона, нашли ихъ у челоуѣка по имени Дюбюиссона, жившаго въ Жан-Робертекой улицѣ.

Этотъ Дюбюиссонъ и жена его давали у себя убѣжище многимъ изъ главныхъ лицъ, преслѣдуемыхъ Полиціею; Г. Г. Полиньякъ и де Ривіеръ жили у нихъ. Когда пришли для взятія подъ стражу двухъ послѣднихъ заговорщиковъ, то желая спасти ихъ, хозяева дома начали увѣрять будто бы они еще утромъ удалились; но глаза Полицейскихъ скоро открыли устроенное въ шкафу потайное мѣсто и какъ никто отсюда не отзывался, то Лейбъ-Жандармы, прибѣгнувъ къ одному изъ своихъ обыкновенныхъ средствъ, выстрѣлили въ шкафъ изъ двухъ пистолетовъ; Вильнѣвъ, ксого называли Жойо, былъ раненъ въ руку, что принудило его показаться и ихъ взяли подъ стражу.

Чтобы дать понятіе о свободѣ, которою жители Парижа пользовались въ эту эпоху и чтобы показать какъ понимались права гражданъ, я приведу краткій отрывокъ изъ Полицейскаго приказа, найденнаго мною какъ то между бу-

магами. Въ немъ сказано: «Дошло до свѣдѣній Пресекта Полиціи что многіе Парижскіе граждане отдають въ наемъ квартиры прїѣзжающимъ въ столицу чужимъ людямъ, не объявляя о томъ Полицейскимъ Приставамъ своихъ частей. Эти граждане явно нарушаютъ установленныя для гостинницъ правила и должны подвергаться строжайшему за сіе взысканію, ибо всякая отдача въ наемъ на мѣсяць и *даже на годъ* меблированной квартиры подлежить тѣмъ же самымъ правиламъ, которыя предписаны для гостинницъ и никакой хозяинъ дома или жилецъ не можетъ отдать въ наемъ квартиры или даже одной комнаты, съ мебелью или безъ оной, человѣку чужому въ столицѣ, т. е. не имѣющему въ оной постоянного пребыванія и который не представитъ своего письменнаго вида на гражданство,—не объявивъ объ емъ въ теченіе сутокъ Полицейскому Комисару, подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ взысканія.» А извѣстно какова была строгость сего закона, новаго и установленнаго именно на этотъ случай, т. е. что тотъ кто давалъ убѣжище обвиненному другу, родственнику, брату, подвергался одинакому съ нимъ наказанію! И такъ этотъ Французскій народъ, которому Бонапартъ въ своихъ пышныхъ воззваніяхъ льстилъ именемъ Великаго, онъ готовилъ къ рабствѣ принуждая его къ предательству. Какъ

справедлива была ненависть доброй Иозефины къ Полиціямъ того времени!

Справедливость требуетъ замѣтить что съ Моро не поступали въ Тамплъ столь же сурово какъ съ прочими плѣнниками; это не безопасно было бы сдѣлать, ибо даже въ темницѣ своей, онъ ни на минуту не переставалъ быть предметомъ почтенія и уваженія всѣхъ военныхъ, не исключая и тѣхъ, коимъ была поручена его стража. Очень многіе изъ этихъ воиновъ, служивъ подъ его начальствомъ, помнили, сколько онъ былъ любимъ въ арміяхъ, имъ предводительствованныхъ. Онъ не имѣлъ какъ Бонапарте непреодолимаго, увлекательнаго очарованія, но привлечивалъ къ себѣ умѣренностью, кротостью и справедливостью. Весь Парижъ былъ убѣжденъ, что еслибъ Моро захотѣлъ сказать одно слово солдатамъ, его стрегущимъ, то эта тюремная стража вдругъ бы превратилась въ почетную охрану, готовую исполнить все что повелитъ ей для своей безопасности Гогенлиденскій побѣдитель; и можетъ быть что оказываемое ему уваженіе и пріятность, доставленная ему дозволеніемъ ежедневно видѣть жену и дѣтей, были искусно рассчитаны съ тѣмъ чтобы удержать его въ предѣлахъ обыкновеннаго его характера. Притомъ же Моро такъ былъ увѣренъ въ несправедливости сдѣланнаго противъ него обвиненія, что онъ

всегда былъ спокоенъ и покоренъ судьбѣ своей, не желая вѣншикою раздражить своего непріятеля, который за счастье бы почелъ найти настоящія причины къ его обвиненію. Сямъ - то соединеннымъ причинамъ, я всегда приписывалъ покорность жребію и родъ беспечности, обнаруженныя Генераломъ Моро, какъ въ тюрьмѣ такъ и въ продолженіе судопроизводства.

По окончаніи предварительныхъ допросовъ, содержащимся въ Тамплѣ плѣнникамъ было дозволено между собою сообщеніе; и въ беспечности о жизни, внушаемой соединеніемъ молодости, несчастія и мужества, они занялись играми, служащими забавою дѣтямъ. При концѣ этихъ игръ, которыми они старались заглушить свои тягостныя чувства, былъ полученъ приказъ о перемѣщеніи плѣнниковъ въ тюрьму Консіержери. Ни одинъ изъ нихъ не лишился своей твердости и они начали собираться еъ путь точно также какъ будто бы дѣло шло о простомъ перѣздѣ. Это непоколебимое постоянство особенно оказалось въ Жоржѣ, ибо въ немъ пронзонила тогда перемѣна, замѣченная всѣми товарищами его несчастія.

Жоржъ до сихъ поръ нагло пренебрегалъ смертію; онъ насмѣхался надъ Республикою, надъ Бонапарте и надъ его агентами, словомъ сказать, онъ обнаруживалъ скорѣе циническое мужество, чѣмъ важную и торжественную по-

корность воле Божіей, ознаменовавшую послѣднѣя минуты Людовика XVI-го и Мальгерба. Въ минуту отбытія изъ Тампля, онъ временно прекратилъ свои ѣдкія насмѣшки и жестокія ругательства; я говорю временно, ибо ниже увидѣть, что предъ судомъ, характеръ нѣсколько разъ выводилъ его изъ круга, повидимому начертаннаго имъ себѣ при отправленіи въ Консіержери. Собравъ своихъ товарищей на дворѣ Тампля, Жоржъ сказалъ имъ рѣчь, совѣтуя имъ быть благоразумными, скромными; и убѣждал ихъ не говорить ничего такого, чѣмъ бы они могли повредить другъ другу. «Когда вы не почувствуете въ себѣ довольно твердости,» прибавилъ онъ, «то взгляните на меня и вспомните что я съ вами; вспомните что мой жребій будетъ и вашимъ; такъ, любезные дѣти, мы не можемъ имѣть разнаго жребія и это должно ободрять насъ, это украситъ наше положеніе. Будьте же кротки и снисходительны другъ ко другу; удвойте взаимное уваженіе; да придастъ общая судьбина новую силу вашей привязанности. Не оглядывайтесь назадъ; мы тамъ гдѣ мы есть и гдѣ Богу угодно чтобъ мы были; умирая будемъ молиться дабы отечество наше, освободясь отъ ига, надъ нимъ тяготящаго, вновь сдѣлалось счастливымъ подъ отеческимъ скипетромъ Бурбоновъ. Не забывайте никогда, что эта темница, которую мы покидаемъ, есть

та самая, изъ коей Лудовикъ XVI исшелъ на смерть; да просвѣтитъ васъ и да послужить вамъ руководствомъ высокій примѣръ его.» Такова была рѣчь, сказанная Жоржемъ своимъ товарищамъ, если не слово въ слово, то по крайней мѣрѣ въ томъ самомъ смыслѣ; въ заключеніе онъ сказалъ: «Покажите всему свѣту вашимъ видомъ, вашими рѣчами и лицомъ что вы обладаете тѣмъ мужествомъ и рѣшительностью, которыя внушали мнѣ столько къ вамъ довѣренности и которыя восторжествовали бы надъ врагами нашей вѣрности и нашего Короля, еслибъ намъ безчестнымъ образомъ не измѣнили.»

Г Л А В А V.

Поздравительные адреса. — Тарифъ восторга. — Братья Наполеона. — Забытыя прежнія слова Перваго Консула. — Тайные переговоры съ Сенатомъ. — Официальное предложеніе Трибуна Кюре касательно наслѣдія. — Я присутствую въ засѣданіи Трибуната. — Желаніе Конституціоннаго Собранія. — Права Бонапарте на признательность Франціи. — Выгоды предложеннаго правленія. — Заключеніе. — Лѣстныя рѣчи. — Камбасересь въ Государственномъ Совѣтѣ. — Преданность къ Первому Консулу Реніо де Сеи-Жанъ д'Анжели и свойства сего послѣдняго. — Засѣданіе Государственнаго Совѣта. — Реніо дѣласть приступъ. — Сильное сопротивленіе Берлье. — Возраженіе Реніо. — Воля Наполеона о представленіи мнѣній отдѣльно. — Семь противъ двадцати. — *Подданные и мой народъ.*

Давно уже агенты Правительства были выучены во всей Франціи просить Перваго Консула о дарованіи народу того, чего онъ вовсе

не требовать, но что Бонапарте хотѣлъ взять, показывая видъ что уступаетъ общему желанію — верховную власть безъ ограниченій, безъ предѣловъ и безъ обмана въ наименованіи. Посему не пропустили случая недавно открытаго большаго заговора, въ которомъ Бонапарте ни на минуту не подвергался опасности, подобно какъ и при устроеніи адской машины; этимъ случаемъ, напротивъ того съ жадностью воспользовались всѣ начальства какъ Гражданскія, такъ духовныя и военныя; повый, обильный дождь поздравительныхъ адресовъ оросилъ Тюліери и кажется что съ этой поры Полиція начала отмѣчать по своимъ спискамъ тарифъ восторга. Зналъ что нужно для того чтобы угодить повелителю, большая часть сочинителей адресовъ не ограничивались одними безплодными поздравленіями; они искусно намекали, что выгоды Франціи требуютъ, дабы знаменитый глава ея былъ поставленъ на такую высокую степень, гдѣ бы онъ не могъ подвергаться опасности отъ какихъ либо новыхъ, противъ него умысловъ; всѣ наконецъ обратились къ Первому Консулу съ таинственною просьбою *упрочить свое твореніе*; что для всякаго, несовершенно лишенаго здраваго смысла — значимо что пора Наполеону сдѣлаться Императоромъ съ наследственнымъ правомъ. Такимъ образомъ братья его приближались къ достиже-

нїю своей цѣли и какъ великое число мѣстъ было занято ихъ тварями, то Іосифъ и Луціанъ вели перенеску съ чиновниками всѣхъ родовъ подстрекая ихъ усердіе приманкою быстрого производства, пышнаго титула или блгстательнаго состоянія при учрежденіи новой Имперіи. Тѣ, которые въ точномъ смыслѣ повиновались волю Наполеона, не побоялись при этомъ возбудить гнѣвъ его, показавъ явное сопротивленіе мнѣнію, изложенному имъ въ Государственномъ Совѣтѣ при учрежденіи пожизненнаго Консульства. Онъ дѣйствительно сказалъ: *«Насмѣдїе нелѣпно, несовлѣстно съ началами народнаго самодержавія и невозможно во Франціи.»* На этотъ разъ какъ видно, не слишкомъ уважили слова Перваго Консула, хотя сказанныя не болѣе полутора года тому назадъ.

Бонапарте въ этой сценѣ великой драмы, кою онъ былъ героемъ, сыгралъ свою роль съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, не выставляя себя внаружу и предоставляя другимъ попеченіе о подготовленіи развязки. Сенату была предоставлена честь первенства на стезѣ внушеній; поздравляя Перваго Консула съ избавленіемъ отъ заговоровъ, устраиваемыхъ чужеземцами и отъ такъ называемыхъ офиціально *Англійскихъ кинжаловъ*, — онъ не пропустилъ случая умолять его немедленно довершеніемъ своего творенія. Черезъ шесть дней по смерти

Герцога Англенскаго Сенатъ объявилъ сіе желаніе. Оицѣцаль ли Бонапарте раскаяніе о свершеніи безполезнаго преступленія, или онъ извѣстился о дурномъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ роковымъ событіемъ на общесмѣніе; или наконецъ онъ нашелъ употребленныя Сенатомъ выраженія нѣсколько неопредѣлительными;—какъ бы то ни было, а онъ оставилъ этотъ адресъ около мѣсяца безъ отвѣта и уже по прошествіи сего времени далъ знать Сенату что онъ приглашаетъ его ясенѣе выразить мысль свою и вполне изложить оную. Эти переговоры между Сенатомъ и Главою Правительства не тотчасъ были обнаружены; Бонапарте какъ извѣстно любилъ объявлять только о томъ что имѣло уже развязку; однакожъ для достиженія этой развязки, составившей цѣль его честолюбія, надобно было питаемый имъ замыселъ представить Трибунату, коему принадлежало право первоначальнаго приступа ко всякимъ мѣрамъ и Трибунъ Кюре имѣлъ честь первый предложить офиціально превращеніе Консульской Республики въ Имперію и возведеніе Наполеона въ санъ Императора съ правомъ наслѣдія.

Кюре представилъ свое предложеніе Трибунату въ засѣданіе тридцатаго Апрѣля; меня заблаговременно извѣстилъ о томъ Трибунъ Пере, къ назначенію котораго я имѣлъ счастье

содѣйствовать во время бытности моей при Наполеонѣ и который доставилъ мнѣ способы присутствовать въ этомъ достопамятномъ засѣданіи, сдѣлавшемся предметомъ разговоровъ всего Парижа, а вскорѣ и цѣлаго свѣта. Кюре началъ исчисленіемъ всѣхъ бѣдствій, удручавшихъ Францію при различныхъ Правительствахъ, которыя существовали одно за другимъ послѣ Конституціоннаго Собранія; онъ вмѣнялъ въ важную ошибку этому Собранію то, что оно не перемѣнило династію Бурбоновъ перемѣнивъ форму Французскаго Правительства; онъ увѣрялъ что ни одинъ Принцъ этой фамиліи никогда бы искренно не согласился считать себя Королемъ Французовъ, но что онъ всегда бы захотѣлъ царствовать надъ Франціею по фамиліальному и феодальному праву. Начертавъ потомъ картину ужасовъ Конвента и мерзостей Директоріи, онъ дошелъ до 18-го Брюмера, справедливо представя оное днемъ избавленія; онъ въ тоже время кратко исчислилъ всѣ права, которыя слава съ этой эпохи собрала на главѣ завоевателя Италіи и Египта; потомъ, перешедъ къ новымъ правамъ, которыя Бонапартъ приобрѣлъ на удивленіе и признательность Франціи съ тѣхъ поръ какъ онъ держалъ въ рукахъ своихъ бразды ея правленія, — онъ показывалъ въ немъ правителя, не менѣе великаго, какъ и воина. Кюре, обратясь потомъ къ

точкѣ, съ которой онъ началъ, старался утвердить своихъ слушателей въ томъ что желаніе Конституціоннаго Собранія осуществилось бы чрезъ восшествіе Наполеона на престолъ; что было по словамъ его единственнымъ средствомъ для утвержденія правъ свободы Франціи.

«Чрезъ сіе» прибавилъ Кюре, «воздвигнется вѣчная преграда противъ замысловъ партій, насъ раздражающихъ. Чрезъ сіе Французскій народъ обеспечится въ сохраненіи своего достоинства, своей независимости и своихъ владѣній. Чрезъ сіе Французская армія пріобрѣтетъ увѣренность въ сохраненіи блестящаго состоянія, вѣрныхъ вождей, неустрашимыхъ Офицеровъ и знаменитыхъ знаменъ, которыя столь часто водили его къ побѣдѣ; ей не должно будетъ страшишься ни постыдныхъ униженій, ни позорнаго распусканія, ни ужасовъ междоусобій, и ирахъ защитниковъ отечества не подвергнется опасности, по зловѣщему предсказанію, быть развѣянными вѣтромъ.

«Такъ поспѣшимъ же и требовать право наслѣдія верховному сановнику; ибо предоставивъ право наслѣдія вождю, мы препятствуемъ, какъ говорилъ Плиній Траяну, возврату властителя. Но въ то же время дадимъ и высокое имя высокой власти; предоставимъ верховному сану величайшаго народа въ свѣтѣ, уваженіе высшаго названія. Изберемъ то, которое давалъ

понятіе о верховномъ гражданскомъ санѣ, возбуждало бы знаменитыя воспоминанія и въ то же время *нисколько бы не посягало на самодержавіе народа*. Я не вижу для главы *національной* власти никакого титула, болѣе достойнаго блеска народа какъ титулъ Императора. Если онъ означаетъ побѣдоноснаго Консула, то кто болѣе заслужилъ носить его? какой народъ, какія арміи были когда либо болѣе достойны предоставленія этого титула вождемъ ихъ.

«И такъ я предлагаю представить Сенату желаніе, которое есть общее всего народа и имѣть предметомъ:

«1-е Чтобы Наполеонъ Бонапартъ, нынѣшній «Первый Консулъ былъ объявленъ Императоромъ и въ этомъ званіи сохранилъ управление «Французскою Республикою.

«2-е Чтобы Императорское достоинство было «объявлено наследственнымъ въ его фамиліи.

«3-е Чтобы тѣ изъ нашихъ учрежденій, которыя только еще начертаемы, были окончательно утверждены.»

Таково было заключеніе этой похвальной рѣчи, которую произнесъ Кюре и я увидѣлъ множество Трибуновъ, торопившихся записаться для того, чтобы говорить и еще болѣе преувеличить сказанное сочинителемъ или лучше сказать *объявителемъ* сего предложенія, столь очевидно проистекшаго отъ того, къ которому

оно долженствовало въ заключеніе всего обратиться. Рѣчи ихъ были одна другой лѣтливѣе.

Еслибъ могли возникнуть сомнѣнія на счетъ снисходительной роли, которую принялъ на себя Кюре, то все они кажется мнѣ, разсѣялись бы при одномъ заключеніи: за десять дней до сдѣланія имъ сего предложенія, Бонапарте приказалъ тайно раземотрѣть въ Государственномъ Совѣтѣ учрежденіе Имперіи и наслѣдства въ пользу его фамиліи. Я узналъ отъ одного Государственнаго Совѣтника о подробностяхъ происшедшаго въ Совѣтѣ и долгомъ считаю замѣтить съ какимъ жаромъ Камбассересъ старался споспѣшествовать, какъ въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ и послѣ въ Сенатѣ, къ тому чтобы сдѣлаться подданнымъ того, который былъ его товарищемъ въ Консульствѣ.

Около половины Апрѣля, Первый Консулъ не прибылъ въ одно изъ обыкновенныхъ засѣданій Государственнаго Совѣта, въ коихъ онъ часто присутствовалъ. Явился Камбассересъ, который по званію своему Второго Консула занялъ председательство и Государственные Совѣтники замѣтили въ немъ видъ, болѣе торжественный чѣмъ обыкновенно, хотя онъ и всегда старался принимать на себя чрезвычайно важную осянку. Реніо де Сен-Жанъ д' Анжели, съ которымъ я иногда видался у маихи его Г-жи де Боннись, заговорилъ со мною объ этомъ засѣ-

даніи со всѣмъ восторгомъ, который онъ дѣйствительно питалъ къ Первому Консулу. Я не былъ съ Реніо въ тѣсной дружбѣ, только мы довольно коротко съ нимъ познакомились въ эпоху 18-го Бріомера и я потомъ часто видался съ нимъ у Г-жи Бонапарте. Реніо де Сен-Жанъ д' Анжели очень свободно и очень пріятно объяснялся, имѣлъ мало глубокомыслія, но много смѣливости и удивительную способность излагать понятія, ему внушенныя. Г. де Фонтанъ имѣлъ тоже достоинство, присовокупляя къ тому болѣе истиннаго знанія. Однакожъ я помню что Бонапарте, въ то время какъ я при немъ находился, часто говаривалъ мнѣ, что онъ предпочитаетъ изложеніе Реніо всѣмъ другимъ, кромѣ Рёдерера, хотъ онъ и находилъ что Рёдереръ по его выраженію слишкомъ *спѣшитъ въ даль*.

Реніо де Сен-Жанъ д' Анжели имѣлъ честолюбіе, но не жертвовалъ оному всѣмъ; менѣе изъ выгодъ, чѣмъ по убѣжденію предался онъ Первому Консулу. Онъ былъ непричастенъ ужасовъ Революціи и самымъ приличнымъ образомъ отозвался при мнѣ на счетъ смерти Герцога Ангепскаго. Онъ не могъ не раздѣлять чувствъ, господствовавшихъ въ семействѣ, къ коему онъ былъ привязанъ, но до такой степени остѣнялся своимъ восторгомъ, что полагалъ учрежденіе Имперіи средствомъ къ осно-

ванію во Франціи разсудительнаго представительнаго Правительства, коего онъ былъ приверженцемъ. Когда Реніо начиналъ говорить со мною въ смыслъ понятій своихъ на этотъ счетъ, то я давалъ ему волю, ибо положеніе мое не позволяло мнѣ съ нимъ спорить; но я очень помню что въ 1814 году мы имѣли съ нимъ разговоръ, въ которомъ, не скрывая своей привязанности къ Императору, онъ сознался въ томъ что ошибся. Я буду имѣть случай напомнить отъ этого разговоръ, тогда какъ дойду до изложенія любопытныхъ и неизвѣстныхъ обстоятельствъ, которыя я знаю о возстановленіи Бурбоновъ и обо всѣхъ событіяхъ этой эпохи; теперь я сообщу только то, что Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели сказалъ мнѣ о знаменитомъ тайномъ засѣданіи, въ которомъ онъ взялся сдѣлать первоначальный приступъ.

«Давно уже,» сказалъ мнѣ Реніо, «всѣ разсудительные люди, всѣ истинные друзья земли своей желаютъ чтобы Первый Консулъ сдѣлался Императоромъ и возстановилъ бы въ пользу своего Дома древній уставъ о наследіи. Это единственный способъ доставить прочность и продолжительное существованіе новымъ имуществамъ и людямъ, которые чрезъ свои достоинства, возвысились въ чины. Республика, которую я любилъ страстно, ненавижу съ тѣмъ вмѣстѣ злодѣйства Революціи, представляется

мнѣ уже только мечтою. Первый Консулъ убѣдилъ меня; онъ не для чего иного желаетъ верховной власти какъ для того, чтобы сдѣлать Францію великою, свободною и счастливою и дабы предохранить ее отъ неистовства партій. Онъ просилъ меня сдѣлать въ Совѣтъ къ этому приступить и я не поколебался. Послѣ того какъ Камбассересъ сообщилъ Совѣту въ чемъ долженъ состоять предметъ разсужденія, пригласилъ насъ, отложивъ обыкновенную торжественность засѣданія, обратить оное въ частное совѣщаніе и удалился, я рѣшительно приступилъ къ вопросу, косяго всѣ члены Совѣта ожидали и предложили его такимъ образомъ: «Прилично ли сдѣлать право наслѣдія основаніемъ Правительства Франціи?»

Не помню въ точности всѣхъ выраженій Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели для того, чтобы говорить его словами, но у меня въ свѣжей памяти все, изъ мнѣ сказанное. Онъ первый началъ разбирать вопросъ, мною приведенный и, какъ можно себя представить, рѣшилъ его утвердительно. Онъ представилъ право наслѣдія единственнымъ средствомъ для предупрежденія потрясеній и волненій, неразлучныхъ съ возведеніемъ верховнаго сановника на избирательный престолъ и не отрицаюсь что въ этомъ я совершенно раздѣляю мнѣніе, которое изложилъ тогда Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. Престолы,

на которые восходить по выборамъ представляють менѣе прочности чѣмъ тѣ гдѣ непосредственный наслѣдникъ назначенъ закономъ. Это столь справедливо что древніе Императоры еще при жизни своей назначали Короля Римскаго дабы престолъ былъ уже занятъ съ самой минуты его упраздненія. Какъ бы то нибыло, а оставя въ сторонѣ вопросъ о новой династїи, которую ничѣмъ въ свѣтѣ не можно бы заставить меня одобрить, даже для пользы самого Наполеона,—я думалъ согласно съ Ренію, что наслѣдіе необходимо для правильности и хода дипломатическихъ сношеній; и лучшимъ доводомъ въ пользу его служить то что оно повсюду введено въ Европѣ и что чѣмъ болѣе есть сходства въ Правительствахъ, тѣмъ легче учреждать между ними связи приличій, которыя поддерживаютъ согласіе и обеспечиваютъ спокойствіе народовъ.

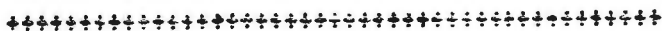
Ренію не скрылъ отъ меня, что его предложеніе не было принято безъ сопротивленія. «Фуркруа говорилъ въ одномъ смыслѣ со мною,» сказалъ онъ «но строгій Берліе сильно воспротивился.» Дѣйствительно въ мнѣніи, изложенномъ Берліе, замѣчалась истинно Республическая суровость. Онъ напомнилъ органическій указъ Сената, который предвидѣлъ случай упраздненія верховнаго сана и начерталъ правило замѣщенія Перваго Консула; онъ сказалъ

что не видить причины считать неудовлетворительнымъ то что за полтора года предѣтъмъ полагалось достаточнымъ для соглашенія общественнаго спокойствія съ нуждами общества. «Съ учрежденіемъ наслѣдія» прибавилъ Берліе, «не останется ничего изъ Республиканскаго Правленія, для котораго Франція истощила сокровища и пожертвовала миліонами людей. Притомъ же я не думаю чтобы Французскій народъ былъ расположенъ отказаться отъ того что у него осталось отъ блага, столь дорогою цѣною пріобрѣтеннаго.» Берліе выставилъ сомнительное положеніе, въ которое законъ Монархическаго наслѣдія приведетъ тѣхъ, которые въ разныхъ степеняхъ показали себя приверженцами Революціи. Онъ замѣтилъ какъ они покажутся странными и какому подвергнутся справедливому презрѣнію Роялистовъ, когда эти послѣдніе будутъ въ правѣ упрекнуть ихъ въ возстановленіи того что сами они испровергнули. На это, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели возразилъ что мужъ, коего Франція призываетъ въ главы своего Правительства, есть самъ сынъ Революціи, что онъ заставитъ чтить права, чрезъ оную пріобрѣтенныя и что притомъ онъ довольно силенъ для того чтобы воспрепятствовать одной партіи, восторжествовать надъ другою.

Нѣкоторые другіе Государственные Совѣтники говорили въ одномъ смыслѣ съ Берлье, но не столь сильно и не столь положительно; однакожь большинство голосовъ оказалось изъ сторонѣ приверженцевъ наслѣдія, которые рѣшились поднести Первому Консулу адресъ; Совѣтники, бывшіе противнаго этому мнѣнія, вознамѣрились представить ему противо-адресъ и дабы избѣгнуть сего столкновенія мнѣній, Бонапарте, извѣстясь о томъ, далъ знать Государственному Совѣту что онъ желаетъ, дабы каждый членъ Совѣта прислалъ ему отдѣльно свое мнѣніе имъ подписанное. По довольно странному соображенію, Берлье было поручено представить Первому Консулу отдѣльныя мнѣнія Совѣта. Изъ двадцати семи присутствовавшихъ Совѣтниковъ оказалось только семь противнаго мнѣнія. Бонапарте обошелся со всѣми ими чрезвычайно ласково, и между прочимъ сказалъ имъ, что онъ желаетъ наслѣдственной власти только для бѣлаго блага Франціи; что никогда граждане не будутъ *его подданными* и равномерно народъ Французскій никогда не будетъ его народомъ. Таковъ былъ въ Совѣтѣ предварительный приступъ къ офиціальному предложенію Кюре въ Трибунатъ; и Члены Совѣта, принявъ въ соображеніе что всякое сопротивленіе будетъ бесполезно и можетъ

статься опасно для тѣхъ которые оное ока-
жутъ—положили чтобы меньшее число голо-
совъ присоединилось къ большому, что и вос-
послѣдовало.

Г Л А В А VI.

Прилічє Императорскаго Титула.—Потребиости Франціи по мнѣнію Сената.—Камбасерсъ, Бонапарте и Франція.—Сенатъ отголосокъ народа.—Неопредѣлительный адресъ. — Отвѣтъ Перваго Консула.—Требованіе опредѣлительныхъ объясненій.—Притворный видъ любви къ свободѣ.—Льстивый отзывъ.—Бонапарте, названный въ первый разъ Государемъ Sire.—Пріятіе Имперіи и нынѣшныя обѣщанія. — Первая бумага за подписью Наполеона Императора. — Большой выходъ въ Тюіери.—Бессіеръ и Императорская Гвардія.—Слова Наполеона.—Торжественныя провозглашенія.—Органическій указъ Сената. — Возстановленіе прежнихъ формъ.—Титулы Высочества, Святости и Monseigneur.—Великіе сановники Имперіи.—Первые Маршалы Имперіи.—Республиканство Луціана. — Испанская Принцесса.—Ослушаніе.—Тайный бракъ.—Продѣлки Йосефа. — Неудовольствіе Наполеона.—Луціанъ Сенаторъ.—Отысканный важный документъ. — Цесарь, Кромвель, Монкъ и Бонапарте.

Но принятіи Трибунатомъ, какъ сказано въ

предъидущей главѣ, предложенія Кюре, не было болѣе причины содержать въ тайнѣ перваго вызова Сената; и такъ адресъ его Первому Консулу былъ напечатанъ черезъ сорокъ дней по написаніи оного: *группа уже созрѣла!* Эта эпоха слишкомъ важна для того чтобы я не изложилъ здѣсь самыхъ примѣчательныхъ обстоятельствъ, которыя я могъ узнать тогда или въ послѣдствіи объ основаніи Имперіи посреди заговора.

Давно уже Бонапарте говорилъ мнѣ о титулѣ Императора, какъ о самомъ приличномъ для новой державы, которую онъ хотѣлъ учредить во Франціи. Онъ находилъ что это незначить совершенно возстановить прежній уставъ и въ особенности опирался на то, что этотъ титулъ носилъ Цесарь; онъ часто говаривалъ: «Можно быть Императоромъ Республики, но не Королемъ Республики; эти два послѣднія названія одно съ другимъ не совмѣстны.»

Въ первомъ своемъ адресѣ Сенатъ принялъ за основаніе сообщенные ему отъ Правительства документы относительно козней Драке, Ангійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Минхенѣ, козней, о которыхъ я буду имѣть случай въ послѣдствіи говорить, ибо эти тайнства политики были мнѣ вполне обнаружены. Это подало Сенату поводъ неопредѣлительно выразиться на счетъ такъ названныхъ имъ нуждъ

Франціи. Дабы придать своему поступку болѣе торжественности, Сенатъ отправился цѣлымъ сословіемъ въ Тюліери; и Камбассересъ, Второй Консулъ, въ званіи Предсѣдателя произнесъ адресъ къ Первому Консулу. Такимъ образомъ Камбассересъ, говоря отъ имени Сената, между прочимъ сказалъ, что при видѣ покушеній, отъ коихъ Провидѣніе спасло Героя, нужнаго для Его намѣреній, прежде всего поражало размышленіе, что умышлять погибель Перваго Консула, значило умышлять погибель Франціи. «Англичане и эмигранты,» прибавилъ онъ, «знаютъ что ваша судьба есть судьба Французскаго народа. Еслибъ ихъ гнусные замыслы удались, то они никакъ себѣ не воображаютъ сколь жестоко имъ отметили бы за то народъ.» Сенатъ укорялъ тогда Перваго Консула въ его великодушной довѣренности, которая воспренятствовала учредить верховный національный судъ присяжныхъ для сужденія посягательствъ противъ его особы. Даже и этотъ судъ казался недостаточнымъ Сенату, который считалъ себя истолкователемъ мнѣнія народа. «Дайте намъ,» говорили Наполеону, «учрежденія, такъ соображенныя, чтобы система ихъ пережила васъ. Вы основываете новую эру, вы должны ее увѣковѣчить; блескъ ничего не значить безъ продолжительнаго существованія. Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что эта ве-

ликая мысль васъ занимаетъ; но вашъ творческій гений все объемлетъ и ничего не забываетъ; но не медлите. Васъ побуждаютъ къ тому время, происшествія, заговоры и честолюбцы; васъ побуждаетъ къ тому безпокойство, волнуемое всѣхъ Французовъ. Вы можете оковать время, подчинить себѣ происшествія, обуздать заговорщиковъ, обезоружить честолюбцевъ, успокоить цѣлую Францію даровавъ ей учрежденія, которыя утвердили бы созданное вами и продолжили бы для дѣтей то что вы сдѣлали для отцевъ. Будьте увѣрены что Сенатъ говорить вамъ это отъ имени всѣхъ гражданъ. Всѣ удивляются вамъ и любятъ васъ и нѣтъ ни одного, который часто съ безпокойствомъ не думалъ бы о томъ что будетъ съ кораблемъ Республики, еслибъ онъ имѣлъ несчастіе потерять своего кормчаго прежде чѣмъ онъ станетъ на непоколебимыхъ якоряхъ. Въ городахъ, въ деревняхъ, еслибъ вы могли спросить всѣхъ Французовъ, одного послѣ другаго, то не нашлись бы ни одного, который бы не сказалъ вамъ также какъ и мы: «Великій мужъ, доверши твое твореніе, сдѣлавъ его безсмертнымъ подобно твоей славы. Ты извлекъ насъ изъ хаоса прошедшаго; ты заставляешь насъ благословлять настоящее; обеспечи намъ будущее.»

Кто бы могъ устоять противъ такой лести? конечно никто; однакожъ Первый Консулъ какъ

выше сказано, не назвать довольно ясными выраженія, употребленныя Сенатомъ въ его адресъ, — который сочинялъ Францискъ де Нёшато; и продержавъ этотъ адресъ у себя въ карантинъ ожиданія, онъ сообщилъ Сенату подписанный имъ адресъ въ которомъ онъ говорилъ: «Адресъ вашъ былъ предметомъ моихъ постоянныхъ размышленій.» И хотя о наслѣдіи слова неупоминалось въ адресъ, а онъ прибавлялъ: «Вы признали наслѣдіе верховнаго сана необходимымъ дабы привести Французскій народъ въ безопасность отъ заговоровъ нашихъ враговъ, и отъ волненій, которыя родятся отъ соперничества честолюбій. Многія изъ нашихъ учреждений въ тоже время показались вамъ долженствующими быть усовершенствованными для того чтобы безвозвратно утвердить торжество равенства и общественной свободы, доставляя народу и Правительству двойное обеспечение, въ коемъ они имѣютъ нужду.

«Мы постоянно руководствовались великою истиною, что самодержавіе пребываетъ во Французскомъ народѣ въ томъ смыслѣ что все, все безъ исключенія должно дѣлаться для его пользы, для его счастія и для его славы. Для достиженія сей-то цѣли верховный санъ, Сенатъ, Государственный Совѣтъ, Законодательный Корпусъ, Избирательныя Коллегіи и раз-

личныя отрасли управленія, суть и долженствують быть учрежденными (*).

По той мѣрѣ, какъ я останавливалъ вниманіе мое на этихъ великихъ предметахъ, я болѣе и болѣе убѣждался въ истинѣ чувствъ, мною вамъ изъясненныхъ болѣе, и болѣе чувствуя, что при обстоятельстве стольже новомъ какъ и важномъ, совѣты вашей мудрости и вашей опытности необходимы мнѣ для окончательнаго рѣшенія.

«И такъ я приглашаю васъ вполне объявить мнѣ мысль вашу.

«Французскій народъ не имѣетъ ничего прибавить къ почестямъ и къ славѣ, коими онъ окружилъ меня; но обязанность, самая для меня священная, равно какъ и драгоцѣннѣйшая для моего сердца, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить дѣтямъ его выгоды, пріобрѣтенныя имъ чрезъ Революцію, которая столь многому стоила, особливо смертію миліона храбрыхъ людей, павшихъ при защитѣ правъ его.

«Желаю чтобы 4-го Іюля сего года, мы могли сказать ему: Только пятнадцать лѣтъ тому какъ пріять изъ добровольнаго побужденія оружіе, вы пріобрѣли себѣ свободу, равенство и славу. Нынѣ сін первыя блага народовъ, навѣ-

(*) Пропускъ Трибуната въ этомъ исчисленіи, довольно замѣчательнъ; онъ показывалъ обещаніе, которое не замедлило исполниться.

ки утвержденныя, обеспечены отъ всякихъ бурь: они сохранены вамъ и дѣтямъ вашимъ: учрежденія, задуманныя и начатыя посреди бурь вѣншей и внутренней войны, съ постоянствомъ развитія — цѣлѣ приведены къ окончанію, не взирая на покушенія и заговоры вашихъ смертельныхъ враговъ, чрезъ принятіе всего, что опасность вѣковъ и народовъ признала способнымъ къ обеспеченію правъ, которыя нація сочла необходимыми для своего достоинства, свободы и счастья.»

Когда по прошествіи двадцати лѣтъ съ хладнокровіемъ перечитываешь столько обманчивыхъ обѣщаній, когда сближаешь событія, показавшія въ послѣдствіи лживость оныхъ, то съ трудомъ можно постигнуть легковѣріе, съ какимъ эти обѣщанія были приняты; что касается до меня, то я не могъ быть ими обманутъ ибо самымъ хорошо зналъ закоренѣлую ненависть Наполеона противъ всякаго рода свободы. Я думаю, что Сенатъ былъ скорѣе соучастникомъ, чѣмъ обманутымъ, ибо никакъ невозможно было не видѣть честолюбія Наполеона и воли его учредить въ свою пользу власть болѣе неограниченную, чѣмъ какова была даже власть Лудовика XIV.

Но объявленіи такимъ образомъ воли Наполеона въ отзывѣ его Сенату, сіе сословіе, основанное для охраненія учреждений, постановлен-

ныхъ Конституціею VIII года, не могло сдѣлать ничего другаго, какъ изъяснить покорность намѣреніямъ, объявленнымъ ему Первымъ Консуломъ; а посему отвѣтъ его былъ не что иное, какъ распространенное Наполеоново предложеніе. Въ немъ опредѣлительно говорилось, что наследственное правленіе необходимо для счастія, для славы и для благосостоянія Франціи, и что это правленіе не могло быть ввѣрено никому другому кромѣ Наполеона и его семейства. Однакоже, играя въ этой искусно составленной піесѣ столь снисходительную роль, Сенатъ, для лучшаго обмана толпы, не пропустилъ въ отвѣтъ своемъ громко провозгласить, подобно Наполеону, слова *свобода и равенство*. Онъ даже имѣлъ смѣлость сказать, что предоставленіе Наполеону наследственной власти есть вѣрное обезпеченіе свободы тѣсненія, къ коей Бонапартъ питалъ такую непреодолимую ненависть.

Черезъ этотъ отвѣтъ Сената, главный шагъ былъ сдѣланъ; оставалось только учредить церемоніаль и подробности формы. Эти различныя распоряженія произвели двухнедельную отсрочку; наконецъ 18-го Маія Наполеонъ былъ въ первый разъ привѣтствованъ именемъ Государя (Sire) отъ своего бывшаго сотоварища Камбассереса, который въ сопровожденіи всего Сената явился для представленія Новому Импера-

тору органическаго Сенатскаго Указа объ учрежденіи Имперіи (*). Наполеонъ былъ въ Сен-Клу, куда Сенатъ отправился торжественнымъ поѣздомъ. На рѣчь Камбассереса, въ коей первый разъ явился вновь титулъ Величества, Императоръ отвѣтствовалъ.

«Все что можетъ содѣйствовать ко благу отечества, нераздѣльно связано съ моимъ счастьемъ.

«Я принимаю титулъ, который вы считаете полезнымъ для славы націи.

«Представляю на утвержденіе народа законъ о послѣдіи. Надѣюсь, что Франція никогда не раскается о почестяхъ, которыя она предоставитъ моему семейству.

«Во всякомъ случаѣ, духъ мой не будетъ пребывать въ моемъ потомствѣ съ того дня, какъ оно перестало бы заслуживать любовь и довѣренность великой націи.»

Камбассересъ съ Сенатомъ отправились потомъ поздравить Императрицу, и такимъ образомъ сбылось для Іозефины пророчество, которое я сдѣлалъ ей три года тому назадъ въ Мальмезонѣ.

Первымъ дѣйствіемъ Бонапарте Императора, въ самый день восшествія его на Императорскій престолъ, было пожалованіе Іосифа, Вели-

(*) Смотри приложеніе въ концѣ книги.

кимъ избирателемъ съ титуломъ Императорскаго Высочества, а Лудовика, Коннетаблемъ съ тѣмъ же титуломъ; наконецъ Камбассереса, Архиканцлеромъ, а Лебрёна, Архиказначсему Имперіи. Въ тотъ же день первая бумага, на которой Бонапарте подписался Императоромъ было слѣдующее письмо, написанное имъ къ Камбассересу.

«Гражданинъ, Консулъ Камбассересъ, титулъ «вамъ» перемѣнится; обязанности ваши и моя «довѣренность останутся тѣже. Въ высокомъ санѣ, коимъ вы будете облечены, вы покажете, «также какъ и въ званіи Консула, мудрость вашихъ совѣтовъ и отличные таланты, чрезъ «которые вы пріобрѣли столь важное участіе «во всемъ, что я могъ сдѣлать хорошаго.»

«Мнѣ остается только желать отъ васъ продолженія тѣхъ же чувствъ къ Государству и «ко мнѣ.»

«Дано въ Сен-Клудскомъ Дворцѣ 28 Флорсала 12 года.

НАПОЛЕОНЪ»

подпись Императора

Скрѣпиль: Г. Б. МАРЕ.»

Я счелъ нужнымъ помѣстить здѣсь это первое письмо Императора, потому что оно подаютъ поводъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, по-

видимому несважнымъ, но такъ хорошо изображающимъ характеръ Наполеона и искусство его дѣлать переходы.

Императоръ обращается къ *Гражданину Консулу* и употребляетъ еще Республиканское счисленіе времени. Отъ Республики осталось только это, и обманчивая надпись ея на монетахъ.

На другой день Императоръ пріѣхалъ въ Парижъ для большаго выхода въ Тюиліери; ибо онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы откладывать пышныя наслажденія, которыя новый санъ доставлялъ удовлетворенной его гордости. Собраніе было болѣе чѣмъ когда либо многочисленно и блистательно, и на рѣчь, произнесенную отъ имени Гвардіи Бессіеромъ, Генераль-Полковникомъ оной, Императоръ отвѣтствовалъ: «Я знаю чувства Гвардіи къ моей особѣ и имѣю полную довѣренность къ храбрости и вѣрности Подковъ ее составляющихъ;—я всегда съ новымъ удовольствіемъ вижу сподвижниковъ избѣгнувшихъ столько опасностей и покрытыхъ столькими почетными ранами. Я всегда ощущаю удовольствіе, когда могу сказать взирая на нихъ, стоящихъ подъ знаменами, что нѣтъ ни одной битвы, ни одного сраженія, данныхъ въ продолженіи послѣднихъ пятнадцати годовъ, и во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта,

которыхъ между ими не было бы свидѣтелей и участниковъ.»

Въ тотъ же день, всѣ находившіеся въ Парижѣ Генералы и Полковники были представлены Императору Лудовикомъ Бонапарте, вступившимъ уже въ должность свою Коннетабля. Все въ короткое время приняло совершенно новый видъ. Но наружности всѣ показывали удивленіе; но въ Парижѣ потихоньку надсмѣхались надъ новыми неотесанными царедворцами, что чрезвычайно сердило Наполеона, когда ему объ этомъ доносили съ тою цѣлію, дабы охладить склонность его къ людямъ прежняго Двора, какъ-то къ Графу Сенюрю, а въ послѣдствіи къ Графу Лудовику Нарбонну.

Между тѣмъ Наполеонъ, желая придать всевозможную торжественность восшествію своему на престолъ, повелѣлъ самому Сенату обнародовать въ Парижѣ органическій Сенатскій указъ, совершенно измѣнявшій прежнюю Конституцію Государства (*). По одному изъ тѣхъ уклоненій при переходахъ, которыя я часто уже

(*) Органическій Сенатскій Указъ 18 Маія, гораздо лучше было бы назвать Императорскою Конституціею. Онъ состоялъ изъ 142 статей, заключавшихся въ шестнадцати главахъ, а именно:

1. Правительство Республики вѣрено Императору, который принимаетъ титулъ Императора Французевъ.
2. О наследіи.
3. Объ Императорской фамиліи.

имѣлъ случай замѣчать, Императоръ назначилъ день для этой церемоніи *Воскресенье* 30 Флюреала, что было празднествомъ для цѣлаго Наррижа, между тѣмъ какъ несчастные подсудимые томилась въ темницахъ Тампья.

На другой же день по восшествіи Бонапарте на престолъ, были возстановлены прежнія формы. Императоръ опредѣлить что Французскимъ Принцамъ и Принцессамъ будетъ присвоенъ титулъ Императорскаго Высочества; что сестры его примутъ тотъ же титулъ; что великихъ Савонниковъ Имперіи будутъ называть *Vaiva*

4. О Регенствѣ.

5. О Великихъ савонникахъ Имперіи, кои суть: Великій Избиратель, Архиканцлеръ Имперіи, Государственный Архиканцлеръ, Архиказначей, Конистабль и Великій-Адмиралъ.

6. О Великихъ Офицерахъ Имперіи.

7. О присягахъ.

8. О Сенатѣ.

9. О Государственномъ Совѣтѣ.

10. О Законодательномъ Корпусѣ.

11. О Трибунатѣ.

12. Объ Избирательныхъ Коллегіяхъ.

13. О верховномъ Императорскомъ Судѣ.

14. О Судебномъ порядкѣ.

15. Объ обнародованіи.

16. Предложеніе о наслѣдствѣ Императорскаго достоинства въ потомствѣ Наполеона Бонапарте, представленное на учрежденіе народа.

Въ этомъ описаніи можно замѣтить какое мѣсто занимаютъ Законодательный Корпусъ и Трибунатъ, считаемые представителями націи и какъ далеко они откинуты, не только отъ всего приближеннаго къ особѣ Императора, но и отъ его фамиліи и отъ окружающихъ престолъ.

Святлость; что Принцы и высшіе чины будутъ также именоваться *Monseigneur*, что Г. Маре, Государственный Секретарь, будетъ въ чинѣ Министра; что Министры удержатъ титулъ Превосходительства, съ присоединеніемъ къ тому названія *Monseigneur*, въ подаваемыхъ имъ просьбахъ, и что Предсѣдатель Сената будетъ именоваться Превосходительствомъ.

Въ тоже время Наполеонъ пожаловалъ первыхъ Маршаловъ Имперіи и опредѣлилъ что-бы ихъ называли Г. Маршалъ, говоря съ ними и *Monseigneur* на письмѣ. Вотъ имена этихъ сыновей Республики, превращенныхъ волею одного изъ ихъ сподвижниковъ въ подпоръ его Имперіи: Бертъе, Мюратъ, Монсей, Журданъ, Малено, Ожеро, Бернадотъ, Сультъ, Брюнъ, Ланнъ, Мортъе, Пей, Даву и Бельеръ.—Титулъ Маршала Имперіи былъ также предоставленъ Сенаторамъ: Коллерману, Лефёбру, Перриону и Серрюрь, какъ бывшимъ главнокомандующими.

Во всемъ сказанномъ мною о титулахъ, которыми Бонапарте облекъ свою фамилію и любимцевъ можно замѣтить, что имя Луціана не было произнесено; это отъ того что братья находились между собою не въ ладу; не чрезъ то какъ говорили, будто бы Луціанъ поздно вздумалъ играть ролю Республиканца; но отъ того, что онъ нехотѣлъ покориться волѣ Наполеона въ такомъ обстоятельствѣ, гдѣ этотъ послѣдній

надѣялся на готовность Луціана содѣйствовать выгодамъ его политики. Въ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ великой перемѣнѣ, которая произошла въ формѣ Правительства, не Луціанъ а Зомфъ, вѣроятно для того чтобы заставить себя противорѣчить, или дабы извѣдать мнѣніе, показавъ видъ сопротивленія довольно искусно сыгранный, для того чтобы обмануть нѣсколько человекъ и заставить повѣрить его Республиканству. Что касается до Луціана, то дѣйствительно оказавъ своему брату великія услуги въ день 19 Брюмера въ Сен-Клу и преувеличивая еще въ мнѣніи своемъ эти услуги, онъ не видѣлъ иной награды, достойной его и его честолюбія, кромѣ престола, независимаго отъ его брата. Достоверно, что во время нахождения своего въ Мадридѣ, онъ простеръ свои виды до того, чтобы понравиться Испанской Инфантѣ и распространить на счетъ сего слухи, о которыхъ я ничего не говорю, потому что я не имѣлъ никогда случая ихъ повѣрить. Зналъ только, что по смерти первой жены Луціана, Бонапарте вознамѣрился опять женить его на Нѣмецкой Принцессѣ, дабы чрезъ то вступить въ первое высокое родство. Луціанъ не захотѣлъ выполнить желаній Наполеона и вступилъ въ тайный бракъ съ женою повѣреннаго по дѣламъ Жубертона, котораго для большаго удобства отправили на острова, гдѣ онъ вскорѣ послѣ

того умеръ. Когда Бонапарте узналъ объ этомъ бракѣ отъ самого священника, который тайно былъ призванъ въ Бриенскій отель, гдѣ Луціанъ тогда жилъ, то онъ сильно вознегодовалъ и съ той поры рѣшился не давать Луціану титула Французскаго Принца по причинѣ этого неровнаго брака. И такъ онъ былъ только Сенаторомъ. Иеронимъ пошелъ совсемъ противоположною стезею, и сдѣлался Королемъ. Что касается до Республиканства Луціана, то оно не пережило 18 Брюмера; Луціанъ, какъ видѣли, всегда показывалъ себя самымъ жаркимъ борникомъ наслѣдія и читатели вѣрно не забыли о книжкѣ, которую въ общемъ своемъ нетерпѣніи, оба брата, столь не въ пору, распространили въ первое время пребыванія нашего въ Тюіери.

Этой любопытной книжки не было у меня въ бумагахъ; я думалъ что затерялся имѣвшійся у меня экземпляръ, тотъ самый, который Бонапарте бросилъ на полъ въ нашемъ Тюіерійскомъ кабинетѣ; по счастью онъ былъ только заложень съ бумагою, я нашелъ его и очень радъ, что могу представить моимъ читателямъ этотъ документъ, столь же важный, какъ и любопытный, говоря о эпохѣ, когда сбылись замыслы, которые, нетерпѣніе Наполеона питало уже четыре года тому назадъ. Отыскавъ мой экземпляръ я замѣтилъ, что изъ числа зары-

тыхъ мною изъ осторожности бумагъ, онъ наиболѣе потерпѣлъ отъ времени и отъ сырости. Помѣщаю его здѣсь точно такъ, какъ онъ былъ напечатанъ съ его заглавіемъ, выносками и подчеркнутыми словами.

С Р А В Н Е Н І Е

между

ЦЕСАРЕМЪ, КРОМВЕДЕМЪ, МОНКОМЪ и БО-
НАПАРТЕ.

Отрывокъ персведенный съ Англійскаго.

«Есть люди, которые являются въ извѣстныя эпохи для того, чтобы основывать, разрушать или возстановлять Государства. Все покорствуетъ ихъ вліянію. Судьба ихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто, столь необыкновенное, что она увлекаетъ за собою всѣхъ тѣхъ, которые сначала считали себя достойными быть ихъ соперниками. Наша Революція до сихъ поръ производила болѣе великихъ событій, чѣмъ людей. Вожди, слишкомъ слабые, хотѣвшіе управлять ею, одинъ послѣ другаго падали. Она казалась движимою какою-то слѣпою силою, которая уничтожала и испровергала все предъ собою. Десять лѣтъ уже какъ искали твердой, искусной руки, которая могла бы все остановить и все поддерживать.

«Пока еще не учредилось, такъ сказать нѣкоторой соразмѣрности между величіемъ обстоятельствъ и людей, между силою вещей и талантовъ,—народъ и Государство, безпрестанно волнуемые, должныствовали пребывать въ вѣчномъ кругѣ перемѣнъ и ниспроверженій. Для возстановленія порядка въ эту достопамятную эпоху, былъ надобенъ мѣжь, достойный самъ служить эпохою Французскому народу. Мѣжь сей явился. Кто не узнаеть его въ Бонапарте?

«По удивительной его судьбѣ, его неоднократно уже уподобляли всѣмъ необыкновеннымъ людямъ, являвшимся на сценѣ свѣта. Я не вижу въ послѣднихъ вѣкахъ никакого, имѣющаго съ нимъ сходство.

«Нѣкоторые поверхностные или недоброжелательные наблюдатели, прицаровили его къ Кромвелю. Нѣкоторые съумазброды надѣются найти въ немъ новаго Монка; Франція и Европа находятъ въ немъ болѣе разительное сходство съ Цезаремъ.

«Кромвель началъ плутовствомъ и лицемеріемъ ролю, оконченную имъ тиранствомъ и угрызеніями совѣсти. Его первое появленіе не было ознаменовано тѣмъ блескомъ, который возвѣщаетъ вселенной людей, созданныхъ для владычества надъ оною.

«Открываю его исторію и прежде всего ви-

жу юность его, теряемую въ низкихъ удовольствіяхъ. Вдругъ перемѣнивъ ролю, онъ показываетъ видъ самой строгой нравственности; онъ дѣлается восторженнымъ и богословомъ; онъ хочетъ быть священникомъ и Епископомъ. Паскучивъ духовнымъ званіемъ онъ кидается на военное поприще. Онъ былъ съ Букингамомъ въ жалкой экспедиціи противъ острова Ре, въ которой геній Риншель восторжествовалъ надъ Англичанами. Кромвель не предвѣщалъ тогда никакими разительными качествами жребія, нѣкогда его ожидавшаго. Ничто не отличало его отъ другихъ, обыкновенныхъ Офицеровъ. Средства его возвышенія были болѣе приготовлены другими, чѣмъ имъ самимъ. Войска, доставившія ему побѣды, были обучены Ферфиксомъ. Однимъ словомъ историки (*) хвалили его болѣе какъ искуснаго Офицера, чѣмъ какъ великаго Полководца. Притомъ же его военные таланты, каковы бы оныя ни были, нигдѣ не обнаруживались кромѣ какъ противъ своего отечества. Онъ былъ Апостоломъ, вождемъ и, если угодно, героемъ междоусобной войны. Но онъ не былъ *однимъ изъ тѣхъ завоевателей, которые раждаются съ назначенный день для возобновленія сѣти*. Еще того менѣе

[*] Смотри Ранна де Тойраса, Гума, Гапри и проч. совре-
менные хроникки.

имѣлъ онъ славы миротворца. Однимъ изъ первыхъ его подвиговъ было разграбленіе Университетовъ Кембриджскаго и Оксфордскаго, обителей наукъ. Съ Профессорами, по его приказанію было поступлено самымъ недостойнымъ образомъ: ихъ съкли розгами, почти передъ его глазами. Врагичный фанатизмъ, врагъ литературы и искусствъ, руководствовалъ всѣми его дѣлїями. Духъ его арміи былъ столько же жестокосердъ, какъ его собственный. Какое наконецъ было слѣдствіе всѣхъ его успѣховъ? ужасное злодѣйство, котораго даже самые закоренѣлые враги Государей, не смѣютъ оправдывать.

«И кто не вознегодуе въ самомъ отдаленномъ потомствѣ на злодѣяніе Кромвеля! сколько и безчестно было его поведеніе съ злополучнымъ Карломъ Первымъ, который ничѣмъ его не оскорбилъ и вѣрилъ въ его обѣщанїя. Кромвель, вмѣстѣ и тюремникъ, и налачъ своего Государя; Кромвель, который изъ окна, выходящаго на Цайтгальскую площадь, имѣлъ жестокость видѣть паденіе главы, имъ осужденной; Кромвель, не смотря на его побѣды, кажется въ самую достопамятную эпоху его жизни, могъ служить образцемъ только свирѣпому Робеспьеру и подлому Орману. Этимъ двумъ чудовищамъ недоставало только храбрости для того, чтобы совершенно ему уподобиться. И что я говорю? . . . Достойные въ-

ры писатели (*) говорятъ, что мать Кромвеля была крови Стюартовъ и что убійца былъ родственникъ жертвы: это новое сходство съ Филиппомъ Орлеанскимъ должно дѣлать Кромвеля еще болѣе ненавистнымъ и преступнымъ. И такъ Англійскій хищникъ престола есть искусный убійца, а не блистательный герой. Это глава партіи, скорѣе чѣмъ глава народа. Онъ обладалъ большимъ умомъ, но душа его не имѣла въ себѣ ничего высокаго; характеръ его представляетъ разительныя черты, но поведеніе его было гнусно; онъ навсегда сохранилъ ужасную именитость; но посрамленное имя его не приобрѣло славы.

«Можетъ ли такой человѣкъ, въ какомъ либо отношеніи быть сравненъ съ Бонапарте?»

«Юность, воспитаніе Французскаго Героя, были совершенно воинственныя. Онъ былъ уже знаменитъ въ томъ возрастѣ когда Кромвель, запятый жалкими богословскими преніями, даже не могъ подозрѣвать того, что онъ нѣкогда приобрететъ какую либо славу. Да вспомнить эпоху, въ которую Бонапарте получилъ предводительство Италіянскою Арміею: едва только окончили онъ свою воинскую науку, какъ уже сталъ на ряду съ величайшими полководцами. Нѣсколько оробѣвшихъ солдатъ, безъ продовольствія, безъ жалованья, безъ магазиновъ, сла-

['] Гунъ, Рашль де Тойрасъ и проч.

бо защищали южныя границы противъ союзныхъ Державъ. Бонапарте является. Онъ вскорѣ создалъ армію; противъ всѣхъ препонъ дѣятельность его пріискиваетъ средства. Крѣпости Пьемонта предъ нимъ падаютъ. Старинная и знаменитая тактика Генерала Больё уступаетъ смѣлости двадцати-четырёхъ-лѣтняго вождя. Опытность побѣждена гениемъ. Вурсизеръ подвергается тому же жребію какъ и Бальё. Вся Италія покорена Французскому владычеству. Бонапарте продолжаетъ свои успѣхи. Онъ перемѣняетъ, опредѣляетъ и передвигаетъ по своему произволу границы государствъ. Онъ чтитъ вѣру побѣжденныхъ народовъ. Онъ приводитъ въ трепетъ гордость царей и въ тоже время оказываетъ уваженіе слабости Главы Церкви. Онъ не хочетъ идти въ Римъ, который онъ бы могъ покорить, но приближается на растояніе тридцати миль отъ Вѣны и заключаетъ съ Эрцгерцогомъ *Камо-Форлійскій договоръ*, который обезпечилъ бы благоденствіе Франціи и спокойствіе Европы, еслибъ не были потеряны плоды столькихъ побѣдъ. Поражая враговъ Франціи, пріобрѣтая намъ новыя области, покрывая лучами своей славы *кужія преступленія*, Бонапарте вознесъ на первое мѣсто. Какой законный упрекъ могутъ ему сдѣлать враги Революцій? *Блѣдствія, сю произведенныя, начались прежде его.* Блескъ, оказанныхъ имъ услугъ, нѣ-

Часть VI.

11

сколько разъ встревоживалъ деспотовъ Франціи. Онъ налагалъ предъ ними безмолвіе на свою славу. Дабы избѣгнуть ихъ зависти онъ, какъ говорятъ, перенесъ величіе свое и побѣду въ дальнія страны. Но хотя бы сему была и не та причина, а быстрое и почти чудесное завоеваніе Египта, тѣмъ не менѣе онъ напоминаетъ Александра и Цесаря, которые побѣждали въ тѣхъ же мѣстахъ. Возвращеніе побѣдителя еще болѣе удивляетъ, чѣмъ отъѣздъ его. Онъ возвращается, тогда какъ наши бѣдствія опять сдѣлались чрезвычайными; тогда, какъ мы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе претерпѣвали поражений; онъ возвращается, и Франція воспринимаетъ спокойствіе! и Италія вновь завоевана одною битвою! И миръ, столько разъ ожидаемый, обѣщаетъ намъ вскорѣ закрыть раны отечества!

«Дерзните теперь сравнивать Кромвеля съ Бонапарте! Чувствуешь изумленіе и содрагаешься, читая Исторію перваго; удивленіе и надежда возникаютъ при чтеніи исторіи послѣдняго. Одинъ разрушалъ, другой возстановляетъ; одинъ возбуждалъ междоусобія и терзалъ свое отечество для того, чтобы самому возвыситься; другой достигъ тогоже, восторжествовавъ надъ иноземными врагами и прекративъ междоусобія. Кромвель былъ неизвѣстенъ въ сорокъ лѣтъ; а Бонапарте, съ самой юности своей, былъ уже ге-

розмъ. Первый обманывалъ вѣкъ свой; второй просвѣтилъ его. Одинъ оскорблялъ ученыхъ, другой чтить ихъ. Одинъ хотѣлъ владычествовать чрезъ заблужденіа, другой чрезъ просвѣщеніе. Кромвель взялъ нѣсколько городовъ, Бонапарте завоевалъ цѣлыя государства. Кромвель умертвилъ своего Короля; Бонапарте поспѣшилъ уничтожить ненавистный праздникъ, установленный палачами своего Государя; и между тѣмъ какъ имя Англійскаго *Протектора* внесено навѣки въ списокъ счастливыхъ тирановъ, —Первый Консулъ заслужилъ уже себѣ мѣсто рядомъ съ величайшими героями древности.

«Должно ли отвѣтствовать тѣмъ, которые ищутъ въ Монкѣ отношеній не менѣе цѣльныхъ и еще болѣе недостойныхъ завоевателя Италіи? Генерала Монка сравнивать съ Бонапарте! Монка, переметчика всѣхъ партій! Монка, который не имѣлъ ни одного качества высшей степени, который по переменно былъ приверженцемъ Короля, Парламента и Кромвеля, и котораго двусмысленный, нерѣшительный характеръ оставляетъ еще Исторію въ сомнѣніи, хотѣлъ ли онъ точно взять сторону Республики или Монархіи! Неужели по нѣсколькимъ ничтожнымъ походамъ, сдѣланнымъ Монкомъ, между утесами Шотландіи, можно найти въ немъ соперника тому, чьего трофеи покрываютъ Европу, Азію и Африку? Неужели въ извѣстной медленности, нерѣши-

тельности и безнечности первого хотять искать сравненій съ самымъ дѣятельнымъ, съ самымъ предприимчивымъ изъ полководцевъ? Титуль Герцога Альбемарля удовлетворилъ гордость Монка и послужилъ ему утѣшеніемъ въ его празднои старости (*); но неужели полагають что Маршальскій жезлъ или мечъ Коннетабля достаточенъ для мужа, *предъ коимъ улюлюкала вселенная*, для разрушителя царствъ? . . . развѣ не знаютъ что есть извѣстныя судьбины, призывающія на первое мѣсто; что Бонапарте слишкомъ великъ для того, чтобы играть второстепенную роль? а притомъ, еслибъ онъ когда либо могъ сдѣлаться подражателемъ Монка, то развѣ не видятъ, что Франція опять погрузилась бы въ ужасы новой Революціи? Бури, вмѣсто того, чтобы утихнуть, вновь бы со всѣхъ сторонъ воздвиглись? виданъ возстановленіе свергнутыхъ съ престола Государей, когда они имѣли мужество и сердца народа; *но Короли, претерпѣвшіе униженіе, лишены всякихъ средствъ*. Всѣ ослабленія, поддерживавшія престолъ ихъ, исчезли; они должны уступить той скрытной, непреодолимой силѣ, которая правитъ всеміною и располагаетъ тронами, какъ и всемі прочимъ. Лѣтописи всѣхъ народовъ, даже наши, наполнены по-

(*) Историки замѣчаютъ, что Монкъ былъ очень празднолюбивъ и что, сдѣлавшись Герцогомъ Альбемарлемъ, онъ совершенно предался лѣни.

добытыми перемѣнами. Наши предки видѣли вторгнувшимся въ чертоги празднолюбивыхъ Королей племя великихъ людей, долженствовавшее заглушить мѣсто Кловисова. При упадкѣ Королей Карловинскихъ, когда Монархія была близка къ уничтоженію, внезапно явился необыкновенный мужъ, котораго ни одинъ историкъ не зналъ въ точности происхожденія и котораго великія качества сдѣлали вождемъ Французовъ. Время, чрезъ необъятное разнообразіе событий, неоднократно приводитъ тѣже причины и тѣже дѣйствія; и тотъ, кто хорошо знаетъ прошедшее, могъ бы предвидѣть будущее. Мартелямъ и Карломанамъ, а не Монкамъ прилично уподоблять Бонапарте.

«Надобно прейти двѣ тысячи лѣтъ дабы сыскать челоуѣка, въ нѣкоторомъ отношеніи, на него похожаго. Челоуѣкъ сей есть Цесарь.

«Цесарь въ самой юности своей, явилъ знаки своего будущаго величія. Онъ, какъ бы чудомъ, избѣгнулъ предусмотрительности Силлы, который видѣлъ въ немъ не одного Марія; онъ восторжествовалъ въ трехъ частяхъ свѣта; онъ покорилъ народы самыя варварскіе и самыя образованные; онъ обезсмертилъ себя въ Италіи, въ Галліи и въ Африкѣ. Бонапарте прославился въ томъ же возрастѣ и въ тѣхъ же странахъ. Азіятскія ополченія и лучшія войска Европы признали его превосходство. Оба они

родились посреди междоусобій и оба ихъ прекратили; но Цесарь исполнилъ сіе поработивъ болѣе правую сторону, а Бонапарте ополчивъ гражданъ противъ партіи разбойниковъ: и здѣсь Бонапарте, и Цесарь, сходствуя между собою какъ воины, различествуютъ какъ политики.

«Дѣйствительно Цесарь возбудилъ ярость толпы противъ мудрости Патриціевъ, которая была истиннымъ оплотомъ свободы: Брутъ, напавъ на Цесаря, защитилъ общественный порядокъ отъ безначалія, собственность отъ земледѣльческаго закона, народъ отъ черни. Робеспьеръ и соумышленники его, призывавшіе имя Брута, были осуждаемы и дѣйствіями его, и ученіемъ (*). Революціонное невѣжество все смѣшало; пора возстановить истинныя понятія исторіи и политики: *Брутъ вооружился противъ демагоговъ; а Цесарь былъ вождемъ демагоговъ.* Онъ достигъ верховной власти, заглушивъ голоса добрыхъ гражданъ неистовыми криками толпы. Бонапарте, напротивъ того, ополчилъ сословіе владѣльцевъ и просвѣщенныхъ людей противъ бѣшенной толпы. Клики солдатъ были единственнымъ одобреніемъ Диктатора; а власть Перваго Консула была освящена утвержденіемъ трехъ миліоновъ гражданъ, подавшихъ голоса свои отдѣльно и съ полною свободою. Первый

(*) Смотри знаменитое его письмо къ Цицерону.

Консулъ не только не ниспровергъ всѣхъ бюстительныхъ понятій общества, но возвратилъ имъ прежнюю ихъ силу. Онъ покровительствуетъ всѣмъ сословіямъ Государства; но старается сдѣлать почетнымъ то, котораго собственность, свѣдѣніа, обязанности или выгоды, необходимѣе призываютъ къ поддержанію общественного состава. Однимъ словомъ, Цесарь былъ *похититель и народный Трибунъ*, Бонапарте есть законный *Консулъ*.

«Эта различная стезя двухъ героевъ зависѣла можетъ быть отъ обстоятельствъ, въ которыхъ тотъ и другой находились; но впрочемъ нельзя отрицать того, что характеръ ихъ и судьбина имѣли разительное между собою сходство.

«Взгляните на Цесаря когда, плывя по Эпирскому проливу на ненадежной ладѣ, носимой бурей, онъ говоритъ рыбаку, его везущему: *не страишься ничего, ты везешь Цесаря и его судьбину*. Взгляните на него когда онъ на минуту останавливается у Рубикона и вдругъ поставя судьбину свою на другой берегъ, внимаешь гласу, призывающему его къ обладанію міромъ.

«Не тотъ ли это самый геній, который, въ ту минуту какъ онъ приставалъ къ берегу Египта, при видѣ Англійскаго флота, побудилъ его воскликнуть: *О фортуна! еще два дня*.

«Не думаешь ли, что читаешь депешу Цесаря, когда Бонапарте пишетъ въ одномъ изъ до-

иссеній своихъ изъ Египта: *Я вижу берегъ, откуда Александръ отплылъ для завоеванія Азии...* и когда вспомнишь что черезъ немногіе послѣ того мѣсяцы, онъ былъ властелиномъ части завоеваній Александра! ! !

«Бонапарте имѣеть, подобно Цесарю, одинъ изъ тѣхъ господствующихъ характеровъ, предъ коими преклоняются всѣ препоны и всякая воля: вдохновенія его кажутся сверхъестественными, такъ что его конечно сочли бы подъ охраненіемъ генія, или какого нибудь божества—въ тѣ древнія времена, когда любовь къ чудесному наполняла всѣ умы и когда понятія о вѣрѣ, возвышала судьбину героевъ и законодателей, утверждали тѣмъ ихъ учрежденія и спокойствіе народовъ.

«Бонапарте, Александръ и Цесарь часто подвизались на томъ же поприщѣ славы; всѣ трое побуждали чрезъ своихъ намѣстниковъ; всѣ трое ввели искусства и науки въ необразованныя страны. Два древніе герои имѣли великое вліяніе на будущность. Будетъ ли вліяніе Французскаго героя столь же продолжительное?

«Оно конечно обѣщаетъ Франціи новый вѣкъ величія и всѣ надежды соединяются съ его славою и жизнію. Счастливая Республика, *еслибы онъ былъ безсмертенъ!* но жребій великаго мужа подверженъ большимъ случайностямъ, чѣмъ судьба обыкновенныхъ людей. О новые раздоры!

О возраждающіся вновь бѣдствія! еслибъ Бонапарте былъ вдругъ похищенъ у отечества! гдѣ его преемники? гдѣ учрежденія, которыя могли бы поддержать его примѣры и увѣковѣчить его гений? Судьба тридцати миліоновъ людей зависить отъ жизни одного только человѣка! Французы, что сдѣлалось бы съ вами, если бы плачевный вопль возвѣстилъ вамъ, что этотъ человѣкъ престалъ существовать? Подпалили бы вы опять владычеству собранія? Увы! десять лѣтъ волненій, заблужденій и бѣдъ, научили уже васъ, чего вы можете ожидать отъ онаго. Очень близки еще отъ васъ тѣ ужасные дни, когда власть, безпрестанно раздѣляемая, предоставляла судьбу вашу произволу партій, когда тиранія повсюду находилась, поелику истинной власти нигдѣ не существовало. Она нынѣ существуетъ эта охранительная власть: *но ничто не обеспечиваетъ оную, ни для васъ, ни для потомковъ вашихъ*. И такъ вы опять можете очутиться посреди предателей, темницъ и эшафотовъ; вы можете завтра при вашемъ пробужденіи опять увидѣть себя на кровавой стезѣ Революціи.

«Если тиранія собраній васъ устрашаетъ, то кто будетъ вашимъ приближеннымъ, кромѣ военной власти? Гдѣ преемникъ Перикла? гдѣ герой, котораго единогласная довѣренность народа и арміи спокойно поставитъ Коксоломъ

и который будетъ уметь удержаться въ этомъ званіи? . . . Вы конечно обрѣтете великіе таланты въ вашихъ военныхъ вождахъ; но кто поручится вамъ за то, что армія не раздѣлится въ своей привязанности? что каждый изъ Генераловъ не будетъ имѣть своихъ приверженцевъ? По смерти Александра узрѣли только пагубные раздоры, кровавыя битвы, ужасныя революціи. Наслѣдники его, бывшіе некогда друзьями, сподвижниками въ побѣдахъ и завоснаніяхъ, — устремясь къ верховной власти, одни изъ честолюбія, другіе по желанію воинствовать, ими предводительствуемыхъ, вскорѣ причинили разрушеніе Государства, которое они некогда столь достославно защищали. О мое отечество! не ужели бѣдствія древнихъ Республикъ и твои собственные останутся безполезными? . . .

«Приверженцы низложеннаго Дома возстанутъ противъ моего гласа: они конечно закричатъ, что они не хотятъ ни *Собраній*, ни *Императоровъ*, но что законный Король находится на границахъ нашихъ. Законный Король! Несчастные! едва избѣгнувъ одной Революціи, вы уже накликаете новую? . . . Взгляните на Англію при возвращеніи Карла II-го. . . Со всѣхъ сторонъ кровь струится по ея почвѣ.—Люди безвѣстные, философы, войны, падаютъ подъ скирою мести. . . Взгляните на Неаполь; вы услышите клики, раздававшіеся при пролитіи

крови на улицахъ, въ чертогахъ, на площадяхъ; послѣдуйте въ ихъ быствѣ чрезъ моря за этими бѣглецами, несущими съ собою нищету и отчаяніе! . . . — Вотъ жребій вашъ если Бурбоны когда либо опять вступятъ на престоль . . . Вы бы имѣли еще революцію десять, можетъ быть двадцать лѣтъ, и дѣти ваши получали бы въ наслѣдіе междоусобную войну.

«Французы! таковы опасности отечества: каждый день вы можете подвергнуться вновь владычеству Собраній, игу С * * * или Бурбоновъ . . . Каждую минуту спокойствіе ваше можетъ исчезнуть . . . Вы спите надъ бездною! ! . . . и сонъ вашъ покоенъ! . . . Безразсудны! ! . . .»

Къ сколькимъ размышленіямъ могло бы подать поводъ приведенное мною сочиненіе, котораго я уже прежде разсказалъ исторію! Ограничусь двумя или тремя замѣчаніями. Не говоря уже о глубокомысліи Наполеона при сужденіяхъ его и оцѣнкѣ людей, съ конми онъ пріемлетъ или отвергаетъ сравненіе себя; не поразитъ ли всякаго удивленіе при мысли что это, такъ сказать, его произведеніе; ибо Фуше видѣлъ рукопись у Луціана съ собственоручными отмѣтками Перваго Консула? Что касается до меня, то я нахожу въ немъ такую то наглость славы, которая вполне напоминаетъ мнѣ Наполеона. Съ такимъ горделивымъ убѣжденіемъ онъ ставитъ себя выше всѣхъ героевъ, съ которыми онъ

себя сравниваетъ! Какимъ притомъ свѣтомъ эти замыслы, заблаговременно обнаруженные, озаряютъ событія, въ коихъ они постепенно свершались до совершеннаго исполненія оныхъ чрезъ основаніе Имперіи! Но какъ постигнуть, что Луціанъ и Бонапарте, или лучше сказать Бонапарте одинъ, собравъ въ такой небольшой книжкѣ всѣ сокровища своихъ историческихъ сужденій, могъ прибѣгнуть къ такой политикѣ, неловкой хитрости, для того чтобы обмануть на счетъ происхожденія этого отрывка? Въ главѣн сказано, будто бы онъ *переведенъ съ Англійскаго*, а съ первыхъ строчекъ видно что пишетъ Французъ, ибо онъ говоритъ *наша Революція*, говоря о Французской Революціи. Эта странность была бы для меня неизъяснимою, еслибъ я не видалъ, что Бонапарте соединялъ иногда то, что можно назвать вздоромъ, съ обширѣйшими соображеніями своего генія.

Г Л А В А VII.

Присяга Почетнаго Легіона. — Францискъ де Нёшато. —
Льстивыя рѣчи. — Сократъ и Фенелонъ. — Покорность
или война.—Вліяніе Бонапарте на Принцевъ Германіи.—
Указъ Великаго Герцога Баденскаго, предписанный изъ
Парижа. — Изгнаніе Эмигрантовъ изъ Великаго Герцог-
ства Баденскаго. — Козли Англіи. — Ложныя вѣсти, рас-
пространяемыя съ примѣненіемъ къ мѣстнымъ обстоятель-
ствамъ. — Главная квартира козлей. — Драке въ Минас-
иъ. — Перехваченная переписка. — Заблаговременное об-
яродованіе оной.—Замысль Англіи испровергнуть Пра-
вительство Наполеона. — Циркулярное письмо Министра
Внѣшнихъ Сношеній къ Членамъ Дипломатическаго Кор-
пуса. — Списокъ Дипломатическаго Корпуса. — Великое
искуство Наполеона.

«Клянусь моею честью посвятить себя служ-
«бѣ *Республики*, сохраненію въ цѣлости ея вла-
«дѣній, защитѣ ея Правительства, ея законовъ и

«утвержденныхъ оными имѣній; сопротивляться
«всѣми способами, дозволенными справедливо-
«стью, разсудкомъ и законами—всякому пред-
«пріятію, клонящемуся къ возстановленію фео-
«дальнаго управленія, къ введенію снова *тигловъ и*
«*достоинствъ, бывшихъ принадлежностью онаго;*
«наконецъ содѣйствовать всѣми моими силами
«къ *поддержанію свободы и равенства.*» Какая это
была присяга? та, которую давали всѣ члены
Почетнаго Легіона при полученіи ими грамоты.
Ни одинъ изъ прежнихъ рыцарей Республики не
вспомнилъ объ этой присягѣ, тогда какъ они
возвели Наполеона въ Императорскій санъ; ибо
нельзя полагать, чтобы Г. Францискъ де Пеша-
то намекалъ на оную тогда какъ, представляя
Сенать для произнесенія присяги Императору,
онъ между прочимъ сказалъ слѣдующія замѣ-
чательныя слова: «Когда Ваше Величество, не-
правляя столь многія разрушенія, *возстановляе-*
те у насъ также и обрядъ присяги, то мы
должны хорошенько поразмыслить о предметѣ
и обширности ненарушимыхъ обѣщаній, кото-
рыя мы готовимся вамъ дать.» Рѣчи, послѣдо-
вавшія за восшествіемъ Бонапарте на импера-
торскій престолъ, терявшіеся тогда отъ вели-
каго ихъ множества, отъ льстиваго ихъ едино-
образія и заглушаемыя, надобно сказать, необ-
думаннѣйшѣмъ восторгомъ, — сдѣлались теперь
любопытными памятниками, которые читаешь

съ какимъ - то изумленіемъ. Съ трудомъ постигашь чтобы степенные люди могли возобновить въ просвѣщенный вѣкъ тѣ Римскія безумія, когда народъ воздвигалъ Сежану статуи и потомъ разбивалъ эти низвергнутыя статуи.

Да позволено мнѣ будетъ, при описаніи сей великой эпохи, сказать еще нѣсколько словъ объ этихъ рѣчахъ, которыхъ сочинители, не знали уже что выдумывать дабы преувеличить лесть свою до такой степени, которую можно бы счесть даже невозможною. Не только они говорили отъ своего имени, но призывали на память все что только могло усилить расточительность ихъ похвалъ; нѣкоторые заставили говорить Сократа и Фенелона, «что народъ, избалованный чрезмѣрною свободою, есть самый несносный изъ всѣхъ тирановъ, и что чернь, возставшая противъ законовъ есть самый наглый изъ всѣхъ владыкъ.» Какія рѣчи могли быть способиѣ, для утвержденія Императора съ самыхъ первыхъ дней его могущества, въ презрѣніи его къ народной свободѣ? Когда онъ уничтожалъ сію свободу, то его поздравляли съ тѣмъ что Франція ему обязана за свободныя понятія, которыя онъ хотѣлъ изкоренить.

Но оставляя эти скучныя преувеличенія, которыя всегда внушали мнѣ такое сильное отвращеніе, я расскажу то, что мнѣ было тогда извѣстно о невѣроятномъ вліяніи, какое Бо-

напарте, при самомъ основаніи Имперіи, имѣлъ на Державы, не смѣвшія еще открыто противъ него возстать. Я очень внимательно изучалъ политику Наполеона и вывелъ заключеніе, что онъ такъ увлекался своимъ честолюбіемъ и потребностью владычествовать, что никакое сношеніе, на правахъ равенства, между другою Державою и имъ, не могло быть продолжительно; другимъ Государствамъ Европы оставался только выборъ между покорностью и войною. Что касается до второстепенныхъ владѣтелей, то ихъ съ тѣхъ поръ можно было считать какъ бы подвластными Французскому Правительству; и какъ они не могли сопротивляться, то Бонапарте заблаговременно приучилъ ихъ покорствовать игу—его волѣ. Что можетъ служить лучшимъ доказательствомъ этого самовластного вліянія, какъ происшедшее въ Карлсруэ послѣ нарушенія поземельныхъ правъ Бадена для взятія подѣ стражу Герцога Ангенскаго? Не только не дозволивъ себѣ никакого замѣчанія противъ этого насильствія, столь явно нарушившаго права людей, Великій Герцогъ Баденскій принужденнымъ нашелся издать указъ, очевидно предписанный ему Наполеономъ. Въ этомъ указѣ было сказано, что какъ многіе изъ служившихъ прежде въ арміи Конде, дерзнули прибыть въ окрестности Карлсруэ, то Его Курфирстерское Высочество долгомъ считаеъ по-

вѣсть что бы никакому лицу, возвращающемуся изъ арміи Конде, равно какъ вообще никакому Французскому эмигранту, не получившему на то дозволенія прежде мира, не было дозволяемо имѣть другаго пребыванія, кромѣ того которое предоставляется иностраннымъ путешественникамъ.

Можетъ ли что либо быть унизительнѣе покорности, выраженной въ слѣдующемъ параграфѣ: «По случаю требованія Французскимъ Правительствомъ задержанія нѣкоторыхъ поименованныхъ эмигрантовъ замѣшанныхъ въ заговоръ противъ Конституціи (*) и взятія ихъ подъ стражу военнымъ отрядомъ, Его Курфюрстерское Высочество принужденнымъ находится признать, что пребываніе эмигрантовъ въ его владѣніяхъ вредно для спокойствія Имперіи и подозрительно Французскому Правительству; въ слѣдствіе чего онъ признастъ необходимымъ возобновить во всей строгости запрещеніе Французскимъ эмигрантамъ жить въ его владѣніяхъ; распространя сіе запрещеніе на все свои земли какъ прежнія такъ и новыя, и уничтожая симъ все дозволенія ограничен-

[*] Какой Конституціи? . . . Баденской? . . . Оной не существовало, Французской Конституціи? . . . Она была близка къ концу своему; и одинъ Бонапартъ долженствовалъ ее уничтожить.

ныя, или неограниченныя, данныя прежнимъ или нынѣшнимъ Правительствомъ; повелевая сверхъ того дабы всѣ тѣ, которые не представлять немедленно доказательствъ объ исключеніи своемъ изъ списка эмигрантовъ или покорности своей Французскому Правительству, были высланы; а если добровольно не выйдутъ въ теченіе трехсуточного срока, то были бы провождены за границу.»

Таково уже было вліяніе Наполеона на Германію, коей Принцы, сообразно съ выраженіемъ, употребленнымъ имъ въ одномъ изъ послѣдовавшихъ указовъ, должныствовали быть *стерты* великими соображеніями Имперіи.

Соблюдая справедливость и не оправдывая впрочемъ Наполеона, я долженъ сознаться, что козни, устрояемыя Англіею во всѣхъ мѣстахъ твердой земли, должныствовали по свойству своему, довести до высшей степени его врожденную раздражительность. Агенты Англіи были разсыяны по всей Европѣ, разнообразя слухи, которые имъ было приказано распространять, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Такъ напримѣръ, между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ носился слухъ, что Франція посылаетъ великое число войскъ въ Италію, что на Адигѣ разбитъ даже лагерь для сорока тысячъ чело-вѣкъ, въ Константинополь увѣрили, будтобы Французскій флотъ съ высадною арміею гото-

вится плыть въ Морею и въ Египетъ, и что даже видѣли уже Французскія войска, идущія къ Таренту. Въ Берлинѣ рассказывали совсѣмъ другое: тамъ говорили о тридцатитысячномъ лагерѣ, долженствовавшемъ собраться въ Герцогствѣ Клевскомъ. Въ Даніи выдавали за вѣрное, что сорокотысячная армія идетъ въ Ганноверъ, не только для усиленія войскъ, оныя занимающихъ, но съ очевидною цѣлію напасть на Гольштейнъ и запереть Зундъ. Даже въ самомъ Парижѣ, повѣренные Англичанъ, незамѣчаемые Полиціею, вторили подъ рукою этимъ вѣстямъ: то Турецкая армія, уже прибывшая въ Морею, располагала напасть на наши войска, стоявшія въ нижней Италіи; то Русскій флотъ вооруженный въ Черномъ морѣ, готовился плыть въ Средиземное море, для содѣйствія Туркамъ; то Австрійская армія вступила въ Швабію между тѣмъ какъ другой отрядъ оной составлялся въ Тироли; наконецъ говорили о лагеряхъ, разбитыхъ въ Польнѣ гдѣ Русская и Прусская арміи должныствовали соединиться для исполненія совокупнаго плана атаки и выгнать Французовъ изъ Ганновера.

Всѣ эти слухи были ложны, но легковѣріе хватало ихъ, а пройдохи старались, смотря по своимъ выгодамъ, внушить къ нимъ нѣкоторую вѣру. Главная квартира этихъ козней была въ Мюнхенѣ, гдѣ Драке, Великобританскій консулъ, и

танскій повѣренный, въ дѣлахъ имѣлъ главное оною управленіе. Козни Драке надѣлали тогда много шуму, и я буду еще имѣть случай ниже говорить объ оныхъ. Переписка его, перехваченная Французскимъ Правительствомъ, была сначала присоединена къ прочимъ документамъ суднаго дѣла производимаго надъ Жоржемъ, Моро и прочими обвиненными; но въ продолженіи допросовъ, главный судья получилъ повелѣніе отдѣлить ее и представить объ оной особый докладъ Первому Консулу, съ тою цѣлью, дабы заблаговременное обнародованіе оной подѣйствовало на общее мнѣніе, расположивъ оное неблагопріятнымъ образомъ для тѣхъ, которыхъ хотѣли погубить. Достоверно, что наставленія, которыя Драке далъ подчиненнымъ ему агентамъ, не оставляли никакого сомнѣнія на счетъ умысла Англіи ниспровергнуть правительство Бонапарте. Онъ писалъ къ одному человѣку, отправленному для объѣзда по Франціи: «Такъ какъ главная цѣль «вашей поѣздки состоитъ въ ниспроверженіи «стоящаго правительства, то одно изъ средствъ «къ достиженію сего, есть пріобрѣтеніе свѣдѣній о намѣреніяхъ непріятеля. На этотъ конецъ, прежде всего должно завести сношенія «съ разными Канцеляріями, дабы получать точнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ вѣншихъ и внутреннѣхъ намѣреніяхъ. Извѣстность объ этихъ на-

«мѣреніяхъ доставить лучшее оружіе къ тому, чтобы ихъ разстроить; а неуспѣхъ ихъ послужить къ уничтоженію всякой довѣренности къ правительству и будетъ первымъ, важнѣйшимъ шагомъ къ достиженію предположенной цѣли. Для сего надобно учрежденіемъ надежныхъ связей озаботиться съ Канцеляріями Военною, Морскою, Иностранныхъ Дѣлъ и Духовною: должно также постараться развѣдать о томъ, что происходитъ въ тайномъ Комитетѣ, учрежденномъ, какъ думаютъ въ Сен-Клу, изъ друзей Перваго Консула. Слѣдуетъ доносить о различныхъ замыслахъ, которые Бонапарте могъ бы возымѣть относительно Турціи и Ирландіи. Извѣщать также о перемѣщеніяхъ войскъ и кораблей, о постройкѣ сихъ послѣднихъ и о всякихъ военныхъ приготовленіяхъ.»

Драке подтверждалъ еще въ своихъ наставленіяхъ, чтобы въ настоящую минуту занимать-ся только испроверженіемъ правительства Бонапарте, не говоря ничего о намѣреніяхъ Короля, до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ точности узнаны его расположенія; но большая часть его писемъ и наставленій писаны прежде 1804 года. Общее содержаніе перехваченныхъ бумагъ доказывало то, что Бонапарте не могъ не знать, а именно: что Англія ему явная непріятельница; но разсмотрѣніе оныхъ удостовѣрило меня, что не существовало ничего, могущаго подать поводъ

вѣрить покушенію къ убійству, одобренному Великобританскимъ правительствомъ.

Первый Консулъ, получивъ донесеніе о козняхъ Драке противъ его правительства, сообщилъ копію съ онаго Сенату и въ отвѣтъ-то своемъ на это предложеніе, Сенатъ, какъ выше видѣли, сдѣлалъ первый приступъ, который Бонапарте нашелъ неопредѣлительнымъ и который тѣмъ не менѣе довелъ до основанія Имперіи; не смотря на это важное обстоятельство, я счелъ приличнымъ не упоминать о Драке до сихъ поръ, ибо козни его къ низверженію Наполеона показались мнѣ состоящими еще болѣе въ непосредственной связи съ судомъ надъ Жоро и Жоржемъ, которымъ я займусь въ слѣдующей главѣ.

Въ то же время, какъ Бонапарте сообщилъ Сенату донесеніе Главнаго Судьи, Министръ Внѣшнихъ Сношеній отнесся слѣдующимъ циркулярнымъ письмомъ къ членамъ Дипломатическаго Корпуса.

«Господинъ Посланникъ,

«Первый Консулъ приказалъ мнѣ сообщить «Вашему Превосходительству экземпляръ представленнаго ему донесенія, о постороннемъ заговорѣ, устроенномъ во Франціи Г-мъ Драке «Министромъ Е. Б. В. при Минхенскомъ дворѣ «и который цѣлью своею и временемъ своего

«учрежденіа, имѣль отношеніе къ гнусному заговору, о коемъ теперь производится судъ.»

«Печатныя копія съ писемъ и прочихъ подлинныхъ бумагъ Г. Драке прилагаются къ доисседию. Подлинники оныхъ будутъ, по волю Перваго Консула, немедленно отправлены къ Е. В. Курфюрсту Баварскому.»

«Такое посрамленіе почетнѣйшей должности, какая только можетъ быть ввѣрена человѣку, не имѣло донныхъ примѣра въ исторіи образованныхъ народовъ. Оно удивить, оно огорчить Европу соблазномъ неслыханнаго злодѣйства, коего до нынѣ никакое самое вѣроломное правительство не дерзало еще предпринять. Первому Консулу слишкомъ извѣстны чувства и качества особъ Дипломатическаго Корпуса, при немъ уполномоченныхъ и онъ совершенно увѣренъ что онъ съ глубочайшимъ прискорбіемъ примутъ посрамленіе свѣщеннаго Посланничьяго сана, превращеннаго въ ремесло заговоровъ, коварства и подкуповъ.»

Въ началѣ четвертой части моихъ Записокъ я говорилъ о томъ какія лица составляли Дипломатическій Корпусъ въ то время, когда мы перѣехали изъ Люксембурга въ Тюліери; думаю, что читателямъ не непріятно будетъ сдѣлать сравненіе состава онаго въ ту эпоху, съ тѣмъ временемъ, когда Первый Консулъ сдѣлался Императоромъ.

«Г. КАРДИНАЛЬ КАПРАРА, Легать Его
«Святѣйшества Папы.

«ГРАФЪ КОБЕНЦЕЛЬ, Посоль Императора,
«Короля Богемскаго и Венгерскаго.

«МАРКИЗЪ ЛУККЕЗИНИ, Чрезвычайный
«Посланникъ Короля Прусскаго.

«ШИММЕЛЬПЕННИКЪ, Посоль Батавской
«Республики.

«ДРЕЙЕРЪ, Чрезвычайный Посланникъ и
«Полномочный Министръ Короля Датскаго.

«МАРКИЗЪ де ГАЛЛО, Посоль Короля Не-
«аполитанскаго и Обѣихъ-Сицилій.

«СЕТТО, Чрезвычайной Посланникъ и Пол-
«номочный Министръ Курфирстра Бавар-
«скаго.

«ГРАФЪ БУНАУ, Полномочный Министръ
«Курфирстра Саксонскаго.

«КАРЛЬ, ГРАФЪ де БЕЙСТЪ, Полномоч-
«ный Министръ избирателя Курфирстра Ар-
«хи-Канцлера Имперіи.

«АВГУСТЪ ПАППЕНГЕЙМЪ, Полномочный
«Министръ Ландграфа Гессенъ-Дармштдскаго.

«БАЛЫИ де ФЕРРЕТТЪ, Полномочный Ми-
«нистръ Гросмейстера Мальтійскаго Ордена.

«АБЕЛЬ, Резидентъ вольныхъ Имперскихъ
«городовъ.

«ФЕРРЕРИ, Полномочный Министръ Лигу-
«рійской Республики.

«БЕЛЛЮМИНИ, Чрезвычайный Послан-
«никъ Лукской Республики.

«ДЕ МАЛЛАРДОЦЪ, Посланникъ Швейцарскаго Союза.

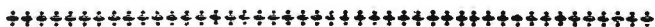
«ИОСИФЪ МАРІЯ де СУЗА, Чрезвычайный Посланникъ Португаліи.

«ПЕТРЪ УБРИ, Повѣренный въ дѣлахъ Россіи.

«ЛНВИНГСТОНЪ, Полномочный Министръ Соединенныхъ-Американскихъ Штатовъ.

«БАРОНЪ ШТЕЙБЕ, Полномочный Министръ Виртемберга.»

Можно видѣть, что Дипломатическій Корпусъ значительно увеличился, и что за исключеніемъ Г. Шиммельшпенника, онъ былъ совершенно возобновленъ. Какъ бы то ни было, а почти всѣ эти Послы, Полномочные Министры, Посланники и проч. представили Министру Внѣшнихъ Сношеній отъ имени своихъ Правительствъ отвѣты, въ конхъ они вполнѣ изъясляли ужасъ и негодованіе, возбужденныя въ нихъ поведеніемъ Англіи и кознями Драке. Эти отвѣты были сдѣланы только черезъ пять дней по смерти Герцога Англенскаго и здѣсь въ особенности надобно подивиться глубокому искусству Бонапарте, который этимъ средствомъ заставилъ представителей всѣхъ Державъ Европы офиціально изъяснить участіе къ его особѣ и Правительству.

Г Л А В А VIII.

Гемарь Предсѣдатель Уголовнаго Суда. — Открытіе суда надъ Жоржемъ. — Моро и прочіе обвиненные. — Необходимость осужденія. — Я вхожу однимъ изъ первыхъ въ залу суда. — Первое присутствіе и актъ обвиненія — Общій разсудокъ — Письмо Моро къ Бонапарте. — Почетное объясненіе поведенія Моро. — Долгъ службы и обязанность благороднаго человека. — Позоръ, неразлучный съ предательствомъ. — Ожесточеніе Гемара противъ Моро. — Спокойствіе Моро. — Иностранная кокарда. — Лажоле и Ролланъ. — Направленіе судопроизводства для того чтобы обвинить Моро. — Замѣчательныя слова. — Истинные единомышленники Моро. — Содержаніе и служба — Рѣчь, сочиненная Г-мъ Гаратомъ. — Сужденіе Бонапарте о его краснорѣчии. — Генераль Лекурбъ и сынъ Моро. — Трогательная сцена. — Почтеніе солдатъ.

Я довольно распространился о скрытныхъ ковахъ Полціи и объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ взятію подъ стражу заговорщиковъ; о томъ, что было мнѣ извѣстно касательно ужаснаго событія, придавшаго Ниполеону

совсѣмъ другой видъ, чѣмъ какой онъ имѣлъ бы въ потомствѣ; о положеніи заключенныхъ въ Тамплъ и о козняхъ, которыя устроивалъ Драке, для того чтобы можно было надлежащимъ образомъ судить о положеніи обвиненныхъ, тогда какъ сочли приличнымъ потребовать ихъ предъ уголовный судъ, коего Предсѣдателемъ Бонапарте сдѣлалъ царсубійцу Гемара. Я помню что этотъ выборъ возбудилъ въ цѣломъ Парижѣ всеобщій ужасъ, ибо оный показался признакомъ желанія найти только виновныхъ или осудить невинныхъ людей.

Наполеонъ былъ Императоромъ около десяти дней, когда 28 Маія открылся судъ; никакое другое судное дѣло послѣ этой эпохи, не могло дать понятія о вошеніи, царствовавшемъ въ Парижѣ; негодованіе объ отдачѣ подъ судъ Моро громко обнаруживалось, несколько не боясь замѣчаній Полиціи. Правительство успѣло обмануть общее мнѣніе на счетъ Жоржа и нѣсколькихъ другихъ заговорщиковъ, которыхъ считали разбойниками и подкупленными убійцами Англіи, покрайней мѣрѣ въ той многочисленной части населенія, которая легко вѣрить на слово объявленіямъ, представляемымъ ей за офиціальныя. Но не такъ было относительно Господъ Полньяковъ, которые внушали живѣйшее участіе, Г-на де Ривіера, Карла д'Озіе, а въ особенности Моро. Имя Моро пер-

венствовало предъ всѣми прочими и Правительство находилось на счетъ его въ большемъ недоумѣніи. Должно было, съ одной стороны окружить его стражею, довольно сильною, для того чтобы удержатъ стремленіе народа и друзей его, между тѣмъ какъ не слѣдовало и увеличивать эту стражу столько, чтобы она могла сдѣлаться опасною точкою сбора, еслибъ глазея вождя, уважаемаго арміею, призывалъ ее къ своей защитѣ. Почти вездѣ вѣрили возможности возстанія въ пользу Моро; одни надѣялись на него; другіе страшились онаго и я думаю, что при томъ расположеніи, въ которомъ тогда находились умы, оно непременно бы произошло, еслибъ судьи, еще болѣе угодливые чѣмъ они были, осудили Моро на смертную казнь.

Невозможно вообразить себѣ стеченія народа, которое наводняло всѣ входы въ Судебную Палату въ день открытія суда и продолжало стремиться туда во всѣ двѣнадцать дней, пока продолжался судъ, а особенно въ день произнесенія приговора. Лучшее Парижское общество старалось при томъ находиться. Исключительная для этого дѣла отмена присяжныхъ подавала поводъ къ подозрѣніямъ, слишкомъ основательнымъ. Громко говорили, что обвинители болѣе надѣялись на уголовныхъ судей, чѣмъ на присяжныхъ. Недавняя смерть Герцога Ангеп-

скаго и таинственная смерть Пиннегрю возбуждали во всѣхъ умахъ ещельныя опасенія; всѣ находились въ какомъ-то оцѣпѣненіи; живѣйшее участіе ощущалось къ знаменитѣйшему изъ осужденныхъ, и одно возмутительное слово могло бы произвести немедленное возстаніе.

Я изъ первыхъ вошелъ въ залу, вознамѣрясь слѣдовать за этимъ торжественнымъ судопроизводствомъ. Даже и теперь еще, послѣ столькихъ событій, свершившихся съ тѣхъ поръ предъ моими глазами, я бы не могъ изобразить болѣзненнаго волненія ощущеннаго мною въ ту минуту, когда по открытіи засѣданія и по отдашии Предсѣдателемъ приказа ввести подсудимыхъ, я увидѣлъ ихъ входящихъ одинъ за другимъ и занимающихъ на скамьяхъ своихъ мѣста между двумя жандармами. Всѣ имѣли важный, увѣренный въ себѣ видъ; у всѣхъ на лицахъ изображалась рѣшимость, кромѣ Буве де Лузье, не смѣвнаго поднять глазъ на товарищей своего бѣдствія, которымъ не его воля, а слабость измѣнила. Я узналъ его тогда только, когда Предсѣдатель перекликнулъ обвиненныхъ, сдѣлавъ имъ обычные вопросы о ихъ имени, званіи и жительствѣ. Изъ сорока девяти подсудимыхъ, въ числѣ коихъ находилось нѣсколько женщинъ, только двое были мнѣ извѣстны: Моро, коего присутствіе на преступничьей скамьѣ стѣсняло сердце, внушая родъ тоски

и безпокойства и Жоржъ, котораго я видѣлъ въ Тюліери въ кабинетъ Перваго Консула.

Первое засѣданіе прошло въ чтеніи обвинительнаго акта и голосъ приставовъ, повелѣвающихъ молчаніе, иногда съ трудомъ могъ обуздывать глухой ропотъ, несвольно раздававшійся при произнесеніи имени Моро. Всѣ взоры обращивались къ Гогенлинденскому побѣдителю и притомъ по длинному обвиненію Императорскаго Прокурора, призывающаго мнѣніе законовъ за злодѣйское покушеніе противъ главы Республики, можно было видѣть, сколько онъ ломалъ себѣ голову для отягченія лавровъ Моро бременемъ взводимой на него вины. Общій разсудокъ нашелъ даже доказательства невинности и благородства Моро въ показаніяхъ, которыми думали посрамить сего Генерала. Я не забылъ еще дѣйствія, совершенно противнаго тому, которое ожидали, произведеннаго чтеніемъ письма, которое изъ своей Тампльской тюрьмы Моро написалъ къ Первому Консулу, когда допрашивавшіе его судьи старались найти причины къ обвиненію его прошедшаго поведенія, по случаю бумагъ Г на Клигелина, доставшихся въ его руки. Его упрекли въ томъ что онъ слишкомъ замедлялъ отсылкою этихъ бумагъ къ Директоріи; и надобно сознаться, что довольно замѣчательно было видѣть Бошарте Императора, мстителемъ

минимыхъ винъ, содѣянныхъ противъ Директоріи, имъ неспровергнутой.

Въ письмѣ, мною упомянутомъ, Моро говорилъ Наполеону, бывшему еще Первымъ Консуломъ.

«Въ краткій походъ V-го года (отъ 20 до 23 «Марта) мы взяли канцелярію Главнаго Штаба «непріятельской арміи: мы принесли множество «бумагъ, которые Генераль Дезе, тогда раненый, сталъ для забавы разбирать. Изъ этой «переписки намъ показалось, что Генераль Пиннегрию имѣлъ сношеніе съ Французскими «Принцами. Это открытіе очень насъ огорчило, «а особенно меня; мы согласились оставить его «въ забвеніи. Пиннегрию въ Законодательномъ «Корпусѣ тѣмъ менѣе могъ вредить общественному дѣлу, что миръ былъ утвержденъ. Я «однакоже взялъ предосторожности для обесчеченія арміи противъ шпіонства, которое могло «ей повредить. . . . Событія 18 Фруктидора «приготавлились; безпокойство было довольно «велико: почему два Офицера, знавшіе объ этой «перепискѣ, стали убѣждать меня довести оную «до свѣдѣнія Правительства. . . . Долгъ службы «обязывалъ меня не хранить долѣе молчанія... «Въ продолженіе двухъ послѣднихъ Германскихъ «походовъ и со времени заключенія мира, мы «иногда дѣлали издалека предложенія, дабы «узнать, не будетъ ли можно склонить меня

«войти въ сношенія съ Французскими Прин-
«цами. Я находилъ это столь страннымъ, что
«даже не давалъ никакого отвѣта. Что касается
«до настоящаго заговора, то равномерно могу
«васъ увѣрить, что я не принималъ въ немъ
«ни малѣйшаго участія. Повторяю вамъ Гене-
«ралъ, что всѣ сдѣланныя мнѣ предложенія бы-
«ли мною отвергнуты по моему образу мыслей
«и потому, что я считалъ ихъ наивеличайшею
«глупостью; когдаже мнѣ представили случай
«высадки въ Англію благопріятнымъ для про-
«изведенія перемѣны въ Правительствѣ, то я
«отвѣчалъ, что Сенатъ есть власть, къ которой
«неминуемо присоединятся всѣ Французы въ
«случаѣ какого либо волненія и что я буду
«однимъ изъ первыхъ исполнителей его воли.
«На такія предложенія сдѣланныя мнѣ, част-
«ному человѣку, не хотѣвшему сохранить ника-
«кихъ сношеній, ни въ арміи, коей девять де-
«сятыхъ служили подъ моимъ начальствомъ ни
«съ какою изъ Конституціонныхъ властей, я
«не могъ отвѣчать, иначе, какъ отказомъ; доносъ
«былъ слишкомъ противенъ моему хараткеру;
«онъ почти всегда заслуживаетъ строгое осу-
«жденіе, по становится ненавистнымъ и запе-
«чатлѣваетъ знакомъ отверженія того, кто дѣ-
«лаетъ оный на людей, которымъ онъ обя-
«занъ признательностью, или съ которыми со-
«стоитъ въ давнихъ дружескихъ связяхъ.

«Вотъ, Генераль, что я имѣлъ вамъ сказать на счетъ сношеній моихъ съ Пиннегрю; онъ конечно убѣдять васъ въ томъ, что слишкомъ «ложно и слишкомъ смѣло перетолковали въ «дурную сторону поступки и дѣйствія, можетъ «быть неосторожныя, но нисколько не преступныя.»

Моро исполнилъ долгъ службы, представя Директоріи бумаги, которыя обнаруживали умыселъ противъ тогдашняго Правительства и которыя жребій оружія доставилъ въ его руки. Онъ выполнилъ обязанность благороднаго чело-вѣка, не принявъ на себя добровольно позора, отъ котораго ничто не можетъ избавить доно-щиковъ; Бонапарте, находясь на мѣстѣ Моро, не поступилъ бы иначе какъ онъ, ибо я не видывалъ чело-вѣка, который болѣе его прези-ралъ бы донощиковъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не сталъ считать добродѣтелью всего, что служило его честолюбію, а преступленіемъ все-го, что противопоставляло оному пренону.

Я вовсе не намѣренъ представить картину или даже только полный очеркъ засѣданій уго-ловнаго суда. Кипы документовъ этаго огром-наго дѣла собраны, и желающіе могутъ съ оными справиться; ограничиваюсь приведеніемъ здѣсь воспоминаній, наиболѣе меня поразив-шихъ: очевидно всего были заказное ожесто-ченіе, Предсѣдателя, достойнаго главы такого

суда и невинность Моро. Но не смотря на самый коварный допросъ, какой только можно себя вообразить, обвиненный Генераль нираму не впасть ни въ малѣйшее себя противорѣчiе. Если память моя меня не обманываетъ, то въ четвертое засѣданiе, судья Тюріо его допрашивалъ. Для всѣхъ присутствовавшихъ, ясно какъ день обнаружилось, что Моро былъ совершенно чуждъ всѣхъ заговорщиковъ, всѣхъ козней, которыя могли составлять въ Лондонѣ. Дѣйствительно, въ продолженіе всего судопроизводства, за которымъ я слѣдовалъ съ такимъ же вниманiемъ, какъ участiемъ, я не могъ замѣтить даже тѣни какого либо обстоятельства, которое могло бы обвинить его, или даже которое только къ нему бы относилось. Почти ни одинъ изъ ста тридцати призванныхъ предъ судъ свидѣтелей не зналъ его; и въ четвертомъ засѣданiи, происходившемъ 31 Маія, онъ объявилъ, что нѣтъ ни одного изъ обвиненныхъ, котораго бы онъ видѣлъ—ни одного, котораго онъ бы зналъ. Въ продолженіе этого длиннаго суда, не смотря на очевидныя усилія Тюріо исторгнуть признанія и довести до противорѣчiй, никакое важное обстоятельство не было приведено противъ Моро. Наружность его была постоянно спокойна, также какъ и совѣсть. Для тѣхъ, которые видѣли его на скамьѣ, онъ скорѣе казался привычнымъ посѣтителемъ судебной Палаты, присутствующимъ

щимъ при занимательномъ судѣ изъ любопытства, чѣмъ однимъ изъ обвиненныхъ, котораго судъ сей могъ приговорить къ смерти. Еслибъ не ядро, поразившее Моро въ рядахъ непріятельскихъ, то давно бы уже, совершенная его невинность не подлежала никакому сомнѣнію; давно бы уже всѣ признали, что самыя адскіе ковы были употреблены къ его погубленію. Въ самомъ дѣлѣ совершенно очевидно, что Лажоле, вздвинутый изъ Лондона въ Парижъ и изъ Парижа въ Лондонъ, былъ скорѣе подосланный агентъ, чѣмъ настоящій заговорщикъ и что порученіе его имѣло цѣлю, не сблизить Моро съ Пиннегрио, а употребить Пиннегрио для влеченія Моро въ участники заговора; а посему, тѣ которые утверждали, будто бы Лажоле находился въ распоряженіяхъ Британскаго Правительства, жестоко обманывали этимъ другихъ. Лажоле находился въ распоряженіяхъ тайной Полиціи; онъ былъ осужденъ къ смерти, какъ онъ того ожидалъ, и получилъ помилованіе, какъ это было условлено. Вотъ одно изъ показаній, которое Пиннегрио могъ бы сдѣлать и потому его надобно было уничтожить прежде начатія суда. Чтоже касается до показаній, сдѣланныхъ Ролландомъ, то всѣ ясно увидѣли что Моро не ошибался, когда онъ сказалъ Предѣлателю: «Нли Ролландъ, по моему мнѣнію, при надлежитъ къ Полиціи, или онъ сдѣлалъ свое

показаніе отъ страха. Ромландъ сдѣлалъ два показанія: въ первомъ онъ ничего не объявилъ. Взгляните на второе; его не спрашивали, а сказали ему: «Ты теперь въ ужасномъ положеніи Тебя признають или участникомъ или повѣреннымъ заговора; если ты ничего не скажешь, то ты участникъ; еслижъ сдѣлаешь показанія, то ты спасенъ.» Этотъ одинъ примѣръ можетъ дать понятіе о томъ, какое направленіе было дано судопроизводству, съ тою цѣлію, чтобы обвинить Моро. Генераль, съ своей стороны, отражалъ дѣлаемые противъ него нападки съ важнымъ хладнокровіемъ и со скромною увѣренностью, хотя отъ времени до времени у него и вырывались нѣкоторыя искры справедливой гордости. Я помню о дѣйстви, произведенномъ имъ на всѣхъ присутствующихъ въ засѣданіи, въ которомъ Президентъ сталъ обвинять его въ томъ, будто бы онъ хотѣлъ сдѣлаться Диктаторомъ. «Я, Диктаторомъ!» воскликнулъ Моро, «со всѣми приверженцами Бурбоновъ, мнѣ сдѣлаться Диктаторомъ! Гдѣже мои сообщники? Сообщниками моими должны быть Французскіе солдаты, потому что я предводительствовалъ девятыю десятками частями ихъ и спасъ болѣе пятидесяти тысячъ. Вотъ какіе у меня сообщники; всѣхъ моихъ Адъютантовъ, всѣхъ знакомыхъ мнѣ Офицеровъ взяли подъ стражу: противъ нихъ не отыскали

даже тѣни подозрѣнія, и они освобождены. Отъ чего же хотятъ приписать мнѣ безумный умыселъ сдѣлаться Диктаторомъ, чрезъ содѣйствіе приверженцевъ Французскихъ Принцевъ, которые сражаются за ихъ дѣло съ 1792 года? Вы хотите, чтобы эти люди, въ двадцать четыре часа задумали возвести меня въ Диктаторы! это безуміе. Упоминали о моемъ имѣніи, о моемъ содержаніи: я началъ въ сѣ чемъ, а могъ бы имѣть пятьдесятъ миліоновъ; у меня есть домъ и помѣстье; чтоже касается до моего содержанія, то я получаю сорокъ тысячъ франковъ, и да поберегутся сравнивать его съ моими заслугами!»

Моро произнесъ предъ судомъ, рѣчь сочиненную, какъ я узналъ, другомъ его Гаратомъ, котораго краснорѣчіе, какъ мнѣ очень памятно, Бонапарте всегда находилъ чрезвычайно утѣмительнымъ. Я помню, что онъ сказалъ мнѣ объ немъ при одномъ случаѣ, кажется мною не описанномъ, тогда какъ онъ присутствовалъ при торжественной закладкѣ на площади Побѣды памятника Генералу Дезе, никогда не воздвигнутаго. Возвратясь домой въ сильной досадѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Представь себѣ Буріеннъ, этотъ скотина Гарать, какой несносной говорить! Я былъ принужденъ слушать его цѣлыхъ три четверти часа. Есть же люди, которые не умѣютъ помолчать.»

Каково бы ни было краснорѣчіе Гарата и мнѣніе объ ономъ Наполеона а Гарать въ этомъ случаѣ благородно поступилъ; ибо онъ могъ быть увѣренъ что Бонапартъ вознегодуеъ на него за то, что онъ услужилъ перомъ своимъ единственному человеку, коего воинская слава, не равняясь со славою Перваго Консула, могла однакоже заставить считать его соперникомъ сего послѣдняго. Одно засѣданіе ознаменовалось какъ бы электрическимъ потрясеніемъ. Мнѣ кажется какъ будто я теперь еще вижу Генерала Лескурба, этаго достойнаго друга Моро, внезапно вошедшаго въ залу присутствія съ маленькимъ мальчикомъ. Онъ беретъ его на руки, поднимаетъ вверхъ, и громкимъ, но растроганнымъ голосомъ восклицаетъ: «Солдаты, вотъ сынъ вашего Генерала!» При этомъ непредвидѣнномъ движеніи, всѣ бывшіе въ залѣ военные сами встали и отдали ему честь, а въ тоже время лѣстный шепотъ пробѣжалъ по всему собранію. Конечно, еслибъ въ эту минуту, Моро произнесъ одно слово, то въ его пользу существовалъ такой восторгъ, что судъ былъ бы неспровергнуть и пѣвники освобождены. Но Моро сохранилъ молчаніе и казалось одинъ только не принялъ участія въ этомъ движеніи. Вообще въ продолженіе всего суда, Моро, хотя и подсудимый, внималъ столько къ себѣ почтенія, что когда его спра-

шивали и онъ вставалъ для отвѣта, то Жан-дармы, бывшіе при немъ стражами вмѣстѣ съ нимъ вставали и стояли съ открытыми головами во все время пока онъ говорилъ.

Г Л А В А IX.

Причины, по которымъ я желалъ оправданія Моро.—Разность положеній Моро и Жоржа.—Тюріо и *Тюрюв* (цареубійца).—Обращикъ отвѣтовъ Жоржа.—Твердость и рѣшительность.—Отзывъ Реала о Жоржѣ.—Отказъ на предложеніе помилуванія.—Несвѣрность официальныхъ объявленій.—Косте-Сен-Викторъ.—Искаженіе судопроизводства.—Выдуманный анекдотъ.—Актриса и Наполеонъ.—Судьи, болѣе виновны чѣмъ Бонапарте.—Капитанъ Рейтъ.—Портретъ Графа д'Артуа и Г. де Ривіеръ.—Благородныя чувства, безъ страха выраженныя.—Борьба великодушія между Гг.-ми Польпьяками.—Трогательная сцена у двухъ братьевъ.—Последнее засѣданіе.—Ночь, проведенная въ судѣ.—Осужденные.—Странность осужденія Моро.—Изреченіе, приписанное Наполеону.—Помилуваніе.—Казнь и мужество.

Въ предыдущей главѣ я почти исключительно занимался только тѣмъ, что относилось къ Моро; и по правдѣ сказать, въ особенности

для него я усердно посѣщалъ засѣданія суда. До начатія суда я въ немъ только одномъ принималъ истинное участіе; а какъ при томъ я не былъ ослѣпленъ страстью и какъ старинная дружба, невольнымъ образомъ привязывала меня къ Бонапарте, не смотря на его со мною поступки,—то я почти столько же для него, какъ для Моро желалъ оправданія сего Генерала. Я совершенно былъ увѣренъ и тѣ, которые помнятъ расположеніе умовъ въ эту эпоху, конечно думаютъ одинаково со мною, если ихъ также не ослѣпляла страсть, что осужденіе Моро къ смертной казни послужило бы знакомъ къ возмущенію, къ бунту, коего трудно было бы предвидѣть послѣдствія; ибо Бонапарте находился подъ покровительствомъ силы штыковъ, а эта сила, первая приняла бы другое направленіе.

Жоржъ находился совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ, нежели Моро: Жоржъ сначала внушалъ менше участія, чѣмъ любопытства и не говоря уже о разницѣ ихъ предъидущихъ обстоятельствъ, положеніе ихъ предъ судомъ, представляло большую противоположность. Моро былъ исполненъ беззаботливости, а Жоржъ совершенно предался ожидающему его жребію, на который онъ взиралъ съ твердостью, почти варварскою. Какъ будто для того чтобы заблаговременно отмстить за смерть свою, онъ опять обращался къ ругательной извѣстности, ко-

торую казалось оставилъ въ тотъ день, какъ говорилъ рѣчь своимъ товарищамъ предъ отбытіемъ ихъ изъ Тампиля. Въ тѣхъ своихъ насмѣшкахъ, обращаясь къ Тюрію, одному изъ самыхъ злобныхъ судей, онъ называлъ его Тюруа (*), намекая тѣмъ на поданный имъ голосъ къ убіенію Короля; и произнесъ его имя или будучи принужденъ отвѣчать на его вопросы, онъ говорилъ: «Дайте мнѣ стаканъ воды выполоскать ротъ.» Жоржъ имѣлъ солдатскія выраженія и ухватки, но подъ этою грубою оболочкою, онъ скрывалъ душу героя. Когда свидѣтели взятія подъ стражу Жоржа дали отвѣтъ на допросъ Предсѣдателя Гемаръ, и этотъ послѣдній обратился къ Жоржу спрашивая, не имѣетъ ли онъ сдѣлать какого либо замѣчанія противъ слышаннаго имъ показанія, то между спрашивающимъ и подсудимымъ начался слѣдующій разговоръ. «Имѣете ли вы что либо отвѣчать?—Нѣтъ.—Сознаетесь ли вы въ этихъ обстоятельствахъ? — Да.» Тогда, замѣтивъ, что Жоржъ по видимому не слушаетъ Предсѣдателя, занимаясь разсмотрѣніемъ лежавшихъ предъ нимъ бумагъ, Гемаръ принужденъ былъ напомнить ему что онъ не долженъ читать тогда,

[*] Въ судѣ было двое царевубійцъ: Гемаръ Предсѣдатель и Тюрію.

Сверхъ того Мерленъ былъ тогда Императорскимъ Генераль-Прокуроромъ, поддерживавшимъ обвиненіе.

какъ его спрашиваютъ и разговоръ продолжался слѣдующимъ образомъ: «Сознаетесь ли вы во взятіи васъ подъ стражу на мѣстѣ, показанномъ свидѣтелемъ? — Мнѣ неизвѣстно названіе этого мѣста.— Сознаетесь ли вы въ томъ, что вы были взяты подъ стражу?—Да.—Выстрѣлили вы два раза изъ пистолета?—Да.—Убили вы человека?—Право, не знаю.—У васъ былъ кинжалъ?—Да.—И два пистолета?—Да.—Съ кѣмъ вы были?—Я его не знаю.—Гдѣ вы жили въ Парижѣ?—Нигдѣ.—При взятіи васъ подъ стражу не жилили вы въ Сен-Женевьевской улицѣ у овощницы?—При взятіи меня подъ стражу я былъ въ кабріолетѣ и нигдѣ не жилъ.—Гдѣ вы почевали наканунѣ задержанія васъ?—Нигдѣ.—Что вы дѣлали въ Парижѣ?—Я прогуливался.—Съ кѣмъ вы тамъ видалесь?—Не назову никого; я никого не знаю.» По этому образчику отвѣтовъ Жоржа на вопросы Предсѣдателя, можно заключить, какова была непоколебимая его твердость въ продолженіи суда; во всемъ, касавшемся до него лично, онъ ничего не скрывалъ; на все, могшее повредить одному изъ его товарищей, уста его были заграждены; все искусство разспросовъ, внушеній и обманинъ осталось тщетнымъ предъ его непоколебимою рѣшимостью.

Въ подтвержденіе сказаннаго мною о Жоржѣ, я могу привести обстоятельство, которое до-

кажется, что не одинъ я умѣлъ оцѣнить великій его характеръ. Я выше сказалъ что я сопутствовалъ Г-ну Карбонне въ Полицію въ тотъ день, когда выпедъ изъ Пелажійской тюрьмы, онъ отправился требовать чемодана со своими бумагами. Какъ Г-на Реаля еще тамъ не было, то мы остались ждать его. Г-нъ Демаре и многіе другіе также ждали въ кабинетъ. Г. Реаль возвратился; онъ пріѣхалъ изъ тюрьмы Консіержери; гдѣ онъ видѣлъ Жоржа Кадудала. Онъ сказалъ особамъ, его ожидавшимъ, довольно громко, такъ что мы съ Г-мъ Карбонне ясно слышали: «Я сей часъ изъ Консіержери; я видѣлъ Жоржа; это необыкновенный человѣкъ. Я сказалъ ему, что онъ будетъ прощенъ, если дастъ обѣщаніе не дѣлать заговоровъ противъ Правительства и вступитъ въ службу. Я очень настаивалъ, но все было бесполезно; онъ воспротивился всѣмъ моимъ усиліямъ и наконецъ сказалъ: *Товарищи мои послѣдовали за мною во Францію; я послѣдую за ними на смерть.*» Увидать, что онъ сдержалъ слово и еще какъ! А между тѣмъ, въ объявленіяхъ, покрывавшихъ стѣны Парижа, называли разбойникомъ того человѣка, которому Императоръ въ самой темницѣ его дѣлалъ предложенія чрезъ посредство Государственнаго Совѣтника.

Впрочемъ, тѣ которые стали бы заключать объ этомъ достопамятномъ судопроизводствѣ,

основываясь на официальных объявленіяхъ, помѣщенныхъ въ Мониторъ и въ другихъ журналахъ того времени, получили бы очень ложное объ ономъ понятіе. Я даже помню, что эти подлоги были поводомъ къ важной жалобѣ со стороны одного изъ подсудимыхъ. Послѣ рѣчи Г-на Готье, защитника Косте Сен-Вингора, на вопросъ Предсѣдателя сему послѣднему, не имѣетъ ли онъ чего прибавить въ свою защиту: «Я имѣю прибавить, сказалъ Косте-Сен-Викторъ,» что во первыхъ просимые мною свидѣтели, конхъ показанія были бы въ мою пользу, до сихъ поръ еще не явились; а во вторыхъ я удивляюсь тому, что стараются вовлечь въ заблужденіе общее мнѣніе и навлечь позоръ, не только на подсудимыхъ но даже и на ихъ великодушныхъ защитниковъ. Я читалъ сегодняшніе журналы и съ огорченіемъ увидалъ, что обстоятельства судопроизводства...» Здѣсь Предсѣдатель, прервавъ его, замѣтилъ ему что эти вещи вовсе чужды его дѣла. «Совсѣмъ нѣтъ,» возразилъ Косте-Сен-Викторъ, «я вижу, что онѣ очень принадлежать къ моему дѣлу; и что искажая, переимчивая способы, нами употребляемые, конечно стараются погубить тѣмъ насъ въ общемъ мнѣніи. Я видѣлъ въ сегодняшнихъ журналахъ, что рѣчь Г-на Готье, моего защитника, ужаснѣйшимъ образомъ искажена. Я поступилъ бы противъ признательности, ко-

торую я ему обязанъ, еслибъ не возблагодарилъ его здѣсь всенародно за усердіе и мужество, обнаруженныя имъ при моей защитѣ. Я возстаю противъ вѣдѣностей, вложенныхъ газетчиками во уста его и прошу его до послѣдней минуты продолжать оказывать мнѣ великодушную свою помощь. Не для него дѣлаю я это замѣчаніе: онъ не имѣетъ въ немъ нужды: это собственно для меня и для прочихъ подсудимыхъ, которыхъ такими средствами можно очернить въ обществѣ мнѣніи.»

Косте-Сен-Викторъ имѣлъ въ своей осанкѣ и въ образѣ изъясненія, нѣчто рыцарское, предупреждавшее въ его пользу; онъ имѣлъ видъ заговорщика въ родѣ Фіеско или тѣхъ витязей Фрондскаго заговора, которые вели рядомъ политику съ удовольствіями. Объ немъ разсказывали тогда анекдотъ, который я слышалъ, но который для меня, очевидно казался плодомъ празднаго воображенія. Говорили будто бы Косте-Сен-Викторъ, не имѣя болѣе вѣрнаго убѣжища въ Парижѣ, нанялъ себѣ на одну только ночь пристанище у одной прекрасной актрисы, пользовавшейся расположеніемъ Перваго Консула; прибавляли, что Бонапарте въ эту самую ночь пріѣхалъ посѣтить ее и внезапно встрѣтить тамъ Косте-Сен-Виктора, который могъ бы располагать его жизнью, но что при этой встрѣчѣ любовнаго соперничества, все обош-

лось между ими одними взаимными вѣжливостями. Очевидною цѣлью этой странной выдумки было то, чтобы сдѣлать Перваго Консула болѣе ненавистнымъ, еслибъ Косте-Сен-Викторъ, будучи осужденъ, не получилъ помилованія; въ такомъ случаѣ злоба приписала бы казнь его мщенію ревниваго любовника. Я бы постыдился приводить такіе пустяки, имѣвшіе столь мало истины, еслибъ они не нашли себѣ у многихъ вѣры. Пока я былъ при Бонапартѣ, онъ никогда не выходилъ со двора ночью и уже конечно не въ минуту объясненія сказанныхъ ему Фуше словъ: *что воздухъ наполненъ кинжалами*, онъ пустился бы на такіа ночныя приключенія. Въ этомъ роковомъ дѣлѣ, памяти Наполеона и безъ того очень много можно сдѣлать упрековъ, не стараясь увеличивать число оныхъ и я долженъ сказать, что по моему мнѣнію, при тщательномъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ и судя потому, что я видѣлъ — если Бонапартѣ былъ единственнымъ виновникомъ смерти Герцога Ангенскаго, чего я не могъ скрыть, то въ дѣлѣ Жоржа и Моро, онъ гораздо меньше былъ виновенъ, чѣмъ обвинители и судьи, а особенно гораздо меньше чѣмъ главный учредитель всѣхъ этихъ гнусныхъ козней. Притомъ же, въ слѣдующей главѣ увидать, что Императоръ сказалъ мнѣ объ осужденіи Моро и Жоржа.

Рейтъ былъ выслушанъ въ шестое засѣданіе 2 Іюня, какъ сто тридцать четвертый свидѣтель (*). Онъ объявилъ, что не хочетъ отвѣчать ни на какія допросы; что будучи военнопленнымъ, онъ требуетъ всѣхъ правъ его; и что онъ обязанъ отчетомъ только своему Правительству. Генераль Прокуроръ просилъ Предсѣдателя приказать прочесть Рейту допросъ, сдѣланный ему 21 Маія и еще другой послѣ того; но прочтеніи коихъ Рейтъ замѣтилъ, что въ этихъ допросахъ не помѣщена сдѣланная ему угроза отдать его подъ военный судъ и разстрѣлять его, если онъ не измѣнитъ тайнамъ своего отечества.

Въ продолженіи суда, живѣйшее участіе было возбуждено Гг. Полиньяками, Карломъ д'Озье и де Ривіеромъ; чрезъ столь короткое время послѣ изгнанія дворянства, оставя уже въ сторонѣ чувства человеколюбія, не согласно было съ расчетами искусной политики представлять публикѣ наслѣдниковъ знаменитаго имени, одаренныхъ тою геройскою вѣрностію, которой всегда удивляются, даже и не одобряя предмета оной.

Всѣ эти подсудимые были молоды и всѣ присутствующіе при нихъ показаніяхъ оцѣнили

(*) Рейтъ былъ взятъ подъ стражу за высадку на берегъ заговорщиковъ. Этотъ Офицеръ служилъ подъ начальствомъ Сиднея-Смита; Рейта сильно подозрѣвали въ соучастіи. Онъ былъ привезенъ въ Парижъ какъ свидѣтель, необходимый для уликъ заговорщиковъ.

невольное къ нимъ расположеніе. Большая часть изъ нихъ пренебрегали прибѣгать къ заширательствамъ и казалось менѣе были озабочены спасеніемъ своей жизни, чѣмъ спасеніемъ чести дѣла, для котораго они прибыли, не съ цѣлью произвести убійство, какъ это всемъ было доказано, но дабы узнать настоящее расположеніе умовъ, которое учредители козней представляли благопріятнымъ для Бурбоновъ. Зачѣмъ умалчивать? общее расположеніе умовъ не было еще для нихъ благопріятно и обвиняемыя въ этомъ уже убѣдились. Дѣйствительно до смерти Герцога Ангенскаго, почти вся Франція привыкла къ Консульскому Правленію, которое казалось очень кроткимъ послѣ владычества ужаса и Директоріи. Даже самъ Моро не много бы могъ надѣяться на хорошія послѣдствія, еслибъ онъ не былъ гонимъ. Подсудимые знали все это и безъ адскихъ кововъ Тайной Полиціи, безвременныя ихъ желанія угасли бы въ тѣни или остались бы облеченными не пронизваемымъ покровомъ.

Даже подъ мечемъ закона, вѣрныя слуги Бурбоновъ, при всякомъ случаѣ обнаруживали свою привязанность и вѣрность. Я помню, что всѣ присутствующіе были растроганы до слезъ, когда при представленіи Предсѣдателемъ въ уликъ Г-на де Ривіера медаліона съ портретомъ Графа д'Артуа,—Г-нъ де Ривіеръ потребовалъ его къ

себѣ дабы лучше разсмотрѣть оный; Предсѣдатель переслалъ ему портретъ чрезъ Пристава и тогда Г. де Ривіеръ прижалъ оный къ устамъ своимъ и къ сердцу; а потомъ отдалъ его обратно, сказавъ что онъ только хотѣлъ воздать это уваженіе душевно любимому имъ Принцу.

Еще сильнѣе того было произведено умиленіе борьбою братскаго великодушія, возникшаго въ послѣднія засѣданія между Гг. Полиньяками. Старшій изъ братьевъ, объявилъ, что выходитъ со двора всегда одинъ и днемъ, онъ не поступалъ какъ скрывающійся заговорщикъ и послѣ того прибавилъ слѣдующія слова, которыя чрезвычайно всѣхъ тронули и на вѣки запечатлѣлись въ моей памяти: «У меня остается одно только желаніе: если мечъ, висящій надъ нашими главами угрожаетъ существованію многихъ изъ подсудимыхъ; то спасите моего брата въ уваженіе хотя его молодости если не въ уваженіе его невинности, и да падетъ на меня весь гнѣвъ вашъ!»

Въ передпослѣднее засѣданіе, въ Пятницу 8 Іюня Г-нъ Арманъ де Полиньякъ произнесъ трогательныя слова, мною приведенныя. На другой день, въ роковое число произнесенія приговора, Г. Юлій Полиньякъ, въ краткій промежутокъ до начатія совѣщанія судей, испросивъ дозволеніе говорить, сказалъ: «Будучи вчера слишкомъ разстроганъ послѣ рѣчи моего

брата, я не могъ обратить надлежащаго вниманія на чтанное мною въ мою защиту; нынѣ, успокоясь, я покорнѣйше прошу васъ, Милостивые Государи, не принимать въ уваженіе всего сказаннаго въ мою пользу моимъ великодушнымъ братомъ. Повторяю напротивъ того и съ бѣльшею справедливостію: если одинъ изъ насъ долженъ пасть; если еще не поздно, то спасите его; возвратите его, слезамъ его супруги: у меня нѣтъ ея. Подобно ему, я умѣю пренебрегать смертію; и будучи еще слишкомъ молодъ для того чтобы вкусить сладости жизни,—могу ли я жалѣть объ ней? Нѣтъ, нѣтъ, воскликнулъ братъ его, «тебѣ предстоитъ еще поприще; я долженъ погибнуть.

Память моя живо представляетъ мнѣ эту умиленную сцену; я какъ будто теперь вижу, какъ всѣ присутствующіе отираютъ слезы, еще вижу Гемара, искривившаго лице свое, вижу ужасныя черты его, вижу какъ онъ, — столько же не поколебимой и болѣе жестокой, чѣмъ самый законъ,—вдругъ прекратилъ ее произнесла голосомъ, болѣе отзывавшимся суровымъ желаніемъ обвинить чѣмъ приличною судѣе важностію:

«Судъ конченъ.»

Было еще только восемь часовъ утра, когда члены суда удалились въ залу совѣщаній. Съ самаго начала судопроизводства стеченіе народа.

несколько не уменьшаясь, съ каждымъ днемъ увеличивалось; въ этотъ день оно было чрезвычайно и хотя приговоръ долженствовалъ быть произнесенъ очень поздно, а ни кто не вышелъ изъ залы засѣданій, дабы не пропустить случая находиться тамъ въ ту минуту, когда судъ опять займетъ мѣста свои. Мы прождали до четырехъ часовъ утра и всеобщее опѣмѣніе поразило всѣхъ присутствующихъ когда Гемаръ возсѣлъ на Предсѣдательскіе кресла, держа въ рукъ приговоръ суда.

Этимъ ужаснымъ приговоромъ — Жоржъ Кадудаль, Губе де Лазіе, Рюссаліонъ, Рошель, Арманъ де Полиньякъ, Карлъ д'Озье, де Ривіеръ, Людовикъ Дюкоръ, Никко, Лажоле, Рожеръ, Косте-Сен-Викторъ, Девиль, Галиаръ, Жуаіо, Бюрбанъ, Лемерсье, Жанъ Кадудаль, Леланъ и Мериль — были осуждены на смерть; и только на двухъ годичное заключеніе Юлій Полиньякъ, Лериданъ, Генераль Моро, Романъ и Гизе.

Едва сей приговоръ былъ произнесенъ, какъ онъ распространилъ всеобщую скорбь во всѣхъ присутствовавшихъ, а скоро и въ цѣломъ Парижѣ. Могу увѣрить, что день сей, былъ днемъ всеобщаго огорченія, и хотя это случилось въ Воскресенье, а мѣста, обыкновенно въ этотъ день помѣщаемыя, остались почти пусты. Къ ужасу, возбужденному смертною казнью, столь расточительно назначенною и коей жертвы боль-

шею частью принадлежали къ высшему сословию общества,—присоединялась странность осужденія Моро, странность, коею, по произнесеніи приговора ни кто не былъ столь сильно пораженъ какъ Бонапарте и на счетъ коей онъ отозвался какъ ниже увидать. Я совершенно увѣренъ, что всѣ присутствовавшіе при производствѣ этого знаменитаго дѣла, были оттуда, подобно мнѣ въ полномъ убѣжденіи, что по преданіи Моро суду, были употреблены всѣ средства къ тому чтобы онъ не могъ выйти изъ подъ онаго совершенно оправданнымъ, а это очень отъ немногаго зависѣло.

Говорятъ будто бы Бонапарте сказалъ: «Господа, я тутъ меньшей; ваше дѣло хорошенько все разсмотрѣть прежде поднесенія мнѣ доклада. Но когда уже онъ поступить ко мнѣ за вашею подписью, то тѣмъ хуже для васъ, если невинный будетъ пораженъ. Эти слова довольно сходны съ обыкновенными его рѣчами; подобныя онымъ увидать въ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ въ послѣдовавшій за тѣмъ Четвергъ; но принявъ ихъ такъ, какъ они мною приведены, этотъ отзывъ приличный Государю, коего Министры за все отвѣтствуютъ, былъ бы только насмѣшливою отговоркою въ устахъ Наполеона, пользовавшагося неограниченною властью.

Обвиненные представили свое дѣло на ане-

ляцію, большая часть противъ воли, по уступившъ убѣжденіямъ своихъ друзей, не щадившихъ никакихъ заботъ и стараній для того чтобы исходатайствовать помилованіе тѣмъ, въ которыхъ они наиболѣе принимали участія. Моро также сначала думалъ было потребовать апелляціи; но онъ отрекся отъ этого еще прежде чѣмъ апелляціонный судъ воспріялъ свои заступанія. Моро покорился своему жребію и утѣшился бы мыслью, что онъ былъ жертвою слишкомъ большой знаменитости, пріобрѣтенной имъ на боевыхъ поляхъ; еслибъ жалобы семейства его не раздражили его противъ Франціи между тѣмъ какъ онъ могъ бы питать законную вражду противъ одного только Бонапарте.

Я имѣлъ случай узнать, что тотчасъ по произнесеніи уголовнымъ судомъ приговора, Мюратъ, Парижскій Губернаторъ и шуринъ Императора, отправился къ нему и убѣдительноше заклиналъ его помиловать всѣхъ обвиненныхъ, говоря ему, что этотъ милосердый поступокъ сдѣлаетъ ему величайшую честь во мнѣніи Франціи и всей Европы, что объ немъ скажутъ, что Императоръ прощаль покушеніе противъ жизни Перваго Консула, что такая снисходительность озаритъ бѣдльшимъ блескомъ начало его царствованія, чѣмъ сколько казнь доставитъ ему безопасности; вотъ что сдѣлалъ тогда Мю-

ратъ, но онъ не испрашивалъ, какъ говорили, частныхъ помилованій. Читатели увидятъ, какимъ образомъ были исходатайствованы данныя помилованія, когда я сообщу имъ то, что мнѣ сказала объ этомъ предметѣ Иозефина, которая нисколько не потеряла своей невѣроятной благодати, ни своей привязанности къ прежнимъ друзьямъ, сдѣлавшись Императрицею. Ходатайство Мюрата было дурно принято.

Подсудимые, получившіе помилованіе (*),

4') Вотъ содержаніе данныхъ по этому случаю милостивыхъ манифестовъ:

НАПОЛЕОНЪ, Божіею Милостію и по Конституціи Имперіи, **ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦУЗОВЪ**.

«Предсѣдателю и членамъ уголовного суда Сенскаго Департамента, учрежденнаго въ Парижѣ.

«Сердце наше тѣмъ болѣе было огорчено новыми заговорами, устроенными противъ Правительства врагами Франціи, что два человека, оказавшіе великія заслуги отечеству, приняли въ оныхъ участіе.

«Приговоромъ вашимъ 21 ирешеднаго Преріала, вы осудили на смертную казнь одного изъ соумышленниковъ. Преступленіе его велико; но мы хотимъ при этомъ случаѣ дать ему почувствовать дѣйствіе нашего милосердія, всегда нами въ особенности питаемаго.

Въ слѣдствіе сего, и по собраніи въ особомъ совѣтѣ, въ нашемъ Сен-Клуудскомъ дворцѣ, 2-го числа нынѣшняго мѣсяца, Архикамцлера Имперіи, Архи-Казначея, Конетабля, Верховнаго Суды Министра Юстиціи; Министровъ Внѣшнихъ Сношеній и Военнаго, Сенаторовъ Франциска де Нёшато, Лапласа и Фуше, Государственныхъ Сочѣтниковъ Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели и Лакюе и членовъ Апелляціоннаго суда Мюрера и Лакюе—мы объявили и объявляемъ помилованіе отъ смертной казни обращающаю

были: Буве де Лозье, обеспечившій себѣ жизнь своимъ сознаніемъ, Риозиліонъ, де Ривіеръ, Рошель, Арманъ де Полиньякъ, д'Озіс, Лажоле, для котораго это было заранѣе условлено, и Арманъ Галіаръ.

Что касается до прочихъ несчастныхъ жертвъ коварныхъ козней Полиціи, то онѣ были казнены двадцать пятаго Июня т. е. чрезъ день по объявленіи милостиваго манифеста. Мужество ихъ и покорность судьбѣ ни на минуту не изменились; и Жоржъ, зная что распространень слухъ будто бы его помиловали, дѣйствительно попросилъ себѣ милости — умереть первымъ, дабы товарищи его предъ смертью своею удостоверились въ томъ что онъ не переживетъ ихъ.

казнь въ ссылку, долженствующую быть исполненною чрезъ четыре года, въ продолженіе конхъ вышеказанныхъ... имѣеть содержаться въ тюрьмѣ, которая будетъ назначена.

«Извѣщаемъ и повелеваемъ дабы манифестъ сей, за Императорскою печатью, былъ представленъ вамъ чрезъ три дня отъ подписанія нашихъ Генераль-Прокуроромъ при означенномъ судѣ, во всенародномъ присутствіи, куда приговоренный будетъ приведенъ для выслушанія онаго стоя и съ открытою головою; дабы вышеупомянутый манифестъ былъ немедленно записанъ въ вашъ протоколъ по представленію его же Генераль-Прокурора, съ отмѣткою онаго на полѣ приговора осужденія.

«Дано въ Сев.-Клудскомъ Дворцѣ за печатью Имперіи 4 Мессидора XII года.

НАПОЛЕОНЪ.

Записка. Изъ сего видно, что Бонапарту не написалъ еще при этомъ случаѣ: *а нашего царствованія въ первое лето.*

Г Л А В А X.

Отвѣтъ Клавье.—Странное предложеніе, сдѣланное мнѣ Корви-
заромъ по приказанію Наполеона. — Г. Демезонъ.—Пре-
клоненіе судей.—Я ѣду въ Тюіери, — Раннѣ дежурный.—
Дружеская встрѣча.—Веселое расположеніе духа Импера-
тора.—Продолжительный съ нимъ разговоръ. — Сужденіе
Наполеона о дѣлѣ Моро.—Убійцы Англич и воспоминаніе
о Г. Фоксѣ. — Жалобы противъ Англійскаго Правитель-
ства.—Лакюс.—Разсказъ о взятіи подъ стражу Пиншерю.—
Средство, указанное Первымъ Консуломъ для удостовѣренія
о нахожденіи его въ Парижъ.—Изображеніе Моро.—Сдѣ-
ланныя Первымъ Консуломъ попытки къ его преклоне-
нію.—Посылка Лористона въ Тампль.—Молчаніе на счетъ
Герцога Англенскаго. — Обращеніе Наполеона опять къ
Моро и къ Жоржу.—Уваженіе къ Жоржу. — Общаніе
простить его и принять въ службу.—Воспоминаніе о преж-
нихъ притѣсненіяхъ. — Аудіенція у Императрицы. — Изе-
фина такова же какъ прежде.—Печаль и дурныя предчу-
ствія.—Сказанное ей обо мнѣ Наполеономъ.—Изъявленія
благоволенія.

Не все суды, составляющіе судъ, обвинившіи
Моро, — были Гемары и Тюріо. Исторія сохра-

нила какъ почетную черту противоположности посреди подлыхъ дѣйствій этой эпохи, — отвѣтъ Г-на Клавье, котораго Гемаръ понуждалъ подать голосъ для осужденія Моро. Ахъ! Милостивый Государь; если мы его осудимъ, то кто насъ самихъ оправдаетъ?» Впрочемъ, если я говорю, что судьи были настроены, то это не одно только легкомысленное показаніе; я имѣю самое очевидное тому доказательство въ сдѣланномъ мнѣ самому предложеніи.

Бонапартъ зналъ, что я былъ очень друженъ съ Г-мъ Демезономъ, однимъ изъ членовъ суда и зятемъ Корвизара; сверхъ того ему было извѣстно, что онъ склонялся къ признанію Моро невиннымъ и къ освобожденію его отъ суда. Однажды, въ продолженіе судопроизводства, Корвизаръ пріѣхалъ ко мнѣ очень рано утромъ и въ такомъ повидимому сильномъ замѣшательствѣ, что я сказалъ ему: «Что съ вами сдѣлалось? Не принесли ли вы какойнибудь дурной вѣсти? — Не со всѣмъ?» отвѣчалъ мнѣ Корвизаръ; «но я пріѣхалъ по приказанію Императора. Онъ хочетъ чтобы вы повидались съ моимъ зятемъ; онъ сказалъ мнѣ: «Это старѣйшая шина между судьями, человѣкъ очень уважаемый; его мнѣніе будетъ имѣть большой вѣсъ; я знаю, что оно благоприятно для Моро; но онъ въ этомъ неправъ. Повидайся съ Буріенномъ и стоворись съ нимъ чтобы постарать-

«ся обратить его къ мыслямъ, болѣе разсудительнымъ, ибо повторяю тебѣ, что онъ не-правъ: онъ ошибается» — Вотъ» прибавилъ Корвизаръ, «какое мнѣ дано къ вамъ порученіе.— Какъ?» возразилъ я съ наибольшимъ удивленіемъ, «и вы могли принять на себя такое порученіе? Вы могли хотя минуту подумать, что я буду споспособенъ склонять судью къ оказанію несправедливой строгости?» — Конечно нѣтъ,» отвѣчалъ мнѣ Корвизаръ; «я долженъ былъ сообщить вамъ это, дабы исполнить волю Императора; но я напередъ зналъ, какъ вы примете предложеніе, которое мнѣ было поручено вамъ сдѣлать. Я слишкомъ хорошо знаю вашъ образъ мыслей и характеръ для того чтобы въ этомъ отношеніи хотя сколько нибудь усомниться и мнѣ очень было извѣстно, что это порученіе останется безъ всякаго успѣха. Притомъ же, послушавшись Императора, я повредилъ бы вамъ въ умѣ его, ибо отказъ утвердить его въ томъ мнѣніи что вы склонны къ оправданію Моро. Что касается до меня,» прибавилъ Корвизаръ «то я не имѣю нужды говорить вамъ, что и самъ я столькоже какъ вы не расположенъ преклонять къ этому мнѣнію моего зятя, котораго вы довольно знаете для того чтобы предвидѣть, какъ бы онъ принял подобное предложеніе.»

Таковы были цель и слѣдствіе посѣщенія Корвизара, которое даетъ мнѣ поводъ думать,

что подобныя попытки были дѣлаемы и съ прочими членами суда. Какъ бы то ни было, а я изъ осторожности пересталъ видаться съ Г-мъ Демезономъ, не смотря на мое короткое съ нимъ знакомство.

Вотъ еще другое посѣщеніе не мнѣ, а мною сдѣланное и занимающее важное мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ.

14 Іюня 1804 года черезъ четыре дня послѣ произнесенія приговора, осудившаго Жоржа и сго соумышленниковъ, Императоръ приказалъ дать мнѣ знать, чтобы я пріѣхалъ въ Сен-Клу. Это было въ Четвергъ. Сообразивъ сколько въ то время произошло великихъ событій и трагическихъ сценъ, можно себя представить, что я не слишкомъ былъ покоенъ на счетъ донесеній, которыя могли ему обо мнѣ сдѣлать и на счетъ того, для чего онъ меня къ себѣ тресовалъ. Но и въ этотъ разъ по счастію случился дежурнымъ другъ мой Ранпъ, который при входѣ моемъ сказалъ мнѣ: — «Будь покоенъ, онъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ хочетъ поговорить съ тобою» — Какъ только Ранпъ обо мнѣ доложилъ, то Императоръ немедленно позвалъ меня къ себѣ. Поцѣпавъ меня за ухо и сдѣлавъ обыкновенные свои вопросы: «Что говорятъ, что дѣлаютъ зѣваки, здоровы ли твои дѣти, что ты подѣлываешь?» и проч., онъ сказалъ мнѣ: — «Кстати, ты присутствовалъ при

«судъ надъ Моро?—Точно такъ, Государь, я не пропустилъ ни одного засѣданія.—Пу Буріснъ, «скажи мнѣ по правдѣ; ты вѣрно заключилъ «что Моро невиненъ?—Такъ, Государь, покрайней «мѣрѣ могу васъ увѣрить, что при произведеніи «суда ничего не открылось къ его обвиненію, и «даже признаюсь вамъ, что я часто удивлялся «тому, что его замѣняли въ этотъ заговоръ ибо «никакое важное обстоятельство, никакое пока- «заніе не было противъ него приведено.—Я знаю «твое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ; Дюрюкъ переска- «залъ мнѣ что ты говорилъ ему на выходѣ въ «Тюліери. Опытъ доказалъ, что ты былъ правъ, «но могъ ли я поступить иначе? Ты знаешь «что Буве де Лозіе повѣсился въ тюрьмѣ своей «и былъ спасенъ только случайно. Реаль тот- «часъ отправился въ Тампль допросить его; въ «первыхъ своихъ признаніяхъ, онъ обвинилъ «Моро, показавъ, что Моро имѣлъ совѣщаніе съ «Пишегрю; Реаль тотчасъ донесъ мнѣ объ этомъ, «предложивъ мнѣ взять подъ стражу Моро, по «распространившимся слухамъ, которые казались «основательными; Реаль ужъ дѣлалъ мнѣ это «предложеніе. Съ перваго раза я такъ ясно викиъ «въ это дѣло, что рѣшительно ему отказалъ; но «когда въ послѣдствіи Буве де Лозье сдѣлалъ «свое показаніе, то еще разъ спрашиваю, какъ «мнѣ было поступить? Могъ ли я позволять от- «крыто устроить заговоры противъ моего

«правительства? Какъ было не повѣрить показаніямъ Буве де Лозье при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился? Могъ ли я предвидѣть, что предъ судомъ онъ отречется отъ своихъ первыхъ показаній? Тутъ произошло сѣщеніе обстоятельствъ, превыщающее «человѣческое предвидѣніе; я долженъ былъ согласиться на взытіе подъ стражу Моро, когда «получить доказательство о совѣщаніяхъ его съ «Шингерю. Развѣ Англія не подсылала убійцъ? — «Государь,» сказать я ему, «позвольте мнѣ вамъ «напомнить разговоръ, который вы имѣли въ «моемъ присутствіи съ Г. Фоксомъ и послѣ котораго вы мнѣ сказали: *Буріениъ, я очень радъ «тому, что узналъ изъ устъ благороднаго чело- «вѣка, что Англійское Правительство неспо- «собно покуситься на жизнь мою, я люблю уси- «жать моихъ непріятелей.* — Вотъ еще! какъ «ты разсуждаешь! Вѣдь я вовсе не говорю что- «бы Англійскій Министръ рѣшился призвать къ «себѣ убійцу и сказать ему: Послушай, вотъ «тебѣ золото и книжка, ступай и убей Пер- «сваго Копеула. Нѣтъ, я этому не вѣрю; но тѣмъ «не менѣе справедливо, что всѣ составляющіе «противъ моего правительства заговоры состоя- «ли на жалованьи Англіи, и получали отъ нея «содержаніе; развѣ я имѣю въ Лондонѣ агентовъ «для устроенія козней противъ Великобритан- «скаго Правительства? я веду съ нимъ откры-

«тую войну и не стараюсь возбуждать воспоминаній о прежнихъ приверженцахъ Стюартовъ. Не Рейтъ ли, Капитанъ Англійскаго флота привезъ и высадилъ на Діенскій берегъ всѣхъ сообщниковъ Жоржа? Будь увѣренъ, что кромѣ нѣсколькихъ безнокойныхъ людей, которыхъ я знаю какъ унять, желанія всей Франціи были за меня; всѣдѣ мнѣнія оказались мнѣ благоприятными; а потому я и не побоялся выставить всѣ эти заговоры, и произвести судъ всенародно. Большая часть этихъ господъ желали, чтобы я нарядилъ военный судъ, который кончился бы въ двадцать четыре часа; но я не захотѣлъ: стали бы говорить, что я страшусь смѣнія, а я вовсе его не боюсь. Пусть себѣ говорятъ что хотятъ, но чтобы я не слыхалъ; не тѣмъ, которые приближены къ моей особѣ дозволяется хулить то, что я дѣлаю.» Въ эту минуту я не могъ скрыть небольшого невольнаго движенія, въ которомъ Императоръ замѣтилъ нѣчто больше, чѣмъ удивленіе; онъ остановился, взялъ меня за ухо и сказалъ съ самою ласковою улыбкою: «Это я не для тебя говорю, смилый мой; но я имѣю причины жаловаться на Лакюе (*); повѣринь ли что въ продолженіе суда онъ открыто вступался за Моро? онъ,

(*) Лакюе бытъ убитъ при Гунтцбургскомъ мосту. Кажется, что послѣ разговора моего съ Императоромъ, онъ пересталъ быть его Адъютантомъ.

«мой Адъютантъ; человекъ, который мнѣ всемъ «обязанъ! Что касается до тебя, я уже сказать «тебѣ, что ты хорошо постигъ это дѣло.»—Мнѣ «овершенно неизвѣстно Государь, что говорилъ «и дѣлалъ Лакое, съ которымъ я давно ужъ не «видаюсь; чтоже касается до сказаннаго мною «Дюроку, то мы находимъ это въ исторіи на «каждой страницѣ.

«Кетати,» продолжалъ Императоръ, послѣ «краткаго молчанія, «знаешь ли, что мнѣ обяза- «ны за открытіе пребыванія Пиннегрю въ Па- «рижѣ? Они все твердили мнѣ: Пиннегрю въ Па- «рижѣ; Фуше, Реаль пѣли мнѣ ту же пѣсню, а «не могли представить никакого доказательства. «Какъ вы глупы—сказалъ я Реально; вы съ разу «можете это развѣдать. У Пиннегрю есть братъ «бывшій въ духовномъ званіи и который жи- «ветъ въ Парижѣ; прикажите отыскать его квар- «тиру и отправтесь туда; если его нѣтъ въ «квартирѣ, то это дастъ уже поводъ думать, что «Пиннегрю здѣсь; еслиже братъ его живетъ на «прежнемъ мѣстѣ, то задержите его: онъ чело- «вѣкъ простой, и первое движеніе его укажетъ «вамъ настоящій путь. Все произошло какъ я «предвидѣлъ; по взятіи его подъ стражу, не до- «жидалось разспросовъ, онъ самъ высказалъ все, «что хотѣли у него узнать, спросивъ неужели «ему вѣнчать въ вину то, что онъ принималъ у «себя роднаго своего брата. Такимъ образомъ

«всѣ сомнѣнія исчезли, а бездѣльникъ, у котораго Пинсегрю жить, явился въ Полицію и продалъ тайну его пребыванія. Какая ужасная подлость! предать друга за деньги!»

Обратясь опять къ Моро, Императоръ долго говорилъ мнѣ объ этомъ Генералъ. «Моро», сказалъ онъ, «имѣетъ хорошія качества; онъ одаренъ испытанною храбростію, но въ немъ больше мужества, чѣмъ энергіи; онъ лѣнивъ и си избѣженъ; въ арміи онъ жилъ какъ Паша; онъ курилъ, почти всегда лежалъ и слишкомъ любилъ хорошо поѣсть. Онъ отъ природы добръ, но слишкомъ лѣнивъ для пріобрѣтенія свѣдѣній; онъ ничего не чтаетъ и съ тѣхъ поръ какъ примѣнился къ женской юбкѣ, онъ пересталъ быть мужчиною; онъ видитъ только глазами жены своей и тещи, которыя запутали его во всѣ эти козни. Посуди Буріеннъ, вѣдь довольно странно, что я первый присовѣтовалъ ему эту женидбу: мнѣ сказали что дѣвица Гюло, Креолка, и я полагалъ найти въ ней вторую Іозефину; я ужасно ошибся. Эти бабы отдали его отъ меня и я очень жалѣю, хотя онъ и гораздо ниже своей славы. Помнишь ли ты какъ я тебѣ говорилъ, больше двухъ лѣтъ тому назадъ, что Моро когда нибудь разобьетъ себѣ носъ о Тюліерійскія двери; это сбылось и онъ самъ виноватъ; ибо я съ своей стороны дѣлалъ все возможное для того чтобы его къ

«себѣ привязать. Ты помини пріемъ, сдѣлан-
ный мною ему въ Мальмезонѣ; 18 Брюмера
я вѣрилъ ему охраненіе Люксембурга и
онъ хорошо выполнилъ мои намѣренія.
«Съ тѣхъ поръ онъ показывать мнѣ одну
«только неблагодарность; онъ вѣдывался во
«все толки, оуждалъ все мои дѣла, надсмѣ-
«хался надъ Почетнымъ Легіономъ. Сизетники
«вперили ему въ голову, будто бы я ему зави-
«дую (*); тебѣ это очень извѣстно. Ты также
«какъ и я видѣлъ, какъ сдѣла его была сдѣлана
«Директорією, устраненною успѣхами моими
«въ Италіи, и которая по этой причинѣ захотѣ-
«ла чтобы въ арміи былъ Генералъ, перевѣши-
«вающій мою славу. Я на престолѣ а онъ въ
«сторѣмѣ. Ты видѣлъ все представляемыя мнѣ
«донесенія о безпрестанныхъ толкахъ противъ
«меня его семейства; они сдѣлали изъ него не-
«довольнаго между тѣмъ какъ я такъ хорошо
«бы съ нимъ поступить! Еслибъ онъ показать
«ко мнѣ привязанность, то я бы конечно пожа-
«ловалъ его первымъ Маршаломъ Имперіи; но
«что мнѣ было дѣлать? Онъ безпрестанно ху-
«дилъ мои походы и мое Правительство. Все
«эти донесенія прошли чрезъ твои руки и я не
«скрывалъ отъ тебя досады, которую они мнѣ

(*) Бонапарте былъ правъ въ томъ, что увѣренность въ прево-
сходствѣ своемъ предъ Моро, не дозволяла ему завидовать
этому Генералу; но онъ ужъ конечно завидовалъ мнѣнію ко-
торое все имѣли о Моро, справедливо или не основательно.

«причинили. Когда мнѣ въ первый разъ сказали, что Моро замѣнанъ въ заговоръ Жоржа, что я сей часъ тому повѣрилъ; я однакоже колебался на счетъ задержанія его и рѣшился не «прежде, какъ спросить мнѣнія моего совѣта (*). «Когда члены собрались, то я представилъ имъ «всѣ бумаги, прося тщательно разсмотрѣть оныя; «я сказалъ имъ, что это дѣло немаловажное и «потребовалъ отъ нихъ искренняго объявленія, «существуютъ ли противъ Моро обвиненія столь «важныя, чтобы онъ могъ быть осужденъ на «смерть. Безумцы! отвѣтъ ихъ былъ утвердительно- «ный и даже кажется, единогласный; тогда я представилъ это суду ибо уже нельзя было попятиться. Не нужно сказывать тебѣ Буріеннѣ, что «никогда голова Моро не пала бы на эшафотъ; «уже конечно, я бы его помиловалъ; но подвергнувшись осужденію на смертную казнь, онъ не «былъ бы уже болѣе опаснымъ, и имя его перестало бы считаться знаменемъ для ворчун- «новъ Республики и для безумныхъ Роялистовъ. «Еслибъ Совѣтъ усомнился въ винѣ Моро, то я

(*) Какого совѣта! Совѣта въ которомъ засѣдалъ Фуше, котораго присутствіе должно было очень удивить, и удивило, приглашенных туда вмѣстѣ съ нимъ. Фуше не имѣлъ другаго знанія кромѣ Сенаторскаго. Но всѣмъ приличіямъ, ему бы слѣдовало, хотя по наружности, не участвовать въ этихъ важныхъ дѣйствіяхъ Правительства. Но кто лучше могъ разсуждать о заговорѣ какъ не тотъ, коего оный частію былъ дѣломъ.

«призвать бы его къ себѣ; сказать бы ему что «возникшаго противъ него подозрѣнія достаточ-
«но для того чтобы мы не могли жить съ нимъ
«вмѣстѣ; что онъ хорошо сдѣлаетъ отправясь
«года на три путешествовать по Европѣ подъ
«предлогомъ осмотра полей сраженія послѣднихъ
«войнъ; что если онъ предпочитаетъ званіе По-
«селанника, я готовъ дать ему оное и, сколько
«онъ пожелаетъ, денегъ; что въ эти три или че-
«тыре года, время, этотъ великій властелинъ, все
«устроить. Но эти скоты объявили мнѣ, что онъ
«не можетъ избѣгнуть осужденія на смерть; что
«соумышленность его съ главою заговора оче-
«видна, и послѣ этаго, *осуждаютъ его какъ вра-
«украшаго изъ карлиана платокъ*. Что теперь
«прикажешь съ нимъ мнѣ дѣлать? оставить его
«здѣсь? онъ опять будетъ служить сборною точ-
«кою. Пусть онъ продастъ свое имѣніе и выѣ-
«детъ изъ Франціи. Что мнѣ съ нимъ дѣлать? въ
«Тамплѣ у меня и безъ него довольно И
«еслибъ это еще была единственная ошибка, ко-
«корую они заставили меня сдѣлать! . . .—Ахъ,
«государь! какъ вы были обмануты! — Да, я былъ
«обманутъ; но я не могу же видѣть всего своими
«глазами.»

Въ этомъ мѣстѣ нашего разговора, изъ ко-
торого я по возможности исключилъ то, что
было сказано мною, мнѣ показалось, что по-
слѣдними своими словами Бонапарте хотѣлъ

намекнуть на смерть Герцога Ангенскаго и я думать что онъ заговорить объ немъ, но онъ нислова не сказалъ мнѣ объ этомъ Принцъ и даже ничего, прямо къ нему относящагося, а опять обратился къ Моро. «Онъ очень ошибся», продолжалъ Императоръ, «если полагалъ, что я «читаю противъ него какую либо вражду. Тотчасъ по взятіи его подъ стражу, я послалъ къ «нему въ Тамплъ Лористона, котораго я выбралъ потому что у него кроткій, миротворный «характеръ; я поручилъ ему сказать Моро, что- «бы онъ только видѣлся съ Пинегрю и что я «прекращу надъ нимъ судъ. Вмѣсто того, чтобы «принять какъ должно этотъ великодушный вы- «зовъ, онъ отвѣчалъ мнѣ съ надменностію; онъ «гордился до тѣхъ поръ, пока Пинегрю не былъ «задержанъ; тогда ему пришлось сбавить спѣси. «Онъ написалъ ко мнѣ о своемъ прежнемъ по- «веденіи оправдательное нисъмо, которое я ве- «стѣлъ приложить къ судному дѣлу. Онъ погу- «билъ себя чрезъ свою ошибку; а притомъ для «того чтобы устроить противъ меня заговоры, «нужны люди не такихъ свойствъ, какъ Моро. «Вотъ напримѣръ, между заговорщиками есть че- «ловѣкъ, о которомъ я жалѣю: это Жоржъ. Онъ «совѣтъмъ другаго разряда; въ моихъ рукахъ та- «кой человѣкъ произвелъ бы великія дѣла. Я «умѣю оцѣнить, чего стоитъ твердость его ха- «рактера и далъ бы ему хорошее направленіе. Я

«велѣлъ сказать ему чрезъ Реаля, что если онъ
«хочетъ быть мнѣ приверженнымъ, то не только
«получить прощеніе, но я дамъ ему полкъ. По-
«чему знать? Можетъ быть я возьмъ бы его къ
«себѣ въ Адъютанты. Стали бы кричать; но мнѣ,
«право, это было бы все равно. Жоржъ отъ все-
«го отказался: это желѣзная полоса. Что я те-
«перь могу сдѣлать? Онъ подвергнется своему
«жребію, ибо онъ опасный человѣкъ въ партіи;
«этого необходимо требуетъ мое положеніе. Не
«покажи я примѣра, то Англія выкинетъ мнѣ
«во Францію всѣхъ негодяевъ эмигрантства; но
«стерпѣніе, терпѣніе, у меня руки длинны и я
«достану ихъ если они только понесутся.

«Моро видѣлъ въ Жоржѣ только буяна; я
«енику въ чемъ другое. Ты долженъ помнить
«разговоръ, который я имѣлъ съ нимъ въ Тю-
«зіери; ты былъ съ Ранпомъ въ смежной ком-
«натѣ. Я не могъ ни чѣмъ его склонить. Изъ-
«которые изъ его товарищей тронулись при
«имени отечества и славы, но онъ остался хо-
«лоденъ. Тщетно я трогалъ всѣ струны; все бы-
«ло напрасно; я нашелъ его постоянно нечув-
«ствительнымъ ко всему, что я ему говорилъ.
«Жоржъ показался мнѣ тогда только холодно
«жаднымъ къ власти и все стоялъ при своемъ
«желаніи предводительствовать Вандейцами. Не
«спрежде какъ истощивъ всѣ средства соглаше-
«ній, я заговорилъ голосомъ верховнаго санов-

«ника. Я отпустилъ его съ особеннымъ подтвержденіемъ отправиться домой съ тѣмъ чтобы «жить покойно и съ покорностью, и не ошибаться на счетъ моего съ нимъ поступка, т. е. «не приписывать слабости того, что было только «слѣдствіемъ моей умѣренности и силы. Помните сами, — прибавилъ я — и подтвердите всѣмъ «внимъ, что, пока я держу бразды Правленія, «не можетъ быть никакой надежды на успѣхъ и «спасеніе тѣмъ, кто дерзнетъ быть заговорщикомъ. Тогда я его отпустилъ и послѣдствія до- «казали, что я былъ правъ, совѣтуя ему оставаться въ покоѣ. Реаль сказалъ мнѣ, что когда «Моро, Жоржъ и Пишегрю сошлись, то они не «могли согласиться, потому что Жоржъ не хотѣлъ дѣйствовать иначе, какъ за Бурбоновъ. «Этотъ послѣдній имѣлъ по крайней мѣрѣ планъ; «но Моро не имѣлъ никакого: онъ хотѣлъ ниспровергнуть власть мою, не зная, кого онъ посадитъ на мое мѣсто. Тутъ не было здраваго «смысла.

«А, кстати, Бурієннъ, видѣлся ли ты съ Корвизаромъ? — Да Государь. — Ну чтожь? — Онъ исполнилъ данное ему ко мнѣ порученіе. — А Демезонъ! я быюсь объ закладъ, что ты не переговаривалъ съ нимъ по моему желанію? — Государь, уваженіе, которое я питаю къ Г. Демезону, заставило бы меня счесть мое посредничество для него оскорбительнымъ; а потому, что-

«бы не перетолковали въ дурную сторону то что я бы ему сказать, я рѣшился не видаться съ нимъ во все продолженіе судопроизводства. «Ну хорошо; это дѣло. Будь благоразуменъ, скромнѣе, и я о тебѣ позабочусь.» Тогда, сдѣлавъ мнѣ очень ласковое привѣтствіе рукою, онъ ушелъ въ кабинетъ свой.

Императоръ продержалъ меня у себя болѣе часа. Вышедъ съ этой аудіенціи я прошелъ чрезъ дежурную залу, гдѣ увидѣлъ по множеству собравшихся тамъ особъ, что наука этикета сдѣлала уже большіе успѣхи, хотя Императоръ и не учредилъ еще при дворѣ своемъ Камергеровъ. Не скрываю, что я какъ нельзя болѣе былъ доволенъ сдѣланнымъ имъ мнѣ пріемомъ, а притомъ я начиналъ скучать моею праздною, желая получить мѣсто, которое было мнѣ нужно послѣ понесенныхъ мною потерь, и послѣ несправедливыхъ отобраній Наполеономъ того, что онъ мнѣ далъ. Когда нынѣ я сужу объ немъ съ безпристрастною истинною, то я лучше люблю, чтобы сужденія мои относились къ дѣламъ совершенно мнѣ чуждымъ. Посему я удовольствуюсь сообщеніемъ здѣсь, — даже прежде разказа о посѣщеніи моемъ Императрицы по выходѣ отъ Наполеона, — какъ онъ поступилъ со мною и съ Г-жею Буріенингъ; это послужитъ къ оправданію боязни, которую я вдругъ ощутилъ когда Императоръ потребо-

валъ меня къ себѣ въ Тюліери, равно какъ и удовольствія моего о сдѣланномъ имъ мнѣ приѣмѣ. Я удостовѣрился въ сказанномъ мнѣ Раппомъ, что онъ въ хорошемъ расположеніи духа и былъ полнѣнъ довѣренностью, съ которою онъ разговаривалъ со мною о важныхъ тайнахъ своей политики и своего Правительства. Видя меня выходящаго, Раппъ сказалъ мнѣ: «Кажется онъ вдоволь съ тобою потолковался. — Да, и не дурно.» И продолжительность аудіенціи доставила мнѣ придворный поклонъ отъ всѣхъ, находившихся въ дежурномъ залѣ.

И такъ вотъ что случилось за два года передъ тѣмъ: въ продолженіи мѣсяца, послѣдовавшаго за тѣмъ какъ я подалъ въ отставку, которой не получилъ, мнѣ предложили въ Сен-Клу домъ, принадлежащій Г-жѣ Девиль: это былъ тотъ самый гдѣ Герцогами Англемскому и Беррійскому прививали оспу. Я отправился посмотреть этотъ домъ, думая что въ немъ будетъ можно помѣститься всему моему семейству. Не смотря на его восхитительное положеніе, онъ показался мнѣ слишкомъ большимъ, и для состоянія моего и для вкуса. Исключая наружныя стѣны, онъ былъ очень въ дурномъ положеніи. Во внутренности все требовало большихъ издержекъ на исправленія. Г-жа Бонапарте, узнавъ, что жена моя всячески старается отклонить меня отъ этой покупки, захотѣла по-

смотреть домъ и отправилась туда съ нами для прогулки. Она такъ была восхищена имъ, что назвала жену мою дурочкою за то, что она не хочетъ приобрести его. На возраженіе ея касательно требуемыхъ на то издержекъ, Иозефина отвѣчала: «О! мы это устроимъ» По возвращеніи нашемъ она такъ расхвалила этотъ домъ Наполеону, что онъ сказалъ мнѣ: «Ну чтожь ты его не купишь, Буріениъ, когда цѣна его «умѣренна (просили 60 тысячъ франковъ); ибо «когда мы переедемъ въ Сен-Клу, то изъ Парижа будетъ являться много гостей и ты можешь имѣть у себя другой столъ.»

И такъ домъ былъ купленъ. Дабы сдѣлать его способнымъ къ житію, потребовалось двадцать тысячъ франковъ. Надобно было меблировать этотъ большой домъ; заказали мебели.

Но какъ только приступили къ работѣ, то все начало обрушиваться и открывалось что надобно сдѣлать еще множество исправленій.

Бонапарте въ эту эпоху торопился окончаніемъ работъ въ Сен-Клудскомъ Замкѣ, въ которомъ ему очень хотѣлось поскорѣе поселиться. Будучи обязанъ безотлучно быть при немъ, я находилъ очень тягостнымъ раза по три въ день ѣздить изъ Реала въ Сен-Клу; и такъ я расположился съ моимъ семействомъ въ этомъ домѣ, наполненномъ рабочими. Едва пробылъ я въ немъ недѣлю, какъ Бонапарте объявлялъ мнѣ,

какъ выше видѣли, что онъ не имѣеть болѣе нужды въ моихъ услугахъ. Жена моя поѣхала съ нимъ проститься. Бонапарте благосклонно разговаривалъ съ нею о моихъ хорошихъ качествахъ, о моемъ достоинствѣ и о способности моей къ работѣ; онъ сказалъ ей именно этими словами, что изъ насъ трехъ, онъ самый несчастный и что ему никогда не удастся замѣнить меня. Потомъ онъ прибавилъ: «Я на мѣсяць уѣду: скажите Буріенну, чтобы онъ остался въ покоѣ; чтобы онъ удалялся отъ общества и по возвращеніи моемъ, я помѣщу его по достоинству; я долженъ это сдѣлать и сдѣлаю, хотя бы мнѣ пришлось учредить для него новое мѣсто.

Тогда Г-жа Буріеннъ стала просить у него позволенія оставить за собою квартиру въ Тюліери до тѣхъ поръ, пока она родить, что было ужь не далеко. Онъ отвѣчалъ ей: «Живите тамъ сколько вамъ угодно: я долго еще не ѣзжу въ Парижъ.»

Этотъ Сен-Клудскій домъ въ особенности возбуждалъ зависть. Выдумали тысячу басней о мнимой пышности этаго жилища, котораго едва успѣли отдѣлать одинъ первый этажъ. Наполеону безпрестано дѣлали на этотъ счетъ допесенія, одно страннѣе другаго. Одна дама осмѣлилась даже увѣрять его, будто бы будуаръ украшенъ драгоценными камнями, а занавѣсы

вышиты жемчугомъ и что этотъ будуаръ стоить пятьсотъ тысячъ франковъ. На эту послѣднюю нелѣпность, какъ меня въ томъ увѣрялъ Дюрокъ, Бонапарте отвѣтствовалъ: *«Ахъ! сударыня, вы столько лишь наскжете, что наконецъ я нигдему не поспрю.»*

Бонапарте отправился въ свое путешествіе; а я поѣхалъ съ семействомъ моимъ къ Г-жѣ Кубертень, которая приняла насъ съ обыкновенною своею добротою и пріятностью: она была мнѣ двоюродная сестра. Мы провели у нея въ деревнѣ все время отсутствія Перваго Консула и возвратились въ Сен-Клу въ тотъ самый день, въ который къ вечеру ожидали Бонапарте. Не прошло четверти часа по его пріѣздѣ, какъ онъ велѣлъ мнѣ сказать, чтобы я черезъ двадцать четыре часа очистилъ въ Тюліери квартиру, въ которой онъ дозволялъ женой моей родить. Въ тоже время онъ потребовалъ всѣ Рюсельскія мебели, подаренныя имъ мнѣ два года тому назадъ, тогда какъ я купилъ небольшой домикъ, для того, чтобы жить по близости его.

Я обратился къ нему съ просьбою, представивъ, что я отъ себя все заново передѣлалъ и обилъ шелковою тканью то, что прежде было покрыто пришедшею въ вѣтхость холстиною. Онъ ничего не уважилъ и велѣлъ выбрать у меня изъ этого дома всѣ мебели, даже до шини-

цовъ. Я долженъ однакоже сказать, что по прибытіи своемъ въ Парижъ, онъ нашель у себя на столѣ кучу донесеній будто бы я говорилъ и дѣйствовалъ въ Парижѣ, куда я не ступалъ ногою и гдѣ ни съ кѣмъ не имѣлъ сообщеній.

По отъѣздѣ моемъ въ Гамбургъ, Бонапарте безъ околѣностей завладѣлъ моими конюшнями и сараями. Въ Сен-Клу; онъ помѣстилъ въ нихъ сорокъ лошадей и множество экипажей. Онъ взялъ также хорошенькій домикъ при въѣздѣ въ паркъ, гдѣ расположились его кучера и конюхи, которые все перепортили. Все это было сдѣлано безъ предупрежденія меня и безъ всякаго вознагражденія. Онъ считалъ этотъ домъ своимъ; правда, что онъ приказалъ мнѣ купить его; но онъ не заплатилъ за него денегъ. Этотъ постой продолжался болѣе четырехъ лѣтъ.

Воспоминаніе о сдѣланныхъ мнѣ Наполеономъ притѣсненіяхъ, завело меня дальше, чѣмъ я хотѣлъ; и такъ возвращаюсь прямо къ новому Императорскому Сен-Клудскому двору въ ту минуту какъ выпедъ съ описанной мною аудіенціи, я отправился къ Императрицѣ, которая, узнавъ, что я во дворцѣ, велѣла мнѣ сказать чтобы я не уѣзжалъ не побывавъ у нея. Ничто не могло быть для меня пріятнѣе такого приглашенія, ибо пріемъ Іозефины былъ

всегда чрезвычайно милостивъ. Не помню, которая изъ приближенныхъ къ ней дамъ находилась у нея въ будуаръ въ ту минуту, какъ обо мнѣ доложили; но она вышла и я осталась наединѣ съ Юзефиною. Гордость новаго титула, нисколько не измѣнила предупредительную пріятность ея характера. Послѣ нѣсколькихъ словъ о перемѣнѣ ея положенія, я сообщила ей разговоръ, который я имѣла съ Императоромъ. Я подробно пересказала ей всѣ слова его о Моро, замѣтивъ что онъ, какъ мнѣ показалось, собрался было заговорить со мною о Герцогѣ Ангенскомъ, но что вдругъ обративъ разговоръ съ той точки до которой онъ дошелъ, — онъ не сказалъ мнѣ объ немъ ни слова. Г-жа Бонапарте отвѣчала мнѣ: «Онъ шпряду сказалъ вамъ о Моро. Наполеона обманули, потому что думали угодить ему, выставляя предъ нимъ Моро виновнымъ. Я нисколько не удивляюсь, что онъ сохранилъ молчаніе о Герцогѣ Ангенскомъ: онъ говоритъ объ немъ сколько можно меньше, неопредѣлительнымъ образомъ и почти всегда съ отвращеніемъ. Если вы опять увидите съ Бонапарте, то не заводите его на этотъ предметъ, а если случится что онъ самъ объ немъ заговоритъ съ вами, то избѣгайте всего, что можетъ походить на упреки: онъ ихъ не терпитъ; вы только повредите этимъ себѣ въ умѣ его; а зло,

«увы! не возвратимо. Когда вы были у меня въ «Мальмезонѣ я рассказывала вамъ о всѣхъ тщетныхъ моихъ попыткахъ къ отклоненію его отъ «нагубнаго намѣренія и о томъ, какъ онъ со мною обонесся. Съ тѣхъ поръ, въ семейномъ «кругу онъ рѣдко бывалъ веселъ; только при «своихъ придворныхъ принимаетъ онъ на себя «спокойный, ясный видъ, но я вижу что онъ «тѣмъ болѣе страдаетъ, чѣмъ болѣе усиливается «скрывать отъ насъ свои страданія. Кстати, я «забыла сказать вамъ, что онъ узналъ о посѣщеніи, сдѣланномъ вами мнѣ чрезъ день послѣ «этого бѣдственнаго событія; я боялась чтобы «враги ваши, которые болѣею частію и мои «враги, не представили ему это посѣщеніе въ «неблагопріятномъ видѣ; но по счастью это не «случилось. Онъ сказалъ мнѣ только: «Ты видѣла Буріенна? Здоровъ ли онъ? Сердится ли «на меня? Я однакоже долженъ что нибудь для «него сдѣлать; я поищу случая.» Онъ заговорилъ со мною въ этомъ же смыслѣ и повторилъ почти тоже самое, три дня тому назадъ, «и такъ какъ онъ призывалъ васъ къ себѣ то я «не сомнѣваюсь, что онъ имѣетъ что нибудь для «васъ въ виду. — А смѣюли спросить, что это «такое? — Я и сама еще не знаю, но совѣтую «вамъ удвоить осторожность съ людьми, съ которыми вы видаетесь; онъ такъ сталъ недовѣрчивъ и такъ хорошо знаетъ обо всемъ что дѣ-

«лаютъ и говорятъ! Я много перенесла послѣ
«шннго свиданія; я не могу забыть жестокость,
«съ которою онъ отвергъ мои убѣжденія. Я
«нѣскольکو дней была погружена въ глубокую
«печаль, которая его раздражала, потому что
«онъ очень хорошо видѣлъ ее причину. Титуль
«Императрицы меня не ослѣпляетъ; я вывожу
«изъ всего этого дурныя предчувствія для меня
«и для дѣтей моихъ. Мерзавцы должны быть
«довольны; вы видите до чего они его довели!
«Эта смерть отравляетъ жизнь мою. Мнѣ не
«сужно, Буріеннъ, говорить вамъ, что это дол-
«жно остаться между нами. — Я не думаю что-
«бы вы сомнѣвались въ моей скромности.—Ко-
«нечно нѣтъ, Буріеннъ; я въ ней не сомнѣваюсь:
«она равняется моей къ вамъ довѣренности;
«будьте увѣрены, что я никогда не забуду все
«сдѣланное вами для меня при разныхъ обстоя-
«тельствахъ и преданность, показанную вами
«мнѣ по возвращеніи вашемъ изъ Египта. Про-
«щайте, любезный другъ, посѣщайте меня.»

Таковы были два свиданія, которыя я имѣлъ
въ одинъ день, т. е. 14 Іюня 1804 года, сперва
съ Императоромъ, а потомъ съ Императрицею.
Возвратясь домой, я часа три записывалъ то
что мнѣ сказали Наполеонъ и Іозефина и изъ
этихъ замѣтокъ составлено мною описаніе двухъ
разговоровъ.

Г Л А В А XI.

Конституція и Сенатскій Указъ.—Выгодность положенія Императора. Любовь Наполеона къ Франціи. — Любопытная довѣренность Фуше. — Замѣчательныя слова, сказанныя Наполеономъ Фуше на счетъ протеста Людовика XVIII. — Тайный документъ, помѣщенный по приказанію въ Монитеръ.—Письмо Бонапарте къ Ренье.—Фуше опять сдѣланъ Министромъ Полиціи.—Дурное направленіе, данное Министромъ Ренье заговору Жоржа. — Незаслуженныя похвалы Фуше.—Достоверныя признанія возвращенія Бурбоновъ. — Противоположность между словами и поступками Бонапарте.—Железная корона.—Горжество 14 Іюля.—Праздники и потеря времени. — Большая церемонія въ Инвалидномъ домѣ.—Певольныя размышленія, воспоминанія 18 Брюмера и сраженіе.—Новая присяга Почетнаго Легіона, произнесенная Императоромъ.—Всеобщій восторгъ.—Отъѣздъ въ Булонь. — Я посѣщаю Іозефину. — Страсть къ нарядамъ Императрицы.—Посѣщеніе мое на другой день Мальмезона.—Іозефина и Г-жа Ремюза.—Разговоръ Іозефины.

Прежде уже было сказано, что по уставу Консульской Конституціи, — Первый Консуль не долженствовалъ самъ предводительствовать

Часть VI.

§ 1

армією вніъ границь Республики; читатели видѣли также, чрезъ какую уловку Бонапарте уклонился отъ выполненія этого Конституціоннаго правила, оставя Маренгской арміи названіе резервной. Это условіе не было уже предписано Бонапарте Императору; Сенатскій Указъ какъ слѣдуетъ это устроилъ и въ жаждѣ къ войнѣ, томившей душу Наполеона, — по достиженіи имъ титула, наиболѣе лестнаго для его гордости, неутомимое его воображеніе должно было питать обширные замыслы завоеваній, которые онъ думалъ привести въ исполненіе, какъ только Англія найдетъ себѣ на твердой землѣ союзника. Зная его характеръ, и часто выдавъ, какъ онъ для вида показывалъ что требуетъ, въ надеждѣ не получить, я съ основательностью могу сдѣлать предположеніе, что онъ ускорялъ своими желаніями, а можетъ быть и какими нибудь скрытными средствами минути, въ которую ему доставятъ предлогъ къ войнѣ на твердой землѣ. Государь, въ такомъ положеніи, въ которое онъ себя поставилъ, пользуется великою выгодною, ибо не будучи удерживаемъ опасеніемъ оскорбить честолюбіе или виды другаго Правительства, онъ приводитъ всѣхъ къ покорности, тѣмъ сильнѣе предаваясь нуждѣ обнаруживать свое превосходство, что онъ бы желалъ видѣть его оспореннымъ. Въ такомъ положеніи вещей, Бонапарте, кото-

рый ни когда не имѣлъ мысли, въ самомъ дѣлѣ произвести высадку въ Англію,—подъ предлогомъ этого замысла собралъ въ одну точку огромныя силы и довершилъ восторженность арміи, уже столь ему преданной.

Такимъ образомъ онъ въ тоже время успѣлъ —сильно встревожить соперницу, которую не хотѣлъ поразить, потому что не могъ сего сдѣлать—и держать въ роковой беснечности Государства, которыя бы вздумали противопоставить малѣйшую преграду возрастающему его честолюбію; такимъ образомъ Бонапарте обманулъ цѣлый свѣтъ, не удостоивъ никого въ этомъ своею довѣренностью, ни даже своихъ Министровъ; и это соображеніе, къ которому одинъ только онъ былъ способенъ, есть по моему мнѣнію чудо политики новѣйшихъ временъ.

Конечно Наполеонъ любилъ Францію, но онъ любилъ ее какъ средство; она была въ глазахъ его основаніемъ, на которомъ онъ утверждалъ свое собственное величіе; а дабы сего достигнуть, то по удовлетвореніи его честолюбія, ему была надобна война. Императорскій титулъ, утвердивъ его на престолѣ какъ основателя новой династіи, сообщилъ ему увѣренность, которой онъ до тѣхъ поръ, показывалъ видъ, что не имѣетъ и природная смѣлость его чрезъ это увеличилась. Я узналъ отъ Фуше очень замѣчательное обстоятельство, которое

подтверждаетъ сказанное мною.

Лудовикъ XVIII, находясь тогда въ Варшавѣ, извѣстился о возведеніи Наполеона въ Императорскій санъ; вѣрный правамъ своимъ, онъ представилъ Европѣйскимъ Государямъ протестъ о похищеніи его престола. Фуше сказалъ мнѣ, что извѣстася первый объ этомъ объявленіи онъ тотчасъ донесъ объ ономъ Императору, присовокупивъ, что безъ сомнѣнія съ него начнутъ распространять списки въ Сен-Жерменскомъ предметѣ, у всѣхъ враговъ Правительства; что это произведетъ очень дурныя слѣдствія, и что онъ долгомъ считать тотчасъ предупредить его объ этомъ, дабы онъ приказалъ Ренне и Реало надематривать за тѣми, которые будутъ распространять это объявленіе. Вы можете представить себѣ мое удивленіе, прибавилъ Фуше, ибо вамъ извѣстно, сколько одно имя Бурбоновъ его тревожило и возбуждало его недовѣрчивость. Взявъ отъ меня объявленіе и прочитавъ его, онъ сказалъ мнѣ отдавая его обратно: «А, а! Графъ Лилскій издаетъ отъ себя манифесты! ну, какъ ему угодно. «Мое право основано на волѣ Франціи и пока «у меня есть мечъ, я буду умиѣть поддержать «его. Бурбонамъ однакоже должно быть извѣстно, «что я не боюсь ихъ и потому пусть они оставятъ меня въ покоѣ. Вы говорите, что празднолюбцы Сен-Жерменскаго предмета станутъ

«распространять списки съ протеста Графа Лиль-екаго? Съ Богомъ, пусть они его читають, сколько имъ угодно. Фуше, пошлите его для напечатанія въ Мониторъ: я хочу чтобы завтра же оно было помѣщено.» Это произошло 50 Июля на другой день, былъ дѣйствительно помѣщенъ въ Мониторъ протестъ Людовика XVIII, отъ 6 Июля, слѣдующаго содержания:

«Принимъ титулъ Императора и желая сдѣлать его наслѣдственнымъ въ своей фамиліи, Бонапартъ довершилъ тѣмъ свое похищеніе. Это новое дѣйствіе Революціи, въ коей все съ самаго начала было незаконно, конечно не можетъ уничтожить правъ моихъ. Но, обязанный отчетомъ въ моемъ поведеніи вѣмъ Государямъ, коихъ права оскорблены не менѣе какъ мои, и коихъ престолы потрясены опасными правилами, объявленными Парижскимъ Сенатомъ; обязанный отчетомъ Франціи, моему семейству и моей собственной чести, я бы измѣнилъ общему дѣлу сохранивъ молчаніе въ этомъ случаѣ. Посему я объявляю — подтверждая мои протесты противъ всѣхъ незаконныхъ дѣйствій, которыя со времени собранія Генеральныхъ Штатовъ Франціи, довели Францію и Европу до того ужаснаго положенія, въ которомъ они находятся; — объявляю въ присутствіи всѣхъ Государей, что не только не признавая Императорскаго титула, который

«Бонапарте велѣлъ себѣ дать Палатѣ, не имѣющей даже законнаго существованія (Сенату),—
«я протестую противъ этого титула и противъ
«всѣхъ будущихъ дѣйствій, могущихъ отъ она-
«го вослѣдовать.»

Фуше очень мало заботился о томъ, будетъ ли это объявленіе или не будетъ распространено въ Парижѣ; онъ только хотѣлъ опять при этомъ случаѣ показать Императору, что ему лучше извѣстно все происходящее, чѣмъ Ренье, и Наполеонъ увидѣлъ новое доказательство неопытности и не искусства Верховнаго Судьи въ Полицейскихъ дѣлахъ; а Фуше вскорѣ получилъ то, чего онъ надѣлся отъ этой новой своей попытки. Дѣйствительно, черезъ девять дней послѣ обнародованія этого протеста, Императоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ объявилъ Ренье о возстановленіи Министерства Главной Полиціи.

«Господинъ Верховный Судья Ренье, въ эпоху всеобщаго мира, я присоединилъ Министерство Полиціи къ Министерству Юстиціи. Военныя Обстоятельства и послѣднія событія убѣдили меня въ необходимости, часто вами мнѣ представляемой, возстановить это Министерство и побудили меня склониться на изъявленное вами мнѣ желаніе быть вполне предоставленнымъ исполненію важныхъ обязанностей Верховнаго Судьи, Министра Юстиціи. Не могу, при исполненіи сего вашего желанія, не изъ-

«явить вамъ совершеннаго моего удовольствіи
«за службу вашу по званію Министра Главной
«Полиціи. Обратясь къ вашему настоящему
«Министерству, вы конечно не въ состояніи
«будете показать болѣе ревности, чѣмъ какою
«вы до сихъ поръ отличались; но вы будете
«имѣть болѣе времени для занятія этою столь
«важною отраслью Правительства. Хорошее
«управленіе правосудіемъ и хорошій составъ
«судебныхъ мѣстъ, имѣють въ Государствѣ
«наиболѣе вліяніи на цѣну и сохранность имѣ-
«ній и на самыя драгоцѣнныя для гражданъ
«выгоды.

«Какъ письмо сіе; Господинъ Верховный
«Судья, Министръ Юстиціи Ренье, не имѣетъ
«другаго предмета, то я молю Бога, да сохра-
«нить онъ васъ подъ своимъ святымъ кровомъ.

«Дано въ Сен-Клу, 21 Мессидора XII года.

НАПОЛЕОНЪ.»

Это письмо, средствомъ, которымъ Импера-
торъ золотить въ немъ для Ренье ниполю,
напоминаетъ немного то, которое Первый Кон-
суль написалъ къ Бертье при взятіи у него
Военнаго Министерства, чрезъ назначеніе его
въ мнимое предводительство резервною арміею.
Выраженіе *молю Бога да сохранитъ онъ васъ*
подъ своимъ святымъ кровомъ, показывало по-
вый успѣхъ Наполеона въ наукѣ прежнихъ
обрядовъ; онъ еще не употреблялъ его, даже

въ письмѣ своемъ къ Камбассересу на другой день по восшествіи своемъ на Императорскій престолъ, и надобно въ тоже время сознаться, что это выраженіе представляетъ странную противоположность съ мѣсяцемъ *Мелидоранъ* и съ *двѣнадцатымъ* годомъ! Притомъ же лестныя вещи, которыя Наполеонъ говоритъ Ренье въ письмѣ своемъ принадлежатъ къ системѣ его оказывать величайшую почесть главнымъ сановникамъ его Правительства въ своихъ всенародныхъ съ ними сношеніяхъ, дабы чрезъ то внушать большее къ нимъ уваженіе ихъ подчиненнымъ; и Богу извѣстно, сколько онъ вознаграждалъ себя за это наединѣ, называя ихъ глупцами, дураками, тупоумными.

Дурное направленіе, которое Ренье съ самаго начала допустилъ взять дѣлу Жоржа, было первою причиною, побудившею Наполеона рѣшиться возстановить Министерство Полиціи и возвратить оное тому, который заставилъ думать, что его необходимо опять призвать къ оному—чудовищнымъ сплетеніемъ кововъ и вѣроломствъ. Я такъ увѣренъ что Императоръ при этомъ очень имѣлъ въ виду случай, еслибъ будущая война принудила его выйти изъ предѣловъ Франціи, считая Фуше болѣе всякаго другаго способнымъ соблюсти общественное спокойствіе и болѣе полагающъ на него въ надзорѣ за заговорами, которые въ его отсутствіе,

могли устроить въ пользу Бурбоновъ. И правду сказать, искусство Фуше въ управленіе Полицію, вошло такъ сказать въ пословицу; но я имѣю доказательства, что всѣ похвалы, ему расточаемыя, были страшнымъ образомъ превеличены, распространяемы корыстью и повторяемы дураками. По моему мнѣнію, которое основано не на простыхъ вѣроятностяхъ, Фуше всегда измѣнялъ тѣмъ партіямъ, къ коимъ онъ показывалъ преданность, какъ только его выгода, единственный вождь, котораго онъ имѣлъ въ жизни, совѣтовала ему то сдѣлать.

Съ той минуты, когда Бонапарте нанесъ послѣдній ударъ Республикѣ, которая была ужъ только тѣнью съ 19 Брюмера, легко было предвидѣть что Бурбоны нѣкогда опять войдутъ на престолъ своихъ предковъ и это предвидѣніе вѣроятно имѣло вліяніе, по крайней мѣрѣ, на разницу числа противниковъ учрежденія Имперіи въ сравненіи съ числомъ подавленныхъ голоса противъ учрежденія пожизненнаго Консульства. Самое важное для Бурбоновъ было то, чтобы сначала престолъ ихъ возстановился, что было всего труднѣе сдѣлать. Бонапарте принялъ эту заботу на себя и какъ будто волшебнымъ жезломъ, въ одно мгновеніе ока возстановилъ весь прежній порядокъ, павшій подъ ударами Революціи. Опять явились различія чиновъ, орденовъ, титула, дворянства

украшенія. Съ той поры какъ дѣло пошло уже не о формѣ правленія, а только о лицахъ; когда возстановились прежнія наименованія; когда сами поборники Революціи рѣшили этотъ вопросъ, не было больше сомнѣнія что, какъ только представится случай (по весьма многимъ отношеніямъ вѣроятный), большая часть народа предпочтетъ древній Королевскій Домъ, которому онъ былъ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ, своимъ величіемъ и могуществомъ и который поставилъ его на такую высокую степень славы и благоденствія. Государство, управляемое законами, согласными съ ея правами и нуждами и возстановляющими существенную политическую свободу, должноствовало предпочесть потомковъ Генриха Великаго, потомкамъ всякаго другаго дома, счастливому солдату, который омрачилъ прекрасный день Брюмерскаго возстановленія, убійствомъ юнаго Принца Королевскаго семейства и для вознествія на престолъ поставилъ себя наряду съ царсубійцами, возбудивъ къ себѣ тотъ же ужасъ, который они внушали.

Притомъ же; на какомъ основаніи утверждалась Имперія? конечно на необъятной славѣ, но не на учрежденіяхъ: когда призраки славы бы исчезли, то что стало бы ее поддерживать?

Читатели видѣли, что въ Августъ мѣсяцъ 1802 года, при разсужденіяхъ въ совѣтъ о по-

жизненномъ Консульствѣ, съ коимъ соединился вопросъ о наслѣдѣи власти, Первый Консулъ сказалъ: «Наслѣдіе нецѣло, несовмѣстно съ самодержавіемъ народа и невозможно во Франціи» Онъ объявилъ это добровольно, вовсе не имѣвъ нужды объясняться; а не прошло еще послѣ этого двухъ лѣтъ, какъ онъ возстановилъ для себя престолъ и учредилъ въ пользу своего дома это наслѣдіе *нецѣлое, невозможное во Франціи!* Словомъ сказать, онъ основалъ четвертую династію. Было ли противорѣчіе между словами Перваго Консула и послѣдующимъ его поведеніемъ? Нѣтъ. У всякаго другаго, было бы тутъ противорѣчіе, но у него нѣтъ. Предположивъ, что онъ самъ себя противорѣчилъ, надобно бы допустить, что въ характерѣ Наполеона были слабость, недоумѣніе и непостоянство, а уже конечно этаго ничего не было. Онъ просто игралъ одну изъ своихъ комедій для того, чтобы дать грушѣ время созрѣть, по одному изъ его любимыхъ выражений, которое онъ безпрестанно приводилъ, будучи принужденъ отдавать срокъ, когда честолюбіе его долженствовало наконецъ быть удовлетвореннымъ.

И такъ это честолюбіе, какъ видѣли, удовлетворялось, но еще далеко было до того, чтобы оно насытилось; скоро увидятъ Папу, перѣзжающаго горы для освященія Императоръ-

ской короны, а его самого стремящагося въ Италію, дабы схватить себѣ корону Королей Ломбардскихъ. Въ Миланѣ, надобно признать превосходство Наполеоновой фортуны; ему не предстояло какъ Карломану, свергать Дидіе съ престола.

Я ниже скажу то, что мнѣ извѣстно о коронованіи въ Италіи; теперь еще рано говорить объ ономъ, ибо я даже не достигъ еще эпохи коронаціи въ Соборѣ Св. Богородицы въ Парижѣ; но не удивительно, что столько воспоминаній сблизжаются и смѣшиваются иногда въ моей памяти.

Изъ послѣднихъ странностей политики Наполеона было то, что въ первый годъ своего царствованія, онъ сохранилъ праздникъ 14 Іюля; это не былъ именно праздникъ Республики; онъ возбуждалъ собою два великія воспоминанія: роковой день взятія Бастиліи и первую Федерацию, день легкомысленнаго изступленія. Такъ какъ 14 Іюля пришлось въ Субботу, то Императоръ приказалъ праздновать оное на другой день, въ Воскресенье; это напоминаетъ слова Бонапарте въ эпоху Конкордата. «Больше всего пугаетъ меня,» сказалъ онъ мнѣ, «если я возстановлю Католическую вѣру, это множество праздниковъ, которые прежде существовали; они ведутъ къ праздности, а я этого не хочу; народъ имѣетъ нужду въ своей

работѣ для того, чтобы списывать себѣ пропитаніе; на четыре дня въ году я соглашаюсь, но никакъ не болѣе; если Римскіе отцы не захотятъ тѣмъ удовольствоваться, то я на нихъ не посмотрю. Потеря времени казалось ему такою бѣдою, что онъ почти всегда отлагалъ необходимые празднества до воскресныхъ дней; такимъ образомъ онъ отсрочилъ праздникъ Тѣла Христова (*la fete—Dieu*) до слѣдующаго Воскресенья.

И такъ въ Воскресенье пятнадцатаго Іюля Императоръ имѣлъ случай въ первый разъ представить взорамъ Парижанъ всю Императорскую пышность. Сначала всѣ находившіеся въ Парижѣ кавалеры Мочетнаго-Легіона, произнесли присягу, сообразно съ новою формою оной. Въ первый еще разъ было такъ сказать два отдѣльныхъ кортежа: Императора и Императрицы. При вступленіи Бонапарте въ Тюліери, только одинъ онъ былъ окруженъ ничтожною пышностью, которую дозволило тогда младенчество роскоши, а Г-жа Бонапарте, бывшая только женою Перваго Консула, отпиралась туда скромно, безъ блеска и безъ свиты, для того чтобы смотрѣть изъ окна покоевъ Третьяго Консула Лебрёна. По времена очень перемѣнились; и такъ былъ Императорскій кортежъ Императрицы, кося карсты проѣхали черезъ Тюліерійскій садъ, до сихъ поръ исклю-

чительно предоставленный однимъ только гуляющимъ; потомъ военный кортежъ Императора, который захотѣлъ явиться верхомъ посреди избранныхъ своихъ Генераловъ, сдѣлавшихся Маршалами Имперіи. Г-нъ Сегюръ былъ уже Оберъ-Церемонійместеромъ, и потому распоряжалъ всемъ торжествомъ; онъ встрѣтилъ Императора у дверей Инвалиднаго дома, вмѣстѣ съ Губернаторомъ онаго. Они провели Императрицу на приуготовленную для нея кафедру противъ Императорскаго престола, который Наполеонъ занялъ одинъ по правую сторону алтаря. Я присутствовалъ на этой церемоніи, не смотря на всегдашнее мое отвращеніе ко всемъ такимъ торжествамъ; но какъ Дюрокъ за два дня предъ тѣмъ привезъ мнѣ билеты для мѣстъ на хорахъ, то я не посмѣлъ туда не явиться, боясь чтобы зоркій глазъ Бонапарте не замѣтилъ моего отсутствія, если Дюрокъ сдѣлалъ это по его приказанію.

Я по крайней мѣрѣ съ часъ разсматривалъ горделивую, а иногда и пѣсколько смѣшную осанку, этихъ новыхъ вельможъ Имперіи; видѣлъ какъ духовенство, подъ предводительствомъ Кардинала Беллуа, встрѣтило Императора при входѣ въ церковь, которая не была уже, какъ при перенесеніи смертныхъ остатковъ Тюренна, Марсовымъ храмомъ. Какія странныя размышленія тѣснились въ умѣ моемъ, когда я

увидѣлъ у себя предъ глазами моего прежняго товарища Бріенской школы, сидящаго на высокомъ престолѣ, окруженнаго Генералъ-Полковниками своей Гвардіи, верховными сановниками Имперіи, Министрами и Маршалами; я невольно обращался къ 49 Брюмеру, и вся эта величественная пышность исчезала, когда я представлялъ себѣ Наполеона, до такой степени занимающагося въ словахъ своихъ, что я принужденъ былъ дернуть его за платье и посоветовать ему выйти. Не желаніе порицать и не зависть внушали мнѣ эти размышленія; ни при какихъ обстоятельствахъ нашего поприща, я бы не захотѣлъ промѣнять моего положенія, на его; но тотъ, кому случилось размышлять о непредвидѣнномъ возвышеніи прежняго товарища и присутствовать при ономъ, можетъ быть постигнуть странность мыслей, мнѣ представившихся.

И былъ отвлеченъ отъ этихъ мыслей движеніемъ, происшедшимъ въ огромной церкви, которая по окончаніи Богослуженія, какъ будто ожить сдѣлалась языческимъ храмомъ. Присутствующіе болѣе были преданы Императору, чѣмъ Богу Христіанскому и потому болѣе обнаруживали восторга, чѣмъ пажобности. Обѣдня была отслушана безъ большого благоговѣнія; но когда Г. Лассендъ, Великій Канцлеръ Почетнаго Легіона, по произнесеніи похвальной рѣ-

чи, сдѣлавъ перекличку Великимъ - Офицерамъ Легіона, то Бонапартѣ накрылся, какъ то дѣлали древніе Короли Франціи при торжественныхъ засѣданіяхъ; глубокое молчаніе и какое то набожное благоговѣніе царствовало въ собраніи. Онъ уже не запинался какъ въ Пяти-сотиномъ Совѣтѣ, тогда какъ онъ твердымъ голосомъ сказалъ: «Командиры, Офицеры, Легіонеры, Граждане, солдаты, вы клянетесь вашею честію посвятить себя службѣ Имперіи и сохраненію въ цѣлости ея владѣній; защитѣ Императора, законовъ Республики и утвержденныхъ оными имѣній; сопротивляться всѣми способами, дозволенными справедливостію, разсудкомъ и законами, — всякому предпріятію, клонящемуся къ возстановленію феодалнаго управленія; наконецъ, вы клянетесь содѣйствовать всѣми вашими силами поддержанію свободы и равенства, главнаго основанія нашихъ учрежденій. Вы клянетесь въ томъ!»

Всѣ члены Почетнаго Легіона воскликнули: *клянусь* и прибавили къ этому клику: *да здравствуетъ Императоръ*, съ неописаннымъ восторгомъ, къ коему присоединились всѣ присутствующіе. Впрочемъ, какая была эта новая присяга? съ нѣкоторыми измѣненіями та самая, которая предписывалась для Почетнаго Легіона при Консульствѣ, съ тою только разницею, что тутъ Императоръ взялъ шагъ предъ законами

Республики и это была не одна только форма. При томъ же довольно было забавно или, даже нѣсколько отважно, заставлять присягать о равенствѣ въ ту минуту, когда столько титуловъ и всѣ Монархическія отличія были возстановлены.

Черезъ три дня послѣ этой церемоніи, т. е. 18 Іюля, Императоръ отбылъ изъ Парижа для осмотра Булонскаго лагеря. Онъ не взялъ съ собою Императрицы, ибо поѣздка его должна была быть совершенно посвященною осмотру военныхъ работъ и приготовлений. Воспользовавшись сдѣланнымъ мнѣ Іозефиною приглашеніемъ, я отправился къ ней въ Сен-Клу, черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Наполеона; она не ожидала моего посѣщенія и я нашелъ ее окруженною четырью или пятью дворцовыми дамами, долженствовавшими вскорѣ принять титулы Штатсъ-Дамъ и Дамъ-Собесѣдницъ. Она приняла меня какъ только обо мнѣ доложили; эти госножи занимались блистательными бездѣлками, поставляемыми за столъ дорогую цѣну знаменитымъ Леруа и Г-жею Дено, ибо какія бы огорченія ни удручали Іозефину, а она была слишкомъ много женщиною, для того чтобы въ самой печали своей не удѣлить нѣсколько минутъ на дѣла, относящіеся къ нарядамъ. При входѣ моемъ, разсужденіе о важномъ вопросѣ какіе наряды возьметъ съ собою Императрица при

поездкѣ своей въ Бельгію, куда Наполеонъ назначилъ ей пріѣхать къ нему въ замокъ Лаккенъ близъ Брюсселя. Не взирая на важность совѣщаній о покровѣ, о цвѣтѣ платьевъ и о формѣ шляпъ, Иозефина приняла меня какъ обыкновенно, т. е. самымъ ласковымъ образомъ; но не имѣя времени поговорить со мною, она какъ будто между прочимъ, но такъ что я могъ принять эти слова за приглашеніе, сказала что располагаетъ завтра провести утро въ Мальмезонѣ.

Я сократилъ мое посѣщеніе и на другой день около полудня пріѣхалъ въ эту прекрасную обитель, которой никогда не могъ увидѣть безъ душевнаго умиленія; ни одна аллея, ни одно дерево не были для меня безъ воспоминаній, все напоминало мнѣ довѣренность Бонапарте; но прошло уже то время, когда онъ по мелочамъ рассчитывалъ сколько можетъ принести дохода Мальмезонъ и въ заключеніе говорилъ, что для житія въ немъ пріятнымъ образомъ, надобно было имѣть въ годъ тридцать тысячъ ливровъ.

Когда я пріѣхалъ въ замокъ, то Иозефина прогуливалась по саду съ Г-жею Ремюза, которая нравилась ей болѣе всѣхъ прочихъ ея дамъ, потому что между ими существовало согласіе духа доброты и благорасположенія. Г-жа Ремюза была дочь Министра Вержеева, котораго

могли оспорить искусство, но не благородство, не честность и не преданность .Лудовику XVI. Г-жа Ремюза имѣла сестру Г-жу Панеути, которую я видала иногда у Г-жи Бонапарте, но гораздо рѣже, чѣмъ старшую сестру ея. Я встрѣтила этихъ дамъ на поворотѣ ален, ведущей въ Рюель. Поклонясь Іозефинѣ, я спросилъ о здоровьѣ Ея Величества и ни когда не забуду, какимъ трогательнымъ голосомъ она сказала мнѣ: «Ахъ! Буріеннъ, прошу васъ, дайте мнѣ хотя здѣсь забыть, что я Императрица; будьте всегда нашимъ другомъ.» Такъ какъ Іозефина не имѣла отъ Г-жи Ремюза скрытныхъ мыслей, кромѣ нѣкоторыхъ жалобъ насемейныя неудовольствія, конхъ вѣроятно я былъ единственнымъ повѣреннымъ, то мы начали разговаривать, какъ будто безъ свидѣтелей и какъ можно себя представить, толковали о томъ, что было предметомъ всѣхъ мыслей Іозефины. Она сдѣлала такую привычку, что очень часто говорила мнѣ: *онъ* и я не имѣлъ нужды въ поясненіи для того, чтобы узнать, что этотъ *онъ* былъ Бонапарте.

Поговоривъ со мною о предстоящей своей поѣздкѣ въ Бельгію, Іозефина сказала мнѣ: «Какъ жаль, Буріеннъ, что нельзя воротить прошедшаго. Онъ началъ съ хорошими чувствами; онъ оказывалъ милости; я видѣла его довольнымъ добромъ, которе онъ могъ дѣлать и безъ

его проклятой политики, я увѣрена что онъ еще большее число бы помиловалъ; мнѣ дорого это стоило, но я скрыла отъ него мои огорченія, ибо видѣла, что онъ ему досадны и дѣлали его еще мрачнѣе. Теперь онъ посреди своей арміи, а тамъ онъ забываетъ все остальное. Какъ мнѣ больно, что я не имѣла успѣха по вѣсѣмъ просьбамъ мнѣ поданнымъ. Эта добрая Г-жа Монтессонъ пріѣзжала изъ Роменвеля въ Сен-Клу просить помилованія Г. де Ривіеру и Г. Полиньяку (*). Мы успѣли представить ему Г-жу Полиньякъ; Боже мой, какъ она была прекрасна! Бонапарте видя ее, тронулся и сказать ей. «Мужъ вашъ, Сударыня, посягалъ на мою жизнь, а потому я могу простить ему.» Вы его знаете Буріеннъ и вамъ извѣстно, что онъ не золъ; его совѣтники и льстецы заставляютъ его дѣлать дурное. Раннѣ поступилъ прекрасно; онъ отиравался къ Императору и

(*) Я получилъ въ моемъ удивленіи и прочталь съ большимъ участіемъ *Записки объ Императрицѣ Іозефинѣ*. Я нашелъ въ нихъ умъ, пріятность, истину, и въ особенности, если можно такъ выразиться, — отраженіе того чѣмъ была Іозефина. Читая эти Записки, сію внушенія, я часто думаю, что слышу ее говорящую и не смотря на то что въ заглавіи оныхъ не выставлено имя сочинителя, тайна эта отъ меня не скрыта; если я не ошибаюсь то ихъ сочинила дама, состоящая въ иномъ родствѣ, кромѣ какъ по уму своему, съ Г-жею Жаннсъ.

Прилижъ. Записки сіи сочинены Г-жею Дюкре и въ нынѣшнемъ году изданы на Русскомъ языкѣ.

не отстать отъ него до тѣхъ поръ, пока не выпросилъ помилованія другому осужденному, котораго я не припомню имени (*). Какое участіе возбудили во мнѣ эти господа Полиньяки! Постараясь, если можно, накинуть покровъ на прошедшее; у меня довольно безпокойствъ и въ будущемъ. Повѣрьте, любезной Буріеннѣ, что я не забуду во время пребыванія моего въ Бельгій пробудить благопріятное расположеніе, въ которомъ онъ теперь къ вамъ находится; и какъ только что нибудь узнаю, то васъ уведомя. Прощайте.»

[*] Кажется что это былъ Руссилювъ.

Г Л А В А XII.

Празднество 14 Июля.—Отъездъ въ Булонскій лагерь.—Всобщее заблужденіе на счетъ замысловъ Наполеона.—Начальники лагерей.—Голландскій флотъ.—Лагерь Цесаря.—Раздача крестовъ Почетнаго Легіона.—Возвыш. престоль.—Шарлатанство Наполеона.—Отважность двухъ Англійскихъ матросовъ.—Уваженіе Наполеона къ храбрости его непріятелей.—Страсть Наполеона къ противоположностямъ.—Десятилѣтнія награды и Политехническая Школа.—Свиданіе Императора съ Императрицею.—Первые переговоры съ Папою на счетъ короновація Наполеона.—Угожденія Римскому Двору.—Аррасскій Претектъ и Графъ Лудовикъ де Нарбоннъ.—Незначительная перемѣна въ Министерствѣ.—Разсужденіе въ Англійскомъ Парламентѣ на счетъ переписки Драке.—Истина о поведеніи Англійскаго Правительства.—Золото, противопоставленное силѣ оружія.—Нарушеніе поземельныхъ правъ и Г. Румбольдъ.—Обвиненія, не заслуживающія разсмотрѣнія.

Въ продолженіе празднества 14 Июля, о которомъ я говорилъ въ предъидущей главѣ,—

Императоръ, предъ выходомъ изъ Инвалиднаго Дома объявилъ что онъ самъ пойдетъ раздавать кресты Почестнаго Легіона арміи, собранной въ Булонскомъ лагерѣ. Онъ недолго заставилъ себя дожидаться: отправясь изъ Сен-Клу 18 числа, онъ ѣхалъ такъ скоро, что на другой день, когда еще занимались приготовленіями, которыя хотѣли сдѣлать ему по его пріѣздѣ, онъ очутился уже въ гавани посреди работниковъ, осматривая работы; не вѣроятная его дѣятельность казалось его размножала и можно сказать что онъ былъ вездѣ.

При отъѣздѣ Императора въ Парижъ всѣ думали, что раздача крестовъ въ Булонскомъ лагерѣ есть только предлогъ и что Бонапартъ наконецъ приведетъ въ исполненіе предполагаемый замыселъ высадки въ Англію. Это дѣйствительно было предлогъ; Императоръ хотѣлъ болѣе, и болѣе возбудить восторгъ своей арміи показаться ей облеченнымъ своимъ новымъ достоинствомъ, присутствовать на большихъ маневрахъ и приготовить ее повиноваться первому приказу, который Онъ дастъ ей. И въ самомъ дѣлѣ, при видѣ столькихъ приготовленій, столькихъ мгновенно снаряженныхъ перевозныхъ судовъ, какъ было не подумать что онъ точно не рѣшился покуситься на высадку въ Англію? Его полагали въ Лондонѣ, зная что всѣ корпуса арміи, разставленные по берегамъ

отъ Этапля до Остенде, были готовы къ посаженію на суда. Прибытіе Наполеона къ войскамъ придавало имъ, если это было возможно, новый порывъ. Французскія гавани въ Ла Маншескомъ проливѣ давно уже были превращены въ верфи и въ арсеналы, гдѣ работали съ тою чудною дѣятельностью, которую Наполеонъ такъ хорошо умѣлъ возбуждать. Между начальниками разныхъ лагерей существовало невѣроятное соревнованіе; и это соревнованіе происходило отъ одного къ другому, до солдатъ и до работниковъ.

Даву начальствовалъ лагерями Дюнкирхенскимъ и Остендскимъ; Ней былъ предводителемъ лагерей въ Кале и Монтрѣль; главный лагерь, Булонскій, состоялъ подъ командою Маршала Сульта; Удино заступилъ мѣсто Мармонта въ Сент-Омерскомъ лагерѣ, а Мармонтъ начальствовалъ частию арміи, расположенною на границахъ Голландіи; Голландскій флотъ, который считали назначеннымъ для перевозки Французскихъ войскъ, находился подъ его же предводительствомъ. Въ Булонской гавани считалось не менѣе осми или девяти сотъ судовъ, не включая въ это число тѣхъ, которыя находились въ портахъ Этаплъ, Дюнкирхенъ, Вимерѣ и Амблѣтѣзъ и не считая также флота изъ пяти сотъ вымпеловъ, которымъ начальствовалъ Адмиралъ Верюэль и котораго ожи-

дали въ послѣднюю изъ этихъ гаваней. Англичане собрали въ Ла Маннѣ грозныя силы и наблюдали за Французскими транспортами, которые при нападеніи на нихъ, защищались съ мужествомъ, возраставшимъ отъ присутствія Бонапарте въ Булонь.

Искусно пользуясь малѣйшими дѣйствіями случая, для открытія въ нихъ счастливыхъ предзнаменованій судьбы Императора, приближенные его не преминули представить ему залогамъ славы, найденные въ землѣ древніе обломки. Нѣкоторые признаки Римскаго лагеря, открытые близъ Ордреской башни, гдѣ была воздвигнута ставка Императора, сдѣлались для арміи очевиднымъ доказательствомъ, что Французскій Цесарь занималъ лагерь, разбитый нѣкогда Римскимъ Цесаремъ для угроженія Великобританіи; а чтобы дать этому примѣненію болѣе цѣны, Ордреская башня воспріяла названіе Цесаревой башни. Такимъ же образомъ нѣсколько медалей Вильгельма завоевателя, найденныхъ въ другихъ мѣстахъ, а можетъ быть и нарочно подложенныхъ, для того чтобы ихъ вѣрнѣе можно было найти, должныствовали служить для самыхъ недовѣрчивыхъ доказательствомъ, что Наполеонъ завоюетъ Англію.

Не подальску отъ Цесаревой башни восемьдесятъ тысячъ человекъ Булонскаго и Монтрёльскаго лагерей, подъ предводительствомъ

Маршала Сульта, собрались на обширной равнинѣ для присутствія при торжественной раздачѣ крестовъ Почетнаго Легіона съ изображеніемъ Императора. Эта равнина, которую я видѣлъ при первой поѣздкѣ, сдѣланной мною къ берегамъ съ Наполеономъ предъ отправленіемъ нашимъ въ Египетъ, походить на огромную кругообразную раковину, посреди коей возвышается правильный холмъ. Этотъ холмъ сдѣлался Императорскимъ трономъ Бонапарте посреди солдатъ его; онъ сталъ на немъ со своимъ блистательнымъ штабомъ; и вокругъ этаго средоточія славы, полки были расположены въ линіи, подобно лучамъ, изъ онаго исходящимъ. Съ вершины сего престола, устроеннаго Природою, Бонапарте громогласно произнесъ ту же форму присяги, которая была произнесена въ Инвалидномъ Домѣ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ. Это было знакомъ ко всеобщему изъявленію восторга, и Раннѣ, говоря объ этой церемоніи, сказалъ мнѣ, что никогда еще Императоръ не казался столь довольнымъ. И могъ ли онъ не быть доволенъ? Фортуна, казалось, тогда покоретвовала его волѣ. Въ это самое время случилась гроза, заставившая опасаться чтобы часть флотиліи отъ оной не пострадала: Бонапарте, сошедъ съ возвышенія, гдѣ онъ раздавалъ кресты, отправился въ гавань, дабы отдать приказанія о принятіи необходимыхъ

мѣрь; но по прибытіи его туда, тишина опять возстановилась, какъ бы волшебствомъ; флотилія невредимо вошла въ гавань и онъ возвратился въ лагерь, гдѣ начались приготовленія для войскъ игры и увеселенія; а вечеромъ устроенный на берегу огромный фейерверкъ, ярко озарилъ горизонтъ, такъ что огни онаго явственно были видимы съ береговъ Англіи.

Въ Булонскомъ лагерь, Бонапартъ такъ сказать ласкалъ солдатъ; почти всякой день онъ дѣлалъ имъ смотръ отъ шести часовъ до полудня, а остальную часть дня употреблялъ на осмотръ работъ, свершавшихся, какъ бы посредствомъ волшебства, въ его присутствіи.

При этихъ смотрахъ, онъ спрашивалъ у Офицеровъ, а часто даже и у солдатъ, въ какихъ сраженіяхъ, въ какихъ дѣлахъ они участвовали, и если они имѣли тяжелыя раны, то онъ давалъ имъ кресты. Здѣсь мнѣ кажется кстати разсказать о странномъ способѣ, къ которому прибѣгалъ Наполеонъ, и который чрезвычайно какъ содѣйствовалъ къ восславленію восторга войскъ. Онъ говаривалъ одному изъ своихъ Адыутантовъ: «Узнай у Командира такого-то полка, нѣтъ ли у него въ полку отличнаго человѣка, бывшаго въ Италіанскихъ походахъ или въ Египетскомъ походѣ; освѣдомься о его имени, родинѣ, о положеніи его семейства и о томъ что онъ сдѣлалъ; узнай также,

въ которой онъ ротъ, которымъ стоитъ во фронтъ и обо всемъ мнѣ сообщилъ.» Въ день смотра, Бонапарте съ перваго взгляда усматривалъ челоѡвка, ему заранѣе означеннаго; онъ подходилъ къ нему и какъ будто бы узнавъ его, называлъ его по имени и говорилъ: «А! ты тутъ; ты храбрый воинъ; я видѣлъ тебя при Абукирѣ; что подѣлываетъ старый отецъ твой? и у тебя нѣтъ креста? даю тебѣ его.» Тогда солдаты толковали между собою: Императоръ знаетъ насъ всѣхъ, ему извѣстны наши семейства и то что мы сдѣлали.» Какое средство къ поощренію солдатъ, которыхъ онъ успѣлъ увѣрить, что всѣ они могутъ нѣкогда сдѣлаться Маршалами Имперіи.

Лористонъ рассказывалъ мнѣ, между прочими анекдотами относящимися къ пребыванію Императора въ Булонскомъ лагерѣ, замѣчательную черту неустрашимости двухъ Англійскихъ матросовъ. Эти два челоѡвка были пѣшниками въ Вердѣнѣ, гдѣ находилось самое значительное число Англичанъ, задержанныхъ Первымъ Консуломъ въ пѣну во Франціи при разрывѣ Аміенскаго мира. Они добрались до Булоня, не будучи открыты дорогою, не смотря настрогій надзоръ за всѣми Англичанами. Они пробыли тамъ нѣсколько времени безъ денегъ и не находя никакихъ средствъ къ бѣгству. Имъ казалось невозможнымъ понасть на какое нибудь

судно, ибо бдительный осмотръ, производимый береговою стражею всѣмъ малѣйшимъ судамъ, не позволялъ имъ прибѣгнуть къ этому средству. Эти два матроса построили сами родъ лодки изъ небольшихъ кусковъ дерева, которые они скрѣпили какъ умѣли, безъ всякихъ другихъ инструментовъ кромѣ ножей своихъ; они обтянули эту брешную ладью холстомъ; она имѣла широты только три или четыре фута и не многимъ болѣе этаго въ длину, и была такъ легка, что одинъ человекъ легко могъ снести ее на спинѣ. Что значить любовь къ отечеству, вмѣстѣ съ привлекательностію свободы! Навѣрное зная что будутъ разстрѣляны, если ихъ поймаютъ; почти также навѣрное зная что утонутъ, они тѣмъ не менѣе рѣшились переплыть чрезъ проливъ на своемъ легкомъ челнокѣ. Усмотрѣвъ въ виду береговъ Англійскій фрегатъ, они пустились на своей лодкѣ, стараясь достичь его; но они не успѣли еще отплыть въ море и на сто сажень, какъ таможенныя увидѣли ихъ, догнали и привезли назадъ, такъ что они не могли сдѣлать имъ ни малѣйшаго сопротивленія. Это происшествіе быстро распространилось по всему лагерю, въ которомъ начали толковать о неимовѣрной отвагѣ этихъ двухъ человекъ. Слухъ о томъ дошелъ до ушей Императора, который захотѣлъ ихъ видѣть и приказалъ привести ихъ

предъ себя съ ихъ маленькимъ судномъ. Наполеонъ, коего воображеніе было сильно поражаемо вѣсѣмъ необыкновеннымъ, не могъ скрыть своего удивленія къ столь смѣлому замыслу при такомъ слабомъ средствѣ исполненія. «Точно ли правда,» спросилъ у нихъ Императоръ «что вы хотѣли на этомъ переплыть черезъ море?» — Ахъ! Государь,» отвѣчали они, «если вы сомнѣваетесь, то дозвольте намъ, и вы увидите какъ мы отправимся. — Согласенъ; вы смѣлые, предприимчивые люди; я удивляюсь мужеству вездѣ, гдѣ оно мнѣ встрѣтится, но не хочу чтобы вы подвергали опасности жизнь свою; вы свободны; и сверхъ того я прикажу отвезти васъ на Англійское судно. Расскажите въ Лондонѣ, какое я имѣю уваженіе къ храбрымъ людямъ, даже и тогда, какъ они мои «непріятели.» Эти люди, сказалъ мнѣ Раппъ, бывшій съ Дюрокомъ, съ Лористономъ и со многими другими, свидѣтелемъ этой сцены,—были поражены великодушіемъ Императора. Еслибъ они не были ему представлены, то ихъ бы разстрѣляли какъ шпионовъ; вмѣсто того Наполеонъ далъ каждому изъ нихъ по нѣскольку золотыхъ монетъ. Этотъ случай былъ одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе поразили Наполеона, и я видѣлъ что онъ вспомнилъ объ немъ на островѣ Св. Елены въ одномъ изъ своихъ разговоръ съ Г-мъ Ласъ-Казомъ.

Бонапарте, болѣе всякаго другаго, имѣлъ страсть къ противоположностямъ и къ сближеніямъ; находясь на *Мюиронъ*, при возвращеніи нашемъ изъ Египта, онъ ничего столько не желалъ, какъ одержать, послѣ смерти Жуберта и потери сраженія при Нови, побѣду въ Италіи, дабы извѣстіе объ оной могло послѣть въ Парижъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о послѣдней побѣдѣ, одержанной имъ при Абукирѣ, за нѣсколько дней до отъѣзда нашего изъ Египта. Онъ болѣе всего любилъ распоряжать военными дѣлами изъ своего Сен - Клудскаго кабинета, а изъ лагерей писать указы касательно гражданскаго управленія. Такимъ то образомъ въ Булонскомъ лагерѣ онъ учредилъ десятилѣтнія награды, которыхъ первую раздачу хотѣлъ произвести черезъ пять лѣтъ послѣ того, въ день 18 Брюмера, что было невинною вѣжливостью, оказанною числу учрежденія Консультской Республики. Это въ тоже время какъ будто обѣщало Республиканскому Календарю долговременное существованіе; которое однако же не состоялось. Всѣ эти мелкія средства проходили не будучи замѣчаемы, но Бонапарте столько разъ обнаруживалъ предо мною свою теорію касательно науки обманывать людей, что я не могъ не знать всей цѣны оныхъ. Изъ Булонскаго же лагеря, указомъ своимъ онъ совершенно преобразовалъ основанную Республикою По-

литехническую Школу, сдѣлавъ ее вѣдомѣ-военнымъ заведеніемъ. Онъ зналъ, что въ этомъ святилищѣ высшихъ наукъ царствовалъ Респуб-ликапскій духъ и даже еще въ то время, какъ я при немъ находился, онъ часто говаривалъ мнѣ, что надобно подчинить военному порядку всѣ пансіоны, всѣ Коллегіи и всѣ вообще учебныя заведенія. Я нѣсколько разъ старался оспаривать эту мысль, но никогда не успѣвалъ убѣдить его.

Изъ разговора, который я имѣлъ съ Іозефиною въ Мальмезонѣ, читатели видѣли, что Императоръ назначилъ ей свиданіе съ нимъ въ Белгій. Онъ отправился туда изъ Булонскаго лагеря, остави въ изумленіи тѣхъ, которые думали, что минута покусъ на высадку наконецъ наступила. Императрица увидѣлась съ нимъ въ замкѣ Лакенъ, который Императоръ приказалъ исправить и заново меблировать съ большимъ великолѣніемъ.

Императоръ, продолжая свое путешествіе чрезъ города прилежащіе къ Рейну, остановился сперва въ Ахенѣ, проѣхалъ чрезъ три Епископства, обозрѣлъ мимоходомъ Кельнъ и Кобленцъ, сдѣлавшійся чрезъ эмиграцію столь знаменитымъ, и прибылъ въ Майнцъ, пребываніе, въ коемъ ознаменовалось первою попыткою къ переговорамъ съ Римскимъ Престоломъ, имѣвшимъ цѣлю преклоненіе Папы къ тому, что-

бы онъ прїѣхалъ во Францію короновать новаго Императора и утвердить власть его освященіемъ оной Церковью. Наполеонъ поручилъ это дѣло Каффарелли, * послѣдствіа онаго извѣстны. Всевозможная предупредительность и угодиливость были оказываемы тогда имъ Римскому двору; я помню что орелъ Почетнаго Легіона былъ данъ Кардиналу Канраръ при церемоніи Нивалиднаго Дома и дабы придать еще болѣе цѣны этому отличію, Императоръ повелѣлъ Великому Канцлеру Почетнаго Легіона написать къ Кардиналу Легату письмо, въ коемъ ему тщательно было замѣчено, что онъ первый иностранецъ, украшенный орломъ Почетнаго Легіона. Въ послѣдствіи, Богъ знаетъ, сколько было дано оныхъ иностраннымъ Государямъ, Принцамъ и ихъ Министрамъ въ промежутки, когда онъ не мѣнялся съ ними пушечными выстрѣлами.

Поездка Наполеона продолжалась около трехъ мѣсяцевъ и не прежде какъ въ Октябрѣ онъ возвратился въ Сен-Клу. Тогда только я узналъ отъ сопутствовавшихъ ему друзей моихъ помѣщенныя мною выше подробности о его путешествіи; я бы могъ написать гораздо больше еслибъ помѣстилъ все сообщенное мнѣ ими объ удивленіи, восторгѣ, радости цѣлаго народа въ мѣстахъ имъ посѣщенныхъ, но всѣ эти изъясненія между собою сходны и я по опыту знаю,

Часть VI.

25

что они не всегда имѣютъ тотъ смыслъ, который льстецы стараются дать имъ предъ своимъ повелителямъ. Не могу только забыть что въ продолженіи этого путешествія Г. де ла Незъ, Арраскій Пресектъ сказалъ Императору въ своей рѣчи: «Богъ сотворилъ Бонапартъ, и отдохнулъ.» Это подало поводъ Графу Лудовику Нарбонну, не приставшему еще тогда къ Императорской системѣ, сказать, что гораздо лучше было бы, еслибы Богъ отдохнулъ нѣсколько прежде.

Въ продолженіи отсутствія Императора, въ Министерствѣ его пронзонила частная перемѣна, не слишкомъ однако же ощутительная. Г. Шампаньи заступилъ мѣсто Шанталь въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; въ Булонскомъ же лагерѣ волею своего брата, миролюбивый Іосифъ преобразился въ война и былъ сдѣланъ Командиромъ 4-го Линейнаго Пѣхотнаго Полка, надъ чѣмъ смѣялись многіе Генералы. Я помню что однажды Ланнъ, разговаривая со мною объ этомъ, съ обыкновенною своею искренностью и жаромъ, сказалъ мнѣ: «Не попадайся онъ ко мнѣ подъ команду; ибо при первой ошибкѣ я упрячу его подъ арестъ.»

Я выше говорилъ уже о козняхъ Драке и Меге де ла Туша, постыдно прославившагося въ лѣтотисяхъ нпціонства. Въ эту эпоху, то есть въ началѣ Октября, Британскій Парламентъ

занимался разсмотрѣніемъ переписки Министра своего въ Минхенъ. Лордъ Морнетъ сдѣлалъ въ Палатѣ Депутатовъ довольно пылкую выходку по случаю этой переписки. Канцлеръ Казначейства отвѣтствовалъ, что онъ благодаритъ благороднаго Лорда за доставленный ему случай громогласно опровергнуть одну изъ самыхъ великихъ и самыхъ гнусныхъ клеветъ, которыя когда либо были изобрѣтаемы однимъ просвѣщеннымъ народомъ противъ другаго народа. Канцлеръ въ полномъ присутствіи Парламента объявилъ, что никому не было дано никакихъ наставленій для поступковъ, противныхъ народнымъ правамъ; что ни онъ и никто изъ его товарищей, никогда никого не уполномочивали къ дѣйствіямъ, предосудительнымъ для чести Англіи или постыднымъ для человѣчества.

Я долженъ сказать, имѣя на то доказательства, что вся эта переписка, показавшаяся честнымъ людямъ столь соблазнительною, была слѣдствіемъ гнусныхъ кововъ; ничего подобнаго бы не произошло безъ вѣроломныхъ внушеній агентовъ Тайной Полиціи, между коими Меге былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ, пускаясь даже въ ремесло выгодное, но опасное, двойнаго шпіонства. Въ подтвержденіе моихъ словъ, да позволено мнѣ будетъ заранѣе сказать, что въ продолженіи шести лѣтъ, проведенныхъ мною въ Гамбургѣ въ званіи Министра Фран-

ціи, я находился въ такомъ положеніи, что все было мнѣ извѣстно. И такъ смѣю увѣрить, что ни исправленіе моихъ обязанностей по службѣ, ни частныя сношенія съ почтеннѣйшими людьми, не подали мнѣ повода думать, что Англійское Правительство когда либо устраивало эти заговоры, безчестные для тѣхъ, которые ихъ изобрѣтають, и для тѣхъ которые поощряють ихъ деньгами.

Я конечно защищаю здѣсь не Англичанъ, а справедливость. Англичане прибѣгали ко всемъ средствамъ, дозволяемымъ политикою и обычаями дипломатіи для излюженія обширнаго, честолюбиваго генія, коего фортуна и слава сдѣлали главою могущественнаго, храбраго народа, и который съ трудомъ скрывалъ замыслы свои на счетъ твердой земли; силъ его армій, они противопоставили силу золота и приманка денежныхъ пособій вовлекла къ нимъ въ союзъ колебавшіеся кабинеты.

Выгода своей земли должна быть первымъ закономъ всякаго Правительства, и Англійское Министерство нарушило бы долгъ свой, еслибъ оно не старалось противопоставлять всѣ возможные препятствія развитію Наполеонова честолюбія. Этою выгодною постоянно руководствовалась политика Лудовика XIV, и историки сего великаго Государя, не ставятъ ему въ укоръ того, что онъ первый призналъ протекторство

Кромвеля не взирая на то, что Протекторъ обогрился кровію Карла I-го, зятя Гесприха IV. Политика Наполеона была гораздо болѣе противна, чѣмъ политика Англіи правамъ народовъ; не только мы видѣли нарушеніе имъ поземельныхъ правъ Бадена, для взятія подъ стражу юнаго Французскаго Принца; не только онъ задержалъ плѣнниками частныхъ людей Англичанъ, довѣрчиво пріѣхавшихъ во Францію послѣ Аміенскаго мира; но даже въ ту самую минуту какъ въ Англійскомъ Парламентѣ происходило разсужденіе о перепискѣ Драке, 25 Октября 1804 года, по повелѣнію Наполеона Г. Румбольдъ, Англійскій Министръ въ Гамбургѣ, былъ захваченъ у себя на дачѣ близъ сего города отрядомъ Французскихъ солдатъ изъ арміи, занимавшей Гановръ. Этотъ отрядъ переправился чрезъ Эльбу, нарушилъ права независимой еще земли этой Республики и Г-на Румбольда принудили возвратиться въ Англію, истребовавъ отъ него обѣщаніе, что онъ не пріѣдетъ болѣе въ Гамбургъ. Такими ли поступками можно было внушить довѣренность и давали ли оныя право быть столь взыскательнымъ къ поведенію другихъ?

Всѣ сношенія, которыя я имѣлъ съ Англичанами утвердили меня въ томъ мнѣніи, что сильная ненависть, питаемая противъ нихъ На-

полюномъ, упорство ихъ сопротивленія и слѣ-
пое легковѣріе толпы, подали поводъ ко мно-
жеству обвиненій, которыя, не имѣя никакого
основанія даже не заслуживаютъ ни малѣйшаго
разсмотрѣнія.

Г Л А В А XIII.

Англія, обманутая Наполеономъ.—Выгода атаки противъ обороны. —Брандеры Адмирала Кейта.—Приведеніе въ устройство Рейнскихъ Департаментовъ.—Поездка Наполеона въ Бельгію.—Адмиралы Миніесси и Вильневъ.—Начальство данное Лористону.—Онъ неожиданно меня посѣщаетъ.—Разговоръ объ употребленіи Наполеономъ времени. —Строгость съ поставщиками. — Миліоны, отъ нихъ вытребованные.—Сужденіе Наполеона о Г-жѣ Сталь.—Метафизика чувствъ.—Искательства Г-жи Сталь. —Дѣтливый инстинктъ, оставившій безъ отвѣта.—Упорство умной женщины.—Удивленіе дошедшее до обожанія. — Восторгъ, превратившійся въ ненависть.—Порученіе Катфарелли и предложенный успѣхъ.—Обстоятельства возшествія на престолъ Напы.—Мысли Наполеона о могуществѣ церкви. — Историческое сближеніе.—Папа въ Фонтенблѣ.—Первое свиданіе Пія VII-го съ Наполеономъ.—Устрашеніе церемоніала и искусное присвоеніе себѣ первенства.—Свиданіе, рассказанное Ранпомъ.

Англія никогда не была болѣе игрушкой Бонапарте, какъ въ продолженіе работъ Булонскаго лагеря; Англичае вѣрили покушенію

высадки и истощались наборами людей и денег для того, чтобы их нигдѣ нельзя было застать въ распλοхъ. Такова дѣйствительно выгода атакующаго, что онъ выбираетъ точку, гдѣ хочетъ дѣйствовать, между тѣмъ какъ тотъ, который опасается атаки, принужденъ повсюду быть наготовѣ. Такимъ образомъ Англія держалась въ оборонительномъ положеніи, покушалась впрочемъ и сама на непріязненные дѣйствія, которыя позволяли ей превосходство ея флота и занятіе морей. Однако же казалось что сама Фортуна покровительствовала оружію Наполеона, по крайней мѣрѣ по берегамъ нашимъ, гдѣ Англичане успѣли причинить намъ мало вреда не смотря на брамдеры и родъ адскихъ машинъ, которые они пускали въ Булонь и въ лагерь, занятый Французскою арміею. Адмиралъ Кейтъ начальствовалъ Англійскимъ флотомъ въ Ла Маншѣ и я помню, что враги Наполеонова Правительства распространили слухъ, будто бы Кейтъ совершенно сжегъ нашу флотилію. Этого вовсе не было, и доказано, что Англичане, при нападеніяхъ своихъ, потеряли по крайней мѣрѣ столько же людей, какъ и мы. Наполеонъ, бывшій тогда во всей силѣ своего генія и дѣятельности, всегда устремлялъ глаза на вещи, удаленныя отъ тѣхъ, которые его окружали и казалось обращали на себя все его вниманіе. Такимъ образомъ, въ

продолженіе поѣздки, о которой я говорилъ и которая имѣла цѣлю приведеніе въ устройство Зарейскихъ Департаментовъ, онъ отпразднвалъ изъ Тулона и Рошфора двѣ эскадры подъ начальствомъ Миссисеи и Вильнёва. Я не войду ни въ какія подробности о походѣ этихъ двухъ эскадръ; помню только при этомъ случаѣ, что въ продолженіе пребыванія Императора въ Бельгін, однажды явился ко мнѣ Лористонъ совсѣмъ неожиданно; ибо зная что онъ находится въ поѣздкѣ, я очень удивился его внезапному посѣщенію и онъ не очень былъ доволенъ порученіемъ, даннымъ ему Императоромъ, который послалъ его въ Тулонъ, дабы начальствовать войсками, которыя едутъ на суда эскадры Вильнева и отправиться вмѣстѣ съ ними.

Я очень обрадовался посѣщенію Лористона, котораго я очень любилъ и который разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ Императоръ употребляетъ время при своихъ путешествіяхъ. «Ты не можешь себѣ вообразить, сказалъ онъ, всего, что дѣлаетъ Императоръ и очарованія, которое его присутствіе произвело въ цѣлой арміи, но онъ больше чѣмъ когда либо сердится на поставщиковъ и жестоко проучилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.» Эти слова Лористона нисколько меня не удивили; ибо я давно зналъ и часто видѣлъ, сколько поставщики и вообще

люди, занимающіеся этого рода дѣлами, возбуждали негодованіе Наполеона. Сколько разъ онъ при мнѣ говаривалъ, что это бичъ и чума народовъ; что никогда, до чего бы ни достигло его могущество, онъ ни одного изъ нихъ не возвыситъ въ почетныя званія и что ихъ аристократія есть для него самая несносная изъ всѣхъ. При возшествіи его на Императорскій престолъ, поставщики не были уже важными особами, какъ при Директоріи и даже въ первые два года Консульства. Онъ успѣлъ втереть ихъ обратно въ толпу и въ этомъ отношеніи Г. Лебрень чрезвычайно ему содѣйствовалъ. Бонапартъ поступалъ съ ними почти также какъ въ Египтѣ съ Бееми, когда онъ притѣснялъ ихъ поборами. Если поставщикъ слишкомъ богатъ и если пріобрѣтеніе имъ богатства казалось ему подозрительнымъ, то онъ приказывалъ подать себѣ объ немъ докладъ и самовластно опредѣлялъ должно ли было производить слѣдствіе. Въ утвердительномъ случаѣ, онъ писалъ на докладѣ: «отослать къ Министру Юстиціи для поступленія по законамъ.» И надобно замѣтить, что къ утвержденію Наполеона въ дурномъ его мнѣніи о поставщикахъ, наисильнѣе содѣйствовало то, что болышею частію эти господа, узнавъ о касающемся до нихъ рѣшеніи, не ожидали другаго поужденія для того чтобы сладить дѣло съ

Казначействомъ, т. е. внести туда въ видѣ вознагражденія до двухъ или до трехъ миліоновъ. Но несчастію Бонапартс, доходившій во всемъ до крайностей, не дѣлалъ исключеній и нѣкоторые чрезвычайно честные люди, были имъ разоряемы. Я сказалъ, сколько онъ былъ несправедливъ противъ Г. Колло, какую цѣну онъ приказалъ назначить за освобожденіе Г. Карбонне и я могу привести не одни только эти два примѣра.

Я помню еще довольно любопытное обстоятельство посѣщенія, сдѣланнаго мнѣ Лористонъ, по пріѣздѣ его изъ Ахена, гдѣ онъ оставилъ Императора и Императрицу. Лористонъ былъ наиболѣе свѣдущій въ словесности изъ Адыютантовъ Императора, который часто разговаривалъ съ нимъ о литературныхъ произведеніяхъ, доходившихъ до его свѣденія. «Представь себѣ,» сказалъ мнѣ Лористонъ, «что въ «бытность мою однажды при немъ дежурнымъ, онъ приказалъ меня позвать, по уходѣ Императрицы въ свои покои, когда мы находились въ замкѣ Лакенъ, онъ заговорилъ со мною о «десятилѣтнихъ наградахъ, о трагедіи Каріона «де Низала,» и о романѣ Г-жи Сталь, который онъ прочиталъ, но котораго самъ я не успѣлъ еще прочесть, такъ что довольно затруднился отвѣчать ему. Онъ сказалъ мнѣ о Г-жѣ Сталь и о ея *Дельфинъ* очень примѣчательныя вещи.

«Я столькоже не люблю,» сказалъ онъ, «женщинъ, которыя дѣлаются мужчинами, какъ и «женподобныхъ мужчинъ (*). Каждый долженъ «занимать свою роль въ этомъ мѣрѣ. Что толку «въ этихъ бредняхъ воображенія? что отъ «нихъ останется? — ничего. Все это одна только «метафизика чувствъ, безпорядокъ воображеній. «Я не могу терпѣть эту женщину, вонервыхъ «потому что не люблю женщинъ, которыя ко «мнѣ лезутъ а Богъ знаетъ, какія она ужъ упо- «требляла средства для того, чтобы ко мнѣ под- «дѣлаться.»

Я тѣмъ болѣе повѣрилъ словамъ Лористона, что они напомнили мнѣ, какъ Бонапарте при мнѣ часто отзывался о Г-жѣ Сталь; а притомъ я и самъ былъ свидѣтелемъ искательства ея у Перваго Консула и даже у Главнокомандующаго Италіанскою арміею. Бонапарте сначала зналъ Г-жу Сталь только потому, что она была дочь Г. Неккера, котораго онъ, какъ выше упомянуто очень мало уважалъ; Г-жа Сталь также знавъ его еще только по тому, что возвѣщала слава о юномъ завоевателѣ Италіи, начала писать къ нему письма исполненныя восторга.

(*) Лористонъ разумѣлъ подъ этимъ трагедію *Петръ Великій*, имѣющую два чрезвычайно неумныя представленія. Эта пѣса была сыграна на Французскомъ театрѣ въ первое время Имперіи и Наполеонъ запретилъ представленіе оной, потому что примѣчнія ея не были приняты въ томъ смыслѣ, какъ онъ желалъ и какъ надѣялся авторъ.

Бонапарте читалъ мнѣ въ слухъ, нѣкоторые отрывки оныхъ; а потомъ, смѣясь говорилъ: «Понимаешь ли ты что нибудь, Буріеннъ, изъ всѣхъ этихъ сумазбродствъ? Эта женщина «сумасшедшая.» Я помню, что въ одномъ изъ своихъ писемъ, Г-жа Сталь говорила ему между прочимъ, что они созданы другъ для друга; что по ошибкѣ человѣческихъ установленій кроткая, спокойная Іозефина соединилась съ нимъ судьбою; что природа кажется предназначила такую пламенную душу, какъ у нея для обожанія такого героя какъ онъ. Всѣ эти сумазбродства, поселяли въ Бонапарте такое отвращеніе, котораго я не могу описать; прочитавъ эти прекрасныя посланія, онъ кидалъ ихъ въ огонь или мять и рвалъ ихъ съ явною досадою, и говорилъ мнѣ: «Прошу покорно! женщина, «щеголяющая умомъ своимъ и поддѣльными «чувствами, хочетъ равняться съ Іозефиною! «Буріеннъ я не хочу отвѣчать на такія письма.»

И имѣлъ случай видѣть, до чего можетъ дойти упорство умной женщины; вопреки предубѣжденіямъ Бонапарте противъ Г-жи Сталь, предубѣжденіямъ, которыя никогда въ немъ не уничтожились, этой послѣдней удалось быть къ нему допущенною; и если что либо могло внушить ему отвращеніе къ лести, то уже конечно удивленіе или лучше сказать родъ обожанія, которое она къ нему изъясляла; ибо она сравнивала

его съ Богомъ, нисшедшимъ на землю; этотъ родъ сравненія показался мнѣ позднѣе сего исключительно предоставленнымъ духовенству; но по несчастію для угожденія Г-жѣ Сталь, этому Богу слѣдовало быть Плутусомъ; ибо за похвалами ея скрывалось требованіе двухъ миліоновъ, которые Г. Неккеръ считалъ на Правительствѣ Франціи за его ревностную и вѣрную службу; но Бонапарте при этомъ случаѣ говаривалъ, что сколь ни высоко онъ цѣнитъ похвалы Г-жи Сталь, а не будетъ платить за нихъ такъ дорого казенными деньгами. Извѣстно, какъ восторгъ Г-жи Сталь превратился въ ненависть и какими притѣсненіями, его недостойными Императоръ преслѣдовалъ ее въ убожищѣ ея Копетъ. Впрочемъ я ограничился изложеніемъ того, что я положительно зналъ о сношеніяхъ Г-жи Сталь съ Бонапарте и къ этому я ничего не могу прибавить, ибо послѣдствія ихъ вражды извѣстны мнѣ, какъ и всѣмъ, только изъ слуховъ, тогда носившихся.

Лористонъ прибылъ на короткое время въ Парижъ за нѣсколько дней предъ прїѣздомъ Каффарелли, имѣвшимъ порученіе, какъ выше сказано, отправиться въ Римъ дабы извѣдать сговорчивость Папы и постараться склонить Святаго Отца прїѣхать въ Парижъ для коронаванія Императора. Я не видался съ Каффарелли и хотя мы довольно коротко были съ нимъ

знакомы по я во все не паходился съ нимъ въ такихъ связяхъ какъ съ его братомъ, котораго мы лишились въ Египтъ. Между ими было большое сходство; оба они имѣли много ума, тонкости и гибкости въ характеръ. Впрочемъ, хотя предметъ порученія, даннаго ему Императоромъ и былъ щекотливъ, но ему не слѣдовало бояться неудачи, ибо извѣстно было со времени Конкордата, хорошее расположеніе, въ которомъ находился Римскій Дворъ къ Франціи, а въ особенности самъ Пана къ Императору. Пій VII не могъ забыть, что дѣйствія Французскаго оружія въ Италіи имѣли вліяніе на возшествіе его на Святительскій престолъ, которое такъ досадно было Австріи; что по избраніи Пія VII Конклавомъ, составившимся въ Венеціи, держава сія отказала ему въ проѣздѣ чрезъ Италіянскія земли, такъ что Новый Пана принужденнымъ нашлся отправиться въ Римъ моремъ. Я ниже буду имѣть случай говорить о поступкахъ въ послѣдствіи Наполеона съ Паною, равно какъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ излишекъ несчастнаго усердія, столь часто вредившаго Наполеону, преступилъ далеко за предѣлы, начертанныя его волею.

Я сказалъ, въ чемъ состояли Наполеоновы понятія о вѣрѣ; онѣ были въ немъ скорѣе врожденнымъ побужденіемъ, чѣмъ слѣдствіемъ обдуманнаго вѣрованія; но каковы бы ни были

эти понятія, но онъ имѣлъ большую вѣру къ могуществу Церкви, не потому чтобы онъ страшился этого могущества, какъ опаснаго для Правительствъ вообще а особенно для его собственнаго; Наполеону не могло войти въ голову, чтобы Государь, носящій корону и мечъ, въ состояніи былъ преклонять колѣна предъ Римомъ. Онъ имѣлъ душу слишкомъ великую и слишкомъ сильную для того, чтобы допустить до себя такую мысль; онъ напротивъ того считалъ союзъ Церкви съ его властію счастливымъ вліяніемъ на мнѣніе народовъ и какъ новую связь, долженствовавшую привязать ихъ къ Правительству, утвержденному торжественнымъ освященіемъ Церкви. Бонапарте не ошибался; въ этомъ, какъ и въ столь многихъ другихъ вещахъ, прозорливостью своего генія онъ постигъ всю важность коронованія его Папою; тѣмъ болѣе что Лудовикъ XVIII, безъ подданныхъ, безъ владѣній и носящій только мнимую корону, не получилъ священнаго муропомазанія, которое дѣлало потомковъ Гуго Капета старшими сынами Церкви. Еслибъ Лудовикъ былъ муропомазанъ, то Папа подвергся бы затрудненію, котораго не существовало при этомъ важномъ обстоятельстве, и я слыпалъ отзывъ Кардинала Байенна, что коронованіе Наполеона Папою, было обстоятельство чрезвычайно благоприятное для Папской власти, ибо это коро-

нованіе доказывало, что одинъ только Римскій дворъ можетъ сообщить законное право коронѣ Франціи. Я не былъ совершенно одного мнѣнія съ Кардиналомъ, но достоверно, что мурономазаніе Наполеона устранило много духовныхъ сомнѣній у людей, которые считали еще себя обязанными вѣрностью Христіаннѣйшему Королю.

Возложивъ на главу Наполеона право первенства, благоразумно предоставленнаго ему Королемъ Франціи, — Церковь только возобновила то, что сдѣлалъ Папа Стефанъ III, пріѣзжавшій почти за одиннадцать вѣковъ тому назадъ во Францію для мурономазанія Пепина Краткаго и сыновей его.

Когда Императоръ узналъ, что порученіе Каффарелли имѣло успѣхъ и что по желанію его Папа пріѣдетъ въ Парижъ для утвержденія въ рукъ его скипетра Карломанова, то не было другихъ рѣчей, кромѣ какъ объ этомъ великомъ событіи, предупредившемъ уже признаніемъ Наполеона въ Императорскомъ санѣ всѣми Правительствами Европы, кромѣ Англіи. Германскій Императоръ сначала позамедлилъ было нѣсколько этимъ признаніемъ, желая узнать, какъ поступитъ Императоръ Россійскій; но понуждаемый необходимостью объявить свою рѣшимость, онъ послалъ свое согласіе къ Наполеону, находившемуся въ Ахенѣ

и принять самъ титулъ Императора Австрійскаго. Эта рѣшимость Франциска II-го вѣроятно была слѣдствіемъ полученныхъ имъ свѣдѣній. Дѣйствительно не возможно было чтобы онъ не зналъ, что къ Наполеону, при поѣздкѣ его на Рейнъ, являлась большая часть Принцевъ Священной Имперіи и что, прельщая ихъ обѣщаніями или устрашая ихъ открытіями, конхъ нескромность была рассчитана, опъ намекалъ имъ на политическое соединеніе, сдѣлавшееся въ послѣдствіи Рейнскимъ Союзомъ, котораго онъ сталъ властелиномъ, подъ обиднымъ названіемъ Протектора.

При заключеніи Конкордата, Бонапарте сказалъ мнѣ: «Пусть Республиканскіе Генералы кричатъ сколько хотятъ противъ обѣдней; я знаю что дѣлаю и работаю для будущаго.» Онъ пожалъ плоды Конкордата. Отдавъ приказаніе, чтобы Папа при проѣздѣ его по Франціи, былъ повсюду принимаемъ съ величайшими почестями, самъ Наполеонъ въ сопровожденіи Императрицы отправился въ Фонтенебло для встрѣчи Святаго Отца. Это дало Бонапарте случай возобновить одну изъ тѣхъ поѣздокъ прежняго двора, въ которыя обыкновенно дѣлались перемѣны Министровъ. Фонтенеблосскій дворецъ, сдѣлавшійся Императорскимъ, также какъ и всѣ древніе Королевскіе замки, былъ заново украшенъ со вкусомъ и пышностью,

дозволяемыми тогдашними успѣхами искусствъ. Императоръ выѣхалъ на Немурскую дорогу извѣстясь чрезъ гонцевъ о скоромъ прибытіи Нія VII-го. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы избѣгнуть церемоніала, заранѣе установленнаго; для сего выѣхалъ подъ предлогомъ охоты и какъ будто случайно, очутился на дорогѣ тогда, какъ подъѣхала карета Папы. Онъ сошелъ съ лошади, а Папа вышелъ изъ кареты. Раппъ находился съ Императоромъ, и я какъ теперь слышу, какъ онъ съ колкою оригинальностью, Нѣмецкимъ своимъ произношеніемъ пересказывалъ мнѣ объ этомъ важномъ свиданіи, конемъ самъ онъ очень мало былъ тронутъ. Раппъ дѣйствительно находился въ числѣ тѣхъ, которые, не смотря на преданность къ Императору, сохранили независимость своего характера, и со мною ему вовсе не для чего было притвориться. «Представь себѣ,» сказалъ онъ мнѣ, «какую тутъ сыграли странную комедію для того чтобы поставить Императора и Папу на равную ногу; послѣ нѣсколькихъ объятій они сѣли въ одну карету, вошедъ каждый въ особые двери для того чтобы вступить туда вмѣстѣ; все это было заранѣе устроено; за завтракомъ Императоръ разчиталъ какъ сдѣлать чтобы ему, какъ будто печально, сѣсть по правую руку Папы и все произошло какъ онъ хотѣлъ. Впрочемъ,» прибавилъ Раппъ, «увѣряю

тебѣ, что я не видывалъ еще другаго человека, такой пріятной наружности и такого почтеннаго вида, какъ Пій VII.» Въ слѣдующей главѣ увидать, что я самъ имѣлъ случай увѣриться въ справедливости сказаннаго мнѣ Раппомъ.

Г Л А В А XIV.

Почести, оказанныя Напѣ. — Комната дворца Монте-Ковелло въ павильонъ Флоры.—Пана въ Императорской Типографіи.—Достопримѣчателное изреченіе Напѣ VII.—Молитва *Отче-нашъ* на сто пятидесяти языкахъ.—Дѣйствіе, произведенное въ Англіи прѣздомъ Паны въ Парижѣ. — Лондонскія сатиры.—Приготовленія къ коронаціи. — Представленіе голосовъ народа касательно наследія.—Созваніе Законодательнаго Корпуса. — Областные Предсѣдатели. — Анекдотъ, разсказанный по приказанію Наполеона Актеромъ Миссо.—Рѣчь Сената и отвѣтъ Императора.—Историческія сближенія. — Счастливое вліяніе коронаціи на Парижскую торговлю.—Регалии Наполеона и регалии Карломана.—Договоръ заключенный Питтомъ въ Стокгольмѣ.—Лошакъ Паны и Императорскій поѣздъ.—Гоземпа, коронованная Наполеономъ. — Нотаріусъ Рагидо,—*плащъ и шапка*.—Праздникъ на Марсовомъ полѣ и раздача орловъ.—Краткая рѣчь Бонапартѣ къ уполномоченнымъ отъ арміи.—Несдержанное обѣщаніе. — Достопримѣчателное соотвѣтствіе чиселъ. — Воззваніе Людовика XVIII къ Французамъ.

Послѣ перваго совѣщанія въ Фонтенблѣ, между Напою и Наполеономъ, который началъ

свои личныя сношенія съ Главою Христіанства, пригносіемъ себѣ, посредствомъ хитрости, первенства—Ній VII отправился первый въ Парижъ: ему были оказаны тѣже самыя почести какъ Императору, и помѣстили его въ Тюмieri въ павильонъ Флоры. По утонченному вниманію снавшая комната Папы была устроена и меблирована совершенно подобно той, которую онъ занималъ въ Римѣ, во дворцѣ Монте - Ковелло, обыкновенномъ своемъ мѣстопробываніи. Присутствіе Папы въ Парижѣ казалось происшествіемъ, столь необычайнымъ, что съ трудомъ могли оному повѣрить, хотя объ немъ давно уже заранѣе говорили. Дѣйствительно, могло ли что либо быть страннѣе пребыванія Главы Вѣры въ столицѣ Имперіи, гдѣ за четыре года предъ тѣмъ алтари были ниспровергнуты и гдѣ небольшое число вѣрующихъ, не иначе могли исполнять обряды Католической Церкви, какъ скрытнымъ образомъ. Папа былъ предметомъ всеобщаго уваженія и почтительности. Мнѣ хотѣлось увидать его и я видѣлъ его одинъ только разъ въ тотъ день, какъ онъ ѣздилъ осматривать Императорскую Типографію, находившуюся тогда тамъ, гдѣ нынѣ Французскій банкъ въ Пантіевскомъ отелѣ. Директоръ Типографіи приказалъ въ его присутствіи отпечатать книжку, которую онъ ему поднесъ: это была молитва *Omne-nium* на сто пятидесяти

разныхъ языкахъ. Тамъ-то Папа произнесъ достопамятное изрѣченіе, достойное быть сохраненнымъ въ исторіи. Одинъ дурновоспитанный человѣкъ остался въ шляпѣ въ присутствіи Его Святѣйшества; и нѣкоторые изъ присутствующихъ, вознегодовавъ за такую неумѣстную грубость, хотѣли было насильно снять съ него оную, какъ Папа, замѣтивъ это небольшое волненіе и узнавъ причину, подавшую къ оному поводъ подошелъ къ молодому человѣку и сказалъ ему съ добротою, истинно Патріархальною: «Молодой человѣкъ, сними шляпу, дабы я могъ «благословить тебя; благословеніе старца инкогда еще не приносило никому несчастія.» Я помню, что почти всѣ присутствующіе были сильно тронуты этимъ родительскимъ обращеніемъ. Пій VII имѣлъ наружность, вселяющую почтеніе; впрочемъ его можно себѣ представить и не видавъ его, ибо онъ какъ живой изображенъ въ удивительномъ портретѣ, написанномъ кистью Давида.

Прибытіе Папы въ Парижъ произвело сильное впечатлѣніе въ Англіи, больше чѣмъ гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ, не смотря на несогласіе Англичанъ съ Римскимъ дворомъ относительно вѣры. Во время бытности моея въ Гамбургъ, я узналъ, что по полученіи объ этомъ извѣстія въ Лондонѣ, Сен - Джемскій Кабинетъ

испугался, ибо Г. Питтъ понималъ, сколько обстоятельство муропомазанія придастъ вѣсу коронѣ новаго Императора Французовъ. Въ эту эпоху, Англійское Министерство болѣе, чѣмъ когда либо, употребляло могущественное надъ мнѣніемъ орудіе сатиръ и ругательствъ противъ особы Наполеона. Свобода имѣетъ нужду въ движеніи, а иногда даже и въ потрясеніяхъ; конечно поэтому Англія, единственная тогда свободная земля въ Европѣ, была болѣе всѣхъ другихъ волнуема множествомъ издаваемыхъ сочиненій. Лондонскій Кабинетъ находилъ въ этомъ способѣ, не только выгоду раздражать умы противъ могущественнаго врага Англіи, но можетъ быть еще болѣшую того для себя пользу, отклонять хулу, могшую возникнуть противъ нѣкоторыхъ дѣйствій Британскаго Правительства. Гнѣвъ Императора противъ Англіи достигъ тогда высшей степени и онъ дѣйствительно умѣлъ придать этой ненависти нѣчто національное.

Наполеонъ узналъ объ успѣхѣ данной имъ Каффарелли порученности, прежде возвращенія своего въ Парижъ изъ поѣздки на Рейнъ. Прибывъ въ Сен-Клу онъ, не теряя времени повелѣлъ сдѣлать приуготовленія къ своей коронаціи. Все казалось споспѣшествовало исполненію его желаній: 28 Ноября Папа прибылъ въ

Парижъ; а черезъ два дня послѣ того, т. е, 1 Декабря Сенатъ представилъ Императору собранные голоса народа объ утвержденіи наслѣдія въ его фамиліи; ибо разсудивъ, что титулъ Императора нисколько не вредитъ Республикѣ, онъ представилъ одинъ только вопросъ, о наслѣдіи, на утвержденіе народа. Шестьдесятъ тысячъ подписанныхъ листовъ было открыто по всей Франціи у Министровъ, у Пресфектовъ, и у Меровъ всѣхъ округовъ, равно какъ у публичныхъ Потаріусовъ и стряпчихъ. Во Франціи считалось тогда сто восемь Департаментовъ; подавшихъ голоса оказалось 3,574,898, изъ коихъ было только 2,569 голосовъ противныхъ наслѣдію. Я узналъ, что Наполеонъ приказалъ представить себѣ списокъ воспротивившихся при этомъ случаѣ и часто въ него заглядывалъ. Эти противники были не Роялисты, а болышею частью старые, закоренѣлые Республиканцы; и сколько мнѣ извѣстно, многие Роялисты вовсе не подали голосовъ, не хотя бесполезно подвергаться опасности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не желая подать свой голосъ въ пользу виновника смерти Герцога Ангенскаго. Что касается до меня, то я подписался въ пользу представленія наслѣдія семейству Наполеона; ибо мое положеніе не позволяло мнѣ сдѣлать иначе, какъ то можно себѣ представить.

Съ Октября мѣсяца, законодательный корпусъ былъ созванъ для присутствія при коронаціи Императора; прибыли не только один депутаты, но съ ними вмѣстѣ и тма областныхъ предсѣдателей, занявшіе важное мѣсто въ лѣтописяхъ странностей конца 1804 года. Они сдѣлались предметомъ всѣхъ шутокъ и насмѣшекъ; обязанность носить шаги точно дѣлала ихъ очень смѣшными и на счетъ ихъ было сочинено множество разнаго рода исторій. Мнѣ рассказывали объ нихъ анекдотъ, вѣроятно выдуманный для шутки, но который показался мнѣ столь забавнымъ, что я не могу воспротивиться желанію рассказать его здѣсь. Мнѣ рассказывали, что однажды нѣсколькимъ областнымъ Предсѣдателямъ было назначено имѣть честь представиться Папѣ. Такъ какъ большая часть ихъ были не богаты, то они принужденными нашлись прибѣгнуть къ большой бережливости для исполненія требованій новаго этикета; и чтобы не платить за наемъ кареты, они отправились въ Навиліонъ Флоры въ штиблетахъ для предохраненія своихъ бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ отъ неудобства Декабрской грязи. Одинъ изъ нихъ, снявъ свои штиблеты, спряталъ ихъ въ карманъ; но случилось, что Папа заговорилъ съ нимъ очень трогательно, и человекъ со штиблетами былъ приведенъ въ такое умиленіе, что лица своего

платка, дабы обтереть глаза, онъ въ разсѣянности вытащилъ изъ кармана свои загрязненные штилеты и выначкалъ все лицо грязью, такъ что самъ Напа не могъ удержаться отъ смѣха. Если меня упрекнуть въ помѣщеніи здѣсь такихъ пустяковъ, то въ извиненіе себя скажу, что Императора очень забавлялъ этотъ анекдотъ, истинный или ложный, ибо мнѣ сказывалъ Мишо, бывший актеръ Французскаго театра и нашъ учитель декламации въ Мальмезонѣ, что Императоръ заставилъ его рассказать оный въ Сен-Клу при Императрицѣ послѣ придворнаго спектакля.

Какъ бы то ни было съ областными Предсѣдателями, которыхъ странностей я слегка коснулся, а Наполеонъ достигъ предположенныхъ имъ границъ честолюбія; но честолюбіе его отодвигалось передъ нимъ подобно безпредѣльному горизонту. Перваго Декабря при представленіи ему Сенатомъ голосовъ о наслѣдѣн, Францискъ де Неппати произнесъ Императору рѣчь; онъ не поскупился на льстивыя привѣтствія, которыя, въ качествѣ своего Предсѣдателя Сената, онъ уже многократно расточалъ ему съ тою при томъ разницею, что похвала Монархическому Правленію заступила мѣсто похвалы Республиканскому правленію, *с sempre bene*, какъ говорятъ Италіяны. Послѣ

длинной рѣчи Франциска де Мешато (*), Императоръ отвѣтствовалъ.

«Я вступаю на престолъ, на который меня «призвали единогласныя желанія Сената, народа «и арміи, съ сердцемъ, исполненнымъ великихъ «судьбинъ того народа, котораго я изъ среди- «ны лагерей, первый привѣтствовалъ именемъ «великаго.

«Съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ, всѣ мои «мысли были вполне посвящены ему; и я дол- «женъ здѣсь сказать что мои удовольствія и «огорченія, состоятъ нынѣ только изъ благо- «удствія или несчастія моего народа.

«Мои потомки долгое время сохранять пре- «столъ сей.

«Въ походахъ они будутъ первыми солдатами «арміи, жертвуя своею жизнью для защиты «отечества.

«Въ гражданскихъ званіяхъ, они никогда не «потеряютъ изъ вида, что презрѣніе законовъ и «потрясеніе общественнаго порядка суть только «слѣдствія слабости и нерѣшимости Государей.

«Вы, Сенаторы, коихъ совѣтами и пособіемъ «я всегда пользовался при самыхъ затруднитель- «ныхъ обстоятельствахъ, вы передайте вашу «умъ вашимъ наслѣдникамъ. Будьте всегда под- «порами и первыми совѣтниками сего престола,

(*) Смори въ концѣ книги.

«столь необходимаго для счастья этой обширной, Имперіи.»

Еслибъ я имѣлъ страсть къ сближеніямъ, то я могъ бы сдѣлать здѣсь любопытныя; не странно ли что Фонтенебло, съ десятилѣтнимъ промежуткомъ, былъ свидѣлемъ перваго свиданія Наполеона съ Папою и прощанія его съ арміею; и что сказать объ этомъ Сенатѣ, который всегда сообщалъ Наполеону свои совѣты и пособіе и который, при второй изъ этихъ двухъ эпохъ, произнесъ его отрѣшеніе. Но этого рода сближенія принадлежатъ историкамъ, и я не долженъ забывать, что начертываю только воспоминанія. Трибунатъ, подобно Сенату, пріѣмствовалъ Императора, но онъ не былъ удостоенъ отвѣтомъ.

Приближеніе коронаціи доставило большое удовольствіе торговому сословію Парижскихъ жителей. Сгеченіе иностранцевъ и пріѣзжихъ изъ областей Франціи, было чрезвычайно значительно, а возвращеніе къ прежней пышности и къ прежнимъ обычаямъ доставляло занятія многочисленнымъ сословіямъ ремесленниковъ, которые при Конвентѣ и при Директоріи вовсе неимѣли работы для своей промышленности, какъ то: сѣдельникамъ, каретникамъ, поэументщикамъ, золотощвеямъ и многимъ другимъ. Эти положительныя выгоды, доставили Имперіи въ Парижѣ болѣе приверженцевъ, чѣмъ

мнѣнія и размышленія ; и по правдѣ сказать двѣнадцать лѣтъ уже, какъ Парижская торговля не была въ такомъ прекрасномъ положеніи. Заблаговременно сѣзжались къ золотыхъ дѣлъ мастеру Біенне смотрѣть Императорскія регалии, какъ то скипетръ, руку правосудія и корону, кося легкая форма и золотыя листья, менѣе напоминали корону Франціи, чѣмъ древнюю корону Цесарей; всѣ эти регалии равно какъ и прочія украшенія, принадлежащія къ коронаціи были помѣщены въ государственномъ казначействѣ ; туда же, по приказанію Наполеона, были поставлены Императорскія Регалии Карломана, привезенныя Наполеономъ изъ Ахена. Но между тѣмъ, какъ Наполеонъ гордился своею короною и уподоблялъ себя Карломану, Г. Питтъ, вновь призванный въ Министерство, заключалъ въ Стокгольмѣ договоръ со Швеціею и платилъ этой Сѣверной Державѣ денежное пособіе, для того чтобы она дѣйствовала непріязненно противъ Франціи. Этотъ договоръ былъ заключенъ 3-го Декабря т. е. на другой день послѣ коронаціи.

Отъ меня конечно не ожидаютъ, что бы я вошелъ въ утомительныя подробности церемоній 2 Декабря; кому угодно тотъ можетъ объ этомъ справиться во Французскомъ церемониалѣ, который былъ возстановленъ для употребленія новаго Императорскаго Двора и который

дѣласть столь много чести изобрѣтателямъ этикета и блосгилеямъ правъ старшинства при разныхъ обрядахъ. Извѣстно, что Папа отправился въ Соборъ Св. Богородицы прежде Императора и что лошакъ, ведомый предъ его поѣздомъ, по обрядамъ Рима, возбудилъ такіа насмѣшки Парижанъ при проѣздѣ Святаго Отца, что это много повредило важности, повелѣваемой торжественностью обряда коронаціи. Извѣстно также, что Императорскій поѣздъ блисталъ золотомъ, перьями, лошадьми въ богатой сбруѣ и подъ великолѣпными попонами; что ливреи пзумили толпу; что въ первый еще разъ увидѣли Пажей при дверцахъ и на верху Императорской кареты; извѣстно еще, что вступивъ въ Соборъ Св. Богородицы, гдѣ находилось многочисленное собраніе зрителей, при-нужденныхъ въ первый еще разъ одѣться въ парадные кафтаны со шпагами, Императоръ взялъ корону изъ рукъ Папы, самъ возложилъ ее себѣ на голову и потомъ увѣнчалъ милую Іозефину, для которой этотъ день, какъ она мнѣ послѣ говорила, былъ однимъ изъ самыхъ печальныхъ въ ея жизни. Этого рода подробности, которыя были бы очень приличны въ Запискахъ какого нибудь Гардеробмейстера, кажутся мнѣ недостойными занимать собою разсудительныхъ читателей и, какъ я только къ нимъ обращаюсь, то оставляю въ сторонѣ опи-

саніе Императорскихъ лакеевъ, Пажей и Камергеровъ. Лучшіе приведу здѣсь одинъ относящійся къ дню коронаціи малонзвѣстный анекдотъ, который мнѣ рассказывала Іозефина и который удивительно какъ вѣрно изображаетъ характеръ Наполеона.

Когда Бонапарте волочился за Г-жею Богарне, то оба они не имѣли кареты, и Бонапарте, страстно въ нее влюбленный, часто водилъ ее подъ руку къ дѣловымъ людямъ. Однажды они отправились вмѣстѣ къ нотаріусу Рагидо, замѣчательному чрезвычайно малымъ своимъ ростомъ; Г-жа Богарне, имѣвшая къ Рагидо большую довѣренность, пришла къ нему въ этотъ день, съ тѣмъ чтобы сообщить ему о намѣреніи своемъ выйти за мужъ за молодого Артиллерійскаго Генерала, покровительствуемаго Баррасомъ. Іозефина вошла одна въ кабинетъ нотаріуса; а Бонапарте остался ожидать ее въ конторѣ, гдѣ находились писцы. Дверь въ кабинетъ Рагидо осталась не плотно притворенною и Бонапарте явственно разслушалъ, что онъ всѣми силами старается отговорить ее отъ замужества, на которое она рѣшилась. «Вы очень дурно дѣлаете,» говорилъ «и въ этомъ раскайтесь; вы выходите за чело-вѣка, у котораго только и есть что *плащъ да шпага*.» — «Бонапарте,» прибавила Іозефина, пересказывая мнѣ эти подробности, «никогда

мнѣ объ этомъ не упоминалъ; и я даже не думала чтобы онъ слышалъ то, что Рагидо мнѣ говорилъ. Представьте же, себѣ, Буріеннъ, мое удивленіе, когда въ день коронаціи, облекшись въ Императорскую одежду, онъ сказалъ: Позвать ко мнѣ Рагидо, чтобы онъ тотчасъ явился: мнѣ нужно съ нимъ поговорить. — Рагидо былъ немедленно ему представленъ, и тогда онъ сказалъ ему: Ну что! только ли у меня что *планш да шагаа?* Надобно замѣтить что Бонапарте, который во время панней съ нимъ дружеской связи, пересказывалъ мнѣ всѣ обстоятельства своей жизни, приходившія ему на память, никогда не говорилъ мнѣ объ той небольшой обидѣ, которую за восемь лѣтъ тому нанесъ ему Рагидо и о которой казалось вспомнилъ въ день своей коронаціи.

На другой день послѣ коронаціи, всѣ находившіеся въ Парижѣ войска были собраны на Марсовомъ полѣ для раздачи полкамъ орловъ, вмѣсто Республиканскихъ знаменъ. Я не былъ на коронаціи въ соборѣ Св. Богородицы, но мнѣ захотѣлось посмотреть военное празднество на Марсовомъ полѣ, ибо я всегда находилъ истинное удовольствіе въ томъ, чтобы видѣть Бонапарте посреди солдатъ его. Императорская пышность никогда меня не ослѣпляла; но по привычкѣ моей къ лагерной жизни, хотя я и не былъ военнымъ, а мнѣ казалось, что Бона-

парте въ мундирѣ Полковника его Гвардіи, лучше напоминаетъ мнѣ вождя Италіанской арміи и Египетскаго похода, и я почти забывалъ въ немъ Императора.

Эта военная церемонія происходила на Марсовомъ-полѣ; передъ фасадомъ Военной школы устроили обширный помостъ, и самая эта школа, хотя совершенно преобразованная на военную погу, долженствовала возбуждать въ Наполеонѣ странныя воспоминанія о его юности. Помостъ былъ устроенъ такимъ образомъ, что онъ находился на ровнѣ съ залюю первого этажа, а посреди возвышался двойной престолъ Императора и Императрицы, почти на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ Президентъ Народнаго Собранія сидѣлъ въ креслахъ подобнымъ кресламъ Людовика XVI. На Марсовомъ полѣ были собраны уполномоченныя отъ всѣхъ оружій арміи, и не смотря на бывшую въ этотъ день дурную погоду, въ рядахъ и между зрителями царствовали какое-то общее удовольствіе и восторгъ для изъявленія коихъ кажется былъ бы нуженъ болѣе благорастворенный воздухъ. По данному знаку, всѣ колонны тронулись съ мѣста, сомкнулись и приблизились къ престолу. Тогда Наполеонъ, вставъ съ трона, произнесъ съ болыною твердостью слѣдующія слова, приказавъ раздать орлы уполномоченнымъ разныхъ оружій арміи.

«Солдаты, вотъ ваши знамена, собирайтесь всегда къ этимъ орламъ; они будутъ вездѣ, гдѣ вашъ Императоръ сочтетъ ихъ нужными для защиты его престола и *его народа*.

«Вы клянетесь жертвовать вашею жизнью для защиты ихъ и постоянно удерживать ихъ вашею храбростью на пути побѣды! вы клянетесь.»

Невозможно было бы описать кликовъ, раздавшихся послѣ словъ Бонапарте, и въ общемъ упоеніи восторга есть нѣчто столь увлекательное, что самые равнодушные люди не могли не принять участія въ общемъ движеніи. И однакожь, еслибъ поразмыслили, какъ явно Наполеонъ уже противорѣчилъ первымъ словамъ, которыя онъ произнесъ какъ Императоръ, при представленіи ему Сенатомъ въ Сен-Клу указа объ учрежденіи Имперіи! Не сказалъ ли онъ въ то время: «Никогда Французскій народъ не будетъ моимъ народомъ?» А на другой же день послѣ его коронаціи, орлы его должныствовали уже быть вездѣ, гдѣ потребуетъ защита *его народа*.

По странному случаю, между тѣмъ какъ 2 Декабря 1804 года Наполеонъ, принимая, со святымъ помазаніемъ Главы Церкви, Императорскую корону Франціи, въ тотъ самый день Людовикъ XVIII, находившійся въ Кольмарѣ, какъ будто вдохновенный свыше, что въ ту самую минуту сынъ побѣды восходитъ на его

престолъ, составилъ и подписалъ воззваніе къ Французамъ, въ которомъ онъ говорилъ имъ: «При водахъ Балтики, предъ лицомъ и подъ покровительствомъ Неба, подкрѣпляемые присутствіемъ нашего брата, равно какъ Герцога Ангенскаго, нашего племянника и согласіемъ на то всѣхъ прочихъ Принцевъ нашего дома, которые раздѣляютъ наши правила и проникнуты чувствами, насъ одушевляющими; обращаясь къ жертвамъ, какъ царственнымъ, такъ и тѣмъ, которыя вѣрность, честь, набожность, невинность, любовь къ отечеству и преданность доставили Революціонной ярости; призывая духъ юнаго героя, котораго несчастивыя руки похитили у отечества и у славы; представляя нашимъ народамъ въ залогъ примиренія, добродѣтели Ангела утѣшителя, коего Провидѣніе дабы подать намъ великій примѣръ, подвергло новымъ бѣдствіямъ исторгнувъ его отъ палачей и оковъ: мы клянемся никогда не разрывать священныхъ узъ, которыя неразрывно соединяютъ нашу жребій съ вашими, которые соединяютъ насъ съ вашими семействами, съ вашими сердцами, съ вашимъ совѣтьемъ: никогда не будемъ мы договариваться о наслѣдіи предковъ нашихъ, никогда не уступимъ нашихъ правъ. Французы! мы призываемъ въ свидѣтели этой клятвы

«Бога Лудовика Святаго, того, который судить
«дѣла человѣческія!»

Я узналъ объ этомъ воззваніи уже гораздо
позднѣе, когда я съ годъ находился Француз-
скимъ Министромъ въ Гамбургѣ, но день изда-
нія этого документа такъ соотвѣтствуетъ ко-
ронаціи Наполеона, что я счелъ пужнымъ не
отдѣлать его отъ оной.

Г Л А В А XV.

Стокгольмскій договоръ.—Объявленіе Испанією войны Англіи.
Мнѣніе Бонапарте о вліяніи присутствія Папы.—Письмо
Наполеона къ Королю Ангійскому. — Притворный видъ
желанія возстановить миръ.—Испанскій флотъ подъ началь-
ствомъ Адмирала Гравини. — Мнѣніе мое о нейтральныхъ
правахъ. — Адмиралъ Моръ и враждебныя дѣйствія безъ
объявленія войны.—Ложная политика Ангійскаго кабине-
та.—Письмо Лорда Мальбери къ Министру Иностранныхъ
Дѣлъ.—Отказъ Англіи вступить въ переговоры.—Праздникъ
въ Люксембургѣ.—Созваніе Законодательнаго Корпуса. —
Краткій обзоръ 1804 года.—Торжественное открытіе Зако-
нодательнаго Корпуса.—Речь Наполеона.

Двѣ, довольно важныя перемѣны въ полити-
кѣ Европы, ознаменовали эпоху коронаціи На-
полеона; вопервыхъ упомянутый мною дого-
воръ, съ денежнымъ пособіемъ, заключенный
въ Стокгольмѣ между Англією и Швецією а
потомъ, объявленіе Испанією войны Англіи. За
этими двумя событіями, вскорѣ послѣдовала

смерть Г. Питта, который умеръ въ Генварѣ мѣсяцѣ 1805 года.

Императоръ который при этихъ важныхъ обстоятельствахъ, рѣшился употребить въ свою пользу вліяніе духовныхъ понятій и вѣсъ, который придавалъ его коронаціи присутствіе въ Парижѣ главы Католической вѣры, и показавъ видъ, что считаетъ себя Государемъ только вполнину до тѣхъ поръ, пока Божественная власть не утвердила представленныхъ Сенатомъ голосовъ народа—не обращался къ Англійскому Королю на счетъ призванія его Императоромъ до тѣхъ поръ, пока онъ былъ коронованъ; но 2 Генваря, черезъ мѣсяцъ послѣ своей коронаціи, онъ написалъ къ нему письмо, болѣе гордое чѣмъ то, которое онъ писалъ къ нему вскорѣ послѣ 18 Брюмера. Онъ говорилъ ему:

« Милостивый Государь, братецъ! по призваніи меня на престолъ Франціи Провидѣніемъ и избраніемъ Сената, народа и арміи, мое первое чувство, есть желаніе мира. Франція и Англія тратятъ свое благодѣяніе. Они могутъ бороться цѣлыя вѣки. Но въ точности ли Правительства ихъ исполняютъ священнѣйшую изъ ихъ обязанностей? И столько крови, пролитой бесполезно и безъ цѣли, не обвиняетъ ли ихъ въ собственнѣйшей совѣсти? Я не считаю безчестіемъ сдѣлать первый шагъ. Кажется, я довольно доказалъ міру, что не боюсь

«никакихъ случайностей войны; притомъ же
«она не представляетъ мнѣ ни чего, могущаго
«устрашить меня. Миръ есть желаніе моего
«сердца; но война никогда не вредила моей сла-
«вѣ. Заклинаю В. В. не отказывать себѣ въ сча-
«стіи даровать свѣту миръ: не оставляйте этого
«усладительнаго удовольствія вашимъ дѣтямъ!
«Ибо наконецъ, никогда еще не было, ни луч-
«шихъ обстоятельствъ, ни болѣе благопріятна-
«го времени для того, чтобы заставить умолк-
«нуть всѣ страсти и внять единственно чувст-
«ву челоѣколюбія и разсудка. Пропустивъ од-
«нажды эту минуту, какой можно будетъ на-
«значить срокъ войнѣ, которую всѣ мои уси-
«лія не могли привести къ концу? В. В. болѣе
«пріобрѣли въ послѣдніе десять лѣтъ землями
«и сокровищами, чѣмъ сколько Европа имѣетъ
«пространства; государство ваше находится на
«высшей степени благоденствія. Чего вы хоти-
«те надѣяться отъ войны? Ввести въ союзъ нѣ-
«сколько Державъ твердой земли? Твердая зем-
«ля пребудетъ спокойною. Союзъ только увели-
«читъ перевѣсъ и величіе на твердой землѣ
«Франціи. Возжечь вновь внутреннія волненія?
«Времена уже нынче не тѣ. Разстроить наши
«финансы? Финансы, основанные на хорошемъ
«земледѣліи, никогда не разстраиваются. Похи-
«титъ у Франціи ея колоніи? Колоніи составля-
«ютъ для Франціи второстепенный предметъ;

«а притомъ В. В. имѣете уже оныхъ болѣе, чѣмъ вы можете у себя сохранить. Если В. В. угодно будетъ самимъ подумать объ этомъ, то вы увидите, что война не имѣетъ никакой пользы, никакихъ благопріятныхъ для васъ послѣдствій. А какъ прискорбно заставлять народы драться, только для того, чтобы драться. Свѣтъ довольно великъ для того, чтобы наши два народа могли жить въ немъ; а разсудокъ имѣетъ довольно власти для того чтобы найти средства все согласить, если съ той и съ другой стороны есть къ тому добрая воля. Во всякомъ случаѣ я исполняю долгъ, священный и драгоцѣнный для моего сердца. Повѣрьте В. В. искренности чувствъ, мною изъясненныхъ желанію моему представить вамъ доказательства оныхъ.»

Это письмо было, по моему мнѣнію, образцемъ вѣроломства, ибо уже конечно Императоръ очень бы тогда подосадовалъ, еслибы съ Англійскимъ Правительствомъ возстановился миръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ объявленіе Испанією войны Англіи отдало въ его распоряженіе Испанскій флотъ состоящій болѣе, чѣмъ изъ шестидесяти кораблей подъ предводительствомъ Адмирала Гравины. Англія, раздраженная недовѣрчивостію своихъ усилій противъ Франціи, старалась отмстить ей средствомъ, которое я не стану оправдывать; ибо держусь

правила, что нейтральныя права всегда должны быть уважаемы Правительствами. Какова бы ни была почтительность, или лучше сказать покорность Мадридскаго кабинета Тюльерійскому, а одна только Франція находилась въ войнѣ съ Англіею и ни одинъ изъ союзниковъ кромѣ Голландіи не обнаруживалъ неприязненныхъ дѣйствій; поему ничто не давало повода къ такому поведенію Британскаго Правительства съ Испаніею. Безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, Адмиралъ Моръ хотѣлъ подчинить праву обыска четыре Испанскіхъ фрегата, возвращавшіеся въ Кадиксъ изъ Мексики, и нагруженные сокровищами этой богатой колоніи. Начальникъ Испанскихъ транспортовъ отказался исполнить требованіе Адмирала Мора, слѣдствіемъ чего была битва, въ коей Испанцы, имѣя дѣлю съ весьма превосходными противъ нихъ силами, наконецъ были побѣждены послѣ упорнаго сопротивленія. Три изъ этихъ фрегатровъ были взяты, а четвертый взлетѣлъ на воздухъ. Эти притѣснительныя насилія, были не единственными, коимъ Испанія подверглась отъ Англійскаго флота; Англичане жгли Испанскія купеческія суда, даже въ самыхъ гаваняхъ Испаніи, персхватывали и брали въ плѣнныя многіе транспорты, дѣлая сіе въ то время когда Г. Ангуада находился еще въ Лондонѣ въ качествѣ Посланника Карла IV. Эти насильственные дѣйствія, противныя правамъ людей, раз-

дражили Короля Испанскаго, или лучше сказать, слишкомъ знаменитаго Князя Міра, до такой степени, что война была объявлена Англіи державою, столь жестоко ею оскорбленною.

Поведеніе Англіи въ этомъ случаѣ кажется мнѣ, не только предосудительнымъ, но очень неблагоразумнымъ и противнымъ политикѣ; лучше освѣдомясь о тайныхъ желаніяхъ Наполеона, Англійскій кабинетъ вѣроятно не сдѣлалъ бы столь важной ошибки; ибо нельзя назвать иначе, какъ важною ошибкою то, что непріязненными своими дѣйствіями она принудила нейтральныя державы, какъ Испанію, присоединиться къ судьбнѣ Наполеона оборонительнымъ союзомъ. При этихъ-то обстоятельствахъ, и когда Наполеонъ повсему могъ предвидѣть что война на твердой землѣ скоро доставитъ пищу его генію, онъ написалъ къ Королю Англійскому вышеприведенное письмо. Оно имѣло цѣлію заставить думать что онъ искренно желаетъ возстановленія мира; но онъ вѣрно заранѣе зналъ, какое дѣйствіе оно произведетъ въ Лондонѣ и не долженъ былъ удивиться, когда вмѣсто отвѣта отъ Георга III, котораго онъ, безъ его на то согласія, изволилъ назвать своимъ братомъ, Г. Талейранъ принесъ ему письмо отъ Лорда Мальмеберга къ Министру Иностранныхъ дѣлъ, слѣдующаго содержанія:

«Его Величество получилъ письмо, написанное къ нему главою Французскаго Правительства отъ 2 числа сего мѣсяца. Его Величество ничего столько не желаетъ, какъ воспользоваться первымъ случаемъ вновь доставить своимъ подданнымъ выгоды мира, утвержденнаго на основаніяхъ, которыя не были бы несовмѣстны съ прочною безопасностью и съ существенными выгодами его владѣній. Его Величество увѣренъ, что этой цѣли нельзя иначе достигнуть, какъ чрезъ такія распоряженія, которыя, утвердивъ будущую безопасность и спокойствіе Европы, могли бы въ то же время предупредить возобновленіе опасностей и бѣдствій, коимъ она подвергалась. Сообразно съ симъ чувствомъ, Его Величество видитъ, что ему не возможно опредѣлительно отвѣтствовать на сдѣланный ему вызовъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ имѣть время снестись съ державами твердой земли, съ коими онъ находится въ дружественныхъ связяхъ, а въ особенности съ Императоромъ Россійскимъ, который представилъ сильнѣйшія доказательства мудрости и возвышенныхъ чувствъ, его одушевляющихъ, равно какъ живѣйшаго участія, принимаемаго имъ въ безопасности и независимости Европы»

Письмо Лорда Мальмебери не сдѣлало на Императора большого впечатлѣнія, ибо оно

было ему представлено въ ту минуту, какъ онъ находился въ упоеніи своего могущества, осыпaeмый со всѣхъ сторонъ поздравленіями; Сенатъ далъ великолѣпный праздникъ въ Люксембургскомъ саду; городъ Парижъ сдѣлалъ миръ, на коемъ присутствовали Императоръ и Императрица; словомъ сказать, коронованіе Наполеона было повсюду торжествуемо. Предъ концемъ года, онъ созвалъ Законодательный Корпусъ, открытіе коего 27 Декабря было произведено имъ самимъ со всею пышностію новаго Императорскаго церемоніала.

1804 годъ, какъ читатели могли замѣтить, изобиловалъ великими событіями и трудно найти въ исторіи другую двѣнадцати-мѣсячную эпоху, наполненную такимъ множествомъ вещей, имѣвшихъ столь великое вліяніе на судьбы Европы. Первая половина оного наполнена прискорбнымъ зрѣлищемъ кововъ Полиціи, преступною казнію юнаго Принца и уголовнымъ судомъ, за которымъ послѣдовали казни и помилованія; а вторая возвышеніемъ Наполеона въ Императоры, поѣздкою въ новые Департаменты, присоединенныя къ Французскимъ владѣніямъ, и наконецъ, можетъ быть самымъ необычайнымъ событіемъ повѣйшихъ временъ, которое обращаетъ мысли къ эпохѣ, предшествовавшей повѣйшему просвѣщенію — вѣздомъ Напы во Францію, для того, чтобы

изменемъ церкви утвердить за новымъ Императоромъ престоль, незавытый, но не упраздненный. Годъ сей заключился открытіемъ Законодательнаго Корпуса, гдѣ произнесенная Императоромъ рѣчь саншкомъ много произвела впечатлѣній и слишкомъ тѣсно относится къ событіямъ, которыя уже свершились и къ тѣмъ, которыя готовились еще въ будущемъ, для того чтобы не привести оную здѣсь почти вполнѣ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно находились кресла и столъ Предсѣдателя, воздвигли тронъ, на который входы были устроены по обѣимъ сторонамъ. Императоръ возсѣлъ на оный, а послѣ переклички и произнесенія новой присяги, всталъ и сказалъ :

«Господа Депутаты Департаментовъ въ Законодательномъ Корпусѣ, Господа Трибуны и Члены моего Государственнаго Совѣта, — я самъ открываю ваши засѣданія, желаю придать тѣмъ болѣе важности и величія вашимъ трудамъ. «Государь, сановники, солдаты, граждане, — все мы на поприщѣ нашемъ, имѣемъ одну цѣль, пользу отечества. Если престоль сей, на который Провидѣніе и воля народа возвели меня, дорогъ моему сердцу, то единственно потому, что лишь онъ одинъ можетъ защитить и сохранивъ священнѣйшія выгоды Французскаго народа. Безъ сильнаго, отеческаго Правительст-

«ва, Франція долженствовала бы страшиться воз-
«вращенія бѣдствій, ея претерпѣнныхъ. Слабость
«верховой власти, есть ужаснѣйшее изъ золъ
«для народовъ. Будучи солдатомъ и Первымъ
«Консуломъ, я питалъ одну мысль; сдѣлавшись
«Императоромъ, не имѣю другой: благоденствіе
«Франціи. Я былъ довольно счастливъ, дабы про-
«славить ее побѣдами, обезпечить ее договорами,
«исторгнуть ее изъ междуусобій, и приготовить
«въ ней возрожденіе нравовъ общества и вѣры.
«Если смерть не постигнетъ меня посреди тру-
«довъ моихъ, то я надѣюсь оставить потомству
«воспоминаніе, которое послужитъ на вѣки при-
«мѣромъ или упрекомъ моимъ преемникамъ.

«Мой Министръ Внутреннихъ Дѣлъ поднесетъ
«вамъ обзоръ положенія Имперіи. Ораторы мо-
«его Государственнаго Совѣта представятъ вамъ
«разныя нужды законодательства. Я приказалъ
«сообщить вамъ для разсмотрѣнія отчеты, пре-
«доставленные мнѣ моими Министрами о тече-
«ніи дѣлъ по ихъ Департаментамъ. Я доволенъ
«цвѣтущимъ состояніемъ нашихъ финансовъ Ка-
«ковы бы ни были расходы, оныя удовлетво-
«ряются доходами. Сколь ни огромны были при-
«готовленія, необходимыя для войны, нами ве-
«домой, я не потребую у моего народа ника-
«кого новаго пожертвованія.

«Мнѣ бы пріятно было, въ столь торжест-
«венную эпоху, видѣть миръ, царствующій въ

«свѣтъ; по политическія правила нашихъ испріятелей и недавнее ихъ поведеніе съ Испанією, «довольно показываютъ затрудненія онаго. Я «хочу не увеличивать владѣнія Франціи, но со- «хранить оныя въ цѣлости. Не имѣю честолю- «бія пріобрѣсть надъ Европою большее вліяніе, «но хочу удержать то, которое я уже пріобрѣлъ. «Никакое Государство не будетъ включено въ «Имперію; но я не пожертвую моими правами «и узами, соединяющими меня съ Державами, «мною созданными.

«Поднося мнѣ корону, народъ мой обязался «употреблять всѣ свои усилія, коихъ потребу- «ютъ обстоятельства, для сохраненія оной того «блеска, который необходимъ для его благо- «состоянія и для его славы, столько же какъ и «для моей. Я исполню довѣренности къ энер- «гіи народа и къ чувствамъ его ко мнѣ. Его «драгоцѣннѣйшія выгоды составляютъ постоян- «ный предметъ моихъ попеченій.»

Остальная часть рѣчи, есть только вѣжливое обращеніе къ членамъ Законодательнаго Корпу- са, къ Государственнымъ Совѣтникамъ и къ Трибунамъ, со внушеніемъ чтобы они всегда вели себя также, какъ до сихъ поръ т. е. что- бы всегда оказывали снисходительность и безъ возраженій исполняли волю Императора, также какъ они исполняли волю Консула.

Г Л А В А XVI.

Наполеонъ и Карломанъ. — Назначеніе меня Полномочнымъ Министромъ въ Гамбургъ. — Привычка сблизать числа. — Иозефина объявляетъ мнѣ мое назначеніе. — Я призванъ Императоромъ въ Мальмезонъ. — Любезность Бонапарте. — Полторачасовой разговоръ. — Мысли и намѣренія Наполеона касательно Италіи. — Г-жа де Бриенъ. — Желаніе Императора увидѣть свою бывшую школу. — Просьба о дозволеніи ему сопутствовать. — Ответъ Императора — Назначеніи Наполеона для пребыванія моего въ Гамбургъ. — Намѣреніе возстановить Европейское общество. — Версальскіе маркизы. — Надзоръ за эмигрантами. — Наполеонъ уполномочиваетъ меня писать прямо къ нему. — Совѣтъ вѣхать въ Гамбургъ. — Старшій Государь въ Европѣ. — Привычка Наполеона переходить отъ одного предмета къ другому. — Порученіе Амедю Жоберту. — Угаданная тайна и просьба о сохраненіи оной. — Я предлагаю Императору сопутствовать Жоберту. — Размышленія Императора объ этомъ предметѣ. — Порученіе, данное мнѣ Наполеономъ къ Императрицѣ. — Безразсудныя издержки Иозефины. — Г-жа де Ла Рошфуко. — Разговоръ съ Иозефиною. — Щекотливая статья. — Жадность родныхъ Наполеона.

Едва Папа, короновавъ Императора, возвратился въ Италію, какъ уже пронесся слухъ о

Часть VI.

поѣздкѣ въ Миланъ, коей цѣль была та, чтобы превратить за горами, Президентство Цизальпинской Республики въ Королевство Италію, по примѣру того, какъ Консульская Республика была преобразована во Французскую Имперію. Этими Наполеонъ хотѣлъ совершенно угодиться Карломану (*).

Я буду говорить ниже о сообщенныхъ мнѣ обстоятельствахъ этой поѣздки, сдѣланной съ тѣмъ, чтобы присоединить титулъ Королевскаго Величества къ титулу Императорскаго Величества, равно какъ и о семенахъ разрыва, возникшихъ отъ распространенія власти Наполеона. Въ эту минуту займусь вещью, лично до меня касающеюся, потому что она непосредственно относится и къ Наполеону; я хочу говорить о назначеніи меня въ должность Полномочнаго Министра у Герцоговъ Брауншвейгскаго и Мекленбургъ-Шверинскаго и въ Ганзейскихъ городахъ.

Это назначеніе произошло 22 Марта 1805, ровно черезъ годъ послѣ моего нѣсколько смѣлаго пріѣзда въ Мальмезонъ, для сообщенія Ю-

(*) Карломанъ, какъ извѣстно, взялъ желѣзную корону Дидіе, Короля Ломбардовъ. Черезъ десять вѣковъ явился ему подражатель въ особѣ Наполеона, который не помню при какомъ-то случаѣ объявилъ, что онъ наследникъ не Лудовика XIV, а Карломана.

зефинъ того, что я узналъ отъ Гарреля, касательно смерти Герцога Ангенскаго. Надѣюсь, что мнѣ простятъ нѣсколько частое сближеніе чиселъ; но это была одна изъ страстей Наполеона, а я не поручусь въ томъ, чтобы я также не сдѣлалъ къ этому привычки, подъ вліяніемъ его примѣра.

Добрая Іозефина, общавшая, какъ выше видѣли, извѣстить меня о намѣреніяхъ Императора на счетъ мой, какъ только сама объ оныхъ узнаетъ, прислала ко мнѣ нарочнаго съ тѣмъ, чтобы увѣдомить меня о моемъ назначеніи и сказать мнѣ, что Императоръ потребуетъ меня къ себѣ. Я не былъ у Іозефины съ отъѣзда си въ Бельгію; пышность, празднества коронаціи меня, такъ сказать, ослѣпили до такой степени, что я во вся потерялъ желаніе являться во дворцы, гдѣ бы я долженъ былъ подвергнуться принужденности строгаго этикета, наблюдаемаго по волѣ Императора съ коронаціи; и не могу объяснить, какое тягостное впечатлѣніе дѣлали на меня въ послѣдствіи эти скучныя чинности. Я не могъ вдругъ забыть того времени, когда я одинъ входилъ первый въ комнату, гдѣ почивали вмѣстѣ супруги, и будилъ Бонапарте. Что касается до него, то я не видалъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ призывалъ меня къ себѣ послѣ осужденія Жоржа и когда я увидѣлъ, что откровенность моя относительно Моро, не

была ему не угодна. Моро выехалъ изъ Франціи, не подвергшись тому жестокому закону, который былъ приведенъ въ дѣйствіе уже послѣ возвращенія Бурбоновъ, и въ силу коего онъ былъ осужденъ къ описи въ казну всего его имѣнія. Моро продалъ Бертѣ землю свою Гробуа и отправился въ Кадиксъ, а оттуда въ Америку.

Въ тотъ самый день, какъ Іозефина обязательно уведомила меня о моемъ назначеніи, т. е. 22 Марта, я получилъ офиціальное приглашеніе явиться на другой день въ Мальмезонъ, гдѣ находился Императоръ; я не могу скрыть удовольствія, которое ощутилъ при одной мысли лучше увидѣться съ нимъ тамъ, чѣмъ въ Тюііери или даже въ Сен-Клу; всякой пойметъ, что наша прежняя съ нимъ короткость въ Мальмезонѣ сообщала мнѣ болѣе смѣлости для свиданія, котораго, зная характеръ Бонапарте, я нѣсколько боялся. Буду ли я принять моимъ прежнимъ Бріенскимъ товарищемъ или Его Императорскимъ Величествомъ? Меня принялъ школьный товарищъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Мальмезонъ, я былъ введенъ въ комнату, устроенную шатромъ и находившуюся предъ библіотекою. Проклятый притворщикъ, да простятъ мнѣ это выраженіе, показалъ мнѣ такую ласковость, которая меня изумила, не смотря на то,

что мнѣ было извѣстно искусство его въ наукѣ
обольщенія. Онъ подошелъ ко мнѣ съ улыб-
кою на устахъ, взялъ меня за руку, —чего онъ
никогда не дѣлалъ со временемъ Консульства, и
дружески пожалъ мнѣ ее, такъ что я никакъ
не могъ видѣть въ немъ Императора Францу-
зовъ и будущаго Короля Италіи; однакоже
мнѣ слишкомъ хорошо были извѣстны его пе-
реходы къ гордости, для того чтобы корот-
кость его могла заставить меня преступить
границы пріязненной почтительности. «Ию-
безвѣрный Буріеннъ,» сказалъ онъ мнѣ, развѣ ты
«думаешь, что высокій санъ, до котораго я до-
«стигъ, переѣмилъ меня въ отношеніи къ те-
«бѣ? Нѣтъ. Не царская пышность составляетъ
«главную мою цѣну; цѣна моя во мнѣ самомъ.
«Я былъ очень доволенъ твоею службою и на-
«значилъ тебя на такое мѣсто, гдѣ я буду имѣть
«въ ней нужду. Я знаю, что могу на тебя по-
«сложиться.» Потомъ онъ началъ съ невѣроят-
нымъ дружелюбіемъ разспрашивать меня о
томъ что я дѣлаю, какъ провожу время и о
моемъ семействѣ; словомъ сказать, я никогда
еще не видывалъ въ немъ болѣе расположенія,
болѣе довѣренности, болѣе той пѣвнательной
простоты, которую онъ тѣмъ охотнѣе обнару-
живалъ, что величіе его сдѣлалось уже неспо-
римымъ. «Ты знаешь,» прибавилъ Наполеонъ,
«что черезъ недѣлю я ѣду въ Италію; я сдѣ-

«какось Королемъ оной, но это еще одно толь-
«ко начало: я имѣю на Италію болѣе обшир-
«ныя виды; надобно чтобы это было Королев-
«ство, заключающее въ себѣ все лежація за
«Альпами земли отъ Венеціи до подножія при-
«морскихъ Альпъ; присоединеніе Италіи къ Фран-
«ціи не можетъ быть иначе, какъ только вре-
«менное; но это необходимо для того, чтобы
«пріучить народы Италіи жить подъ общими
«законами. Генуезцы, Піемонтцы, Венеціанцы,
«Миланцы, Тосканцы, Римляне и Неаполитанцы,
«другъ друга ненавидятъ. Никто изъ нихъ не
«захочетъ признать надъ собою персепства дру-
«гаго, а между тѣмъ Римъ, по своимъ воспоми-
«наніямъ есть природная столица Италіи; по-
«для этого надобно ограничить власть Папъ
«единственно однимъ только духовнымъ влія-
«ніемъ; теперь я еще не могу этого предпри-
«нять; но послѣ, мы посмотримъ; я еще не
«имѣю опредѣлительныхъ мыслей; но онѣ со вре-
«менемъ созрѣютъ; а притомъ все зависѣтъ отъ
«обстоятельствъ. Кто мнѣ говорилъ, тогда какъ
«мы прогуливались въ видѣ двухъ зѣвакъ по
«Парижскимъ улицамъ, — что я нѣкогда буду
«властелиномъ Франціи? моя воля, но воля
«неопредѣлительная: обстоятельства сдѣлали
«остальное. А всему благоразуміе требуетъ по-
«ждать, что я и дѣлаю. Что касается до Ита-
«ліи, то по невозможности вдругъ слить ее въ

«одно Государство, подчиненное одинаковымъ законамъ, я начну тѣмъ, что сдѣлаю ее Французскою. Всѣ эти небольшія ничтожныя области приучатся жить подъ владычествомъ одинаковыхъ законовъ, и когда правы сѣмѣются, а вражда угаснетъ, то будетъ одна только Италия, и я дамъ ей независимость; но для этого мнѣ нужно двадцать лѣтъ, а кто можетъ надеяться на будущее? Мнѣ пріятно, Буріеннъ, это тебѣ сказать; эта мысль была заключена у меня въ головѣ: съ тобою я въ слухъ размышляю.»

Не думаю, что я бы перемѣнилъ и два слова изъ сказаннаго мнѣ Наполеономъ объ Италиі, ноо безъ самолюбія могу сказать, что у меня тогда была удивительная память и я сдѣлалъ большой навѣкъ удерживать въ ней все, что онъ мнѣ говорилъ. Потолковавъ со мною о своихъ неопредѣлительныхъ намѣреніяхъ, Бонапартъ, безъ всякаго другаго перехода, кромѣ производимаго всегда живостью столкновенія его мыслей, сказалъ мнѣ: «Кстати, Буріеннъ, знаешь ли что? Г-жа де Вріеннъ просила меня просвѣхать чрезъ Вріеннъ и я обѣщала ей. Не скрываю отъ тебя, что я очень буду радъ увидѣть тѣ мѣста, которыя въ продолженіи шести лѣтъ были свидѣтелями игръ нашего дѣтства.» Видя милостивое расположеніе, въ которомъ находился Императоръ, я позволилъ себѣ сказать

ему, сколько бы я счелъ себя счастливымъ еслибъ могъ раздѣлить эту пріятность воспоминаній и вмѣстѣ съ нимъ посѣтить мѣста нашего ученія, нашихъ прогулокъ и забавъ. Тогда Наполеонъ, помолчавъ съ минуту какъ бы размыслиая, сказалъ мнѣ съ чрезвычайною ласкою: «Послушай Буріениъ, въ твоёмъ положеніи «и въ моемъ это невозможно. Уже болѣе двухъ «лѣтъ какъ мы съ тобою разстались. Что ска- «зуть о такомъ внезапномъ сближеніи? Откро- «венно скажу тебѣ, что я о тебѣ жалю и об- «стоятельства, въ которыхъ я находился, нѣсколь- «ко разъ возбуждали во мнѣ желаніе опять взять «тебя къ себѣ. Въ Булонѣ, я совершенно было «на это рѣшился; Раппъ вѣроятно тебѣ это «сказывалъ и онъ любитъ тебя, ибо онъ ска- «залъ мнѣ съ извѣстною тебѣ его искренностью, «что онъ будетъ восхищенъ твоимъ возвраще- «ніемъ; но я поразмыслилъ и не сдѣлалъ этого «потому, какъ я тебѣ не разъ повторялъ, что «не хочу дать право сказать, что я въ комъ «либо имѣю нужду. Итъ; поѣзжай въ Гамбургъ. «Я имѣю, касательно Германіи, намѣренія, въ «которыхъ ты можешь быть мнѣ полезенъ; тамъ «то я хочу нанести Англіи ударъ прямо въ «сердце. Я хочу отнять у нея твердую землю «при томъ же у меня есть мысли, которыя еще «не созрѣли, но которыя пойдутъ дальше. Итъ «довольно подобія между народами Европы: об-

«щество Европейское имѣть нужду въ преобра-
зованіи; для этого надобна верховная Держава,
которая довольно господствовала бы надъ про-
чими Державами, дабы заставить ихъ жить въ
«добромъ между собою согласіи, и Франція на-
«ходится въ благопріятномъ для этого положе-
«ніи. Ты получишь подробныя наставленія отъ
«Палейрана; но въ особенности подтверждаю тебѣ
«хорошенько наблюдать за эмигрантами. Бѣда
«имъ, если они сдѣлаются слишкомъ опасными!
«Я знаю что есть еще люди, которые бѣшуютъ,
«старинные *Версальскіе Маркизы*; это безумцы,
«которые *обожгутъ себя на свѣжкѣ крылья*.
«Ты самъ былъ эмигрантомъ, Бурієннъ, ты имѣ-
«ешь къ нимъ слабость и знаешь, что я болѣе
«чѣмъ двумъстамъ изъ нихъ далъ позволеніе
«возвратиться по твоему ходатайству; но теперь
«ужь не то! тѣ, которые остались еще за грани-
«цею — закоспѣли: имъ не нужно увидать свое
«отечество! Наблюдай за ними хорошенько; это
«одно только особенное наставленіе, я имѣлъ
«тебѣ сдѣлать. Ты будешь Министромъ Франціи
«въ Гамбургѣ; но это своимъ чередомъ; а сверхъ
«переписки, которую ты будешь имѣть съ Ми-
«нистромъ Вѣнскихъ Сношеній, я уполномочи-
«ваю тебя писать прямо ко мнѣ, если тебѣ
«встрѣнится нужда сообщить мнѣ что нибудь
«особенное. Ты будешь также въ перепискѣ съ
«Фуше.»

Тутъ Императоръ замолчалъ, а я не понявъ его, и полагая, что это для меня знакъ уходить, сталъ было съ нимъ прощаться, но онъ удержалъ меня, сказавъ мнѣ самымъ ласковымъ голосомъ: «Ты ужъ уходишь Буріеннъ? развѣ ты куда нибудь торопишься? Поговоримъ еще немного. Богъ знаетъ когда мы опять увидимся!—Знаешь ли.» прибавилъ онъ послѣ краткой остановки, «что, чѣмъ больше я думаю о нашемъ положеніи, о нашихъ прежнихъ отношеніяхъ и о нашей разлукѣ, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что тебѣ должно ѣхать въ Гамбургъ. Побѣдай туда, милый мой: совѣтую тебѣ. Когда ты отпавишься?—Я думаю ѣхать въ Майѣ мѣсяцѣ. — Въ Майѣ? . . . а! я буду тогда въ Миланѣ ибо хочу остановиться въ Туринѣ; я люблю Пиемонтцевъ: это лучшіе солдаты въ цѣлой Италіи.—Ваше Величество, Король Италіи будетъ младшимъ братомъ Императора Французовъ (*).—А, ты помнишь то, что я когда-то сказалъ тебѣ въ Тюміери; но милый мой, мнѣ еще много осталось пути.—

(*) Я навѣкалъ этимъ на разговоръ, которой мы имѣли съ Наполеономъ въ первое время пребыванія нашего въ Тюміери. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ замыслахъ о восшествіи на престолъ, и я представилъ ему затрудненія, которыя могли встрѣтиться въ признаніи его старшими Царствующими домами Европы. «О, если только это,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «то я свергну ихъ всѣхъ съ престола и тогда буду самъ старшимъ.»

«Судя потому какъ вы идете, этотъ путь не слишкомъ будетъ длиненъ.—Длиннѣе чѣмъ ты думаешь; я вижу всѣ препятствія, но они меня не устрашаютъ. Англія вездѣ, и борьба со мною началась; я вижу что будетъ: вся Европа станетъ служить орудіемъ, то той, то другой сторонѣ, но главное дѣло существуетъ только между Англіею и Франціею.

«Кстати,» сказалъ мнѣ Императоръ перемѣнивъ предметъ разговора, ибо всѣмъ которые его хорошо знали, извѣстно что это *кстати*, было любимымъ его переходомъ отъ одного предмета къ другому и такъ сказать единственнымъ, который онъ употреблялъ. «Кстати, Буріеннъ, ты конечно слышалъ объ отъѣздѣ Жоберта и о его порученіи; что объ этомъ говорятъ?—Государь я слышалъ объ этомъ лишь очень неопредѣлительные толки; однакоже отецъ его, которому онъ ничего не сказалъ о цѣли своего путешествія, зная какъ я друженъ съ Жобертомъ, пріѣхалъ ко мнѣ въ надеждѣ, что я разсѣю безпокойство, причиняемое ему поѣздкою, которой онъ не зналъ срока. Послѣдній отъѣздъ его сына, сильно его встревожилъ; я отвѣчалъ ему что Жобертъ не болѣе сказалъ мнѣ какъ ему, что и точно правда. Но этому ты не знаешь куда онъ поѣхалъ? Извините, Государь, я очень хорошо это знаю. Какъ, чортъ возьми!...» воскликнулъ Бона-

«парте, вдругъ оборотясь ко мнѣ съ удивленіемъ. Могу вамъ поклясться что никто мнѣ объ этомъ не говорилъ: я самъ угадалъ. Получивъ отъ Жоберта письмо изъ Лейпцига, я вспомнилъ то, что Ваше Величество много разъ говорили мнѣ о видахъ своихъ на Персію и Индію. Я не забылъ нашихъ разговоровъ на востокѣ, ни великихъ намѣреній, которыя вы мнѣ тамъ сообщали для того, чтобы иногда празогнать скуку уединенія Каирскаго кабинета. Притомъ же мнѣ давно извѣстно ваше мнѣніе объ Амедѣ, о его преданности, искусствѣ и мужествѣ. По этому я убѣдился, что ему дано порученіе къ Персидскому Шаху.—Ты точно угадалъ; но прошу тебя Буріениъ, никому объ этомъ не говорить; сохраненіе этого втайнѣ, очень важно; Англичане сыграли бы съ нимъ дурную шутку, ибо они очень знаютъ, что противъ ихъ владѣній и противъ ихъ вліянія въ этихъ странахъ, устремляются мои виды.— Мнѣ кажется, Государь, что отвѣтъ, сдѣланный мною почтенному отцу Амедя, можетъ служить достаточною порукою моею скромности. Притомъ это было одно только мое предположеніе, и я не могъ бы ничего утверждать до тѣхъ поръ, пока Ваше Величество теперь сооблаговолитъ сообщить мнѣ объ этомъ.... Вамъ сто того, чтобы ѣхать въ Гамбургъ, если Вашему Величеству угодно, я догоню Жоберта,

«поѣду съ нимъ въ Персію и раздѣлю съ нимъ
«исполненіе этой порученности. — Какъ, ты бы
«согласился съ нимъ ѣхать? — Да, Государь; я
«очень люблю его; онъ прекрасный человѣкъ, и
«я увѣренъ что самъ онъ не подосадуешь на то,
«что я съ нимъ буду. — Въ самомъ дѣлѣ, Бурі-
«еннъ, это было бы не дурно; ты нѣсколько
«знаешь Востокъ; ты привыкъ къ тамошнему
«климату, ты бы помогъ Жоберту . . . однакожь
« . . . нѣтъ: Жобертъ долженъ быть уже далеко;
«я боюсь что ты его не догонишь; а притомъ
«у тебя многочисленное семейство; ты будешь
«для меня полезенъ въ Германіи; поѣзжай луч-
«ше въ Гамбургъ, тебѣ извѣстенъ этотъ край,
«ты очень хорошо знаешь по Нѣмецки: это бу-
«детъ лучше всего.»

Я видѣлъ, что Бонапарте хочетъ еще что-то
сказать мнѣ; мы ходили взадъ и впередъ по
залѣ, устроенной патромъ; вдругъ онъ остано-
вился, посмотрѣлъ на меня почти разстрогав-
шись и сказалъ: «Послушай Буріеннъ, ты дол-
«женъ оказать мнѣ услугу передъ отъѣздомъ мо-
«имъ въ Италію: ты бываешь иногда у жены
«моей, и это очень хорошо, прилично; ты слиш-
«комъ долго былъ въ нашемъ домѣ, для того
«чтобы во все его оставить; повидѣйся съ нею
«и постарайся еще разъ вразумить ее на счетъ
«ея безразсудныхъ расходовъ; я каждый день
«открываю новыя, и это меня терзаетъ. Когда

«я начну ей объ этомъ говорить, то сержусь, «выхожу изъ себя; она плачетъ, я прощаю ей, «плачу; она обѣщается, а на другой день начинаеть опять тоже самое. Еслибъ покрайней мѣрѣ я имѣлъ отъ нея ребенка! меня мучить то, «что я не имѣю дѣтей; я очень понимаю, что «положеніе мое утвердится только тогда, когда «у меня будетъ сынъ. Еслибъ меня не стало, то «ни одинъ изъ братьевъ моихъ не въ состояніи «заступить мое мѣсто; все начато; ничего не «кончено; Богъ знаетъ, чтобы произошло. Повидайся съ Юзефиною и не забудь того, что я «тебѣ говорилъ.»

Тутъ онъ опять развеселился, какъ это происходило нѣсколько разъ въ продолженіи нашего разговора, ибо гонимыя вѣтромъ облака пролетаютъ чрезъ горизонтъ не съ такою быстротою, съ какою мысли и разныя ощущенія Наполеона, смѣнялись въ умѣ его. Онъ отпустилъ меня, кивнувъ по своему обыкновенію головою, и видя его хорошее расположеніе, я сказалъ ему при выходѣ: «И такъ, Государь, вы услышите старый звонъ Бріенскаго колокола; я быюсь объ закладъ, что онъ болѣе доставитъ вамъ удовольствія чѣмъ Ровельскій. — «Правда ты правъ; ну, полно шутить, прощай!»

Вотъ воспоминанія, сохраненныя мною объ этомъ разговорѣ, который продолжился болѣе полутора часа, ходя взадъ и впередъ, ибо при

такихъ аудіенціяхъ Бонапарте былъ неуго-
мымъ, и я думаю, разговарывая проходилъ бы
цѣлой день, не замѣтивъ того; я разстался съ
нимъ, довольный какъ нельзя больше его прие-
момъ, и согласно съ его желаніемъ пошелъ къ
Г-жѣ Бонапарте, что по правдѣ сказать, я и
безъ того былъ намѣренъ сдѣлать.

Я нашелъ Іозефину съ Г-жею Ла Рошфуко,
которая давно была съ нею дружна, и за нѣ-
сколько предъ тѣмъ времени, получила званіе
Статсъ-Дамы при Императрицѣ. Г-жа Ла Рош-
фуко была очень милая, кроткая женщина, и
весьма правилась Іозефинѣ. Когда я сказалъ
Императрицѣ, что явился къ ней прямо отъ
Императора, то думая конечно, что я не стану
говорить ей такъ свободно въ присутствіи
третьяго, она сдѣлала знакъ Г-жѣ Ла Рошфуко,
которая удалилась. Мнѣ не трудно было дове-
сти разговоръ до того, что Наполеонъ поручилъ
мнѣ сказать Іозефинѣ, ибо она сама неумыш-
ленно завела о томъ рѣчь. Послѣ разнѣна нѣ-
сколькихъ незначительныхъ словъ, она сама
заговорила о запальчивости, съ которою Импе-
раторъ обонислся съ нею за два дня предъ
тѣмъ. «Написавъ къ вамъ вчера» сказала она, «о
вашемъ назначеніи и о томъ, что Бонапарте
«вѣроятно пригласить васъ къ себѣ, я надѣялась,
«что вы зайдете ко мнѣ отъ него; но я не думала,
«что онъ такъ скоро васъ потребуеть; еслибъ

«вы были еще принеми, Буріеннъ, то вы бы его суговорили. Не знаю, кто дѣлаетъ ему эти доносы; но право думаю, что есть люди, которые сездѣ стараются развѣдывать о моихъ долгахъ для того чтобы доносить ему о нихъ.»

Эти жалобы, столь кротко выраженные облегчили мнѣ затруднительность данного мнѣ пріуготовительнаго порученія, которымъ я вступалъ въ мою новую обязанность дипломата. Я пересказалъ Г-жѣ Бонапарте все, что мнѣ говорилъ Императоръ; напомнилъ ей первое дѣло въ 1,200,000 франковъ, которое мы уладили половиною этой суммы; и даже намекнулъ на данное ею тогда обѣщаніе. «Чтожъ мнѣ дѣлать,» сказала она; «развѣ это моя вина?» Іозефина произнесла эти слова съ искреннимъ убѣжденіемъ, которое дѣлало ихъ въ тоже время и трогательными, и забавными. «Мнѣ приносятъ прекрасныя вещи,» продолжала она; «показываютъ и хвалятъ мнѣ ихъ; я покупаю; денегъ съ меня не просятъ; а послѣ требуютъ уплаты «когда у меня нѣтъ денегъ; потомъ это доходитъ до его ушей и онъ сердится. Когда у меня сѣтъ деньги, то вы знаете, Буріеннъ, какое я дѣлаю изъ нихъ употребленіе: я отдаю большую часть ихъ несчастнымъ, которые просятъ у меня помощи, бѣднымъ эмигрантамъ. Ну я постараюсь быть бережливѣе; скажите это ему, если вы его увидите. Не обязана ли я какъ можно

больше всѣмъ помогать?» — Точно такъ, отвѣчалъ я, но позвольте замѣтить вамъ что ни въ чемъ не требуется столько разборчивости, какъ при оказаніи пособій. Еслибъ вы всегда находились на престолѣ, то вы могли бы полагать, что они всегда достаются несчастію, но вы не можете не знать, что ихъ чаще получаютъ пройдохи чѣмъ истинно нуждающіеся. Не могу скрыть отъ васъ, что Императоръ очень разгорячился коснувшись этого предмета, и что онъ поручилъ мнѣ переговорить съ вами. — «Не упрекали ли онъ меня еще въ чемъ нибудь?» — Ни въ чемъ, Государыня, вамъ извѣстна власть, которую вы надъ нимъ имѣете во всемъ, не касающемся его политики; позвольте же преданному вамъ и искреннему другу, не шутя просить васъ, не раздражать его на счетъ вашихъ издержекъ. — Буріеннъ обѣщаю вамъ это. Прощайтесь.»

Сообщая Іозефинѣ, то что мнѣ было поручено Императоромъ, я очень поостерегся тронуть другую струну, гораздо болѣе для нея чувствительную, чѣмъ самыя вспылчивыя выходки на счетъ ея издержекъ. Бѣдная женщина! я привелъ бы ее въ отчаяніе, еслибъ сказалъ хотя слово касательно огорченія, которое обнаружилъ мнѣ Бонапарте о томъ, что у него нѣтъ дѣтей; ибо она имѣла непреодолимое предчувствіе того, что нѣкогда должно было случиться. Виро-

чемъ Иозефина говорила правду, что не ся была вина въ томъ, что она такъ много издерживала; по крайнѣй мѣрѣ въ продолженіе всего времени, какъ я видѣлъ ихъ обоихъ въблизи, порядокъ и бережливость столь же были несовмѣстны съ нею, какъ умѣренность и терпѣніе съ Наполеономъ. Малѣйшее въ чемъ нибудь мотовство выводило его изъ себя, а въ этомъ отношеніи жена его не могла похвалиться тѣмъ, чтобы она его берегла. Съ какою досадою видѣлъ онъ еще жадность своихъ родныхъ къ богатству; чѣмъ болѣе Наполеонъ осыпалъ ихъ онымъ, тѣмъ они болѣе казались испасытными, кромѣ Людовика, котораго склонности были всегда честны и умѣренны; что касается до прочихъ членовъ его семейства, то они такъ надоедали ему своими требованіями, что онъ сказалъ однажды: «Право, послушавъ ихъ, иной бы подумать, что я промоталъ наше родовое наследство!»

Г Л А В А XVII.

Наполеонъ, согласный съ Вольтеромъ. — Позднія притязанія Римскаго престола. — Папа требуетъ Ачиню и Болоню. — Охлажденіе между Римомъ и Франціею. — Отъездъ въ Италію. — Пребываніе въ Стюппинсѣ. — Последнее свиданіе въ Туринѣ Императора съ Напою. — Александрія и обширные замыслы Наполеона. — Маренгское поле битвы и нарядъ. — Последний Генуезскій Дождъ. — Восторгъ Миланцевъ. — Бонапарте ночуетъ на постелѣ Карла Пятаго. — Присоединеніе Генуи къ Имперіи. — Непостижимая ошибка Дивника острова Св. Элены. — Связь Бонапарте съ Г-жею Грассини. — Первые неудовольствія Австріи и Россіи. — Сыравидливыя причины къ жалобамъ. — Стѣсненное положеніе Пруссіи. — Возвращеніе въ Парижъ и отъездъ въ Булонь. — Новые неосновательные слухи касательно высадки. — Роковая развязка морской битвы. — И припадеиъ на два дня къ Фуше. — Невѣроятная нескромность Министра. — Мнѣніе его о Бонапарте. — Сіесъ, Баррасъ, смерть Людовика XVI, Бурбоны и Бонапарте. — Побудительныя причины его поведенія во многихъ обстоятельствахъ. — Осмнадцатое Брюмера и Имперія. — Жестокій отзывъ о Юзефинѣ. — Приготовленія мои къ отъезду.

Вольтеръ, не помню гдѣ-то сказалъ, что можно цѣловать у Напѣ ноги, лишь бы у него

были связаны руки: не смотря на самое уваженіе Наполеона къ Вольтеру, Императоръ, вѣроятно вовсе не зная объ этой несчастливой шуткѣ мудреца прошедшаго вѣка, выполнитъ ее на самомъ дѣлѣ. Римскій дворъ подалъ ему къ тому случай, почти тотчасъ послѣ коронаціи. Папа, или лучше сказать Кардиналы, его совѣтники, думая что столь великое снисхожденіе, какъ пріѣздъ въ Парижъ, не долженствовало быть оказано даромъ, потребовали за оное, чрезъ переговоры, возмездія, котораго, зная лучше характеръ и политику Наполеона, они никогда бы не вздумали просить. Римскій дворъ потребовалъ возвращенія Авиніона, Болони и еще нѣкоторыхъ земель Италіи, бывшихъ прежде подъ его владычествомъ. Можно себѣ представить, какъ подобныя требованія были приняты Наполеономъ, особенно тогда, какъ онъ уже получилъ отъ Папы то, чего желалъ. Надобно признаться что Римскій дворъ, коего политика обыкновенно столь хитра и искусна, очень недовко поступилъ, что взялся за это послѣ коронаціи. Еслибъ это требованіе было заранѣе поставлено условіемъ пріѣзда Папы во Францію, то можетъ быть Бонапартъ и согласился бы отдать, — не Авиніонъ, въ этомъ я увѣренъ, но Италіянскія земли, которыя въ послѣдствіи онъ могъ бы опять взять обратно. Какъ бы то ни было, а эти запозда-

вѣя требованія, повелительно отринутыя, возродили между Пиемъ VII и Наполеономъ чрезвычайную холодность. Публика сначала этого не замѣтила, но у этой публики, которую несправедливо пренебрегаютъ, есть врожденное чувство разсудка, котораго нельзя обмануть и самою искусною политикою; и глаза увидѣли истину когда узнали, что Папа, короновавъ Наполеона Императоромъ Французовъ, отказывался свершить надъ нимъ этотъ же обрядъ по возстановленному Королевству Италіи.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа перваго Апрѣля дабы взять въ Миланѣ желѣзную корону и оставилъ Папу въ столицѣ, гдѣ этотъ послѣдній пробылъ нѣсколько времени. Продолженное присутствіе Святаго Отца въ Парижѣ имѣло вліяніе на обращеніе къ набожнымъ понятіямъ, столько то кроткая фізіогномія и ласковость Папы внушали къ себѣ почтенія. Когда наступило время гошеній, то для Бонапарте желательно было бы, чтобы Пій VII никогда не пріѣзжалъ въ Парижъ, ибо невозможно стало видѣть, что иное какъ жертву, въ человѣкѣ, котораго оцѣнили истинно Евангельскую кротость.

Бонапарте не слишкомъ торопился прибрать себѣ Италіанскую корону, зная что она не можетъ отъ него уйти. Онъ долгое время пробылъ въ Туринѣ, гдѣ останавливался въ вели-

колыномъ Стюинингескомъ дворцѣ, о которомъ можно сказать, что это Сен-Клу Королей Сардинскихъ, и который находится въ такомъ же разстояніи отъ столицы Нѣмонта, какъ Сен-Клу отъ Парижа. Я былъ въ немъ нѣсколько разъ съ Наполеономъ въ продолженіе его Италійскихъ походовъ, и именно при возвращеніи нашимъ изъ подъ Маренго. Сопутствовавшіе Императору друзья мои довольно рассказывали мнѣ объ этомъ путешествіи, для того чтобы у меня осталось нѣсколько воспоминаній, и думаю что нѣтъ человека, который не ощутилъ бы, подобно мнѣ, сколь удобно врѣзываются въ памяти событія, относящіяся къ мѣстамъ намъ извѣстнымъ. Я не буду говорить объ этихъ утомительныхъ празднествахъ, на которыхъ раболѣіе такъ искусно выказываетъ притворный восторгъ и о торжественныхъ вратахъ которыя вошло, такъ сказать, въ правила этикета, воздвигать при въѣздѣ въ города и въ деревни; всѣ эти сокровища градской и земской лести были подносимы Наполеону въ Италіи еще съ большію расточительностью, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ, ибо Италійцы, болѣе всѣхъ другихъ народовъ предаются вѣншнимъ изъявленіямъ восторга, которыя въ существѣ ни къ чему ихъ не обязываютъ. Императоръ очень ласкалъ Нѣмонгцевъ, конемъ онъ далъ Генераль-Губернаторомъ Генерала Мену, оставшагося на этомъ

мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ заблаго-разсудилъ учредить Генераль-Губернаторство за Альпійскихъ Департаментовъ для шурина своего Князя Боргезе, изъ котораго ему очень было трудно сдѣлать что либо иное, кромѣ Римскаго Князя.

Пробывъ въ Стоппинсѣ около трехъ недѣль, Императоръ имѣлъ время получить тамъ допесенія касательно порученности въ Бельгін и въ Булонскомъ лагерѣ, данной имъ одному изъ его Адъютантовъ, кажется Саварн. Бонапарте въ особенности желать, чтобы дѣйствіе его управленія было ощущаемо даже тамъ, гдѣ онъ не находился, и я помню, что въ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ передъ его отъѣздомъ, и который помѣщенъ въ предыдущей главѣ, онъ сказалъ мнѣ, что онъ бы очень желать если бы Англія повѣрила дѣйствительности его замысла высадки, и что для этого, надобно, для вида, поторопить приготовленія къ посаженію на суда войскъ. Онъ съ удивительною точностью назначилъ на какихъ судахъ, какіе именно полки и команды будутъ пересезены, такъ что даже сами тѣ, конемъ онъ поручалъ исполненіе этихъ приуготовленій и надзоръ за оными, были первые имъ обмануты.

Наполеонъ былъ еще въ Стоппинсѣ, когда Папа проѣхалъ чрезъ Туринъ на возвратномъ пути въ Римъ. Онъ отправился въ Туринъ для

последняго свиданія со Святымъ Отцемъ, оказывая ему величайшее уваженіе въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Изъ Туринна Бонапартъ поѣхалъ въ Александрію, гдѣ повелѣлъ начать огромныя работы, стоившія столько сокровищъ. Онъ неоднократно говорилъ мнѣ о намереніяхъ своихъ касательно этого города; ибо все что онъ свершилъ великаго сдѣлавшись Императоромъ, было только исполненіемъ предположеній родившихся въ умѣ его давно, когда будущее его возвышеніе могло казаться только мечтою или лучше сказать, потребностью его воображенія. Онъ сказалъ однажды при мнѣ Бертъ, во время пребыванія нашего въ Миланѣ послѣ Маренгскаго дѣла. «Съ Александріею я всегда буду господиномъ Италіи. Ес-
«должно сдѣлать первую крѣпостью въ мірѣ;
«надобно чтобы въ городѣ и въ цитадели могли
«помѣщаться сорокъ тысячъ гарнизона, съ про-
«довольствіемъ на шесть мѣсяцевъ. Если про-
«изойдутъ бунты, если Австрія вышлетъ силь-
«ную армію, то Французскія войска, запершись
«въ ней, продержаться въ случаѣ осады полно-
«да; а этого времени будетъ мнѣ достаточно,
«гдѣ бы я ни находился, для того чтобы на-
«пасть на Италію, разбить Австрійцевъ и за-
«ставить снять осаду Александріи.»

Находясь столь близко отъ Маренгскаго поля, Императоръ не пропустилъ посѣтить его,

и дабы придать болѣе торжественности этому посѣщенію, онъ сдѣлать тамъ смотръ всѣмъ Французскимъ войскамъ, находившимся въ Италіи; Раппъ послѣ сказывалъ мнѣ, что онъ нарочно привезъ съ собою изъ Парижа то самое платье и шляпу, которыя онъ имѣлъ на себѣ въ день этой достопамятной битвы, для того чтобы надѣть ихъ при посѣщеніи поля, на которомъ она происходила; при чемъ замѣтили что моль, которая столь же мало уважаетъ одежды великихъ людей, какъ черви тѣла ихъ по смерти, изъѣла нарядъ его, что однакоже не воспрепятствовало ему надѣть оный. Послѣ сего онъ отправился чрезъ Казаль въ Миланъ.

Тамъ то его ожидалъ самый блистательный пріемъ, который когда либо былъ ему сдѣланъ; но пребываніе его въ Миланъ означеновалось не одними только внѣшними изъясненіями восторга; послѣдній Генуезскій Дожъ Г. Дюраццо, пріѣхавъ туда прибавить еще листокъ къ Италіанской коронѣ, поднесъ Императору отъ имени свой Республики, коей онъ былъ представителемъ, просьбу о дозволеніи Генуезской Державѣ промѣнять свою независимость на знаменитую честь сдѣлаться Департаментомъ Французской Имперіи. Это предложеніе, какъ можно себя представить, было слѣдствіемъ заблаговременно приготовленныхъ кововъ; оно было принято съ покровительственнымъ благоволе-

ніемъ, и въ тоже время, какъ отчизна Андрея Дорін исключилась изъ списка Державъ, послѣдній Дождь ея былъ включенъ въ толпу Сенаторовъ. Этотъ городъ, нѣкогда столь богатый и гордившійся прозваніемъ *Великопняго*, сдѣлался Штабъ - Квартирою двадцать седьмой военной дивизіи. Императоръ самъ побѣхалъ принять его въ свое владѣніе и почевалъ во дворцѣ Дорін, на той самой постелѣ, на которой спалъ Карлъ Пятый. Послѣ сего онъ оставилъ тамъ Лебрёна съ титуломъ Генералъ Губернатора.

Въ Миланѣ Императоръ жилъ во дворцѣ Монца. Вытащили изъ подъ млыни старую желѣзную корону Королей Ломбардскихъ и церемонія этой новой коронаціи свершилась въ Миланскомъ кафедральномъ соборѣ, самомъ обширномъ храмѣ въ цѣлой Италіи послѣ церкви Св. Петра въ Римѣ. Взявъ эту корону изъ рукъ Архіепископа Миланскаго, Наполеонъ надѣлъ ее себѣ на голову и воскликнулъ: *Богъ далъ мнѣ ее; горе тому кто до нея коснется*; и это восклицаніе сдѣлалось девизомъ ордена Желѣзной Coronы, который Императоръ учредилъ тогда въ память коронованія своего Королемъ Италіи.

Наполеонъ былъ коронованъ въ Миланѣ, въ Маѣ мѣсяцъ 1805 года, и при этомъ случаѣ не могу не замѣтить столь же грубыхъ, какъ и непостижимыхъ ошибокъ, въ которыхъ На-

полеонъ не могъ впасть иначе какъ умышленно на островъ Св. Элены. Я читалъ въ Дневникѣ, что знаменитая пѣвица *Госпожа Грассини*, обратила на себя его вниманіе въ эпоху этой коронаціи. Потомъ Наполеонъ приводитъ будто бы сказанныя тогда этою женщиною ему рѣчи: «Тогда какъ я была во всемъ блескѣ моей красоты и моего таланта, я желала одного только вашего взгляда, и не могла получить его; а теперь вы обращаете на меня взоры, когда ужъ это не стоитъ труда, и когда уже я васъ болѣе не достойна.»

Признаюсь въ невозможности постигнуть, что могло побудить Наполеона къ выдумкѣ этой сказки. Онъ бы долженъ былъ вспомнить, что онъ видѣлся, и какимъ образомъ онъ видѣлся, то есть очень вблизи, съ Г-жею Грассини въ Миланѣ передъ отъѣздомъ своимъ подъ Маренго. Въ 1800 а не въ 1805 году онъ съ нею познакомился и мнѣ это очень хорошо извѣстно, ибо мнѣ нѣсколько разъ случалось пить чай втроемъ съ нею и съ Бонапарте, что меня не слишкомъ забавляло. Я даже помню еще другое обстоятельство. Въ ту ночь, какъ я разбудилъ Наполеона для сообщенія ему дурной вѣсти о сдачѣ Генуи, Госпожа Грассини также проснулась. Голосъ Госпожи Грассини приводилъ его въ восхищеніе; еслибъ необходимыя замятія дѣлами ему позволили, то онъ цѣлые

часы съ восторгомъ слушалъ бы ея пѣніе. Я истинно не вижу, для чего Наполеонъ старался выставить связь свою съ Г-жею Грассини нѣтъю годами позднѣе. Ему бы слѣдовало подумать, что этой выдумкѣ никто не повѣритъ и что она могла возбудить сомнѣніе на счетъ нѣкоторыхъ другихъ его показаній; ибо онъ очень зналъ, что въ Парижѣ живы еще многіе, которые видѣли и слышали тамъ Г-жу Грассини, когда по его волѣ она пріѣхала туда въ 1800 году. Я также не постигаю, что могло сдѣлать въ глазахъ его обстоятельства менѣе строгими, тогда какъ онъ былъ Императоромъ, чѣмъ тогда какъ онъ былъ Первымъ Консуломъ. Впрочемъ я бы не сталъ говорить о связи Наполеона съ Г-жею Грассини, еслибъ онъ первый не сдѣлалъ въ этомъ нескромности. Этого рода подробности конечно кажутся любопытными инымъ любителямъ соблазна; но совсѣмъ не такими открытіями, недостойными исторіи, я хотѣлъ придать занимательность моимъ Запискамъ; я позволилъ себѣ это сдѣлать одинъ только разъ, потому что случай, мною рассказанный произошелъ во время пребыванія нашего въ Египтѣ, и потому что свобода, возвращенная тогда обманутому мужу, показалась мнѣ восною хитростью довольно несомвѣстною съ обыкновенною важностью Британскаго характера; даже и теперь

я менѣ имѣлъ цѣлю напомнить любовное приключеніе Перваго Консула, чѣмъ поправить непонятную ошибку и выставить несправедливость странной рѣчи, вложенной имъ въ уста Г-жи Грассини.

Между тѣмъ, какъ Наполеонъ гордился въ Миланѣ своимъ двойнымъ царскимъ саномъ, въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ начали возрождаться противъ него неудовольствія, которыя я ниже опишу, и самъ онъ подалъ противъ себя справедливыя причины къ жалобамъ однимъ уже присоединеніемъ Генуи къ Имперіи, черезъ четыре мѣсяца послѣ сдѣланнаго имъ въ рѣчи Законодательному Корпусу торжественнаго объявленія, коимъ онъ предъ лицомъ Франціи и Европы обязался не искать никакого распространія земель; предлогъ добровольнаго приношенія со стороны Генуи, былъ слишкомъ грубъ для того, чтобы кого либо обмануть. Быстрый ходъ честолюбія Наполеона не могъ укрыться отъ Вѣнскаго Кабинета, который началъ показывать болѣе непріязни. Перемяна, произведенная въ формѣ Правительства Цизальпинской Республики, также была такого свойства, что могла подать поводъ къ ея справедливымъ представленіямъ со стороны Державъ, несовершенно покорныхъ игу Франціи. Онъ скрывалъ взятіе Генуи подъ именемъ приношенія, а завладѣніе Италіею подъ видомъ простой

перемѣны наименованія, и не смотря на эти явныя посягательства, защитники Наполеона всегда утверждали, будто бы онъ не хотѣлъ войны, и самъ онъ поддерживалъ это притязаніе на островъ Св. Елены; говорили будто бы онъ всегда былъ атакованъ, и изъ этого выводили заключеніе въ пользу любви его къ миру; но это требуетъ поясненія. Такъ, я согласенъ, что Наполеонъ никогда не выстрѣлилъ бы изъ ружья, еслибы всѣ Европейскія Державы, безъ всякаго сопротивленія, допустили обратъ себя одна послѣ другой; но не значило ли въ существѣ объявлять имъ войну, приводя ихъ въ необходимость прервать миръ, въ продолженіе коего онъ увеличивалъ свое могущество, и предавался порывамъ своего честолюбія, какъ бы въ посмѣяніе Европы. Въ этомъ смыслѣ, который одинъ только можно признать справедливымъ, Бонапарте принуждалъ другихъ ко всѣмъ вѣдѣннымъ противъ него войнамъ, кромѣ той, которая послѣдовала за Маренгскимъ миромъ и которую прекратила побѣда Моро при Гогенштинденѣ. На дѣлѣ онъ точно былъ атакованъ, и чрезъ то могъ предаваться удовольствію предпринимать свои великіе военные походы, не подвергаясь отвѣтственности въ случаѣ неудачи.

Продолжаю описывать обстоятельства поѣздки Наполеона въ Миланъ, хотя еще до прибы-

тія его въ Парижъ я отправился къ мѣсту моего назначенія въ Гамбургъ, но есть вещи, которыя нельзя отдѣлять одну отъ другой. Въ продолженіе пребыванія своего въ столицѣ новаго Италіянскаго Королевства, Императоръ получилъ первыя извѣстія о неудовольствіяхъ Австрій и Россій. Эти неудовольствія возродились съ давняго уже времени. Вступивъ въ должность мою въ Гамбургъ, я узналъ любопытныя подробности, которыя помѣщу ниже, о тайныхъ переговорахъ, предшествовавшихъ начатию непріязненныхъ дѣйствій. Даже и Пруссія не была чужда неудовольствій Россій и Австрій; не Король но Берлинскій Кабинетъ, коимъ управлялъ тогда Канцлеръ Гарденбергъ, ибо самъ Король Пруссскій всегда былъ того мнѣнія, что должно въ точности соблюдать договоры, даже еслибы условія оныхъ и были тягостны. Какъ бы то ни было, а Берлинскій Кабинетъ, хотя и недовольный въ 1805 году быстрымъ распространеніемъ Наполеонова честолюбія, долженъ былъ скрывать чувства свои подъ покровомъ тайны, ибо присутствіе Французскихъ войскъ въ Гановрѣ, его къ тому приуждало.

Возвращаясь изъ Милана, Бонапарте повелѣлъ воздвигнуть на большомъ Сен - Бернарѣ памятникъ Маренгской побѣды; Г. Денонъ который сопровождалъ Наполеону и которому сей пос-

лѣдній почти всегда поручалъ этого рода постройки, сказывалъ мнѣ, что послѣ многихъ бесполезныхъ стараній къ отысканію тѣла Дезе, которое Бонапарте хотѣлъ положить подѣ Маренгскимъ памятникомъ, Генералу Савари наконецъ удалось отыскать оное. И такъ можно считать за вѣрное, что прахъ добраго и храбраго Дезе лежитъ на вершинахъ Альпъ; но не бывавъ съ тѣхъ поръ въ Италіи, я не знаю на какомъ именно мѣстѣ горы воздвигнуть памятникъ.

Императоръ прибылъ въ Парижъ въ концѣ Іюня и тотчасъ опять отправился въ Булонскій лагерь. Тогда возродилась вновь увѣренность о близкомъ исполненіи высадки въ Англію; этому тѣмъ скорѣе повѣрили, что Наполеонъ приказалъ при себѣ сдѣлать нѣсколько опытовъ посаженія войскъ на суда, не имѣвшихъ однакоже дальнѣйшихъ послѣдствій; при этихъ обстоятельствахъ, роковое событіе очень подтвердило мысль, что нашъ флотъ гораздо хуже непріятельскаго. Французская эскадра, изъ пятнадцати кораблей, встрѣтилась въ морѣ съ Ангійскимъ флотомъ подѣ начальствомъ Адмирала Камдсера, имѣвшаго у себя только девять кораблей, и въ бою, долженствовавшемъ по всему рѣшиться въ нашу пользу, мы имѣли несчастіе потерять два корабля. Это новое путешествіе въ Булонъ, не болѣе какъ и прежнія

туда поѣздки, имѣю цѣль сдѣлать высадку, которой Наполеонъ призналъ, если не невозможность, то по крайней мѣрѣ безполезность; онъ хотѣлъ только вторично показаться, какъ Императоръ, украшенный новымъ его титуломъ Короля Италіанскаго, прекраснѣйшей и самой благоустроенной арміи, какой съ давняго времени не видали въ Европѣ. Онъ также хотѣлъ и въ этомъ имѣть полный успѣхъ, еще болѣе воспламенить восторгъ своихъ войскъ и осыпая пустыми угрозами Англію, чрезъ что онъ хотѣлъ отклонить мнѣніе отъ причины, побуждавшей его собирать огромныя полчища для вторженія въ Германію и отраженія Русскихъ войскъ, которыя начинали двигаться по направленію къ Австріи. Такова была настоящая цѣль послѣдней поѣздки Наполеона въ Булонь и мы дѣйствительно скоро увидимъ, что онъ вторгнется въ Германію и, чрезъ Аустерлицкую побѣду, сдѣлается повелителемъ Австрійской Монархіи, также какъ чрезъ Маренгскую, онъ сдѣлался властелиномъ Италіи.

Я давно уже находился въ Гамбургѣ, когда эти событія свершились, и ходъ ихъ любознательно было наблюдать; но я не долженъ забыть обстоятельство, лично до меня относящееся и которое переноситъ меня къ послѣднему времени пребыванія моего въ Парижѣ, откуда я уѣхалъ въ Маѣ мѣсяцѣ, какъ я то объявлялъ

Императору при послѣднемъ нашемъ свиданіи. Мое новое званіе Полномочнаго Министра поставило меня въ обязанность болѣе видаться съ людьми, чѣмъ въ то время, когда благоразуміе заставляло меня жить, какъ бы въ уединеніи. Я принялъ искреннія поздравленія отъ Дюрока, Раппа и Лористона, моихъ лучшихъ друзей при Императорѣ, и долженъ былъ часто видаться съ Талейраномъ, ибо должность моя принадлежала къ вѣдѣнію его Министерства. Такъ какъ Императоръ, при отпускной аудіенціи сказалъ мнѣ, что я также буду состоять въ сношеніяхъ съ Министромъ Главной Полиціи, то я отправился къ Фуше, который пригласилъ меня на нѣсколько дней въ номѣстье его Пон-Каре. Я счелъ обязанностью принять это приглашеніе; желая притомъ о многомъ съ нимъ потолковать и провелъ у него Воскресенье и Понедѣльникъ 28 и 29 Апрѣля.

Фуше имѣлъ съ Императоромъ сходство въ томъ, что онъ часто былъ очень нескромнъ; но онъ такъ прославился своею утонченною хитростью, что нескромность его вовсе ему не вредила. Въ немъ предполагали такую привычку скрывать свои мысли, что люди, не коротко его знавшіе, принимали правду за искусную приманку, когда она выходила изъ устъ его. Я такъ хорошо узналъ этого знаменитаго сановника, что никогда не смѣшивалъ его хит-

ростей съ нескромностями, и самое лучшее средство заставить его сказать больше чѣмъ онъ жемаль, состояло въ томъ, чтобы дать ему волю говорить, не прерывая его. Въ Нон-Каре было мало гостей и въ продолженіе двухъ дней, мною тамъ проведенныхъ, я имѣлъ съ Фуше нѣсколько разговоровъ, въ которыхъ, сколько было возможно, я предоставлялъ говорить ему одному. Фуше разсказалъ мнѣ многое о происшествіяхъ 1804 года и очень радовался тому, что онъ присовѣтовалъ Наполеону сдѣлаться Императоромъ. «Я не привизанъ въ особенности, сказалъ мнѣ Фуше, ни къ какой формѣ правленія; это все ничего не значить. Цѣлью Революціи не было ниспроверженіе Бурбоновъ; сначала хотѣли только исправленія злоупотребленій и уничтоженія предразсудковъ, но когда увидѣли что Лудовикъ XVI не имѣлъ твердости, ни для того, чтобы отказать въ томъ, чего онъ не хотѣлъ дать, ни искренно даровать то, что онъ по слабости своей обѣщаль, — то увидѣли, что Бурбоны не могутъ долѣе царствовать во Франціи, и дѣла дошли до того, что мы принужденными палились осудить Лудовика XVI и прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ. Вамъ извѣстно происшедшее до 18 Брюмера и послѣ того. Мы все поняли, что Республика — невозможная вещь во Франціи; а потому вопросъ ограничился тѣмъ, чтобы всеми возможными

способами утвердить на всегда удаленіе Бурбоновъ, а кажется что для этого не было лучшаго средства, какъ предоставить наслѣдіе ихъ престола другой фамиліи. За нѣсколько времени до 18 Брюмера, я имѣлъ съ Сіесомъ и съ Баррасомъ совѣщаніе, въ которомъ зашла рѣчь о томъ, чтобы въ случаѣ угроженія опасностью Директоріи, призвать обратно Герцога Орлеанскаго, я очень хорошо увидѣлъ, что Баррасъ, не слишкомъ себя выставляя, а говоря объ этомъ, только какъ о посягшемся слухѣ, за которымъ онъ совѣтовалъ мнѣ наблюдать, склонялся самъ къ этому мнѣнію; Сіесъ ничего не сказалъ и я рѣшилъ дѣло увѣривъ Барраса, что еслибъ этотъ слухъ пошелъ, то я былъ бы объ ономъ увѣдомленъ моими агентами и замѣтивъ ему, что возстановленіе престола для боковой отрасли, было бы неблагоразумнымъ дѣйствіемъ, которое могло бы только временно переменить положеніе людей, произведшихъ Революцію. Я общилъ объ этомъ свиданіи съ Баррасомъ Генералу Бонапарте, при первомъ разговорѣ моемъ съ нимъ послѣ возвращенія ванаго изъ Египта; я извѣдалъ его и ясно увидѣлъ, что при дряхлости, въ которой находился Директорія, это былъ именно тотъ человекъ, въ которомъ мы имѣли нужду и тогда я устроилъ дѣйствія Полиціи въ пользу возведенія его въ

верховный санъ Государства. Онъ скоро оказался неблагодарнымъ; вмѣсто того, чтобы дать мнѣ свою довѣренность послѣ оказаннаго мною ему содѣйствія, онъ вздумалъ хитрить со мною; онъ поручилъ нѣсколькимъ челоѣкамъ управленіе малыми Полиціями, конхъ малѣйшій недостатокъ состоитъ въ томъ, что онѣ безнолезны; большая часть ихъ агентовъ, были преданные мнѣ люди, которые руководствовались моими наставленіями при своихъ донесеніяхъ, и тогда я неоднократно видалъ какъ Первый Консулъ гордился открытіемъ мимо моего Министерства вѣстей, отъ меня происшедшихъ и которыхъ мнѣ было нетрудно доказать ему лживость. Признаюсь, что я далъ промахъ 3-го Пивоза, но есть ли въ мірѣ средство воспрепятствовать двумъ челоѣкамъ, немѣющимъ сообщниковъ, сговориться между собою и исполнить свой замыселъ? Вы видѣли Перваго Консула по возвращеніи его изъ Оперы; вы слышали какъ онъ горячился. Какое-то внутреннее внушеніе говорило мнѣ, что адская машина была дѣломъ Роллистовъ; онъ конечно и самъ былъ въ этомъ увѣренъ но тѣмъ не менѣе упорствовалъ въ осужденіи къ ссылкѣ сотни челоѣкъ, подъ однимъ только предлогомъ ихъ прежнихъ мнѣній. Не ужели вы думаете, что я не знаю сказаннаго имъ обо мнѣ и о голосѣ, который я подалъ въ Парламентъ Кон-

вентъ? Уже конечно не ему слѣдуетъ упрекать членовъ Конвента въ смерти Людовика XVI; чрезъ нее онъ достигъ короны; еслибъ не положеніе, въ которое мы были приведены этимъ событіемъ, сдѣлавшимся по обстоятельствамъ неизбежнымъ, то какалъ бы намъ была нужда до возвращенія Бурбоновъ? Вы сами вѣрно замѣтили, что Республиканцы не бывшіе въ Конвентъ, вообще болѣе насъ противились 18 Брюмеру; какъ напримѣръ Бернадотъ и Моро; ибо я утвердительно знаю, что Моро хотѣлъ возстать противъ Консульства и, единственно по слабости своей, принялъ на себя стражу надъ Директоромъ; я даже знаю, что онъ извинился предъ своими плѣнниками въ исполненіи имъ, возложенной на него порученности; это они сами мнѣ сказывали.»

Фуше вошелъ еще во многія подробности касательно своего поведенія и причинъ, конми онъ руководствовался въ томъ, что сдѣлалъ въ пользу Перваго Консула. Я не могу въ совершенной точности припомнить всего сказаннаго имъ мнѣ для того, чтобы привести здѣсь; ибо когда заставляешь говорить другихъ, то я считаю непремѣнною обязанностью впадать имъ въ уста только то, что они дѣйствительно сказали; но я очень хорошо помню что изъ всего слышаннаго мною отъ Фуше, я вышелъ ясное заключеніе, что Фуше во всемъ

дѣйствовалъ только для себя и не говоря мнѣ именно: «Я устроилъ заговоръ Жоржа, Пиннегро и Моро для того чтобы опять попасть въ Министры и чтобы утѣшиться въ томъ, что мнѣ не удалось открыть злодѣйство 3 Нивоза,» онъ совершенно утвердилъ меня въ основательности мыслей, изложенныхъ мною при описаніи кововъ, которые были устроены въ началѣ 1804 года. Онъ радовался, очень мало скрываясь, въ томъ что провела Ренье и принудилъ Бонапарте опять призвать его на службу; доказательствомъ же, что онъ старался сводить заговорщиковъ или скорѣе того, превращать недовольныхъ въ заговорщиковъ, было то, что онъ сказалъ мнѣ: «При тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми я обладалъ, вѣроятно, что оставшійся Министромъ, я бы предупредилъ заговоръ; но въ такомъ случаѣ Наполеонъ и теперь бы еще страшился соперничества Моро; онъ не былъ бы Императоромъ, а мы еще и донынѣ опасались бы возвращенія Бурбоновъ, чего благодаря Бога, теперь уже не боимся.»

Эти признанія Фуше несколько меня не удивили, и не должны удивлять тѣхъ, которые хорошо его знали. Я сказалъ, сколько онъ отъ природы былъ нескроменъ, каковымъ еще болѣе сдѣлался, послѣ успѣха его замысловъ. Тогда ужъ онъ не скрывалъ болѣе средствъ, имъ употребленныхъ, и увлеченный удоволь-

ствіємъ хвастать своею тонкостью, онъ охотно рассказывалъ объ оныхъ особенно тѣмъ, которымъ, подобно какъ мнѣ, они были нѣсколько уже извѣстны.

Въ бытность мою въ Нон-Карс, я не много сообщилъ Фуше подробностей касательно моей длинной отпускной аудіенціи у Наполеона; однакоже я счелъ нужнымъ увѣдомить его, что Императоръ уполномочилъ меня прямо относиться къ Его Величеству; я думалъ, дѣлая ему эту довѣренность, что скромность моя была бы бесполезна; ибо онъ скоро провѣдалъ бы истину чрезъ своихъ агентовъ, и этимъ я показалъ Фуше видъ довѣренности, которой онъ вовсе мнѣ не внушалъ. Я также сказалъ ему нѣсколько словъ на счетъ сожалѣнія Бонапарте о томъ, что онъ не имѣетъ дѣтей. Цѣль моя состояла въ томъ, чтобы узнать мнѣніе Фуше объ этомъ предметѣ. Я ощутилъ сильное негодованіе, когда онъ сказалъ мнѣ: «Желательно было бы чтобъ Императрица умерла; это устранило бы много препятствій. Рано или поздно, а ему придется взять жену, отъ которой онъ бы могъ имѣть дѣтей; ибо пока у него не будетъ дѣтей, то надобно опасаться чтобы смерть его не сдѣлалась знакомъ къ раздорамъ. Братья его ни къ чему неспособны, и тогда конечно возникнетъ новая партія въ пользу Бурбоновъ, что прежде всего должно

предупредить. Теперь они не опасны; однакоже имѣютъ еще дѣятельныхъ, усердныхъ агентовъ; городъ Альтона ими наполненъ, и вы будете окружены ими въ вашемъ мѣстопробываніи. Прошу васъ строго за ними наблюдать и подробно сообщать мнѣ о всѣхъ ихъ движеніяхъ и о малѣйшихъ поступкахъ. Такъ какъ они скрываются подъ всевозможными переодѣваніями, то вы должны усугубить вашу бдительность и завести себѣ надежныхъ шпионовъ; но берегитесь такихъ, которые служатъ обѣимъ сторонамъ, а ихъ въ Германіи множество.

Вотъ все, что я помню изъ разговоровъ моихъ съ Фуке въ Пон-Каре; я возвратился въ Парижъ сильно огорченный тѣмъ, что такой человекъ сказалъ мнѣ о Іозефинѣ, и началъ приготовляться къ отправленію въ Гамбургъ.

Г Л А В А XVIII.

Отъездъ мой изъ Парижа.—Составъ дипломатическаго Корпуса въ Гамбургъ.—Намѣреніе Короля Шведскаго меня похитить.—Письма, писанныя ко мнѣ Герцогами Брауншвейгскимъ и Мекленбургъ-Шверинскимъ.—Задержаніе курьера по приказанію Императора.—Сублинитская капитуляція.—Корыстолюбивая уступчивость Наполеона.—Приготовленія къ войнѣ.—Затруднительность моего положенія.—Дѣйствія, противорѣчащія моимъ инструкціямъ.—Польза коммерческихъ извѣстій.—Подробности данныхъ мнѣ наставленій.—Надзоръ за эмигрантами и за журналами.—Уничженіе Ганзейскихъ городовъ.—Прекшній торговый договоръ между Франціею и Англіею.—Книжка Коцебу.—Сдѣланныя Генералу Моро предложенія о вступленіи въ Русскую службу.

Я отправился изъ Парижа 20 Маія 1805 года. Пятаго числа слѣдующаго Іюня мѣсяца, я вручилъ мою вѣрительную грамоту Гамбургскому Сенату. Представителями онаго были Синдикъ Дорманъ и Сенаторъ Шютте. Г. Ренгартъ мой

предмѣстникъ выѣхалъ изъ Гамбурга 12 Іюня.

По прїѣздѣ моемъ въ Гамбургъ, представителями отъ Иностранныхъ Державъ были:

Графъ Ректеренъ отъ Испаніи: человекъ любезный, охотникъ хорошо пожить и въ такихъ лѣтахъ, когда желаютъ только наслаждаться жизнью.

Секретаремъ Посольства былъ Г. Романильось, человекъ тяжелый, дурно воспитанный, непріятный, говорящій плохо по Французски и охотникъ объясняться на этомъ языкѣ, что дѣлало его очень страшнымъ.

Баронъ Гротъ отъ Пруссіи: человекъ тщеславный, несносный говорунъ, гордящійся своими титулами и орденами; не имѣвшій способностей, но очень глбкій.

Баронъ д'Ейбъ отъ Даніи, человекъ совершенно ничтожный.

Г. Торнгоу отъ Англіи: война препятствовала мнѣ съ нимъ видѣться. Его считали очень хорошимъ человекомъ; послѣдствіа утвердили меня въ этой мнѣніи и доказали мнѣ, что онъ былъ благоразуменъ и свѣдущъ.

Г. Форманъ отъ Россіи.

Г. Гифферъ уполномоченный въ дѣлахъ Австріи: очень простой человекъ.

Г. Шубахъ, одинъ изъ честнѣйшихъ Гамбургскихъ купцовъ, былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Португаліи.

Голландія имѣла повѣреннымъ въ дѣлахъ Г-на Рейнольда: онъ былъ уменъ, но снѣсивъ и жеманенъ. Онъ въ послѣдствіи хорошо сдѣлалъ свою дорогу.

Я не могъ видѣть Г. Перрона, Шведскаго Министра: война тому препятствовала, что мнѣ очень было досадно; ибо объ немъ отзывались, какъ о человѣкѣ превосходномъ, умномъ и миролюбивомъ. Онъ отклонилъ Густава отъ намеренія меня похитить, какъ то сдѣлалъ Наполеонъ съ Г-мъ Румбольшомъ, Англійскимъ Министромъ при моемъ предѣстникѣ.

Владѣтельные Герцоги Мекленбургъ Шверинскій и Брауншвейгскій, которыми я сообщилъ о моемъ прибытіи въ качествѣ уполномоченнаго при нихъ Министра, написали ко мнѣ слѣдующія письма:

«Милостивый Государь,

«Императоръ Французовъ, вашъ Августѣйшій Государь, изъявилъ мнѣ свое особенное благоволеніе, уведомявъ меня письмомъ своимъ отъ 15 Апрѣля о выборѣ васъ въ Полномочные Министры при Нижне-Саксонскомъ округѣ и при мнѣ. Я не замедлилъ изъяснить ему многительную за сіе признательность и просилъ васъ, Милостивый Государь, не оставить сообщить ему прилагаемый при семъ отчетъ, а притомъ быть увѣреннымъ, что я постараюсь при всякомъ случаѣ доказывать

«вамъ отличное уваженіе, съ каковымъ пребуду,
и проч.

«ФРИДРИХЪ ФРАНЦИСКЪ.»

«Милостивый Государь,

«Я получилъ обязательное письмо, Вашего
«Превосходительства, которымъ вамъ угодно
«было извѣстить меня о вашей порученности
«въ Нижне-Саксонскомъ округѣ. Примите изъ-
«явленіе моей признательности; вступая съ ва-
«шимъ Превосходительствомъ въ сношенія, къ
«конмъ подасть мнѣ поводъ ваше новое званіе,
«я почту для себя лестнымъ изыскивать слу-
«чай для доказательства вамъ чувствъ совер-
«шеннаго уваженія, съ каковымъ я имѣю честь
«быть, и проч.

«КАРЛЪ, Герцогъ Брауншвейгскій.»

Вотъ новое доказательство сказаннаго мною
выше о непроизвольныхъ средствахъ, упо-
требляемыхъ Правительствомъ Наполеона. При-
бывъ въ Гамбургъ, я узналъ что Вѣнскій
куррьеръ, отправившійся въ Англію, былъ по
повелѣнію Императора, задержанъ въ лѣсу,
чрезъ который онъ проѣзжалъ; отобравъ у
него денегъ, ему связали руки и привязали
его къ дереву. Несчастный остался въ этомъ
ужасномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока одна
старуха, случайно проходившая мимо его, от-
вязала его и спасла ему жизнь.

Въ продолженіе шестилѣтняго пребыванія моего въ Гамбургъ, мнѣ никогда не давали подобнаго приказанія и конечно хорошо сдѣлали; ибо я никогда бы онаго не исполнилъ.

Генераль Вальмоденъ подписалъ Сублингенскую капитуляцію съ Маршаломъ Мортье, начальствовавшимъ въ Гановръ. Англійское Правительство отказалось утвердить оную, потому что въ ней было условлено, чтобы войска остались военно-плѣнными. Бонапарте имѣлъ двѣ причины смягчить это суровое условіе: онъ хотѣлъ удержать Гановръ въ вознагражденіе за островъ Мальту и, какъ средство обуздать и вѣрнѣе атаковать Пруссію, которой онъ уже началъ недоувѣрять. Онъ обезпечивалъ свое лѣвое крыло, когда бы пошелъ на Пруссію и двинулся бы къ Сѣверу. И такъ Мортье получилъ приказъ ограничить условія договора сдачею оружія, багажа, артиллеріи и лошадей. Англія употреблявшая наивеличайшія усилія для того, чтобы воспротивиться высадкѣ, коею она считала себя угрожаемою, истратила огромныя суммы на перевозку своихъ войскъ изъ Гановра въ Англію: никогда еще не было выдано такой поспѣшности. Въ транспортахъ оказался недостатокъ, и за нихъ платили необъятныя суммы. Многіе торговыя дома въ Гановръ обогатились, благодаря этой торопливости.

Въ эту эпоху, Императоръ Австрійскій не призналъ еще Наполеона Королемъ Италіанскимъ, хотя Посланникъ его и оставался въ Парижѣ. Австрія не могла безъ трепета видѣть его главою великой державы, Піемонта, присоединеннаго къ Франціи и Италіи, покоренной его законамъ съ самовластіемъ, которое заставляло страшиться слѣдствій его честолюбія. Съ этой минуты она стала поминать о войнѣ. Англія, которой очень было желательно устранить даже и угрозу высадки, подстрекала Австрійскій кабинетъ. Но я не думаю, чтобы Бонапарте былъ исключительно углубленъ въ свой притворный замыселъ тогда, какъ обнаружались непріязненные мѣры Австріи. Онъ ихъ желалъ, какъ то мною кажется достаточно доказано, и это ополченіе вскорѣ заставило его забыть, и безъ всякаго сожалѣнія, безполезныя и многоцѣнныя приуготовленія противъ Англіи.

По прибытіи моемъ въ Гамбургъ, я долженъ былъ, въ слѣдствіе данныхъ мнѣ наставленій, увѣрить что его Императорское Величество ручается за Конституцію и за спокойствіе Германіи, и что онъ считаетъ это обязательство священнѣйшимъ долгомъ. А между тѣмъ, едва только я вступилъ въ свою должность, какъ война начала опустошать Германію, а Континентальная система разорять всѣ торговые го-

рода. Я помнилъ что Бонапарте сказалъ мнѣ при последнемъ свиданіи: *Ты будешь полезенъ мнѣ въ Германіи, я илѣю на нее виды.* Это поставляло меня въ безпрестанное противорѣчіе съ моими увѣреніями въ дружбу и въ покровительство, отъ имени Французскаго Правительства. Городъ Гамбургъ, гдѣ я имѣлъ свое мѣстопробываніе былъ мѣстомъ, чрезвычайно способнымъ для наблюденій. Ниже увидятъ какія выгоды извлекалъ изъ него Императоръ во всѣхъ отношеніяхъ.

Опытъ давно уже доказалъ, что тайныя дѣла не легче узнаются при ихъ источникѣ. Даже часто слухъ о какомъ нибудь событіи распространяется вдали, между тѣмъ какъ слухъ сей вовсе неизвѣстенъ тамъ, откуда онъ происходитъ. Непосредственное вліяніе политическихъ происшествій на торговля обстоятельства дѣлаетъ купцовъ чрезвычайно внимательными. Торговля образуетъ изъ всѣхъ производящихъ опутъ, сословіе соединенное крѣпчайшими изъ всѣхъ узъ, общою выгодною; и купеческая перенеска часто доставляетъ изобильный источникъ самыхъ вѣрныхъ наблюденій и драгоценныхъ свѣдѣній, ускользающихъ отъ розыскныхъ агентовъ Правительства. Я много ими пользовался.

Я вознамѣрился познакомиться съ нѣкоторыми торговыми домами, имѣвшими наиболѣе

обширныя и частыя сношенія съ сѣверными Государствами. Я знаю, что пріобрѣтя ихъ довѣренность, мнѣ можно будетъ узнавать обо всемъ, что случится или произойдетъ важнаго въ Россіи, въ Швеціи, въ Англіи и въ Австріи. Я разумѣю подъ этимъ свѣдѣнія о переговорахъ, о трактатахъ, о военныхъ распоряженіяхъ, каковыя наборы войскъ, презыщающіе число оныхъ для мирнаго времени, движенія войскъ, устроеніе лагерей и магазиновъ, финансовыя дѣйствія, вооруженіе кораблей и много другихъ извѣстій, которыя очень часто не заключаая въ самихъ себѣ никакой важности, приводятъ на стезю того, что наиболѣе пужно открыть.

Впрочемъ я не былъ расположенъ сѣбно вѣрить всенароднымъ слухамъ и биржевымъ извѣстіямъ. Эти извѣстія часто бываютъ лжами, изобрѣтаемыми частною выгодною и жадностью барышей. Я твердо рѣшился давать имъ вѣру не иначе, какъ съ величайшею осторожностью, дабы не сообщить за истину пустыхъ сказокъ; эти вѣсти должно не иначе принимать, какъ свѣдѣнія для соображенія. Мнѣ было поручено наблюдать за эмигрантами, конми Гамбургъ и сосѣднія съ нимъ мѣста Мекленбургъ, Гановръ, Герцогства Брауншвейгское и Голштинское были наполнены но я долженъ сказать, что мнѣ предписывалось обратить вниманіе только на

тѣхъ, которые устраивали ковы и заговоры. Императоръ, между прочимъ, говорилъ мнѣ въ своихъ наставленіяхъ, что ему неугодно дабы эмигранты или кто бы то ни былъ, позволяли себѣ носить знаки прежнихъ *Французскихъ орденовъ*. Не думаю, чтобы мнѣ когда былъ случай за это взыскивать; но я этимъ и не занимался, какъ бесполезнымъ и глупымъ притязаніемъ. Мнѣ было приказано надзирать за Англійскими наборщиками и за путешественниками, которые чрезъ порты Тѣмнигенъ и Гузумъ, пріѣзжали изъ Англіи или туда отправлялись. Въ числѣ ихъ, какъ было сказано, находились лазутчики Британскаго кабинета. Я долженъ былъ развѣдывать, кто таковы эти люди и какую они имѣли цѣль.

Я долженъ былъ также наблюдать за общественнымъ духомъ и въ особенности за журналами, которые часто даютъ оному ложное направленіе. Я долженъ былъ поставлять на видъ всѣ статьи, которыя сочту заслуживающими порицанія. Сначала я дѣлалъ только словесныя представленія и жалобы, но не всегда могъ этимъ ограничиться, какъ ниже увидать. Вскорѣ я получилъ такія строгія приказанія, что противъ моей воли, простой надзоръ превратился въ притѣсненіе. Жалобы на журналы наполняли четвертую часть депешей.

Названіе *Державъ* не могло приличествовать,

въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, Ганзейскимъ городамъ. Они конечно считались членами общаго Германскаго Союза, но вліяніе ихъ въ ономъ было весьма ограничено. До XVII-го вѣка они имѣли нѣкоторое вліяніе, какъ области Нижне-Саксонскаго округа, который былъ очень обширенъ. Короли Пруссій и Англіійскій всегда отказывали въ допущеніи ихъ на общія совѣщанія. Съ 1682 года таковыхъ не происходило и Государи присвоили себѣ всю власть.

Разсматривая ихъ отдѣльно и относительно силъ ихъ, я также нахожу, что названіе Державъ имъ непримѣнимо.

Торговому договору, заключенному между Франціею и Англіею въ 1769 году и продолженному въ 1789-мъ еще на двадцать лѣтъ, оставалось существовать еще только четыре года. Опытъ скоро доказалъ мнѣ, что онъ во многихъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ и не обеспечивалъ Французамъ всѣхъ выгодъ, которыя по справедливости имъ бы слѣдовало получить. Я нѣсколько лѣтъ занимался собираніемъ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для предварительнаго составленія новаго договора, могущаго быть примѣнимымъ и къ двумъ другимъ Ганзейскимъ городамъ, съ которыми существовали, такъ сказать, только временныя условія. Труды мои были бесполезны въ продолженіе всего времени; пока при-

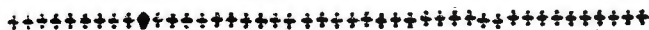
тѣснялись Ганзейскіе города, вовсе не думали о торговомъ союзѣ; еще того менѣе помышляли объ ономъ когда въ 1806 году ихъ заняли военною рукою, и вовсе перестали объ этомъ заботиться тогда какъ въ 1810 году, они сдѣлались частью великой Имперіи.

Я узналъ что побѣги во Французскихъ войскахъ расположенныхъ въ Гановрѣ, были весьма значительны. Я приказалъ задержать одного человѣка по имени Жокена, который убѣжалъ изъ Лонебурга и съ годъ жилъ въ Гамбургѣ; этого примѣръ прекратилъ побѣги.

Императоръ желалъ знать, что противъ него печаталось, вопреки всѣмъ усиліямъ его тому воспренятствовать. Я послалъ ему въ Маѣ мѣсяцѣ 1805 года, слѣдовательно въ самомъ скоромъ времени по прибытіи моемъ въ Гамбургъ книжку знаменитаго Коцебу, подъ заглавіемъ: *Воспоминанія о поѣздкѣ моей въ Неаполь и въ Римъ*. Это сочиненіе, напечатанное въ Берлинѣ было наполнено неблагопрістойными намеками и выходками противъ Императора.

Въ это время я достоверно узналъ, что Генералу Моро предлагали вступить въ Русскую службу, и что ему хотѣли дать двѣнадцать тысячъ рублѣй на путевыя издержки. Извѣстно, что уже гораздо позднѣе сего Моро принялъ эти предложенія.

Г Л А В А XIX.

Праздникъ, данный въ лагерь Короля Шведскаго.—Изображеніе Густава-Адольфа однимъ изъ его Министровъ.—Снисходительность къ Графу де ла Рокку.—Несправедливый доносъ на Г. Гароппа.—Многочисленные доносы отъ Фуше.—Четыре дуэля въ Гамбургѣ и оскорбленіе національной кокарды.—Опасное соседство Альтоны.—Г. де Жимель и Пруссійскій Министръ.—Статья, напечатанная въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ.—Жалоба моя Гамбургскому Сенату и отвѣтъ онаго.—Донысы, сдѣланные Бернадоту.—Сообщенныя мною свѣдѣнія.—Снисходительность и правосудіе Бернадота.—Офиціальныя и дружескія его письма.—Г. Мак-Магонъ, Ирландецъ.—Важныя свѣдѣнія о положеніи политическихъ дѣлъ, сообщенныя мнѣ Бернадотомъ.

Король Шведскій Густавъ очень любилъ заставлять о себѣ говорить. Онъ далъ въ это время большой праздникъ въ Шведскомъ лагерѣ. Шведскій Министръ показывалъ мнѣ собственноручное письмо своего Государя, съ повѣщеніемъ помѣстить въ газетѣ Корреспондентѣ всѣ подробности этого праздника.

27 Июня прїѣхалъ въ Гамбургъ Г. Булинны, назначенный въ Стокгольмъ вмѣсто Г. Окарица, который отпавился изъ Гамбурга 11 Июня въ Константинополь. Г. Окарицъ располагалъ пробыть не долѣе трехъ мѣсяцевъ въ этой столицѣ. Я имѣлъ съ нимъ продолжительныя бесѣды предъ его отъѣздомъ. Какъ мнѣ показалось, онъ не былъ доволенъ своимъ назначеніемъ. Мы часто разговаривали съ нимъ о Королѣ Шведскомъ. Г. Окарицъ очень порицалъ его поведеніе; онъ изображалъ его молодымъ безумцемъ, который не думая о томъ, что времена и вещи перемѣнились, хотѣлъ играть въ Европѣ ролю новаго Густавъ Адольфа. Онъ имѣлъ одно только его имя. Г. Окарицъ увѣрялъ меня, что Король вовсе не имѣлъ въ виду продавать своихъ солдатъ другой державѣ; что онъ пламенно желалъ, чтобы дѣйствовали, но въ особенности хотѣлъ дѣйствовать самъ. Г. Окарицъ рассказывалъ мнѣ о лагерѣ Короля Шведскаго съ наемщиною жалостью. Государь сей отослать обратно Королю Прусскому орденъ Чернаго-Орла, потому что онъ былъ данъ Первому Консулу. Мнѣ писали изъ Берлина, что Фридрихъ - Вильгельмъ очень оскорбился этимъ поступкомъ, который дѣйствительно столько же былъ неприличенъ, сколько обратная отсылка знаковъ Златаго-Орла, Людовикомъ XVIII Королю Испанскому, была прилична и благородна.

Густавъ-Адольфъ былъ безразсуденъ и вспыльчивъ. Онъ называлъ Бонапарте Господиномъ Наполеономъ. Впрочемъ онъ имѣлъ мужество, предприимчивость и рыцарскія качества. Безразсудства его и неудачи въ Гановрѣ были безъ всякаго сомнѣнія причиною его отреченія. 31 Октября 1805 года Государь сей издалъ противъ Франціи объявленіе войны, наполненное оскорбительными для особы Императора выраженіями. Г. Булиньи провелъ со мною большую часть десяти дней, которые онъ пробылъ въ Гамбургѣ. Онъ былъ увѣренъ что неосновательность Короля Шведскаго скоро доведетъ его до разрыва съ Испанією. Мы ниже увидимъ великіе подвиги Густава и послѣдствія оныхъ.

Эмигрантъ Графъ де Ла Роккъ, жившій въ Гамбургѣ, получалъ, какъ Англійскій агентъ, по четырнадцати луйдоровъ въ мѣсяцъ. Когда Г. де Ла Роккъ пріѣхалъ на время по дѣламъ своимъ въ Гановръ, то Маршалъ Бернадотъ, тамъ начальствовавшій, приказалъ было задержать его. Г. де Ла Роккъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшно возвратился въ Гамбургъ. Онъ предъявилъ свой гражданскій паспортъ, и съ этой минуты дѣлалъ что ему угодно, подъ несприкосновеннымъ званіемъ Гамбургскаго гражданина. Въ Іюль мѣсяцъ я получилъ отъ Французскаго Правительства приказъ, требовать высылки изъ Гам-

бурга Графа де Ла Рокка, котораго мнѣ описывали дѣятельнымъ агентомъ Бурбоновъ и шпіономъ Англіи, получающимъ за это плату. Г. де Ла Роккъ, удалясь въ Альтону, просилъ у меня свиданія для того, чтобы доказать мнѣ свою невинность. Онъ говорилъ мнѣ, *что онъ не побоялся сходить въ переговоры съ бунтовщиками и съ челоѣтьками низкаго происхожденія*. Это относилось къ письму, которое онъ, какъ его обвиняли, написалъ къ Г. Шаттаю и которое возбудило подозрѣніе. Я не отвѣчалъ ему, и это дѣло такъ осталось. Гордый дворянинъ присмирѣлъ.

Министръ Полиціи прислалъ мнѣ въ первыхъ числахъ Іюля доносъ противъ одного челоѣька, по имени Гаронна, который отправился изъ Парижа въ Гамбургъ и противъ котораго, по словамъ Министра, возникли сильныя подозрѣнія. Я отвѣчалъ Фуше, что мнѣ извѣстенъ одинъ только Александръ Гароннъ, водворившійся въ Гамбургъ, очень хорошій Французъ и пользующійся доброю о себѣ славою. Г-нъ же Гароннъ, (тотъ, на котораго былъ сдѣланъ доносъ) пріѣхалъ въ Гамбургъ 24 Іюля. Онъ явился ко мнѣ и представилъ законный паспортъ, данный ему Парижскою Префектурою Полиціи. Я оставилъ его въ покоѣ и его забыли.

Фуше закидывалъ меня письмами и пересылкою ко мнѣ доносовъ. Еслибъ я его слушался, то пришлось бы всѣхъ мучить. Онъ требовалъ у меня свѣдѣній о Гардскомъ уроженцѣ Ларозе, на томъ основаніи, что дѣвушка, по имени Розина Зимбенни объявила полиціи, что этотъ Ларозе, котораго отыскивалося семейство, убитъ въ Гамбургѣ на поединкѣ. Я отвѣчалъ, что мнѣ были извѣстны только четверо, умершіе такимъ образомъ: нѣкто Клеманъ, убитый Тарассономъ; Г. Дюнаръкъ убитый Лезардіемъ; Садремонъ, убитый Ревелемъ и еще четвертый, котораго я не зналъ, имени, убитый Лафондомъ. Этотъ послѣдній убитъ Лафондомъ вскорѣ по пріѣздѣ его въ Гамбургъ, но это былъ не тотъ, котораго искали.

Этотъ Лафонъ былъ Брабантскій уроженецъ и служилъ въ Британскихъ войскахъ; онъ обидѣлъ Француза за то, что тотъ имѣлъ на себѣ національную кокарду и далъ ему пощечину: не имѣю нужды сказывать что произошло по, какъ видѣли, палъ обиженный. Г. Рейнгартъ, мой предмѣстникъ, хотѣлъ было показать Лафонта, но Австрійскій Министръ потребовалъ его какъ подданнаго своего Государя, и его оставили въ покоѣ. Этотъ Лафонъ при мнѣ уже уѣхалъ въ Антверпенъ и поселился тамъ въ актеры.

Вообще, въ первые мѣсяцы по прибытіи моемъ въ Гамбургъ, я получалъ приказанія о задержаніи многихъ людей, которыхъ почти всѣхъ называли *опасными и негодными*. Когда я былъ увѣренъ въ живости обвиненія, то старался выиграть время, а кто выигрываетъ время, тотъ выигрываетъ все; забвеніе заступало мѣсто строгости и никто не жаловался.

При томъ же, эти приказы были почти всегда неудобноисполнимы. Обвиненные отпирывались изъ Гамбурга въ Альтону, такъ какъ изъ Тюліери, ѣздить въ Елисейскія поля. Мѣнѣе чѣмъ въ четверти милѣ отъ Гамбурга лежитъ городъ, имѣющій сорокъ тысячъ жителей, коего Президентъ и Начальникъ Полиціи, были преданы Англичанамъ. Я не могъ ничего требовать въ Альтонѣ иначе, какъ чрезъ Копенгагенъ; этотъ длинный и неизбѣжный объѣздъ дѣлалъ все мѣры недействительными. Я отказался отъ этого средства, и для меня, тотъ, кто былъ въ Альтонѣ, не былъ *слишкомъ близко* (*).

Иностранный титулъ или чинъ, также обеспечивалъ человека, преслѣдуемаго Парижскою Инквизиціею: Графъ де Жимель, о коемъ будетъ ниже упомянуто, отправился около этого времени въ Карлсбадъ. Графъ Гротъ, Прусскій

(*) Названіе Альтоны происходитъ отъ слова *alzu nahe*, *слишкомъ близко*

Министръ, часто со мною объ немъ разговаривалъ. Я изъявилъ опасеніе, чтобы Г. Жимель не былъ захваченъ; ибо противъ него существовали сильныя предубѣжденія: «Будьте покойны,» сказалъ мнѣ Г. Гротъ, «онъ воротился въ Гамбургъ съ чиномъ Англійскаго Полковника»

17 Іюля явилась въ газетѣ Корреспондентъ статья, очень оскорбительная для Франціи. Она была напечатана по требованію Его Британскаго Величества. Я получилъ отъ Императора повелѣніе на это жаловаться. Сенатъ отвѣтствовалъ, что онъ никогда не противился помѣщенію официальной статьи, если того требовало какое либо Правительство; что хула падаетъ на того, кто ее произноситъ; что отвѣтъ Французскаго Правительства будетъ также напечатанъ, даже безъ всякаго отъ него требованія; и что Сенатъ никогда не отступалъ отъ этого правила.

Я замѣтилъ Сенату, что я не вижу для чего *Корреспонденту* должно быть чужою трубою; Синдикъ отвѣталъ мнѣ: «Что двѣ сильныя Державы, могущія сдѣлать имъ много зла, требовали помѣщенія этой статьи и что они не могли въ томъ отказать.» (*)

(*) *Корреспондентъ* печатался въ эту эпоху въ числѣ 27,000 экземпляровъ, а въ послѣдствіи дошло до 60,000. Это былъ журналъ очень исправно издаваемый, дешевый и служившій

Независть иностранных Государей поощряла все оскорбительныя для Наполеона сочиненія; смерть Герцога Ангенскаго много содѣйствовала этой неависти. Этой истины не скрывалъ отъ меня ни одинъ изъ Министровъ или изъ знатныхъ иностранцевъ, проѣзжавшихъ чрезъ Гамбургъ или жившихъ тамъ. Негодованіе за это злодѣйство, было еще всеобщее. Король Шведскій отличался своею занальчивостію. Г. Веттерштадтъ, заступившій при этомъ Государѣ мѣсто Г на де Ла Гербиальеке, прислалъ къ Шведскому Министру въ Гамбургъ длинное письмо, какъ нельзя больше, оскорбительное для Наполеона. Это былъ отвѣтъ на статью напечатанную въ Мониторѣ объ отсылкѣ обратно Чернаго-Орла Королю Прусскому. Г. Пейронъ, Шведскій Министръ въ Гамбургъ, не одобрявшій многихъ дѣйствій своего повелителя, взялъ на себя сообщить въ Стокгольмѣ очень сильныя замѣчанія на счетъ дурнаго впечатлѣнія, которое произведетъ помѣщеніе этой статьи въ *Корреспондентъ*. Статья была нѣсколько измѣнена, но тотчасъ возвращена Г. Пейрону, съ именнымъ приказаніемъ напечатать оную. Я исходатайствовалъ у Сената иск-

отголоскомъ для всѣхъ странъ, гдѣ говорятъ по Нѣмецки. Словомъ сказать, въ мое время, онъ былъ лучшимъ средствомъ для обнародованія чего либо.

моченіе оной изъ газеты, и она не была напечатана.

Бернадоту допесали на людей очень почтенныхъ. Я собралъ о нихъ точныя свѣдѣнія, и удостовѣрился, что представленные ему доносы были совершенно лживы. Я извѣстилъ объ этомъ Бернадота, котораго я слишкомъ хорошо зналъ для того чтобъ быть увѣреннымъ, что онъ не захочетъ поступить съ неосмотрительностію. Онъ отвѣчалъ мнѣ:

«Вы очень милы и очень добры, любезный «Бургеннъ, тѣмъ что позаботились избавить «меня отъ непріятности сдѣлать малѣйшее не- «удовольствіе людямъ, которыхъ я уважаю.

«Монкабрие и Леветцау не были забыты. При- «лагаю росписку въ полученіи билета, прислан- «наго первому; росписки послѣдняго не оты- «скали, но я приказалъ выправиться точно ли «билетъ былъ ему врученъ.

«Другъ вашъ

«В. . . .»

Маршалъ Бернадотъ, начальствовавшій въ Ганноверѣ, имѣлъ со мною очень частыя сношенія въ слѣдствіе нашихъ старыхъ дружескихъ связей. Предметомъ нашихъ сношеній и нашей переписки не всегда были обязанности нашего званія, чему ниже увидятъ множество примѣровъ.

До прибытія моего въ Гамбургъ въ 1804 го-

ду, Маршалъ Бертье прислать къ Бернадоту двухъ Ирландцевъ въ Иніоны. Они употребить ихъ; но я узналъ, что одинъ изъ нихъ Мак-Магонъ, былъ болѣе иніонъ Англіи, чѣмъ вантъ. Освѣдомясь обстоятельно, я увѣдомилъ объ этомъ Маршала Бернадота. Изъ отвѣта его читатели увидятъ, что я не ошибался въ моихъ подозрѣніяхъ. Когда мы перестанемъ даваться въ обманъ этого рода людямъ? Не очевидноли, что тотъ, который болѣе имъ платитъ, всегда имѣетъ ихъ къ своимъ услугамъ? Вотъ первая часть письма Бертье:

«Имѣю честь увѣдомить васъ. Е. Маршалъ, что два живущіе въ Гамбургъ Ирландца Гг. «Дёрнентъ и Мак-Магонъ, конемъ сдѣланы отъ «Правительства значительныя предложенія съ «тѣмъ, чтобы они отправлялись во Францію извѣдать расположеніе ихъ бѣжавшихъ соотечественниковъ и виды Правительства, предлагають обратитъ это обстоятельство къ успѣху «намѣреній Франціи и дѣла соединенныхъ Ирландцевъ.

«Его Величеству угодно, чтобы вы воспользовались предложеніемъ этихъ двухъ Ирландцевъ, употребили бы ихъ для пріобрѣтенія «всѣхъ возможныхъ свѣдѣній и выдавали бы имъ деньги по вашему благоусмотрѣнію.

«Я пишу объ этомъ для болѣе скорости «къ Генералу Дессолю, командирующему за от-

«сутьствіємъ вѣдѣмъ Гановрскою армією; вы
«имѣете, Г. Маршаль сообщить ему съ вашей
«стороны приказанія и наставленія, которыя
«вы сочтете по сему предмету нужными для
«исполненія воли Императора.

«Имѣю честь вамъ кланяться.

«БЕРТЬЕ.»

Письмо Бертье было такъ положительно, что безъ свѣдѣній, сообщенныхъ мною Бернадоту, онъ былъ бы почти обязанъ употребить этихъ двухъ человекъ, предложенныхъ ему отъ Бертье. Но Бернадотъ не принялъ этого предложенія, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго письма его ко мнѣ:

«Я получилъ любезный Министръ, письмо
«ваше и заключающіяся въ ономъ свѣдѣнія;
«Благодарю васъ за вниманіе ваше при сообще-
«ніи мнѣ этихъ свѣдѣній.

«Я никогда не имѣлъ большой довѣренности
«къ способностямъ и къ вѣрности Мак-Магона;
«ему никогда не было поручаемо ничего важ-
«наго, и если я давалъ ему нѣкоторые способы
«къ существованію, то единственно потому, что
«онъ былъ мнѣ поручень Военнымъ Минист-
«ромъ, и потому что несчастное его положеніе
«возбуждало жалость; я сначала назначилъ ему
«по 400 франковъ въ мѣсяць, но увидѣвъ его
«ничтожность, убавилъ его содержаніе до 250,
«единственно для того чтобы дать ему пропи-

«таніе, ибо уже три мѣсяца, какъ онъ не показывался въ главную квартиру.

«Прилагаю присемъ конію съ письма ко смѣ отъ Военнаго Министра объ этомъ «Нрландцѣ.

«Я скоро надѣюсь имѣть удовольствіе увидѣться съ вами; я завтра отправлюсь для «обѣзда, и буду 7 или 8 числа въ Гамбургъ, «гдѣ надѣюсь лично засвидѣтельствовать вамъ «увѣреніе въ моей искренней привязанности.

«БЕРНАДОТЪ.»

При занятіи Гановра, Г. Тейлоръ, Англіійскій Министръ въ Кассель, былъ принужденъ оттуда, выѣхать; но онъ возвратился туда, не смотря на сопротивленіе Франціи. Вотъ подробности, сообщенныя мнѣ Маршаломъ:

«Я получалъ, любезный Буріеннъ, свѣдѣнія, «не оставляющія никакого сомнѣнія на счетъ «того, что произошло въ Кассель относительно «Г. Тейлора; Министръ сей былъ принятъ, не «смотря на представленія Г. Биніона, которымъ «по правдѣ сказать, были до сихъ поръ только «словесныя. Я знаю, что Курфирестъ писалъ въ «Лондонъ, прося чтобы Г. Тейлоръ не возвращал- «ся. Въ отвѣтъ на это, Англіійское Правитель- «ство прислало его обратно; нашъ Министръ «сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, что- «бы его опять выпроводить; но оставилъ это, «принявъ въ соображеніе отъ ожидаемаго Курфир-

«ста денежныя выгоды; онъ не хотѣлъ поссориться съ Дворомъ, отъ котораго требуетъ болѣе двѣнадцати миліоновъ франковъ. Правда, что вновь написали къ Британскому Министерству; самъ Курфиреть частнымъ письмомъ просилъ Англійскаго Короля объ отозваніи Г. Гейлора; но вѣроятно что Лондонскій Дворъ уклонится отъ неисполненія этого требованія.

«При этихъ обстоятельствахъ, войска наши приблизились къ Касселю. До сихъ поръ Гессингенская область была избавлена отъ военнаго постоя; новыя распоряженія, требуемыя недостаткомъ фуража, заставили меня послать эскадронъ Конныхъ-Егерей въ Мюнденъ, небольшой городокъ въ четырехъ миляхъ отъ Касселя. Это движеніе встревожило Курфирета; онъ изъявилъ желаніе чтобы дѣла были приведены въ прежній видъ, и просилъ Г. Биспона написать мнѣ объ этомъ; онъ поручилъ ему также повторить мнѣ, что онъ будетъ очень радъ со мною познакомиться на Немидорфскихъ горахъ, гдѣ онъ намѣренъ провести нѣсколько времени; но на этотъ счетъ я буду держаться того, что я вамъ говорилъ.

«Я полагаю, любезный Бургенъ, что вамъ будетъ пріятно узнать всѣ эти подробности; сообщаю вамъ оныя за весьма достовѣрныя.

«Обнимаю васъ »Б »

Стадъ, 10 Термидора (29 Июля 1805).

Дабы дать точное понятіе объ этой эпохѣ, я лучше счелъ представить читателю officialныя бумаги и дружескія письма, тогда мною полученныя, и конхъ подлинники у меня находятся, чѣмъ удовольствоваться извлеченіемъ происшествій, въ оныхъ заключающихся, думая что всякой предпочтетъ видѣть разсказъ самого очевидца извлеченіямъ, которыя конечно легко было бы сдѣлать, но въ которыхъ можетъ быть не нашли бы истины во всей простотѣ ея. Притомъ же я здѣсь представляю только родъ очерка первымъ впечатленіямъ, которыя произвели на меня событія, случившіеся въ началѣ пребыванія моего въ Гамбургѣ; я еще возвращусь къ дѣламъ и къ людямъ, о которыхъ теперь говорю очень сокращенно.

Г Л А В А XX.

Предположеніе о союзѣ между Англіею и Россіею.—Всеобщая увѣренность о близкой войнѣ.—Г. Форшманъ, Россійскій Повѣренный въ дѣлахъ.—Канитанъ Бретонъ, несправедливо подозрѣваемый. — Благородное поведеніе Бернадота.—Движенія Гановрской арміи. — Выходъ изъ Куксгагена.—Порученіе Дюроку въ Берлинъ.—Исхъ Дюрока.—Свѣдѣнія, требуемыя Г-мъ Лафоре, Французскимъ Министромъ въ Берлинъ.—Поспѣшное соединеніе Бернадотова корпуса съ большою арміею. — Нарушеніе поземельныхъ правъ Пруссіи.—Неудовольствіе этой Державы. — Вопросы Министра Польшы о Шведской Помераніи. — Неполученіе допесеній о движеніяхъ Россіянъ — Посылка агента для наблюденія за Балтикою. — Возрастающая неприязнь Россіи противъ Франціи. — Сбывшіяся предвидѣнія. — Высадка Шведскаго корпуса въ Стральзундъ.—Значительное пониженіе Гамбургскаго курса на Парижъ.

Въ началѣ Августа мѣсяца 1805 года была рѣчь о заключеніи договора между Россіею и Англіею. Еслибъ этотъ проектъ договора, былъ приведенъ въ исполненіе, то слѣдствія онаго

для Европы могли бы быть неисчислимы.

Въ эту эпоху никто на Сѣверѣ не сомнѣвался въ близкой войнѣ на твердой землѣ. Могу утвердительно сказать, что еслибъ самъ Наполеонъ не сдѣлалъ приступа къ войнѣ и заблаговременно не отказался бы отъ своихъ Булонскихъ съумазбродствъ, то Франція подверглась бы нападенію. Я не скрываю отъ его свѣдѣнія опасностей, угрожавшихъ моему отечеству; чему еще увидать доказательства.

Г. Форшманъ, Россійскій повѣренный въ дѣлахъ всѣчески старался возстановить противъ Франціи Европу, особенно Сѣверъ и Западъ оной.

Бернадотъ потребовалъ у меня свѣдѣній о Капитанѣ Бретошѣ, на котораго имѣли подозрѣніи. Онъ любилъ справедливость и не хотѣлъ заключать неблагопріятно о комъ бы то ни было, не удостовѣрившись въ винѣ его. Онъ написалъ мнѣ :

«Носылая вамъ любезный Буріеннъ, записку объ остальной части моего объѣзда, прошу васъ сдѣлать изъ нея условленное нами употребленіе.

«Я возвратился нѣсколько утомленный; я не потеряю изъ вида предметовъ, о которыхъ вы мнѣ говорили и немедленно займусь ими.

«Окажите мнѣ услугу, освѣдомясь вновь о сдѣлѣ, касающемся извѣстнаго вамъ Офицера Генеральнаго Штаба; онъ клянется честью,

«что ничего не получитъ и что сдѣланное про-
тивъ него обвиненіе, совершенно ложно; мнѣ
очень хочется привести въ ясность этотъ пред-
метъ и не имѣть болѣе по оному сомнѣній.

«Обнимаю васъ,

«БЕРНАДОТЪ»

Гершенгаузенъ, 20 Термидора.

Я написалъ ему все, что мнѣ было извѣстно
о Капитанѣ Бретонѣ, котораго по моему мнѣ-
нію несправедливо обвиняли. Бернадотъ тотчасъ
отвѣчалъ мнѣ, уведомивъ меня, что все кончено.

Гаповръ, 2 Фруктидора [20 Августа, 1805].

«Я получилъ, любезный Буріениъ, письмо
ваше и то, которое писалъ къ вамъ Капитанъ
«Бретонъ; благодарю васъ за полную довѣрен-
ность, оказанную вами мнѣ въ этомъ дѣлѣ.
«Мнѣ кажется, что онъ не былъ столь вино-
«венъ, какъ мы подозрѣвали и послѣнку вы
«скажете чтобы это кончилось, то объ этомъ
«не будетъ болѣе рѣчи. Вы можете отвѣчать
«Капитану Бретону, что вы писали мнѣ въ его
«пользу и что вы считаете все конченнымъ,

«Обнимаю васъ отъ некрѣпкаго сердца.

«БЕРНАДОТЪ.»

Движеніе Гаповрской арміи, занимавшей
большое пространство земли, принудили ее со-
средоточиться для того, чтобы быть ближе къ
линии военныхъ дѣйствій, которыя судя по об-

стоятельствамъ вскорѣ должныствовали произойти. Бернадотъ принужденнымъ нашелся вывести войска изъ принадлежащаго Гамбургу порта Куксгавена, который лежитъ при устьѣ Эльбы. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, дабы просить пособій у Республики, которой онъ давалъ уразумѣть, что войска выводятся для нея. Вотъ письмо его ко мнѣ по этому предмету.

Гановръ, 16 Фруктидора XIII года. (5 Сентября 1805).

«Вы справедливо дѣлаете мнѣ упреки, любезный Буріеннъ; я сначала и думалъ было извѣстить васъ о происходящихъ въ арміи движеніяхъ, но по истеченіи сутокъ, я рассудилъ, что вы и безъ того узнаете о происшедшемъ. Я сдѣлалъ предварительныя распоряженія для «сосредоточенія войскъ къ Вердену, а оттуда къ «Ганове; я также собралъ нѣсколько полковъ «въ Гёттингенъ. До сихъ поръ все ограничивается одними догадками; какъ только я узнаю «что нибудь положительное, то будьте увѣрены, «любезный Буріеннъ, что я васъ о томъ извѣдомлю; я чувствую, сколь для васъ важно знать «обо всемъ могущемъ здѣсь произойти. Такъ «какъ сдѣланное мною движеніе отдаляетъ меня «нѣсколько отъ Куксгавена, то можетъ быть, «что я выведу войска изъ этого поста; нельзя «ли вамъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, для того чтобы быть полезнымъ арміи: «полагаю что вы сдѣласте угодное Его Величе-

«ству, доставивъ пособія Его Гановрской арміи.

«Повторю вамъ, любезный Бурієннъ, увѣренія въ моей совершенной дружбѣ.

«БЕРНАДОТЪ.»

Передъ отъѣздомъ своимъ на Югъ Германіи, Маршалъ Бернадотъ написалъ мнѣ еще:

«Я только что получилъ, любезный Бурієннъ, письмо ваше съ Англійскими журналами; я «одного съ вами мнѣнія на счетъ дѣла, пропескнаднаго между нашими и непріятельскими «эскадрами (*); надобно подождать новыхъ извѣстій для того, чтобы знать на чемъ основаться.

«Я уже зналъ что извѣстное вамъ судно было задержано въ Куксгаветѣ: мнѣ прислали «все бумаги и свѣдѣнія, на ономъ имѣвшіяся; «однакоже прежде, чѣмъ стану просить дозволенія Министра о взятіи этого приза, я бы «желалъ, чтобы вы немедленно сообщили мнѣ «все свѣдѣнія, какія можно собрать о купцахъ «Шмидтахъ.

«Я уже послалъ къ вамъ записку объ остальной части моего объѣзда.

(*) Речь идетъ о сраженіи съ Кальдеромъ. Въ письмѣ моемъ къ Бернадоту, сделавшемуся потомъ Княземъ Понте-Корво, я предсказывалъ ему величайшія бѣдствія.

«Завтра буду отвѣчать вамъ на прочія статьи вашего письма.

«Обнимаю васъ

«І. БЕРНАДОТЪ»

Гершенгаузенъ, 22 Фруктидора (9 Сентября 1805).

Наполеонъ, вспомнивъ, что Дюрокъ поправился Королю Прусскому, когда онъ посылалъ его къ нему при Консульствѣ, отправилъ опять Дюрока, дабы успокоить сего Государа, который сильно жаловался на нарушеніе поземельныхъ правъ Аппшаха, который, исполняя волю Наполеона, Бернадотъ не могъ уважить. Дюрокъ пробылъ около полутора мѣсяца въ Берлинѣ.

Изъ слѣдующаго письма увидятъ, что свобода проезда чрезъ Гессенъ, казалось оправдывала второе нарушеніе поземельныхъ правъ Пруссіи; но большая была разница между незначительнымъ Гессенскимъ Принцемъ и Пруссією.

«Посылаю тебѣ, любезный Буріениъ, двѣ депеши, мною на твое имя полученныя; Г. «Талейрантъ, доставя ко мнѣ оныя, поручилъ мнѣ просить тебя объ отправленіи вѣрнымъ путемъ приложеннаго пакета къ Генералу Виктору.

«Не знаю, долго ли еще я пробуду въ Берлинѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, мною полученнымъ, Императоръ все еще находится

«въ Парижѣ, и многочисленныя арміи собираются на Рейнъ; надежда на миръ болѣе и болѣе ослабѣваетъ и Австрія всѣми силами тому содѣйствуетъ.

«Я получилъ извѣстіе отъ Маршала Бернадота; проходъ его въ Гессенъ произведенъ весьма успѣшно; Курфирстъ оказалъ паче всего возможное благоволеніе и обязательность; Маршалъ Бернадотъ очень его хвалитъ.»

Къ этому письму была приложена слѣдующая записка, руки Г-на де Лафоре, Французскаго Министра въ Берлинѣ:

«Желательно имѣть военное росписаніе 1805 года, Австріи и Россіи, содержащее въ себѣ наименованія и раздѣленія полковъ и командъ, всѣхъ оружій, составляющихъ силы сихъ двухъ державъ, имена Генераловъ и Штабъ-Офицеровъ, списокъ крѣпостямъ и проч.

«Что касается до Австріи, то ея военный календарь печатается каждый годъ у Гринфа младшаго.

«Нужно бы достать новыя военныя постановленія Русскіе и Австрійскіе; касательно нынѣшняго состава ихъ войскъ и новыхъ наборовъ; числа баталіоновъ и эскадроновъ въ полку; числа ротъ въ баталіонахъ; числа людей въ эскадронахъ и въ ротахъ, въ мирное и въ военное время.

«Свѣдѣнія сія нужно достать по крайней мѣрѣ въ двухъ экземплярахъ.»

Соединеніе съ арміею Императора корпуса, предводительствуемаго Бернадотомъ, доставляло Наполеону слѣшкомъ много выгодъ для того, чтобы онъ не далъ ему приказанія, идти къ нему какъ можно скорѣе и кратчайшимъ путемъ. Надобно было поспѣть къ Аустерлицкому сраженію; Густавъ, Король Шведскій, всегда отличавшійся своею предпримчивостію, хотѣлъ собрать армію, составленную изъ его войскъ, изъ Прусаковъ и изъ Англичанъ; и конечно, сильная атака на Сѣверъ, не позволяла бы Бернадоту оставить берега Эльбы и Везера, и идти для усиленія большой арміи, шедшей къ Вѣнѣ. Но этотъ союзъ ограничился одною только осадою небольшой крѣпости Гамельна. Пруссія не хотѣла еще сдѣлать разрыва и Король Шведскій, будучи оставленъ другими, еще болѣе возбудилъ противъ себя негодованіе Наполеона. Эта неудача Короля Шведскаго не мало содѣйствовала къ отчужденію отъ него его подданныхъ, они старались мести Наполеона, которую могли привлечь на нихъ неистовую ярость Густава, его съумазбродные замыслы и брань, которую онъ повсюду распространялъ противъ Наполеона, особенно послѣ смерти Герцога Ангенскаго.

Я получилъ, 15 Сентября 1805 года, отъ Министра Полиціи письмо, которымъ онъ требовалъ у меня свѣдѣній о Шведской Помераніи.

Удивляясь не полученію отъ Консуловъ въ Любекѣ и въ Штетинѣ, никакихъ допесеній о движеніяхъ Русскихъ, я послалъ въ эти порты, за четыре дня до полученія вышеупомянутаго требованія, вѣрнаго агента для наблюденія за Балтикою. Консулы не подавали никакого знака жизни. Хотя мы находились не далѣе 64 миль отъ Стральзунда, а извѣстія безпрестанно одно другому противорѣчили; достовѣрно только было, что въ эту эпоху опасались высадки Русскихъ въ Стральзундѣ, или въ Травемюнде Любекскомъ портѣ, при устьѣ небольшой рѣчки Травы. Мнѣ было извѣстно, что Россія наняла для отплытія въ эти порты множество судовъ.

Ненависть противъ Франціи продолжала обнаруживаться и еще болѣе возрастать на Сѣверѣ Европы. Въ концѣ Сентября, явилась въ Киль, въ Даніи, сатира, которой цѣлое изданіе въ мигъ было разкуплено; это походило на горячку. Сатира сія очень хорошо написанная, открыто и съ изступленіемъ проповѣдывала крестовный походъ противъ Франціи. Не должно было, по мнѣнію автора, падить крови нѣсколькихъ миліоновъ людей, для того чтобы унижить ее и принудить войти въ предѣлы древней Монархіи. Эта сатира была съ изобиліемъ

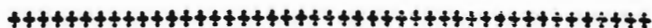
разиространаена въ Нѣмецкихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Франціи, въ Голландіи и въ Швеціи. Это множество возмутительныхъ сочиненій, повсюду являвшихся, слишкомъ возвѣщало, что сѣверные народы, откинутые на сѣверъ Европы, сами откинуть къ Югу своихъ побѣдителей и ни одинъ разсудительный человекъ не могъ усомниться въ томъ, что Французскіе ормы, водруженные на иноземныхъ столицахъ, будутъ нѣкогда замѣщены въ Парижѣ чужестранными знаменами. Я всякой день посылалъ мои донесенія, но что могли сдѣлать донесенія противъ честолюбія, котораго ни что не въ состояніи было удовлетворить до тѣхъ поръ, пока всѣ Государи Европы не сдѣлались бы *младше* Наполеона.

30 Сентября 1805, я получилъ съ эстафетой извѣстіе о высадкѣ въ Стральзундѣ шести тысячъ Шведовъ, прибывшихъ изъ Стокгольма на двухъ военныхъ корабляхъ.

Въ концѣ Сентября въ Гамбургскомъ курсѣ на Парижъ произошло пониженіе, дѣйствительно странное; онъ упалъ до 20 процентовъ потери на сто и остановился на 17-ти. Это пониженіе курса было произведено столь же безразсудно какъ и злобно, торговымъ домомъ Ози и компаніи. Начальникъ этого дома Голландскій эмигрантъ, поселился въ Гамбургѣ шесть лѣтъ тому назадъ. Онъ не пропускалъ ни одного слу-

чая обнаруживать ненависть свою противъ Франціи. Контора, которую этотъ богатый домъ имѣлъ въ Роттердамѣ, также была къ намъ очень враждебна, изъ чего можно заключить, что если многіе люди подчиняютъ свои политическія мнѣнія выгодамъ, то есть нѣкоторые, жертвующіе своими выгодами торжеству своего мнѣнія.

Г Л А В А XXI.

Истребленіе первой Австрійской арміи.—Взятіе Ульма.—Перепечатаніе газеты *Корреспондентъ*.—Неудовольствіе Императора за солдатскія рѣчи.—Успѣхи Наполеона.—Графальгарское бѣдствіе.—Письмо Дюрока о положеніи его при Прусскомъ Дворѣ.—Вооруженія Пруссіи и линія нейтралитета.—Оскорбительная статья, напечатанная въ *Корреспондентѣ*. — Затрудненіе Гамбургскаго Спидика и Бургомистра.—Опасеніе гнѣва Наполеона. — Мнѣніе объ этомъ дѣлѣ Министровъ Шведскаго и Англійскаго.

23 Октября 1805 года я получилъ съ эстафетою извѣстіе о совершенномъ истребленіи первой Австрійской арміи. Генераль Барбу, находившійся въ Гаповрѣ, также сообщилъ мнѣ эту новость слѣдующими словами: «Первая Австрійская армія «перестала существовать» Онъ этимъ намекалъ на блистательное Ульмское дѣло. Я тотчасъ отправилъ двѣнадцать курьеровъ, въ томъ числѣ въ Стральзундъ и въ Гузумъ. Я думалъ эти

чудеса, невѣроятныя для тѣхъ, которые не знали еще военнаго генія Наполеона, остановятъ Русскія войска и произведутъ какую нибудь черемшну въ движеніяхъ непріятельскихъ силъ. *Корреспондентъ* былъ перепечатанъ съ этимъ извѣстіемъ; его тиснули шестью тысячами экземпляровъ болѣе, и они были проданы въ четверо противъ обыкновенной цѣны.

Не стану утомлять читателей всеми стратегическими подробностями сдачи Ульма: объ этомъ предметѣ существуетъ множество описаній; скажу только что Французскій Генераль, проѣзжая предъ фронтомъ солдатъ своихъ, сказалъ имъ: «Пу товарищи, какое множество «плѣнныхъ!—Правда,» отвѣчалъ ему одинъ изъ солдатъ, «мы никогда еще не видали столько «бездѣльниковъ.» Говорятъ, и я вѣрю, что Императоръ очень разсердился и сказалъ, что безчестно оскорблять такимъ образомъ храбрыхъ людей, которымъ жребій оружія не благопріятствовалъ.»

Читал исторію этой эпохи замѣчая, что все сосредоточивалось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Наполеонъ находился. Дѣла Европы производилъ въ его главной-квартирѣ, и онъ велъ ихъ въ Парижѣ. Все зависѣло отъ успѣховъ или отъ неудачъ. Геній его вслѣдствіи старался привлечь фортуна къ своей арміи. Шпіонство, обольщенія, притворныя увѣренія въ мирѣ, притѣ-

сненія слабыхъ народовъ все было имъ употребляемо для доставленія успѣха своимъ замысламъ. Но, возбуждая неудовольствіе своимъ самовластіемъ и угрожая независимости другихъ Государствъ непрерывными посягательствами, онъ болѣе и болѣе вооружалъ противъ себя умы.

Въ продолженіе этихъ блистательныхъ успѣховъ, и когда онъ находился въ Вѣнѣ, почти въ самый день сдачи Ульма, произошло Трафальгарское бѣдствіе. Южные берега Испаніи были, свидѣтелями битвы тридцати одного Французскаго корабля противъ почти такого же числа Англійскихъ кораблей, и не смотря на это равенство въ силахъ, Французскій флотъ былъ уничтоженъ: двадцать кораблей погибло.

Эта великая битва представила свѣту новое доказательство плохаго состоянія нашего флота, какъ по вооруженію, такъ и въ управленіи онымъ. Адмиралъ Кальдеръ далъ намъ урокъ, который довѣршилъ Нельсонъ, но сей послѣдній заплатилъ за него жизнью. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ Дюрокомъ, храбрость доставила Французамъ минутную надежду; но они уступили превосходству морской тактики Англичанъ. Эта побѣда совершенно разстроила наши морскія силы и положила конецъ всѣмъ надеждамъ попытки противъ Англіи.

Остатокъ благоволенія Короля Прусскаго къ

Дюроку ужасъ при полученіи извѣстія о переходѣ корпуса Маршала Бернадота чрезъ Маркграфство Анипахское. Современныя сочиненія согласны на счетъ справедливаго гнѣва, возбужденнаго этимъ нарушеніемъ поземельныхъ правъ въ Король Прусскомъ; но слѣдующее письмо Императорскаго приверженца, внушенное довѣренностью и дружбою ко мнѣ, дастъ точное понятіе о событіяхъ. Агенты, которыхъ я имѣлъ въ этой сторонѣ, сообщали мнѣ только подробности о буйствахъ, производимыхъ Французами при этомъ переходѣ Маркграфства. Вотъ какъ Дюрокъ его оправдываетъ.

«Я получилъ, любезный Буріенъ, письмо отъ 13 Вандеміера съ двумя приложенными къ оному вѣдомостями. Мы были здѣсь счастливы; мы достали Австрійскій военный календарь 1804 года; его очень легко было купить чрезъ Голландскаго Посланника. Если мы въ этомъ запоздали, то тѣмъ доказывается наша искренность. Должно надѣяться, что этого впредь не случится, и что мы вознаградимъ потерянное время. Всѣ получаемыя мною изъ большой арміи извѣстія, какъ о числѣ ея, такъ и о составѣ, превосходны. Я со дня на день ожидаю увѣдомленія о большомъ движеніи, которое должно было произойти, и которое будетъ отчасти рѣшительно, если Австрійцы не

«разсудить отступить. Если ихъ хорошенько
«поколотятъ въ первой ихъ позиціи, то возмутъ
«много пленныхъ и съ этою арміею дѣло бу-
«детъ кончено; она уже болѣе не возстанетъ не
«смотря на таланты Г. Мака.

«Корпусъ Маршала Бернадота прошелъ чрезъ
«Аншпахскую область и по недоразумѣнію, это
«движеніе,—вѣроятно сдѣланное по причинамъ
«необходимымъ, но здѣсь неизвѣстнымъ—сочте-
«но въ Берлинѣ оскорбленіемъ, нанесеннымъ
«Королю и насиліемъ, сдѣланнымъ его нейтра-
«литету. Какъ предполагать, чтобы Императоръ,
«особенно при этихъ обстоятельствахъ, могъ по-
«думать о томъ чтобы оскорбить своего друга,
«или причинить ему насиліе? Сверхъ того до-
«несенія были преувеличены и сдѣланы людьми,
«болѣе любящими нашихъ непріятелей, чѣмъ
«насъ. Впрочемъ я конечно знаю, что 70,000
«солдатъ Маршала Бернадота не 70,000 дѣву-
«шекъ. Какъ бы то ни было, а это едва не
«сдѣлалось очень пагубнымъ; и по крайней мѣрѣ
«причинило намъ много вреда. Мы съ Лажоре
«это больше всѣхъ почувствовали; и съ нами
«очень сурово обходятся, хотя мы вовсе того
«не заслуживаемъ. Пруссія вѣроятно не забудетъ,
«что одна только Франція принимала уча-
«стіе въ ея славѣ и распространеніи, и что она
«одна можетъ и впредь принять въ этомъ уча-
«стіе.

«По полученіи извѣстія, что Русскіе, высла-
женные въ Стральзундъ, двинулись для напа-
денія на Гановръ, я предупредилъ начальст-
вующаго тамъ Генерала, чтобы онъ принялъ
«свои мѣры осторожности. Если ты что нибудь
«узнаешь, то сообщи ему. Гамбургъ очень пе-
«ремѣнился, если въ немъ нѣтъ больше дур-
«ныхъ книгъ. Когда ты получишь двѣ изъ
«Лондона и если я буду еще здѣсь, то присыл-
«кою одной ты много меня обяжешь.

«Прими увѣренія въ мой дружбѣ,

«ДЮРОКЪ.»

11 Вандеміера (19 Октября 1805).

Въ концѣ Октября, Король Пруссій, вовсе
не думая о началѣ войны, по нѣмъ средствъ
сдѣлать ее какъ можно менѣе бѣдственною,
еслибъ она произошла, вознамѣрился учредить
нейтральную линію. Это было началомъ сис-
темы *Сѣвернаго Союза*, о которой онъ въ по-
слѣдствіи возымѣлъ мысль. Дюрөкъ, опасаясь,
чтобы Русскіе не вступили въ Гамбургъ, дру-
жески совѣтовалъ мнѣ взять предосторожно-
сти. Находясь на самыхъ мѣстахъ и зная обо
всѣхъ движеніяхъ малыхъ отдѣльныхъ отря-
довъ, я не имѣлъ ни малѣйшаго безпокойства;
но тѣмъ не менѣе сохранялъ память объ этомъ
доказательствѣ дружбы ко мнѣ Дюрөка.

«Тебѣ посланы, любезный Буріеннъ,» гово-

рнѣ мнѣ онѣ, «копіи съ бюлетеней, полученныхъ нами изъ арміи. Мы все еще находимся въ ожиданіи важныхъ извѣстій; ибо намъ было объявлено о большой битвѣ, которая не произошла такъ скоро, какъ полагали. Мы знаемъ, что пріобрѣтены нѣкоторыя небольшія выгоды. Достоверно, что Пруссія не воспротивится переходу Русскихъ чрезъ Мекленбургъ и чрезъ Гановръ, кою она хочетъ занять южную часть для того, чтобы соединить свои разбросанныя владѣнія и учредить на сѣверѣ свою нейтральную линію.

«И такъ Русскіе, прошедъ изъ Бременскаго Герцогства въ Ольденбургъ, могутъ атаковать Голландію отъ Аремберга; съ другой стороны Гессенъ и Саксонія будутъ включены въ нейтральную линію Пруссіи, для коей составляютъ разныя арміи. Что будетъ съ Гамбургомъ? Я нужнымъ счелъ тебѣ это сообщить, дабы ты принялъ свои предосторожности на случай если Русскіе вздумаютъ туда вступить.

«Я получилъ твое письмо. Другъ твой,
«ДЮРОКЪ.»

15 Вандеміера [22 Октября 1805].

Редакторъ *Корреспондента* каждый вечеръ присылалъ ко мнѣ корректуру нумера, должествовавшего выйти на другой день, каковое уваженіе оказывалось одному только Французскому Министру. 20 Ноября я по обыкнове-

нію получилъ корректуру и не нашелъ въ ней ничего неприличнаго. Сколь велико было мое удивленіе, когда на другой день утромъ, я прочиталъ въ этомъ журналѣ статью, лично оскорбительную для Императора и въ которой законные Государи Европы были приглашаемы свергнуть *змицника*. По словамъ этой статьи *весь Сѣверъ и Югъ ополчились бы противъ дерзновеннаго* и проч. и проч. Я тотчасъ пригласилъ къ себѣ Г-на Дормана, старшаго Синдика Гамбургскаго Сената. Онъ ожидалъ уже того, что я ему скажу, и печаль изображалась на лицѣ его. Осыпавъ его жесточайшими упреками, я спросилъ у него, какимъ образомъ, послѣ того, что я говорилъ ему о грозной раздражительности Императора, онъ могъ дозволить помѣщеніе такой статьи. Я замѣтилъ ему, что въ этой сатирѣ нѣтъ ничего officialнаго, что она даже никѣмъ не подписана и что посему онъ поступилъ явно противъ изданнаго въ Августъ сего года Сенатомъ указа, которымъ запрещалось помѣщать въ журналахъ неподписанныя статьи. Я не скрывъ отъ него, сколько его снисходительность могла имѣть вредныхъ для него послѣдствій. Синдикъ Дорманъ не старался оправдываться, а разсказалъ мнѣ только, какъ было дѣло.

Я замѣтилъ Синдику, что не ужели мимичій страхъ, могъ заставить его дозволить оскорбле-

ніе могущественнѣйшаго Государя въ Европѣ, коего арміи скоро предпишутъ законы всей Германіи. Синдикъ не скрылъ отъ меня своихъ опасеній гнѣва; но изъявилъ мнѣ надежду свою, что въ тоже время примутъ въ соображеніе величайшую трудность для небольшой державы поддержать свой нейтралитетъ въ такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились и что Императоръ, конечно, будетъ имѣть въ виду, что въ случаѣ испомѣщенія этой статьи, могли бы явиться въ Гамбургъ непріятельскія войска. Г Дорманъ намекнулъ также мнѣ, что отказъ, который бы привлекъ въ городъ иноземныя войска, могъ бы имѣть очень непріятныя слѣдствія для меня, и еще болѣе повредилъ бы Сенату; я попросилъ его одинъ разъ на всегда, дабы въ дѣлахъ такого рода отлагать въ сторону мои личныя опасности; и Синдикъ, послѣ разговора, продолжавшагося болѣе двухъ часовъ, оставилъ меня еще сильнѣе безпокоящимся, чѣмъ при своемъ приходѣ, заклиная меня съ точностью представить всѣ обстоятельства, какъ они происходили.

Г. Дорманъ былъ очень честный человекъ; я ходатайствовалъ въ его пользу представляя его извиненія и всегдашнюю его готовность къ исключенію изъ *Корреспондента* всего, что могло быть оскорбительнымъ для Франціи, особенно же начало манифеста Императора Герман-

скаго къ своимъ подданнымъ, и цѣлаго воззванія Короля Шведскаго; и добрый Синдикъ отдѣлялся только страхомъ. Я даже самъ удивился успѣху моего ходатайства. Я узналъ чрезъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, что Императоръ очень разсердился прочитавъ эту статью, оскорбительную для Французской арміи и для вождя ея. Онъ мало обращалъ вниманія на свои личныя обиды, къ коимъ безпрестанныя повторенія его приучили; но мысль объ оскорбленіи его арміи, сильно его раздражала и ужасныя угрозы выходили изъ устъ его.

Достойно замѣчанія, что Шведскій и Англійскій Министры, узнавъ объ этой статьѣ, отправились къ Редактору и изъявили ему свое удивленіе о помѣщеніи оной.

Я ограничился здѣсь воспоминаніемъ о томъ, что я видѣлъ въ Гамбургѣ, и какое дѣйствіе имѣли тамъ великія событія, происходившія на Дунаѣ и въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ; я скоро буду имѣть случай говорить о самыхъ этихъ событіяхъ съ помощію офиціальныхъ документовъ, писемъ и словесныхъ показаній, собранныхъ мною объ этомъ достопамятномъ трехмѣсячномъ походѣ, коего успѣхъ былъ утверждень подъ Аустерлицемъ и коему положилъ конецъ Пресбургскій трактатъ.

Г Л А В А XXII.

Затруднительность моего положенія въ Гамбургѣ. — Чрезмѣрная работа и отвѣтственность. — Надзоръ за эмигрантами. — Иностранные Министры — Надзоръ за журналами — Пакетъ изъ Стразбурга. — Склонность Наполеона разсказывать исторіи. — Джуліо, повесть, сочиненная Наполеономъ.

Помѣщенный въ двухъ или трехъ послѣднихъ главахъ, можетъ быть, нѣсколько краткій очеркъ событій, происшедшихъ предъ Аустерлицкимъ походомъ и въ продолженіе онаго, равно какъ письма Дюрока и Бернадота, могутъ дать читателю понятіе о моемъ положеніи въ первое время пребыванія моего въ Гамбургѣ. Работа моя была чрезмѣрна, и дѣла скоплялись, съ невѣроятною быстротою. Занятія мои были иныя, но не малочисленныя тѣхъ, которыя имѣлъ я прежде, находясь при Императорѣ; а сверхъ того, на мнѣ лежала отвѣт-

ственность, которой я не имѣлъ въ званіи моемъ собственнаго Секретаря Генерала Бонапарте и Перваго Консула. И въ самомъ дѣлѣ, я долженъ былъ наблюдать за эмигрантами, вѣдь немаловажная; переписываться почти каждый день съ Министромъ Иностранныхъ дѣлъ и съ Министромъ Полиціи; совѣщаться съ находящимися въ Гамбургѣ Иностранными Министрами; поддерживать безпрестанныя сношенія съ начальниками Французской арміи; принимать допесенія моихъ агентовъ и надзирать за ними самими; наконецъ мнѣ должно было не спускать глазъ съ статей Гамбургскаго *Корреспондента*, которыя столько сердили Наполеона. Я буду еще имѣть случай обстоятельно говорить обо всѣхъ этихъ вещахъ и особенно о значительнѣйшихъ эмигрантахъ; ибо сказанное мною до сихъ поръ, можетъ нѣкоторымъ образомъ быть сочтено перечнемъ всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ вещамъ и людямъ, которые въ послѣдствіи представились глазамъ моимъ.

Посреди этой громады важныхъ занятій, я получилъ, кажется, въ концѣ Сентября пакетъ изъ Страсбурга, гдѣ тогда находилась Императрица. Этотъ пакетъ не имѣлъ обыкновенной формы дипломатическихъ депешей, и надпись показала мнѣ, что онъ присланъ изъ дома Іозефины. Думаю, что читателю, столь же какъ и

мнѣ будетъ пріятно узнать содержаніе онаго; но прежде чѣмъ я удовлетворю этому любопытству, необходимо напомнимъ здѣсь объ одной изъ особенныхъ склонностей Наполеона рассказывать повѣсти; я уже выше упоминалъ объ этомъ, и склонность сія, какъ увидятъ, не оставила его и тогда, какъ онъ сдѣлался Императоромъ.

Дѣйствительно Бонапарте, въ первый годъ по восшествіи своемъ на Императорскій престолъ имѣлъ привычку проводить вечера въ комнатахъ Императрицы, когда онъ не слишкомъ былъ обремененъ дѣлами. Бросаясь на софу, онъ охотно погружался въ мрачное молчаніе, котораго никто не дерзалъ прерывать. Иногда же, напротивъ того, онъ давалъ волю своему пылкому воображенію и склонности своей къ чудесному; или лучше сказать той потребности производить на другихъ впечатлѣніе, которая была можетъ стать, одною изъ господствовавшихъ въ немъ страстей: тогда онъ рассказывалъ повѣсти, почти всегда страннаго содержанія, и согласовавшіяся со врожденнымъ расположеніемъ ума его. Придворныя дамы присутствовали при этихъ разсказахъ Императора; и изъ нихъ-то одна прислала мнѣ въ Гамбургъ слѣдующую повѣсть, написанную ею почти такъ, какъ она слышала ее изъ устъ Наполеона. «Никогда,» писала мнѣ эта дама,

«Императоръ не казался мнѣ болѣе необыкновеннымъ. Увлеченный своимъ разсказомъ, онъ часто быстрыми шагами ходилъ по залѣ; глядя на него измѣнялся смотря по лицамъ, выводимымъ имъ на сцену; онъ съ неизвѣстнымъ искусствомъ представлялъ разные роли, и никто не имѣлъ нужды въ притворствѣ для обнаруженія страха, который онъ желалъ внушать на котораго выраженіе любилъ видѣть на лицахъ людей, его окружающихъ.»

Вотъ эта повѣсть, въ которой я ничего не перемѣнилъ, что могутъ засвидѣтельствовать особы, которыя, какъ мнѣ извѣстно, имѣютъ съ нею списки. Любопытно сравнить страстные мѣста той повѣсти со слогомъ Наполеона въ нѣкоторыхъ изъ его писемъ къ Іозефинѣ.

Д Ж У Л І О

ПОВѢСТЬ, РАЗСКАЗАННАЯ НАПОЛЕО- НОМЪ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ VI ЧАСТИ ЗАПИСОКЪ Г.
БУРІЕННА).

«Въ Римѣ появилось таинственное существо, которое приписывало себѣ даръ открывать тайны будущаго и было облечено такою непроницаемою завѣсою, что даже самый полъ его былъ предметомъ споровъ и сомнѣній. Одни, сообщая странныя предсказанія слышанныя ими изъ устъ его, описывали его имѣющимъ наружный видъ женщины, между тѣмъ какъ другіе оправдывали ощущение ими страхъ, изображая его отвратительнымъ чудовищемъ.

«Этотъ оракулъ поселился въ одномъ изъ предмѣстій Рима, въ пустомъ дворцѣ, который сусѣтріе и его призраки, достаточно охраняли отъ любопытства черни. Никто не могъ опредѣлить времени прибытія этого страннаго существа; словомъ сказать все относящееся къ нему, было окружено непроницаемою тайною. Въ Римѣ только и было разговоровъ, что о Сивиллѣ, такъ согласились называть ее: всякой горѣлъ желаніемъ вопросить ее, но не многіе имѣли довольно мужества для того чтобы преступить чрезъ порогъ ея жилища. Приближаясь къ этому страшному вертепу, большая часть любопытныхъ ощущали невольный ужасъ и приписывая

оний роковому предчувствію, они обращались въ бѣгство, какъ будто бы невидимая рука съ силою ихъ отталкивала.

«Камилло, молодой Римлянинъ благороднаго происхожденія, рѣшился посѣтить вертепъ Сивиллы и пригласилъ Джуліо, своего искренняго друга, ему туда сопутствовать. Этотъ послѣдній, будучи робкаго, нерышительнаго характера, сначала было отказался; впрочемъ не боязнь невѣдомой опасности заставляла его колебаться; но Джуліо трепеталъ при мысли видѣть поднятою таинственную завѣсу, скрывавшую отъ него будущее. Онъ однакоже уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ Камилло. Въ условленный день они отправились вмѣстѣ къ роковому дворцу; дверь открылась какъ бы сама собою; два друга вошли, неостанавливаясь; они долго блуждали по пустымъ комнатамъ, никого не встрѣчая и наконецъ очутились въ галереѣ, гдѣ увидѣли черныя занавѣсы съ сѣдущею надписью: *Если ты желаешь узнать свою судьбу, то пройди за этотъ занавѣсъ; но прежде приготвь себя молитвою.* Джуліо чувствуетъ сильное волненіе; онъ какъ бы невольно падаетъ на колѣна. Былъ ли онъ уже подѣ въліяніемъ таинственной власти? Послѣ нѣсколькихъ минутъ, молодые люди отдергиваютъ занавѣсъ, обнажаютъ свои шпаты, и входятъ въ святилище. Ихъ встрѣчаетъ женщина: она была молода, даже можетъ быть прекрасна; но наружность ея не допускаетъ ее разсматривать: хладная неподвижность смерти, странно соединенная съ движеніемъ жизни, составляетъ выраженіе лица ея. Какъ найти словъ для опредѣленія или для изображенія этихъ сверхъ естественныхъ существъ, которыя конечно обитаютъ въ такихъ странахъ, гдѣ языкъ человѣческій неизвѣстенъ? Джуліо содрогается и отираетъ взоры; Камиллъ потуляетъ глаза и Сивилла спрашиваетъ у нихъ о причинѣ ихъ посѣщенія; Ка-

милъ ей отвѣтствуетъ. Но она не слушаетъ его; всё ея вниманіе кажется устремленнымъ на Джуліо; онъ тревожится, трепещетъ, простираетъ къ нему руку, какъ бы съ тѣмъ чтобы схватить его и вдругъ отступаетъ нѣсколько шаговъ на задъ. Камилла повторяетъ ей просьбу свою объ открытіи ему его судьбы; она соглашается и Джуліо уходитъ. Послѣ краткой бесѣды, Камилла идетъ къ своему другу и находитъ его погруженнымъ въ глубокую задумчивость: «Полно,» говоритъ онъ ему улыбаясь, «ободрился; что касается до меня, то я не узналъ ничего очень страшнаго: ворожея обѣщала мнѣ, что я «женюсь на сестрѣ твоей Джуліанѣ» (этотъ бракъ дѣйствительно былъ уже условленъ) «и прибавила только «что не важное событіе замедлитъ нѣсколько союзъ «наше.»

«Джуліо прошелъ въ свою очередь за роковой занавѣсъ, а Камилла осталась въ галереѣ: вскорѣ онъ слышитъ ужасный крикъ, узнаетъ голосъ своего друга, и бросается къ нему на помощь. Джуліо былъ на коленяхъ предъ Сивиллою, которая махала жезломъ надъ его головою произнося сін страшныя слова: «Безпрѣдѣльная любовь! оскверненіе святыни! убійство!» Камилла, объятый ужасомъ, приближается къ Джуліо, который, блѣдный и неподвижный, не въ состояніи держаться на ногахъ; тщетно онъ его спрашиваетъ; онъ не можетъ получить никакого отвѣта отъ своего друга, въ помѣнательствѣ повторяющаго роковыя слова: убійство! оскверненіе святыни!» (Эти слова были произнесены Наполеономъ съ болѣзненнымъ удареніемъ).

«Камиллу наконецъ удалось привести Джуліо домой; и какъ только онъ могъ найти предлогъ его оставить, тотчасъ побѣжалъ къ вертени Сивиллы, рѣшась переговорить съ нею и принудить ее къ объясненію; но дворецъ

былъ пустъ; занавѣсъ, надпись, все исчезло; не осталось никакихъ слѣдовъ ворожен, которую съ тѣхъ поръ уже болѣе не видали.

«Прошло нѣсколько недѣль; день Камиллова брака былъ назначенъ, и Джуліо казалось успокоился. Камилль не разспрашивалъ его въ надеждѣ, что эта ужасная сцена, мало по малу изгладится изъ его памяти. Наканунѣ свадьбы Маркизь де-Козмъ, отецъ Джуліо упалъ съ лошади и, хотя онъ не больно зашибся, но этотъ случай принудилъ отложить празднованіе свадьбы. Джуліо, Джуліана и Камилль окружали постель Маркиза, горюя объ отерочкѣ ихъ счастья. Камилль пораженный внезапнымъ воспоминаніемъ вдругъ воскликнулъ: «Пророчество ворожен сбылось.» Все замѣтили, что это восклицаніе повергло Джуліо въ величайшее волненіе; съ этой минуты онъ заперся въ своей комнатѣ, и началъ избѣгать всякаго общества. Онъ не принималъ къ себѣ никого, кромѣ одного почтеннаго монаха, его воспитавшаго, съ которымъ онъ имѣлъ продолжительныя и тайныя бесѣды. Камилль не старался болѣе увидаться со своимъ другомъ, чувствуя, что его въ особенности Джуліо желалъ убѣгать.

«День, столь желанный, наконецъ наступилъ; Камилль и Джуліана соединились бракомъ. Но Джуліо не явился; онъ оставилъ отеческій, кровъ и все старанія отыскать его были тщетны. Отецъ его находился въ отчаяніи; прошло съ мѣсяць и онъ получилъ отъ него слѣдующее письмо.

«Батюшка,

«Оставьте бесполезныя поиски, рѣшимость моя непреклонна; ничто не можетъ переменить ее. Располагайте вашими богатствами. Камилль умеръ для свѣта. «Дорого стоило моему сердцу васъ оставить но я долженъ бѣжать отъ ужасной судьбы.

«Прощайте! Забудьте несчастнаго Джуліо.»

«На этомъ письмѣ не было означено, откуда оно писано; неизвѣстный человекъ, его принесшій, исчезъ: Маркизь сталъ спрашивать монаха, который одинъ могъ ему представить какую нибудь возможность открыть слѣды его убѣжавшаго сына; но просьбы и угрозы были равно безполезны; монахъ не допустилъ ни убѣдить, ни утѣшить себя: «Ему извѣстно,» отвѣчалъ онъ, намѣреніе Джуліо; онъ долго оному противился; но напелъ его столь твердо рѣшившимся что наконецъ долгомъ счесть войти въ его мысли; онъ зналъ мѣсто его убѣжища, но никакая власть на землѣ не принудить его измѣнить тайнѣ, вѣренной ему на исповѣди.

Джуліо отправился въ Неаполь, а оттуда на суднѣ въ Мессину, гдѣ онъ былъ намѣренъ вступить въ Доминиканскій монастырь, который ему хвалилъ духовникъ его. Отецъ Амвросій, настоятель этого монастыря былъ человекъ истинно пious и имѣлъ слишкомъ просвѣщенный умъ, для того чтобы воспользоваться встрѣвленнымъ воображеніемъ молодого человека и тщетно Джуліо упрямилъ его, уволить его отъ искуса; онъ никакъ на это не согласился. Джуліо былъ принужденъ подвергнуться испытанію; но рѣшимость его пребыла непоколебимою; имъ владѣло страшное суевѣріе: онъ думалъ что не иначе можетъ избѣгнуть своего жребія, какъ вступивъ въ монашеское званіе. Воспоминаніе о Сивилѣ его преслѣдовало и слова, ею ему сказанныя, безпрестанно раздавались въ ушахъ его: безпрѣдѣльная любовь! оскорбленіе святыни! убійство! — Монастырь казался ему единственнымъ убѣжищемъ, гдѣ онъ могъ укрыться отъ любви и преступленія. Несчастный! какъ будто бы стѣны, обѣты или правила монастырскія, могли исторгнуть человека отъ его жребія!

Наполеонъ произнесъ это размышленіе съ видомъ, глубочайшаго убѣжденія какъ будто бы примѣняя оное къ чему либо совсѣмъ другому а не къ герою своей повѣсти. Потомъ видя что на лицахъ слушателей выражается самое любозпытное вниманіе, онъ продолжалъ.

«Годъ искуса протекъ. Джуліо произнесъ обѣтъ; онъ вообразилъ себя счастливымъ и по крайней мѣрѣ почувствовалъ облегченіе отъ страданій, его терзавшихъ. Мысль о жертвѣ имъ принесенной, нисразу не представлялась ему для того чтобы встревожить его и поселить въ немъ грусть. По вечеромъ этого торжественнаго дня идучи въ свою келью, онъ встрѣтился съ однимъ изъ монаховъ, который, взявъ его за руку, и дружески пожавъ ее, сказалъ ему: «Братъ! это на всегда.» Слова *навсегда* поразили Джуліо. Какъ могущество одного слова надъ слабымъ умомъ чудесно! Эти слова казались въ первый разъ открыли Джуліо великость его жертвы; онъ счелъ себя какъ бы умершимъ, для котораго время уже болѣе не существовало; онъ впасть въ мрачную печаль и повидимому съ трудомъ переносить время жизни.

«Отецъ Амвросій съ состраданіемъ замѣтилъ положеніе этого молодого человѣка; видя его несчастнымъ, онъ оицуть къ нему нѣжное участіе и подумалъ что занятіе можетъ разеять его задумчивость. Джуліо былъ очень красивъ и Амвросій назначилъ его проповѣдникомъ монастыря. Слава о немъ вскорѣ распространилась, и толпы отовсюду стекались его слушать. Онъ былъ молодъ и прекрасенъ, а таинственность, его облекавшая придавала новую прелесть словамъ его. Наступало время торжественнаго большаго праздника, на которомъ долженствовали присутствовать Король Неаполитанскій

со всѣмъ дворомъ своимъ; Джуліо былъ избранъ для произнесенія похвального слова Святому Ёомъ, покровителю монастыря, и по этому случаю были сдѣланы большія приуготовленія. Наступилъ день; безчисленная толпа наполняла Церковь; Джуліо съ трудомъ чрезъ оную пробираясь, какъ вдругъ въ тѣнотѣ, капитулъ спалъ съ головы его и лице его осталось открытымъ. Въ эту минуту, онъ услышалъ восклицаніе: «Великій Боже, какъ онъ прекрасенъ!» Удивленный, встревоженный, онъ невольно обернулся и увидѣлъ женщину, которой глаза были устремлены на него съ самою проникательною выразительностію. Этого одного мгновенія было достаточно, для того чтобы возмутить существованіе ихъ обоихъ. Джуліо сказалъ рѣчь свою, и какъ только ося. бодился, тотчасъ заперся въ своей кельѣ; но онъ уже не властенъ былъ предаться обыкновеннымъ своимъ размышленіямъ. Преслѣдуемый образомъ этой незнакомки, ощущающій совсѣмъ новыя для него чувства, смущенный, встревоженный, онъ не можетъ болѣе найти спокойствія, и однакоже ему кажется, что онъ началъ существовать только съ той минуты, какъ услышалъ этотъ голосъ, коего звуки достигли до его сердца. Онъ не смѣетъ даже помыслить о будущемъ. Увы! къ чему это ему бы послужило? Судьба его невозвратима. Каждый день онъ ходитъ служить обѣдно, и каждый день замѣчаетъ на томъ же мѣстѣ женщину подъ покрываломъ; онъ узнаетъ ее, и даже не имѣетъ желать увидѣть черты ея, ибо тогда ему бы слѣдовало избѣгать ее; но онъ позволяетъ себѣ устремлять любопытные взоры на покрывало; онъ слѣдуетъ за всѣми движеніями той, на которую оно надѣто; онъ такъ сказать чувствуетъ бѣненіе ея сердца, и его сердце ему отвѣтствуетъ. Слишкомъ слабый для того, чтобы исторгнуться отъ опасно-

сти, онъ страшится разсматривать самого себя, онъ трепещетъ узрѣть истину. Вся жизнь его ограничилась нѣсколькими быстрыми мгновеніями; въ эти мгновенія онъ существуетъ; остальная часть жизни есть для него совершенное ничтожество. Онъ хочетъ бѣжать: «Если она завтра опять придетъ въ церковь,» говорилъ онъ, «то я туда уже не возвращусь.» Вооружась этою рѣшимостью онъ считаетъ себя безопаснымъ, и ему кажется, что онъ сталъ спокойнѣе. На другой день, онъ идетъ въ церковь нѣсколько ранѣе обыкновеннаго: ее тамъ не было; когда всѣ вышли, то онъ подходитъ къ мѣсту незнакомки и видитъ ея молитвенникъ; онъ схватываетъ его, открываетъ, и на первой страницѣ читаетъ имя Терезы. И такъ теперь онъ можетъ называть ее по имени, можетъ тысячекратно повторять это милое ему имя «Тереза! Тереза!» твердить онъ въ полномъ голосѣ, страшась быть услышаннымъ, хотя онъ и совершенно одинъ. Такъ какъ она болѣе не явилась, то нѣтъ опасности ходить въ церковь; но проходятъ дни, недѣли, а Терезы все нѣтъ.

«Тереза, супруга старика, любимого ею какъ отца, была счастлива исполняя свои обязанности и не подозрѣвала, что можетъ существовать другое счастье кромѣ того, которое было ея удьомъ. Она увидѣла Джулію, и миръ сердца ея разрушился. Душа Терезы была столь пламенна, что первое истинное чувство долженствовало рѣшить жребій ея жизни — она занялась страстью къ Джулію. До этой роковой минуты, мужъ ея былъ повѣреннымъ всѣхъ ея мыслей; но она никогда не говорила ему о Джулію: тайна сія была для нея тягостною и, казалось, обвиняла ее въ собственныхъ глазахъ ея. Она почувствовала, что ей предстоптъ опасность, которой должно избѣгнуть, и имѣла мужество не ходить къ

объедини. Въ надеждѣ успокоить волненіе своего сердца, она захотѣла прибѣгнуть къ исповѣди и рѣшилась для сего возвратиться въ Доминиканскую церковь. Избравъ такой часъ когда ей было извѣстно, что Джуліо запялъ, она приблизилась къ исповѣдной и на колынахъ рассказала все, что она чувствовала со дня монастырскаго праздника, удовольствіе которос она находила въ томъ чтобы видѣть Джуліо каждый день, угрызенія совѣсти, послѣдовавшія за этимъ счастіемъ и мужество, съ какимъ она его убѣгала; но она страшилась, что скоро у ней не достанетъ силъ: «Что я должна дѣлать,» воскликнула она, «сжальтесь отецъ мой надъ бѣдною грѣшницею!» Слезы ея лились ручьями. и она была въ чрезвычайномъ волненіи. Едва перестала она говорить, какъ грозный голосъ произнесъ слова: «Несчастная! какъ оскверненіе святыни!» При этихъ словахъ Джуліо, ибо ему судьба привела слышать это признаніе, бросается вопъ изъ исповѣдной. Тереза, продолжая стоять на колынахъ останавливаетъ Джуліо, хватаетъ его за платье и проситъ его взять назадъ свое проклятiе; она умоляетъ именемъ его спасенія, умоляетъ его даже именемъ любви ея. Джуліо отталкиваетъ ее, но очень слабо: «Тереза, Тереза,» воскликнуть онъ наконецъ, «оставь эти мѣста! скоро рѣшимость моя угаснетъ.» При этихъ словахъ Тереза бросается ему на шею и сжимаетъ его въ своихъ пламенныхъ объятіяхъ: «Скажи мнѣ,» восклицаетъ она . . . «ахъ! скажи мнѣ, что я любима, прежде чѣмъ я размучусь съ тобою!»

«Джуліо, уstraшенный, вѣтъ себя, страшась быть замѣченнымъ, прижимаетъ ее къ своему сердцу; но вдругъ, пораженный воспоминаніемъ о пророчествѣ, онъ клянется навсегда бѣжать отъ нея и безъ всякаго объясненія, требуетъ отъ нея тойже клятвы. Тереза, предав-

нился вся своей страсти, едва понимает слова его и соглашается на все, чего онъ требуетъ. И дѣйствительно, что ей пужды до рѣчей его; ей довольно того, что онъ ее любитъ; она увѣрена, что опять съ нимъ увидится!...

«Джуліо, одинъ, предавшись на свободу размышленіямъ, трепещетъ вспоминая о своемъ безразсудствѣ; но уже поздно уклоняться отъ опасности: онъ не могъ избѣгнуть своей судьбы. Онъ уже пожираемъ этою *безпредѣльною любовью*; *оскверненіе святыни* уже сдѣлано. Не обнаружилъ ли онъ страсть свою въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ онъ произнесъ обѣтъ святости? а однакоже онъ поклонился на вѣки убѣгать Терезы. Странное противорѣчіе человѣческаго сердца! то что долженствовало бы быть ему наказаніемъ, служить ему утѣшеніемъ: но въ этой тяжкой борьбѣ Джуліо предстонтъ на выборъ одно только бѣдствіе. Тереза менѣе устрасена: она женщина; Джуліо ее любитъ, онъ это объявилъ, она пренебрегаетъ ударами судьбы. Съ какимъ восторгомъ она воспоминаетъ быстрыя минуты, ею проведенныя; такой часъ болѣе оставляетъ воспоминаній, чѣмъ цѣлая жизнь безъ любви. Она уже даже не помнитъ обещанія своего убѣгать Джуліо; она возвращается въ церковь и опять видитъ Джуліо, который кажется, также забылъ свою клятву. Все его существованіе поглощено страстью, и когда онъ смотритъ на Терезу, то вся вселенная исчезаетъ въ глазахъ его. Они однакоже удерживались нѣмѣ между собою разговоры. Джуліо въ отсутствіи Терезы былъ терзаемъ сильными угрызеніями совѣсти; но одинъ взглядъ ея возвращалъ роковое очарованіе душѣ его; наконецъ онъ рѣшился переговорить съ нею и сказать ей на вѣки истины.

«У монастырскихъ воротъ была бѣдная женщина съ сыномъ, которые питались подаяніями Терезы; малень-

кій Карлъ часто провожалъ ее, носилъ ея молитвенникъ и молился подъ нея. Джуліо, не смѣвшій подойти самъ къ Терезѣ, поручилъ Карлу сказать ей, что отецъ Джуліо ожидаетъ ее, въ исповѣдной въ семь часовъ вечера. Какой день для Джуліо! онъ содрогается при мысли остаться съ Терезою наединѣ. Онъ страшится, что у него не достанетъ твердости для того, чтобы сказать ей прости; онъ никакъ не можетъ на это отважиться; онъ рѣшается не видать ее, а написать ей, и Карлу приказано вручить ей письмо, какъ только она войдетъ въ церковь. Тереза, при первой отъ него посылкѣ смутилась. «Чего онъ отъ меня хочетъ?» сказала она, «мы были такъ счастливы!» Однакоже, въ назначенный часъ она идетъ въ церковь. Карлъ вручаетъ ей письмо и она съ сильнымъ волненіемъ его распечатываетъ; но какое сильное отчаяніе овладѣло ею, когда она прочитала то, что Джуліо ей пишетъ:

«Были, безразсудная женщина и не приходи болѣе осквернять свѣтилю этихъ мѣстъ! изгони воспоминаніе, меня терзающее! я никогда не любилъ тебя; и не хочу болѣе тебя видѣть!» Этотъ приговоръ пронзилъ сердце Терезы; она бы могла бороться съ угрызениями своей совѣсти, но онъ не любилъ ее, онъ никогда не любилъ ее . . . ! что могло быть горче этихъ словъ! . . . Она впала въ жестокую горячку, подвергнувъ опасности жизнь ея; имя Джуліо часто блуждало на устахъ ея, но любовь хранила ее даже въ бреду; это имя не было произнесено: только иногда она тихимъ голосомъ твердила: «Я никогда не любилъ тебя!»

«Однакоже, обрѣлъ ли Джуліо спокойствіе? заглохли ли онъ упреки своей совѣсти? нѣтъ, жизнь его жалка; объявивъ Терезѣ, что онъ болѣе ее уже не любитъ, онъ совершенно предался роковой своей стра-

сти. Жертва казалась ему достаточною; столь ужасно было усиліе его написать это письмо! Ахъ! Тереза, еслибъ ты могла знать, чего оно стоило несчастному Джуліо, то твоя скорбь уменьшалась бы при мысли о его страданіяхъ. Джуліо былъ терзаемъ самымъ мучительнымъ безпокойствомъ: три мѣсяца протекли, и онъ не имѣлъ никакаго извѣстія о Терезѣ; время казалось еще сильнѣе раздражило любовь его, и онъ болѣе чѣмъ когда либо убѣгалъ отъ общества людей. Подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, онъ испросилъ себя : у отца Амвросія увольненіе отъ всѣхъ внѣшнихъ обязанностей. Онъ запирался въ своей кельѣ, а ночью блуждалъ посреди гробовъ; упоенный разстройствомъ чувствъ своихъ, не имѣя твердости, ни истребить любовь свою, ни предаться ей; въ особенности терзаемый муками жестокой неизвѣстности, которая изпуряетъ жизнь безъ воспоминаній и безъ надежды.

«Мѣсто продолжительной болѣзни Терезы заступило изнеможеніе, не менѣе возбуждавшее опасеній; она чувствовала себя умирающею, и хотѣла исполнить свои послѣднія духовныя обязанности. Мужъ ея, нѣжно ее любившій, очень видѣлъ, что какаѣ-то скрытная печаль ведетъ ее къ гробу; но онъ уважилъ ея молчаніе и не позволилъ себѣ ни одного вопроса; онъ просилъ отца Амвросія, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, навѣстить Терезу. Амвросій обѣщалъ быть; но непредвидѣнное обстоятельство воспрепятствовало ему исполнить свое обѣщаніе: онъ поручилъ Джуліо сходить вмѣсто его къ Г-ну Вивальди, мужу Терезы, для успокоенія страданій умирающей. Увы! Джуліо терзаемый самъ мрачнымъ отчаяніемъ, могъ принести ей только слезы и рыданія, а ни одного утѣшительнаго слова! Онъ хотѣлъ было отговориться, но тщетно; Амвросій настоя-

тельно требовать от него исполненія этой обязанности. И такъ Джуліо повиновался и пошелъ къ Г-ну Вивальди. Его ввели въ слабоосвѣщенную комнату, гдѣ множество плачущихъ друзей окружало постелью страждущей; когда онъ вошелъ, то изъ уваженія къ его сану, всѣ удалились и Джуліо остался одинъ съ больною.

«Джуліо, возмущенный неописаннымъ смущеніемъ пребылъ неподвижнымъ и нерѣшительнымъ. «Отецъ мой,» сказала умирающая, «есть ли на Небѣ какое либо помилованіе для грѣшницы? . . . » Едва эти слова были произнесены, какъ Джуліо бросился на колѣна предъ смертнымъ одромъ. Тереза! Тереза! воскликнулъ онъ. Кто можетъ описать что они оба ощутили? — Всякое объясненіе было бесполезно.—Они любили другъ друга; Джуліо пересказалъ ей все, что онъ для нея перенесъ, обвиняя себя въ страданіяхъ ея чрезъ него претерпѣнныхъ: «Прости, прости меня, Тереза! Джуліо твой навѣки!» Эти нѣжные слова возвратили жизнь Терезѣ; она не могла говорить; но она видѣла Джуліо, она слышала его; она пожимала ему руку; умереть такимъ образомъ казалось ей сладостнѣе жизни. Джуліо сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ; онъ желалъ бы продолжать дни ея цѣною своихъ соблаговѣстныхъ: «Ты будешь жить! несправдана! Другъ твой съ тобою! Моя Тереза, скажи хоть одно слово! не ужели я тебя ужъ не услышу?» Звукъ этого голоса казался возвратилъ силы Терезѣ: «Я люблю тебя, Джуліо, я люблю тебя,» произнесла она слабымъ голосомъ. Эти слова заключали въ себѣ такъ сказать всю жизнь ея; нужно ли ей было говорить болѣе? Минуты этого разговора быстро пролетѣли; одна только увѣренность, что они опять увидятся, могла внушить имъ мужество разстаться. Тереза выздоровѣла; Джуліо каждый день съ нею видѣлся; сладостная при-

вязанность царствовала между ними и Джулио каждый день съ нею видѣлся; сладостная привязанность царствовала между ними, и Джулио казался забывавалъ свои страхи и угрызенія совѣсти. Занятый одною только Терезою, онъ съ нѣжнѣйшимъ участіемъ слѣдовалъ за всѣми успѣхами ея выздоровленія; онъ не смѣлъ огорчить ее, чувствуя что жизнь ея отъ него зависѣла и считая этотъ предлогъ не иначе какъ обязанностию.

«Однакожь два года уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Римъ; въ день роковаго предсказанія, онъ впасть въ мрачную задумчивость. Тереза хотѣла узнать причину его печали;—она никогда его не разспрашивала; но теперь, рѣшась раздѣлить его огорченія, она желала узнать, отъ чего онъя пронеходялъ. Джулио разсказалъ ей о свиданіи своемъ съ Сивиллою и о бѣгствѣ своемъ изъ родительскаго дома; въ продолженіе этого разсказа всѣ страшныя его воспоминанія пробудились и онъ съ ужасомъ воскликнулъ: «Безпредѣльная любовь! Оскорбленіе святыни! Убіиство!»

«Волненіе Терезы было чрезвычайно; но слова *безпредѣльная любовь* налагали роковое очарованіе на ея сердце и воображеніе; когдаже Джулио повторялъ: «Оскверненіе святыни! убійство!» то она тихо отвѣтствовала: «Безпредѣльная любовь!» думая этимъ утинить волненіе ума своего; ибо для нея, любовь была все. Иногда Джулио увлеченный силою своей страсти, устремлялъ на нея пламенный взглядъ, съ коимъ она не смѣла встрѣчаться; она чувствовала что сердце ея бѣтсѣя, все тѣло трепещеть и опасное молчаніе слѣдовало за этимъ бурнымъ волненіемъ. Однакоже они были счастливы, ибо не были еще виновны. Джулио долженъ былъ на нѣсколько времени отлучиться для исполненія даннаго ему отцемъ Амвросіемъ важнаго поруче-

нія; онъ не имѣлъ твердости лично проститься съ Терезою; онъ написалъ къ ней, обѣщая скоро возвратиться. Но, задержанный разными препятствіями, онъ пробылъ болѣе мѣсяца въ Мессинѣ. По возвращеніи своемъ, онъ тотчасъ побѣжалъ къ Терезѣ, которую засталъ одну на терасѣ, близъ берега моря, погруженную въ размышленія о любви ея. Никогда еще она не казалась ему столь прекрасною, столь изысканною; онъ нѣсколько минутъ съ восторгомъ ее разсматривалъ, но не могъ долѣе противиться счастію говорить съ нею, услышать ея голосъ; онъ кинулся къ ней, она затрепетала, увидѣла его, и бросилась въ его объятія. Упоенный любовью Джуліо пламенно отзывался ея ласкамъ; но вдругъ онъ отталкиваетъ ее отъ себя съ ужасомъ падаетъ на колѣна и, сложивъ руки, устремивъ неподвижно глаза, содрогается всѣмъ тѣломъ. Смертельная его блѣдность, и странное выраженіе его взоровъ усилили ужасъ этой сцены для Терезы. Она не смѣла подойти къ нему и въ первый еще разъ была не въ состояніи раздѣлить его волненіе. «Тереза,» говоритъ онъ наконецъ угрюмымъ голосомъ, «мы должны разстаться! ты еще не знаешь какой опасности ты подвергаешься.» Тереза едва слышитъ его, но она видитъ его волненіе и старается его успокоить; — онъ опять ее отталкиваетъ. «Ради Бога,» восклицаетъ онъ, «не приближайся ко мнѣ.» Она съ трепетомъ останавливается; она узнала любовь только по одной ея нежности, и не могла постигнуть ея неистовства. Джуліо, выведенный изъ терпѣнія ея молчаніемъ, вдругъ вскакиваетъ: «Завтра, говоритъ онъ, судьба моя рѣшится; послѣ чего возможно уходить не давъ Терезѣ времени отвѣчать ему.»

Императоръ съ необычайною пылкостью произнесъ разговоръ этой сцены. Напрасно говорили, будто бы онъ бралъ уроки у Гаммы: онъ бы самъ могъ давать ему оныя.

«На другой день Тереза получила слѣдующую записку:

«Тереза, я не могу больше васъ видѣть; я съ вами несчастливъ; я знаю что вы не можете понять того, что я чувствую. Тереза, ты должна отдаться мнѣ, по должно чтобы это было совершенно по твоей собственной волѣ. Никогда я не буду имѣть духу употребить во зло твою слабость. Вчера ты видѣла; я вырвался изъ твоихъ объятій, ибо ты не сказала: я хочу быть твоєю. Однакожь подумай хорошенько. Мы губимъ себя на вѣки. О Тереза! вѣчная гибель! какъ эти слова страшны! даже въ твоихъ объятіяхъ, онъ будетъ возмущать мое блаженство. Для насъ, нѣтъ больше спокойствія; самая смерть, единственное наше приближеніе, не можетъ ни къ чему послужить намъ! завтра, если ты хочешь меня увидѣть (а ты знаешь какою цѣною) завтра, говорю я тебѣ, пришли Карла въ церковь. Если онъ принесетъ твой молитвенникъ Тереза, это будетъ значить, что ты отказываешься отъ Джуліо; но если онъ придетъ безъ этой книги, тогда ты моя на вѣки. На вѣки! это слово вѣчности; какъ смѣть произнести его! прощай.»

«Тереза, тихая и робкая, была поражена ужасомъ при чтеніи этого письма: слова *вѣчная гибель*, казались ей ужаснымъ проклятіемъ. «Джуліо,» воскликнула она, «мы были такъ счастливы! для чего наше блаженство тебя не удовлетворяетъ?» Она не знала, на что рѣшиться, не видать его болѣе, казалось ей невозможнымъ, «а

«между тѣмъ,» говорила она, «угрызения совѣсти вѣчно будутъ его преслѣдовать. О, Джуліо! ты ввѣрилъ мнѣ судьбу свою, я должна пожертвовать собою для того, чтобы спасти тебя.» Она поручила Карлу отнести въ церковь книгу, и онъ положилъ ее на стулъ, который Тереза обыкновенно занимала.

«Что касается до Джуліо, то усиленіе страсти, усиленіе угрызений совѣсти, сдѣлались ему необходимыми; однакоже не смотря на жестокость своей страсти, онъ не могъ рѣшиться обладать Терезою безъ добровольнаго съ нея на то согласія. Жестокій по слабости, онъ хотѣлъ тѣмъ сложить на нея всю отвѣтственность преступленія. Церковь давно опустѣла; Джуліо ждалъ Карла; онъ видитъ его приближающагося къ стулу Терезы и кладущаго на него книгу. Не владея болѣе собою, онъ бросается туда, хватаетъ книгу, отдаетъ ее Карлу и велитъ отнести ее обратно къ госпожѣ своей. Онъ долго остается неподвижнымъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ ожидалъ приговора судьбы своей и Терезы. Наконецъ вышелъ изъ смятенія, въ которое повергло его разстройство мыслей: »Я увижу ее,» сказалъ онъ самъ себѣ.

«Карлъ возвратился къ Терезѣ, и отдалъ ей обратно ея книгу, сказавъ что отецъ Джуліо посылаетъ ей новую. Какъ сильно было волненіе Терезы! она знала, что Джуліо придетъ къ ней и должна ждать его на ту самую террасу гдѣ они видѣлись въ послѣдній разъ. Наконецъ онъ явился, но угрюмый, мрачный и съ трудомъ держащійся на ногахъ. Тереза прочла въ душѣ его; она содрогалась при мысли объ этомъ свиданіи; она имѣла мужество отказать въ немъ; но увидя милаго сердцу въ столь жалкомъ положеніи, она обрѣла твердость только

для того, чтобы его успокоить; забывъ свой трепетъ и робость, она подошла къ нему «Джуліо,» сказала она, «я твоя!»

.
.

Тутъ былъ сдѣланъ родъ пропуска, который невозможно изобразить на бумагѣ иначе какъ точками: Наполеонъ воспользовался этимъ промежуткомъ для того, чтобы собраться съ духомъ предъ роковою развязкою драмы, и потомъ продолжалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Джуліо, терзаемый угрызеніями совѣсти, сдѣлался мраченъ и свирѣпъ даже съ Терезою; пѣкшіяся ласки не въ состояніи были развеселить и смягчить его. Однакоже любовь Терезы возрасла послѣ сдѣланнаго ею пожертвованія; она втайнѣ вздыхала о перемѣнѣ, замѣченной ею въ Джуліо, но не смѣла жаловаться, страшилась тѣмъ огорчить его; она все еще ласкала себя надеждою сдѣлать его столь счастливымъ, что онъ позабудетъ все кромѣ ее. Джуліо, не только не отвѣщая на любовь ея, обвинялъ ее въ своихъ несчастіяхъ. «Ты меня соблазнила, ты меня погубила!» говорилъ онъ «безъ тебя душа моя была бы еще чиста.»

Посѣщенія его стали рѣже, и на концѣ совѣтъ прекратились. Тереза спрашивала о немъ, постоянно ходила въ церковь, каждый день къ нему писала. Писма его были возвращаемы ей нераспечатанныя, и Джуліо не выходилъ болѣе изъ своей кельи. Но Терезѣ необходимо было переговорить съ нимъ дабы открыть ему новую тайну; увы, тайну матери! Что съ нею будетъ

если онъ ее покинетъ? Она узнаетъ, что въ слѣдующее Воскресенье Джуліо долженъ служить обѣдно, и чувствуетъ что не должно пропускать этого случая: болѣе чѣмъ жизнь ея, отъ этого зависить; эта мысль вооружаетъ ее силою и мужествомъ. Важный замыселъ занимаетъ ее и озабочиваетъ; два дня, предшествующіе тому, въ который она должна увидѣть Джуліо, употреблены на приготовленіе всего къ бѣгству, на которое она рѣшилась. Положеніе монастыря, лежащаго на берегу моря, облегчить исполненіе ея намѣренія: что касается до мѣста, куда они направятъ путь свой, то она ни минуты о томъ не думала; Джуліо рѣшить это, какъ ему будетъ угодно; ибо кромѣ какъ къ Джуліо, Тереза ко всему сдѣлалась равнодушною.

Нанявъ небольшую лодку, она устроила все съ такою тайною и осторожностью, что никто даже не подозрѣвалъ ея намѣренія; самое смущеніе ея избавляло ее отъ мучительныхъ мыслей о препятствіяхъ, долженствовавшихъ ей встрѣтиться. День, столь нетерпѣливо ожидаемый, наконецъ наступилъ, и Тереза, подъ длиннымъ чернымъ покрываломъ помѣстилась близъ алтаря. Джуліо не могъ ее замѣтить, между тѣмъ какъ она наблюдала за всѣми его движеніями, и когда молившіеся разошлись, то она стала за колонною, мимо которой ему непременно слѣдовало проходить при возвращеніи въ монастырь. Видя его приближающагося, она замѣтила, что онъ болѣе чѣмъ когда либо терзаемъ горестію, руки его были сложены на груди, голова поникла; онъ шелъ какъ осужденный преступникъ. Терезу сильно тронуло его отчаяніе; она отдала бы собственную жизнь свою за его спокойствіе; но она ужъ не властна была колебаться; невинное существо, которому она вскорѣ должен-

ствовала дать жизнь, требовало у нея отца. Она является предъ Джуліо: «Остановись Джуліо,» восклицает она; «я должна говорить съ тобою; ты долженъ меня выслушать! Я не оставлю тебя до тѣхъ поръ, пока ты не дашь мнѣ ключа отъ сада твоего монастыря. . . . Я *должна* имѣть его. О! Джуліо; уже не моя одна жизнь зависить отъ тебя!»— При этихъ словахъ, Джуліо показалось что онъ пробудился отъ ужаснаго сна: «Не-счастливая,» воскликнулъ онъ, «что ты говоришь? Удались, *бѣги* отъ этихъ мѣстъ!» Но Тереза, бросаясь къ ногамъ его, клянется, что она не отстанетъ отъ него, пока онъ не исполнитъ ея просьбы. Въ успія Джуліо отъ нея вырваться, тщетны; сверхъестественная сила какъ будто одушевляетъ Терезу. «Поклянись мнѣ,» говоритъ она, «что въ полночь мы увидимся.» Между тѣмъ какъ она убѣдительно его упрощиваетъ Джуліо слышитъ шумъ и отдастъ ей ключъ. «Въ полночь,» говоритъ онъ, и они расстаются. Въ полночь Тереза пришла въ садъ; ночь была темна; она не смѣетъ кликнуть, страшась быть открытою, но вскорѣ слышитъ приближающіеся къ ней шаги: это Джуліо. «Чего ты отъ меня хочешь?» спрашиваетъ онъ, «говори, минуты дороги! Перестань, *заклинаю* тебя, преслѣдовать злополучнаго, который никогда не будетъ въ состояніи сдѣлать тебя счастливою. Тереза, я люблю тебя! безъ тебя жизнь есть тяжкое бремя, а съ тобою угрызенія совѣсти такъ мучительны, что превъзнаютъ мои силы; они отравляютъ самыя *пріятныя* для меня минуты. Ты видѣла мое отчаяніе. Сколько разъ я обвинялъ тебя! Прости, прости, моя возлюбленная! справедливость требуетъ чтобы я самъ себя наказалъ. Я отрекся отъ тебя; эта жертва искупляетъ мое преступленіе.» Онъ пересталъ говорить удручаемый своею горестію. Тереза старается его утѣ-

нить и представить ему будущность, болѣе счастливую. «Джуліо,» говорить она, «еслибъ это было только для меня одной, то я не посмѣла бы прійти сюда къ тебѣ. Также какъ и ты, я не устрашилась бы смерти; но залогъ нашей любви требуетъ чтобы мы жили: такъ пойдемъ Джуліо уѣдемъ! все готово къ нашему бѣгству.» Джуліо, въ ужасномъ воишеніи, позволяетъ ей вести себя; еще нѣсколько минутъ, и они на вѣки будутъ соединены. Но вдругъ онъ вырывается изъ объятій Терезы. «Нѣтъ,» восклицаетъ онъ, «никогда!» и воззастъ ей кинжалъ въ сердце.»

Произнося эти слова, Бонапарте подошелъ къ Императрицѣ, сдѣлавъ движеніе, какъ будто бы онъ выдергиваетъ кинжалъ: обманъ былъ такъ силенъ, что придворныя съ дамы бросились между нимъ и его женою съ воплемъ ужаса. Бонапарте, какъ совершенный актеръ, продолжалъ свой рассказъ, не смутившись и какъ будто не замѣчая впечатлѣнія имъ произведеннаго.

«Она падаетъ, и Джуліо обагрентъ ея кровію. Онъ стоитъ неподвижно, устремивъ на нее дикіе взоры Начинаю разсвѣтать, и монастырскій колоколъ зазвонилъ къ утренней молитвѣ. Джуліо поднялъ безжизненное тѣло той, которая его столь нѣжно любила и бросила его въ море. Потомъ, поспѣшнымъ шагомъ и вѣвъ себя, онъ вошелъ въ церковь; обагренная кровью его одежда, кинжалъ, который онъ держалъ еще въ рукѣ,—все его обличію. Его тотчасъ схватили безъ всякаго со стороны его сопротивленія. Джуліо исчезъ на вѣки!»

Императрица убѣждала Наполеона прибавить какія нибудь подробности о жребіи Джуліо: но Императоръ кратко отвѣчалъ ей:

«Монастырскія тайны непроницаемы!»

Примѣаніе. Исторія Джуліо невыдуманна. Предъ Революціею подобное происшествіе точно случилось въ одномъ Липскомъ монастырѣ; документы, въ конхъ оно было описано, какъ-то попали въ руки Наполеону и доставили ему содержаніе повѣсти его Джуліо.

Сколько разъ я слышалъ его рассказывающаго такого рода исторіи; онъ обыкновенно дѣлалъ это въ слабо освѣщенной комнатѣ, чтобы произвести болѣе впечатлѣнія. Предавшись такому образцу пылкости своего воображенія, онъ такъ увлекался рассказомъ, что все окружающее его какъ бы совершенно исчезало. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было прочесть исторію Джуліо, что мнѣ легко было представить себѣ звуки его голоса, выразительное его произношеніе, могущество его взгляда и тѣлодвиженій, съ конми онъ рассказывалъ сочиняемыя имъ повѣсти. Могу увѣрить, что здѣсь примѣаніе, чѣмъ гдѣ либо, примѣаніе изреченіе Эхшна: Что же было бы, еслибъ вы сами его слышали?»

ИСТОРИЧЕСКІЯ

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Приложенія къ этой части ограничиваются только двумя: Рѣчью Камбасереса къ бывшему его товарищу въ Консульствѣ, произнесенною по случаю предоставленія Сенатомъ Наполеону титула Императора, и словомъ Президента Сената Франсуа-де-Нешато, сказаннымъ Императору наканунѣ его коронаціи. Эти два документа показались намъ важными, потому что они непосредственно относятся къ правамъ того времени и потому что въ текстѣ сихъ Записокъ приведены отвѣты на оныя Императора, а поэтому намъ показалось приличнымъ помѣстить ихъ для соображенія съ этими отвѣтами. Рѣчь Франсуа-де-Нешато, тѣмъ болѣе кажется намъ заслуживающею вниманія, что она вкратцѣ представляетъ блистательную, хотя нѣсколько и лъстивую картину великихъ событій, ознаменовавшихъ уже въ эту эпоху поприще Наполеона.

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ КАМБАСЕ- РЕСОМЪ 19 Мая 1804.

ГОСУДАРЬ,

«Указъ, изданный Сенатомъ, и который онъ спынить представитъ Вашему Императорскому Величеству, есть только подлинное выраженіе воли, обнаруженной уже націею.

«Указъ сей, предоставляющій вамъ новый титулъ и утверждающій послѣ васъ наслѣдіе онымъ вашему роду, ничего не прибавляетъ къ славъ и къ правамъ вашимъ.

«Любовь и признательность Французскаго народа, чстыре года уже какъ вручила Вашему Величеству бразды правленія; и Государственныя учрежденія полагались уже на васъ, касательно выбора наслѣдника.

«И такъ, важное наименованіе, вамъ предоставляемое, есть только дань, которую нація платитъ своему собственному достоинству и ощущаемой ею потребности каждый день представлять вамъ доказательства уваженія и привязанности, которыя съ каждымъ днемъ возрастають.

«И можетъ ли Французскій народъ найти предѣлы своей признательности, тогда какъ вы сами не полагаете оныхъ въ вашей объ немъ заботливости и попеченіяхъ?

«Можетъ ли онъ, сохраняя воспоминаніе о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ имъ тогда, какъ онъ былъ предоставленъ самому себѣ, помышлять безъ восторга о счастіи, конмъ онъ наслаждается съ тѣхъ поръ какъ Провидѣніе, 'инушило ему броситься въ вални объятія.

«Арміи были побѣждены; финансы въ безпорядкѣ; общественный кредитъ уничтоженъ; партіи оспаривали другъ у друга остатки нашего древняго величія; понятія о вѣрѣ, и даже о нравственности, затмилась; привычка давать и отнимать власть лишила сановниковъ уваженія и даже сдѣлала ненавистною всякаго рода власть.

«Ваше Величество явились: вы призвали вновь побѣду къ нашимъ знаменамъ; вы возстановили правила и бережливость къ общественныхъ расходахъ; успокоенное Государство воспріимло

доверенности къ своимъ собственнымъ способамъ; ваша мудрость укротила буйство партій; вѣра узрѣла восстановленными алтари свои; понятія о добрѣ и злѣ пробудились въ душѣ гражданъ, когда они увидѣли что преступленіе наказывается а добродѣтели награждаются почетными отличіями.

«Наконецъ и это, безъ сомнѣнія, величайшее изъ чудесъ, произведенныхъ вашимъ геніемъ,— этотъ народъ, котораго гражданское броженіе сдѣлало истеричнымъ никакого принужденія, врагомъ всякой власти — доведенъ вами до того, что онъ сталъ любить и чтить власть, дѣйствующую только для его славы и спокойствія.

«Французскій народъ не имѣетъ притязанія сдѣлаться судьею Конституціи другихъ Государствъ.

«Ему не для чего порицать другихъ; не для чего слѣдовать чужимъ примѣрамъ: собственная опытность будетъ впредь ему урокомъ.

«Въ продолженіе столѣтій вкушать онъ выгоды, доставляемыя наследственною властью; онъ перенесъ краткое, но тяжкое испытаніе противной оной системы; онъ вновь вступаетъ дѣйствіемъ свободнаго и обдуманнаго разсужденія на стезю, сообразную съ его геніемъ.

«Онъ свободно пользуется своими правами, дабы вручить Вашему Императорскому Величеству власть, которую собственныя выгоды запрещаютъ ему употреблять для себя.

«Онъ учреждаетъ сіе для будущихъ поколѣній, и чрезъ торжественное условіе ввѣряетъ счастье своихъ потомковъ отрясламъ вашего рода.

«Послѣдніе будутъ подражать вашимъ добродѣтелямъ; первые будутъ наследовать нашу любовь и нашу вѣрность.

«Счастливы народъ, который послѣ столькихъ смутъ и недоумѣній, находитъ въ лонѣ своемъ чловѣка, достойнаго умирить бурю страстей, согласить всѣ выгоды и совокупить всѣ желанія.

«Счастливы Государь, получившій власть свою отъ воли, отъ доверенности и отъ любви гражданъ.

«Такъ какъ по правиламъ нашей Конституціи, чему были уже неоднократные примѣры, учрежденіе наследственнаго правленія представляется на утвержденіе народа, то Сенатъ долженъ

счесть просить Ваше Императорское Величество соблагovolить дабы органическія распоряженія немедленно воспріяли свое исполненіе; и для славы, равно какъ для счастія Республики, онъ теперь же провозглашаетъ Наполеона Императоромъ Французамъ.»

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ФРАНСУА- ДЕ-ПЕПЛАТО. 1 Декабря 1804.

«ГОСУДАРЬ,

«Первая принадлежность верховной власти народовъ, есть право избранія, въ особенности примѣненное къ основнымъ законамъ. Оно то составляетъ истинныхъ гражданъ. Никогда, ни у какого народа право сіе не было болѣе свободно, болѣе независимо, болѣе законно употребляемо, какъ у насъ со счастливаго дня 18 Брюмера. Первое опредѣленіе народа вручило вамъ на десять лѣтъ бразды Государства. Вторымъ сіе опредѣленіемъ они предоставлены вамъ на жизнь. Наконецъ въ третій разъ, народъ Французскій изъявилъ свою волю. Три миліона пятьсотъ тысячъ чловѣкъ, разстѣянные на огромномъ пространствѣ земли, одновременно подали голоса свои въ пользу предоставленія наследственной Имперіи, Августѣйшему Дому Вашего Величества. Голоса сіи заключаются въ 60,000 подписанныхъ листахъ, которые были тщательно сочтены и повѣрены. Нѣтъ никакого сомнѣнія, ни о числѣ подавшихъ голоса, ни о нравѣ всякаго подаваемаго, ни о послѣдствіяхъ сего всеобщаго избранія. И такъ Сенатъ и народъ Французскій единогласно подтверждаютъ, чтобы кровь Бонапарте была отнынѣ во Франціи Императорскою кровью, и чтобы новый тронъ воздвигнутый для Наполеона и имъ прославленный, не преставаъ быть занимаемымъ потомками Вашего Величества, или потомками Принцевъ, вашихъ братьевъ.

«Это послѣднее доказательство довѣрія народа и справедлив-

вой его признательности долженствует быть лестно для сердца В. И. В. Мужу, посвятившему себя подобно вамъ, благу себѣ подобныѣхъ пріятно узнать, что одного имени его достаточно для соединенія столь великаго числа людей. Государь, гласъ народа есть тутъ истинно гласъ Божій. Для поднесенія вамъ новаго титула, Сенатъ опредѣлить явиться въ полномъ своемъ составѣ предъ Ваше Императорское Величество. Онъ изъявляетъ радость, имъ владѣющую, приносить вамъ искреннюю дань своихъ поздравленій, своего почтенія, своей любви и радуется предмету своего почтунка, ибо онымъ довершается, то чего онъ ожидалъ отъ вашей прозорливости для успокоенія опасеній всѣхъ добрыхъ Французовъ и для введенія въ гавань корабля Республики.

«Такъ Государь, Республики! Здѣсь это названіе на своемъ мѣстѣ предъ тѣмъ, кого гений доставилъ намъ наслажденіе самою вещью въ томъ смыслѣ, въ которомъ вещь сія можетъ существовать у великаго народа: вы не только распространили предѣлы Республики, вы сдѣлали болѣе: вы утвердили ее на прочныхъ основаніяхъ. Благодаря ИМПЕРАТОРУ ФРАНЦУЗОВЪ, представилась возможность ввести въ правленіе одного лица, охранительныя правила выгодъ всѣхъ и вмѣстѣ въ Республикѣ силу Монархіи. Это усовершенствованіе въ искусствѣ управленія есть шагъ, дѣлаемый нынѣ Наполеономъ въ общественной наукѣ. Онъ положилъ основаніе представительства; онъ не ограничился его настоящимъ существованіемъ; онъ вложилъ въ него зародыши его будущаго совершенства. То, чего недостаетъ при первомъ его образованіи, долженствуетъ возникнуть отъ самаго хода онаго. Это честь настоящаго столѣтія; это надежда и образецъ будущихъ вѣковъ.

«Государь, между величайшими мужами, коими земля славится, первая степень предоставлена основателямъ Государствъ. Разрушители оныхъ имѣютъ только роковую славу, и служатъ повсюду предметами позора; хвала и честь тѣмъ, которые ихъ возстановляютъ! они не только создаютъ государства, но обеспечиваютъ ихъ существованіе законами, которые дѣлаются насладіе будущаго. Мы обязаны симъ сокровищемъ Вашему Императорскому Величеству, и Франція измѣрлетъ великостью сего благодѣянія, изъявленія признательности, представляемая вамъ блистательнымъ Сенатомъ отъ ея имени.

«Еслибъ чистая Республика была возможна во Франціи, то мы не сомнѣваемся, что вы бы захотѣли имѣть честь учредить оную; и въ семъ послѣднемъ случаѣ намъ непростительно было бы не предложить оную мужу, довольно сильному для осуществленія оной, довольно великому лично для того чтобы имѣть нужды въ скипетръ и довольно великодушному для того чтобы пожертвовать своими выгодами пользѣ своего отечества. Еслибъ вамъ следовало для сего, подобно Ликургу, изгнать самихъ себя изъ этого отечества, вами устроеннаго, то вы бы не поколебались. Ваши глубокія размышленія неоднократно были обращаемы на эту великую задачу; но даже для вашего гения, эта задача оказалась неразрѣшимою.

«Поверхностные умы, пораженные властію, которую столько успѣховъ и славы такъ рано доставили вамъ надъ духомъ народа, могли вообразить, что въ вашей было власти дать намъ правленіе народное или Монархическое. Не было середины; никто не хотѣлъ во Франціи аристократіи; но законодатель долженъ брать людей такими, каковы они есть, и давать имъ законы, не самые лучшіе, какіе можно придумать, а подобно Солону, лучшіе изъ тѣхъ, которые можно примѣнить къ нимъ. Если рѣзецъ великаго художника, по произволу, изъбѣкаетъ изъ куска мрамора треножникъ или Бога, то нельзя сдѣлать того же надъ цѣлою націею. Государь, правда что ваша жизнь составляетъ цѣпь чудесъ: но еслибъ вы и могли преклонить свойство вещей и характеры людей до такой степени, чтобы ввести во Франціи демократію, то это чудо было бы только преходящею мечтою: еслибъ мы къ тому содѣйствовали, то мы бы сковали цѣпи для потомства.

«Огромное зеркало прошедшаго есть урокъ для будущаго. Всѣ знаменитыя въ исторіи Республики были сосредоточены, или на безплодныхъ горахъ, или въ одномъ городѣ: видъ оныхъ это правленіе во всѣ времена было отчаяніемъ и разорѣніемъ для подвластныхъ областей. Свобода однихъ не могла существовать иначе, какъ чрезъ рабство другихъ. Царственный народъ былъ только въ Римѣ, а остальная часть свѣта ни во что не считалась. Франція не заключалась въ одномъ Парижѣ. Смѣлая Дума хотѣла было захватить въ немъ мѣсто націи; но она

только доказала то, что уже знали, что худшая тиранія есть та, которая производится подъ именемъ свободы.

«Когда наши представители, стоя на развалинахъ престола, хотѣли основать Республику, но памврънія ихъ были чисты; прежде чѣмъ они были разочарованы печальнымъ опытомъ, они искренно обожали обманчивый призракъ, принимаемый ими за равенство. Мы можемъ говорить о заблужденіи, коего мы могли быть временно ослѣплены. И кто бы могъ отъ онаго предохраниться? Народный потокъ невольно увлекалъ самыхъ равнодушныхъ. Но тѣ, которые со слѣпою искренностью принимали Республику Платона, предполагая, что великій народъ можетъ преобразовать свои нравы столь же быстро, какъ онъ возоповляетъ законы, не видѣли что столбы сего мечтательнаго зданія утверждаются въ мнимомъ пространствѣ. Великодушные люди восклицали съ Цицерономъ: какое пріятное слово Свобода! они забывали, что самъ Цицеронъ тогда еще жаловался, что это было одно только слово и что Республиканскій духъ не совместенъ съ чернью Ромула. Какъ мы могли надѣяться уредить Демократію, тогда какъ для успѣха въ этомъ надобно бы собрать людей, которые всѣ равно были бы хладнокровны, бескорыстны, превыше своей природы, т. е. такихъ людей, которые не имѣли бы въ себѣ почти ничего человѣческаго? Безъ этого, Демократія всегда будетъ оканчиваться бурею партій и безначаліемъ. И, Боже Всемогущій, какіе бичи — партіи и безначаліе! Франція испытала ихъ, и воспоминаніе объ оныхъ долго будетъ приводить въ трепетъ.

«Говорятъ, что древніе Персы, для убѣжденія народа въ ужасной опасности злоупотребленія свободы употребляли весьма необычайный способъ: они прививали себѣ временно чуму политическихъ обществъ. Когда Царь ихъ умиралъ, то пять дней были проводимы въ безначаліи, безъ всякой власти и законовъ. Своеволіе не было, ни тогда обуздываемо, ни послѣ наказываемо: въ эти пять дней давалась полная воля духу мщенія, буйству и насилию; однимъ словомъ, эти пять дней была Революція. И говорятъ, что этотъ опытъ, заставлялъ народъ съ великою радостію входить опять подъ власть Государя.

Ахъ! чего стоилъ намъ бѣдственный опытъ, этихъ сатурналій

политическаго свосволія, въ продолженіе, не пяти дней, а нѣсколькихъ годовъ нашихъ внутреннихъ терзаній и раздоровъ! Какіе горькіе плоды пожали со своего восторга, тѣ которые мечтали о республиканскихъ теоріяхъ! до какой ужасной крайности были доведены тѣ, которые, убѣдясь въ заблужденіи великаго народа и между тѣмъ исполненные уваженія къ рѣшимымъ большинствомъ голосовъ, не знали какъ сдѣлать выборъ между народнымъ поступленіемъ, которое тотчасъ наказывало ихъ за первинность, и убѣжденіемъ въ общей пользѣ, которое представляло имъ въ отдаленной будущности, это возвращеніе къ правиламъ или лучше сказать это чудо, которое теперь предъ нами совершается, но котораго тогда можно было только желать, а не надѣяться! Правосудіе и истина суть дщери времени. Революція долженствовала имѣть конецъ; но какими кровавыми путями, намъ подлежало онаго достигнуть? и кто могъ предвидѣть, что эта ужасная трагедія будетъ имѣть въ наше время столь достопамятную развязку?

«Послѣ колебаній, болѣе ужасныхъ чѣмъ волненіе ярящагося моря, думали обрести вѣрное средство противъ народныхъ бунтовъ въ учрежденіи Полигархін. Власть въ рукахъ многихъ лицъ, была лучше чѣмъ совершенное отсутствіе или разсѣяніе этой власти; но невозможно было вмѣстѣ въ одно тѣло разныя души и разныя воли, подчинить управленіе двумъ противоположнымъ началамъ. Борьба этихъ началъ уничтожила бы Францію еслибъ не рѣшились опять обратиться къ власти, болѣе сосредоточенной. Это освящается на вѣки депъ 18-го Брюмера.

«Это же приводитъ и привязываетъ къ намъ, Государь, тѣхъ республиканцевъ, коихъ патріотизмъ могъ быть наиболѣе горячъ и недовѣрчивъ. Ненависть противъ престола укоренилась въ нихъ отъ усердія ихъ къ выгодамъ народа и отъ пламеннаго желанія общественнаго благодѣянія. Мысли ихъ исполнялись чрезъ ваше пражленіе: выведенные изъ заблужденій на счетъ своей химеры и возвращенные вами къ существенности, они вполнѣ удостовѣрились, что невозможно подуматъ объ учрежденіи Республики, собственно такъ называемой у народа, отверженнаго къ Монархін необходимостью, врожденнымъ чувствомъ и силою привычки, которой ничто не въ состояніи

искеренить. Такъ Государь, на этотъ счетъ, существуетъ одно только чувство. Такъ, единовластное правленіе для столь обширной страны есть тоже, что статуя Паллады была некогда для Троянъ. Похищеніе оной причиняло ихъ погибель.

«Но этого еще не довольно. Единство Имперіи есть такъ сказать, пукъ стрѣлъ, составляющихъ власть; но стрѣлы сіи скоро были бы разлучены и разсыяны, еслибъ наслѣдіе не укрѣпляло связку, ихъ соединяющую. Порядокъ наслѣдія, заранѣе опредѣленный, есть твердыйная подпора Монархическаго Правленія. Народъ почувствовалъ необходимость въ ономъ для того, чтобы не страшиться вырѣдъ междуцарствій и возмечій при врученіи верховной власти.

«Между счастливыми послѣдствіями закона о наслѣдіи, принятаго Французами, прозорливость великаго народа отличила двѣ главныя выгоды: первое, что династія, основанная свободою, пребудетъ вѣрна своему началу: нѣтъ рѣкъ, которые обращались бы вспять противъ своего источника; а сверхъ того отъ постоянной передачи сего отеческаго и вѣчнаго правительства должно надѣяться новаго утвержденія общаго кредита, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Дѣйствительно, внутри Имперіи, какого лучшаго удостовѣренія могутъ желать Государственные заимодавцы, какъ не испытаннаго правдолюбія Вашего Императорскаго Величества, безпримѣрной въ другихъ земляхъ точности въ уплатѣ недоимокъ, и обеспеченія, которое представляетъ на будущее время, постоянное и безпрерывное царствованіе Императоровъ наслѣдниковъ, какъ вашего сая, такъ и намѣреній? Какой залогъ можетъ представить казна вѣрнѣе того, который заключается въ славѣ вашего имени и въ чести вашей Имперіи? Также и вѣтъ Государства, на какомъ, болѣе прочномъ основаніи, могутъ утверждаться наши союзы? Общія выгода скрѣпляетъ всѣ связи міра сего: и какъ друзья Франціи могутъ надѣяться на нее, то и она можетъ надѣяться на нихъ; и эта прекрасная страна, возстановленная въ Европѣ опять на степенъ, съ которой низвела ее слабость, будетъ отнынѣ имѣть постоянное вліяніе на спокойствіе народовъ и на миръ твердой земли. Мы неимѣемъ другой выгоды, а вы достаточно доказали, что вы не имѣете другихъ видовъ.

Что касается до нашихъ непріятелей, если они поуморятъ

вуютъ таковыми оставаться, то ихъ досада увеличится при видѣ услуги, которую они намъ противъ воли оказали. Они устроивали лютые ковы, и мы должны были принять мѣры дабы впредь сдѣлать оныя бесполезными. И такъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, наше благополучіе есть ихъ дѣло. Но Государь, пока глаза ихъ откроются или пока наши раздраженные арміи пойдутъ наказывать ихъ за вѣроломство, наше благодѣяніе составляетъ ихъ муку. Какое зрѣлище представляетъ имъ Франція, та самая Франція, которую они хотѣли растерзать и которую они видятъ теперь соединившеюся вокругъ Августейшаго ея главы, одушевляемую однимъ духомъ, одними желаніями и спокойно торжествующею празднества, которыя возбѣщаютъ союзъ свободы, этой главной изъ дружинъ, съ великою благодѣятельною системою народовъ— съ наслѣдственною Монархіею!

«Справедливо, что правило это было уже прежде принято во Франціи; но по несчастію примѣненіе оного не было, ни твердо, ни въ точности означено. Порядокъ наслѣдія престола измѣняемый салическимъ закономъ, не былъ предписанъ законами, а составлялъ только обычай, наблюдаемый на основаніи неопредѣлительнаго преданія, никогда письменно не существовавшаго. Въмѣсто коренныхъ законовъ, предки наши оставили намъ только правила, коихъ смыслъ былъ по произволу измѣняемъ. Въ этой несовершенной и непостоянной Монархіи, по-преимуществу военной, суевѣрной и феодальной, ничто не было опредѣлено. Не существовало никакого Конституціоннаго памятника, никакого договорнаго акта, по коему національная воля издавалась бы отъ имени Государя. Сего то памятника, сего то акта желали въ 1787, 1788 и въ 1789 годахъ всѣ присутствившія мѣста и всѣ граждане. Требовали чтобы договоръ между Монархомъ и народомъ былъ признанъ и соединялъ бы народъ съ Монархомъ. Желали, чтобы сей послѣдній искренно подписалъ опредѣленіе Монархической власти. Хотѣли, чтобы глава такого обширнаго Государства какъ Франція, обѣщала при возшествіи своемъ на престолъ быть царемъ не однихъ только дворянъ или какого либо другаго сословія, а всего народа; не поддерживать похищенныхъ преимуществъ, но вѣнчался бы даровать коренныя статьи, вѣчныя основы образованныхъ обществъ.

«Свободу вършенновѣданій, первое право всѣхъ людей, ибо власть не можетъ принуждать совѣсть;

«Свободу правъ всѣхъ гражданъ,—единственную свободу, которая разумительна и возможна; уваженіе къ свободѣ политической и гражданской, непорушимое обеспечение собственности:

«Наконецъ общее направленіе его управительсва къ первоначальной цѣли всякаго правительства—къ выгодѣ къ счастью и къ славѣ народа.

«Это есть основаніе клятвы, которую В. II. В. готовитесь произнести предъ Французскимъ народомъ; это пастолия выраженія, избранныя вами въ законъ себя и своимъ преемникамъ. Смотря по обстоятельствамъ В. В. присоединяете къ тому обязательство близости цѣлостъ земель Французской Республики, которая должна оставаться нераздѣльною; приобретенія національных имуществъ, и превосходное учрежденіе вашего Почетнаго Легіона, достойной награды услугъ, оказанныхъ отечеству.

«Съ симъ и присовокупленіями эта клятва кажется написанною со словъ цѣлой націи. За эту цѣну вся нація клянется пребыть вамъ вѣрною. Эти двѣ клятвы соответствуютъ между собою и служатъ взаимнымъ другъ другу ручательствомъ: это взаимныя звѣзья неразрывнаго союза; и между столькими великими видами, отличающими на вѣки Севастскій Указъ 28 Флореаля, мысль о статьѣ присяги, Государь, довершающъ весь трудъ сей и запечатлѣваетъ оный безсмертіемъ.

«Добродѣтельный Трапизъ помышлялъ объ этомъ въ Римѣ, но далъ только примѣръ; это былъ съ его стороны только повал, высокая черта, не поставленная за правило для другихъ Императоровъ; между тѣмъ какъ В. В. вѣнчали это въ обязанность, не только тѣмъ, которые должны взойти послѣ васъ на Императорскій престолъ, но и тѣмъ, которые будутъ правителями Имперіи, въ случаѣ несовершеннолѣтія. Такимъ образомъ все предвидѣно. Сіе то искусство соединять будущее съ настоящимъ есть тайна генія.

«Давно уже Франція требовала подобнаго акта, опъ былъ испрашиваемъ краснорѣчіемъ глубокомысленнѣйшихъ писателей; признанъ необходимымъ, даже при самомъ дворѣ, мудрейшими

Министранъ; словомъ сказать призываемъ всеобщими кликами самыхъ простонародныхъ сословій.

«Народъ Французскій созрѣлъ для того, чтобы улучшить свое политическое положеніе. Увы! вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ему въ томъ, его подвергли опасности видѣть Францію раздѣленную по произволу тѣхъ, которые желали уничтожить имя ея на ландкартѣ. Она сдѣлалась жертвою волкана, который потрясалъ весь свѣтъ, но поглощалъ самъ себя.

«Дабы затворить сію пропасть нуженъ былъ болѣе чѣмъ Курцій: по глубокой мысли одного политическаго автора надобно было, чтобы великій мужъ избралъ поприщемъ своего правленія и предметомъ своей славы, развалины сего Государства, которое онъ намѣревался преобразовать и обновить. Надобно было, чтобы онъ былъ прѣвыше своихъ современниковъ, съ нхъ согласія, съ нхъ одобренія, безъ противорѣчія какъ отъ своихъ, такъ и отъ чужихъ. Въ положеніи, въ которомъ находятся нынѣшніе общества, всякой какъ прежде чувствуетъ нужду быть управляемымъ; но средства къ управленію сдѣлались болѣе трудными, потому что предметъ оного сдѣлался болѣе обширнымъ и болѣе многосложнымъ. Основать Имперію умеренную и прочную надъ тридцатію двумя миліонами людей храбрыхъ, чувствительныхъ, просвѣщенныхъ; уметь остановиться самому и употребить блистательную славу своего оружія только къ спокойному поддержанію законовъ; держать въ равновѣсіи твердою правосудною рукою чашу весовъ, изъ коихъ въ одной находятся обязанности Государя, а въ другой права народа; и сдѣлать сіе чудо въ XIX-мъ вѣкѣ, это могло быть удѣломъ одного только превосходнаго ума.

«Мы не имѣемъ въ нашихъ лѣтописяхъ ничего, могущаго быть поставленнымъ въ сравненіе. Мы можемъ по крайней мѣрѣ привести нхъ: это еще одно изъ вашихъ благодѣній; ибо В. В. возвратили Французамъ и нхъ собственную исторію, которая безъ васъ, сдѣлалась бы для нихъ чуждою.

«Мы читаемъ, что Филиппъ -- Августъ, предъ Бувиинскимъ сраженіемъ, положилъ корону свою на алтарь, и показавъ на нее своимъ войскамъ, громогласно произнесъ: «Французы, если вы «полагаете что кто либо другой болѣе заслуживаетъ носить корону, то вотъ она; наименуйте мнѣ болѣе достойнаго, и я го-

«товъ ему повиноваться. Но если вы считаете меня способнымъ «повелѣвать вами, то вы должны нынѣ защищать вашего вожда, «и ваши имущества, ваши семейства и вашу честь.» При этихъ словахъ, солдаты упали къ ногамъ его, и на коѣнкахъ просили его благословенія, за которыми послѣдовала побѣда.

«Какъ этотъ примѣръ, Государь, счастливо примѣняется къ В. II. В., не потому впрочемъ, чтобы вы имѣли нужду говорить намъ эти слова! Блостительный Сенать и Французскій народъ чрезъ меня увѣряютъ васъ, что они гордятся своимъ Императоромъ. Если они предложили вамъ корону, если они дѣлаютъ ее наследственною въ вашемъ потомствѣ, и въ потомствѣ нашихъ двухъ братьевъ, то это потому, что въ свѣтѣ не существуетъ мужа, болѣе достойнаго носить скипетръ Франціи, ни другаго семейства, болѣе любимаго Французами. Предводительство Неполеономъ, или его сыновьями, или племянниками, воспитанными его духомъ, образованными по его примѣру и произнесенными его присягою—мы, Государь, и сыновья сыновей нашихъ будемъ до послѣдняго дня нашей жизни защищать это охранительное правительство; предметъ нашей гордости и любви, ибо въ немъ мы будемъ защищать *нашего вожда, наши имущества, наши семейства и нашу честь.*

«Государь, вы приняли девизомъ для монетъ вашихъ эти слова, которыя вы оправдываете: *Богъ покровительствуетъ Франціи.* Конечно такъ! Богъ покровительствуетъ Франціи, потому что онъ создалъ васъ для нея. Отецъ отечества, именемъ сего Бога покровителя, благословите дѣтей вашихъ и, положась на ихъ вѣрность, будьте увѣрены въ томъ, что ничто не въ состояніи ни изгладить изъ ихъ умовъ, ни искорынить изъ ихъ сердецъ обязательства, налагаемаго взаимнымъ договоромъ, которой заключенъ между Французскимъ народомъ и Императорскою фамиліею.

«Но надобно дополнить все, относящееся къ этому Августейшему договору, а для исполненія сего, Сенать поручилъ мнѣ просить В. В. приказать торжественно обнародовать Сенатскій указъ 15 Брюмера, объявляющій желаніе народа о слѣдип Имперіи. Этотъ великій національный актъ, естественнымъ образомъ связанъ съ Августейшею церемоніею коронаціи и присяги В. II. В. Учрежденіе Имперіи есть блистательный фе-

помощь; но мы желаемъ, чтобы оно было прочно; а оно не можетъ таковымъ сдѣлаться иначе, какъ чрезъ порядокъ, установленный для наслѣдія престола. Безопасность великаго народа и ваша собственная, Государь, отъ того зависятъ. Посему необходимо принять всевозможныя мѣры дабы неизгладимо запечатлѣть въ умахъ мысль сію. Это чувство прежде существовало и предметъ Революціи былъ тотъ, чтобы заглушить его. Мы вновь разводимъ этотъ священный огонь на жертвенникахъ отечества, политика возжигаетъ его, вѣра его освящаетъ, а свобода ему рукоплещетъ: онъ не долженъ болѣе угаснуть.

«Дозвольте Сенату настоять касательно этой главной статьи. Этимъ то въ особенности онъ заслуживаетъ свое названіе Блюстительнаго; еслибъ онъ оказалъ одну эту услугу, то и тогдабы онъ оправдалъ и степень, занимаемую имъ въ Государствѣ, и будущіе виды, которые онъ представляетъ сореволюціо-любущимъ гражданамъ.

«Въ отсутствіи трона, Государь, все великіе характеры пристаютъ къ партіямъ; и народъ тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ болѣе знаменитыхъ онъ имѣетъ сыновъ; все то что должно было составлять его гордость, дѣлается бичемъ его. Но какъ только есть престолъ, достойно занятый, то высокія добродѣтели получаютъ свою награду; онъ стараются къ нему приблизиться; и отличія тѣмъ лестнѣе, что достоинства, болѣе существенныя, облакаются именами болѣе важными.

«Счастливы въ этомъ отношеніи члены Французскаго Сената! путь честолюбія военнаго или гражданскаго, которое не моглобы быть удовлетворено надеждою достигнуть почетнаго званія Сенаторовъ, которые первые призваны для присутствія при клятвѣ, долженствующей быть произнесеною Императоромъ предъ Французскимъ народомъ. Такъ, Государь, мы считаемъ лучшимъ днемъ нашей жизни тотъ, въ который мы будемъ первыми свидѣтелями обязательства вашего съ народомъ; и мы станемъ молить Бога дабы торжество столь великаго дня не прежде возобновилось во Франціи, какъ чрезъ отдаленнѣйшія времена и для праправнуковъ нашихъ. Ахъ! да будетъ съ торжествомъ коронованія тоже, что со столѣтними празднествами, которыя никакой Римлянинъ въ продолженіе своей жизни не могъ видѣть болѣе одного раза!

«Накопецъ, Государь, по провозглашеніи правилъ наслѣдія, слѣдуетъ отдать для храненія въ архивы наши подлинныя акты, утверждающіе Принцевъ Императорской крови. Мы требуемъ сего великаго залога и Благотворительный Сенатъ проситъ В. В. немедленно повелѣть, дабы сіи важныя акты, предоставленныя его храненію 45-ю статьею 5-й главы Конституціоннаго акта 28 Флореалъ, были представлены ему съ соблюденіемъ формъ и торжественности, долженствующихъ удостовѣрить народъ въ дѣйствительности этихъ актовъ, съ коими должно соединяться вѣчное существованіе Французской Имперіи.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ

»

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Г Л А В А I.

Слѣдствія смерти Герцога Ангискаго.—Перемена расположенія умовъ въ провинціяхъ.—Обитатели замковъ.—Мысль Наполеона о жизни въ замкахъ.—Семейство Була-дю-Коломбіе.—Унадокъ въ мѣнѣи.—Дѣйствіе, произведенное въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и въ Санктпетербургѣ смертью Герцога Ангискаго.—Замѣчательныя слова Г. Питта.—Принужденное молчаніе Вѣны и Берлина.—Печальное положеніе Королей Испанскаго и Неаполитанскаго.—Отосланные обратно знаки ордена Златаго-Руна.—Письмо Людовика XVIII.—Бонапарте и Карломанъ.—Моро сообщникъ не будучи таковымъ.—Тайна Пинсегрю, проданная однимъ изъ друзей его.—Поддѣльные ключи и ночное взятіе подъ стражу.—Коммисаръ Коменжъ.—Насиліе и сопротивленіе.—Прекрасная черта Пинсегрю.—Его бывший Адыютантъ и портретъ .

1

Г Л А В А II.

Пинсегрю воспитанникъ Бріенскій и репетиторъ Наполеона.—Сестра милосердія и Монахи.—Два Артиллерійскіе Офицера.—Видъ тюрьмы.—Я испрашиваю у Г. Реала дозволеніе видѣть Г-на Карбонне въ Сен-Пелажійской тюрьмѣ.—Цена свободы Г-на Карбонне.—Правдолюбіе Г-на Барбе-Марбуа.—Достопримѣчательное сближеніе чиселъ.—Внутренность Тампльа.—Пелвность прозванія *разбойниками*.—

Стр.

Г. Г. Полиньякъ и де Ривьеръ. — Отмѣна Присяжныхъ. — Снисходительный Сенатскій указъ. — Обвинительныя предосторожности. — Ругательная статья Г-на Монгалиара. — Всеобщее мнѣніе благопріятствуетъ Моро. — Вліяніе имени Моро. — Твердость Пиншегрю. 12

Г Л А В А III.

Пиншегрю, удушенный въ темницѣ. — Общаніе его говорить, и страхъ услышать то, что онъ скажетъ. — Намѣреніе выѣхать изъ Парижа. — Врожденное чувство въ народѣ. — Добровольныя ошибки Герцога Ровино. — Протнворчїе. — *Странный случай*. — Слова Бонапарте на островъ Св. Элены. — Ложная мысль объ общемъ мнѣніи. — Необходимая смерть. — Утайка послѣдняго допроса Пиншегрю. — Дѣйствїя Полиціи. — Удобная высадка и приготовленныя квартиры. — Разсмотрѣніе показаній о смерти Пиншегрю. — Слова, несправедливо приписанныя Реаю. — Ослабленіе заговорщиковъ. — Вопросы. — Статья Г. Монгалиара. — Невѣдѣніе Моро о замыслахъ Пиншегрю. — Г. Карбонне въ библіотекѣ Моро. — Романъ и Лажолс. 22

Г Л А В А IV.

Взятіе подъ стражу Жоржа. — Необходимость огласки. — Последнее жилище Жоржа. — Дочь овощницы въ Сен-Женевьевской улицѣ. — Узелъ Жоржа. — Содержаніе подъ стражею отдѣльно. — Лудовикъ Бонапарте смотритъ Жоржа въ Тамплъ. — Человѣколюбивыя чувства Лористона. — Замѣчаніе. — Взятіе подъ стражу остальныхъ обвиненныхъ. — Вильиёвъ и Барко. — Коменжъ и Жандармы. — Выстрѣлы изъ пистолета въ икафъ. — Вильиёвъ раненъ. — Полицейскій приказъ. — Свобода и права гражданъ. — Строгость законовъ. — Расчеты относительно Моро. — Окончаніе предварительныхъ допросовъ. — Приготовленіе къ цере-

Стр.

вѣду изъ Тамилъ. — Замѣчательная перемяна въ
Жоржѣ. — Рѣчь Жоржа товарищамъ. 54

Г Л А В А V.

Поздравительные адреса. — Тарифъ восторга. — Братья
Наполеона. — Забытые прежнія слова Перваго Кон-
сула. — Тайные переговоры съ Сенатомъ. — Офиціаль-
ное предложеніе Трибуна Кюре касательно наслѣ-
дія. — Я присутствую въ засѣданіи Трибуната. — Же-
лание Конституціоннаго Собранія. — Права Бона-
парте на признательность Франціи. — Выгоды пред-
ложеннаго правленія. — Заключеніе. — Лѣстивыя рѣчи.
— Камбасересъ въ Государственномъ Совѣтѣ. — Пре-
данныость къ Первому Консулу Ренію де Сен-Жанъ
д'Анжели и свойства сего послѣдняго. — Засѣданіе
Государственнаго Совѣта. — Ренію дѣлаетъ приступъ.
— Сильное сопротивленіе Берлье. — Возраженіе Ренію.
— Воля Наполеона о представленіи мнѣній отдѣльно. —
Семь противъ двадцати. — *Подданные и мой народъ.* 45

Г Л А В А VI.

Приниміе Императорскаго Титула. — Потребности Фран-
ціи, по мнѣнію Сената. — Камбасересъ, Бонапарте и
Франція. — Сенатъ, отголосокъ народа. — Исчрежденіе
опредѣлительный адресъ. — Огвѣтъ Перваго Консула. — Требо-
ваніе опредѣлительныхъ объясненій. — Митворный
видъ любви къ свободѣ. — Лѣстивый отзывъ. — Бона-
парте, названный въ первый разъ Государемъ, *Sire*. —
Пріятіе Имперіи и пышныя обѣщанія. — Первая
бумага, за подписью Наполеона Императора. — Боль-
шой выходъ въ Тюліери. — Бессіръ и Император-
ская Гвардія. — Слова Наполеона. — Торжественныя
провозглашенія. — Органическій указъ Сената. — Воз-
становленіе прежнихъ формъ. — Титулы Высочества,
Свѣтлости въ *Monseigneur*. — Великіе сановники Импе-

Стр.

ріи.—Первые Маршалы Имперіи.—Республиканство.
—Луціана.—Испанская Принцесса.—Ослушаніе.—
Тайный брак.—Продѣлки Іосифа.—Пseudовольствіе
Наполеона.—Луціанъ Сенаторъ.—Отысканный важный
документъ.—Цесарь, Кромвель, Монкъ и Бонапарте. 60

ГЛАВА VII.

Присяга Почетнаго Легіона.—Францискъ де Нёпато.—
Льстивыя рѣчи.—Сократъ и Фелелонъ.—Покорность,
или война.—Вліяніе Бонапарте на Припдевъ Герма-
ніи.—Указъ Великаго Герцога Баденскаго, предпи-
санный изъ Парижа.—Изгнаніе Эмигрантовъ изъ
Великаго Герцогства Баденскаго.—Козни Англіи.—
Ложныя вѣсти, распространяемыя съ примѣсью къ
мѣстнымъ обстоятельствамъ.—Главная квартира
козней.—Драке въ Мюнхенъ.—Перехваченная пере-
писка.—Заблаговременное обнародованіе оной.—За-
мысль Англіи опровергнуть Правительство Напо-
леона.—Циркулярное письмо Министра Внѣшнихъ
Сношеній къ Членамъ Дипломатическаго Корпуса.
—Списокъ Дипломатическаго Корпуса.—Великое
искусство Наполеона. 93

ГЛАВА VIII.

Гемаръ Предсѣдатель Уголовнаго Суда.—Открытіе суда
надъ Жоржемъ.—Моро и прочіе обвиненные.—Не-
обходимость осужденія.—Я вхожу однимъ изъ первыхъ
въ залу суда.—Первое присутствіе, и актъ обвиненія.
—Обвиненіе и общій разсудокъ.—Письмо Моро къ
Бонапарте.—Почетное объясненіе поведенія Моро.
—Долгъ службы и обязанность благороднаго чело-
вѣка.—Позоръ, неразлучный съ предательствомъ.—
Ожесточеніе Гемара противъ Моро.—Спокойствіе
Моро.—Иностранная кокарда.—Лажоле и Ролланъ.
—Направленіе судопроизводства для того чтобы

Стр.

обвинить Моро.—Замѣчательныя слова.—Нестыжные
единомышленники Моро.—Содержаніе и служба —
Рѣчь, сочиненная Г-мъ Гаратомъ.—Сужденіе Бона-
парте о его краснорѣчіи.—Генералъ Декурбъ и сынъ
Моро.—Трогательная сцена.—Почтеніе солдатъ. . . 106

Г Л А В А IX.

Причины, по которымъ я желаю оправданія Моро.—
Разность положеній Моро и Жоржа — Тюріо и Тю-
луа (цареубійца).—Обращикъ отвѣтовъ Жоржа —
Твердость и рѣшительность.—Отзывъ Реала о Жор-
жѣ.—Отказъ на предложеніе помилованія.—Невѣр-
ность официальныхъ объявленій.—Косте-Сен-Викторъ.
—Искаженіе судопроизводства.—Выдуманный анек-
дотъ.—Актриса и Наполеонъ.—Судьи, болѣе виновны,
чѣмъ Бонапарте. — Капитанъ Рейтъ. — Портретъ
Графа д'Артуа и Г. де Ривьеръ.—Благородныя чув-
ства, безъ страха выраженные.—Борьба великодушія
между Г-ми Полиньяками.—Трогательная сцена у
двухъ братьевъ.—Послѣднее засѣданіе.—Ночь, про-
веденная въ судѣ.—Осужденные.—Странность осужде-
нія Моро. — Изреченіе, приписанное Наполеону.—
Помилуваніе.—Казнь и мужество. 120

Г Л А В А X.

Отвѣтъ Клавье.—Смѣшное предложеніе, сдѣланное мнѣ
Корвизаромъ по приказанію Наполеона.— Г. Деме-
зонъ.—Преклошеніе судей. — Я ъду въ Тюлиери.—
Раппъ дежурный.—Дружеская встрѣча. — Веселое
расположеніе духа Императора.—Продолжительный
съ нимъ разговоръ. — Сужденіе Наполеона о дѣлѣ
Моро.—Убійцы Англіи и воспоминаніе о Г. Фоксѣ.
— Жалобы противъ Ангійскаго Правительства.—
Лакюе.—Разсказъ о взятіи подъ стражу Пиннегрю.—
Средство, указанное Первымъ Консуломъ для удосто-

вѣренія о нахожденіи его въ Парижъ.—Изображеніе Моро. — Сдѣланныя Первымъ Консуломъ попытки къ его преклоненію.—Посылка Лористона въ Тампль.—Молчаніе на счетъ Герцога Ангюискаго.—Обращеніе Наполеона опять къ Моро и къ Жоржу.—Уваженіе къ Жоржу. — Обѣщаніе простить его и принять въ службу.—Воспоминаніе о прежнихъ притѣсненіяхъ. — Аудіенція у Императрицы.—Иозефина такова же, какъ прежде.—Печаль и дурныя предчувствія.—Сказанное ей обо мнѣ Наполеономъ.—Появленія благоволенія. 157

Г Л А В А XI.

Конституція, и Сенатскій Указъ.—Выгодность положенія Императора. — Любовь Наполеона къ Франціи.—Любопытная довѣренность Фуше. — Замѣчательныя слова, сказанныя Наполеономъ Фуше на счетъ протеста Людовика XVIII.—Тайный документъ, помѣщенный по приказанію въ Монитеръ.—Письмо Бонапарте къ Ренье. — Фуше опять сдѣланъ Министромъ Полиціи.—Дурное направленіе, данное Министромъ Ренье заговору Жоржа.— Незаслуженныя похвалы Фуше.—Достоверные признаки возвращенія Бурбоновъ. — Противоположность между словами и поступками Бонапарте.—Железная корона.—Торжество 14 Іюля. — Праздники и потеря времени. — Большая церемонія въ Инвалидномъ домѣ.—Певольныя размышленія, воспоминанія 18 Брюмера и сравненіе.—Новая присяга Почетнаго Легіона, произнесенная Императоромъ. — Всеобщій восторгъ.—Отъѣздъ въ Булонь.—Я посѣщаю Иозефину.—Страсть къ парадамъ Императрицы.—Посѣщеніе мое на другой день Мальмезона.—Иозефина и Г-жа Ремюза.—Разговоръ Иозефины. 161

Г Л А В А XII.

Празднество 14 Июля.—Отъездъ въ Булонскій лагерь.—
 Всеобщее заблужденіе на счетъ замысловъ Наполеона.—Начальники лагерей.—Голландскій флотъ.—
 Лагерь Цесаря.—Раздача крестовъ Почетнаго Легіона.—
 Воспный престолъ.—Шарлатанство Наполеона.—
 Отважность двухъ Англійскихъ матросовъ.—
 Уваженіе Наполеона къ храбрости его непріятелей.—
 Страсть Наполеона къ противоположностямъ.—
 Десятилѣтнія награды и Политехническая Школа.—
 Свиданіе Императора съ Императрицею.—Первые
 переговоры съ Панаю на счетъ коронованія Наполеона.—
 Утоженія Римскому Двору.—Аррасскій Препфектъ и
 Графъ .Лудовикъ деПарбоннъ.—Незначительная пере-
 мѣна въ Министерствѣ.—Разсужденіе въ Англійскомъ
 Парламентѣ на счетъ переписки Драке.—Истина о поведе-
 ніи Англійскаго Правительства.—Золото, противопоставлен-
 ное силѣ оружія.—Нарушеніе поземельныхъ правъ и Г. Рум-
 больдъ.—Обвиненія, не заслуживающія разсмотрѣнія. . . . 182

Г Л А В А XIII.

Англія, обманутая Наполеономъ.—Выгода атаки противъ
 обороны.—Брандеры Адмирала Кейга.—Приведеніе
 въ устройство Рейнскихъ Департаментовъ.—Потѣха
 Наполеона въ Бельгію.—Адмиралы Миніесен и
 Вильнѣсъ.—Начальство данное Лористону.—Онъ не-
 ожиданно меня посвѣщаетъ.—Разговоръ объ употребле-
 ніи Наполеономъ времени.—Строгость съ постав-
 щиками.—Миліоны, отъ нихъ вытребованные.—
 Сужденіе Наполеона о Г-жѣ Сталь.—Метафизика
 чувствъ.—Искательства Г-жи Сталь.—Лѣтнія письма,
 оставленные безъ отвѣта.—Упорство умной же-
 нщины.—Удивленіе дошедшее до обожанія.—Во-
 сторгъ, превратившійся въ ненависть.—Порученіе
 48*

Каффарелли и предвидѣнный успѣхъ. — Обстоятельства вознѣствія на престолѣ Папы — Мысли Наполеона о могуществѣ церкви — Историческое сближеніе. — Папа въ Фонтенебло — Первое свиданіе Пія VII-го съ Наполеономъ. — Устраненіе церемоніи и искусное прикосненіе себѣ первенства. — Свиданіе, разсказанное Ранномъ.	199
---	-----

Г Л А В А XIV.

Почести, оказанныя Папѣ. — Комната дворца Монте-Ковелло въ павильонѣ Флоры. — Папа въ Императорской Типографіи. — Достопримѣчателное изрѣченіе Пія VII. — Молитва <i>Omni-potens</i> на сто пятидесяти языкахъ. — Дѣйствіе, произведенное въ Англіи приѣздомъ Папы въ Парижъ. — Лондонскія сатиры. — Приготовленія къ коронаціи. — Представленіе голосовъ народа касательно наслѣдія. — Созваніе Законодательнаго Корпуса. — Областные Предсѣдатели. — Анекдотъ, разсказанный по приказанію Наполеона Актеромъ Миссо — Рѣчь Сената и отвѣтъ Императора. — Историческія сближенія — Счастливое вліяніе коронаціи на Парижскую торговлю. — Регалии Наполеона и регалии Карломана. — Договоръ заключенный Питтомъ въ Стокгольмѣ. — Лошакъ Папы и Императорскій поездъ. — Иозефина, коронованная Наполеономъ. — Потаріусъ Рагидо, — <i>платиъ и шпига</i> . — Праздникъ на Марсовомъ полѣ и раздача орловъ. — Краткая рѣчь Бонапарте къ уполномоченнымъ отъ арміи. — Несдержанное обѣщаніе. — Достопримѣчателное соотвѣтствіе чиселъ. — Воззваніе Людовика XVIII къ Французамъ.	215
---	-----

Г Л А В А XV.

Стокгольмскій договоръ. — Объявленіе Испанію войны Англіи. — Мнѣніе Бонапарте о вліяніи присутствія

Стр.

Папы.—Письмо Наполеона къ Королю Ангійскому.	
—Притворный видъ желанія возстановить миръ.	
—Испанскій флотъ подъ начальствомъ Адмирала Гра-	
вини.—Мнѣніе мое о нейтральныхъ правахъ.—Адми-	
ралъ Моръ и враждебныя дѣйствія безъ объявленія	
войны.—Ложная политика Ангійскаго кабинета.—	
Письмо Лорда Мамъбери къ Министру Иностран-	
ныхъ Дѣлъ.—Отказъ Англіи вступить въ перегово-	
ры.—Праздникъ въ Люксембургъ.—Созваніе Законо-	
дательнаго Корпуса. — Краткій обзоръ 1804 года.—	
Торжественное открытіе Законодательнаго Корпуса.	
—Рѣчь Наполеона.	230

Г Л А В А XVI.

Наполеонъ и Карломанъ.—Назначеніе меня Полномоч-
нымъ Министромъ въ Гамбургъ.—Привычка сблн-
жать числа.—Иозефина объявляетъ мнѣ мое назначе-
ніе.—Я призванъ Императоромъ въ Мальмезонъ.—
Любезность Бонапарте.—Полуторачасовой разго-
воръ.—Мысли и намѣренія Наполеона касательно
Италіи—Г-жа де Брисинъ.—Желаніе Императора
увидѣть свою бывшую школу.—Просьба о дозволе-
ніи ему сопутствовать.—Огвѣтъ Императора.—На-
ставленія Наполеона для пребыванія моего въ Гам-
бургъ.—Намѣреніе возстановить Европейское обще-
ство.—Версальскіе маркизы—Надзоръ за эмигран-
тами.—Наполеонъ уполномочиваетъ меня писать
прямо къ нему.—Советъ ѣхать въ Гамбургъ.—Стар-
шій Государь въ Европѣ.—Привычка Наполеона пе-
реходить отъ одного предмета къ другому.—Пору-
ченіе Амедео Жоберту.—Угаданная тайна и просьба
о сохраненіи оной.—Я предлагаю Императору сопут-
ствовать Жоберту.—Размышленія Императора объ
этомъ предметѣ.—Порученіе, данное мнѣ Наполе-
ономъ къ Императрицѣ.—Безразсудныя издержки
Иозефины.—Г-жа де Ла Рошфуко.—Разговоръ съ

Иозефиното.—Щекозливая статья. — Жадность родных Наполеона.	241
---	-----

Г Л А В А XVII.

Наполеонъ, согласный съ Вольтеромъ.—Позднія притязанія Римскаго престола.—Папа требуетъ Анніонъ и Болонію.—Охлажденіе между Римомъ и Франціею.—Отъездъ въ Италію.—Пробываніе въ Слонимскъ.—Послѣднее свиданіе въ Туринъ Императора съ Паною.—Александрія и обширные замыслы Наполеона. — Маренское поле битвы и парадъ. — Последній Генуезскій Дождь.—Восторгъ Миланцевъ.—Бонапартъ почуетъ на постель Карла Пятаго. — Присоединеніе Генуи къ Имперіи.—Непостижимая ошибка Дневника острова Св. Эллены.—Связь Бонапартъ съ Г-жею Грассини —Первыя неудовольствія Австріи и Россіи —Справедливыя причины къ жалобамъ.—Съенное положеніе Пруссіи —Возвращеніе въ Парижъ и отъездъ въ Булонь.—Новые неосновательныя слухи касательно высадки.—Роковая развязка морской битвы.—Я приглашенъ на два дня къ Фуше.—Невѣроятная нескромность Министра.—Мнѣніе его о Бонапартѣ.—Сіесъ, Баррасъ, смерть Людовика XVI, Бурбоны и Бонапартъ.—Побудительныя причины его поведенія во многихъ обстоятельствахъ. — Осмнадцатое Брюмера и Имперія. — Жестокій отзывъ о Иозефинѣ.—Приготовленія мои къ отъезду. .	259
--	-----

Г Л А В А XVIII.

Отъездъ мой изъ Парижа. — Составъ Дипломатическаго Корпуса въ Гамбургъ — Намѣреніе Короля Шведскаго меня похитить. — Письма, писанныя ко мнѣ Герцогами Брауншвейгскимъ и Мекленбургъ-Шверинскимъ —Задержаніе курьера по приказанію Императора.—Сублингенская капитуляція. — Корысто-
--

Стр.

любиваа уступчивость Наполеона. — Приготовленія къ войнѣ. — Затруднительность моего положенія — Дѣйствія, противорѣчающія моимъ инструкціямъ. — Польза коммерческихъ извѣстій. — Подробности данныхъ мнѣ наставленій. — Надзоръ за эмигрантами и за журналами — Уничженіе Ганзейскихъ городовъ. — Прежній торговый договоръ между Франціею и Англіею. — Книжка Коцебу. — Сдѣланныя Генералу Моро предложенія о вступленіи въ Русскую службу. 282

Г Л А В Л А XIX.

Праздникъ, данный въ лагерь Короля Шведскаго. — Изображеніе Густава-Адольфа однимъ изъ его Министровъ. — Снисходительность къ Графу де ла Рокку. — Несправедливый доносъ на Г. Гаронна. — Многочисленные доносы отъ Фунис. — Четыре дуэля въ Гамбургѣ и оскорбленіе національной кокарды. — Опасное сосѣдство Альгоны. — Г. де Жимель и Прусскій Министръ. — Статья, напечатанная въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ — Жалоба моя Гамбургскому Сенату и отвѣтъ оцаго — Доносы, сдѣланные Бернадоту. — Сообщенныя мною свѣдѣнія. — Снисходительность и правосудіе Бернадота — Офіціальныя и дружескія его письма — Г. Мак-Магонъ, Ирландецъ. — Важныя свѣдѣнія о положеніи политическихъ дѣлъ, сообщенныя мнѣ Бернадотомъ. 295

Г Л А В Л А XX.

Предложеніе о союзѣ между Англіею и Россіею. — Веселая увѣренность о близкой войнѣ. — Г. Формангъ, Россійскій Повѣренный въ дѣлахъ. — Капитанъ Бретонъ, несправедливо подозрѣваемый. — Благородное поведеніе Бернадота. — Движенія Ганновской арміи. — Выходъ изъ Куксгагена. — Порученіе Дюроку въ Берлинъ. — Письмо Дюрока. — Свѣдѣнія, требуемыя Г-мъ Лаворе, Французскимъ Министромъ въ Бер-

Стр.

лишь.—Посѣдѣніе соединеніе Бернадотова корпуса съ большою арміею.—Нарушеніе земельныхъ правъ Пруссіи.—Неудовольствіе этой Директивы.—Вопросы Министра Полиціи о Шведской Помераніи.—Не- полученіе донесеній о движеніяхъ Россійскъ.—По- сылка агента для извѣдыванія за Балтикою.—Возра- стающая неурядица Россіи противъ Франціи.—Сбыв- шіеся предвидѣнія.—Высадка Шведскаго корпуса въ Стральзундъ.—Значительное пониженіе Гамбург- скаго курса на Парижъ.	507
---	-----

Г Л А В А XXI.

Истребленіе первой Австрійской арміи.—Взятіе Ульма.— Перепечатаніе газеты <i>Корреспондентъ</i> — Неудоволь- ствіе Императора за солдатскія рѣчи.—Успѣхи На- полеона.—Трафальгарское бѣдствіе — Письмо Дюрока о положеніи его при Пруескомъ Дворѣ.—Вооруже- нія Пруссіи и линія нейтралитета.—Оскорбительная статья, напечатанная въ Корреспондентъ.—Затрудне- ніе Гамбургскаго Синдика и Бургомистра.—Опасе- ніе гнѣва Наполеона — Мнѣніе объ этомъ дѣлѣ Ми- нистровъ Шведскаго и Англійскаго.	518
--	-----

Г Л А В А XXII.

Загруднительность моего положенія въ Гамбургѣ.—Чрез- мерная работа и ответственность — Надзоръ за эми- грантами.—Иностранные Министры. — Надзоръ за журналами.—Пакетъ изъ Стразбурга — Склонность Наполеона разсказывать исторіи — Джуліо, повѣсть, сочиненная Наполеономъ.	528
--	-----

П Р И Л О Ж Е Н І Я

къ

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

Рѣчь, произнесенная Камбасересомъ 19 Мая 1804. 556

Рѣчь, произнесенная Франсуа-де-Нёпато 1 Декабря 1804. 558

